ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2026, Том 6, № 10

Подписано к публикации: 20.09.2026

Главный редактор журнала

***Балута Анастасия Анатольевна**, доктор филологических наук, доцент*

Члены редакционной коллегии

***Атаев Борис Махачевич** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Богданова Ольга Владимировна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор*
***Биданюк Марзият Мугдиновна** (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук*
***Гасанова Узлипат Усмановна** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор*
***Горшунов Юрий Владимирович** (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор*
***Гумовская Галина Николаевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Дергачева Ирина Владимировна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Епифанцева Наталия Глебовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Жирова Ирина Григорьевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Закирова Елена Сергеевна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Захарова Виктория Трофимовна** (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор*
***Зумбулидзе Ия Гурамовна** (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор*
***Ибрагимова Мариза Огланова** (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент*
***Лисицкая Лариса Григорьевна** (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор*
***Лиходкина Ирина Александровна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Мазирка Ирина Олеговна** (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор*
***Маркова Елена Ивановна** (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук*
***Мощева Светлана Васильевна** (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент*
***Наджиева Флора Султан гызы** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Никитина Татьяна Геннадьевна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор*
***Окорокова Варвара Борисовна** (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор*
***Павлова Елена Касимовна** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент*
***Павлова Ольга Александровна** (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент*
***Рзаев Фикрет Чингиз оглу** (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор*
***Рогалёва Елена Ивановна** (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент*
***Степанова Надежда Сергеевна** (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент*
***Султанбаева Хадиса Валиевна** (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент*
***Толкачев Сергей Петрович** (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор*
***Цветова Наталья Сергеевна** (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025 г., Elibrary.ru.
Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2782-5329 (online)

E-mail: info@vfn-journal.ru
Сайт: https://vfn-journal.ru

© Вестник филологических наук, 2026

Содержание

Авдеева Г.А., Пятыгина Е.Д.
Лексико-стилистические особенности художественно-документальных очерков о Екатеринбурге: на материале произведений А. Иванова «Ёбург» и А. Матвеевой «Горожане» 6-13

Власова Е.Е., Демьянова Ж.В.
Вербализация мимики и жестов в русском и английском языках (на материале художественного текста) 14-19

Гусейнова М.М.
Место и роль сложноподчиненных предложений с одним придаточным определительным в немецком языке 20-23

Ильченко А.В.
Алгоритмическая медиатизация корпоративной репутации: влияние поисквой выдачи, агрегаторов и рекомендательных платформ на восприятие компании 24-28

Каргина А.П.
От «жердины» до «карбасины»: материальная культура и традиционный уклад камчадалов через призму названий палок 29-39

Хидирова Г.А., Курбанова П.Г.
Характер семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ английского и русского языков 40-44

Лапатин В.А., Малыкина К.В.
«От одной жены к другой ушел муж»: к вопросу о границах манипулятивного воздействия таблоидов в цифровую эпоху 45-52

Ловков М.А.
Трансформация Российской кинодокументалистики в контексте цифровых медиакоммуникаций: от монолога к микронарративу 53-63

Мельникова А.М.
Языковые способы отражения функциональных особенностей речевого портрета героев-наставников в английском художественном тексте фэнтези (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф») 64-73

Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Черкашина А.А., Даурова А.Б.
Когнитивно-семантические особенности функционирования лексической единицы «американский студент» в современном английском языке 74-80

Рождественская С.В.
Паремия как культурный маркер в формировании национально-специфических моделей политической аргументации (на примерах речи Российских политиков) 81-88

Семенова М.Ю.
Морфологическая гибридизация в испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США 89-96

Усмонова М.Н.
Сравнительный анализ тематических групп формул таджикского и английского этикета 97-101

Хакимова И.Ф.
Имена собственные в процессе контаминации в английском языке 102-106

Клиценко М.В., Хованова Е.В.
Восприятие виртуальных и реальных ведущих новостей студенческой аудиторией: оценка методом семантического дифференциала 107-112

Абрамова Е.К.
Синтаксические особенности французских протестных лозунгов 113-119

Саламова Н.А., Алескерова Н.Г.
Метонимическое переосмысление глагольных соматических ФЕ английского и русского языков 120-123

Алшаар М.М.
Прагматические функции английского языка как lingua franca в сирийской деловой переписке (2010-2020) 124-128

Болдина К.А.
Патриотический потенциал мультимедийного спецпроекта: тематические кластеры и мультимедийный репертуар 129-141

Полякова Е.В., Дебердеева Е.Е., Войченко В.М.
Функциональная нагрузка идиоматических неологизмов в дискурсе 142-150

Денисенко И.Е.
К проблеме региональных языков: франкошвейцарский язык 151-155

Егошкина В.А.
Журналистские расследования Юрия Щекочихина: специфика методов сбора информации и тематическое своеобразие 156-163

Илларионов В.В., Илларионова Т.В.
Научное наследие Г.Е. Федорова: вклад в сохранение фольклора Сунтарского улуса Якутии 164-168

Ловков М.А.
Трэш-документалистика как феномен современного экранного творчества: инструмент исторический памяти в патриотическом кино 169-178

Ма Лэй
Семантическая нечёткость счётных слов в современном китайском языке 179-186

Мао Вэньли
Межъязыковая эквивалентность русских и китайских перформативных глаголов: семантический и прагматический аспекты 187-198

Никитина Е.А.
Коллоквиальные сложные глаголы с наречным компонентом на базе глаголов haben и sein (на материале немецкого языка) 199-203

Нужная Т.В.
Жанровые модификации современной петербургской прозы (на примере творчества С. Арно) 204-211

Парахневич Е.В.
Итеративная модель журналистского расследования в формате подкасте 212-218

Петрова Е.Е.
Семантика и прагматика лексических единиц тематической группы «Флора» в современном английском языке 219-224

Резуненко И.В., Саркисьянц В.Р.
От «Окон РОСТА» к хэштег-активизму: эволюция агитационного слова (на примере неологизмов В.В. Маяковского и цифровых лексических единиц) 225-230

Рец Д.С.
Латинская Америка и Пиренейский полуостров: специфика перевода сленгизмов молодежи с испанского языка на русский (на базе анализа кинокартин «Клон» и «Бумажный дом») 231-236

Семенова Э.В.
Самооценка в аргументации как способ экологизации мышления 237-243

Хисамеева А.А.
Реконфигурация архетипа «мудрой женщины» в татарской прозе второй половины XX века: аксиологический и нарратологический аспекты 244-250

Чикин А.С.
Специфика неоднородности идей в журнале «Мир искусства» 251-256

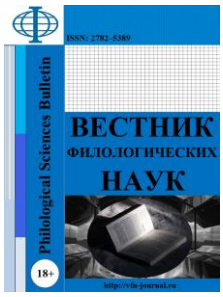
Яковлева А.С.
Специфика репрезентации категории оценки в публичных выступлениях разной целевой направленности (сопоставительный анализ речей Дж. Кеннеди 1961 и 1962 гг.) 257-262

Савинов И.И., Баклан В.В.
Telegram-каналы как новая форма гражданской и профессиональной журналистики в России: функции, аудитория, влияние на традиционные СМИ 263-272

Медведев А.А.
«Исихия»: опыт филологического анализа венка сонетов Юрия Линника 273-279

Смирнов П.С.
Проявление институциональности военного дискурса через лексико-грамматические особенности немецких фронтовых документов 280-286

Хадзиева М.М., Хадзиева Л.М., Льянова А.М.
Функционирование модальных глаголов и частиц как эмоционально-экспрессивных средств в немецкой разговорной речи 287-292

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК УДК 821.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-6-13

[1] Авдеева Г.А., [1] Пятыгина Е.Д.

[1] Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

Лексико-стилистические особенности художественно-документальных очерков о Екатеринбурге: на материале произведений А. Иванова «Ёбург» и А. Матвеевой «Горожане»

Аннотация: *в статье анализируются лексико-стилистические особенности художественно-документальных очерков А. Иванова и А. Матвеевой, объединенных тематически историей Свердловска-Екатеринбурга, а также рассказом о людях, связавших свою жизнь с музыкой (история Свердловского рок-клуба в очерках А. Иванова и судьбы В. Мулявина и В. Шахрина в «Горожанах» А. Матвеевой). Отмечается стилистическое сходство анализируемых очерков: наличие групп сниженной лексики (разговорной, просторечной, жаргонной), специфической «музыкальной» лексики, включение книжной лексики различных групп; активное использование лексических средств выразительности, что обусловлено отчасти общей тематикой очерков. Выделяются также и стилистические различия, явно обусловленные авторскими предпочтениями. Так А. Иванов активнее использует прием стилистического контраста; для очерков «Ёбурга» характерна тотальная ирония. Стиль А. Иванова более жесткий, эклектичный, публицистичный. Стиль «Горожан» более ровный, сдержанный. В очерках А. Матвеевой представлены устаревшие слова, а также лексемы, обладающие народнопоэтической окраской. Кроме того, если «Ёбург» претендует на большую масштабность в описании событий, то очерки «Горожан» носят камерный характер. Каждый из авторов интерпретирует описываемые события субъективно, что отражается и на лексическом уровне.*

Ключевые слова: *стилистически окрашенная лексика, лексические средства выразительности, художественно-документальная проза, очерк, образ Екатеринбурга-Свердловска*

Для цитирования: Авдеева Г.А., Пятыгина Е.Д. Лексико-стилистические особенности художественно-документальных очерков о Екатеринбурге: на материале произведений А. Иванова «Ёбург» и А. Матвеевой «Горожане» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 6 – 13. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-6-13

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Avdeeva G.A., [1] Pyatygina E.D.

[1] Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute

Lexical and stylistic features of artistic and documentary essays about Yekaterinburg: based on the material of "Yoburg" by A. Ivanov and "Citizens" by A. Matveeva

Abstract: *the article analyzes the lexical and stylistic features of artistic and documentary essays by A. Ivanov and A. Matveeva, united thematically by the history of Sverdlovsk-Yekaterinburg, as well as the story of people who linked their lives with music (the history of the Sverdlovsk rock club in the essays of A. Ivanov and the fate of V. Mulyavin and V. Shakhrin in the "Citizens" by A. Matveeva). The stylistic similarity of the analyzed essays is noted: the presence of groups of low register vocabulary (colloquial, vernacular, slang), specific "musical" vocabulary, and the inclusion of bookish vocabulary from various groups; active use of lexical means of expression,*

which is partly due to the general theme of the essays. Stylistic differences are also highlighted, which are clearly caused by author's preferences. Thus, A. Ivanov makes more extensive use of the stylistic contrast technique; the essays in "Yoburg" are characterized by total irony. A. Ivanov's style is more rigid, eclectic, and publicistic. The style of "Citizens" is more even and discreet. A. Matveeva's essays contain obsolete words, as well as lexemes with a folk poetic connotation. Furthermore, while "Yoburg" claims to be more ambitious in its depiction of events, the essays in "Citizens" are more intimate. Each author interprets the events they describe subjectively, which is also reflected at the lexical level.

Keywords: *stylistically colored vocabulary, lexical means of expression, artistic and documentary prose, essay, image of Yekaterinburg Sverdlovsk*

For citation: Avdeeva G.A., Pyatygina E.D. Lexical and stylistic features of artistic and documentary essays about Yekaterinburg: based on the material of "Yoburg" by A. Ivanov and "Citizens" by A. Matveeva. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 6 – 13. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-6-13

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Для современной художественной литературы и публицистики характерна трансформация традиционных жанровых структур, а также обращение к различным синтетическим жанрам. Кроме того, в конце XX и в XXI веке усилился интерес писателей к документальной или к художественно-документальной прозе, то есть к произведениям, созданным на основе реальных исторических фактов, но описанных через призму субъективного авторского взгляда.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом филологии к изучению языка современной литературы, в том числе произведений синтетического жанра, совмещающих черты художественной и документальной прозы. *Новизна* заключается в сопоставительном анализе лексико-стилистических особенностей художественно-документальных очерков, посвященных истории Екатеринбурга, известным личностям, связанным с этим городом. В качестве материала для анализа выбраны произведения, близкие по тематике, созданные примерно в одно время, а также рассказывающие об одних и тех же героях. Возможность использования материалов данной статьи при анализе текстов современной художественно-документальной прозы, в частности произведений Алексея Иванова и Анны Матвеевой, обусловливает ее *практическую значимость*.

Цель данной статьи – проанализировать лексико-стилистические особенности художественно-документальных очерков двух авторов: Алексея Иванова и Анны Матвеевой, имеющих тематическое сходство – посвященных истории Екатеринбурга; выявить общие и отличительные языковые особенности на лексическом уровне сборников «Ёбург» и «Горожане». Данная цель обусловила и частные *задачи* исследования: выявить наиболее актуальные с точки зрения стилистической окраски группы лексики; а также проанализировать особенности использования лексических выразительных средств.

Материалы и методы исследований

Методологической базой исследования послужили труды ученых, занимающихся вопросами стилистики, стилистической окраски языковых единиц, а также их функционированием в художественном тексте, в частности, М.Н. Кожиной [9], И.Б. Голуб, [6], А.Е. Волковой [4] и др. Мы также обращались ранее к вопросу о роли стилистически маркированной лексики в художественном произведении [2, 3] и др.

Кроме того, следует отметить особый интерес современного литературоведения к документальной и художественно-документальной прозе, а также к такому синтетическому жанру, как очерк, имеющему давнюю историю, но не утратившему актуальности для современной литературы и публицистики. Вопросам соотношения и взаимодействия документальной и художественной прозы посвящены многие исследования, в том числе работы С.А. Волковой [5], З.Н. Чукуевой [12, 13] и др. В частности, З.Н. Чукуева отмечает преобладание субъективного начала в художественно-документальной прозе, наличие конкретной авторской позиции. При этом исследователь обращает внимание, что «автору необязательно опираться исключительно на собственные наблюдения, он имеет возможность найти необходимый материал в прессе, в архивах и документах» [12, с. 172]. С.А. Волкова анализирует принципы и приемы выражения авторской позиции в комбинированной прозе. Отмечает возрастание публицистичности в современной прозе. Но при этом авторская позиция не всегда выражается прямо, а за счет отбора фактов, композиции и т.д. С.А. Волкова также фиксирует появление новых жанровых форм еще в конце XX века, так называемых «авторских жан-

ров». Для нас это наблюдение особенно важно, потому что для книги А. Иванова «Ёбург» характерен жанровый эклектизм. Мы уже обращались к этому произведению ранее [1], в аспекте анализа жанрового своеобразия. С.А. Волкова обращает внимание и на способы, варианты включения документальной основы в произведение: в виде цитирования, авторского пересказа и др.

Очерку как синтетическому жанру также посвящено много исследований, в частности работа А. Репонь «Очерк как прозаический жанр» [11]. Автор отмечает отсутствие единообразного подхода к пониманию художественной специфики очерка, а также двойственный, пограничный характер этого жанра: «очерк стоит на границе документальной и художественной литературы, обладает особыми средствами эстетического воздействия» [11, с. 30]. Особый интерес для нас представляет статья Л.А. Коваленко «Образ Свердловска-Екатеринбурга в современной документальной прозе Урала» [8], поскольку автор ее обращается к концептуальному сопоставлению двух интересующих нас сборников А. Иванова и А. Матвеевой.

Основные методы исследования: наблюдения, описания, семантико-стилистического, сопоставительного и контекстуального анализа.

В качестве материала исследования были выбраны, как мы указали ранее, два сборника очерков (в данном случае жанр очерка понимается максимально широко), посвященных Екатеринбургу. Данные сборники представляют интерес для исследователя, поскольку в них создается образ Свердловска-Екатеринбурга, с одной стороны, на основе значительного фактологического материала, а, с другой, отражающий индивидуальную концепцию каждого автора. Это справедливо отмечает и Л.А. Коваленко в упоминаемой уже работе. При этом важно, что авторы книг современники и почти ровесники, и книги вышли примерно в одно время (2014, 2017). Автор статьи [8] рассматривает особенности структуры и содержания сборников и приходит к следующим выводам: «Оперируя схожими художественными приемами (рассказ о реальных событиях, очерчивание пространственно-временных координат …), современные авторы-прозаики по-разному подходят к образу Свердловска-Екатеринбурга. Алексей Иванов создает остросоциальный, продвигаемый и узнаваемый образ-феномен, главным образом, динамичного и противоречивого города 1990-х. Анна Матвеева, погружая в камерные городские истории, создает персонифицированный образ города, не привязанный к конкретному историческому периоду, но связывающий воедино расставленные временем имена и сюжеты» [8, с. 128].

Как мы уже отмечали ранее, «Ебург» – это своеобразный коктейль различных жанров: мемуаров, документального очерка, даже своеобразного «путеводителя» по истории Екатеринбурга. Книга одновременно и содержит объективную информацию (даже носит справочный характер), и очень субъективна, что в том числе проявляется и в отборе лексики, экспрессивной и эмоциональной. Это своего рода «энциклопедия» жизни Екатеринбурга «на сломе истории» – периода 1980-90-х гг. [1]. Как отмечает Л.А. Коваленко, город Иванова «оказался социально «размеченным» пространством», поэтому его Ёбург – «это упорядоченная структура с распределенной среди горожан властью; город Анны Матвеевой – пространство, картографированное субъективно, хранящее эмоциональную, личную память» [8, с. 126]. Матвеева выбирает очень интересный прием: она создает парные очерки, включая в них истории «парных» персонажей. Основанием объединения героев может служить:

– общая сфера деятельности и творческий диалог («Смех Мельпомены», «Как сменить пластинку» и др.);
– связь через место, событие или здание («Дом, который…» и др.);
– историко-культурные параллели и антитезы («Глория мунди» и др.);
– родственная связь («Имя на камне», «Веселый бог работы») и т.п.

Если вернуться к сопоставлению двух сборников, то, на наш взгляд, главное их различие в следующем. А. Иванов стремится к большей масштабности («энциклопедичности»), социальности, поэтому его «Ёбург» более публицистичен, тогда как очерки А. Матвеевой более художественны и более сдержанны в языковом (стилистическом) отношении.

Результаты и обсуждения

Поскольку оба сборника достаточно объемны, мы выбрали в качестве непосредственного материала отдельные фрагменты – главы, сходные тематически. В частности, мы остановились на фрагментах из второй главы «Ёбурга» «Рок-н-бург» и на последней главе «Горожан» «Как сменить пластинку». «Рок-н-бург» посвящен истории Свердловского рок-клуба в интерпретации А. Иванова. А герои последней главы «Горожан»: Владимир Мулявин и Владимир Шахрин.

В целом отметим, что глава «Рок-н-бург», на наш взгляд, проникнута особой любовью к Свердловскому рок-клубу. Безусловно, как и вся глава, и в целом текст книги, анализируемые фрагменты активно включают лексику и фразеологию низового стилевого регистра: разговорную (*собачились, бузотеры, бренчали, аховое, столовка, читалка, симпатяга, зальчик, взорвали (город), самопальный (рок), дать отмашку,*

утрясти вопрос и др.), просторечную (*ни фига, зашибись, квасить (в смысле «пить»), бухать, бухой, вкалывать, огрести (*«огреб могучий разнос» и др.*)* и жаргонную, особенно из молодежного жаргона, в том числе жаргона «рокеров» – любителей рока, (*промобщага, преподы, офигела, плебс, «совок», рокеры, маргиналы, нефоры, фрики, мажоры, попса* и др.*)*. Почти всегда данная лексика обладает эмоциональной окраской: и негативной (*урод, зараза, гадюшник, бузотеры* и т.п.), и реже позитивной (*млея, стр-р-рашная крутизна…* и т.п.).

Но присутствует лексика и другого стилевого регистра – книжная (*позер, хорал, латентный, кумулятивный, нонкомформист, неофиты* и т.д.*)*, иногда это даже научная терминология: *эргономичны, параметры реверберации* др. Следует обратить внимание не только на книжный характер, но и возвышенный, даже сакральный, некоторых слов, например, *хорал* – «церковное хоровое пение». «Скованные одной цепью» звучали сразу как *величественный гимн СССР и как прощальный хорал»* [7, с. 69].

Вообще для «Ёбурга» в целом и для анализируемых фрагментов характерно подобное совмещение в одном контексте сниженной, грубой, при этом часто негативно-оценочной лексики и книжной, возвышенной. Рассмотрим показательный пример. А. Иванов так описывает поведение свердловских рокеров: «Хотя эти парни ничего особенного не делали. Ходили по гостям из *общаги* в *общагу*, вместе *квасили* на квартирах приятелей, *отбивали* друг у друга *девчонок*, ссорились и спорили, играли на гитарах. Первым реальным музыкальным объединением в конце 70-х годов стал ансамбль «Сонанс». Лидерами его были Игорь Скрипкарь и Александр Пантыкин. Их крылья осенили многих будущих *титанов свердловского рока*, для которого в итоге «Сонанс» превратиться в *космогонический миф, в общую колыбель*» [7, с. 47]. В этом фрагменте представлен типичный образчик стиля А. Иванова, в целом характерный для «Ёбурга», – смешение сниженной лексики (разговорной, просторечной, жаргонной) и книжной, высокой. В данном случае высокая лексика представлена образными выражениями: *титаны рока, космогонический миф.* Само слово «титан» связано с древнегреческой мифологией, называет группу божеств, побежденных Зевсом в борьбе за власть. Но слово приобрело переносное значение: «Человек, выдающийся в какой-л. области, отличающийся исключительной силой ума, таланта, величием деятельности». Выражение «*космогонический миф*» (от греч. *κόσμος* – мир, вселенная и *γονή* – рождение) опять же создает отсылку к древнегреческой мифологии. Космогонические мифы – это повествования о происхождении мира в целом и его частей, о возникновении космоса из хаоса. Таким образом, А. Иванов подчеркивает не только значимость группы «Сонанс» для формирования Свердловского рок-клуба, но и вводит «космический» мотив, совмещая описание бытовых подробностей жизни представителей свердловской рок-тусовки с акцентированием их значимости для развития культуры в целом. Совмещение сниженной и высокой лексики, безусловно, часто создает иронический эффект: «Музыканты СРК старались *не помрачить свои нимбы небожителей*» [7, с. 50].

Еще один пример подобной стилистической иронии: «По официальной декларации, рок-клуб создавался для идейного *окормления самозародившихся рок-групп*. На практике рок-клуб просвещал *неофитов*, помогал искать «*репы*», устраивал концерты и следил, чтобы *буйные рокеры не зарывались* и *не дергали государственного тигра за усы*» [7, с. 49]. Мы видим контрастное совмещение религиозных лексем *окормление (*религиозное попечение, которое осуществляет священник по отношению к верующим), *неофит (*новообращенный) и сниженной лексики: жаргонной *(«репа», зарываться, рокеры*), разговорной (*буйные).* А. Иванов также использует прием расширение состава фразеологизма *дергать тигра за усы (*играть с огнем, осуществлять рискованное действие), уточняя – *государственного тигра,* что также усиливает иронический эффект.

Особо следует отметить включение в текст очерков специфической музыкальной лексики, профессиональной, жаргонной, лексики, связанной с деятельностью рок-музыкантов: *«репа»* (репетиция), *литовка, литование* текстов (цензурное разрешение), *джем-сейшны, рекорд-лейблы* и т.п.

Автор «Ёбурга» активно использует различные выразительные средства. Так в самой первой подглавке «Рок-н-бурга» «Мы пришли с гитарами» А. Иванов дает свое концептуальное объяснение, почему Свердловск оказался вторым после Ленинграда центром рок-н-ролла в СССР: «Свердловские рокеры вовсе не были «поколением дворников и сторожей» … Не *маргиналы*, не сектанты. Правильнее их сравнить не с *катакомбными христианами*, которых *империя терзала* на гладиаторских аренах, а с *художниками-импрессионистами*: элита считала их *неумёхами*, да и сами они вроде только *пьянствовали* – и тем не менее создали новый язык для новых буржуазных ценностей … Свердловский рок стал реакцией на «*совок*» от индустриального мегаполиса … *Прямая и лобовая социальность* – отличие свердловского рока от других течений советского рока и родовое наследие промышленного города» [7, с. 45-46]. Здесь мы видим интересную аналогию, которую проводит А. Иванов между рокерами и импрессионистами, и точные эпитеты:

«*лобовая* социальность». Здесь присутствует и аллюзия: «поколение дворников и сторожей», и контраст высокой и сниженной лексики: *неумехи, совок – родовое наследие, катакомбные христиане...*

Еще один яркий пример метафорического языка А. Иванова при описании взрыва популярности группы «Наутилус Помпилиус»: «*Бомба рванула* на концерте свердловского рок-клуба 5 сентября 1986 года. На сцене встал новый «Наутилус». Они были неподвижны, как на расстреле… И дальше *покатилась цепная реакция* – для группы и страны. *«Нау» вздымал стадионы, оглушал города, взламывал все иерархии и лидировал в хит-парадах… Кумулятивный* эффект «Нау» состоял в будоражащем сочетании протеста и чувственности: *клавишно-саксофонный мелодизм*, доходящий порой до *сладкой шлягерности*, плюс сильный и красивый голос *фронтмена* Бутусова, *брутального секс-идола*, плюс обжигающая узнаваемость ярких и реалистичных текстов» [7, с. 58]. Мы видим обилие и агрессивных метафор: *бомба рванула, цепная реакция, взламывал иерархии* и т.п., и удачный составной эпитет: *клавишно-саксофонный мелодизм* и другие яркие образы, передающие шок от внезапной популярности группы. В целом для языка «Ёбурга» характерна повышенная эмоциональность, которая проявляется и в отборе эмоционально-экспрессивной лексики, и в использовании ярких выразительных средств, и в стилистическом контрасте, отмеченном ранее.

Если мы обратимся к анализу стилистически окрашенной лексики в «Горожанах» А. Матвеевой, то обнаружим похожую тенденцию. В анализируемой главе «Как сменить пластинку» активно представлена и разговорная лексика: *рублик, богатеи, побренчал, электричка, барахолка, тограши и др.;* и жаргонная: *«чайник» (*сокращенное название Свердловского музыкального училища имени Чайковского), *жмур-команда (*видимо, о тех, кто играет на похоронах), *чирик (*от «червонца»)*, дембельнулся, «туча» («*легендарная барахолка советского Свердловска»), *«пласты» (*пластинки), *спекули (*спекулянты), «*Цеп» (*«Led Zeppelin») и др. В меньшей степени представлена просторечная лексика. В целом можно отметить более «мягкое» использование сниженной лексики, чем у А. Иванова. При этом представлена и книжная лексика, но она менее частотна и представлена в большей степени устаревшей лексикой, с ироническим оттенком: *отпрыск, торжище, баснословный* и т.п. Встречается употребление слов, имеющих народнопоэтическую окраску, например, *завод-кормилец,* чего мы не наблюдали у А. Иванова. Кроме того, можно отметить наличие слов, больше похожих на окказионализмы, например, *пластоманы.* Окказионализмы можно встретить и в «Ёбурге»: *клавишно-саксофонный, шлягерность* и др.

В тексте главы, рассказывающей о судьбе Мулявина, встречается и своеобразный экзотизм – специфическое написание имени героя (=произношение): *Владимир-Уладзімі*р, имитация белорусского произношения.

Активно включены в текст и фразеологизмы, чаще разговорные: *в глаза не видывал, на каждый чих не наздравствуешься и* т.п. Но иногда А. Матвеева интересно обыгрывает фразеологизм: ««Здесь каждые выходные *сгущалась знаменитая «туча»*, легендарная барахолка советского Свердловска» [10, с. 324]. Происходит переосмысление фразеологизма *сгустились тучи («*над кем-либо или над чем-либо нависла опасность, беда, угрожает что-либо»*).* Глагол «сгуститься» приобретает значение «собраться в большом количестве», а слово «туча» совершенно оказывается не связано с обозначением атмосферного явления.

Как и автор «Ёбурга», А. Матвеева активно использует выразительные средства, в том числе разнообразные тропы: эпитеты, метафоры, сравнения. Метафоры могут быть как общеупотребительными (но не утратившими образность): *на сцене его жизни, роман с городом растянется на всю жизнь, выкроить из скромного бюджета, черпать вдохновение,* так и более оригинальными: «*ударился взглядом* о чужую полку, где стояли пластинки»; *«Сцена – это портал, выход в другой мир,* где действуют иные законы*»* [10, с. 335]. Автор цитирует Владимира Шахрина, но речь идет в данный момент о судьбе Владимира Мулявина. Подчеркивается мистический смысл искусства, а служение ему оказывается иной раз сильнее земных обстоятельств.

Рамки данной статьи не позволяют подробно анализировать весь арсенал выразительных средств, используемый авторами очерков о Екатеринбурге. Но мы хотели бы остановиться еще на одном приеме, характерном для обоих авторов, – это использование крылатых выражений, прецедентных высказываний (в широком смысле), как в исходном варианте, так и в трансформированном.

В первую очередь обратим внимание, что Иванов использует цитаты из известных рок-песен в названии подглавок «Рок-н-бурга»: *«Мы пришли с гитарами»* (цитата из известной песни Башлачева, который традиционно считается представителем рок-движения, показательно, что Башлачев учился в Екатеринбурге в УрГУ и общался с представителями будущего Свердловского рок-клуба), *«Эта музыка будет вечной», «Корона твоя из клена»* (цитаты из известных песен «Наутилуса») и *«Это подзарядка наших батарей»* (цитата из песни группы «Чайф»). В главке, непосредственно посвященной созданию Свердловского рок-клуба, его идейный вдохновитель Николай Грахов описывается таким образом: «*Великий и ужасный* Грахов реял повсюду, *как божий дух*, на общественных началах» [7, с. 49]. С одной стороны, мы видим эпите-

ты *великий и ужасный,* которые явно носят аллюзивный характер и отсылают к характеристике героя романов Александра Волкова об Изумрудном городе Гудвине. Как мы помним, один из романов А. Волкова называется «Урфин Джус и его деревянные солдаты». А одна из ключевых групп Свердловского рок-клуба называлась «Урфин Джус». Но само выражение *великий и ужасный* стало крылатым и используется в основном в ироническом смысле по отношению к тем, кто пытается казаться значительнее, чем есть на самом деле. С другой стороны, ирония поддержана и стилистическим контрастом: возвышенный фразеологизм *как божий дух* соседствует с официальным выражением *на общественных началах.* При этом А. Иванов никак не умаляет роли Николая Грахова в создании рок-клуба и даже дает справку о его дальнейшей деятельности (после закрытия рок-клуба). Этот фрагмент очень показателен для демонстрации стилевой манеры А. Иванова, характерной для данного произведения: он почти обо всем пишет с легкой иронией.

А. Матвеева также активно обращается к крылатым выражениям, прецедентным высказываниям как в каноническом варианте, так и в трансформированном. «На каждый чих, как известно, не наздравствуешься. Шаг вперед, два – назад» [11, с. 322]. Но больший интерес представляют трансформированные выражения: «*Времена не выбирают, города еще как*» [10, с. 322]. «Времена не выбирают, в них живут и умирают» – известны строчки из стихотворения Александра Кушнера смысл этих строчек и в целом стихотворения в том, что человеку нет смысла жаловаться на время, в котором он живет, поскольку в любом историческом периоде человека ожидают трудности, испытания и т.п. А. Матвеева, трансформируя это известно выражение, актуализирует следующий смысл: Владимир Мулявин, выбирая город (Минск вместо Свердловска), сам выстраивает свою судьбу. И далее следует еще одно известное выражение, которое писательница видоизменяет: *«Где родился, там не пригодился»* [10, с. 323]. Если Свердловск не дал герою возможности реализоваться, то он сам выберет себе и место жительства, и способ самореализации. Есть, конечно, и некоторая горькая ирония в этой фразе.

Интереснее всего для нас сопоставить лексические особенности анализируемых произведений в «точке пересечения» – во фрагментах, посвященных Владимиру Шахрину. «Рок-н-бург» повествует обо всех основных представителях Свердловского рок-клуба, в том числе и о Шахрине («Это подзарядка наших батарей»). Очерк А. Матвеевой «Как сменить пластинку» – парный очерк (как и все в сборнике) о двух Владимирах-музыкантах Мулявине и Шахрине. Интересно сравнить и версии разных авторов о происхождении названия группы.

«Это подзарядка наших батарей»	«Как сменить пластинку»
Разговорная лексика: *погранцы, халтурка, двушка (*о квартире), *сынишка, разгильдяй, каморка;* просторечная: *вкалывать, бухать;* жаргонная (или жаргонно-просторечная): *без понтов, вискарь, фесты (*фестивали) и т.п. Лексика, тематически связанная с музыкальной сферой, профессиональная, в том числе и жаргонная: *гранж, панк, регги, биг-бит, кавер-верси* и т.п.	Разговорная лексика: *барахолка, облава, торгаши*; жаргонная (или жаргонно-просторечная): *дембельнулся, «туча» (*о свердловской барахолке – см. ранее в статье), *пласты, чувак, спекули, чирик, «цепы», верстак* (проигрыватель) и т.п. (см. также примеры ранее). Лексика, тематически связанная с музыкальной сферой: *хит, хэдлайнер, панк-труба, перкуссионист* и т.п.
«Чайф» – потому что «кайф» и «чай», а чай – потому что собирались реально делать группу, а не бухать» [7, с. 65]	«"Чайфом" у наших героев назывался ядреный напиток, получаемый при помощи заварки, всыпанной в кофеварку "Бодрость"» [10, с. 329] А. Матвеева называет и человека. который первым предложил такое название группы – Вадим Кукушкин.

Как мы видим, есть определенное стилистическое сходство анализируемых очерков. Но есть и стилистические различия, явно обусловленные авторскими предпочтениями. Обратим внимание на еще одну важную особенность очерков Анны Матвеевой. В каждом из очерков А. Матвеева использует какой-то ключевой прием. В очерке «Как сменить пластинку» – это кольцевая композиция при воссоздании истории Владимира Шахрина. Начинается рассказ о нем с истории покупки «Пятого Цеппелина» на известной барахолке, а заканчивается покупкой этой же пластинки в том же месте, но уже в самопальном конверте, который выполнила жена Владимира, когда возникла потребность обменять пластинку. «Каждый раз, подходя к развалам виниловых сокровищ или изучая коллекции друзей-меломанов, он надеялся встретить ту самую пластинку в бесценно паленом конверте хенд-мейд». «Тут еще одна такая есть, – сообщает продавец… – Но

в самопальном конвертике … Аплодисменты, поклон – и выходим на бис» [10, с. 344]. Это, конечно, слишком красиво, чтобы быть реальным фактом биографии Шахрина.

Выводы

Подведем некоторые итоги. Как мы уже отметили ранее, есть определенное стилистическое сходство анализируемых очерков: наличие групп сниженной лексики, специфической «музыкальной» лексики, включение книжной лексики различных групп, в том числе высокой; активное использование лексических средств выразительности (эпитетов, метафор, сравнений и др.). Отчасти это сходство обусловлено общей тематикой очерков – описание жизни людей, связанных с музыкой, а также принадлежащих к неформальным объединениям (отсюда и обилие сниженной лексики).

Но есть и стилистические различия, обусловленные авторскими предпочтениями. Так А. Иванов активнее использует прием стилистического контраста. Практически все очерки «Ёбурга» проникнуты иронией, даже в том случае, когда описываемые люди и события вызывают симпатию автора. Стиль А. Иванова более жесткий (особенно в главе «Банды Ёбурга», но она была вне нашего исследования), публицистичный, «сочный», напрашивается определение – более «мужской». А. Матвеева также использует сниженную лексику, поскольку объект описания к этому обязывает. Но в очерке данного автора присутствуют и другие группы лексики, например, народнопоэтическая. Стиль А. Матвеевой более спокойный, сдержанный, «женский». Но мы бы не сводили все только к гендерным отличиям.

У авторов анализируемых произведений все-таки разные задачи, и форму они выбирают разную. А. Иванов в «Ёбурге» создает масштабную, разноплановую картину жизни города, в основном в 1980-90-е годы, то есть в переломный период. И в главе «Рок-н-бург» описываются истоки, культурная значимость, основные представители такого феномена, как Свердловский рок-клуб. А. Матвеева создает камерные парные очерки в книге «Горожане». Она каждый раз выбирает какую-то основную линию, соединяющую героев ее очерков. В нашем случае – это любовь к музыке и способность самому создать свою судьбу, несмотря на все испытания (особенно в случае Мулявина).

Итак, мы видим, что каждый из авторов интерпретирует описываемые события субъективно, что отражается и на лексическом уровне. Анализируемые очерки вполне отражают отмеченную исследователями тенденцию к преобладанию субъективного начала в художественно-документальной прозе.

Список источников

1. Авдеева Г.А. Жанрово-стилевое своеобразие «Ёбурга» А. Иванова // Система и среда. Язык. Человек. Общество: материалы VI Всероссийской научной конференции. Нижний Тагил: НТГСПИ (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». 2016. С. 113 – 118.
2. Авдеева Г.А., Наймушина Е.А. Функции стилистически окрашенной лексики в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2024. № 3. С. 26 – 37.
3. Авдеева Г.А. Лексико-стилистические особенности речи нарраторов в романе Анны Матвеевой «Каждые сто лет» // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 9. С. 79 – 86.
4. Волкова А.Е. Эмоционально окрашенная лексика: понятие, виды и классификация // Молодой ученый. 2021. № 16 (358). С. 125 – 127.
5. Волкова С.А. Принципы и приемы выражения авторской позиции в художественно-документальной прозе // Вестник чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2015. № 1 (85). С. 26 – 31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-priemy-vyrazheniya-avtorskoy-pozitsii-v-hudozhestvenno-dokumentalnoy-proze (дата обращения: 05.08.2026).
6. Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 455 с.
7. Иванов А. Ёбург. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 442 с.
8. Коваленко Л.А. Образ Свердловска-Екатеринбурга в современной документальной прозе Урала // Филологический класс. 2017. № 4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sverdlovska-ekaterinburga-v-sovremennoy-dokumentalnoy-proze-urala (дата обращения: 27.07.2026).
9. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд. Москва: Флинта, 2008. 464 с.
10. Матвеева А.А. Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 347 с.
11. Репонь А. Очерк как прозаический жанр // Cross-CulturalStudies: EducationandScience. 2021. № 1. С. 22 – 31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kak-prozaicheskiy-zhanr (дата обращения: 05.08.2026).

12. Чукуева З.Н. Жанровые трансформации современной художественно-документальной прозы // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: межвузовский сборник. Майкоп. 2023. С. 168 – 175.

13. Чукуева З.Н. Функциональная роль документального начала в современной документально-художественной прозе // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 493 – 495. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-rol-dokumentalnogo-nachala-v-sovremennoy-dokumentalno-hudozhestvennoy-proze (дата обращения: 05.08.2026).

References

1. Avdeeva G.A. Genre and stylistic originality of A. Ivanov's "Yeburg". System and Environment. Language. Man. Society: Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conference. Nizhny Tagil: NTGSPI (branch) of the Russian State Professional Pedagogical University. 2016. P. 113 – 118.

2. Avdeeva G.A., Naymushina E.A. Functions of stylistic vocabulary in E. Vodolazkin's novel "The Aviator". Scientific notes of NTGSPI. Series: History and Philology. 2024. No. 3. P. 26 – 37.

3. Avdeeva G.A. Lexical and stylistic features of the narrators' speech in Anna Matveeva's novel "Every Hundred Years". Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 9. P. 79 – 86.

4. Volkova A.E. Emotionally Colored Vocabulary: Concept, Types, and Classification. Young Scientist. 2021. No. 16 (358). P. 125 – 127.

5. Volkova S.A. Principles and Techniques for Expressing the Author's Position in Fiction and Documentary Prose. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2015. No. 1 (85). P. 26 – 31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-i-priemy-vyrazheniya-avtorskoy-pozitsii-v-hudozhestvenno-dokumentalnoy-proze (accessed: 05.08.2026).

6. Golub I.B. Stylistics of the Russian Language and Culture of Speech: A Textbook for the Academic Bachelor's Degree. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 455 p.

7. Ivanov A. Yekaterinburg. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2024. 442 p.

8. Kovalenko L.A. The Image of Sverdlovsk-Yekaterinburg in Contemporary Documentary Prose of the Urals. Philological Class. 2017. No. 4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-sverdlovska-ekaterinburga-v-sovremennoy-dokumentalnoy-proze-urala (accessed: 27.07.2026).

9. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovsky V.A. Stylistics of the Russian Language: Textbook. 4th ed. Moscow: Flinta, 2008. 464 p.

10. Matveeva A.A. Citizens. Amazing Stories from the Lives of City People. Moscow: AST: Elena Shubina Publishing House, 2017. 347 p.

11. Repony A. The Essay as a Prose Genre. Cross-CulturalStudies: Education and Science. 2021. No. 1. P. 22 – 31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kak-prozaicheskiy-zhanr (accessed: 05.08.2026).

12. Chukueva Z.N. Genre Transformations of Contemporary Documentary Fiction. Scientific and Methodological Support for Teaching Foreign Languages at Non-Linguistic Faculties in Light of the Theory and Practice of Intercultural Communication. Interuniversity Collection. Maykop. 2023. P. 168 – 175.

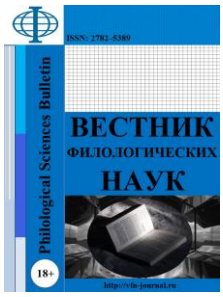
13. Chukueva Z.N. The Functional Role of the Documentary Element in Contemporary Documentary Fiction. The World of Science, Culture, and Education. 2023. No. 2 (99). P. 493 – 495. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnaya-rol-dokumentalnogo-nachala-v-sovremennoy-dokumentalno-hudozhestvennoy-proze (accessed: 05.08.2026).

Информация об авторах

Авдеева Г.А., *кандидат филологических наук, доцент, доцент Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал) Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил, g_avdeeva_64@mail.ru*

Пятыгина Е.Д., *Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Уральского государственного педагогического университета, г. Нижний Тагил, lizapyatygina@mail.ru*

© Авдеева Г.А., Пятыгина Е.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.221
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-14-19

[1] Власова Е.Е., [1] Демьянова Ж.В.

[1] Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

Вербализация мимики и жестов в русском и английском языках (на материале художественного текста)

Аннотация: *в статье проводится сопоставительный анализ вербальных средств описания невербального поведения на материале двух языков. Исследование направлено на выявление сходств и различий мимических и жестовых компонентов невербальной коммуникации, участвующих в передаче эмоций в художественном тексте на английском и русском языках. Актуальность исследования продиктована недостаточной изученностью невербальной репрезентации эмоций в художественной литературе. Материалом исследования послужил рассказ А.П. Чехова «Дама с собачкой» и его англоязычные версии.*

Для реализации поставленной цели и задач в практической части исследования применяется метод сплошной выборки, дефиниционный и компонентный анализ, контекстуальный и сравнительно-сопоставительный анализ. Проведенное исследование показало наличие как универсальных, так и этноспецифических компонентов мимики и жестов у представителей англоязычной и русскоязычной лингвокультур. По результатам исследования мимика и жесты (преимущественно, движения рук и головы) являются наиболее частотным инструментом передачи эмоций в художественном тексте, дополняя вербальный ряд и углубляя психологическую характеристику персонажей. Приводятся примеры вербализации мимики и жестов при помощи фразеологических единиц. В случае отсутствия прямых фразеологических эквивалентов эмоциональный эффект в тексте перевода сохраняется за счет прагматической эквивалентности.

Ключевые слова: *невербальная коммуникация, мимика, жесты, эмоция, художественный текст, эквивалентность, фразеологизм*

Для цитирования: Власова Е.Е., Демьянова Ж.В. Вербализация мимики и жестов в русском и английском языках (на материале художественного текста) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 14 – 19. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-14-19

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Vlasova E.E., [1] Demyanova Zh.V.

[1] National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

Verbalization of facial expressions and gestures in Russian and English (based on a literary text)

Abstract: *this article provides a comparative analysis of verbal means employed to describe nonverbal behavior in two languages. The study aims to identify similarities and differences in how facial expressions and gestures - as components of nonverbal communication – convey human emotions in Russian and English literary texts. The relevance of the research topic is determined by the lack of studies on nonverbal expression of emotions in literary texts. The research is based on A.P. Chekhov's short story "The Lady with the Dog" and its English translations.*

In the practical part of the research the following linguistic methods are applied: the method of continuous sampling, componential analysis of lexical meaning, definitional analysis, contextual and comparative methods. The findings demonstrate the presence of both universal and culturally specific facial expressions and gestures among representatives of English and Russian cultures. Further analysis shows that facial expressions and gestures (primarily hand and head movements) are the most common means of conveying emotions in a literary text. The article provides examples of phraseological units used to verbalize facial expressions and gestures. It is noted that in the given languages complete phraseological equivalence appears very rarely. In such cases pragmatic equivalence is ensured in the translation.

Keywords: *nonverbal communication, facial expressions, gestures, emotion, literary text, equivalence, phraseological unit*

For citation: Vlasova E.E., Demyanova Zh.V. Verbalization of facial expressions and gestures in Russian and English (based on a literary text). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 14 – 19. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-14-19

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Коммуникация представляет собой многомерный процесс межличностного взаимодействия, включающий не только трансляцию информации, но и процессы, связанные с двусторонним восприятием и смысловой интерпретацией данных. Данный феномен характеризуется высокой степенью структурной сложности и многообразием функциональных аспектов. Значимость коммуникации как основного инструмента социального взаимодействия является общепризнанным фактом. Достижение взаимопонимания между участниками общения обеспечивается за счет использования различных коммуникативных инструментов, включая невербальные средства общения [2, с. 53]. К примеру, невербальные компоненты, как было описано в наших ранних работах, являются важнейшим инструментом трансляции эмоциональных состояний, дополняя вербальный ряд и углубляя психологическую характеристику персонажей художественного текста [3, с. 325]. Вопросы лингвистического анализа невербальных средств выражения эмоций нашли отражение в трудах ряда исследователей (И.С. Баженова, В.В, Ганина, Г.Е. Крейдлин и др.). Тем не менее проблема репрезентации эмоций через невербальное поведение в художественном тексте остается недостаточно изученной, что обусловливает *актуальность данного исследования.* Более того, когнитивные аспекты данной проблематики требуют дополнительного освещения в научной литературе. В частности, требуют дальнейшего изучения вопросы концептуализации мимических реакций, а также процессы, связанные с пониманием и трактовкой мимических сигналов в языке.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить сходства и различия мимических и жестовых компонентов невербальной коммуникации, участвующих в передаче эмоций в художественном тексте на английском и русском языках. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие *задачи*: 1) провести оценку современной парадигмы исследований в области невербальной коммуникации; 2) описать функциональную значимость мимики и жестов в репрезентации эмоций в художественном тексте; 3) сопоставить способы описания мимики и жестов при помощи языковых средств в английском и русском языках; 4) выявить культурные особенности выражения эмоций в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть полезны для специалистов широкого круга гуманитарных дисциплин, включая лингвистику, переводоведение, лингвокультурологию и литературоведение. Учет этнокультурной вариативности при описании невербального поведения позволят достичь более точной интерпретации художественного текста, что делает данную работу полезной как для теоретических изысканий, так и для педагогической практики.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования был выбран рассказ А.П. Чехова «Дама с собачкой» и два его перевода на английский язык. Этнокультурная специфика эмоций наиболее отчетливо проявляется в ситуации межкультурного взаимодействия. В качестве модели такого взаимодействия нами рассматривается художественный перевод, а также восприятие переводных текстов рядовым носителем культуры. Сравнительный анализ художественного текста на русском языке и его переводов позволяет выявить специфику репрезентации эмоций, обусловленную национально-культурными факторами. В целях обеспечения объективности

анализа и повышения достоверности результатов в работе анализируются два варианта перевода исходного текста. Методологическая база включает метод сплошной выборки, дефиниционный и компонентный анализ, контекстуальный и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждения

Хотя первые важные открытия в области невербального общения были сделаны еще в начале прошлого столетия, по-настоящему глубокое и системное изучение этой темы началось лишь в 1950-х годах. Исследовательское поле невербальной коммуникации в современной российской и зарубежной науке отличается слабой междисциплинарной связанностью, в частности, сохраняется автономия лингвистического и психологического подходов [6, с. 12].

Более того, в научной литературе представлено большое количество классификаций невербальных средств коммуникации. Многообразие исследовательских подходов к изучению невербальной составляющей общения объясняется различиями в трактовке границ данного феномена и вариативностью состава включаемых в него компонентов. Как правило, средства невербальной коммуникации включают жесты, мимику, положение различных частей тела, походку, направление взгляда и т.д. В широком понимании категория невербального поведения охватывает также ряд просодических и паралингвистических характеристик речи, к которым относятся интонация, скорость, длительность высказываний, паузы, громкость [8, с. 355]. Современные исследования расширяют трактовку невербальной коммуникации, все чаще включая в ее структуру средовые и предметные компоненты. К их числу относят как элементы предметно-пространственной среды (архитектура, дизайн, интерьер, акустический фон), так и предметы личного пользования (одежда, украшения), рассматривающиеся как значимые составляющие коммуникативного пространства личности. Методологический подход В.А. Лабунской к систематизации невербального поведения базируется на интеграции базовых параметров невербальных средств (время, движение и пространство) с системами их сенсорного восприятия. Автор выделяет четыре ключевых канала передачи информации: «тактильный, акустический, оптический и ольфакторный» [7, с. 103].

Интерпретация телесного кода является необходимым условием успешной коммуникации. Исследование невербального поведения как элемента культурного наследия помогает выявить глубинные характеристики национального характера и мировосприятия, позволяя адресату адекватно считывать коммуникативные намерения и эмоции отправителя через систему невербальных знаков [5, с. 22].

В центре нашего внимания находятся мимические и жестовые компоненты коммуникации, участвующие в передаче эмоций. В данной работе под мимикой понимается динамическое изменение лицевой мускулатуры; жесты классифицируются как значимые движения, осуществляемые с помощью рук и головы, а также комбинация последних. Их выбор объясняется тем, что мимика и жесты выступают ключевыми элементами невербальной коммуникации. Они выполняют двойственную функцию: во-первых, служат индикатором внутреннего состояния субъекта, а во-вторых, обеспечивают передачу мыслей и эмоций, превосходя вербальные средства по уровню экспрессивности и информативной насыщенности, что находит яркое воплощение в художественном тексте. Приведенные ниже примеры подтверждают вышеизложенное.

В исследуемом материале было зафиксировано 45 случаев описания невербального поведения персонажей. Самыми распространенными компонентами невербальной коммуникации в рассказе «Дама с собачкой» являются мимика, а также жесты рук и головы. Ниже приводится подробный разбор наиболее показательных фрагментов.

– «Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как?» [10, с. 301]. Безвыходность ситуации, эмоции главного героя, его напряжение ярко переданы через данный жест. «Хватать» – «брать внезапно, быстро задерживать» [4, с. 502]. Выражение «хвататься за голову» – «приходить в ужас, в отчаяние» является устойчивым выражением (фразеологизмом) в русском языке, обладающим высокой степенью экспрессивности и связанным в основном с негативными эмоциями [9]. Это не просто фраза, а яркий маркер сильных переживаний: ужаса, глубокого отчаяния или внезапного осознания фатальной ошибки. Жестовый компонент, заложенный в семантику выражения, указывает на неспособность человека найти конструктивное решение в условиях сложной ситуации. Рассмотрим, в какой степени сохраняется значение данного жеста в текстах перевода.

– “How? How?” he repeated, clutching his head. – “How?” [12, с. 150]. – “How? How? He asked, clutching his head. – “How?” [11, с. 27]. “Clutch” – “to hold someone or something tightly, especially because you are frightened, in pain or do not want to lose something” [13, с. 89]. Согласно дефиниции, глагол “to clutch” передает эмоции высокой степени интенсивности. Оба переводчика использовали один и тот же глагол, так как он передает эмоции, отчаяние и тревогу главного героя. В английском языке отсутствует прямое фразеологическое соответствие исходному выражению. Выражение “to clutch one’s head” не является фразеологизмом

в строгом смысле слова, так как его значение не переосмыслено полностью, а выводится из семантики жеста и контекстуальных факторов. Сочетание “to clutch one’s head” стало устойчивым описательным клише для передачи схожего эмоционального содержания в художественном тексте. С точки зрения передачи исходных эмоций данный фрагмент на английском языке можно рассматривать как пример ситуативной и прагматической эквивалентности, т.е. сохранения исходного коммуникативного эффекта при отсутствии в языке перевода фразеологизма, являющегося полным эквивалентом. Переводчикам удается передать эмоции главного героя доступными им средствами английского языка.

Как известно, формирование фразеологических единиц определяется культурно-историческим контекстом и традициями определенного этноса. Сравнение устойчивых сочетаний в русском и английском языках позволяет выявить особенности поведения, а также этнокультурные особенности мышления их носителей. Следует подчеркнуть, что для представителей англоязычной культуры типичны сдержанность и консерватизм, в то время как русская лингвокультура характеризуется высокой эмоциональностью, открытостью в выражении чувств и стремлением к экспрессивному взаимодействию с участниками диалога [1, с. 527]. В рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой» устойчивым выражениям, описывающим мимику и жесты главных героев, присуща различная степень эквивалентности в переводе от полной тождественности до частичных соответствий и полного несоответствия, вызванного отсутствием необходимой языковой единицы в английском языке. По результатам проведенного анализа наиболее частотными оказались фразеологизмы, имеющие частичные эквиваленты в языке перевода. Яркой иллюстрацией этому является приведенный выше пример.

Приведем еще один пример. «Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нее дрожало» [10, с. 294]. Данная непроизвольная мимическая реакция показывает грусть, печаль главной героини рассказа. Она пытается сдержать эмоции, но ей это не удаётся, выражение её лица, слёзы выдают её состояние. «Плакать» – «прослезиться, проливать слёзы» [4, с. 345]; «дрожать» – «трястись, быть в быстром движении, также озноб и болезнь» [4, с. 63]. Душевное напряжение героини в описываемом фрагменте является настолько сильным, что она не в состоянии контролировать свои эмоции. Проследим, как исходное эмоциональное содержание передано в переводе.

“She did not weep but was mournful, and seemed ill, the muscles of her cheeks twitching” [12, с. 140]. “She did not shed tears but was so sad that she seemed ill, and her face was quivering” [11, с. 14]. “To weep” – “to cry, especially because you feel very sad” [13, с. 1589]; “to shed tears” – “to cry” [13, с. 1310].

Исходя из дефиниций, английский глагол “to weep” является более эмоциональным, т.к. отображает в своей семантике чувства, а именно печаль; “to twitch” – “to move something quickly and suddenly that cannot be controlled” [13, с. 1459]. Английскому глаголу “to twitch” соответствует русский глагол «дёргаться», который выражает непроизвольность, но репрезентирует лишь физическую способность предмета или объекта, не отображая душевное состояние. Значение данного глагола не является эмоциональным, следовательно, такое описание мимики не передает эмоцию, заложенную в тексте на русском языке. Русскому глаголу «дрожать» соответствует, к примеру, английский глагол “to quiver” – “to tremble slightly, especially because you feel angry, excited or upset” [13, с. 1160]. Данный глагол отображает внутреннее состояние героини её переживания, выражение чувств и эмоций. Можно сделать вывод, что глагол “to quiver” является более адекватным при передаче эмоционального состояния героини, её чувств и переживаний.

Выводы

Изучение невербального поведения и способов его репрезентации в языке позволяет определить этническую принадлежность участников общения. Проведенное исследование подтвердило наличие как универсальных, так и этноспецифических компонентов мимики и жестов у представителей англоязычной и русскоязычной лингвокультур. Сходство лексических и фразеологических единиц в сопоставляемых языках отражает сходство когнитивных процессов и менталитета. Однако, ряд русских фразеологических единиц не имеет прямых эквивалентов в английском языке. В этом случае переводчики достигают коммуникативного эффекта за счет прагматической эквивалентности, подбирая описательные конструкции и лексические единицы с нужной эмоциональной нагрузкой.

Невербальные средства общения являются фундаментом русской коммуникации, где мимика и жестикуляция (преимущественно движение рук и головы) выступают наиболее распространенным инструментом выражения эмоций и формирования доверительной коммуникации. Подтверждением этого положения послужили результаты анализа невербальных компонентов коммуникации в рассказе А.П. Чехова «Дама с собачкой»: для описания эмоционального состояния персонажей автор преимущественно использует мимику и жесты (в частности, движения рук и головы).

Вместе с тем этноспецифический характер невербальных средств общения затрудняет их прочтение представителями других культур, что может привести к непониманию и культурным барьерам. Следовательно, изучение национальных особенностей мимики и языка жестов является необходимым условием для эффективного межкультурного взаимодействия и предотвращения конфликтных ситуаций.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ способов вербализации мимики и жестов в художественных текстах различных жанров, а также в текстах, адресованных разным возрастным группам.

Кроме того, научный интерес представляет диахронический анализ данной проблематики, позволяющий проследить развитие способов описания невербального поведения в художественной литературе под влиянием социальных и культурных изменений.

Список источников

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: монография. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 790 с.

2. Власова Е.Е. Особенности передачи эмоционального содержания романа Ф.С. Фицджеральда «Ночь нежна» в переводе с учетом невербального поведения персонажей // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания. Барнаул: ФГБОУ ВО «АлтГПУ». 2022. С. 53 – 57.

3. Власова Е.Е., Яруллина Ж.А. Коммуникативные аспекты описания текста // Глобальный научный потенциал. 2025. № 9 (174). С. 324 – 327.

4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 736 с.

5. Дмитриева Ю.В. Национально-культурная специфика словесного отражения невербального поведения (на примере английской, немецкой и русской этнолингвокультур) // Амурский научный вестник. 2023. № 1. С. 16 – 27.

6. Киселева А.В. Языковая репрезентация отрицательных эмоций в невербальном поведении лиц различного социального статуса (на материале англоязычных художественных текстов XX-XI вв.): дис. … канд. фил. наук: 10.02.04. Иваново, 2019. 151 с.

7. Лабунская В.А. О смысловом пространстве невербального общения // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11. № 3. С. 93 – 109.

8. Мягкова Е.С., Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. Невербальные средства общения в процессе межкультурной коммуникации // Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям: сборник статей конференции. Екатеринбург: ООО «Институт цифровой экономики и права». 2023. С. 355 – 358.

9. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-213-1.htm#zag-13628 (дата обращения: 05.08.2026).

10. Чехов А.П. Дама с собачкой // Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1980. С. 287 – 302.

11. Chekhov A.P. The Lady with the dog: translated by Constance Garnett // Literature Reading. Fiction. Poetry. M.: Progress Publishers, 1990. P. 7 – 28.

12. Chekhov A.P. The Lady with the Dog: translated by Ivy Litvinov // Stories. M.: Raduga Publishers. 2001. P. 132 – 151.

13. Longman Dictionary of Contemporary English / edited by A. Gadsby, D. Summers, S. Engineer. Harlow: Longman, 2001. 1668 p.

References

1. Vezhbitskaya A. Semantic universals and description of languages. Monograph. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 790 p.

2. Vlasova E.E. Features of conveying the emotional content of F.S. Fitzgerald's novel "Tender Is the Night" in translation, taking into account the non-verbal behavior of the characters. Actual problems of philology, translation studies and linguodidactics in the system of modern humanitarian knowledge. Barnaul: Altai State Pedagogical Univ. 2022. P. 53 – 57.

3. Vlasova E.E., Yarullina Zh.A. Communicative aspects of text description. Global scientific potential. 2025. No. 9 (174). P. 324 – 327.

4. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version. M.: Eksmo-Press, 2002. 736 p.

5. Dmitrieva Yu.V. National and cultural specificity of verbal reflection of non-verbal behavior (on the example of English, German and Russian ethnolinguistic cultures). Amur Scientific Bulletin. 2023. No. 1. P. 16 – 27.

6. Kiseleva A.V. Linguistic representation of negative emotions in non-verbal behavior of individuals of different social statuses (based on English-language literary texts of the 20th–11th centuries): diss. … Cand. of Phil. Sciences: 10.02.04. Ivanovo, 2019. 151 p.

7. Labunskaya V.A. On the semantic space of non-verbal communication. Russian Psychological Journal. 2014. Vol. 11. No. 3. P. 93 – 109.

8. Myagkova E.S., Gaevskaya I.I., Lavrentyeva M.A. Non-verbal means of communication in the process of intercultural communication. International scientific conference on interdisciplinary research: collection of conference papers. Ekaterinburg: Institute of Digital Economy and Law, LLC. 2023. P. 355 – 358.

9. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. URL: https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-213-1.htm#zag-13628 (accessed: 05.08.2026).

10. Chekhov A.P. The Lady with the Dog // Novels and Short Stories. M.: Soviet Russia, 1980. P. 287 – 302.

11. Chekhov A.P. The Lady with the dog: translated by Constance Garnett. Literature Reading. Fiction. Poetry. M.: Progress Publishers, 1990. P. 7 – 28.

12. Chekhov A.P. The Lady with the Dog: translated by Ivy Litvinov. Stories. M.: Raduga Publishers. 2001. P. 132 – 151.

13. Longman Dictionary of Contemporary English. Edited by A. Gadsby, D. Summers, S. Engineer. Harlow: Longman, 2001. 1668 p.

Информация об авторах

Власова Е.Е., *кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, reklama-peremena@yandex.ru*

Демьянова Ж.В., *кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, DemyanovaZV@mpei.ru*

© Власова Е.Е., Демьянова Ж.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.112.2
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-20-23

[1] Гусейнова М.М. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Место и роль сложноподчиненных предложений с одним придаточным определительным в немецком языке

Аннотация: *сложноподчиненныеся предложения с одним придаточным определительным в немецком языке являются предметом анализа в данной работе. Рассматриваемый тип придаточных предложений широко распространены в данном языке. Они одинаково употребляются и в медиадискурсе и в художественном дискурсе. Такие предложения выполняют роль членов предложения. К тому же, они обладают целым рядом преимуществ, заключающихся в передаче модальных оттенков. Они также могут дать дополнительную характеристику происходящего. В двучленных сложноподчиненных предложениях количество придаточных определительных доминирует над другими видами придаточных. Они также вступают с главным предложением в различные добавочные смысловые отношения. В самой структуре сложноподчиненного предложения играет роль ряд факторов. Это порядок слов в придаточном предложении. Порядок слов в таком предложении строится посредством союзов, интонации, наклонений. Такие предложения считаются своеобразным выражением семантически-сочинительной связи. В модель определительного предложения облекается одно из последовательно совершающихся действий, явлений.*

Ключевые слова: *немецкий язык, придаточное определительное предложение, сложноподчиненное, постоянные компоненты, порядок слов, постпозиция, препозиция, интерпозиция, рамочная структура, члены предложения*

Для цитирования: Гусейнова М.М. Место и роль сложноподчиненных предложений с одним придаточным определительным в немецком языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 20 – 23. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-20-23

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Guseynova M.M. ***[1] Dagestan State University***

The place and role of compound sentences with one subordinate determinant in German

Abstract: *compound sentences with one subordinate determinant in German are the subject of analysis in this work. This type of subordinate clauses is widespread in this language. They are used equally in media discourse and in artistic discourse. Such sentences serve as members of the sentence. In addition, they have a number of advantages in conveying modal shades. They can also provide additional characterization of what is happening. In binomial compound sentences, the number of subordinate determinants dominates over other types of subordinate clauses. They also enter into various additional semantic relations with the main sentence. A number of factors play a role in the very structure of a complex sentence. This is the word order in the subordinate clause. The word order in such a sentence is constructed through conjunctions, intonation, and moods. Such sentences are considered to be a kind of expression of a semantic-compositional connection. The model of a definitive sentence includes one of the successive actions, statements.*

Keywords: *German, subordinate determinative sentence, compound, constant components, word order, postposition, preposition, interposition, framework structure, sentence members*

For citation: Guseynova M.M. The place and role of compound sentences with one subordinate determinant in German. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 20 – 23. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-20-23

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность работы. Синтаксические конструкции, в том числе и сложные сложноподчиненные предложения с придаточными определительными малоисследованы в немецком языке. Они образуют обширное микрополе. Сложные предложения с придаточными определительными являются наиболее распространенными и в медиадискурсе, и в художественной литературе немецкого языка. Исследований, касающихся данных вопросов немецкого языка чрезвычайно мало, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Основная цель – охарактеризовать сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в немецком языке.

Задачи: исследование места и роли данных предложений в рассматриваемом языке; описание функционирования сложноподчиненных предложений с одним придаточным определительным в немецком языке.

Материалы и методы исследований

В работе применяется описательный метод исследования, а также метод лингвистического анализа, дающий возможность подбора набора инструментов и подходов для исследования указанных вопросов.

Материалом послужили сложные и сложноподчиненные предложения с одним придаточным определительным, извлеченные из различных художественных и публицистических текстов данного языка.

Результаты и обсуждения

Сложные предложения рассматриваемого типа весьма широко отмечаются в немецком языке, в особенности, в медиадискурсе и текстах художественных произведений.

В целом, сложное предложение в немецком языке в различных аспектах исследовано в ряде работ. Это труды исследователей середины прошлого столетия Адмони В.Г. [1], Гулыга Е.В. [4], а также работы современных авторов А.М. Поликарпова [6, 7], Бурдаевой Т.В. [3], Таранец Н.А. [9] и других.

Сложноподчиненные предложения с придаточными преобладают над сложносочиненными предложениями. По своему интенциональному характеру сложноподчиненные предложения представляют собой определенные схемы построения. В работах исследователей утверждается, что в современном немецком языке отмечается склонность к употреблению паратаксиса как результата сближения. Это «способ выражения синтаксических отношений путем простого соположения соотносящихся элементов, без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого» [2].

Внутри сложных предложений нет процесса накопления преобладающего значения сочинительных структур за счет подчинительных. Анализ изучения сложных предложений в немецком языкознании разное время сводился к анализу придаточных предложений и способов их связи с главным [9].

Сложноподчиненное предложение складывается из постоянных компонентов – главного и придаточного предложений. Придаточные предложения, часто выполняя роль членов предложения, по сравнению с ними обладают целым рядом преимуществ, так как они могут передавать временные и модальные оттенки, и, включая второстепенные члены, содержать дополнительную характеристику предмета или явления.

Если член предложения называет явление, то придаточное предложение сообщает о том или ином явлении благодаря присущей ему коммуникативной функции. При передаче действия членом предложения движение заменяется его статистическим изображением, а в придаточном предложении действие представляется в присущем ему движении. Потому сложноподчиненное предложение дает возможность объединить преимущества как стиля, в котором главным образом используются глаголы, так и стиля, для которого характерно использование преимущественно существительных.

Сложноподчиненное предложение отличается от простого тем, что оно может выражать не только одно, но и несколько высказываний. Организация таких предложений от простых отличается тем, что они могут выражать не только одно, но и два и более высказываний.

В организации сложноподчиненного предложения играет роль ряд факторов. Это порядок слов в придаточном предложении, союзы, интонация, наклонение и корреляты (сравнительное дополнение).

Наряду с этим, сама рамочная структура как таковая является одним из важнейших способов организации сложноподчиненного предложения.

Постановка подчиненного предложения перед главным способствует укреплению структурного единства сложноподчиненных предложений. А закрытые структуры отмечаются не так часто. Информационная структура показывает, каким образом распределяются пропозиции в предложении [2].

Ряд типов придаточных предложений, которые по своей семантике и конструкции развивают мысль главного предложения, они могут находиться только в постпозиции. К таким относятся следственные, целевые, сравнительные, местные придаточные предложения.

В медиадискурсе и в художественных произведениях определительные придаточные наиболее широко распространены. Придаточные определительные могут находиться и в постпозиции, и в интерпозиции.

В двучленных сложноподчиненных предложениях число придаточных определительных преобладает над другими видами придаточных. Такая распространенность определительных придаточных закономерна. Это обусловлено особенностями таких конструкций, так как придаточное определительное часто не только выполняет определительную функцию, но и выражает добавочные смысловые оттенки. Этот тип придаточных предложений включает в свой состав неоднородные по своему значению и по структурным признакам определительные предложения.

Исходя из этого, существуют разные классификации, различающие типы определительных придаточных предложений. В одной из положений отмечается весь набор структурно-семантических признаков во взаимосвязи компонентов сложного предложения.

Второе положение делит все придаточные определительные на собственно-определительные и несобственно-определительные, которые являются отдельной коммуникативной единицей. Потому они могут вступать с главным предложением в различные добавочные смысловые отношения. Эти отношения могут носить обстоятельственный характер. То есть, эти добавочные отношения могут быть причинно-следственными, результативно-следственными, уступительно-противительными, противительно-сопоставительными.

По своему характеру коммуникации несобственно-определительные предложения могут распределяться на добавочные и развивающие. Добавочные предложения содержат второстепенную, менее важную по семантике, информацию. Например: Kleselack, der inn schon nahe sah, gehorchte.

Такого плана добавочные предложения в немецком языке имеют широкое распространение. Но не менее широко отмечаются и развивающие предложения. Они являются доминирующими над добавочными предложениями. Их специфика заключается в том, что в семантическом отношении они являются не только отдельной, но и равноценной главному предложению единицей коммуникации. Они представляют собой самостоятельные информативные реплики [8]. Сложноподчиненные предложения при этом считаются своеобразным выражением семантически-сочинительной связи. В форму определительного предложения облекается одно из последовательно совершающихся действий, которое может быть следующим за описанием обстановки. Придаточное предложение во всех этих случаях развивает предшествующую мысль, участвует в поступательном ходе развивающихся событий. Приведем примеры:

Er erinnerte sich eines kieinen Seebades nicht weit von Triest, das man ihm ruhmlich genannt hatte.

Antonhatte un, ekannt in fremden Gegenden fur die grobe zeit der kleinen leute gearbeitet, die heranreifte.

Несобственно-определительные предложения имеют достаточно широкую распространенность. В преобладающих случаях они находятся в постпозиции. Дистантное расположение придаточного значительное доминирует над контактным. Главным средством связи между главным и придаточным является относительное местоимение *der,* который стоит в именительном падеже. Также отмечаются из других средств связи относительное местоимение was, относительные наречия места, времени и образа действия, приобретающие значене союзов – wo, wie, woher, wohin. Реже встречается союз daß, который входит в определительные придаточные предложения. В таких определительных придаточных предложениях, присоединяемых к главному асиндетически, передается косвенная речь.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ немецких сложноподчиненных предложений с одним придаточным определительным, привел к следующим выводам:

– в немецком языке наибольшую распространенность имеют придаточные определительные предложения;

– придаточное как бы подготавливает к восприятию содержание главного предложения. Такое предложение приближается к устойчивому словосочетанию вставочного характера. Условно такие предложения относятся к присоединительным;

– в сложных предложениях данный вид придаточных отличается частотностью употребления. По нашим наблюдениям, и в медиадискурсе и в художественном дискурсе их число колеблется до 35 % от общего числа придаточных предложений.

Список источников

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. Москва, 1963. 335 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва: УРСС, 2004. 569 с.
3. Бурдаева Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур: на материале современного немецкого языка как родного и иностранного: дис. канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2002. 211 с.
4. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. 206 с.
5. Поздерова Г.Ф. Некоторые особенности топологии немецкого предложения // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20. № 3. С. 1011 – 1015.
6. Поликарпов А.М. Сложное предложение в синтаксисе немецкой разговорной речи: дис. ... док. филол. наук. Архангельск, 2001.
7. Поликарпов А.М. Топологическая теория в грамматике немецкого языка // Вестник Поморского университета. 2004. № 1 (5). С. 78 – 85.
8. Санишвили И.Т. Дискурсивные характеристики риторических вопросов в художественной литературе на немецком и русском языках // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 12. С. 149 – 154.
9. Таранец Н.А. Порядок слов в простом и сложном предложениях: лингвопрагматический аспект: на материале немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.
10. Царикаева Ф.А. Теоретические основы изучения сложноподчиненного предложения в немецком языкознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 93 – 97.
11. Якубенко И.В. Семантико-прагматический потенциал актуального членения сложноподчиненного предложения (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36). Ч. 1. С. 213 – 217.

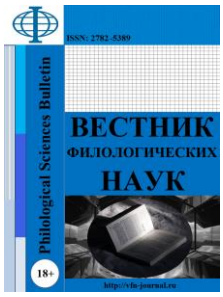
References

1. Admoni V.G. Historical syntax of the German language. Moscow, 1963. 335 p.
2. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. 2nd ed., reprinted. Moscow: URSS, 2004. 569 p.
3. Burdaeva T.V. Variation of a complex sentence and equivalent structures: Based on the material of modern German as a native and foreign language: Diss. Cand. Sciences (Philology): 10.02.04. Samara, 2002. 211 p.
4. Gulyga E.V. Theory of a complex sentence in modern German. Moscow, 1971. 206 p.
5. Pozderova G.F. Some features of the topology of a German sentence. Vestn. Bashkir. University. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 1011 – 1015.
6. Polikarpov A.M. Complex Sentence in the Syntax of Colloquial German: Doctor of Philological Sciences (Diss.). Arkhangelsk, 2001.
7. Polikarpov A.M. Topological Theory in the Grammar of the German Language. Bulletin of the Pomor University. 2004. No. 1 (5). P. 78 – 85.
8. Sanishvili I.T. Discursive Characteristics of Rhetorical Questions in German and Russian Fiction. Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 12. P. 149 – 154.
9. Taranets N.A. Word order in simple and complex sentences: lingua-pragmatic aspect: based on the German and Russian languages: diss. ... Cand. Philological Sciences. Krasnodar, 2000.
10. Tsarikaeva F.A. Theoretical foundations of the study of complex sentences in German linguistics. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2014. No. 23 (352). Philology. Art Criticism. Issue. 92. P. 93 – 97.
11. Yakubenko I.V. Semantic and pragmatic potential of actual division of complex sentences (based on the modern German language). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2014. No. 6 (36). Part 1. P. 213 – 217.

Информация об авторах

Гусейнова М.М., *кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, de-madin@mail.ru*

© Гусейнова М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-24-28

[1] Ильченко А.В.

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Алгоритмическая медиатизация корпоративной репутации: влияние поисковой выдачи, агрегаторов и рекомендательных платформ на восприятие компании

Аннотация: *в данной статье рассматривается проблема алгоритмической медиатизации корпоративной репутации в поисковых системах, агрегаторах и рекомендательных сервисах. Целью исследования было создание модели медиа- и коммуникационных процессов, объясняющей, каким образом алгоритмический отбор информации и сигналы платформы влияют на условия восприятия компании, и предложение меры кросс-канальной репутационной экспозиции. Для этого был использован теоретический синтез и сравнительный вторичный анализ десяти рецензируемых статей, опубликованных с 2022 по 2026 год. Единицей анализа являлось опосредованное платформой взаимодействие пользователя с информацией о компании; сравнивались такие переменные, как канал, изучаемый показатель и уровень вывода (причинный, корреляционный, теоретический). Было установлено, что четыре показателя связаны друг с другом: информационный след, алгоритмическая экспозиция, легитимация платформы и атрибуция аудитории. Поисковые системы, агрегаторы и рекомендательные сервисы описаны как различные типы медиапосредничества, каждый из которых организует ответы по иерархии, формирует вычислимый алгоритмами консенсус и начинает прямой персонализированный контакт с пользователем. Авторы предлагают индекс алгоритмической организации репутационной экспозиции, включающий вес канала, видимость, достоверность и оценочную ориентацию сообщений. Показано, что платформы не формируют корпоративную репутацию напрямую, они контролируют вероятность контакта, сравнительный контекст и индикаторы достоверности; как следствие, невозможно приравнивать баланс экспозиции к стабильной корпоративной оценке. Полученные результаты должны быть эмпирически проверены на основе анализа содержания результатов поисковых систем и опросов аудитории.*

Ключевые слова: *алгоритмическая медиатизация, корпоративная репутация, цифровые платформы, поисковая выдача, репутационная экспозиция*

Для цитирования: Ильченко А.В. Алгоритмическая медиатизация корпоративной репутации: влияние поисковой выдачи, агрегаторов и рекомендательных платформ на восприятие компании // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 24 – 28. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-24-28

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Ilchenko A.V.

[1] Russian Academy of National Economy and Public Administration

Algorithmic mediatization of corporate reputation: the influence of search results, aggregators, and recommender platforms on company perception

Abstract: *in this article, we discuss the algorithmic mediatization of corporate reputation within search results, aggregator platforms, and recommender platforms. We intend to provide a media communication model of algo-*

rithmic selection and platform signals that contribute to the development of company perception and an Index of Algorithmically Organized Reputational Exposure. The methodology is based on theoretical synthesis and comparative secondary analysis of ten selected peer-reviewed journal articles published between 2022 and 2026. The unit of analysis is an encounter with information about a company mediated by a specific type of platform, across which different channels, variables, and levels of inference are compared. We define four contours of algorithmic reputational mediatization: information trace, algorithmic exposure, platform legitimation, and audience attribution. Search engines, aggregator platforms, and recommender systems are viewed as specific modes of intermediation. To facilitate the assessment of cross-channel reputational exposure, we develop the Index of Algorithmically Organized Reputational Exposure as a multi-faceted measure of channel weight, visibility, source credibility, and evaluative valence. Finally, we conclude that algorithms and platforms do not directly create corporate reputation, but rather, they influence how often audiences can encounter it, within what comparative context, and with what cues regarding its credibility, meaning that we cannot simply equate exposure balance with a stable corporate evaluation. The proposed measure requires further validation, such as through search audits and audience surveys.

Keywords: *algorithmic mediatization, corporate reputation, digital platforms, search results, reputational exposure*

For citation: Ilchenko A.V. Algorithmic mediatization of corporate reputation: the influence of search results, aggregators, and recommender platforms on company perception. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 24 – 28. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-24-28

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Корпоративная репутация в настоящее время формируется не только сообщениями организации и откликами аудитории, но и тем, как эти сообщения и отклики располагаются в сети. Поисковые системы задают позиции материалов, агрегаторы трансформируют множество рейтингов в единый, а рекомендательные системы определяют доступ к публикации для конкретного пользователя. Таким образом, пользователи видят не полную последовательность информации, связанной с бизнесом, а лишь часть, выбранную алгоритмами.

Актуальность исследования обусловлена тем, что управление репутацией обычно опирается на тональность и объем упоминаний, но недостаточно внимания уделяет содержанию сообщения, его алгоритмической видимости и последующей интерпретации. Цель данного исследования – создать модель медиакоммуникации алгоритмической медиатизации корпоративной репутации и предложить простой индекс для измерения репутационного охвата, а не заменять им мнение аудитории.

Литературный обзор

По мнению С.А. Вартанова и А.Ю. Тышецкой [1], цифровые экосистемы, характеризующиеся сквозным сбором данных и интеграцией сервисов, служат основой для генерации и распространения медиаконтента на базе искусственного интеллекта. В своей работе А.Д. Казун [2] связывает медиасреду большого выбора с нелинейностью потребления новостей: предоставление доступа к материалам не гарантирует вовлеченности. В своем исследовании В.В. Калиновская [3] на примере Яндекса и VK демонстрирует, как экосистемы выступают в качестве подрывных сил, интегрируя контент, данные и методы доступа.

Для этапа поиска актуальны выводы R. Ulloa и C.S. Kacperski [9]: ранжирование источников и их репрезентативность являются более сильными предикторами выбора новостей, чем предыдущий опыт взаимодействия с источником; кроме того, повторное обращение к одному домену снижает вероятность клика по любой конкретной ссылке в этом домене. Н.Р. Пашук и Л.С. Солдатова [4] предлагают метод взвешивания тональности поисковой выдачи на основе показателей кликабельности, однако этот показатель отражает лишь конечный продукт, а не оцениваемую репутацию.

Относительно этапа восприятия S. Blassnig и др. [5] указывают, что воспринимаемое использование рекомендательной системы коррелирует с доверием к медиаисточнику, а сила корреляции зависит от воспринимаемых преимуществ и опасений. H.A.M. Voorveld, C.S. Meppelink и S.C. Boerman [10] подчеркивают неравномерную осведомленность об алгоритмах рекламы и различные возможности пользователей по выявлению и преодолению манипулятивных эффектов. K. Pooja и P. Upadhyaya [8] дают анализ того, как доверие к платформам переносится на отзывы, и анализируют влияние самого рейтинга, количества отзывов, качества аргументов и личности рецензента на воспринимаемую достоверность.

В своей работе F. Pollák и P. Markovič [7] затрагивают проблему измерения корпоративной репутации в сети, рассматривая цифровые платформы как активных участников формирования репутации, однако их целостный индикатор смешивает недостаток данных с неблагоприятными результатами. Исследование, проведенное H. Molavi и L. Zhang [6], подтверждает более широкую проблему: автоматизированные инструменты склонны фокусироваться на расчете тональности, рейтингов или надежности, а не на установлении долгосрочных оценок корпоративных заинтересованных сторон.

В результате существующие исследования рассматривают отдельные компоненты, не связывая их воедино для формирования общей картины алгоритмической фильтрации, сигналов платформы и атрибуции репутации.

Материалы и методы исследований

Исследование использовало теоретический синтез и сравнительный вторичный анализ десяти рецензируемых статей, опубликованных в 2022-2026 годах. Критерии включения: информация об алгоритмическом или платформенном выборе информации для пользователей; измерение восприятия или поведения пользователей; различие между репутацией, доверием, рейтингом, осведомленностью и намерением покупки.

Объектом анализа был опосредованный платформой контакт пользователей с информацией о компании. Сравнивались: объект, канал, переменная, уровень вывода (причинный, корреляционный, теоретический). На этой основе была построена кросс-канальная модель.

Результаты и обсуждения

Предлагаемая модель состоит из четырех обратных связей. Первая связь – информационный след: статьи, обзоры, корпоративные поста и комментарии пользователей. Вторая связь – экспозиция: что появляется, где появляется, как часто, насколько индивидуализировано, как долго. Третья связь – валидация платформы: рейтинг, количество отзывов, маркировка источника информации, значок сертификации платформы, собственная репутация платформы. Четвертая связь – атрибуция: как аудитория интерпретирует доступные сигналы и преобразует их в доверие и отношение к компании. Ответ аудитории возвращается в систему в виде новых данных рейтинга, образуя замкнутую, рекурсивную связь.

Каждая из этих связей может быть описана независимо: информационный след – по типу информации и тону; экспозиция – по доле показов, позиции, охвату; валидация – по независимости платформы и достоверности источника информации; атрибуция – по оценке компетентности, добросовестности и социальной ответственности компании. Таким образом, каждое звено в цепи может быть локализовано, и можно различить, какой механизм вызвал изменение: например, алгоритм увеличил экспозицию пользователя к негативной информации, но пользователь не нашел эту информацию достоверной, или информация не вызвала изменения в его оценке компании. Для эмпирической проверки необходимо сравнить логи, эксперименты и опросы с изменениями информации и без них.

Платформа не создает корпоративную репутацию, она создает вероятности контакта, контекст сравнения и индикаторы достоверности. Поэтому один и тот же фрагмент информации может давать разные эффекты в зависимости от его позиции в результатах, соседних фрагментов информации или метки, рекомендующей эту информацию. Высокий рейтинг может быть результатом конкретных правил агрегации, модерации или очистки данных, а не обязательно стабильным мнением.

Для описания полученной системы автор предлагает Индекс алгоритмически организованной репутационной экспозиции (ИАРЭ):

$$I_{\text{ИАРЭ}} = 100 \sum_{c=1}^{3} w_c \, v_c \, d_c \, t_c$$

где $c \in \{1,2,3\}$ – номер канала: 1 – поиск, 2 – агрегатор, 3 – рекомендательная платформа; w_c – неотрицательный вес относительной медиапосреднической силы канала, причем сумма трех весов равна единице; $v_c \in [0;\ 1]$ – нормированная видимость сведений; $d_c \in [0;\ 1]$ – воспринимаемая достоверность источников; $t_c \in [-1;\ 1]$ – оценочная направленность от максимального негатива до максимального позитива. Множитель 100 переводит результат в стобалльную шкалу, поэтому $I_{\text{ИАРЭ}} \in [-100;\ 100]$.

Веса 0,40, 0,35 и 0,25 характеризуют ожидаемую силу влияния на экспозицию информации через поиск, агрегаторы и рекомендательные системы соответственно. Наибольший вес присваивается поиску, поскольку существует активный поиск и ожидание релевантности первых позиций; агрегаторы имеют очень похожий вес, поскольку рейтинг агрегируется, агрегированная информация имеет сравнительный характер; ре-

комендательные системы имеют меньший вес, так как представление персонализировано, зависит от прошлых действий и, следовательно, пользователь менее уверен. В эмпирической работе вес должен оцениваться с использованием доли контактов или стандартизированных коэффициентов размеров эффекта.

Значение $I_{\text{ИАРЭ}} > 0$ означает преобладание позитивной экспозиции, $I_{\text{ИАРЭ}} < 0$ – негативной, $I_{\text{ИАРЭ}} = 0$ – их компенсацию; $|I_{\text{ИАРЭ}}|$ показывает долю от теоретического максимума. Для предварительной диагностики $|I_{\text{ИАРЭ}}| < 20$ означает слабый взаимно компенсированный сигнал; $20 \leq |I_{\text{ИАРЭ}}| \leq 50$ – умеренный; $|I_{\text{ИАРЭ}}| > 50$ – выраженный. Пороги равны 20 и 50% полной шкалы и требуют эмпирической калибровки. При заданных параметрах вклады поиска, агрегатора и рекомендаций составляют соответственно −11,20; +5,46 и +2,10 пункта, а ИАРЭ равен −3,64. Таким образом, существует слабая негативная экспозиция, но не негативная репутация.

Обсуждение.

В этом подходе раскрыто три подмены понятий:

1) видимость ≠ восприятие: высокое положение повышает вероятность коммуникации с потенциальным клиентом, но не влияет на то, как он воспринимает сообщение;

2) достоверность платформы ≠ достоверность компании: платформа валидирует информацию, а не компанию.

3) средний рейтинг ≠ мнение широкой публики: все зависит от того, кто пишет отзывы и как они агрегируются.

Научная новизна: важно видеть, что поисковая система, агрегатор и рекомендательная платформа – это лишь разные варианты одной и той же медиа-посреднической деятельности:

1) поисковая система организует ответы в соответствии с намерением запроса;

2) агрегатор дает консенсус, рассчитанный по формуле;

3) рекомендательная платформа создает личное взаимодействие.

Совокупный эффект – формирование асимметрий: концентрированная негативная информация на высоких позициях сильнее диффузной позитивной информации. Достигнув точки насыщения, чем больше источников, тем меньше доверия.

Ограничение исследования: исследование является теоритическим, и коэффициенты и факторы ИАРЭ нуждаются в эмпирическом подтверждении, таком как тестирование, анкетирование и анализ фактических результатов.

Выводы

Алгоритмическая медиатизация корпоративной репутации – это управление предпосылками для поиска, сравнения и проверки информации о компании. Автор не может говорить только о сентименте или среднем рейтинге. Модель показывает связь между информационным следом, видимостью, ролью платформы как валидатора и идентификацией целевой аудитории, в то время как ИАРЭ демонстрирует баланс кросс-медийной видимости. Это нуждается в эмпирической проверке: в будущих исследованиях необходимо изменить позицию, источник, количество повторений и метки в рекомендациях, сохраняя при этом информацию о компании неизменной, а затем наблюдать, как это влияет на восприятие компании.

Список источников

1. Вартанов С.А., Тышецкая А. Ю. Российская модель использования ИИ в цифровых экосистемах медиакоммуникационной индустрии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50. № 5. С. 23 – 53. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353.

2. Казун А.Д. Перспективные направления исследований потребления новостей в контексте медиасреды с большим выбором // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49. № 2. С. 3 – 47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.347.

3. Калиновская В.В. Медийные цифровые экосистемы как дизруптивные акторы медиакоммуникационной индустрии (на примере «Яндекса» и VK) // Актуальные проблемы медиаисследований – 2025: сборник материалов конференции. Москва, 3-4 декабря 2025 года. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова. 2025. С. 91 – 92.

4. Пашук Н.Р., Солдатова Л.С. Оценка онлайн-репутации рекламных агентств г. Владивосток // Фундаментальные исследования. 2022. № 9. С. 66 – 70. DOI: 10.17513/fr.43329.

5. Blassnig S., Mitova E., Strikovic E. et al User Perceptions of News Recommender Systems and Trust in Media Outlets: A Five-Country Study // Journalism Studies. 2024. Vol. 25. No. 10. P. 1182 – 1204. DOI: 10.1080/1461670X.2024.2364628.

6. Molavi H., Zhang L. AI-driven corporate reputation measurement in digital ecosystems: A systematic literature review // Acta Psychologica. 2025. Vol. 261. 105846 p. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.105846.

7. Pollák F., Markovič P. Challenges for Corporate Reputation–Online Reputation Management in Times of Global Pandemic // Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15. No. 6. 250 p. DOI: 10.3390/jrfm15060250.

8. Pooja K., Upadhyaya P. What makes an online review credible? A systematic review of the literature and future research directions // Management Review Quarterly. 2022. DOI: 10.1007/s11301-022-00312-6.

9. Ulloa R., Kacperski C.S. Search engine effects on news consumption: Ranking and representativeness outweigh familiarity in news selection // New Media and Society. 2023. 146144482311549 p. DOI: 10.1177/14614448231154926.

10. Voorveld H.A.M., Meppelink C.S., Boerman S.C. Consumers' Persuasion Knowledge of Algorithms in Social Media Advertising: Identifying Consumer Groups Based on Awareness, Appropriateness, and Coping Ability // International Journal of Advertising. 2024. Vol. 43. No. 6. P. 960 – 986. DOI: 10.1080/02650487.2023.2264045.

References

1. Vartanov S.A., Tyshetskaya A.Yu. Russian Model of AI Use in Digital Ecosystems of the Media and Communications Industry. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2025. Vol. 50. No. 5. P. 23 – 53. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.2353.

2. Kazun A.D. Promising Directions for Research on News Consumption in the Context of a Media Environment with a Large Choice. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2024. Vol. 49. No. 2. P. 3 – 47. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2024.347.

3. Kalinovskaya V.V. Media digital ecosystems as disruptive actors in the media communications industry (using Yandex and VK as an example). Actual problems of media research – 2025: conference proceedings. Moscow, December 3-4, 2025. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 2025. P. 91 – 92.

4. Pashuk N.R., Soldatova L.S. Assessing the online reputation of advertising agencies in Vladivostok. Fundamental research. 2022. No. 9. P. 66 – 70. DOI: 10.17513/fr.43329.

5. Blassnig S., Mitova E., Strikovic E. et al User Perceptions of News Recommender Systems and Trust in Media Outlets: A Five-Country Study. Journalism Studies. 2024. Vol. 25. No. 10. P. 1182 – 1204. DOI: 10.1080/1461670X.2024.2364628.

6. Molavi H., Zhang L. AI-driven corporate reputation measurement in digital ecosystems: A systematic literature review. Acta Psychologica. 2025. Vol. 261. 105846 p. DOI: 10.1016/j.actpsy.2025.105846.

7. Pollák F., Markovič P. Challenges for Corporate Reputation–Online Reputation Management in Times of Global Pandemic. Journal of Risk and Financial Management. 2022. Vol. 15. No. 6. 250 p. DOI: 10.3390/jrfm15060250.

8. Pooja K., Upadhyaya P. What makes an online review credible? A systematic review of the literature and future research directions. Management Review Quarterly. 2022. DOI: 10.1007/s11301-022-00312-6.

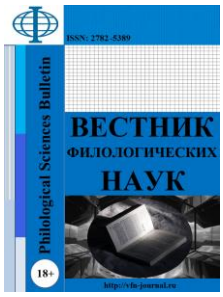
9. Ulloa R., Kacperski C.S. Search engine effects on news consumption: Ranking and representativeness outweigh familiarity in news selection. New Media and Society. 2023. 146144482311549 p. DOI: 10.1177/14614448231154926.

10. Voorveld H.A.M., Meppelink C.S., Boerman S.C. Consumers' Persuasion Knowledge of Algorithms in Social Media Advertising: Identifying Consumer Groups Based on Awareness, Appropriateness, and Coping Ability. International Journal of Advertising. 2024. Vol. 43.No. 6. P. 960 – 986. DOI: 10.1080/02650487.2023.2264045.

Информация об авторах

Ильченко А.В., *Институт государственной службы и управления, Медиакоммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г.Москва, Проспект Вернадского, 84, строение 1, mr.artem.vers@mail.ru*

© Ильченко А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81`282
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-29-39

[1] Каргина А.П.

[1] Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга

От «жердины» до «карбасины»: материальная культура и традиционный уклад камчадалов через призму названий палок

Аннотация: *статья посвящена комплексному анализу диалектной лексики, обозначающей палки и сходные с ними деревянные предметы, в говорах камчадалов – носителей русского диалекта позднего заселения Камчатки. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью данной тематической группы, несмотря на её высокую значимость для реконструкции традиционного уклада и материальной культуры региона. На основе полевых экспедиционных материалов и данных диалектных словарей автором впервые систематизировано более 40 наименований, объединённых общим значением «палка». Словарный состав структурно разделен на тематические подгруппы в соответствии с практическим применением палок: общие наименования, орудия и части конструкций для рыболовства и охоты, элементы транспортных средств, предметы быта и хозяйства. Показано, что наиболее развёрнутой и лексически разнородной является промысловая группа, что отражает ключевую роль рыболовства и охоты в жизнеобеспечении камчадалов. Автор делает вывод о том, что богатство и специализация терминологии напрямую отражают традиционный уклад жизни камчадалов, где промыслы (рыболовство, охота) и адаптация к окружающей среде играли ключевую роль. Материалы могут быть использованы в диалектологических, этнолингвистических и историко-этнографических исследованиях.*

Ключевые слова: *бытовая лексика, промысловая лексика, диалект, русские говоры Камчатки, камчадалы, палка, жердь*

Для цитирования: Каргина А.П. От «жердины» до «карбасины»: материальная культура и традиционный уклад камчадалов через призму названий палок // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 29 – 39. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-29-39

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Kargina A.P.

[1] Vitus Bering Kamchatka State University

From "pole" to "carbasin": the material culture and traditional way of life of the Kamchadals through the prism of stick names

Abstract*: the article provides a comprehensive analysis of dialectal vocabulary denoting sticks and similar wooden objects in the dialects of the Kamchadals – speakers of the Russian dialect of the late settlement of Kamchatka. The relevance of the study is due to the insufficient knowledge of this thematic group, despite its high significance for reconstructing the traditional way of life and material culture of the region. Based on field expedition materials and data from dialect dictionaries, the author for the first time systematizes over 40 names united by the common meaning 'stick'. The lexical stock is structurally divided into thematic subgroups according to the practical use of sticks: general names, tools and parts of fishing and hunting equipment, elements of vehicles, and house-*

hold items. It is shown that the most extensive and lexically diverse group is the fishing and hunting terminology, which reflects the key role of fishing and hunting in the subsistence of the Kamchadals. The author concludes that the richness and specialization of the terminology directly reflect the traditional way of life of the Kamchadals, where crafts (fishing and hunting) and adaptation to the environment played a crucial role. The materials can be used in dialectological, ethnolinguistic, and historical-ethnographic research.

Keywords: *everyday vocabulary, trade vocabulary, dialect, Russian dialects of Kamchatka, Kamchadals, stick, pole*

For citation: Kargina A.P. From "pole" to "carbasin": the material culture and traditional way of life of the Kamchadals through the prism of stick names. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 29 – 39. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-29-39

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В отличие от литературного языка, диалектный фонд содержит уникальные единицы, непонятные за пределами региона; именно в этом заключается его особая информационная ценность. Как подчёркивает А.К. Булатова, региональные говоры содержат лексические единицы, не входящие в активный словарь носителей литературного языка; именно эта специфика составляет основу их лингвокультурной значимости [3, с. 10]. В диалектах отражаются «культурно-исторические данные из жизни народа – носителя данного языка, … веками накопленный опыт, … общие знания о прошлом и настоящем в языке. При изучении языков малых народов, племен, ранее обитавших на русских землях, раскрывается богатство национального языка страны, познается и аргументированно интерпретируется ее история» [14, с. 36]. Н.А. Стародубцева и С.Ю. Харченко отмечают, что словарный запас носителей говора служит маркером их мировоззренческих приоритетов, особенно в сфере духовной культуры [18, с. 35].

В составе диалектной лексики немаловажное значение имеют наименования, связанные с материальной культурой и традиционным укладом диалектоносителей, в том числе названия предметов, повседневно используемых в быту, промыслах. Быт и промысловая деятельность жителей сельской местности прошлого (до первой половины XX века) ограничивался достаточно простыми приспособлениями, которые изготавливались из имеющихся в наличии подручных материалов.

Среди таких материалов важное место занимали деревянные палки разных размеров, представляющие собой обработанные и необработанные ветки и стволы деревьев, а также их части. Это нашло своё отражение в речи диалектоносителей. Несмотря на значимость данных предметов в жизни камчадалов, носителей говоров позднего заселения Камчатки, наименования, обозначающие их, составляют ещё не исследованный пласт лексики, что и делает тему настоящей статьи *актуальной*.

Цель исследования – описать и систематизировать названия палок, употребляемых диалектоносителями русских говоров Камчатки.

Русские говоры Камчатки представляют собой говоры позднего заселения, сформировавшиеся в XVIII веке, в связи с освоением дальневосточных территорий переселенцами с центральной России, в основном, казаками – носителями севернорусского наречия. В результате процессов межэтнической ассимиляции русских и коренных малочисленных народов (ительменов, позже коряков и эвенов) образовался уникальный диалект русского языка, на котором стали говорить его носители, камчадалы.

По наблюдениям О.А. Глущенко, формирование камчатского наречия происходило в условиях активного иноязычного окружения, что предопределило его лексическую гибридность [5, с. 42].

Вслед за К.М. Браславцем и Л.В. Шатуновой, составившими первый словарь говоров камчадалов, этот диалект называют камчатским наречием [16]. Системное исследование камчатского наречия началось с 2000-х годов. Под руководством Н.Г. Ильинской проводилась регулярная экспедиционная работа в отдаленные населенные пункты Камчатского края, была составлена обширная картотека, защищены диссертации, посвященные морфологии [4, 7, 19] и отдельным лексическим группам говоров камчадалов [6, 9, 12, 13].

В 2024 году командой диалектологов Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга был составлен и издан первый том полного недифференциального «Словаря русских говоров Камчатки. Буквы А-Б» [17]. В настоящее время идёт работа над дифференциальным кратким словарём, представляющим собой цифровой формат онлайн-словаря. Одновременно проводится описание отдельных лексических групп говоров, занимающих важное место в языковой картине мира камчадалов.

Новизна исследования заключается в описании ранее не рассмотренной лексической группы наименований палок и подобных им предметов, используемых в быту и промысловой деятельности.

Значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении лексических групп других русских говоров позднего заселения.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования явились архивные экспедиционные записи и картотека Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, «Словарь камчатского наречия» [16], «Словарь русских говоров Камчатки. Буквы А-Б» [17].

В ходе исследования были использованы следующие общенаучные и собственно лингвистические методы изучения языкового материала (метод сплошной выборки, описательный метод, включающий наблюдение, систематизацию и интерпретацию языкового материала, метод компонентного анализа, лингвокультурологический анализ, словообразовательный анализ и др.). Также был использован метод лингвоэтнографического контекста (по определению Н.В. Большаковой), объединяющий языковые и внеязыковые данные, давая возможность выявить те свойства культурного объекта, которые вместе с его наименованием образуют целостную картину в сознании диалектоносителя [2, с. 173-174].

Результаты и обсуждения

В процессе исследования различных диалектных наименований того или иного региона обнаруживается «детерминированность самих реалий … географической и этнокультурной спецификой региона» [10, с. 61]. Условия, в которых жили и трудились камчадалы, отличались ограниченными возможностями, связанными с удалённостью Камчатки от центральных территорий страны. Кухонная и хозяйственная утварь, составные части орудий лова и другие предметы, необходимые в быту и в традиционных промыслах, транспортные средства и их части изготовлялись из сподручных материалов, в том числе из стволов и ветвей деревьев.

В ход шли как крупные (например, тополь, который использовался для изготовления бата – долблёной лодки), так и узкоствольные деревья, которые в климатических условиях Камчатки произрастали повсеместно и в большом количестве. Именно такие деревья в виде палок, жердей, колов и тому подобных предметов использовались камчадалами для хозяйственных нужд. Условно обозначим тематическую группу слов, обозначающих данные предметы, словом «палка».

В говорах камчадалов существует чрезвычайно развитая и детализированная система наименований для предметов, объединяемых общерусским словом «палка». Эта система включает как общеупотребительные русские слова, так и большое количество собственно диалектных лексем. Данное явление характерно в целом для диалектной системы русского языка. Например, Э.Н. Акимова выделяет два основных вида диалектных единиц: лексемы с уникальными корнями, отсутствующими в литературном языке, и общеупотребительные слова, которые в говоре получают совершенно иную семантику [1, с. 56]. Анализ языкового материала позволил выделить следующие группы слов – названий палок.

1. Общие наименования палки.

Общерусское слово **па́лка** зафиксировано в говорах в следующих значениях: 1. Ветвь или тонкий ствол дерева, срезанные и очищенные от побегов. *Вишáла – стройэ́нийэ ис пáлак, на пáлках тóлстых из бирёзы. Йýрта дéлалась с пáлок, и брезéнтом покрывáли.* Анв. *Пáлкой деревя́нной по голове́ удáрит* (рыбу) *и в бат.* Квр. *На дно присывáица пáлки с ли́ственницы*. Кмн. // Стебель травянистого растения, когда он остаётся без листьев. *Когдá крапúва лист опадёт, тóлько пáлки остáлись óсеньйу, и серпóм срезáли*. Млк. 2. Предмет такой формы из какого-л. материала, употребляемый для различных целей. *Дéлайэца под вит корыта, потóм прикрепля́ица зупчáтайа пáлка. Дéлал шэст и попереченуйу пáлку и вéшал камлéйку, знак контрабандúстам подавáл*. Млк.

Также камчадалами используется лексема **па́лочка** в следующих значениях: 1. Уменьшительно-ласкательное к **па́лка**. *Обвя́зывали пáлочьками медвéжьйу гóлову*. Анв. *В нём, запóре, отóли – тóнкийэ пáлоцьки сплетённыйэ*. Квр. *По углáм берестý склáдывайут и концы́ пáлочьками свя́зывайут.* Млк. 2. Трость, посох. *Бáушка мойá дохóдит до сарáйки с пáлоцькой*. Млк.

В качестве общего наименования палки более часто используется другое общерусское слово – **жердь**, которое представлено в говорах камчадалов в значении «Длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток»: *Настéлят зердя́ми, пру́тьйами. Жéрди стáвили и травóй покрывáли.* Квр. *Икрý сушы́ли на жэрдя́х, а какáйа фкусня́тина. Жэ́рди стáвили и сушы́ли ры́бу. Дéлайут жырдéй с тальникá. Спецыáльна длúнна жэрть, такáйа вот, на нейó э́ту вот úзгарать лóжут*. Млк.

Лексема **жердь** имеет диалектный вариант множественного числа **же́рдья** (*Чúручь – мóрда, тóлько сéтка закрýчивайэш, как книга, кóльйа привя́зывайут, жэ́рдьйа тальникóвыми верёфками.* Млк.), фонематический вариант **желдь** (*Вот так прóста жэ́лди набы́йут и карбасúны.* Млк.), а также разнообразные сло-

вообразовательные варианты: **жердень, жердечка, жердина, жердиночка, жердык, жёрдочка (жырдочка)**. Подобные примеры показывают, что диалекты, функционирующие преимущественно в устной форме, отличаются от литературного языка заметно большим разнообразием вариантов корневых морфем. Эта же особенность проявляется и в аффиксальной системе: более богатый инвентарь словообразовательных средств даёт возможность образовывать слова, которые отсутствуют в литературном языке [8, с. 89].

Лексема **же́рдык** используется в том же значении, что и слово **жердь**: *Жэ́рдыки ложы́ли, спецыа́льныйэ жэ́рдыки*. Млк. Остальные дериваты слова **жердь** имеют в семном составе компонент «размер». Для обозначения значения «Длинная и/или крупная жердь» используются дериваты **жерде́нь** (*Тут два ко́локола больша́йэ, только они́ не наверху́ там, сейця́с они́ на столба́х, жерде́нь, там и вися́т колокола́*. Млк.) и более часто – **жерди́на** (*Стои́т жэрди́на така́йа*. Анв. *Соба́к корми́ли йу́колой, каки́йэ-то голо́фки ква́сили ф траве́, а каку́йу-то сушы́ли на жэрди́нах*. Длн. *Гло́би – жырди́на така́йа и на нийо́ прикрепля́ли лошаде́й. Де́лались вме́сто забо́роф, э́та жэрди́ны*. Млк.)

Для наименования жердей маленького размера используются следующие слова: **же́рдечка** (*Сушы́ли на жэ́рдечьках у нас* (икру). *Карау́лка, вырубайэца та́льник с ве́точьками, он создайо́т тишыну́, там жэ́рдечьки, йа их с йо́лок де́лал*. Млк.); **жерди́ночка**: *Из жэрди́ночек зьде́лан с та́льника, гво́зьдиком вро́де заби́то.* Млк.; **жёрдочка/жы́рдочка** (*Тут де́лайэца така́йа шту́ки, снача́ла открыва́йэца ат воды́ или ат уда́ра, а ры́ба атту́да вы́браца не мо́жэт, она́ зьде́лана с та́льника из жы́рдочек.* Млк.)

Кроме словообразовательных вариантов с общерусским корнем *-жерд-*, для обозначения жердей, используемых в быту и хозяйстве, камчадалами используются следующие собственно диалектные слова:

Карбасина: То же, что жердина. *Карбаси́на – жэрди́на в загоне. Вот так про́ста жэ́лди набыйу́т и карбаси́ны. Ис та́льника забо́р де́лайут, переплета́йут че́м-та, карпачи́на – э́то жэрди́на.* Млк. Имеются фонематические варианты данного слова **карбосина, карпачи́на** [16, с. 73].

Карбаши́н: *Молодёш, карбаши́н, жэрть де́ло доходи́ло, зайа́длый был подра́ца.* Млк.

Карба́сник (корбасник, корбашник, карбазник, корбас) «Связанные карбасины… – Карбосник жэрдинки толовые /Е./ Мы говорили по-руски: “Едем за жэрдями”, а у них “Едем за карбазнико́м” /Квр./ На корбашник, гыт, повэшал /Т./» 16 73 «Имч, кол’ корбаш. “Говорю, дай корбас” /Т./» [16, с. 82].

Рогату́лина*:* Длинная палка, жердь. *У нас шала́ш называ́йэца о́ччя, э́то мо́ɣут там сперwа́ посреди́не три э́тих раɣату́лины, как с паталка́, зато́ штоп ну ходи́ть там бы́lo хорошо́.* Анв.

Для обозначения обычной длинной палки реже используется слово **шест:** *Вытёсывали дли́нныйэ шэ́сты из ли́ственницы и перед бeróгой их ста́вили, скре́щивали*. Эсс. Такое употребление слова **шест** зафиксировано в Быстринском районе Камчатки.

Большую группу слов с общим значением «палка» составляют наименования следующей группы. Это связано с экстралингвистическими факторами. Рыбалка и охота – традиционные и наиболее важные виды промысла северных народов, в том числе камчадалов. Поэтому в языковой картине мира представлены лексемы, представляющие палки, которые являются составными частями ловушек, орудий рыбаков и охотников. Как замечают исследователи, в лексемах, обслуживающих сферу рыболовства, находит выражение своеобразие номинативных стратегий, которые ориентированы на закрепление в языке культурно значимых реалий [1, с. 56]. Эти слова относятся к терминологической лексике диалекта, которая обозначает промысловую деятельность человека, «структурирует его опыт и конечные цели, создавая ментальные модели отраслевой картины мира, которая прослеживается в лексико-тематических группах» [15]. В группе представлены следующие наименования.

2. Наименования палок, используемых или встречающихся на охоте и рыбалке.

2.1. Палка – составная часть рыболовного орудия или охотничьей ловушки. В данной группе слов отмечены следующие собственно диалектные слова, представляющие собой в основном заимствования из ительменского языка:

Аттол (отол): Жердь, составная часть ловушки, состоящей из длинных жердей, переплетённых в трёх местах верёвками. *Это в запорах были аттолы – палки; корбасина с руку, а аттол поменьшэ. Атолы толщиной два пальца, деревянныйэ жэрди, сплетённыйэ верёфками.* Млк. [17, с. 97].

Аттолина (отолина): То же, что аттол. *Атолина, на ней зарес, штоб верёфка не слазила. Это аттолина спасала.* Млк. [17, с 101].

Атыр (атырь): То же, что аттол. *Атыры из дерева, палки такийэ, скриплённыйэ друг з друскай. Запор состоит: такийэ рейки, вот такийэ атыры, рейки, а тут прикрепляйут палки сантиметроф по десять, ф трёх местах связывайэшь. Атыри три метра, тонкийэ жэрди, фставленныйэ ф планки.* Млк. [17, с. 102-103].

Кора́плут: «Первый из кольев, на которых держался аттол… – Самый первый кол называли кораплут /Кл./» [16, с. 81].

И́рхты́: «Колья, на которых держался аттóл». *Кóльйа, на котóрых дерзáлся отóл, называ́ли и́рхты.* Клч. «И́рхты забивали куроком… /Кл./» [16, с. 68].

Кара́плуч: «Кол, на котором укреплена морда запора… – Карплуц' – кол', штобы держал' запоры. На зопе кол'караплуць эту самую морду и держит /Кл./» [16, с. 72].

Также представлены слова с общерусской основой:

Погружалка: «Палка, на которой держится рама чируча… – Вот погружал'ку за кол'цо коля и привяжот /Н.-К./» [12, 16, с. 133].

Тычóк: «Палка, тонкий кол, воткнутый в землю». *Ста́влю омёт, омёт – э́то се́тка, она́ стои́т на тыцка́х.* Клч. [12].

Ша́тина (са́тина): Длинная жердь, на которую насаживали марик (крючок). «*Ры́бы мно́го бы́ло: ки́жучь, кра́снайа, не́рка, – би́ли в воде́ са́тиной – па́лка така́йа. Ша́тину вы́рубил, петлю́ зьде́лал. Са́тина – жэ́рть*. Млк.» [12]. Другое значение – «Жердь, используемая как удилище». *Ша́тина – э́то уди́лище, черемо́шина ги́пкайа, из нейо́ де́лайут*. Длн.

В говорах камчадалов распространены составные наименования со словом **кол**, обозначающие заостренные палки, жерди, которые размещаются в разных местах ловушек для рыбы, таких, как *запор* и *чируч* или в их частях (например, в *морде, пеуле)*. При этом наименование может включать собственно диалектное прилагательное, как в следующих сочетаниях:

Аттольный кол: «Кол, вбиваемый с внешней стороны пеуля /см./. Служит для удержания аттола /см./. С внешней стороны пеуля, у его концов, вбивается по одному колу, называемому «аттольным»» [16, с. 25].

Атырный кол: «Кольцевой кол, вбиваемый с внутренней стороны пеуля /см./. У двух свободных концов пеуля вколачивается два так называемых «кольцевых», или «атырных», кола, оба с внутренней стороны пеуля» [16, с. 26].

Жопальный кол: «Кол в конце морды. – Жопал'ный кол взаде морды, штобы морду подымат'. А конец морды – жопа /Д./» [16, с. 60].

Прижимной кол: «Кол, к которому крепится морда…У свободных концов атыр вколачивается еще по одноу так называемому "прижимному" колу, коорые служат ля укрепления на них "морды"… – Перед мордой длинная рейкадвуя прижимными колами прижимаетца /М./» [16, с. 141].

Составное наименование со словом **кол** может включать также общерусское слово (прилагательное или существительное):

Косой кол: «Кол, вколачиваемый "приблизительно еще на один или полтора метра по течению ниже кольцевых кольев и несколько к берегу относительно атырного кола"…» [16, с. 83].

Кол-детёныш: «Кол, который вбивается в конце морды, чтобы она не всплывала. – Кол детеныш заколачивается вжаде /Пл./» [16, с. 80].

Кольцевой кол: «То же, что аттольный кол. Кол'цевой кол' меш аттолёф. Им атоли крепятца /М./» [16, с. 81].

Для обозначения составной части ловушки на зверя используются общерусские слова *баклан, сторожок*, а также диалектные слова с общерусской основой *потаск.*

Бакла́н: «Толстая длинная палка, привязываемая к капкану, потаск… – К капкану привязывают ллинную палку – потаск, чтобы не ушла /лиса/. Сибиряки потаском называли, а мы балканом /Кл./ » [16, с. 27].

Сторожок: «Подпорка в охотничьей ловушке. – Сторожок, палочка со шшимилиной… Рубиш палку пополам длиную, шантиметров двацат'. Паласка-шторожок ложиш на шимилину. Штарошка – палоц'ка ш нажыфкай /Е./» [16, с. 164].

Потаск: «Тяжелая палка, привязываемая к капкану, мешающая пойманному зверю тащить ловушку. – Потаск делат, палку к петли привязыс или к капкану, и фсё. На петлю на медведя низко бол'сой баклан – цело бревно /Кл./.» [16, с. 139].

Е.Р. Николаев отмечает, что русские заимствования в сфере охотничьей терминологии отражают технологические инновации, принесённые переселенцами, и адаптацию к местным природным условиям [11, с. 38].

2.2. Палка – инструмент, применяемый при ловле рыбы или добыче зверя.

Бреуль: Приспособление в виде длинной т-образной палки для загона рыбы в ловушку. *Стайош прямо на атыре, буквой «тэ» бреуль – палка, меньшэ шырины атырь делайэца, это выгонять рыбу, и пал кой туда бух рыбу, и она в ловушку забегайэт. Йэсьть такой бреуль – палка и на концэ доска нешырокайа, фстайош и запугивайэш бреулем, бьйош от книги, штоп она (рыба) в морду попадала.* Млк. [17, с. 242-243].

Саёк (шаёк): Палка с чем-то острым и/или загнутым на конце, используемая для перемещения рыбы во время рыбалки на берег или в разные части ловушки. *Сайо́к – па́лка с о́стрым крючько́м на канцэ́, выбра́сывать ры́бу из бату́ на бе́рих.* Млк.

Ше́ст: Длинная палка с острием на конце, используемая для ловли рыбы. *Ма́рик – сест дли́нный, в реке́ в ручьйу́ ри́бу ни доста́ниш, ма́риком колólи в реке́, далёко стои́т* (рыба), *икру́ выпуска́ит, ма́риком зако́лиш. На сесте́ йэщё ры́бу ко́лют.* Млк.

Колоту́шка: Палка с утолщением на одном конце для убивания рыбы. *Колоту́шка – па́лка, убыйо́шь ийо́, пото́м выта́скиваш, а так и не спра́вися с ц"авы́цей. Колоту́ской би́ли ц"ави́цу по голове́.* Клч. *Ри́бу беру́т за хвост ле́вой руко́й, а ф пра́вой руке́ колоту́шка – па́лка с утолще́нийэм сни́зу, с полме́тра.* Млк. [12].

Садо́к: Палка для оглушения рыбы. *Оглушы́ть ры́пку саткóм, па́лкой*. Млк.

Ша́тина (са́тина): «Жердь, которой выгоняют соболя из дупла, медведя из берлоги. Берёш сатину. Ну, жэрт' такая. Тыкаёш, шобол' и вискакивает. /Медведю/ бросают сатины, он их хватаёт, шам шебя запирает. Кмн.» [16, с. 171].

2.3. Палки, являющиеся препятствием на промысле.

Торчи́на: Затопленная или полузатопленная палка в реке. *Торчи́на – э́то па́лка называ́йэца, торчи́т, се́тка заде́нет.* Клч. В говорах представлен дериват данного слова – **поторчи́на (поторци́на)**, имеющий то же значение: *Поторчи́на, на поторчи́ну когда́ найэ́хал он, и пра́вда э́то кол, па́лка, коря́га торцы́т из воды́.* Клч. *Поторцы́на – вы́тасился сук с воды́, на нево́ мóжно за́просто напоро́ца.* Мл. [12].

3. Палка, используемая при изготовлении транспорта или для передвижения на нём.

3.1. Палка – составная часть транспорта.

Вязки́: «Палки, которыми соединяются копылья. “Противустоящие копылья соединяются друг с другом круглыми палками, суживающимися на концах /веретеноборазно/, длина которых находится в зависимости от той ширины, какую хотят дать нарте и называемые вязками…”» [16, с. 43].

Дра́нички: «Тонкие гибкие реечки расколотой древесины. Кибитка или волчок делается из весьма тонких прутиков или драничек…» [16, с. 54].

3.2. Палка, используемая при изготовлении транспорта (лодки).

Распорки: «Палочки, вставляемые в гнезда бортов /отворотов/ бата, чтобы увеличить тем самым его ширину /С.-К./» [16, с. 148].

Се́рьга: «Палочка, вставляемая в гнезда щели бата; к ней крепится веревка /цепь/, при помощи которой бат привязывают или буксируют. – Шергы. Закрепы /С.-К./. На нашу бата саргу одивают. И на корме /Крг./» [16, с. 156].

Нака́тки: Палки для скатывания долбленой лодки на воду. *Нару́биш таки́йэ па́лки: ветлу́ берёш, кору́ снима́йэш, они́ ско́льскийэ, лу́п-то, и начина́йэш толка́ть постепе́нно по пять-по де́сять санти́метроф толка́йэш, а когда́ нака́тки, он ужэ́ лехко́ пойдёт, и тогда́ йэво́ ужэ́ так, стяга́ми йэво́ ужэ́ та́щиш*. Млк. [12].

3.3. Палка для управления транспортом и передвижения на нём.

Остол: «“Искривленная к концу палка и окованная внизу железом, иногда с побрякушками наверху; употребляемая при езде для удержания и останавливания собак…”… – каюрсык остолом поддерзит /нарту, когда едет/ под гору. Остолом тормозит’ /Е./. Остолом тормозили /Кл./.» [16, с. 120].

Пру́ди́ло: «“Прямая палка с острым железом, вставленная в конец, служащая, как и оштол, для останавливания собак…”. – Прудела. На нём плётка и на конце железный наконеч’ник /Н.-К./» [16, с. 144].

Шест (шист): Длинная палка, используемая для передвижения на бату. *Вёсла были и шысты́, дли́нныйэ па́лки. Обы́чьно по два челове́а ходи́ли, вверх хди́ли шыста́ми, внис вёслами. Ру́лят па́лкой, шэст называ́ица, по дну тола́ишся и идёш. Шист – дли́ннайа па́лка. Сто́йа на шэста́х, на па́лках на таки́х, а йэ́сли глубоко́, зна́чит сади́ца, берёт висло́. С тальника де́лали вёсла и шысты́ – гну́ца, но ни лома́йуца.* Млк.

Такое же значение имеют слова **весло́** (*Рыба́чиli на ба́тах, управля́ли шысто́м, йэщё называ́йут висло́.* Млк.) и **ве́ха** (*Шэст, и́ли веха, как обы́чьно называ́йут, што́бы через ре́чьку ходи́ть.* Клч.)

4. Палка для опоры при ходьбе. Кроме общерусского слова **палочка**, имеющего одним из значений «Трость, посох» (см. выше) используется собственно диалектное слово *бадажок.*

Бадажо́к: Трость, палка, на которую опираются при ходьбе, посошок. *Бадажок оставila, трудно ходить без бадашка, серцэ больнойэ*. Крк. [17, с. 113].

5. Палка для использования в сельском хозяйстве и быту.

Ба́стри́к (ба́стры́к): Толстая палка, жердь для укрепления сена на повозке. *Сверху nalку укладывalи, ба́стрык nalка называйэца, такой molстый нарубит, завяжыт на сене, на возу, штоп не padalo сено*. Квр. *Ба́стрик – то́лстайа жэрди́на на саня́х, перетя́гивали се́но.* Млк. [17, с. 135] Отмечаются также варианты этого слова **баштыk, башлы́к** [16, с. 29].

Заво́рина: «Жердь, которой закрывают проход в изгороди. – Заворины – ворота. Па-иначи-та ни знаю /Пар./. Сицас делаица калитка. Ран'шы двэ-три зэрди просунис, говорили заворины /Т./» [16, с. 61].

Держи́на: Жердь, приспособленная для держания чего-л. *На чердака́х де́лали держы́ны и туда́ ве́шали сушы́ть икру́*. Млк.

Копорилка: «"Палка, загнутая на одном конце в виде крюка…", которой обрабатывают огород. Земля "разделывалась" самым первобытным способом – "копорилкой", палкой, загнутой крюком на конце…"» [16, с. 81].

Прижимина: «Жердь для прижимания травы, которою кроют крыши…» [16, с. 141].

Таган: «Палка, на которую подвешивают чайник. – Фтыкают палоц'ку и вешают чяйник. Это таган /У.-К./. Таган – палка. На которой висит чайник над костром. Поди отруби таган /Е./» [16, с. 166].

Скобилка: Палка для выскабливания чего-л. *Па́лка така́йа, скоби́лка*. Квр.

Шест: Палка, которой достают воду из колодца. *Жура́вьl не говори́lи, у коло́цца бы^{ц}l шэст, во́ду им подними́lи*. Млк.

Паро́к: Палка на конце с углублением для снятия жира. *Паро́к – па́lка на концэ́ с углубле́нийэм дlя сьня́тийа зи́ра.* Клч.

6. Палка для игр.

Палка: *Зимо́й ф пупки́ игра́ли, збива́ли па́лки*. Млк.

Бита: Предмет (палка, бабка и т.п.), которым бьют в различных играх (в городки, бабки и т.п.). *Вот отдельно ставили палочьки и битой по ним кидали. Играли в горотки, лапта, ну эта мячик били, чижык, ну это такайа была, выстругали пирамитку и тожэ битой били, кошки-мышки, пятнашки, ножычьки бросали*. Млк. [17, с 163].

Список названий населенных пунктов Камчатского края и их сокращений

с. Анавгай – Анв.
с. Ковран – Квр.
п. Ключи – Клч.
с. Каменское – Кмн.
с. Коряки – Крк.
с. Малки – Мл.
с. Мильково – Млк.
с. Долиновка – Длн.
с. Усть-Большерецк − У.-Б.

Выводы

Проведённый анализ показал, что в языковой картине мира диалектоносителей названия палок отражают их функциональную дифференциацию с учётом их конкретного назначения: это названия составных частей ловушек или транспортных средств; названия орудий для загона или ловли рыбы, для управления нартами, для хозяйственных нужд, для игр.

Словообразовательное гнездо с корнем *-жерд-* является одним из самых продуктивных для обозначения палок, демонстрируя разнообразные формы с оттенками размера (*жердень, жердина, жердечка*). Наличие разнообразных суффиксальных дериватов (*жердень, жердиночка, жердык*) выполняет важную прагматическую функцию: они позволяют говорящему предельно точно охарактеризовать физические параметры предмета (длину, толщину, соразмерность). Это говорит о высокой степени практической наблюдательности диалектоносителей, для которых размер палки был первичной и наиболее информативной характеристикой.

Самой многочисленной и лексически разнородной группой являются названия палок, используемых как части ловушек в рыболовстве и охоте, что обусловлено важностью данных традиционных промыслов для камчадалов. Широко представлены заимствования, в первую очередь из ительменского языка (*аттол, атыр, кораплут, ирхты*), что указывает на глубокие исторические и культурные контакты. В то же время имеются составные номинации типа *косой кол, кол-детёныш, прижимной кол*, что демонстрирует специфику функционирования общерусских слов в говорах позднего заселения.

Среди названий палок как орудия добычи рыбы и зверя преобладают лексемы с прозрачной внутренней формой (*колотушка, садок, потаск*), образованные от глаголов действия. Это указывает на то, что для камчадалов важнее была не столько конструкция орудия, сколько способ манипуляции с ним – удар, оглушение, загон, торможение добычи. Глагольная семантика как бы «оживляет» предмет, встраивая его в динамику промыслового процесса. При этом одно и то же слово (*шатина*) может обозначать и удилище, и жердь для выгона зверя из укрытия, что говорит о функциональной многозначности названий.

По негативному признаку выделяется группа названий, обозначающих препятствия на промысле (*торчины, поторчины*): палки здесь не помогают, а мешают, создавая опасность для сетей и лодок. Само слово *торчина* (от *торчать*) фиксирует не столько материальный объект, сколько его пространственное положение – вертикально или наклонно выступающее из воды. Наличие деривата *поторчина* с тем же значением показывает активность словообразовательных процессов даже в пределах узкой семантической ниши.

Среди названий палок в транспорте и управлении движением отчётливо разграничиваются статические конструкции (*вязки, дранички, распорки, серьга*), которые обеспечивают жёсткость передвижных средств, и динамические орудия управления (*остол, прудило, шест, весло, веха*). Для статических элементов характерны названия, указывающие на соединительную или распорную функцию (*вязки, распорки*), а для динамических – на способ взаимодействия с животными или водой (*остол* – через торможение, *прудило* – через остриё, *шест* – через отталкивание от дна). Это различие подтверждает, что в языковом сознании камчадалов палка как «архитектурная» деталь и палка как «рычаг» воспринимаются как разные онтологические категории, хотя физически это один и тот же материал.

Большинство наименований хозяйственных и бытовых палок образовано от глаголов, обозначающих конкретное действие (*прижимина – прижимать, скобилка – скоблить, копорилка – копать*). Минимальная по объёму группа названий палок, применяемых в игре. Здесь используется общерусские слова (*палка, палочка*, *бита*), которые не имеет диалектных дублетов. Это может означать, что игровая сфера была менее значима для этнокультурной идентичности камчадалов, нежели промысловая.

Проведённое структурирование лексического материала позволяет увидеть не просто перечень диалектных единиц, но и стоящую за ними стройную логику хозяйственного уклада, специфику материальной культуры и традиционных промыслов камчадалов (см. табл. 1). Каждая из выделенных групп отражает определённую сферу жизнедеятельности камчадалов, причём степень детализации номинаций связана со значимостью соответствующего занятия.

Исследуемая лексика представляет собой ценнейший материал не только для лингвистики (диалектологии, этнолингвистики), но и для этнографии, истории и культурологии. Она фиксирует уникальную картину мира камчадалов, их практические знания и адаптацию к специфическим условиям жизни на Камчатке. Сохранение и изучение этой лексики важны для понимания и сохранения культурного наследия региона.

Таким образом, простая бытовая реалия (*палка*), находит сложное и многогранное отражение в языке, выступая своего рода «ключом» к пониманию традиционного уклада, материальной культуры и языковой картины мира камчадалов.

Таблица 1

Наименования палок в говорах камчадалов.

Table 1

Names for sticks in Kamchadal dialects.

№	Тематическая группа	Подгруппа	Наименования	Основная функция / значение
1	Общие наименования	Общерусские слова	*палка, палочка, жердь, шест*	Обозначение любого тонкого длинного деревянного предмета (очищенная ветвь, ствол)
		Дериваты общерусских слов, имеющие значение размера	*жердина, жердень рогатулина* (крупные); *жердечка, жердиночка, жёрдочка, жердык* (малые)	Дифференциация по длине и толщине
		Собственно диалектные наименования	*карбасина (карбосина, карпачина), карбашин, карбасник (корбасник, корбашник)*	То же, что жердина, особенно в конструкциях загонов

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

2	Рыболовство и охота	Жерди основы запора	*аттол (отол), аттолина, атыр (атырь), атырный кол*	Опорные жерди, переплетённые верёвками; образуют каркас запора
		Колья для крепления аттола/атыра	*кораплут, ирхты, караплуч, аттольный кол, кольцевой кол, прижимной кол, косой кол, кол-детёныш*	Вбиваются в дно/берег для фиксации жердей и морды; каждый кол имеет строгое местоположение
		Палки для управления движением рыбы	*бреуль, саёк (шаёк)*	Загон рыбы в ловушку (*бреуль* – Т-образная палка); вытаскивание рыбы крючком (*саёк*)
		Орудия умерщвления рыбы	*колотушка, садок*	Удар по голове рыбы для оглушения
		Палки для выгона зверя	*шатина (сатина), баклан, потаск*	Выгон соболя из дупла, медведя из берлоги; потаск – тяжелая жердь к капкану
		Препятствия на воде	*торчина, поторчина (поторцина*)	Затопленная или выступающая из воды палка, опасная для сетей
3	Транспорт и передвижение	Детали нарт и лодок	*вязки, дранички, распорки, серьга, накатки*	Соединение копыльев, гибкие рейки, распорки бортов бата, фиксация верёвки, скатывание лодки
		Средства управления	*остол (оштол), прудило, шест (шист), весло (висло), веха*	Торможение нарт, управление лодкой (отталкивание шестом, гребля)
4	Сельское хозяйство и быт	Укрепление сена на возу	*бастрик (бастрык, баштык, башлык)*	Толстая жердь для прижима сена на санях или телеге
		Запоры в изгороди	*заворина*	Жердь, закрывающая проход в ограде
		Приспособления для сушки, прижима	*держина, прижимина*	Жерди для подвешивания икры, прижима травы на крыше
		Орудия обработки земли	*копорилка*	Палка с загнутым концом для рыхления земли
		Бытовые палки-инструменты	*скобилка, парок, таган, шест (для колодца)*	Выскабливание, снятие жира, подвес чайника, подъём воды
		Опорные палки	*Бадажок, палка, палочка*	Трость, опора при ходьбе
5	Игры		*Бита, палка, палочка*	Предмет для удара в городках, лапте, чижике

Список источников

1. Акимова Э.Н. Рыболовецкая лексика в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22. № 2. С. 49 – 60. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.4.

2. Большакова Н.В. Лингвоэтнографический контекст при описании реалии традиционного быта // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2021. № 2. С. 168 – 176. DOI: 10.31712/pvrli-2021.2.13.

3. Булатова А.К. Изучение словарного состава среднего диалекта татарского языка в семантико-этимологическом аспекте // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. 2025. № 2 (125). С. 9 – 14.

4. Быкова И.И. Имя прилагательное в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2006. 348 с.
5. Глущенко О.А. Этноязыковая ситуация на Камчатке: генезис, современное состояние, особенности камчатского наречия // Вестник КРАУНЦ. 2004. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnoyazykovaya-situatsiya-na-kamchatke-genezis-sovremennoe-sostoyanie-osobennosti-kamchatskogo-narechiya (дата обращения: 24.07.2026).
6. Григоренко Н.А. Лексика флоры и фауны в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2007. 355 с.
7. Каргина А.П. Общерусский глагол в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Владивосток, 2006. 380 с.
8. Колесова Е.И. Опыт словарного описания диалектного корневого гнезда в вологодских говорах // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. 2025. №4. С. 87 – 90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-slovarnogo-opisaniya-dialektnogo-kornevogo-gnezda-v-vologodskih-govorah (дата обращения: 24.07.2026).
9. Малоземлина О.В. Лексика пищи в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Петропавловск-Камчатский, 2009. 284 с.
10. Мызникова Я.В. Наименования одежды и обуви в русских говорах Симбирского Поволжья: этнолингвистический и ареальный аспекты // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2024. № 4. С. 61 – 75. DOI: 10.5281/zenodo.13996083.
11. Николаев Е.Р. Русизмы в диалектных названиях орудий охоты в якутском языке // Неофилология. 2025. Т. 11. № 1. С. 31 – 41. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41.
12. Олесова Н.Г. Рыболовецкая лексика в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2006. 490 с.
13. Полищук Л.А. Название одежды и обуви в говорах камчадалов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2007. 368 с.
14. Рудометова С.М. Цоканье как отличительная особенность мещерских говоров: история и современность // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2025. № 1. С. 36 – 46. DOI: 10.5281/10.5281/zenodo.14921466.
15. Сердобинцева Е.Н. Народные говоры – сокровищница культурного наследия нации // Наука и Образование. 2017. Т. 2. № 2.
16. Словарь русского камчатского наречия / под ред. К.М. Браславца, Л.В. Шатуновой и др. Хабаровск: Изд-во Хабаровск. гос. пед. ин-та, 1777. 175 с.
17. Словарь русских говоров Камчатки. Вып. 1. (А-Б) / авторы-сост. Н.А. Григоренко, А.П. Каргина, О.В. Малоземлина. Петропавловск-Камчатский: Москва: Издательство Перо, 2024. 320 с.
18. Стародубцева Н.А., Харченко С.Ю. Ключевые понятия традиционной духовной культуры и средства их выражения в лексиконе диалектоносителей // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2024. № 4. С. 31 – 42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-ponyatiya-traditsionnoy-duhovnoy-kultury-i-sredstva-ih-vyrazheniya-v-leksikone-dialektonositeley (дата обращения: 24.07.2026).
19. Худышкина А.Е. Общерусское имя существительное в камчатских говорах: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2007. 347 с.

References

1. Akimova E.N. Fishing vocabulary in Russian dialects within the Republic of Mordovia. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2023. Vol. 22. No. 2. P. 49 – 60. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.4.
2. Bolshakova N.V. The linguo-ethnographic context in the description of traditional lifestyle realities. Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 2021. No. 2. P. 168 – 176. DOI: 10.31712/pvrli-2021.2.13.
3. Bulatova A.K. A study of the vocabulary of the Middle dialect of the Tatar language from a semantic-etymological perspective. Bulletin of Luhansk State Pedagogical University. Series: Philological Sciences. 2025. No. 2 (125). P. 9 – 14.
4. Bykova I.I. The adjective in Kamchadal dialects: Diss. ... Cand. Sc. (Philology): 10.02.01. Yaroslavl, 2006. 348 p.

5. Glushchenko O.A. The ethno-linguistic situation in Kamchatka: genesis, current state, and features of the Kamchatka dialect. Bulletin of KRAUNC. 2004. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnoyazykovaya-situatsiya-na-kamchatke-genezis-sovremennoe-sostoyanie-osobennosti-kamchatskogo-narechiya (accessed: 24.07.2026)

6. Grigorenko N.A. Flora and Fauna Vocabulary in Kamchadal Dialects: Cand. Sc. (Philology) Dissertation: 10.02.01. Yaroslavl, 2007. 355 p.

7. Kargina A.P. The General Russian Verb in Kamchadal Dialects: Cand. Sc. (Philology) Dissertation: 10.02.01. Vladivostok, 2006. 380 p.

8. Kolesova E.I. An Attempt at a Lexicographical Description of a Dialectal Root Cluster in Vologda Dialects. Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2025. No. 4. P. 87 – 90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-slovarnogo-opisaniya-dialektnogo-kornevogo-gnezda-v-vologodskih-govorah (accessed: 24.07.2026).

9. Malozemlina O.V. Food-Related Vocabulary in Kamchadal Dialects: Cand. Sc. (Philology) Dissertation: 10.02.01. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009. 284 p.

10. Myznikova Ya.V. Names for Clothing and Footwear in Russian Dialects of the Simbirsk Volga Region: Ethnolinguistic and Areal Aspects. Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology. 2024. No. 4. P. 61 – 75. DOI: 10.5281/zenodo.13996083.

11. Nikolaev E.R. Russian loanwords in dialectal names for hunting tools in the Yakut language. Neophilology. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 31 – 41. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-31-41.

12. Olesova N.G. Fishing vocabulary in Kamchadal dialects: Diss. … Cand. Philol. Sci.: 10.02.01. Yaroslavl, 2006. 490 p.

13. Polishchuk L.A. Names of clothing and footwear in Kamchadal dialects: Diss. … Cand. Philol. Sci.: 10.02.01. Yaroslavl, 2007. 368 p.

14. Rudometova S.M. Tsokanye as a distinctive feature of Meshchera dialects: history and modernity. Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology. 2025. No. 1. P. 36 – 46. DOI: 10.5281/10.5281/zenodo.14921466.

15. Serdobintseva E.N. Folk dialects: a treasury of the nation’s cultural heritage. Science and Education. 2017. Vol. 2. No. 2.

16. Dictionary of the Russian Kamchatka dialect. Ed. by K.M. Braslavets, L.V. Shatunova et al. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical Institute Press, 1777. 175 p.

17. Dictionary of Russian dialects of Kamchatka. Issue 1. (A-B). Compiled by N.A. Grigorenko, A.P. Kargina, O.V. Malozemlina. Petropavlovsk-Kamchatsky; Moscow: Pero Publishing House, 2024. 320 p.

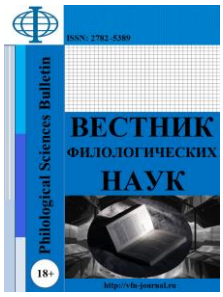
18. Starodubtseva N.A., Kharchenko S.Yu. Key concepts of traditional spiritual culture and the means of their expression in the lexicon of dialect speakers. Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2024. No. 4. P. 31 – 42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-ponyatiya-traditsionnoy-duhovnoy-kultury-i-sredstva-ih-vyrazheniya-v-leksikone-dialektonositeley (accessed: 24.07.2026).

19. Khudyshkina A.E. Common Russian nouns in Kamchatka dialects: Diss. … Cand. Sc. (Philology): 10.02.01. Yaroslavl, 2007. 347 p.

Информация об авторах

Каргина А.П., *кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4, annakarg@mail.ru*

© Каргина А.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-40-44

[1] Хидирова Г.А., [1] Курбанова П.Г. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Характер семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ английского и русского языков

Аннотация: *в работе проводится анализ характера семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ двух языков. Осмысливается характер таких соотношений. Указывается, что расширение фразеологического состава зачастую происходит за счет метафорического переосмысления. Глаголам свойственно передавать различные действия и состояния и это показывает очевидность большого количества таких единиц. Чаще всего глаголы сочетаются с различными именами. Метафорическое переосмысление компонентов в ФЕ осуществляется на основе различных видов переноса по сходству явлений и действий. Таких фразеологизмов множество в обоих языках. Отмечается метафорическое переосмысление компонентного состава, имеющее гиперболизированный характер. Такого рода ФЕ не так много, но они имеются в данных языках. Встречаются ФЕ – метафорические гиперболы, в которых в компонентном составе имеется интенсивный усилитель. В обоих языках наблюдаются метафоры эвфемистического плана, которые становятся заменой понятий, касающихся смерти. В указанных языках существует и сложная метафора, через которую передается воображаемая сцена действия.*

Ключевые слова: *семантические преобразования, английский язык, русский язык, компонентный состав, глагольные фразеологизмы, метафорическое переосмысление, ассоциативные связи, интенсивный классификатор*

Для цитирования: Хидирова Г.А., Курбанова П.Г. Характер семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 40 – 44. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-40-44

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Khidirova G.A., [1] Kurbanova P.G. ***[1] Dagestan State University***

The nature of semantic transformations of the component composition of the verbal phrases of the English and Russian languages

Abstract: *the paper analyzes the nature of semantic transformations of the component composition of the verbal phrases of two languages. The nature of such relations is understood. It is pointed out that the expansion of phraseological composition often occurs due to metaphorical reinterpretation. Verbs tend to convey various actions and states, and this shows the evidence of a large number of such units. Most often, verbs are combined with various names. The metaphorical reinterpretation of the components in FE is carried out on the basis of various types of transference based on the similarity of phenomena and actions. There are many such phraseological units in both languages. A metaphorical reinterpretation of the component composition, which has an exaggerated character, is noted. There are not many such features, but they are available in these languages. There are metaphorical hyperbole phrases in which there is an intensive amplifier in the component composition. In both languages, metaphors*

of a euphemistic nature are observed, which become a substitute for concepts related to death. In these languages, there is also a complex metaphor through which an imaginary action scene is conveyed.

Keywords: *semantic transformations, English, Russian, component composition, verbal phraseological units, metaphorical reinterpretation, associative connections, intensive classifier*

For citation: Khidirova G.A., Kurbanova P.G. The nature of semantic transformations of the component composition of the verbal phrases of the English and Russian languages. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 40 – 44. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-40-44

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность работы. Глагольные фразеологические единицы рассматриваемых языков представляют собой особую группу языковых единиц по количественным и по качественным параметрам. Основными способами образования таких фразеологических единиц являются различные виды переосмысления переменных словосочетаний и прежде всего метафоризация. Сопоставительный анализ глагольных ФЕ двух языков с точки зрения образования фразеологизмов через переосмысление переменных сочетаний является малоисследованным. В существующих работах по анализируемой теме имеются взгляды исследователей, утверждающих, что ключ к устойчивости ФЕ необходимо искать в характере семантических преобразований их компонентного состава.

В целом, глагольные фразеологические единицы рассматриваются в работах различных исследователей отечественного и зарубежного языкознания. К ним можно отнести труды Аракина В.Д. [1], Жукова В.П. [4], Кунина А.В. [5], Федуленковой Т.Н. [8, 9].

Главная цель – сопоставительный анализ семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ приведенных языков.

Задачи:

1. Определить семантические преобразования компонентного состава глагольных фразеологизмов обоих языков;

2. Дать характеристику компонентного состава и особенностей их переосмысления.

Материалы и методы исследований

Материал для анализа экстрагировался из двуязычных словарей двух языков, в том числе и из словаря Лубенской С.И. [6].

В работе применялись разные методы. В их числе и метод сплошной выборки, способствующий дифференциации материала, метод компонентного анализа и сопоставительный метод.

Результаты и обсуждения

Системность организации рассматриваемых фразеологизмов, их взаимоотношения прослеживается в их семантической характеристике. Фразеологические единицы этих языков отличаются широким семантическим и эмоционально-экспрессивным разнообразием. Исходя из этого, большую значимость представляют собой лексико-семантические факторы, прежде всего, преобразования компонентного состава фразеологических единиц.

Возможности каждого языка беспрестанно обогащаются за счет метафорического переосмысления. Такое переосмысление происходит не только среди отдельных слов, но словосочетаниях. В процессе образования новых слов и понятий, посредством метафоры происходит сравнение с известным. Очевидность различных действий и состояний, передающих через глаголы есть одна из причин того, что в этих языках большое число различных по своей структуре и семантике ФЕ. Это обусловлено тем, что именно глаголам характера высокая способность сочетаться с различными именами. Такого рода устойчивые фразы обладают неограниченными ресурсами вступать в различные ассоциативные связи. Картину мира общающихся входят устойчивые формулы языковых построений [7].

Метафорическое переосмысление переменных сочетаний слов в фразеологических единицах двух языков осуществляется на основе различных видов переноса по сходству.

Наиболее широко распространенным видом метафорического переноса значений компонентов глагольных фразеологических единиц этих языков является перенос по сходству действий. Приведем примеры:

Англ. Praise yourself

Русс. Хвалить себя.

Англ. bashing someone
Русс. Гнобить кого-то.
Англ. Nothing to be afraid of
Русс. Ничего не бояться [6].

В глагольных фразеологических единицах русского языка аналогичные единицы встречаются часто: зубы поломать (не по силам), вытереть нос (кого-то поставить на место), сидеть на шее (бездельничать), наступать на пятки (догонять, опережать).

Глагольные ФЕ в основу которых лежит метафорический перенос по сходству состояния или положения также наблюдаются в обоих языках, но реже:

Англ. Get on your feet
Русс. Стоять на ногах
Англ. They stand on their own two feet
Русс. Находиться в чьих-то руках.

Такого рода фразеологизмы строятся на таких глагольных компонентах, как в англ.– *to* stand, *to* be, *to* lose, *to* pin, в русском – *стоять, быть, находиться, лишиться, припереть* и др.

Для грамматической структуры таких глагольных фразеологизмов свойственно в генетическом плане наличие адвербиальных элементов, которые обусловлены значением глагольных компонентов.

В глагольных фразеологических единицах можно наблюдать метафорическое переосмысление компонентного состава, имеющий гиперболизированный характер. Таких фразеологизмов тоже немного в обоих языках. Им характерно преувеличение происходящего явления до состояния гротеска:

Англ. Cry out your eyes; Pull out the head; Get out of your skin.
Русс. Выплакать очи; Выдернуть голову; Вылезти вон из шкуры.

В приведенных языках отмечаются ФЕ – метафорические гиперболы, в которых одним из компонентов являются в английском местоимение all, в русском компонент – все, весь. Они выступают в качестве интенсивного классификатора, усилителя действия. Например, в английском be all eyes, be all ears. В русском – слушать во все уши, смотреть во все глаза.

Отмечаются также в обоих языках также метафоры эвфемистического плана, которые становятся заменой понятий, касающихся смерти, похорон: дышать на ладан, накласть головою, лечь костьми. В русском количество таких ФЕ больше, чем в английском.

Еще одним видом метафорического переосмысления является сложная метафора. В ее основе лежит воображаемая нереальная ситуация, сцена, картина. Такие фразеологические единицы считаются алогизмами, в которых через умышленное нарушение семантической сочетаемости компонентов достигается особый комический или иронический эффект. Это дает импульс возникновению экспрессивно-эмоционального эффекта.

В сопоставляемых языках отмечается множество таких глагольных ФЕ:

Англ. Beating like a fish on ice.
Русс. Биться как рыба об лед.
Англ. Fishing with your nose.
Русс. Удить рыбу носом.
Англ. To drive the soul into the heels.
Русс. Загонять душу в пятки. [6].

Отметим, что в обоих языках внутренняя форма подобных единиц является затемненной, их невозможно объяснить, расшифровать. Для перевода аналогичных ФЕ на другой язык нужен описательный перевод. Либо при переводе их на другой язык необходимо подбирать ФЕ с иной лексической наполненностью.

В глагольных фразеологических единицах данных языков существует достаточно большая группа, образной основой которых являются различные движения тела, жесты, мимика. Такие фразеологизмы прямое значение передают через совмещение с жестами и мимикой. Такое совмещение называют дополнительно-уточняющим значением. Чаще это бинарные структуры, которые способны передать различные чувства, психо-эмоциональное состояние человека. Приведем примеры:

Англ. Biting my lips
Русс. Кусать губы.
Англ. Raise your eyebrows
Русс. Вздернуть брови
Англ. Shaking my head
Русс. Качать / мотать головй
Англ. Grinding your teeth

Русс. Скрипеть зубами [6].

Данная группа глагольных ФЕ в обоих языках является очень схожей, так как всем языкам характерна общая символика выразительных движений тела, жесты и мимика. Тождество наблюдается и в структуре, и в семантике данных единиц. Весь накопленный ресурс языков за всю историю их существования, в том числе и народная мудрость, вошло в ткань этих языков [3]. Они являются произведениями народного творчества, им свойственна образность [10].

Значение фразеологических образований такого типа очень тесно связана с дополнительно-уточняющими движениями, жестами тела, рук, ног и лица человека. Эти ФЕ уже приобрели переносное значение и полностью прошли фразеологизацию.

В исследуемых языках отмечаются и некоторые различия, связанные с отбором фразеологических совмещений для образного переосмысления. Во всех языках также наблюдаются устойчивые сочетания, не имеющие никаких соответствий [2].

К примеру, английское *snap one s fingers at* вследствие метафорического переосмысления приобрело значение «открыто выражать пренебрежение к кому-либо». Русское устойчивое сочетание *хлопать в ладоши* не испытал такого перевода. Русское выражение *расправлять плечи* имеет переносное значение «набираться сил, проявлять силу», а английское *straighten your shoulders* не имеет переносного значения.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ характера семантических преобразований компонентного состава глагольных ФЕ английского и русского языков привел к следующим выводам:

В составе фразеологических совмещений обоих языков сходство преобладает над различиями. Но в самом характере семантических преобразований в их образном переосмыслении различия преобладают над общими моментами.

В ФЕ, образованных путем метафорического переосмысления фразеологических совмещений, в составе обоих языков имеется большая группа тождественных по своему характеру образностью и семантикой. Такие единицы можно назвать англо-русскими эквивалентами. Большая таких единиц группируются вокруг глагольного компонента.

Такое тождество обусловлено общностью внешних связей и отношений у представителей разных народов, в том числе у англичан и русских.

На основании этого, можно сказать, что в обоих языках отмечаются фактически одни и те же виды метафорического переосмысления глагольных ФЕ. Их количественные параметры примерно совпадают.

Список источников

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. 259 с.

2. Гасанова У.У., Максимова А.Н. Сравнительный анализ лексико-семантических групп устойчивых сочетаний дагестанских языков // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 6. С. 170 – 175.

3. Гусейнова М.Ш. Сопоставительный анализ ФЕ английского и русского языков со структурой предложения // Modern Humanities Success. 2026. № 4. С. 7 – 10.

4. Жуков В.П. Русская фразеология. Москва: Высш. шк., 1986. 309 с.

5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. Москва: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. 380 с.

6. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. Москва: Языки русской культуры. Кошелев, 1997. 1017с.

7. Сидорова Н.А., Лимарова Е.В., Тупицына И.Н. Ценностный аспект языковых сопоставлений в межкультурном взаимодействии // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). С. 123 – 128.

8. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск, 2000. 132 с.

9. Федуленкова Т.Н., Любова А.Н. Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков) // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. № 2 (10). 2008. С. 160 – 169.

10. Цзоу Айчжу. Сравнительно-сопоставительное изучение паремиологических единиц интеллектуального мира человека в китайском и английском языках. Современный ученый. 2025. № 10. С. 95 – 101.

References

1. Arakin V.D. Comparative Typology of English and Russian. Leningrad: Prosveshcheniye, 1979. 259 p.

2. Gasanova U.U., Maksimova A.N. Comparative Analysis of Lexico-Semantic Groups of Fixed Expressions in Dagestani Languages. Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 6. P. 170 – 175.

3. Guseinova M.Sh. Comparative Analysis of English and Russian Phraseological Units with Sentence Structure. Modern Humanities Success. 2026. No. 4. P. 7 – 10.

4. Zhukov V.P. Russian Phraseology. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. 309 p.

5. Kunin A.V. A Course in Modern English Phraseology: Textbook for Foreign Language Institutes and Faculties. Moscow: Vysshaya Shkola; Dubna: Phoenix Publishing Center, 1996. 380 p.

6. Lubenskaya S.I. Russian-English Phraseological Dictionary. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury. Koshelev, 1997. 1017 p.

7. Sidorova N.A., Limarova E.V., Tupitsyna I.N. The Value Aspect of Linguistic Comparisons in Intercultural Interaction. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2019. No. 1 (423). P. 123 – 128.

8. Fedulenkova T.N. English Phraseology: A Course of Lectures. Arkhangelsk, 2000. 132 p.

9. Fedulenkova T.N., Lyubova A.N. Methods and procedures for the study of phraseology (based on English, German, and Norwegian data). Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University. No. 2 (10). 2008. P. 160 – 169.

10. Zou Aizhu. A comparative study of paremiological units related to the human intellectual realm in Chinese and English. Modern Scientist. 2025. No. 10. P. 95 – 101.

Информация об авторах

Хидирова Г.А., *кандидат педагогических наук, доцент межфакультетской кафедры иностранных языков, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала*

Курбанова П.Г., *Дагестанский государственный университет, г. Махачкала. satiust74@list.ru*

© Хидирова Г.А., Курбанова П.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.16
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-45-52

[1] Лапатин В.А., [1] Малыкина К.В.

[1] Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

«От одной жены к другой ушел муж»: к вопросу о границах манипулятивного воздействия таблоидов в цифровую эпоху

***Аннотация**: статья освещает вопрос коммуникативной несостоятельности манипулятивных стратегий в современной российской таблоидной журналистике. На примере одного информационного повода – брака актера Егора Бероева и 21-летней артистки балета Анны Панкратовой – анализируются две группы публикаций: открыто дискредитирующие и репутационно-защитные («отбеливающие»). Эмпирическую базу составили 12 материалов российских таблоидов (StarHit, «Жизнь», «Комсомольская правда», «Хибины» и др.), а также развернутая реакция аудитории в комментариях, позволившая верифицировать степень эффективности манипулятивного воздействия. Цель исследования – выявить системную недостаточность манипулятивных средств таблоидной журналистики, проявляющейся в негативной реакции аудитории на попытки навязывания эмоций, включая случаи провала репутационно-защитных стратегий. В статье рассматриваются теоретические основания исследования: феномен таблоидизации в зарубежной и отечественной традиции, а также концепции мифотворчества в массовой культуре. На материалах отечественных таблоидных Интернет-изданий демонстрируется, как приемы интерпретации молчания, конструирования негативных паттернов поведения и ложных причинно-следственных связей вступают в противоречие с критическим восприятием аудитории. Особое внимание уделяется анализу «отбеливающих» стратегий: попытки представить ситуацию в позитивном ключе провоцируют более негативную реакцию аудитории, чем открыто скандальные материалы. Методологически работа выполнена в дизайне кейс-стади с использованием тематического анализа и дискурс-анализа. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в медийной педагогике для обучения распознаванию манипулятивных техник, а также в редакционной практике как эмпирическое предостережение от применения устаревших моделей воздействия, рассчитанных на пассивного читателя.*

***Ключевые слова:** таблоиды, таблоидизация, манипуляции в СМИ, желтая пресса, реакция аудитории, медиавоздействие, сенсационность, скандал*

Для цитирования: Лапатин В.А., Малыкина К.В. «От одной жены к другой ушел муж»: к вопросу о границах манипулятивного воздействия таблоидов в цифровую эпоху // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 45 – 52. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-45-52

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Lapatin V.A., [1] Malykina K.V. ***[1] Pushkin Leningrad State University***

"From one wife to another": on the limits of tabloid manipulation in the digital age

Abstract*: the article concerns the issue of communicative failure of manipulative strategies in contemporary Russian tabloid journalism. Using a single news event (the marriage of actor Egor Beroev to 21-year-old ballet dancer Anna Pankratova) as a case study, the authors analyse two groups of publications: overtly discrediting ones and reputation-protective ("whitewashing") ones. The empirical basis comprises 12 materials from Russian tabloids (StarHit, Zhizn, Komsomolskaya Pravda, Khibiny, and others), as well as extensive audience reactions in comments, which made it possible to verify the effectiveness of manipulative influence. The purpose of the study is to identify the systemic insufficiency of manipulative tools in tabloid journalism, manifested in the audience's negative response to attempts at imposing emotional evaluations, including cases of failure of reputation-protective strategies. The article examines the theoretical foundations of the research: the phenomenon of tabloidization in both Western and Russian scholarly traditions, as well as concepts of myth-making in mass culture. Drawing on materials from Russian tabloid online publications, the author demonstrates how techniques such as the interpretation of silence, the construction of negative behavioural patterns, and false causal relationships come into conflict with the audience's critical perception. Special attention is paid to the analysis of "whitewashing" strategies: attempts to present the situation in a positive light provoke a more negative reaction from the audience than openly scandalous materials. Methodologically, the work is designed as a case study employing thematic analysis and discourse analysis. The practical significance of the research lies in the fact that its findings can be used in media pedagogy for teaching the recognition of manipulative techniques, as well as in editorial practice as an empirical warning against the use of outdated models of influence that presuppose a passive reader.*

Keywords: *tabloids, tabloidization, media manipulation, yellow press, audience reaction, media influence, sensationalism, scandal*

For citation: Lapatin V.A., Malykina K.V. "From one wife to another": on the limits of tabloid manipulation in the digital age. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 45 – 52. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-45-52

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

«Желтая пресса» удовлетворяет интерес публики к частной жизни знаменитостей. Природа такого интереса многогранна. Индивиды получают возможность заглянуть в приватную сферу своих любимых музыкантов, актеров и установить с ними парасоциальные отношения. Сейчас, впрочем, эту функцию у «таблоидов» отвоевывают социальные медиа. Когда «звезда» сама публикует информацию о себе, это сообщает аудитории еще большее чувство сопричастности, близости к кумиру, пусть даже поклонникам не всегда приходит в голову, что медийная активность – нередко продукт деятельности пиар-агентов, а не душевный порыв знаменитостей.

Вместе с тем, трудно отделаться от ощущения, что интерес к частной жизни «звезд» связан еще и с чем-то, что мы не в прямом смысле, но для удобства назовем «мифологическим мышлением в обыденной жизни». Логическое мышление подсказывает, что знаменитости – представители рода человеческого и в этом качестве обладают теми же достоинствами и недостатками, как и их поклонники. Однако попадание тех или иных субъектов и объектов в медиасферу наделяет их своего рода «магическими» характеристиками. Если какое-то явление освещается в медиа, аудитория считает его значимым. Аналогично, если какая-то персона становится знаменитой, она наделяется особенными характеристиками – обычный человек не смог бы такого добиться, нужно быть «поцелованным в темечко», обладать чем-то вроде маны, чтобы стать «звездой». А значит, если есть возможность каким-либо образом прикоснуться к приватной сфере «селебрити», то, возможно, часть этой маны снизойдет и на тебя. Поэтому знаменитостей приглашают отрекламировать продукцию, в отношении которой они, кажется, не должны быть экспертами. Однако если человек – медиаличность, значит, он владеет ключом к успешной жизни и ему можно доверять – так приблизительно рассуждает средний представитель аудитории.

На этих же основаниях участие знаменитости автоматически делает любое событие интересным. История из серии «от одной жены к другой ушел муж» (а это буквально будет предметом рассмотрения этой статьи) может представлять интерес лишь для ближайшего окружения, однако стоит это же сделать известному человеку, как это привлекает внимание общественности весьма далекой. Хорошо изучено, как массмедиа выполняют для современного человека ту же функцию, что в древности выполнял миф. Р. Барт изучал в этом контектсе пропагандистский [1] и рекламный [2] дискурсы. У. Эко продемонстрировал, как в сюжетах массовой культуры наподобие романов о Джеймсе Бонде [8, с. 237-286] реализуются повествовательные структуры, подобные тем, что разобрал В.Я. Пропп [5] применительно к волшебным сказкам. Знаменитости, как они фигурируют в таблоидах, по-видимому, также отделяются от своей реальной основы; «мифологическое мышление» аудитории превращает их не то в небожителей, не то в сказочных персонажей.

И все же у такого предположения есть ограничения. Именно поэтому нужна оговорка, что термин «мифологическое мышление» используется для удобства, а не в прямом смысле. Рациональность аудитории и способность к критике не стоит преуменьшать. Если первоначальный интерес к отражению жизни знаменитостей в «желтой прессе» может объясняться вышеизложенными факторами, то реакция публики не так предсказуема и манипулировать ее мнением не так просто. Возвращаясь к У. Эко, не будет ошибкой назвать тексты «желтой прессы» закрытыми в его терминологии и привести следующее соображение ученого. Закрытые тексты «явным образом нацелены на то, чтобы вести читателя по определенной дорожке, рассчитанными усилиями вызывая у него в нужном месте и в нужный момент сострадание или страх, восторг или уныние. <…> К сожалению, в этих «жестких» рамках не запланирован только один элемент – читатель. <…> Стоит этим текстам попасть в руки читателя с иными привычками или с другими исходными предположениями (presuppositions), как результат может оказаться... удручающим (или восхитительным – оценка зависит от точки зрения» [8, с. 19-20]. Этой проблематике будет посвящена эта статья.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили 12 источников, репрезентирующих различные векторы освещения одного инфоповода (новости о браке Егора Бероева и Анны Панкратовой), а также развернутая реакция аудитории (комментарии, обсуждения на независимых площадках), позволившая верифицировать степень эффективности/неэффективности манипулятивного воздействия. Чтобы отличить ссылки на материалы от ссылок на библиографические источники, нумерация ведется римскими цифрами в угловых скобках.

I. Воронцов В. Балерина-разлучница с внешностью школьницы: как выглядит 21-летняя Анна Панкратова, ради которой Егор Бероев бросил жену после 20 лет брака // Хибины. URL: https://www.hibiny.ru/murmanskaya-oblast/news/item-balerina-razluchnica-svneshnostyu-shkolnicy-kak-vyglyadit-21-letnyaya-anna-pankratova-radi-kotoroy-egor-beroev-brosil-jenu-452423 (дата обращения: 12.03.2026).

II. Либгардт О. Егор Бероев готовится стать отцом: что известно о жизни актера с юной балериной // КП Сериалы. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/svetskie-novosti/beroev-gotovitsya-stat-ottsom/ (дата обращения: 12.03.2026).

III. Мамаева К. Балерина из Коломны: что известно о 21-летней жене Бероева Анне Панкратовой // КП Сериалы. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/interesno/balerina-iz-kolomny-pankratova/ (дата обращения: 12.03.2026).

IV. Мамаева К. Егор Бероев тайно женился на 21-летней балерине после развода с Алферовой // КП Сериалы. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/svetskie-novosti/beroev-tayno-zhenilsya/ (дата обращения: 12.03.2026).

V. Мамаева К. Ксения Алферова вышла на связь после тайной свадьбы Егора Бероева // КП Сериалы. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/svetskie-novosti/kseniya-alferova-vyshla-na-svyaz/ (дата обращения: 12.03.2026).

VI. Матвейко В. Отец скучает по внучке, а мать иронизирует о беременности: родители о тайной свадьбе Егора Бероева с 21-летней балериной // StarHit. URL: https://www.starhit.ru/novosti/otec-skuchaet-po-vnuchke-a-mat-ironiziruet-o-beremennosti-roditeli-o-tainoi-svadbe-egora-beroeva-s-21-letnei-balerinoi-6866796/ (дата обращения: 12.03.2026).

VII. Пашнева Н. Егор Бероев тайно женился на 21-летней балерине вскоре после развода с Ксенией Алфёровой // Spletnik. URL: https://spletnik.ru/yegor-beroyev-tayno-zhenilsya-na-21-letney-balerine-posle-razvoda-s-kseniyey-alfyorovoy-337279 (дата обращения: 12.03.2026).

VIII. Разуменко Е. Егор Бероев с 21-летней возлюбленной балериной готовятся стать родителями // Яндекс. Дзен. URL: https://dzen.ru/a/aaGKUYuKNzrAABW3?sid=407111969187052844 (дата обращения: 12.03.2026).

IX. Романова М. Отмаливала 18 лет: вся правда об изменах Бероева, которую раскрыла семья Алферовой // TVcenter.ru. URL: https://tvcenter.ru/zvezdy/otmalivala-18-let-vsya-pravda-ob-izmenah-beroeva-kotoruyu-raskryla-semya-alferovoy (дата обращения: 12.03.2026).

X. Саттарова М. «Думаю…»: Ксения Алферова в шоке после новости о свадьбе Егора Бероева с 21-летней балериной // StarHit. URL: https://www.starhit.ru/novosti/dumayu-kseniya-alferova-v-shoke-posle-novosti-o-svadbe-egora-beroeva-s-21-letnei-balerinoi-6860299/ (дата обращения: 12.03.2026).

XI. Сорокина Е. Испытания Егора Бероева: развод с Алферовой и тайная свадьба с музой // Жизнь. URL: https://zhizn.ru/p/ispytaniya-egora-beroeva-22087 (дата обращения: 12.03.2026).

XII. Суханова И. 21-летняя жена Бероева после встречи с режиссером оборвала все связи с друзьями // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27760/5214904/ (дата обращения 21.03.2026).

Статья выполнена в дизайне кейс-стади, предполагающем рассмотрение единичного инфоповода в различных медийных дискурсах. Применялись аналитические методы: тематический анализ (при выявлении повторяющихся тем и приемов интерпретации при освещении брака Егора Бероева и Анны Панкратовой) и дискурс-анализ (при исследовании способов конструирования реальности через языковые средства, эвфемизации, инвективы и имплицитные оценки). Сравнение содержания медиатекстов и реакций позволило выявить разрыв между желаемым настроем коммуникатора и восприятия сообщения адресатами.

В теоретическом отношении статья опирается на зарубежные и отечественные исследования таблоидов и «желтой прессы».

В зарубежной литературе используется термин «таблоидизация» [12, 13], который описывает проникновение приемов из бульварной прессы в более серьезные жанры журналистики. Современные эмпирические исследования демонстрируют, что использование таблоидного стиля снижает воспринимаемую достоверность информации в глазах аудитории [10, 11].

Российские исследования также обозревают вопрос. Феномен исторических таблоидов отражает рыночные трансформации журналистики [6]. А.А. Градюшко [3] классифицирует кликбейт в цифровых таблоидах. Медиатизация же слухов рассматривается как репутационный инструмент [7]. А.С. Косолапова описывает черный юмор в привычном для массового читателя портале «Фонтанка.ру» [4].

Результаты и обсуждения

Недавно стало известно о браке известного актера 48-летнего Егора Бероева с 21-летней Анной Панкратовой. До этого актер был женат на Ксении Алферовой, причем экс-супруга старше Е. Бероева на три года. Несмотря на то, что из материалов самих таблоидов следует, что для участников события особенной драмы не случилось (брак Е. Бероева и К. Алферовой по факту распался еще в 2022 году, а сами экс-супруги высказываются друг о друге подчеркнуто дипломатично), реакция «желтых» изданий была неоднозначной и бурной.

Треугольник «экс-супруга в возрасте – мужчина в возрасте – новая молодая жена» представляет собой структуру, которая сама по себе предполагает предсказуемые интерпретации. Вне контекста жизни «звезд» люди, обсуждая то, как мужчина бросил жену ради девушки, годящейся ему в дочери, легко будут эти интерпретации находить. Весьма вероятно, обыватели станут осуждать мужчину и сочувствовать экс-супруге. Его мотивы могут объясняться «кризисом среднего возраста», «сединой в бороду и бесом в ребро». Молва будет сомневаться в чувствах новой избранницы, подозревать в корыстных мотивах, поскольку молодая девушка не может искренне полюбить мужчину намного старше себя как минимум из-за того, что он не может быть таким же физически привлекательным, как ее ровесники.

Таблоиды предлагают аналогичные ходы. Заголовок StarHit сообщает о неприглядных деталях: «Отец скучает по внучке, а мать Бероева иронизирует о беременности» <VI>. «Комсомольская правда» замечает: «21-летняя жена Бероева после встречи с режиссером оборвала все связи с друзьями» <XII>, а «Хибины» сравнивают <I> внешность молодой жены со школьницей. Формируются образы молодящегося мужчины <IV>, несчастной жены <V, IX> и юной неопытной девушки, замкнувшейся в круге общения более зрелого мужа и ставшей жить его интересами <XII>. Брак Е. Бероева с А. Панкратовой изображается по-разному. Газета «Жизнь» радуется за молодых и их желание завести ребенка <VIII>, пока другие источники намекают на абьюз в отношениях <XII>. Вместе с тем некоторые обстоятельства излишне драматизируются и наделяются эпическими чертами: К. Алферова и страдает тяжелым недугом <V>, и намекает на прежние измены экс-супруга <I>, а позже его же отмаливает <IX>. Иными, таблоиды, обсуждая довольно бытовые вещи из жизни знаменитостей, присовокупляют к ожидаемым интерпретациям эпический размах,

превращая повествовательную структуру «от одной жены к другой ушел муж» в подобие волшебной сказки для взрослых.

На уровне интерпретации «желтая пресса» манипулирует оценками, мнением, чувствами и реакцией аудитории. Контент таблоидов, как правило, рассчитан на нетребовательную аудиторию, и можно было бы предположить, что управлять ею не так сложно, однако Интернет-коммуникация позволяет достаточно оперативно отслеживать обратную связь, и она обнаруживает, что на деле попытки манипуляций нередко вступали в противоречие с критическим восприятием. Рассмотрим несколько примеров.

В материале StarHit <VI> используется *прием манипулятивной интерпретации молчания и невербальных реакций*. Отказ матери Е. Бероева от комментариев и ее попытка скрыться от камеры описаны как «заметно занервничала». Однако в комментариях к материалу читатели обратили внимание на другое. Объектом осуждения стала не семья актера, пытающаяся сохранить приватность, а журналисты, вторгающиеся в личное пространство и насильственно конструирующие негативный фон. Аналогично, у аудитории возникли претензии к заголовкам: при прочтении статьи <X> выясняется, что «шокированная» К. Алферова всего лишь «приболела».

Еще одним маркером несостоятельности манипуляции стал *прием конструирования негативного паттерна поведения*. Введение фигуры бывшей супруги, характеризующей актера как «увлекающегося человека», и упоминание о десяти браках отца Е. Бероева (намек на «причину в генах») были призваны создать образ фатальной предопределенности поведения Бероева. Однако этот прием вступил в конфликт с этическими нормами аудитории и самими словами Бероева о традиционных ценностях, что упоминается в комментариях <VI>.

Наиболее ярко коммуникативный провал проявился в использовании *приема контраста и ложной причинно-следственной связи*. Сопоставление описания ветхого дома отца Бероева и дорогого кольца его новой супруги в StarHit <VI> представляет собой попытку создания образа несчастных родителей и блудного сына. Однако на это аудитория внимания не обратила. Вот нексколько комментариев (орфография и пунктуация сохранены) к публикации: «Ну что за враньё в заголовке)) Сегодня была передача, мать не иронизирует, а её вывели из себя журналисты наглыми вопросами, а отец сказал, что они общаются редко и не очень после его ухода из семьи и внучку он никогда и не видел то ...», «Не в десятый раз, а в девятый. Внучку вообще никогда не видел. Мамаша Бероева оказалась ещё той хамкой и высокомерной. Теперь понятно, в кого Бероев и откуда у него зацикленность на самом себе, о которой говорил в своё время Абдулов». Реакция на родителей Е. Бероева в основном негативная, если эта тема вообще поднимается.

Прием имплицитного обвинения через создание образа жертвы, реализованная через публикации <V, X> о болезни К. Алферовой, также обернулась против коммуникаторов. Временная корреляция между новостью о свадьбе и материалом о здоровье бывшей супруги была воспринята наиболее критически настроенной частью аудитории как циничная спекуляция на человеческом страдании. Вместо консолидации симпатий вокруг К. Алферовой этот прием вызвал рефлексию по поводу моральных границ журналистики, что свидетельствует о переходе аудитории от наивного потребления контента к его этической оценке.

Особого внимания заслуживает анализ репутационно-защитных стратегий, которые, согласно классическим представлениям о восстановлении имиджа [9], должны были смягчить негативный фон или перевести повествование в позитивное русло. Издание «Жизнь» <XI> предприняло попытку идеализации и мифологизации героя, призванной представить ситуацию в идиллическом ключе. Однако именно этот случай демонстрирует наиболее яркий пример недостаточности манипулятивного воздействия.

В материале «Балерина из Коломны: что известно о 21-летней жене Бероева Анне Панкратовой» <V> и сопутствующей публикации «Егор Бероев готовится стать отцом: что известно о жизни актера с юной балериной» <VII> редакция последовательно применяет *приемы отвлечения от негативной информации*. Конструирование позитивной реальности осуществляется через использование эвфемистических конструкций, маскирующих возрастную разницу и стремительность отношений под «романтический вихрь чувств». Кроме того, применяется п*рием легитимизации через детали*: подробное перечисление профессиональных качеств А. Панкратовой и акцент на «серьезности намерений» пары должны были создать ощущение нормальности и даже образцовости происходящего.

Однако аудиторная рецепция этих материалов демонстрирует демонтаж защитной стратегии. Объекты «отбеливающих» публикаций встречают остро негативную реакцию. Ключевым маркером провала становится комментарий (орфография и пунктуация сохранены), оставленный к статье «Балерина из Коломны»: «Фуу Заделал ребенка такой юной девушке … У нее вся жизнь впереди, карьера. А теперь с этим старым козлом и ребенком будет няньчиться (Противно смотреть на него! Кобелина!» <III> Реакция показательна сразу в нескольких аспектах. Во-первых, аудитория полностью игнорирует попытки издания представить

союз в позитивном свете – возрастной разрыв интерпретируется не как романтика, а как эксплуатация. Во-вторых, использование инвективной лексики («старый козел», «кобелина») свидетельствует об эмоциональном отторжении, которое не удалось нейтрализовать защитными приемами. Наконец, комментатор транслирует жалость к молодой девушке, чья «карьера» и «вся жизнь» теперь поставлены под угрозу, что полностью нивелирует попытки издания представить союз как гармоничный. Аналогичная тональность прослеживается в лаконичном, но крайне экспрессивном комментарии «Отвратительно» к другой публикации <II> этого же издания, что подтверждает системность негативной реакции именно на «отбеливающий» контент.

Парадоксальным образом попытка идеализации спровоцировала более агрессивную ответную реакцию, чем открыто дискредитирующие материалы. Аудитория, идентифицируя фальшивость навязываемого «позитива», отвечает не просто неприятием, а стигматизацией объекта защиты. Комментаторы отказываются воспринимать сконструированный образ «молодой семьи», навязывая взамен образ циничного соблазнителя: «Екатерина Разуменко, (автор публикации) про "дружную" семью не спешите петь дифирамбы – время покажет. Если это выражение не Вы придумали, а ИИ, то приношу извинения – какой спрос то?», «Жаних был немолодой) когда смотрю на такие браки, напоминают педофилов, такие мужики, в дочки годится ... женился бы на ровеснице, было бы уважение ...», «Женился, чтоб не посадили», «Хоспади она прям дитя дитем на его фоне, не то что в дочки, а чуть ли не во внучки» <VIII>. Это означает, что читатель не только осведомлен о попытке манипулятивного воздействия, но и отвечает на нее гипертрофированно негативной контринтерпретацией.

Не менее показательна неудача защитных стратегий, реализуемых через создание образа «старой семьи» как интеллигентного тыла. В материале StarHit <X> редакция, вероятно, рассчитывала на то, что демонстрация благородства Алферовых будет работать в пользу самой К. Алферовой и, возможно, создаст контраст, вызывающий сомнения в правильности выбора Е. Бероева. Однако комментарий «Женщины семьи Алферовых: бабушка, мама и Ксения очень интеллигентные и благородные! Не надо лезть в их жизнь!» демонстрирует, что аудитория транслирует уважение к семье Алферовых, но при этом требует оградить их от медийного вмешательства. Читатель отказывается участвовать в навязываемой игре обвинений и защит, и более того, критикует само издание за вторжение в частную жизнь тех, кого оно же пытается представить, как «положительных» героев.

Автор комментария к статье StarHit «Отец скучает по внучке, а мать иронизирует о беременности: родители о тайной свадьбе Егора Бероева с 21-летней балериной» <VI> не только корректирует фактические данные (указывая на неточность в количестве браков отца – «Не в десятый раз, а в девятый»), но и конструирует альтернативный психологический портрет, опираясь на авторитетное мнение («о чём говорил в своё время Абдулов»). Фраза «Теперь понятно, в кого Бероев и откуда у него зацикленность на самом себе» свидетельствует о том, что материал, призванный (предположительно) показать сложность семейной истории или даже вызвать сочувствие к актеру, выросшему в такой обстановке, был интерпретирован ровно противоположным образом – как подтверждение негативных качеств Е. Бероева, обусловленных дурной наследственностью и воспитанием. При этом комментарий содержит и прямую характеристику матери актера: «Мамаша Бероева оказалась ещё той хамкой и высокомерной», что указывает на провал попыток выстроить защитный нарратив вокруг семьи Бероева. Единственным позитивным персонажем в этой системе координат остается К. Алферова («одна Ксения ведёт себя достойно»), что фиксирует: аудитория самостоятельно, вопреки журналистским усилиям, распределяет роли, и защитные стратегии в отношении Е. Бероева и А. Панкратовой не просто не работают, но и усугубляют их образ.

Выводы

Ключевой вывод заключается в том, что даже не самый требовательный представитель аудитории таблоидов идентифицирует манипулятивные приемы. Молчание публичных лиц в условиях информационного вакуума более не усиливает власть таблоидов, а, напротив, разоружает их, оставляя аудиторию один на один с очевидно ангажированными версиями, что провоцирует недоверие ко всем участникам информационного процесса без исключения. Особенно показательно, что попытки «отбеливания» (позитивной манипуляции) вызывают не менее, а иногда и более агрессивное отторжение, чем открыто дискредитирующие материалы. Аудитория воспринимает фальшиво-позитивный нарратив как насмешку над ней, отвечая на него стигматизацией объекта защиты и критикой самого издания.

Количественное доминирование дискредитирующих приемов не только не обеспечивает контроля над восприятием, но и инициирует процесс, где объектом критики становятся сами СМИ. Защитные («отбеливающие») стратегии не просто проигрывают негативному потоку, а активно дискредитируют себя и своих

героев в глазах публики из-за своей искусственности и этической сомнительности. Повторяющийся характер публикаций, тиражируемых сходные версии, более не создает иллюзию правдивости. Напротив, он маркируется аудиторией как простая договоренность, что усиливает скептицизм. Манипулятивные приемы, апеллирующие к эмоциям, перестали снижать уровень внимательности, наоборот заставляя читателя смеяться над издателем. Таким образом, современная аудитория демонстрирует способность к обнаружению манипуляции, отвечая на попытку управления мнением непринятием навязываемой реальности, а последовательной негативной реакцией, направленной на источник информационного воздействия.

Список источников

1. Барт Р. Мифологии. М.: Академический Проект, 2008. 351 с.
2. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 297 – 318.
3. Градюшко А.А. Кликбейт в цифровой журналистике: стратегии и особенности // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. 2025. № 1 (291). С. 34 – 40.
4. Косолапова А.С. Черный и абсурдистский юмор в информационных заметках общественно-политического интернет-портала «Фонтанка.ру» // Медиасреда. 2022. № 1. С. 121 – 125.
5. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. СПб.: Азбука, 2021. 256 с.
6. Ущиповский С.Н. Современная историческая журналистика в условиях рынка: феномен «исторических таблоидов» (Постановка вопроса) // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3 (141). URL: https://research-journal.org/archive/3-141-2024-march/10.23670/IRJ.2024.141.58 (дата обращения: 16.07.2026).
7. Хакимова Г.Ш. Медиатизация слухов как феномен современного дискурса СМИ (на материале англоязычных медиа) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2022. № 2. С. 28 – 36.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
9. Benoit W. Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies. New York: State University of New York Press, 1995. 197 p.
10. Moland M., Custodi J., Trenz H.-J. Journalism as a Solution to the Post-Truth Challenge? // Reclaiming Liberal Democracy in the Postfactual Age. Berlin: De Gruyter, 2026. P. 73 – 94.
11. Moland M., Custodi J., Trenz H-J., Michailidou A. News Credibility in the Age of Misinformation: Writing style, Ideology and beliefs about political misinformation // RECLAIM Discussion Paper. 2025. 41 p.
12. Skovsgaard M. A tabloid mind? Professional values and organizational pressures as explanations of tabloid journalism // Media Culture & Society. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 200 – 218.
13. Spillane B., Hoe I., Brady M., Wade V., Lawless S. Tabloidization versus Credibility: Short Term Gain for Long Term Pain // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '20), April 25-30, 2020, Honolulu, HI, USA. New York: Association for Computing Machinery. 2020. P. 1 – 15.

References

1. Barthes R. Mythologies. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2008. 351 p.
2. Barthes R. The Rhetoric of the Image. Selected Works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress, 1989. P. 297 – 318.
3. Gradyushko A.A. Clickbait in Digital Journalism: Strategies and Features. Proceedings of BSTU. Series 4: Print and Media Technologies. 2025. No. 1 (291). P. 34 – 40.
4. Kosolapova A.S. Black and Absurdist Humor in News Briefs on the Socio-Political Web Portal "Fontanka.ru". Media Environment. 2022. No. 1. P. 121 – 125.
5. Propp V.Ya. Morphology of the Folktale. St. Petersburg: Azbuka, 2021. 256 p.
6. Ushchipovsky S.N. Modern Historical Journalism in Market Conditions: The Phenomenon of "Historical Tabloids" (Problem Statement). International Research Journal. 2024. No. 3 (141). URL: https://research-journal.org/archive/3-141-2024-march/10.23670/IRJ.2024.141.58 (accessed: 16.07.2026).
7. Khakimova G.Sh. The Mediatization of Rumors as a Phenomenon of Modern Media Discourse (Based on English-Language Media). Bulletin of South Ural State University. Series "Linguistics". 2022. No. 2. P. 28 – 36.
8. Eco U. The role of the reader. Research on text semiotics. St. Petersburg: Symposium, 2005. 502 p.
9. Benoit W. Accounts, Excuses, and Apologies: A Theory of Image Restoration Strategies. New York: State University of New York Press, 1995. 197 p.
10. Moland M., Custodi J., Trenz H.-J. Journalism as a Solution to the Post-Truth Challenge? Reclaiming Liberal Democracy in the Postfactual Age. Berlin: De Gruyter, 2026. P. 73 – 94.

11. Moland M., Custodi J., Trenz H-J., Michailidou A. News Credibility in the Age of Misinformation: Writing style, Ideology and beliefs about political misinformation. RECLAIM Discussion Paper. 2025. 41 p.

12. Skovsgaard M. A tabloid mind? Professional values and organizational pressures as explanations of tabloid journalism. Media Culture & Society. 2014. Vol. 36.No. 2. P. 200 – 218.

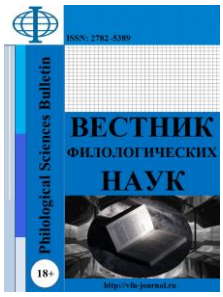
13. Spillane B., Hoe I., Brady M., Wade V., Lawless S. Tabloidization versus Credibility: Short Term Gain for Long Term Pain. CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '20), April 25-30, 2020, Honolulu, HI, USA. New York: Association for Computing Machinery. 2020. P. 1 – 15.

Информация об авторах

Лапатин В.А., *кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, lapatin.vadim@gmail.com*

Малыкина К.В., *Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, karinamalykina@gmail.com*

© Лапатин В.А., Малыкина К.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 791.229.2:070.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-53-63

[1] Ловков М.А.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Трансформация Российской кинодокументалистики в контексте цифровых медиакоммуникаций: от монолога к микронарративу

Аннотация: *в статье на материале обширного корпуса российских документальных фильмов и проектов 2000-2024 годов рассматриваются процессы трансформации жанров и нарративов под влиянием цифровых медиакоммуникаций. Обосновывается, что изменения носят не хаотичный, а системный характер и выражаются в переходе от моножанровой, монологичной модели индустриальной эпохи к системе полижанровых, диалогических и персональных форм. Ключевым результатом этого перехода становится доминирование «микронарратива», ориентированного на частный опыт и локальную идентичность. В работе анализируются нарративные модели (наблюдательная, мозаично-коллажная, рекурсивная, расследовательская), а также жанровые расширения (докудрама, анимадок, стриминговый сериал, интерактивные форматы) и выявляются социокультурные и институциональные предпосылки этих изменений. Особое внимание уделяется влиянию алгоритмических платформ на драматургию и проблеме достоверности в эпоху дипфейков.*

Ключевые слова: *кинодокументалистика, цифровые медиакоммуникации, нарратив, жанровая гибридизация, микронарратив, платформенная логика, «договор о правде», дипфейк, российское документальное кино*

Для цитирования: Ловков М.А. Трансформация Российской кинодокументалистики в контексте цифровых медиакоммуникаций: от монолога к микронарративу // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 53 – 63. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-53-63

Поступила в редакцию: 3 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Lovkov M.A.

[1] Peoples' Friendship University of Russia

Transformation of Russian documentary filmmaking in the context of digital media communications: from monologue to micronarrative

Abstract: *the article examines the processes of genre and narrative transformation in Russian documentary cinema under the influence of digital media communications, based on an extensive corpus of Russian documentary films and projects from 2000 to 2024. It is argued that these changes are not chaotic but systemic, manifesting as a transition from the monogenre, monological model of the industrial era to a system of polygenre, dialogical, and personal forms. The key result of this transition is the dominance of the «micronarrative», focused on private experience and local identity. The article analyzes narrative models (observational, mosaic-collage, recursive, investigative) and genre extensions (docudrama, animated documentary, streaming series, interactive formats), and also identifies the socio-cultural and institutional prerequisites for these changes. Special attention is paid to the influence of algorithmic platforms on dramaturgy and the problem of credibility in the age of deepfake.*

Keywords: *documentary cinema, digital media communications, narrative, genre hybridization, micronarrative, platform logic, «contract of truth», deepfake, Russian documentary film*

For citation: Lovkov M.A. Transformation of Russian documentary filmmaking in the context of digital media communications: from monologue to micronarrative. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 53 – 63. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-53-63

The article was submitted: July 3, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В последние два десятилетия российская документалистика утратила устойчивость институциональных и жанровых координат, сложившихся в индустриальную эпоху. Трансформация затронула не только технические параметры производства (переход на цифру, дистрибуцию через стриминги), но и фундаментальные основания коммуникации между автором, экраном и зрителем. Если в телевизионно-кинопрокатной модели документальный фильм выступал как завершённое монологическое высказывание, авторизованное профессиональным статусом режиссёра и институциональной принадлежностью канала, то в условиях цифровой медиасреды эта конструкция утрачивает объяснительную силу.

Как показал Билл Николс, зрительская «вера» в достоверность документального изображения всегда была результатом активной интерпретации, а не пассивного восприятия [17, с. 23]. Однако в 2020-е годы интерпретационная работа зрителя радикально усложняется: дипфейки и нейросетевой синтез лишают индексальность фотографического изображения статуса гаранта истины, а алгоритмические ленты платформ подменяют авторский отбор кураторской логикой рекомендаций. В этих условиях «договор о правде» - ключевое понятие документальной теории - пересматривается не как эпистемологическая абстракция, а как практическая проблема производства доверия.

Применительно к российскому контексту этот общий процесс обретает дополнительные измерения. Корпус документальных фильмов 2000-2024 годов демонстрирует расхождение по крайней мере двух повествовательных стратегий: с одной стороны, государственно-заказные героико-патриотические циклы, воспроизводящие макронарратив национальной истории; с другой – независимые студийные и платформенные проекты, сосредоточенные на локальных сообществах, травматическом опыте и повседневности. Между этими полюсами формируется разрыв, который не перекрывается ни общими фестивальными площадками, ни единой зрительской аудиторией, что свидетельствует о фрагментации самого документального поля.

Как справедливо отмечает Г.С. Прожико, любой художественный текст, в том числе основанный на документальном материале, следует рассматривать не как модель самой реальности, а как модель сознания человека определённого временного периода. Развивая эту мысль, исследовательница подчёркивает, что «экранный документ за прошедший век составил своеобразную антологию этой «второй», по словам С. Дробашенко, «удвоенной реальности», которая, сохраняя экранный облик действительной реальности, при этом несла в своей сути именно модель сознания человека определенного временного периода» [8, с. 4]. При этом понятия «достоверности» и «правды» не являются абсолютными, а зависят от активной избирательности зрительского восприятия, которое исторически конкретно и пластично [8, с. 4-5]. В свою очередь, Н.А. Агафонова акцентирует, что в современном киноискусстве более важным становится не отражение объективной реальности, а выражение реальности субъективной [1, с. 12]. Этот сдвиг в сторону субъективности требует пересмотра классических теорий, основанных на опыте телевизионной и кинопрокатной эпох.

Теоретической рамкой настоящего исследования служит концепция медиатизации, разработанная в трудах Д.П. Гавры и его коллег. Авторы монографии «Медиатизация социальности в платформенном обществе» определяют современное общество как находящееся на этапе «глубокой / трансакционной медиатизации», для которого характерно разрушение монополии традиционных массмедиа на выполнение функции главного агента медиатизации. Медиатизация превращается в полиагентский процесс с множеством игроков, постоянно функционирующих в медиапространстве [4, с. 71]. Это позволяет рассматривать документальное кино не как изолированный художественный феномен, а как неотъемлемый элемент глубоко медиатизированной коммуникационной среды, где его жанровые и нарративные характеристики во многом определяются логикой цифровых платформ.

Важным методологическим дополнением служит медиаархеологический подход, теоретически осмысленный в работах Н.Н. Сосны. Анализируя проекты «золотого периода» медиатеории, исследовательница подчёркивает, что такие учёные, как З. Цилински, принципиально отказывались от «идеи квазиестественного технического прогресса» и предлагали рассматривать историю медиа как «множества технических устройств», связи между которыми следует устанавливать бережно, чтобы не редуцировать их разнообразие [12, с. 67-68]. Этот методологический принцип – отказ от редукции ради построения линейного нарратива – оказывается продуктивным и для анализа современной документалистики, где классические жанровые иерархии уступают место гибридным, полифоничным формам.

Цель настоящей работы – систематизировать основные направления жанрово-нарративных изменений в российской документалистике указанного периода и выявить их социокультурные и институциональные предпосылки. В качестве основной гипотезы выдвигается предположение о том, что переход от моножанровой, монологичной модели к полижанровым, диалогическим и персональным формам носит не хаотический, а закономерный характер и может быть описан через смену доминирующего «конструктивного фактора» жанрообразования: от функции (1960-е) через метод конструирования реальности (2000-2010-е) к платформенной логике (2020-е).

Материалы и методы исследований

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу настоящего исследования составил обширный корпус, включающий 120 российских документальных фильмов и проектов, созданных в период с 2000 по 2024 год, а также 5 крупнейших стриминговых платформ (more.tv, Okko, Start, КиноПоиск, Premier), функционирующих на российском медиарынке. Отбор единиц анализа осуществлялся по принципу репрезентативности, охватывая различные каналы производства и дистрибуции (государственное телевидение, независимые студии, платформенные заказы) и жанрово-тематические группы (историческая память, антропологические исследования, социальное расследование, героико-патриотическая публицистика, просветительские проекты).

Теоретико-методологические основания исследования

Анализ трансформации документалистики требует синтеза теорий из киноведения, медиалогии, коммуникативистики и социологии. Ключевым понятием в данном исследовании является «договор о правде» - парадоксальное соглашение между автором и зрителем, которое в цифровую эпоху постоянно пересматривается. Если в классической документалистике достоверность базировалась на институциональной принадлежности автора и индексальной природе плёнки, то сегодня источник авторитета смещается в сторону эмоциональной искренности, открытой субъективности автора и интерактивной верификации сообществом.

Однако в последние годы этот «договор» сталкивается с новым вызовом - распространением технологий дипфейков и синтеза медиаконтента на основе нейросетей. Индексальность фотографического и кинематографического изображения, долгое время служившая краеугольным камнем документального реализма, утрачивает свою гарантийную силу. В этой ситуации зритель всё чаще вынужден полагаться не на формальные признаки «подлинности», а на нарративную логику и эмоциональную убедительность истории. Таким образом, «договор о правде» становится ещё более хрупким и переносится в плоскость риторики и межличностного доверия.

В этом контексте показательно замечание С.Л. Уразовой, которая, анализируя использование нейросетей и ИИ в медиапроизводстве, констатирует, что созданная первопроходцами продукция с привлечением ИИ пока далека от творчества и формулирования идей, нацеленных на ментальное развитие индивида. Основной проблемой здесь становится сам человек с его отношением к качеству создания творческого продукта, характеризующим уровень его профессионализма [13, с. 145-146]. С применением ИИ проблема корреляции «профессионализм - любительство» будет разрастаться, что, вероятно, сформирует появление самостоятельного сегмента «нейромедиа» на медиарынке [13, с. 144].

В цифровую эпоху фундаментальное значение приобретает понятие «медиалогики». Под медиалогикой понимается «совокупность правил, норм и форматов, определяющих функционирование медиасферы», которая оказывает «управляющее и формирующее воздействие на функционирование, социальную динамику и эффекты других общественных институтов» [4, с. 28, 34]. В контексте настоящего исследования это означает, что логика цифровых платформ - их технические, алгоритмические и интерфейсные характеристики - выступает в роли новой «медиалогики», детерминирующей жанровые и нарративные решения в документальном кино.

Необходимо конкретизировать, как именно платформенная логика влияет на повествовательные структуры. Во-первых, алгоритмы рекомендаций, оптимизированные на удержание внимания, поощряют сериальные форматы с клиффхэнгерами, что трансформирует документальный фильм в многосерийный наррa-

тив с внутренними «крючками». Во-вторых, вертикальный формат мобильного экрана меняет композицию кадра: крупные планы, центрированное изображение, отказ от широких панорам становятся доминирующими, что ускоряет монтажный ритм и делает его фрагментарным. В-третьих, платформы создают «эффект плейлиста», когда зритель потребляет документальные серии не как целостное высказывание, а как часть непрерывного потока контента, что ослабляет авторскую интенцию и усиливает роль кураторских алгоритмов в формировании смысла.

Особый интерес для методологии данного исследования представляет понятие «конструктивного фактора» жанрообразования, введённое Е.А. Мансковой. Опираясь на идеи Л.С. Выготского, Манскова утверждает, что на каждом историческом этапе доминирующий фактор подчиняет и деформирует остальные, определяя жанровую форму [7, с. 10]. Предлагается следующая диахроническая модель эволюции конструктивного фактора:

1960-е гг. – функция (идеологическая / просветительская задача);

2000-2010-е гг. – метод конструирования реальности;

2020-е гг. – платформенная логика (технические и алгоритмические параметры медиасреды).

В работе использован комплекс методов:

а) нарративный анализ для выявления устойчивых повествовательных структур и стратегий в исследуемом корпусе фильмов;

б) жанровый анализ для классификации и описания гибридных форм (докудрама, анимадок, стриминговый сериал, интерактивный веб-док);

в) институциональный анализ для изучения влияния платформенной логики, государственных грантов и рыночных механизмов на производство и дистрибуцию документального контента;

г) сравнительно-типологический метод для сопоставления нарративных моделей, а также для выявления общих и специфических черт в различных сегментах медиаполя.

Результаты и обсуждения

Анализ эмпирического корпуса, включающего 120 российских документальных фильмов и проектов (2000-2024 гг.), а также 5 стриминговых платформ, позволяет выявить устойчивые нарративные тренды, формирующие медийную повестку.

1. Нарративные тренды российской документалистики

1.1. Нарратив исторической памяти и семейной истории

Одним из ключевых трендов постсоветской документалистики становится обращение к исторической памяти через призму семейных историй и личных свидетельств. Документальное кино в этом контексте выполняет функцию «работы памяти» (memory work), позволяя артикулировать травматический опыт и переосмысливать прошлое через индивидуальные нарративы. Ранним примером выступает фильм «Мама» (Н. Михалков, 2003), где личная история становится призмой, через которую преломляются социальные катаклизмы переходного периода. Масштабный проект «Рождённые в СССР» (С. Мирошниченко) представляет собой уникальный лонгитюд, фиксирующий, как исторические события преломляются в частных судьбах.

1.2. Нарратив антропологического открытия России

Второй значимый тренд – исследование «внутренней» России, её удалённых уголков и традиционных сообществ. Документалистика становится инструментом визуальной антропологии. Эта линия представлена фильмами «Ритуал осеннего ветра» (А. Романов, 2002), «По следам Михаила Заплатина» (В. Петухов, 2004), «В реальном времени» (С. Дебижев, 2002-2004). К этому же тренду примыкают телевизионные циклы, посвящённые исследованию регионов России, например, программа «Россия. Гений места» (телеканал «Россия-Культура») и документальные проекты телеканала «Моя Планета», активно использующие приёмы визуальной антропологии и этнографического наблюдения.

1.3. Расследовательский нарратив и социальная проблематика

Этот тренд, унаследовавший традиции советской и постсоветской публицистики, сохраняет свои позиции в телевизионных форматах. Многолетние телециклы «Человек и закон», «Специальный корреспондент», «Новые русские сенсации», а также документальные фильмы «Дело Собчака» (В. Кричевская, 2018), «Невинно осужденные» (И. Теслицкая, 2022) демонстрируют адаптацию расследовательского жанра к современным экранным формам.

1.4. Героико-патриотический и мобилизационный нарратив

Данный тренд составляет ядро государственно-заказной повестки. А.С. Вартанов, критикуя коммерциализацию телевидения, доказывал, что телевидение обязано транслировать «вершины национальной культуры», которые «не должны зависеть от капризов сиюминутных предпочтений» [2, с. 46], имплицитно при-

знавая за экраном функцию мощного идеологического и консолидирующего инструмента. Как отмечает Е.Л. Вартанова, «медиа - один из ключевых институтов современного общества» [3, с. 18]. После 2022 года этот тренд усиливается. Появляются фильмы «У края бездны» (М. Фадеев, 2024), «Москва-Донбасс. Хроника восстановления» (2023), «Русское наследие. Возвращение домой» (2023-2025), построенные по канонам военной публицистики.

1.5. Просветительский и научно-популярный нарратив

Этот тренд отвечает на запрос аудитории на «полезный контент». Телеканал «Культура» систематически производит документальные циклы об искусстве и истории. Стриминговые платформы адаптируют образовательный контент под формат сериального потребления («История российского дизайна», 2018; «Крепость: история российского кризиса», 2021). Новые аудиальные форматы, такие как док-подкаст «Голый землекоп» (СберЗвук, 2023), расширяют просветительские возможности документалистики.

2. Жанровые сближения и гибридизация

Цифровая трансформация медиасреды инициировала фундаментальные изменения в жанровой природе документального кино. Как отмечает Е.Б. Футерман, современный документальный проект интегрирует реконструкции, анимацию, виртуальную реальность, технологии искусственного интеллекта и интерактивные элементы; при этом, согласно позиции исследователя, указанные новации не отменяют родового признака документалистики –связи с подлинными событиями – а представляют собой эволюцию языка [14, с. 174]. Данный тезис коррелирует с положением Б. Николса о том, что документальное кино всегда является «творческой обработкой действительности» (creative treatment of actuality), а не её механической фиксацией [17, с. 25]. В этом контексте продуктивной представляется концепция Г.С. Прожико, согласно которой именно в потоке множественных художественных идей, попыток авторского анализа и эстетического поиска формируется базовый художественный уровень, из которого в отдельных случаях выделяются уникальные произведения [9, с. 2].

2.1. Докудрама и докуфикшн

Наиболее заметным направлением жанровой гибридизации становится активное внедрение в документальный нарратив приёмов игрового кинематографа. Фильмы «Штрафбатя» (А. Голубкин, 2007), «Подлинная история Русской революции» (П. Тупик, 2017), «Родина моей Родины» (А. Смирнов, А. Похоренков, 2023) используют профессиональных актёров и постановочные сцены при опоре на реальные документы и исторические свидетельства. К.А. Шергова квалифицирует докудраму как закономерный этап эволюции документального телевидения, имеющий исторические прецеденты в отечественной практике (в частности, фильм Ф. Эрмлера «Перед судом истории»). В качестве первого отечественного опыта в рамках современной жанровой генерации Шергова называет сериал «Стратегия Победы» (1985), а к числу показательных примеров относит фильм «Битва за космос» (Первый канал) [15, с. 22]. В данном случае синтез документальной основы и игровых средств выразительности расширяет репрезентативные возможности жанра, позволяя визуализировать события, не зафиксированные на плёнку, при сохранении фактической достоверности.

2.2. Анимадок

Соединение документального кино с анимационными техниками открывает возможность визуализации опыта, принципиально не поддающегося прямой съёмке: внутренних состояний, воспоминаний, сновидений, травматических переживаний. Десятисерийный анимационный сериал «Детская книга войны» (2020), основанный на реальных историях из детских дневников периода Великой Отечественной войны, репрезентирует травматический опыт через условную визуальную форму, сохраняя при этом документальную основу повествования. Фильм А. Мильченко «Под животворящим солнцем» (2022) использует анимацию для визуализации эмоциональных состояний героев в условиях пандемийной изоляции. Как обосновывает Н.Г. Кривуля, анимадок предоставляет возможность передачи того, что объектив камеры зафиксировать не способен: сны, воспоминания, фантазии, внутренние переживания, - тем самым существенно расширяя выразительный арсенал документального кино [6, с. 105]. В методологическом плане анимадок демонстрирует отказ от индексальной парадигмы в пользу репрезентации ментальных состояний.

2.3. Стриминговые док-сериалы

Развитие видеостриминговых платформ (more.tv, Okko, Start, КиноПоиск, Premier) создало новый институциональный контекст для бытования документалистики. Платформы, заинтересованные в производстве оригинального контента, инвестируют в документальные сериалы, адаптированные под логику серийного потребления и удержания зрительского внимания. Док-сериал «Эпидемия с Антоном Красовским» (more.tv, 2020) и проект «Крепость: история российского кризиса» (2021) демонстрируют адаптацию документального нарратива к стриминговому формату: характерные признаки включают серийную структуру с внут-

ренними сюжетными арками, клиффхэнгеры в финалах эпизодов, визуальную эстетику, близкую к игровому кино, и динамичный монтажный ритм. Сериальная форма, в отличие от полнометражного фильма, позволяет разворачивать тему последовательно, с нарастанием напряжения, что соответствует алгоритмическим требованиям платформ к показателям удержания аудитории (retention rate).

2.4. Интерактивные и трансмедийные формы

Интерактивный проект «Код города. Первоуральск» (2013) представляет собой кросс-медийную лабораторию, в рамках которой жители города под руководством профессиональных кинематографистов создавали портрет своего населённого пункта. Пользователю предоставляется возможность самостоятельно выбирать траекторию знакомства с материалом, что нарушает линейную структуру классического документального фильма. Данная форма может быть осмыслена через понятие «Living Documentary», предложенное С. Гауденци: интерактивный документальный проект трактуется как реляционный объект, который не существует в статичной форме, а актуализируется заново при каждом взаимодействии с пользователем [16, с. 83-90]. В данном случае фиксируется переход от монологического высказывания автора к диалогической модели, в которой пользователь совместно с создателями конструирует семантическое пространство произведения. При этом авторский контроль не устраняется полностью, а перераспределяется: структура остаётся жёсткой, но навигация в ней вариативна.

3. Нарративные модели современной документалистики

Теоретической рамкой анализа нарративных моделей служит модальная теория документального кино Б. Николса [17], позволяющая рассматривать документальный фильм не как фиксацию реальности, а как риторически организованное высказывание, репрезентирующее определённый взгляд на мир. Как определяет сам Николс, «документальные фильмы - это не репродукция реальности, а представление мира, который мы уже занимаем; они представляют определённый взгляд на мир» [17, с. 20]. Анализ корпуса фильмов (120 наименований) позволяет выделить пять ключевых нарративных моделей, отражающих эволюцию повествовательных стратегий под влиянием цифровых медиакоммуникаций.

3.1. Наблюдательная модель

Наблюдательная модель, восходящая к традициям «direct cinema» (прямое кино), предполагает минимизацию авторского вмешательства в фиксируемую реальность. Работы Виктора Косаковского («Тише!», 2003), Алексея Романова («Ритуал осеннего ветра», 2002), Сергея Дебижева («В реальном времени», 2002-2004) создают эффект непосредственного присутствия и «прозрачности» экранного высказывания. Однако, как аргументирует Л.В. Комуцци, статичная камера в подобных фильмах «как будто бесстрастно фиксирует происходящее, но самим выбором позиций наблюдения выдаёт свою ценностно-идейную установку», что превращает наблюдательную модель в особую риторическую стратегию, а не в пассивную регистрацию [5, с. 242]. Г.С. Прожико, анализируя современную документалистику, обращает внимание на то, что переход от вербальной формулы «фильм рассказывает о…» к визуальному «показу» определяет авторскую художественную установку; при этом исследовательница предупреждает, что «схематизация картины мира в небрежной, равнодушной фиксации… уничтожает зрительское доверие экрану» [9, с. 7]. Таким образом, наблюдательная модель сохраняет эвристическую ценность именно как способ противостояния избыточной схематизации и симулякризации реальности.

3.2. Мозаично-коллажная модель

Данная модель предполагает отказ от линейного хронологического повествования в пользу ассоциативного монтажа разнородных элементов – фотографий, любительских съёмок, дневниковых записей, архивных материалов, фрагментов официальной хроники. Фильм М. Железникова «Коллекция №1» (2006) строится как ностальгическое путешествие по воспоминаниям лирического героя, где указанные элементы сплетаются в ассоциативное повествование без явной причинно-следственной связи. Проекты «Живые мемории» (И. и М. Разумовские, 2020-2023) и «Письма войны» (2023) используют аналогичный принцип для создания многомерной картины исторической эпохи. Как обосновывает А.А. Пронин, современная документалистика всё чаще прибегает к фрагментарной, мозаичной организации хронотопа, где «временные переброски разрывают картину современности, усложняя темпоральность фильма», а итоговая цельность обеспечивается единством нарративной структуры, а не фабульной последовательностью [10, с. 29-35].

3.3. Рекурсивный нарратив и документальный фильм от первого лица

В фильмах от первого лица автор одновременно выступает как субъект и как объект повествования. «Мама» (Н. Михалков, 2003), «Клюквенный остров» (Е. Демидова, 2010), «Лёша» (Е. Демидова, 2011) демонстрируют, как демонстрация субъективности становится условием достижения достоверности: открытое признание авторской позиции, эмоциональной вовлечённости и ограниченности взгляда парадоксальным образом усиливает доверие зрителя. Согласно А.А. Пронину, о герое-рассказчике в таких фильмах

«можно говорить, как о диегетическом нарраторе, поскольку он очевидно фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)»; при этом сам принцип повествования создаёт «эффект естественного нарратива», восходящего к устной традиции бытового рассказывания [10, с. 15, 84]. Данная модель коррелирует с более широким трендом персонализации документального высказывания в цифровой культуре.

3.4. Расследовательский нарратив

Расследовательская модель сохраняет классическую детективную структуру («загадка - расследование - разгадка»), адаптируясь к современным медиаформатам. Телевизионные циклы «Нефакт», «Специальный корреспондент», «Человек и закон» используют публицистическую речь ведущего, динамичный монтаж, документальные вставки и экспертные интервью. Цифровые платформы осваивают расследовательскую модель в интерактивных формах: проект «Код города. Первоуральск» позволяет пользователю самостоятельно выстраивать траекторию расследования локальной истории, выбирая глубину погружения в отдельные сюжеты. Как отмечают С.В. Серебрякова и А.Ю. Саломахин, «открытость, динамичность и саморегулирование кинодискурса основаны на его мультимедийности», что создаёт условия для вариативного декодирования семиотических кодов зрителем [11, с. 335].

3.5. Гибридные экспериментальные формы

Помимо перечисленных моделей, в корпусе 2010-2020-х годов фиксируются гибридные нарративные структуры, не сводимые к одной типологической группе. Фильм О. Привольновой «Насквозь» (2017) создаёт коллективный портрет современной России через множество случайных встреч в поезде, отказываясь от линейного сюжета в пользу накопительного эффекта бытовых деталей. Документальный проект «Колбаса Митрофана Аксенова» (2012) совмещает элементы краеведческого исследования, семейной хроники и анимации, нарушая жанровые границы. Данные примеры демонстрируют, что современная документалистика активно экспериментирует с нарративной формой, используя гибридизацию как инструмент расширения репрезентативных возможностей. Выделенные нарративные модели не являются жёсткими категориями; в конкретных фильмах они могут сочетаться, взаимодополнять друг друга и перетекать одна в другую, что отражает многообразие повествовательных стратегий в современной документалистике.

4. Доминирование микронарратива как системный результат трансформации

Проведённый анализ позволяет сформулировать ключевой вывод: доминирующей нарративной стратегией в российской документалистике 2010-2020-х годов становится «микронарратив», ориентированный на частный опыт и локальную идентичность. Этот тренд реализуется через три основных направления. Как констатирует Г.С. Прожико, «ныне реальность – не хроникальна, то есть событийна, она окрашена эмоциями человека, и "колорит" чувств данного момента бытия и есть истинность истории» [9, с. 12]. Этот сдвиг исследовательница связывает с изменением самого объекта внимания документалистов: «Человеческий ракурс сосредоточивает внимание зрителя на эмоциональной сути событий, а потому смещает содержание происходящего в сферу мира человеческих чувств» [9, с. 3].

4.1. Отказ от «больших историй» в пользу мозаики персональных свидетельств

В классической публицистической традиции документальный фильм выполнял объяснительную и обобщающую функцию: он выстраивал причинно-следственные связи, предлагал интерпретацию событий и фиксировал итоговую оценку. В корпусе 2010-2020-х годов эта повествовательная стратегия уступает место принципиально иной организации материала. В качестве репрезентативного примера может быть рассмотрен фильм М. Железникова «Коллекция №1» (2006), построенный как ассоциативный ряд фотографий, любительских съёмок и дневниковых записей, – автор отказывается от итогового обобщения, предоставляя зрителю возможность самостоятельной сборки смысла. Аналогичный принцип реализован в проекте «Письма войны» (2023), где исторический нарратив собирается из множества персональных свидетельств, не сводимых к единой интерпретационной рамке. Такая стратегия не отменяет исторической памяти, но переводит её из публицистического в мемориально-личное измерение, где достоверность обеспечивается не внешней верификацией, а внутренней согласованностью голосов участников.

Как подчёркивает А.А. Пронин, «важнейшим свойством полифонической наррации в биографическом фильме-портрете является активизация сюжетообразующего мотива памяти и создание оригинального экранного события - как бы совместного воспоминания нарраторов о жизни героя» [10, с. 91].

4.2. Ревизия коллективной памяти через призму семейной или травматической истории

Микронарратив становится инструментом переосмысления прошлого через личный, часто травматический опыт. «Мама» реконструирует историю 1990-х через судьбу матери режиссёра. «Клюквенный остров» выносит в публичное пространство глубоко личный опыт жизни на грани исчезновения. «Блеф, или С Но-

вым годом!» (О. Синяева, 2013) предлагает альтернативный взгляд на систему детских домов через личные истории их обитателей.

4.3. Антропологизация социальной проблематики

Микронарратив реализуется в исследовании локальных сообществ и маргинальных групп. «Спецы» (А. Драницына, 2020) погружается в закрытый мир спецшколы для подростков, совершивших преступления, фиксируя не сенсационные конфликты, а рутину повседневности – именно через неё проступает системная неэффективность института ресоциализации. «Насквозь» (О. Привольнова, 2017) создаёт коллективный портрет современной России через множество случайных встреч в поезде, отказываясь от линейного сюжета в пользу накопительного эффекта бытовых деталей.

В отличие от классической публицистики, где социальная проблема иллюстрировалась типичными «героями-носителями», антропологическая оптика смещает фокус с социологического обобщения на экзистенциальную повседневность - жесты, паузы, молчание, телесный опыт. При этом исследовательский риск заключается в эстетизации маргинальности: камера, фиксируя «аутентичную бедность», может невольно превратить героя в антропологический курьёз, что ставит под вопрос этическую сторону «договора о правде». Однако в лучших образцах (как «Спецы» или «Клюквенный остров») длительное наблюдение позволяет преодолеть экзотизацию, переводя проблему из плоскости жалости в плоскость соприсутствия.

4.4. Диалектика микро- и макронарратива

Было бы упрощением полагать, что микронарратив полностью вытесняет «большие» нарративы. В российском медиаполе наблюдается сложная диалектика. Государственно-заказные героико-патриотические фильмы продолжают транслировать макронарратив, апеллируя к общенациональным ценностям и историческим мифам. В то же время микронарративы, производимые независимыми студиями и платформами, часто существуют в параллельной нише, не вступая в прямую полемику с официальной повесткой, но создавая альтернативное пространство памяти.

Эта дихотомия приводит к фрагментации общественного сознания: зритель может одновременно потреблять и мобилизационный патриотический контент, и исповедальные личные истории, не ощущая когнитивного диссонанса благодаря алгоритмическим «пузырям» платформ. Таким образом, микронарратив не отменяет макронарратив, а сосуществует с ним, предлагая зрителю выбор в зависимости от контекста потребления. Эта многополярность дискурсивного поля становится характерной чертой современной медиасреды.

4.5. Трансформация зрительской стратегии

Доминирование микронарратива неразрывно связано с изменением стратегий зрительского потребления. Если в индустриальную эпоху просмотр документального фильма был событием, требовавшим сосредоточенного внимания (кинотеатр или телевизионный прайм-тайм), то в цифровой среде документалистика становится фоном, «сопроводительным» контентом. Платформенный «эффект плейлиста» и алгоритмическая персонализация превращают потребление в кастомизированный опыт, где зритель активно конструирует собственную повестку из множества фрагментированных микроисторий. Это, в свою очередь, меняет саму природу документального высказывания: автор всё чаще ориентируется не на создание законченного, целостного произведения, а на производство эпизодов, способных удерживать внимание в условиях информационной перегрузки.

Выводы

Проведённое исследование, опирающееся на анализ 120 российских документальных фильмов и проектов 2000-2024 годов, а также на теоретические модели медиатизации, платформенной логики и нарративного анализа, позволяет зафиксировать системный характер трансформации российской кинодокументалистики в цифровую эпоху. Изменения, фиксируемые в жанровой, нарративной, риторической и институциональной сферах, не являются хаотическими, но подчиняются общей логике перехода от моножанровой, монологичной модели индустриальной эпохи к полижанровым, диалогическим и персональным формам, ключевым результатом которого становится доминирование микронарратива.

В области жанровой структуры зафиксировано формирование устойчивого слоя платформенно-специфичных гибридных форм. Стриминговый док-сериал с серийной драматургией, клиффхэнгерами и адаптацией под алгоритмические требования платформ («Эпидемия с Антоном Красовским», «Крепость: история российского кризиса») становится доминирующей формой на цифровых площадках. Вертикальный видеодок, ориентированный на мобильный экран, трансформирует композицию кадра и монтажный ритм. Интерактивный веб-док с нелинейной навигацией («Код города. Первоуральск») реализует модель «Living Documentary», в которой пользователь становится соавтором смысла. Традиционные жанры - очерк, портрет, расследование - не исчезают, но трансформируются: очерк эволюционирует в тревел-журналистику и

научно-популярные циклы, портрет – в автодокументалистику и фильмы от первого лица, расследование - в интерактивные и аудиальные форматы. Конструктивным фактором этих изменений выступает не авторская интенция и не тематическая задача, а платформенная логика – технические и алгоритмические параметры медиасреды, задающие требования к хронометражу, ритму монтажа, композиции кадра и способам удержания зрительского внимания.

В области нарративных стратегий доминирующей становится модель «микронарратива», ориентированного на частный опыт и локальную идентичность. Этот тренд реализуется в трёх основных формах: 1) отказ от тотализирующего исторического повествования в пользу мозаики персональных свидетельств («Коллекция №1», «Письма войны», «Живые мемории»); 2) ревизия коллективной памяти через семейную или травматическую историю («Мама», «Клюквенный остров», «Блеф, или С Новым годом!»); 3) антропологизация социальной проблематики через длительное наблюдение повседневности локальных сообществ («Спецы», «Насквозь»). При этом микронарратив не вытесняет макронарратив полностью, а сосуществует с ним в разных сегментах медиаполя: государственно-заказные героико-патриотические циклы («У края бездны», «Москва-Донбасс. Хроника восстановления») продолжают транслировать общенациональную повестку, тогда как независимые студии и платформы развивают микроистории. Эта дихотомия ведёт к фрагментации общественного сознания и формированию параллельных дискурсивных пространств, где зритель может одновременно потреблять контент из разных идеологических установок без когнитивного диссонанса благодаря алгоритмическим «пузырям» платформ.

Анализ нарративных моделей позволил выделить пять устойчивых типов повествования. Наблюдательная модель, восходящая к традициям direct cinema («Тише!», «Ритуал осеннего ветра», «В реальном времени»), сохраняет эвристическую ценность как способ противостояния схематизации реальности, хотя выбор позиции наблюдения неизбежно выдает авторскую установку. Мозаично-коллажная модель («Коллекция №1», «Живые мемории») отказывается от линейной хронологии в пользу ассоциативного монтажа разнородных элементов, создавая многомерную картину эпохи. Рекурсивный нарратив от первого лица («Мама», «Клюквенный остров», «Лёша») использует открытую субъективность автора как условие достижения достоверности, создавая «эффект естественного нарратива». Расследовательская модель («Нефакт», «Специальный корреспондент», «Код города. Первоуральск») адаптирует классическую детективную структуру к современным интерактивным форматам. Гибридные экспериментальные формы («Насквозь», «Колбаса Митрофана Аксенова») демонстрируют активное экспериментирование с нарративной формой, нарушая жанровые границы и расширяя репрезентативные возможности документалистики. Выделенные модели не являются жёсткими категориями; в конкретных фильмах они сочетаются, что отражает многообразие повествовательных стратегий в современной документалистике.

В области риторики достоверности фиксируется фундаментальный сдвиг источника авторитета с институциональной принадлежности автора (профессиональный статус, канальная аффилиация) на эффект аутентичности, достигаемый через открытую субъективность и эмоциональную искренность. Индексальность изображения, долгое время служившая краеугольным камнем документального реализма, утрачивает гарантийную силу в условиях распространения дипфейков и нейросетевого синтеза; доверие всё больше переносится на нарративную логику, внутреннюю согласованность высказывания и этическую позицию автора. «Договор о правде» переопределяется как риторический конструкт, зависящий от контекстуальной согласованности повествования, а не от технической фиксации события. Как показал анализ, в условиях, когда индексальность перестаёт быть гарантом истины, зритель вынужден полагаться на эмоциональную убедительность истории и межличностное доверие к автору, что делает «договор о правде» более хрупким и переносит его в плоскость риторики и соприсутствия.

Институциональный анализ обнаруживает формирование «многоукладной» экономики документального производства, в которой одновременно действуют государственные гранты (стимулирующие героико-патриотическую тематику и макронарративы), платформенные инвестиции (ориентированные на удержание аудитории через сериальные форматы и клиффхэнгеры), краудфандинг и нишевая поддержка независимых проектов. Эта дихотомия финансирования закрепляет тематическую и стилистическую фрагментацию поля, создавая ситуацию, при которой документалистика функционирует в разных сегментах медиарынка с различными правилами производства, дистрибуции и потребления.

В области зрительских практик потребление документального контента трансформируется из событийного акта (кинотеатр, телевизионный прайм-тайм, требующие сосредоточенного внимания) в фоновый, кастомизированный процесс, управляемый алгоритмическими рекомендациями платформ. Платформенный «эффект плейлиста» и алгоритмическая персонализация превращают потребление в кастомизированный опыт, где зритель активно конструирует собственную повестку из множества фрагментированных микрои-

сторий. Следствием становится адаптация нарративных структур к условиям информационной перегрузки: сериальность, клиффхэнгеры, сжатый хронометраж, адаптация под вертикальный экран и визуальная аффордантность мобильных устройств. Это меняет саму природу документального высказывания: автор всё чаще ориентируется не на создание законченного, целостного произведения, а на производство эпизодов, способных удерживать внимание в условиях конкуренции с развлекательным контентом.

Таким образом, российская документалистика 2000-2024 годов представляет собой динамическую систему, в которой жанровые, нарративные, риторические и институциональные изменения взаимосвязаны и подчинены общей логике платформизации медиа. Переход от монолога к микронарративу, от индексальной достоверности к риторической аутентичности, от событийного потребления к фоновому, алгоритмически управляемому процессу – все эти векторы трансформации демонстрируют, что документальное кино перестаёт быть автономным художественным феноменом и становится неотъемлемым элементом глубоко медиатизированной коммуникационной среды, где его форма и содержание в значительной степени определяются логикой цифровых платформ.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: 1) углублённое изучение влияния алгоритмических систем рекомендаций на тематический отбор и нарративное построение документальных проектов; 2) анализ феномена «кризиса достоверности» в эпоху дипфейков и инфодемии с привлечением экспериментальных методов рецептивной эстетики; 3) компаративное исследование российской документалистики в сопоставлении с практиками других стран (США, Великобритания, Франция, Китай) для выявления универсальных и национально-специфических закономерностей платформенной трансформации; 4) изучение документального кино как инструмента формирования коллективной памяти и национальной идентичности в условиях фрагментированного дискурсивного поля.

Список источников

1. Агафонова Н.А. Общая теория кино и основы анализа фильма. Минск: Тесей, 2008. 392 с.
2. Вартанов А.С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: На телевизионных подмостках: учеб. пособие. М.: КДУ, 2003. 192 с.
3. Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2019. 224 с.
4. Гавра Д.П., Акимович Е.В., Ачкасова В.А. [и др.] Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. 384 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id25-258.
5. Комуцци Л.В. Две документальные истории об «украинской революции» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 2. С. 236 – 251. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.207.
6. Кривуля Н.Г. Документальная анимация: генезис и специфика (обзорно-аналитическая статья) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 96 – 115. DOI: 10.17223/22220836/43/7.
7. Манскова Е.А. Современная российская теледокументалистика (динамика жанров и средств экранной выразительности): дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Барнаул, 2011. 161 с.
8. Прожико Г.С. Концепция реальности в экранном документе: дис. … док. искусствов.: 17.00.03. Москва, 2004. 422 с.
9. Прожико Г.С. Много ли шедевров, или что оставит в истории отечественная документалистика 2010-2020 годов? // Вестник ВГИК. 2022. Т. 14. № 2 (52). С. 19 – 33.
10. Пронин А.А. Mass-док: презумпция нарративности. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом "Петрополис". 2017. 244 с.
11. Серебрякова С.В., Саломахин А.Ю. Особенности институциональнальных параметров документального кинодискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 333 – 338. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.21.
12. Сосна Н.Н. Теории медиа: нормализация и вариантология // История философии. 2022. Т. 27. № 2. С. 64 – 73. DOI: 10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73.
13. Уразова С.Л. Нейромедиа как новый формат образов цифровой реальности // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15. № 3 (57). С. 140 – 150.
14. Футерман Е.Б. Doc: особый вид кинематографа и современные Технологии // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 4 (58). С. 174 – 181. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-58-4-174-181.

15. Шергова К.А. Эволюция жанров в документальном телевизионном кино: дис. … канд. искусствовед.: 17.00.03. Москва, 2010. 191 с.
16. Gaudenzi S. Interactive Documentary: From Representing Reality to Co-creating Reality: PhD diss. London: Goldsmiths, University of London, 2013. 295 p.
17. Nichols B. Representing Reality: Issues and Concepts in Documentary. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 313 p.

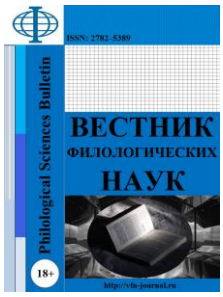
References

1. Agafonova N.A. General Theory of Cinema and Fundamentals of Film Analysis. Minsk: Tesey, 2008. 392 p.
2. Vartanov A.S. Current Issues in Television Production: On the Television Stage: A Textbook. Moscow: KDU, 2003. 192 p.
3. Vartanova E.L. Media Theory: The Domestic Discourse. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2019. 224 p.
4. Gavra D.P., Akimovich E.V., Achkasova V.A. [et al.] Mediatization of Sociality in a Platform Society: Processes and Effects. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025. 384 p. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id25-258.
5. Komutstsi L.V. Two Documentary Stories About the "Ukrainian Revolution". Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 236 – 251. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.207.
6. Krivulya N.G. Documentary Animation: Genesis and Specifics (A Review and Analytical Article). Vestnik of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. 2021. No. 43. P. 96 – 115. DOI: 10.17223/22220836/43/7.
7. Manskova E.A. Contemporary Russian TV Documentary (Dynamics of Genres and Screen Expression Means): Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences: 10.01.10. Barnaul, 2011. 161 p.
8. Prozhiko G.S. The Concept of Reality in the Screen Document: Dissertation for the Degree of Doctor of Art History: 17.00.03. Moscow, 2004. 422 p.
9. Prozhiko G.S. Are There Many Masterpieces, or What Will Domestic Documentary Filmmaking of the 2010s–2020s Leave in History? Vestnik VGIK. 2022. Vol. 14. No. 2 (52). P. 19 – 33.
10. Pronin A.A. Mass-Doc: The Presumption of Narrativity. St. Petersburg: Petropolis Publishing House LLC. 2017. 244 p.
11. Serebryakova S.V., Salomakhin A.Yu. Features of the Institutional Parameters of Documentary Film Discourse. Humanities and Legal Studies. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 333 – 338. DOI: 10.37493/2409-1030.2025.2.21.
12. Sosna N.N. Media Theories: Normalization and Variantology. History of Philosophy. 2022. Vol. 27. No. 2. P. 64 – 73. DOI: 10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73.
13. Urazova S.L. Neuromedia as a New Format of Digital Reality Imagery. VGIK Bulletin. 2023. Vol. 15. No. 3 (57). P. 140 – 150.
14. Futerman E.B. Doc: A Distinct Type of Cinema and Modern Technologies. Znak: The Problem Field of Media Education. 2025. No. 4 (58). P. 174 – 181. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-58-4-174-181.
15. Shergova K.A. Evolution of Genres in Documentary Television Cinema: PhD thesis in Art History: 17.00.03. Moscow, 2010. 191 p.
16. Gaudenzi S. Interactive Documentary: From Representing Reality to Co-creating Reality: PhD diss. London: Goldsmiths, University of London, 2013. 295 p.
17. Nichols B. Representing Reality: Issues and Concepts in Documentary. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 313 p.

Информация об авторах

Ловков М.А., *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, lovkov-ma@rudn.ru*

© Ловков М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 821.111-193.2:316.44
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-64-73

[1] ***Мельникова А.М.***

[1] ***Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова***

Языковые способы отражения функциональных особенностей речевого портрета героев-наставников в английском художественном тексте фэнтези (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф»)

Аннотация: *в статье рассматриваются различные взгляды относительно понятия речевого портрета героя в современной филологической науке. Акцентируется разнообразие подходов исследователей с опорой на фонетику, язык, поведенческие особенности, социальные аспекты при анализе речевых партий персонажей. В качестве теоретической основы исследования вычленили универсальное определение понятия «речевой портрет».*

В результате теоретического поиска подтвердили значимость взаимодействия автора и читателя в качестве эффективного средства создания необходимой лингвистической среды при формировании речевого портрета героев-наставников в английском художественном тексте.

С целью углубить понимание лингвостилистических процессов, происходящих в художественном фэнтези дискурсе, изучили функциональный потенциал речевого портрета героев фэнтези повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф». В процессе практического исследования демонстрируется каким образом реализуются основные функции речевого портрета в речи персонажей одного лингвокультурного типажа. Для каждой функции в отдельности (характерологической, выделительной, сравнительной, психологической) приводятся конкретные языковые средства и примеры из художественного текста.

Установили какие языковые средства являются отображением функциональных особенностей речевого портрета героев-наставников в фэнтези повести. Выяснили при помощи какого набора языковых средств (лексических, синтаксических, стилистических, прагматических) конструируется языковой портрет героя-наставника в английском художественном тексте фэнтези.

Языковая идентичность героев-наставников наглядно представлена в примерах, отображающих эффективное взаимодействие функций речевого портрета между собой.

Ключевые слова: *речевой портрет, речевая характеристика, языковые средства, функциональные особенности речевого портрета, лингвокультурный типаж, фэнтези дискурс*

Для цитирования: Мельникова А.М. Языковые способы отражения функциональных особенностей речевого портрета героев-наставников в английском художественном тексте фэнтези (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 64 – 73. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-64-73

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] ***Melnikova A.M.***

[1] ***Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov***

Functional features of mentor speech portraits in English fantasy fiction: based on linguistic analysis of C.S. Lewis's "The Lion, the Witch and the Wardrobe"

Abstract: *the article examines various perspectives on the concept of a character's speech portrait in contemporary philological science. The diversity of researchers' approaches is emphasized, focusing on phonetics, language, behavioral characteristics, and social aspects in the analysis of characters' speech parts. As the theoretical basis of the study, a universal definition of the concept of "speech portrait" was identified.*

As a result of the theoretical search, the significance of the interaction between the author and the reader was confirmed as an effective means of creating the necessary linguistic environment in the formation of the speech portrait of mentor characters in English literary texts.

In order to deepen the understanding of linguistic and stylistic processes occurring in the discourse of artistic fantasy, the functional potential of the speech portrait of the characters in C.S. Lewis's fantasy story "The Lion, the Witch and the Wardrobe" was studied. In the course of practical research, it is demonstrated how the main functions of a speech portrait are realized in the speech of characters of a single linguacultural type. For each function individually (characterological, distinguishing, comparative, psychological), specific linguistic means and examples from the literary text are provided.

It was established which linguistic means reflect the functional features of the speech portrait of mentor-heroes in fantasy stories. We determined which set of linguistic means (lexical, syntactic, stylistic, pragmatic) constructs the linguistic portrait of the mentor hero in English fantasy fiction.

The linguistic identity of mentor-heroes is clearly presented in examples that reflect the effective interaction of the functions of their speech portrait

Keywords: *speech portrait, speech characteristics, linguistic means, functional features of speech portrait, linguocultural type, fantasy discourse*

For citation: Melnikova A.M. Functional features of mentor speech portraits in English fantasy fiction: based on linguistic analysis of C.S. Lewis's "The Lion, the Witch and the Wardrobe". Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 64 – 73. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-64-73

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Определение «речевой портрет» часто используется в современной филологической литературе. Исследование данной дефиниции становится всё более актуальным для языковедов. По мнению Е.Д. Павлычевой многоаспектное исследование данного понятия привело к пониманию того, что «речевой портрет» является сложным по своей структуре, в которой могут быть выделены новые – видовые – понятия, такие как «языковой портрет», «коммуникативный портрет», «речевая характеристика», «речевое поведение», «лингвокультурный типаж»» [6, с. 110-115].

И.С. Шильникова, Т.П. Тарасенко, С.В. Леорда, М.В. Панов предлагают разнообразные подходы к изучению понятия «речевой портрет». Подходы исследователей различаются в зависимости от фокуса на фонетические, языковые, поведенческие или социальные аспекты понятия «речевой портрет». Также освящение проблемы нашло отражение в трудах И.С. Аксёновой, А.Е. Белоусовой, Д.Э. Розенталя, Г.Г. Инфантовой и других лингвистов, которые рассматривали данное понятие с разных ракурсов.

В результате анализа современной научной литературы логичным будет выделить универсальное определение понятия «речевой портрет», где его рассматривают как «средство общения, передачи информации от человека к человеку, по сути дела, специфическая форма взаимодействия людей в процессах их деятельности, осуществляющаяся, главным образом, при помощи языка» [2, с. 10-16, 5, с. 79-85, 10, с. 5-9].

Следует обратить внимание на то, что речевой портрет художественного персонажа – важный инструмент создания образа персонажа в художественном тексте, благодаря которому автор способен раскрыть персонаж без прямых оценок. Через речь персонажа можно выявить его основные характеристики, такие как происхождение, социальный статус, характер, отношение к происходящим событиям.

По мнению Т.Г. Станчуляк, Е.С. Горбенко анализ речи героев фэнтези произведений представляется значимым ввиду того, что именно «посредством речи героев раскрывается внутренняя логика фантастического мира, его ценностные ориентиры и социальные иерархии. Кроме того, изучение речевых паттернов фантастических существ и народов позволяет понять, как автор использует языковые средства для создания контраста между реальным и вымышленным, а также для передачи универсальных человеческих ценностей через призму фантастического нарратива» [7, с. 4445].

Ю.И. Щербинина утверждает, что «для лингвистов особенно значимым аспектом является вопрос о том, какими именно языковыми средствами создается определенный узнаваемый тип персонажа» [9, с. 111]. По мнению исследователя, стоит обратить внимание на то, что «типичность таких персонажей как магический наставник, учитель, помощник проявляется не только в наборе их характеристик, функций в тексте, роли в повествовании, но и в устойчивом наборе языковых средств, используемых авторами для создания внешней речи этих персонажей» [9, с. 112].

Научная новизна работы заключается в том, что языковые способы репрезентации образа персонажа фэнтезийного произведения К.С. Льюиса «Хроники Нарнии» анализируются впервые с точки зрения функций речевого портрета персонажей одного лингвокультурного типажа.

Цель исследования: выявление и описание языковых средств, отражающих функциональные особенности речевого портрета героев-наставников, идентификация способов взаимодействия функциональных особенностей речевого портрета героя между собой.

Материалы и методы исследований

Поскольку единого общепринятого способа анализа речевого портрета не существует, данный факт даёт возможность исследователю предложить собственную методологию. В качестве методов исследования языковых средств в речевой партии героев применили: функционально-лингвистический анализ, лингвостилистический, контекстуальный анализ.

В качестве материала для исследования используем фэнтези-повесть К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф».

Результаты и обсуждения

При анализе речевых партий героев стоит обратить внимание на то, что речь персонажа не только отображает его внутренний мир, но и является одним из способов обозначить границы когнитивно-психологического мира писателя. С.С. Тахтарова указывает на то, что «при анализе речевых партий литературных героев необходимо четко понимать в них присутствие личности автора. Автор создает образ героя не только через манеру речи, но также формирует менталитет героя через призму своих убеждений. Факты из жизни автора, биография, жизненная позиция – все это, так или иначе, отображается в произведении [8, с. 150-151].

Исследуя аспекты художественного поиска К.С. Льюиса, А.С. Косинская и В.Х. Гильманов, в свою очередь, обозначили, что, по мнению самого писателя, читателю необязательно разделять его мировоззренческие установки. Однако, «литературный читатель Льюиса призван достичь «наивного чтения», на время которого он полностью доверяет восприятию автора» [4, с. 56].

А.И. Дзюбенко подчеркнула важность фоновых знаний автора и читателя как основу эффективного общения между ними: «возможные миры художественного текста конструируются с помощью разноуровневых языковых средств, но успешность эстетической коммуникации автора и читателя обусловливается не только дискурсивными моделями, которые используют коммуниканты, но и их фоновыми знаниями» [3, с. 146].

Таким образом, взаимодействие автора и читателя является необходимым условием создания соответствующей лингвистической среды, которая имеет способность отражать когнитивные структуры и культурные контексты.

Примечательно, что многоуровневый процесс коммуникации между адресантом (автором) и адресатом (читателем), который включает не только языковое воплощение, задает динамику при создании образа определенного лингвокультурного типажа.

В качестве теоретической основы исследования используем классификацию А.Б. Борунова. Ученый-лингвист выделял следующие функции речевого портрета: «характерологическую, выделительную, сравнительную, психологическую» [1]. Характерологическая функция речевого портрета помогает раскрыть образ героя, его индивидуальность, подчеркнуть черты характера, принадлежность к определённой группе (профессиональной, этнической, социальной, возрастной). Выделительная функция речевой характеристики выделяет персонажа на фоне других. Для этого используются, например, характерные для героя слова, слова-маркеры или слова-паразиты. Сравнительная функция речевой портретной характеристики наглядно де-

монстрирует различия между персонажами; проявляется в употреблении лексических средств, особенностей произношения и построения диалогов. Психологическая функция речевой портретной характеристики отражает степень эмоциональности героя в моменте речи; как правило носит ситуативный характер; оценка реакции героя на те или иные обстоятельства играет важную роль в раскрытии его личности.

В добавление к вышесказанному укажем на то, что обозначенные функции речевого портрета являются результатом комплексного изучения этого явления как в литературоведении, так и в лингвистике.

Рассмотрим, как выделенные исследователем функции используются в речевых партиях героев-наставников в повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф», а также определим, какие языковые средства их отражают.

Профессор Дигори Кёрк – характерологическая функция. Проявление данной функции в речи подтверждает принадлежность Дигори Кёрка к интеллигентному ученому сообществу.

"***For instance*** *– if you will* ***excuse me for asking the question*** *– does your* ***experience lead*** *you* ***to regard*** *your brother or your sister* ***as the more reliable****?*" [11, с. 51].

Использование лексики официального типа (вводного оборота *for instance*), сложных речевых оборотов (*excuse smb for asking the question, experience lead smb to regard smb as the more reliable*) является отражением характерологической функции в речи Дигори Кёрка.

Аслан – характерологическая функция. Аслан является не только наставником, но и главнокомандующим Нарнийской армией. В его речи присутствует лексика, относящаяся к тематике военного дела, тактике ведения боя (*to be defeated, to wound, a battle, a prisoner, an attack*). Данный факт подчеркивает вовлеченность героя в процесс освобождения Нарнии от незаконной власти Белой Колдуньи.

"She will not make ***an attack*** *tonight*." [11, с. 161]; "*You never know where some poor* ***prisoner*** *may be concealed."* [11, с. 187]; *"and if the Witch is* ***to be*** *finally* ***defeated*** *before bed-time we must find* ***the battle*** *at once"* [11, с. 191]; "*There are other people* ***wounded****," said Aslan* [11, с. 196].

Мистер Бобр и Миссис Бобриха – характерологическая функция. Бобры – первые, кто знакомит детей Певенси с законами волшебной страны Нарнии и ее необычными обитателями. Именно бобры открывают тайну предназначения несмышленым английским подросткам. Речь бобров наполнена пророчествами и загадками.

Характерологическая функция в речи бобров выражена следующими языковыми средствами: необычными именами, наименованиями и титулами (*Cair Paravel, the King of the wood, the son of the great Emperor-beyond-the-Sea, the King of Beasts, Adam's flesh and Adam's bone, Sons of Adam, Daughters of Eve, the Lion, the great Lion, the White Witch*); словами и выражениями, указывающими на пророчество (*the old rhymes, the evil time, another prophecy*); модальными глаголами в выражениях, которые иллюстрируют уверенность говорящего в исполнении пророчества (*it* ***ought to*** *be, as it* ***should*** *be, it* ***will*** *be*).

"Aslan a man!" said Mr Beaver sternly. "Certainly not. I tell you he is ***the King of the wood*** *and* ***the son of the great Emperor-beyond- the-Sea****. Don't you know who is* ***the King of Beasts****? Aslan is a lion – the Lion, the great Lion."* [11, с. 86].

"For that's another of ***the old rhymes****:*
When ***Adam's flesh and Adam's bone***
Sits at Cair Paravel in throne,
The evil time *will be over and done*" [11, с. 87];

"*Because of* ***another prophecy****," said Mr Beaver. "Down at Cair Paravel – that's the castle on the sea coast down at the mouth of this river which* ***ought to be*** *the capital of the whole country if all was* ***as it should be*** *– down at Cair Paravel there are four thrones and* ***it's a saying in Narnia*** *time out of mind that when two* ***Sons of Adam*** *and two* ***Daughters of Eve*** *sit in those four thrones, then it will be the end not only of the White Witch's reign but of her life"* [11, с. 89];

Профессор Дигори Кёрк – выделительная функция:

Речь профессора отличительна тем, что он постоянно повторяет фразу с одним и тем же подтекстом – *to teach at these schools*, выражающую сомнение относительно качества образования детей в английских школах. Он ее употребляет в разговоре со своими подопечными, но обращаясь при этом вслух к самому себе, выражая таким образом недоумение, удивление, возмущение. В данной фразе указательное местоимение *these* выражает презрительно-пренебрежительное отношение героя к шаблонности школьного образования, к отсутствию гибкости и индивидуального подхода к детям. Дважды данное свойство речи героя выражено риторическим вопросом (*Why don't they* ***teach*** *logic* ***at these schools****? What do they* ***teach*** *them* ***at these schools****?*) и один раз – сложноподчиненным предложением с изъяснительным придаточным, построенным

по схеме: main clause + subordinate clause, раскрывающее содержание мысли (*I wonder what they do* ***teach*** *them* ***at these schools***).

*"Logic!" said the Professor half to himself. "***Why don't they teach logic at these schools?***"* [11, с. 52]; *he muttered to himself, "***I wonder what they do teach them at these schools.***"* [11, с. 54]; "*Bless me,* ***what do they teach them at these schools****?*" [11, с. 206].

Частое обращение к самому себе формирует образ профессора как чудаковатый. Авторское косвенное описание манеры речи героя подтверждает его частые обращения вслух к самому себе (*said the Professor half to himself*; *he muttered to himself*).

Аслан – выделительная функция. Речь Аслана отличается сдержанностью и лаконичностью. Однако, на фоне других выделяется частыми обращениями непосредственно к своим подданным, носящих преимущественно учтивый и своеобразный характер. Данный факт демонстрирует уважительное, внимательное, подчеркнуто особое отношение Аслана к каждому персонажу в отдельности.

Среди них выделим такие языковые единицы как: *ladies*, *mistress*, *children*, *Daughters of Eve*, *Son of Adam*, *Son of Earth*, *Sir Peter Wolf's-Bane*, *He-Beaver*, *She-Beaver*.

"Welcome, Peter, ***Son of Adam****," said Aslan. "Welcome, Susan and Lucy,* ***Daughters of Eve****. Welcome* ***He-Beaver*** *and* ***She-Beaver****."* [11, с. 140]; *"***Ladies****, take these* ***Daughters of Eve*** *to the pavilion and minister to them."* [11, с. 141]; *"Now is your chance to find the Witch and rescue* ***the fourth Son of Adam****"* [11, с. 145]; "*Rise up,* ***Sir Peter Wolf's-Bane.***" [11, с. 145]; *"Tell your* ***mistress****,* ***Son of Earth****, that I grant her safe conduct on condition that she leaves her wand behind her at that great oak."* [11, с. 153-154]; *"Oh,* ***children****,* ***children****, why are you following me?"* [11, с. 163].

Мистер Бобр и Миссис Бобриха – выделительная функция.

"And that's why the Witch ***is*** *always* ***on the lookout*** *for any humans in Narnia."* [11, с. 88]; *"I'll* ***lead the way****."* [11, с. 77]; *"He'll* ***put*** *all* ***to rights*** *as it says in an old rhyme in these parts."* [11, с. 85]; *"but the moment I* ***set eyes on*** *that brother of yours I said to myself `Treacherous'."* [11, с. 92].

Мистер Бобр – неординарный персонаж. Несмотря на то, что его речь простая, в ней присутствуют идиоматические выражения, которые ее обогащают. Идиомы указывают на внимательность героя в различных обстоятельствах, желание помогать, предостерегать: *to be on the lookout*, *to lead the way*, *to put to rights*, *to set eyes on*. Он всегда заботится о благополучии вверенных под его опеку английских подростков.

Мистер Бобр, как правило, словоохотлив, отличается мастерством рассказывать увлекательные истории, любит удивлять и просвещать собеседника. Языковые средства для выражения перечисленных качеств: риторические вопросы (*Safe? Didn't I tell you? don't you hear what Mrs. Beaver tells you? Who said anything about safe?*); повторы в речи (*statues*, *turned*, *safe*, *he*, *didn't I tell you*), антитеза (*taken* ***in*** *– comes* ***out***; *he* ***isn't*** *safe. But* ***he's*** *good;* ***always*** *winter and* ***never*** *Christmas*), полисиндетон (*in the courtyard* ***and*** *up the stairs* ***and*** *in the hall*).

"*But there's not many* ***taken in*** *there that ever* ***comes out*** *again.* ***Statues****. All full of* ***statues*** *they say it is –* ***in the courtyard and up the stairs and in the hall****. People she's* ***turned****" – (he paused and shuddered) "****turned*** *into stone."* [11, с. 84].

*"***Safe?***" said Mr. Beaver; "****don't you hear what Mrs. Beaver tells you? Who said anything about safe?*** *'Course* ***he isn't safe****. But* ***he's*** *good.* ***He****'s the King, I tell you."* [11, с. 86].

*"***Didn't I tell you***" answered Mr. Beaver, "that she'd made it* ***always winter*** *and* ***never Christmas****? **Didn't I tell you**? Well, just come and see*!" [11, с. 116].

В ходе анализа речи героев обозначим реплики бобров как эмоциональные, насыщенные добрым юмором. Отличительной чертой речевого поведения героев отметим склонность к драматизму в высказываниях. Языковые средства, которые использовал автор для создания речевой партии: междометия (*why*, *oh*, *come on*, *oh yes*), эмфатические слова/конструкции (*too*, *this*, *that's what*, *that's how*), восклицательные предложения (*Come on! At last! To think that ever I should live to see this day!*)

Мистер Бобр: *"***Why****, Daughter of Eve,* ***that's what*** *I brought you here for"* [11, с. 86]; *"***Come on!***" cried Mr. Beaver, who was almost dancing with delight* [11, с. 116]; *"***Oh****," said Mr. Beaver. "So* ***that's how*** *you came to imagine yourself a queen – because you were the Emperor's hangman. I see."* [11, с. 155].

Миссис Бобриха: *"***At last! To think that ever I should live to see this day!***"* [11, с. 78]; *"***Oh yes****, he was," she said miserably."* [11, с. 93]; *"I suppose the sewing machine's* ***too*** *heavy to bring?"* [11, с. 111].

Дед Мороз – выделительная функция. Данный персонаж является эпизодическим, но его роль в судьбе героев значительна, поскольку отражает начало процесса трансформации личностей главных героев. Примечательно, что Дед Мороз при первой встрече обращается к каждому из Певенси по имени. Таким обра-

зом создается ложное впечатление о том, что персонаж знаком с английскими подростками и ждал их встречи задолго до появления в Нарнии.

*"**Peter, Adam's Son**," said Father Christmas "These are your presents."* [11, с. 117]; *"**Susan, Eve's Daughter**," said Father Christmas. "These are for you."* [11, с. 118]; *Last of all he said, "**Lucy, Eve's Daughter**."* [11, с. 118].

Языковые средства, используемые для выражения выделительной функции: метафорические выражения *Adam's Son, Eve's Daughter*.

Профессор Дигори Кёрк – сравнительная функция. От других типов наставников профессора отличает любознательность натуры, склонность к анализу и рассуждению, неподдельный интерес ко всему необычному и загадочному, желание обнаружить истину и восстановить справедливость, умение задавать вопросы.

Речь профессора отличается:

1) вопросительными предложениями, а именно специальными вопросами с разными вопросительными словами (*how, why, what*):

*"**How** do you know," he asked, "that your sister's story is not true?"* [11, с. 50]; *"**Why** do you say that?" asked the Professor* [11, с. 52]; *"**What** has that to do with it?" said the Professor* [11, с. 52];

2) лексикой, отображающей врожденную тягу к истине (*to be true, to tell the truth, truthful, evidence, it is obvious that*):

*"That is the very thing that makes her story so likely **to be true**," said the Professor* [11, с. 53]; *"I mean, which is the more **truthful**?"* [11, с. 51]; *"For the moment then and unless any further **evidence** turns up, we must assume that she is **telling the truth**."* [11, с. 52]; *"**it is obvious that** she is not mad"* [11, с. 52].

3) глаголами, отражающими умственную активность/рассуждение (*mean, know, assume, think, suggest*):

*"That is more than I **know**," said the Professor* [11, с. 51]; *"Madness, you **mean**?" said the Professor quite coolly* [11, с. 51]; *"we must **assume** that she is telling the truth."* [11, с. 52]; "*there is one plan which no one has yet **suggested**"* [11, с. 54]; *"I don't **think** it will be any good trying to go back through the wardrobe door to get the coats"* [11, с. 205].

Аслан – сравнительная функция. Речь Аслана примечательна лаконичностью высказываний. Данный тип наставника скорее холоден, чем эмоционален, к тому же обладает беспристрастной и скрытной натурой. В отличие от других наставников примечательным свойством героя является справедливость. В силу этого, основной задачей данного типа наставника выступает активное действие, а именно – вершить торжество добра над злом.

Речь Аслана отличается:

1) императивами:

"Meanwhile, let the feast be prepared." [11, с. 141]; *"Fall back, all of you," said Aslan* [11, с. 157]; *"catch me if you can!"* [11, с. 179]; *"Look lively and sort yourselves."* [11, с. 191];

2) пророчествами, выраженными наречиями *once, all, always:*

*"**All** shall be done," said Aslan. "But it may be harder than you think."* [11, с. 141]; *"**All** names will soon be restored to their proper owners."* [11, с. 153]; *"**Once** a king or queen in Narnia, **always** a king or queen."* [11, с. 199].

3) иронией:

"Let us say I have forgotten it," answered Aslan gravely [11, с. 155]; *"and if the Witch is to be finally defeated before bed-time we must find the battle at once."* [11, с. 191].

4) краткими репликами:

"It is very true." [11, с. 156]; *"Yes!"* [11, с. 177]; *"Not now."* [11, с. 178]; *"It is more magic."* [11, с. 178]; *"And now," said Aslan presently, "to business."* [11, с. 180]; *"Of course."* [11, с. 191]; *"Quick, Lucy."* [11, с. 196].

Мистер Бобр и Миссис Бобриха – сравнительная функция. Бобры – яркие представители фауны Нарнии. Говорящие бобры-наставники олицетворяют собой настоящую находку на непростом пути к Аслану. Бобры являются живым воплощением силы семьи, дружбы и сотрудничества, показывая своим примером как можно преодолеть любые трудности сообща. Их роль в судьбе главных героев, по сравнению с другими типами наставников, не воспитательная. Основная задача героев в повести осведомительная, что значит передать важные сведения о законах волшебной Нарнии и открыть нужные знания детям Певенси.

Речь бобров отличается:

1) разговорными выражениями (*to say for sure, to be ready, you understand, I don't doubt*):

"He's the Lord of the whole wood, but not often here, ***you understand.****"* [11, с. 85]; *"you can't exactly* ***say for sure****."* [11, с. 84]; *"Well, I'****m*** *nearly* ***ready*** *now."* [11, с. 111]; *"****I don't doubt*** *you'd save him if you could, dearie."* [11, с. 84];

2) эмоционально окрашенной лексикой (*глаголы*: *to chime, to cry*; наречия: *coolly, sternly*; междометия: *ah, why, S-s-s-sh!*):

chimed *in Mr. Beaver* [11, с. 109]; ***cried*** *Mr. Beaver* [11, с. 116]; *said Mrs. Beaver very* ***coolly*** [11, с. 110]; *said Mr. Beaver* ***sternly*** [11, с. 86]; *"****Ah,*** *that's bad."* [11, с. 83]; *"****Why****, all she wants is to get all four of you"* [11, с. 92]; *"****S-s-s-sh****!" said the Beaver, "not so loud please"* [11, с. 73];

3) повторами с целью эмоционального воздействия на собеседника, дают оценку действиям:

*"****Quite right, quite right****."* [11, с. 73]; *"That's a* ***very****,* ***very*** *bad business."* [11, с. 83]; *"It's* ***no good****, Son of Adam," said Mr. Beaver, "****no good*** *your trying, of all people."* [11, с. 84]; *"****How much*** *he can tell her depends on* ***how much*** *he heard."* [11, с. 93].

Дед Мороз – сравнительная функция. Общеизвестное клише применительно и к нашему герою: Дед Мороз дарит подарки, но только тем, кто вел себя примерно. В случае с английскими подростками, Дед Мороз дарит практичные подарки в знак поддержки и расположения. Основная отличительная цель появления Деда Мороза – предостеречь о возможных угрозах в пути.

Речь Деда Мороза отличается следующими языковыми инструментами:

1) предложениями с придаточными условия, подчеркивающими желание наставника ввести в курс дела персонажей и предупредить о гипотетических угрозах/опасностях:

*"****When*** *you get home you will find your dam finished …"* [11, с. 117]; *"And* ***when*** *you put this horn to your lips; and blow it, then, wherever you are, I think help of some kind will come to you."* [11, с. 118]; *"****If*** *you or any of your friends is hurt, a few drops of this restore them"* [11, с. 118-119];

2) эмфатическими частицами/словами (*not, this, these, yourself*):

*"****These*** *are your presents."* [11, с. 117]; *"****These*** *are for you," and he handed her a bow and a quiver full of arrows and a little ivory horn* [11, с. 118]; *"a few drops of* ***this*** *restore them"* [11, с. 118-119]; *"and they are tools* ***not*** *toys"* [11, с. 118]; *"That is* ***not*** *the point."* [11, с. 119]; *"For you also are* ***not*** *to be in battle."* [11, с. 119].

3) выражением *as for you/for you/for you all*, с целью добавить акцент на роли собеседника:

"There is a new and better sewing machine ***for you****, Mrs Beaver."* [11, с. 117]*; "And* ***as for you****, Mr Beaver, when you get home you will find your dam finished and mended and all the leaks stopped and a new sluice-gate fitted."* [11, с. 117]; *"These are* ***for you****."* [11, с. 118]; *"And the dagger is to defend* ***yourself*** *at great need."* [11, с. 119]; *"****For you*** *also are not to be in battle."* [11, с. 119]; *"here is something for the moment* ***for you all****!"* [11, с. 119].

Профессор Дигори Кёрк – психологическая функция. Языковые средства для выражения данной функции в речи: междометия (*Eh?*; *oh, bless me*); отрицательные предложения, отражающие накал эмоций, отрицание своих собственных чувств (*I don't think*; *you won't get*; *you're not looking for it*); отрицательный императив (*don't go*; *don't try*; *don't talk*; *don't mention*); эмфатические частицы/слова/выражения (*of course, indeed, not, nor, too much, even, yourselves, themselves, that, these, at all*); инверсия согласно модели nor + would + подлежащее + be + остальные члены предложения (*Nor would the coats be much use by now if you did!*); повторы (*don't*; *What's that?*; *rout*):

"***I don't think*** *it will be any good trying to go back through the wardrobe door to get the coats.* ***You won't get*** *into Narnia again by* ***that route. Nor would the coats be much use by now if you did! Eh? What's that?*** *Yes,* ***of course*** *you'll get back to Narnia again some day. Once a King in Narnia, always a King in Narnia. But* ***don't go*** *trying to use the same* ***route*** *twice.* ***Indeed****,* ***don't try*** *to get there* ***at all****. It'll happen when you're* ***not*** *looking for it. And* ***don't talk too much*** *about it* ***even*** *among* ***yourselves****. And* ***don't mention*** *it to anyone else unless you find that they've had adventures of the same sort* ***themselves****.* ***What's that? How will you know? Oh****, you'll know all right. Odd things they say –* ***even*** *their looks – will let the secret out. Keep your eyes open.* ***Bless me****, what do they teach them at* ***these*** *schools?"* [11, с. 205-206].

Необходимо отметить, что длинный финальный эмоциональный монолог профессора, представленный выше, хорошо отражает внутреннее напряжение героя, его тревогу, которую он постоянно испытывал за своих подопечных во время их путешествия по Нарнии. Профессор обладает сопереживательной натурой, что находит отражение в речи.

Аслан – психологическая функция. Автор изображает Нарнийского правителя в качестве мощного и неуязвимого персонажа. Однако, несмотря на такое амплуа, в критические моменты повествования Аслан проявляет неожиданную сторону характера. Герой способен испытывать чувства, что проявляется непосредственно через его речь.

Языковые средства для выражения данной функции в речи персонажа: междометия, указывающие на степень эмоционального накала, когда герой попадает в трудные обстоятельства (*oh, haa-a-arrh!*); повторы, используемые с целью усиления эмоционального воздействия и выражающие отчаянье героя (*children*); выражение *I feel*, подчеркивающее уязвимость героя в определенный момент, его желание поделиться с ближним своими переживаниями; прилагательные с отрицательной коннотацией, указывающие на максимальную открытость Аслана (*sad, lonely*):

*"**Oh**, **children**, **children**, why are you following me?"* [11, с. 163]; "***Oh**, **children**, **children**. Here you must stop."* [11, с. 165]; *"**Oh**, **children**," said the Lion, "**I feel** my strength coming back to me."* [11, с. 179]; *"**Haa-a-arrh!**" roared Aslan, half rising from his throne; and his great mouth opened wider and wider and the roar grew louder and louder* [11, с. 158]; *"I am **sad** and **lonely**."* [11, с. 164]; *"**I feel** I am going to roar."* [11, с. 180].

Мистер Бобр и Миссис Бобриха – психологическая функция. В фэнтезийном мире животные не только говорят, но и испытывают различный спектр эмоций, присущих человеческому существу. Языковые средства для выражения данной функции в речи персонажей: восклицательные предложения, демонстрирующие разнообразные эмоции (тревогу, восторг, недоумение); экспрессивная лексика в виде слов с отрицательной коннотацией, указывающая на высокую степень тревожности героев, их обеспокоенность судьбой своих подопечных (*to betray, dangerous, bad, treacherous, cheek*); частица *no*/*not* в качестве эмфатической, указывающая на тревожность в сочетании с прилагательными (*no good, not safe*):

*"We're **not safe** in the open!"* [11, с. 72] (тревога/страх); *"At last! To think that ever I should live to see this day!"* [11, с. 78] (изумление/восторг); *"Aslan a man!"* [11, с. 86] (недоумение/возмущение); *"Ah, that's **bad**," said Mr Beaver* [11, с. 83]; *"He has **betrayed** us all."* [11, с. 91]; *"She's been watching for you this many a year, and if she knew there were four of you she'd be more **dangerous** still."* [11, с. 88]; *"It's **no good**, Son of Adam."* [11, с. 84]; *"but the moment I set eyes on that brother of yours I said to myself `**Treacherous**'."* [11, с. 92]; *"Of all the **cheek**..."* [11, с. 153].

Дед Мороз – психологическая функция. Данный персонаж символизирует радость, восстановление справедливости, торжество над злом. Языковые средства для выражения данной функции в речи персонажа: повтор единицы *at last*, указывающий на радость и подчеркнутое ликование героя от освобождения от многовекового гнёта Колдуньи; восклицательные предложения, передающие восторг, душевный подъем и бодрость героя; эмоционально окрашенный фразовый глагол *to cry out*, передающий сильные эмоции персонажа.

*"I've come **at last**," said he. "She has kept me out for a long time, but I have got in **at last**"* [11, с. 117]; *"here is something for the moment for you all!"* [11, с. 119]; *Then he **cried out** "Merry Christmas! Long live the true King!" and cracked his whip* [11, с. 119].

Таким образом, все представленные функции речевого портрета героя находят отражение в речи персонажей-наставников различного типа в полной мере. Примеры наглядно демонстрируют активное взаимодействие функций речи между собой, т.е. в репликах героев обозначенные нами функции не проявляют себя изолированно, а переплетаются, взаимодополняя и усиливая друг друга, способствуя созданию полноценного речевого портрета героев.

Выводы

В ходе исследования было обнаружено, что функции речевого портрета существенно влияют на создание целостного образа и формирование характера героя-наставника. Полученные данные указывают на то, что каждая из функций – характерологическая, выделительная, сравнительная, психологическая – проявлена в речи героев:

1. Характерологическая функция представлена преимущественно лексическими языковыми средствами (лексика категории «Военное дело», лексика официального стиля, лексика категории «Волшебство»).

2. Выделительная функция выражена лексическими (идиоматические выражения, имена собственные, вежливые обращения, прозвища, междометия), синтаксическими (повторы, риторические вопросы, полисиндетон, восклицательные предложения, эмфатические слова/конструкции) и стилистическими (антитеза, метафорические выражения) языковыми средствами.

3. Сравнительная функция отображает речевые особенности таких уровней как лексический (лексика, отражающая умственную активность, пророчество, любовь к истине; разговорные выражения, эмоционально окрашенная лексика), синтаксический (императивы, вопросительные предложения специального типа, предложения с придаточными условия, экспрессивные синтаксические конструкции, эмфатические конструкции, краткие реплики), стилистический (ирония, юмор).

4. Психологическая функция выражена лексическими (междометия, эмоционально окрашенная лексика, глаголы и прилагательные с отрицательной коннотацией, выражения, отображающие чувствитель-

ность героя), синтаксическими (восклицательные предложения, отрицательные императивы, отрицательные вопросы, грамматическая инверсия, повторы, эмфатические слова/конструкции, повторы) языковыми средствами.

В целом анализ подтверждает, что языковой потенциал речевого портрета героев-наставников в повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф» указывает на дальнейшую перспективу исследования речевого портрета героев других лингвокультурных типажей английского художественного текста фэнтези с целью выявления языковых особенностей и способов их взаимодействия между собой в новых контекстах.

Список источников

1. Борунов А.Б., Малыгин В.Т. Средства создания речевой портретной характеристики персонажей в творчестве Р.Н. Митры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). Ч. I. С. 34 – 37.

2. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. 1-е изд. СПб.: Питер, 2011. 288 с.

3. Дзюбенко А.И. Лингвокогнитивный аспект вымысла в художественном пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 141 – 148.

4. Косинская А.С., Гильманов В.Х. Дж.Р.Р. Толкин и К.С. Льюис в поисках критерия художественности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. № 3. С. 51 – 58.

5. Макеева С.О., Сергеева Н.Н., Горшков Е.Е. Речевой портрет в круге смежных понятий // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы и тезисы докладов ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 года. Екатеринбург. 2014. Ч. 3. С. 79 – 85.

6. Павлычева Е.Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 6. С. 110 – 115.

7. Станчуляк Т.Г., Горбенко Е.С. Языковые средства формирования языковой идентичности персонажей в трилогии Дж. Толкина «Властелин колец» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 10. С. 4444 – 4453.

8. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Речевой портрет главного героя романа Энтони Берджесса «Внутри Мисера Эндерби» // Вестник Башкирск. ун-та. 2022. Т. 27. № 1. С. 150 – 155.

9. Щербинина Ю.И. Языковые средства типизации персонажей в англоязычной литературе (на примере архетипа «мудрый старец») // Филология и человек. 2025. № 4. С. 111 – 134.

10. Яковлев И.П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. 240 с.

11. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe. London: HarperCollins Publishers. 2002. 206 p.

References

1. Borunov A.B., Malygin V.T. Means of creating the speech-based characterization of personages in the works of R.N. Mitra. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2013. No. 8 (26). Part I. P. 34 – 37.

2. Gavra D.P. Fundamentals of Communication Theory. 1st ed. St. Petersburg: Piter, 2011. 288 p.

3. Dzyubenko A.I. The linguo-cognitive aspect of fiction in the artistic space. Upper Volga Philological Bulletin. 2024. No. 1 (36). P. 141 – 148.

4. Kosinskaya A.S., Gilmanov V.Kh. J.R.R. Tolkien and C.S. Lewis in search of a criterion for artistic quality. Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2024. No. 3. P. 51 – 58.

5. Makeeva S.O., Sergeeva N.N., Gorshkov E.E. The speech portrait within the scope of related concepts. Current Issues in Germanic, Romance, and Russian Studies: Proceedings and Abstracts of the Annual International Conference. February 7, 2014. Yekaterinburg. 2014. Part 3. P. 79 – 85.

6. Pavlycheva E.D. Characterization of the features of the concept "speech portrait". Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2015. No. 6. P. 110 – 115.

7. Stanchulyak T.G., Gorbenko E.S. Linguistic Means of Shaping Character Linguistic Identity in J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings Trilogy. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2025. Vol. 18. No. 10. P. 4444 – 4453.

8. Takhtarova S.S., Pavlov D.V. Speech Portrait of the Protagonist in Anthony Burgess's Novel «Inside Mr. Enderby». Bulletin of Bashkir University. 2022. Vol. 27. No. 1. P. 150 – 155.

9. Shcherbinina Yu.I. Linguistic Means of Character Typification in English-Language Literature (A Case Study of the "Wise Old Man" Archetype). Philology and Man. 2025. No. 4. P. 111 – 134.

10. Yakovlev I.P. Keys to Communication: Fundamentals of Communication Theory. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-Klassika, 2006. 240 p.

11. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe. London: HarperCollins Publishers. 2002. 206 p.

Информация об авторах

Мельникова А.М., *ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова», dti-melnikova@mail.ru*

© Мельникова А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительносопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81,23
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-74-80

[1, 2] Ачаева М.С., [1, 2] Поспелова Н.В.,
[1, 2] Черкашина А.А., [3] Даурова А.Б.

[1] Елабужский институт
[2] Казанский (Приволжский) федеральный университет
[3] Северо-Кавказская государственная академия

Когнитивно-семантические особенности функционирования лексической единицы «американский студент» в современном английском языке

Аннотация: *в статье представлено описание специфики языковой единицы «американский студент» в контексте когнитивистики и лингвокультурологии. В работе содержатся не только словарные статьи, но и целый комплекс дополнительных сведений о лексической единице в лингвокультуроведческом ключе, структурно-семантические особенности, узус, тонкости перевода, ассоциативные цепочки. Актуальность исследования определяется повышенным интересом к социально-значимой лексической единице «студент», отражающей уровень ментального развития общества и интеллектуальной культуры. К методам исследования относятся лингвокультуроведческая интерпретация, семный анализ, метод «изъяснения» дефиниций, семантизация, лексикографическое толкование, анализ лексического значения, и метод восстановления истории слова. Цель работы – выявить когнитивно-семантические и структурные свойства языковой единицы «студент» в процессе её функционирования в английском языке на современном этапе. На заключительном этапе исследования эксплицирован культурный компонент в слове «студент», выявлены дополнительные смыслы. С помощью специализированных этимологических словарей определено происхождение изучаемой языковой единицы, время её появления. Практическая значимость проведенного исследования выражается в разработке методики системного анализа культурно-маркированной единицы «студент» и применения указанной методики в процессе изучения языка.*

Ключевые слова: *когнитивная специфика, лингвокультуроведение, семный механизм, лексическая единица, американский студент, происхождение*

Для цитирования: Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Черкашина А.А., Даурова А.Б. Когнитивно-семантические особенности функционирования лексической единицы «американский студент» в современном английском языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 74 – 80. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-74-80

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1, 2] Achaeva M.S., [1, 2] Pospelova N.V.,
[1, 2] Cherkashina A.A., [3] Daurova A.B.

[1] Elabuga Institute
[2] Kazan Federal University
[3] North Caucasus State Academy

Cognitive and semantic features of the functioning of the lexical unit "American student" in modern English

Abstract: *this article describes the specific features of the linguistic unit "American student" in the context of cognitive science and linguacultural studies. The work contains not only dictionary entries but also a whole range of additional information about the lexical unit from a linguacultural perspective, including its structural and semantic features, usage, translation nuances, and associative chains. The relevance of the study is determined by the increased interest in the socially- significant lexical unit "student," which reflects the level of mental development of society and intellectual culture. Research methods include linguacultural interpretation, seme analysis, the method of "clarifying" definitions, semantization, lexicographic interpretation, analysis of lexical meaning, and a method for reconstructing the history of the word. The goal of the study is to identify the cognitive, semantic, and structural properties of the linguistic unit "student" as it functions in the English language today. At the final stage of the study, the cultural component of the word "student" was explicated, and additional meanings were identified. Using specialized etymological dictionaries, the origin of the linguistic unit under study and its time of appearance were determined. The practical significance of the study is expressed in the development of a methodology for the systemic analysis of the culturally marked unit "student" and its application in language learning.*

Keywords: *cognitive specificity, linguacultural studies, seme mechanism, a lexical unit, an American student, origin*

For citation: Achaeva M.S., Pospelova N.V., Cherkashina A.A., Daurova A.B. Cognitive and semantic features of the functioning of the lexical unit "American student" in modern English. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 74 – 80. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-74-80

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В настоящее время в филологических дисциплинах языковые элементы все чаще рассматриваются в когнитивном ключе. Следует подчеркнуть повышенный интерес языковедов, культурологов, лингвистов к изучению отдельных лексических единиц в целом, и, в частности, к их семантическим, структурным и когнитивным параметрам [2, 3, 6].

В современном языкознании языковая картина мира, национальная картина мира рассматриваются в контексте неразрывного облика реальности, при котором наши знания об обществе, истории, традициях объединяются. Как указывают учёные-когнитивисты, национальная картина мира передает знания, традиции, прошлые события истории отдельно взятого народа [1, 2, 4, 5, 7, 8, 10].

Лексическая единица (далее ЛЕ) «студент» – минимальный самостоятельный элемент языковой системы, изучение которого имеет большое значение, для того чтобы более глубокогоо понимания языка и культуры другого народа во все времена.

В данной работе внимание уделяется часто применяемой в употреблении ЛЕ «студент» в американском варианте английского языка.

В настоящее время в научных изысканиях следует отметить заметное внимание к изучению разноструктурных языковых единиц, объединённых общей семантикой «студент», «американский студент». Детальное изучение ЛЕ «студент» способствует обобщению смыслов значений, определению связей между основными понятиями и коннотациями, рассмотрению указанной ЛЕ как способа организации знаний о мире [6, 9].

Филологи предпринимают успешные попытки найти стимулирующие признаки таких культурномаркированных ЛЕ как «студент» по модели структурного ментального образования, выявить первичный, исходный смысл в основе слова на материале лингвистических словарей об истории отдельных слов и других источников [6, 9].

Вместе с тем, несмотря на высокую заинтересованность к исследуемой лексике, для более глубокого раскрытия лексикографического освещения лексической единицы «студент» необходимо комплексное исследование.

Актуальность исследования определяется повышенным интересом к социально-значимой лексической единице «студент», отражающей уровень ментального развития общества и интеллектуальной культуры.

Объект исследования: лексикографическое освещение ЛЕ “student” в современном английском языке. Предмет исследования: когнитивный и лингвокультуроведческий анализ ЛЕ “student” в американской языковой картине мира.

Цель работы – выявить когнитивно-семантические и структурные свойства языковой единицы «студент» в процессе её функционирования в современном английском языке. Цель работы предполагает решение следующих задач: 1) анализ словарных дефиниций ЛЕ «американский студент»; 2) семный анализ указанной единицы; 3) исторический анализ изучаемой единицы; 4) экспликация лингвокультуроведческих характеристик анализируемой ЛЕ и информации о происхождении данной единицы.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили главное и переносные значения слова «студент» и его дериватов, зарегистрированные в лингвистических справочных изданиях издательств Cambridge, Longman, Oxford, Bloomsbury Books.

К методам исследования относятся лингвокультуроведческая интерпретация, семный анализ, метод «изъяснения» дефиниций, семантизация, лексикографическое толкование, анализ лексического значения, и метод восстановления истории слова.

Результаты и обсуждения

В первую очередь представим словарные дефиниции исследуемой языковой единицы в англо-русских, этимологических словарях, англо-английских словарях, включая словари американских издательств [11-16]. В процессе компонентного разбора значения на его составляющие на базе указанных словарей необходимо отметить семантическое ядро значения: ‘человек, коррелирующий с учебным процессом’, вслед за тем, следует указание на профессиональные учебные заведения в целом, но не конкретно и возникает новый компонент – “официально”. Следующие семы свидетельствует об амелиорации значения ЛЗ, возникает новая оценочная сема (далее ОС) ‘вникать, осмысливать досконально, тщательно изучать’. В числе других дефиниций, следует выделить компонент ‘одушевленное лицо’: «тот, кто поступил, ходит на занятия и усваивает материал. В определениях указываются конкретные образовательные учреждения и понятие «учиться». Повторяется ОС ‘внимательный наблюдатель, слушатель’.

Таким образом, общекатегориальная сема: «человек, связанный с процессом обучения». Архисема: «студент, всегда одушевленное лицо».

На материале лексикографических значений представим гипо-гиперонимические связи для более глубокого изучения смысла исследуемой единицы ЛЕ [11, 12, 14, 15, 16].

К ним относятся родовидовые, потенциальные, оценочные и коннотативные семы. К примеру, студент – учебное заведение – виды учебных заведений; студент – структура учебного заведения – ректор, кафедра, администрация; студент – курс, первый / второй курс, сокурсник; студент – структура учебного заведения – ректор, кафедра, профессорско-преподавательский состав, администрация; студент – степень – степень бакалавра, степень магистранта, степень младшего специалиста; студент – место проживания – кампус, общежитие, арендованная квартира; студент – черты характера студентов – оптимизм, целеустремленность, чрезмерное желание повеселиться, индивидуализм, стремление к успеху, дух предпринимательства; студент – виды учебной деятельности – специализация по конкретному направлению, поступление, зачисление, посещение, обучение по совместительству/неполный день, вечернее обучение, очное/заочное обучение; студент – успехи в учебной деятельности – зачётная единица, оценка отлично/хорошо; студент – внеучебная деятельность – спортивная жизнь.

Вслед за этим, рассмотрим смыслы, из которых состоит ЛЗ «студент», сравним похожие слова и отметим некоторые различия.

1) Родовая сема (далее РС): «educational institution», видовые семы (далее ВС): institution school. Для поступления в американский колледж следует окончить старшую школу, которая переводится как high school. Вместе с тем, слово school означает и факультет университета или университет. Community college – местный или муниципальный колледж, как правило, двухгодичный, первая ступень на пути к высшему образованию. Государственная школа в США и английская элитная платная школа имеет одинаковый эквивалент public school в переводе на английский язык.

2) РС: «structure of educational institution», ВС: President/Chancellor, department major, administration. ОС: будущее страны. Faculty – профессорско-преподавательский состав университета.

3) РС: «course», ВС: current student; undergraduate, underclassman, upperclassman, senior, junior, classmate. Freshman – первый курс посвящен адаптации и общеобразовательным предметам. Sophomore – студент второго курса, где начинается специализация. Plebe – студент военной академии. Fellow student – товарищ, приятель, сокурсник.

4) РС: «degree», ВС: undergraduate, graduate, BA/BSc, MA, (non)degree (-seeking) student, credit student, unclassified student, auditing student. Диплом и степень магистра получают после окончания аспирантуры, магистратуры, английскими эквивалентами этих слов являются graduate school или school of government. Срок обучения в магистратуре обычно два года. Интересной американской чертой образования является словосочетание associate degree, что означает академическая квалификация младшего специалиста, которая присваивается, как правило, по окончании местного или муниципального колледжа. Данный вид учебного заведения называется community college, в это учреждение легче поступить. Студент (transient), который временно учится в вузе, изучает дисциплины, получает кредитные (зачётные) единицы и переносит их в вуз, где он учится на постоянной основе.

5) РС: «student housing», ВС: campus – территория высшего учебного заведения и территория школы. Студенты могут жить на территории вуза (on campus) в одном из общежитий (in one of the dorms/halls) или вне кампуса (off campus), снимать квартиру и делить быт с соседями (roomates). Студенты больших американских университетов могут вступать в студенческие общества/ братства (fraternity/ sorority). Члены таких общин часто живут в одном доме, формируют социальные связи. Как правило, территория вуза имеет внушительные размеры и хорошо ухожена. ОС: притягательность.

6) РС: «students' character traits / students' personality traits», ВС: положительные черты характера студентов: practicality, open communication, responsibility. ОС: optimism, fun, perseverance, determination, attention, observation. ВС: отрицательные черты характера. ОС: presumption, excessive pragmatism, truant, slacker. Представлены и специфические черты американца, такие как individualism, striving for success, and entrepreneurial spirit.

7) РС: «educational activities», ВС: admission/enrollment, attendance, specialization, class, credit, curriculum: degree, course. Major – студент, выбравший тот или иной курс. Данная лексема всегда идёт в комбинации с названием предмета специализации, например: major, medical / law / military / naval / agricultural student, premedical (pre-med) / pre-law student. Принцип выбора основного курса обучения, специальности (major) отражается в названии студента, выбравшего тот или иной курс, например, a junior philosophy major, an English major. A part –time education является английским эквивалентом к понятию «обучение по совместительству / неполный день».

8) При таком формате можно одновременно работать и получать образование. Aggie – студент сельскохозяйственного колледжа, университета. ВС: class, credit, curriculum, degree.

9) РС: «academic achievement», ВС: credit student, achiever, underachiever, A/B/C/D/F (E) student, top student, honors student, tutor, cum laude, valedictorian, salutatorian, flunking/flunker. Интересным с точки зрения семантики является английской слово achiever, американский студент, тот, кто принимает деятельное участие во внеучебной жизни вуза, обладает лидерскими качествами и, конечно же, хорошо учится, правильно планирует время. Антонимом слова является underachiever, более общее значение слова – неудачник. При окончании вузов США используют знаки отличия (honors) в зависимости от академических успехов выпускников. Данные степени отличия имеют латинское происхождение. Самой высокой академической степенью считается summa cum laude, которая официально присваивается лучшим выпускникам университета и написана на их дипломе.

10) РС: «extracurricular activities», ВС: fraternities/sororities. Дифференцированные семы (ДС): Greeks, fraternity members, fraternity brothers, frat, fraters, sorority sisters, pledge, rushee, Phi Bete. ВС: sports life, ДС: student athlete, jock, letter man, class marshal, varsity athlete, top athlete. Новая периферийная сема от frat 'член студенческого братства'. Big Man on Campus (BMOC) переводится как главный человек в университете, звезда кампуса. Обычно этого человека все знают в студенческой среде, он – лидер. Varsity athlete – спортсмен сборной команды. Главная спортивная сборная, выступающая на соревнованиях против других учебных заведений – varsity.

В США ЛЗ Student – студент вуза, учащийся учебного заведения. Учеников начальной школы иногда называют pupils. Гипонимы: a college student, a high-school student.

Далее обратимся к экспликации лингвокультуроведческих характеристик. Следующие языковые единицы являются реалиями: Ivy Leaguer, Princetonian, Harvard man, Yaleman, Vassargirl, preppie и т.д. Cliffie, как

правило, разговорное прозвище для студенток женского отделения Гарвардского университета. Интересная семантическая эволюция отмечается у существительного dropout – это не только человек, бросивший учёбу или отчисленный за неуспеваемость студент/школьник, но и человек, который ведёт асоциальный образ жизни, изгой, маргинал. Ivy League – престижное учебное заведение, интенсивная сема с точки зрения культурной специфики.

Слово plebe имеет происхождение от латинского слова, что означало «плебей», «простой народ». В современном английском языке оно означает новичок, курсант военной академии США, часто используется как сленг. Спортивные команды сельскохозяйственных учебных заведений и обучающихся этих заведений называют Aggie.

Узус слова латинского происхождения alumni осложняет межкультурную коммуникацию, в связи с тем, что множественное число меняется в зависимости от мужского (alumnus) и женского (alumna) рода. Для более эффективного применения этих слов следует заметить, что alumni – это группа выпускников, либо группа мужчин. Alumnae – группа выпускниц-женщин. They are proud alumnae of Princeton University. В неформальном общении употребляется alum для выражения единственного числа любого пола. Частотность употребления вышеупомянутого слова-реалии дает много сочетаний, например, alumni relations, alumni associations, что свидетельствует о его большой роли в жизни общества.

В изучаемой лексике встречается много образных ЛЕ: новичка - студента называют неофит (neophyte). В переносном смысле оба слова обозначают человека, который осваивает новую профессию. Иногда студента называют freshwater, sailor. Выражение in statu pupillary означает «в положении ученика» / «на положении подопечного», статус студента. Hot bed / hotbed – место, где много талантливых учеников, среда благоприятная для обучения.

Некоторые аббревиатуры, относящиеся к социальной жизни США, студенческой жизни также имеют специфические черты, культурно-маркированные особенности. Например, SNCC расшифровывается как координационный комитет ненасильственных действий студентов. Целью данной молодежной организации, основанной в Северной Каролине в 1960 году, является движение за гражданские права 1960 году. Аббревиатура SDS означает «студенты за демократическое общество». Задачей данной американской организации двадцатого века являлось противостояние войне во Вьетнаме. В данную организацию входили студенты многих колледжей и университетов США.

Результаты историко-этимологического анализа ЛЕ «студент».

Слово Student появилось в английском языке в конце XIV в., и оно произошло от старофранцузского estudiant «тот, кто осваивает знания». А исходным, близким по значению словом было «ученик» в древнеанглийском языке. В XV веке к глаголу изучать появляется дополнительный компонент «усердно, тщательно» и «наименования учебных заведений» [11-13].

Далее в XVIII-XIX веках к экзаменам студента готовил наставник, в образование прочно вошла наставническая система. В конце XIX в. в университетах появились и свободные кафедры, и коллегиальные лекции, за студентом осталось право выбора профессоров и курсов. В слове student появляются новые оттенки. Указанное слово является не только общим понятием, но всё чаще происходит специализация значения, «учитель-практикант» или будущий педагог, «студент, изучающий политические науки», «студент, изучающий химические науки» [11, 12, 14, 15, 16].

Выводы

Стремительные изменения в образовании, развитие науки в 20 веке сформировали новые смысловые оттенки ЛЗ “student”. Ключевая номинация подразумевает человека, учащегося в школе колледже, университете. В характерную цепочку производных от исследуемого ЛЗ входят undergraduate/graduate, seminarist, collegian. Студента, который не смог получить стипендию, называют unfunded student. Широкозначным является дериват fellow – стипендиат, который занимается исследовательской работой, аспирант, член совета колледжа, член совета университета. С целью перевода языковой единицы ученик/ученица можно использовать следующие эквиваленты disciple, tyro, scholar, learner, erudite, apprentice [14].

Список источников

1. Бахаева Л.М. Лингвокультурологический подход в преподавании русского языка студентам-билингвам. № 14 (5-1). С. 189 – 96. URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/1619 (дата обращения: 12.07.2026).
2. Карасик В.И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29 – 42.
3. Когнитивная лингвистика и смежные области: коллективная монография. Казань: Издательство Академии наук РТ, 2025. 220 с.

4. Ларцева Е.В. Лингвострановедение Великобритании: практикум. М.: Флинта, 2025. 127с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: 06586-2. // Образовательная платформа Юрайт. URL: https://urait.ru/bcode/586171 (дата обращения: 12.07.2026).
6. Николаева О.В. Когнитивные аспекты исследования тематической группы «Высшее образование США»: автореф. дис ... канд. филолол. наук: 10.02.04. Владивосток: ДВФУ, 2000. 199 с.
7. Ощепкова В.В. Иностранные языки в культуре и образовании России: коллективная монография. М.: Флинта, 2023. 280с.
8. Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования, 2024. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2024. 361 с.
9. Юрченко М.Г. Мотивирующие признаки концепта студент // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 4. С. 89 – 95. URL: https: // cyberleninka. ru (дата обращения 22.05.2026).
10. Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. № 1 (5). 2024. В 2 частях. Часть 2. 2024. Пятигорск: ПГУ. 333 с.
11. Cambridge Dictionary of American English. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 12285 p.
12. Longman Dictionary of English language and culture. London: Longman, 1994. 552 p.
13. Oxford Concise Dictionary of English Etymology / Ed. by T.F. Hoad. Oxford: Oxford University Press, 2003. 556 p.
14. Roget's Thesaurus of English Words and phrases. London: Broomsbury Books, 2024. 997 p.
15. The American Heritage dictionary of the English language. New York: Dell Pub.Co. 2011. 960 p.
16. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Vol. 1-3. New York: Webster, 2023. 2662 p.

References

1. Bakhaeva L.M. Linguoculturological approach to teaching Russian to bilingual students. 14(5-1):189-96. URL: https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/1619 (accessed: 12.07.2026)
2. Karasik V.I. Modeling language functions. Language and Culture. 2022. No. 58. P. 29 – 42.
3. Cognitive Linguistics and Related Fields: A Collective Monograph. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. 220 p.
4. Lartseva E.V. Linguistic and Cultural Studies of Great Britain: A Practical Course. Moscow: Flinta, 2025. 127 p.
5. Maslova V.A. Linguoculturology. Introduction: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: 06586-2. Urait Educational Platform. URL: https://urait.ru/bcode/586171 (accessed: 12.07.2026).
6. Nikolaeva O.V. Cognitive Aspects of Researching the Thematic Group "US Higher Education": Abstract of Candidate of Philological Sciences Dissertation (Specialty 10.02.04). Vladivostok: FEFU, 2000. 199 p.
7. Oshchepkova V.V. Foreign Languages in the Culture and Education of Russia: A Collective Monograph. Moscow: Flinta, 2023. 280 p.
8. Synergy of Languages and Cultures: Interdisciplinary Studies, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2024. 361 p.
9. Yurchenko M.G. Motivating features of the concept "student". Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 89 – 95. URL: https://cyberleninka.ru (accessed: 22.05.2026).
10. Language and Culture in the Era of Scientific Knowledge Integration and the Professionalization of Education. No. 1 (5). 2024. In 2 parts. Part 2. 2024. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. 333 p.
11. Cambridge Dictionary of American English. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 12285 p.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. London: Longman, 1994. 552 p.
13. Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Ed. by T.F. Hoad. Oxford: Oxford University Press, 2003. 556 p.
14. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. London: Bloomsbury Books, 2024. 997 p.
15. The American Heritage Dictionary of the English Language. New York: Dell Pub. Co., 2011. 960 p.
16. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Vol. 1-3. New York: Webster, 2023. 2662 p.

Информация об авторах

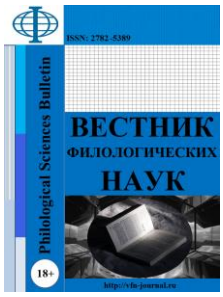
Ачаева М.С., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Поспелова Н.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Черкашина А.А., *Елабужский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Даурова А.Б., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра межкультурной коммуникации, Северо-Кавказская государственная академия*

© Ачаева М.С., Поспелова Н.В., Черкашина А.А., Даурова А.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81'42:32
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-81-88

[1] ***Рождественская С.В.***

[1] ***Южно-Российский Государственный Политехнический Университет (НПИ) им. М.И. Платова***

Паремия как культурный маркер в формировании национально-специфических моделей политической аргументации (на примерах речи Российских политиков)

Аннотация: *данное исследование направлено на выявление аргументативного потенциала национальной паремии в современном российском политическом дискурсе в условиях геополитической конфронтации и информационной войны между Россией и Западом. Актуальность обусловлена отсутствием системных исследований национально-культурной специфики паремиологического корпуса в актуальной российской политической коммуникации. Эмпирическую базу составили паремиологические единицы, отобранные из публичных выступлений 2024-2026 гг. трёх ключевых фигур российской политики: Президента РФ В.В. Путина, Министра иностранных дел С.В. Лаврова и официального представителя МИД России М.В. Захаровой. В ходе исследования выделены шесть типологических групп паремиологических единиц, восемь функциональных моделей их использования и восемь культурных маркеров, демонстрирующих национальную специфику российской политической аргументации. Впервые проводится сопоставительный анализ паремиологических стратегий российских политиков разного уровня, что позволяет выявить языковые особенности и жанрово-стилистическую дифференциацию использования паремий в зависимости от статуса. Проведенное исследование установило, что в настоящее время в российском политическом дискурсе национальные паремии выполняют важную стратегическую роль, являясь мощным инструментом политического воздействия, в котором заложен код национального менталитета. Результаты исследования могут послужить методологической основой для дальнейших исследований политического дискурса, а также для сравнительного анализа риторических стратегий в разных национальных традициях.*

Ключевые слова: *паремия, политический дискурс, аргументация, культурный маркер, риторическая модель, национальная идентичность*

Для цитирования: Рождественская С.В. Паремия как культурный маркер в формировании национально-специфических моделей политической аргументации (на примерах речи Российских политиков) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 81 – 88. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-81-88

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] ***Rozhdestvenskaya S.V.***

[1] ***Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)***

Paremia as a cultural marker in the formation of nationally specific models of political argumentation (based on the speeches of Russian politicians)

Abstract: *the article examines the argumentative potential of paremiological units in contemporary Russian political discourse. The relevance of the study is driven by the growing role of proverbs and sayings as instruments of nationally specific argumentation amid geopolitical confrontation and information warfare, as well as by the lack*

of systematic research on paremiological tools in current Russian political communication. The empirical corpus comprises 46 units drawn from public speeches delivered between 2024 and 2026 by three key figures in Russian politics: President Putin, Minister of Foreign Affairs Lavrov, and Foreign Ministry Spokesperson Zakharova. The study identifies six typological groups of paremias, eight functional models of their use, and eight cultural markers that reflect the national specificity of political argumentation. For the first time, a comparative analysis of paremiological strategies employed by politicians of different communicative statuses is conducted, revealing linguistic peculiarities and genre-stylistic differentiation in the use of paremias depending on the communicative situation. The findings confirm that paremias in Russian political discourse perform a significant strategic role, serving as a working tool for constructing political reality.

Keywords: *paremia, political discourse, argumentation, cultural marker, rhetorical model, national identity*

For citation: Rozhdestvenskaya S.V. Paremia as a cultural marker in the formation of nationally specific models of political argumentation (based on the speeches of Russian politicians). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 81 – 88. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-81-88

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Политический дискурс представляет собой особую коммуникативную среду, в которой борьба за общественное внимание требует от спикеров максимального воздействия и убедительности. Среди многочисленных языковых средств, используемых политиками в процессе своей коммуникации, важное место занимают паремии. Привлекательность паремии для политического дискурса обусловлена краткостью, образностью, метафорической насыщенностью, апелляцией к исторической памяти и способностью затрагивать глубинные культурные пласты конкретного народа.

В российской политической традиции использование национальной паремии имеет глубокие культурно-исторические корни, связанные, главным образом, с русским народным фольклором. Одним из ярких примеров использования национальной паремии в качестве политической аргументации является фраза «показать кузькину мать» советского лидера Н.С. Хрущева, которую он произнес в качестве предупреждения американской стороны о ядерной мощи Советского союза. Современные российские политики продолжают традицию обращения к «народному языку», устанавливая эмоционально-культурную связь с аудиторией и демонстрируя собственные ценностные ориентиры.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, в условиях геополитической конфронтации и информационной войны между Россией и Западом паремии приобретают особую значимость как инструмент национально-специфической политической аргументации и конструирования образа национального характера. Во-вторых, в политическом дискурсе паремии выполняют ряд функций, что позволяет глубже понять механизмы влияния на общественное восприятие политического контекста. В-третьих, на сегодняшний день отсутствуют системные исследования паремиологии применительно к российскому актуальному политическому дискурсу, характеризующемуся повышенной конфликтогенностью, поляризацией оценок и кардинальной трансформацией риторических стратегий российских политиков.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных прагматических моделей использования национальной паремии в современном российском политическом дискурсе и их роли в формировании национально-специфических аргументативных стратегий. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1) теоретически обозначить паремию как культурный маркер в русской языковой традиции;

2) выделить типы, функции, модели и стратегии использования паремий в публичной речи российских политиков;

3) выявить аргументативный потенциал паремии в российском политическом дискурсе через культурные маркеры.

Обзор недавних исследований показал устойчивый интерес российских исследователей к паремии в политическом дискурсе, однако интерес их преимущественно направлен на исследования зарубежного политического дискурса. Так, Тисленков Г.М., исследуя национальные особенности паремии в британском политическом дискурсе, приходит к выводу, что современные британские политики предпочитают паремии другие языковые средства – общеупотребительную лексику, метафоры, тропы, фразеологизмы, что свиде-

тельствует о снижении риторической функции народных изречений [1]. Далее, Шеховцова Т.А, обратившись к корейскому паремиологическому фонду в политическом дискурсе англоязычных корейских СМИ, исследовала его коммуникативно-прагматические функции, показав, что и в переводном варианте они сохраняют свои функции и национальную специфику [2]. В исследовании Гузовой А.В., Савицкой Н.В., Дедовой О.В., Иволиной Т.В. объектом сравнения стали паремии в выступлениях российских (В. Путин, Д. Медведев, С. Лавров, В. Жириновский) и американских политических лидеров (Б. Обама, Х. Клинтон), в котором установили существенные различия в статусе использования паремий в двух культурах [3]. Арекеева Ю.Е. в своем исследовании сосредоточилась на китайской паремиологической модели «свой-чужой», показав, что в китайском политическом дискурсе существует четкое маркирование внутренней национальной идентичности и внешних оппонентов [4]. Непосредственно российскому дискурсу посвящены работы Макашовой В.В. и Саратовой П.Д., проанализировавших 7 паремиологических единиц в речи В.В. Путина [5], а также работа Гань Цюань, в которой проанализированы иностранные пословицы и поговорки в выступлениях Лаврова С.В. Все эти исследования, несмотря на свою значимость для политического дискурса, носят фрагментарный характер, что создает потребность продолжать работу в этом направлении. В данной работе впервые анализируется и систематизируется корпус паремиологических единиц из публичных выступлений трёх ключевых фигур российской политической арены: Президента Российской Федерации В.В. Путина, Министра иностранных дел С.В. Лаврова и официального представителя МИД России М.В. Захаровой – на пресс-конференциях, прямых линий, интервью и выступлений на международных форумах 2024-2026 гг., что составляет новый эмпирический материал для политической лингвистики. Впервые проводится лингвокультурный анализ паремиологических стратегий российских политиков разных уровней (президент, министр иностранных дел, официальный представитель МИД), что позволяет выявить жанрово-стилистические особенности использования паремий в зависимости от коммуникативного статуса спикера и ситуации общения.

Материалы и методы исследований

Материал для исследования был взят из публикаций и стенограмм выступлений, опубликованных на официальных российских интернет-ресурсах (mid.ru, kremlin.ru, сайты масс-медиа). Для исследования были отобраны ключевые с точки зрения политического дискурса выступления трех российских политиков. Таким образом, корпус исследования составил 46 паремиологических единиц, включающие канонические пословицы, трансформированные паремии, крылатые выражения, прецедентные цитаты (исторические, поэтические, кинематографические) и авторские афористические обороты. В ходе исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки, описательный метод, метод систематизации и обобщения, количественный метод, лингвокультурологический анализ, сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждения

Для начала определим, что такое национальная паремия и, какие языковые единицы мы будем относить к ней. Для начала определим, что такое паремия. Как отмечает Л.Б. Кацюба, паремия представляет собой «готовое краткое изречение, демонстрирующее вывод, мораль, поучение, традиционные взгляды, основанное на культурно-историческом опыте конкретного этноса» [7]. Вслед за Кацюбой Л.Б. к национальной паремии мы будем относить русско-народные пословицы и поговорки, фразеологизмы, краткие устойчивые высказывания известных влиятельных российских (советских) деятелей, а также авторские интерпретации народных крылатых выражений и цитат из российского культурного наследия (литература, кино).

В период 2024-2026 годов, характеризующийся усилением военного и геополитического противостояния России и Запада, национальная паремия становится не просто стилистическим украшением речи, а полноценным инструментом российской политической аргументации и конструирования новой политической картины мира. Исследование аргументативного потенциала паремий показало их типовое и функциональное разнообразие. С помощью метода систематизации и обобщения отобранные паремии были распределены по типам, определены их функции и модели.

1. Типы и функции

В ходе исследования были установлены шесть основных типов паремии. Наибольшую группу составляют *устойчивые фразеологизмы* (12), которые зафиксированы в выступлениях трех политиков. Так, например, фразеологизмом *«гнуть свою линию»* С.В. Лавров подчеркнул необходимость отстаивания национальных интересов Российской Федерации несмотря ни на что [8]; фразеологизмом *«почивать на лаврах»* В.В. Путин призвал не останавливаться на достигнутых экономических успехах, т.к. все меняется [9]; М.В. Захарова, характеризуя саморазрушительную политику ЕС, связанную с отказом от российских энергоресурсов, употребила фразу «*отпиливание сука, на котором сидят»* [10]. Паремия в данном типе выполняют преимущественно мобилизующую и дискредитирующую функции.

Второй по численности тип составляют *канонические народные пословицы* (9), которые чаще всего употребляет президент В.В. Путин, демонстрируя образ народного лидера, использующего простые, народные истины для объяснения сложной геополитики. Так, обосновывая тезис, что любой мировой гегемонии всегда приходит предел, президент заявил: *«Против лома нет приема, окромя другого лома»* [11] или, говоря о провале санкционной политики ЕС: «*Не рой другому яму, сам в нее попадешь*» [12]. Необходимо отметить, что российский президент умело апеллирует и паремиологическим фондом других народов в соответствии с ситуацией. Так, на встрече с председателем КНР Си Цзиньпином, чтобы подчеркнуть глубину личных и стратегических отношений, он сказал: «Не виделись день, а как будто минуло три осени». М.В. Захарова в ответ на заявление У. фон дер Ляйен о Буче употребила: «*На воре и шапка горит*», реализовав тем самым обличительно-дискредитирующую функцию [13].

Авторские трансформации и афоризмы чуть уступают пословицам по частотности употребления (8), но они также используются тремя политиками. Так, С.В. Лавров в интервью ТАСС, призывая не принимать обещания западных партнеров за гарантии, высказал: *«Не впадать ни в какие истерики, а просто внутри себя сделать вывод: "Только проверяй!". Доверять – это потом посмотрим, но сначала – проверяй, а самое главное – гни свою линию»*, где он трансформировал фразу «Доверяй, но проверяй» в «Только проверяй!», [8]. Представитель МИД М.В. Захарова практически создала новую паремию «*государственность растворённая*», говоря о суверенитете стран – участниц саммита «Украина-Юго-Восточная Европы *«Какая же это государственность? Это государственность растворённая, основанная на чьих-то чужих, а не своих национальных интересах»* [13]. В.В. Путин о союзниках России дополнил знаменитый афоризм Александра III: *«У России не только армия, флот. И литература, но и кинематограф тоже, это наш союзник. Ну и многие другие виды искусства… Конечно, это все союзники нашей страны*», адаптируя его под современные реалии [14]. Лавров также дополнил этот афоризм «*Сейчас это еще и воздушно-космические силы (мы не можем их игнорировать). Еще у нас есть и новые войска беспилотных летательных аппаратов. Так что наших союзников будет больше»* [15]. Такие трансформации являются ярким примером «жизни» языка и надежным инструментом, служащим актуальным политическим задачам, выполняя стратегическую и легитимирующую функции.

Крылатые выражения (книжные/исторические) (6) активно встречаются в речах министра иностранных дел РФ, выполняя стратегическую функцию. Так, в интервью ТАСС С.В. Лавров, призывая к дипломатической выдержке, процитировал министра иностранных дел Российской империи А.М. Горчакова: «*Россия не сердится, Россия сосредотачивается*» [8], а в ответ на ультиматумы Запада процитировал поэта В.В. Маяковского, перефразировав его фразу «*У советских собственная гордость*» из стихотворения «Бродвей», в «*У русских собственная гордость*», подчеркнув тем самым преемственность национального достоинства сквозь эпохи [8]. В.В. Путин также обращается к русскому поэтическому фонду. Цитатой «*Запретили даже воинский парад, скоро все к чертям собачьим запретят*» из песни «Песенки о слухах» В.С. Высоцкого президент обвинил западные власти в жестких запретах в отношении своих оппонентов [11]. В ходе исследования подмечено, что С.В. Лавров систематически цитирует и трансформирует цитаты известных русских политических деятелей под актуальную политическую ситуацию, подчеркивая историко-дипломатическую преемственность.

Образные народные выражения (6) наиболее характерны для речи президента РФ. На пресс-конференции 2024 гг. В.В. Путин, характеризуя национальный характер фразой «*Когда всё спокойно, размеренно, стабильно, нам скучно. Застой. Хочется движухи*», использовал экспрессивное выражение «*все свистит у виска –и секунды, и пули*» [16], которое иронично описывает отношение народа к стабильности.

Кинематографические цитаты (5) представляют особый пласт культурного кода, объединяя несколько поколений российских граждан. Так, С.В. Лавров на вопрос о мировых настроениях использует фразу Сергея Бодрова из фильма «Брат-2»: «*Все хотят понять, в чём сила, брат*» [8]; В.В. Путин использует фразу «*Вор должен сидеть в тюрьме*» из фильма «Место встречи изменить нельзя» на встрече с судьями [17]; рассуждая о переименовании Пентагона в министерство войны, он цитирует песню капитана Врунгеля «*Как корабль назовёшь, так он и поплывёт*» из советского мультфильма [11]. Цитаты из кинематографического фонда являются ярким примером того, как советская/российская массовая культура становится источником политической аргументации, а узнаваемость кинематографических цитат обеспечивает высокую риторическую эффективность.

Каждый из выявленных типов паремии выполняет специфические риторические функции: легитимирующую, дискредитирующую, мобилизующую, эмоционально-экспрессивную и идентификационную, что в совокупности формирует многомерный культурный фон современного российского политического дискурса.

2. Культурно-национальные маркеры

С помощью лингвокультурологического анализа были выявлены 8 основных культурно-национальных маркера, актуализируемых через паремии в российском политическом дискурсе.

Русский народный прагматизм актуализируется через паремию «*Доверяй, но проверяй*», что отражает многовековой опыт отношений России с западными государствами и исторический опыт обмана со стороны внешних партнёров.

Маркер национальной несгибаемости реализуется через фразеологизм «*гнуть свою линию*», восходящий к архетипическому образу русского характера.

Военная русская традиция репрезентируется через цитату «*...у России есть только два союзника – её армия и флот…*», консолидируя общество внутри государства и концепцию опоры на собственные силы [18].

Маркер русского долготерпения репрезентируется через цитату «*Россия не сердится, Россия сосредотачивается*», что создаёт образ стратегической выдержки.

Историческая преемственность актуализируется через цитату «*У советских собственная гордость*», связывающую имперскую, советскую и постсоветскую традиции.

Маркер неминуемого возмездия (кара Божья) реализуется через пословицу «*не рой другому яму*», восходящую к народной справедливости и неизбежности Божьего наказания.

Русская истина как неизбежного разоблачения репрезентируется через пословицу *«на воре, и шапка горит*», отражающую народную веру в справедливость, встроенную в устройство мира.

Маркер нравственности и морали актуализируется через риторическую градацию «свободы от жизни, совести, здоровья?», что коррелирует с русской культурной критикой западного либерализма.

3. Модели использования в политической аргументации

Исследование речевого поведения российских политиков позволяет выделить восемь базовых моделей использования национальной паремии в российской политической аргументации. Это не абстрактные конструкции, а вполне конкретные инструменты, которые каждый из трёх спикеров использует в зависимости от ситуации и аудитории.

1. В эпистемической модели паремия выступает в роли достоверной истины, заменяя собой доказательства, статистику и юридические аргументы, поскольку истинность «народной мудрости» по определению не ставится под сомнение. Произнося «*как у нас в народе говорят, кинули*», Путин В.В. фиксирует факт, уже оценённый народным сознанием, и эта оценка не нуждается ни в обоснованиях, ни в юридическом оформлении.

2. Генеалогическая модель основана на обращении текущей политической ситуации к ситуации в прошлом, чтобы перенести легитимность прошлого на современное решение. Говоря о русской гордости Лавров С.В. обращается к словам Маяковского, что свидетельствует о неизменяемости русского национального характера, и всякий, кто с этим не считается, воюет против константы, а не против конкретной власти.

3. В редефинирующей модели происходит переопределение ключевого понятия оппонента с точностью до наоборот, таким образом, оппонент оказывается не просто неправым, а говорящим на «чуждом» языке. Вопросом «*Свободы от чего, от жизни, от совести, от здоровья*?» Захарова М.В. делает западное понимание свободы не как возможность, а как ее утрату, т.к. аргумент рушится не потому, что он слаб, а потому, что его язык объявляется ложным по определению.

4. Психологическая модель используется для интерпретации поведения оппонента. Реплика президента В.В. Путина «*Чего стоять-то на пороге, заходи в дом*!» в адрес главы киевского режима, снявшего постановочное видео у стелы, работает именно так, переводя политический жест в плоскость бытовой насмешки. Вопрос превращает серьёзное пропагандистское заявление в повод для издевательской шутки.

5. Фаталистическая модель предсказывает неизбежный крах противника. Фраза «*не рой другому яму, сам в нее попадешь*» подаёт санкционную политику Запада именно так: пытаясь навредить России, в итоге сами оказались в рецессии.

6. Иронизирующая модель построена на намеренном снижении высокого регистра. Бытовые фразеологизмы, шутки, самоирония, просторечие в официальной речи демонстрируют живой народный язык. Паремия «*дай бог им здоровья*» (об уходящих иностранных производителях) это вовсе не благословение, а вполне определенный посыл. Тот же эффект у «горячего словца» Лаврова, который оправдывает свою нецензурную лексику не правилами этикета, а человеческой слабостью, показывая, что он такой же живой, как и народ.

7. В редукционистской модели сложная проблема сводится к бытовой аналогии. Абстракция получает конкретный, узнаваемый образ на закрепление нужной оценки в массовом сознании. С.В. Лавров с его «*всё*

хотят понять, в чём сила, брат» делает то же самое, но через кинематограф: философский вопрос о природе силы и правды упаковывается в цитату из «Брата-2», которую знают без дополнительных пояснений.

8. В номинативной модели происходит не трансформация существующих паремий, а создание новых устойчивых оборотов, которые претендует на то, чтобы стать ярлыком. Если фраза приживается, она начинает работать самостоятельно, без опоры на исходный контекст. Так, М.И. Захарова со своей «*государственностью растворённой*» создаёт новую метафору: государственность может быть не только сильной или слабой, но и «растворённой», то есть утратившей собственный суверенитет. Лавровская «*здоровая злость*» переопределяет эмоцию, традиционно считавшуюся негативной, в полезный ресурс.

Сопоставительный анализ аргументативных стратегий трех спикеров показал стилевые различия в использовании паремий: В.В. Путин, являясь верховным лидером, демонстрирует наиболее широкий диапазон, создавая образ «своего» и одновременно иронично снижает пафос оппонентов; С.В. Лавров, ориентируясь на внешнюю и элитарную аудиторию, предпочитает исторические и поэтические прецедентные цитаты для стратегической и легитимирующей аргументации; М.В. Захарова активно использует бытовую образность и иронию для дискредитации оппонентов, создавая паремиологические единицы как ярлыки, служащие аргументативным инструментом в политической войне. Таким образом, эти три стратегии в целом формируют многомерный дискурс, способный воздействовать на разные аудиторные сегменты.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов, имеющих значение как для политической лингвистики, так и для понимания механизмов современной российской политической коммуникации.

Прежде всего, исследование подтвердило, что национальные паремии в российском политическом дискурсе являются не просто стилистическим украшением или риторическим клише, а полноценным инструментом аргументации, работающий на нескольких уровнях одновременно. На уровне содержания паремия транслирует готовую, культурно укоренённую оценку, которая не требует доказательств. На уровне коммуникации она маркирует принадлежность говорящего к национальному культурному коду и сокращает дистанцию между властью и аудиторией. На уровне стратегии она выполняет конкретные тактические задачи: легитимирует решения, дискредитирует оппонента, мобилизует сторонников или переопределяет понятийное поле противника. В этом смысле национальная паремия оказывается не просто единицей языка, а единицей мощного политического действия.

Особого внимания заслуживает тот факт, что паремиологический фонд современной российской политической речи не является каким-то архаизмом, а наоборот жизнеспособен и способен отвечать на вызовы времени: канонические пословицы трансформируются, авторские афоризмы претендуют на место в политическом лексиконе, культурный материал перерабатывается под текущие задачи.

В более широком теоретическом контексте данное исследование подтверждает, что паремия в политическом дискурсе становится механизмом культурно-национальной памяти, средством моральной оценки и способом конструирования новой политической реальности. В условиях информационной войны и ценностного противостояния между Россией и Западом именно национальная паремия оказывается тем языковым ресурсом, который позволяет политическому высказыванию обрести вневременную, «народную» легитимность, недоступную для сугубо рациональной аргументации.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счёт включения материалов других политических спикеров и более широкого временного диапазона, а также с сопоставительным анализом паремиологических стратегий в российской и зарубежной политической коммуникации.

Подводя итог, можно утверждать, что паремии в современном российском политическом дискурсе – это рабочий инструмент конструирования политической реальности. Изучение этого кода позволяет не только понять механизмы современной политической коммуникации, но и увидеть, как через слово происходит воспроизводство национальной идентичности в условиях политического противостояния.

Список источников

1. Тисленков Г.М. Национальные особенности функционирования паремиологических единиц в современном британском политическом дискурсе. Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (84). 2023. С. 137 – 148

2. Шеховцова Т.А. Функции корейских пословиц в политическом дискурсе англоязычных СМИ Южной Кореи // Litera. 2023. № 12. С. 124 – 143.

3. Гузова А.В., Савицкая Н.В., Дедова О.В., Иволина Т.В. Лингвистический статус паремий в российском и американском политическом дискурсе // Филология: научные исследования. 2020. № 2. С. 26 – 36.

4. Арекеева Ю.Е. Актуализация оппозиции «свой-чужой» в паремиях (на материалах китайского политического медиадискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 4. С. 5 – 16.
5. Макашова В.В., Саратова П.Д. Пословицы и поговорки как прецедентные высказывания в речи В.В. Путина (на материале публичных выступлений 2022-2023 гг.) // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 1. С. 71 – 77.
6. Гань Цюань. Анализ прецедентного высказывания в выступлении министра иностранных дел России Лаврова // Modern Humanities Success. 2025. № 4. С. 27 – 32.
7. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 1. С. 65 – 67.
8. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова информационному агентству ТАСС, 29 июля 2026 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2129713/.
9. Встреча Путина с участниками проекта "Время героев». URL: https://ria.ru /20240614/putin-1953016751.html? utm_source=yxnews&utm_ medium= desktop.
10. Выступление Марии Захаровой на радио Sputnik. URL: https://radiosputnik.ru/20250618/zakharova-1978739158.html.
11. Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай», октябрь 2025 года. URL: https://360.ru/news/vlast/protiv-loma-net-priema-zajavil-putin/.
12. Выступление Президента РФ В.В. Путина на XX съезде «Деловой России», май 2025 года. URL: https://ura.news/news/1052932684.
13. Выступление официального представителя МИД России М.В. Захаровой на брифинге, 27 июля 2026 года. URL: https://mid.ru/ru/press_ service/spokesman/briefings/2129335/.
14. Владимир Путин на Онлайн-конференции Совета по культуре и искусству URL: https://mosregtoday.ru/news/power/putin-dopolnil-znamenityj-aforizm-aleksandra-iii-o-sojuznikah-rossii/.
15. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для «Общественного телевидения России». Москва. 24 апреля 2026 года. URL: https://iz.ru/2085550/2026-04-24/lavrov-dopolnil-pogovorku-pro-dvukh-glavnykh-soiuznikov-rossii? utm_source= se&utm_campaign =vidjet&utm_ medium=3&utm _content=2085550.
16. Прямая линия с В. Путиным-2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7384275.
17. В. Путин на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8443213.
18. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарном заседании высокого уровня III Минской международной конференции по евразийской безопасности. Минск, 28 октября 2025 года. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/2056079/.

References

1. Tislenkov G.M. National characteristics of the functioning of paremiological units in modern British political discourse. «Grani poznaniya» (Facets of Knowledge): Electronic Scientific and Educational Journal of VGSPU. No. 1 (84). 2023. P. 137 – 148.
2. Shekhovtsova T.A. Functions of Korean proverbs in the political discourse of English-language media in South Korea. Litera. 2023. No. 12. P. 124 – 143.
3. Guzova A.V., Savitskaya N.V., Dedova O.V., Ivolina T.V. Linguistic status of paremias in Russian and American political discourse. Philology: Scientific Research. 2020. No. 2. P. 26 – 36.
4. Arekeeva Yu.E. Actualization of the "us vs. them" opposition in paremias (based on Chinese political media discourse). Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Issue 8. No. 4. P. 5 – 16.
5. Makashova V.V., Saratova P.D. Proverbs and sayings as precedent utterances in the speech of V.V. Putin (based on public speeches from 2022-2023). Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 71 – 77.
6. Gan Quan Analysis of a precedent utterance in a speech by Russian Foreign Minister Lavrov. Modern Humanities Success. 2025. No. 4. P. 27 – 32.
7. Katsyuba L.B. Defining the Paremia (Linguistic Aspect of the Definition). Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics. 2013. Vol. 10. No. 1. P. 65 – 67.
8. Interview by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov with the TASS news agency, July 29, 2026. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2129713/.
9. Meeting of Putin with participants of the "Time of Heroes" project. URL: https://ria.ru/20240614/putin-1953016751.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

10. Address by Maria Zakharova on Radio Sputnik. URL: https://radiosputnik.ru/20250618/zakharova-1978739158.html.
11. Address by Russian President V.V. Putin at the plenary session of the Valdai Discussion Club, October 2025. URL: https://360.ru/news/vlast/protiv-loma-net-priema-zajavil-putin/.
12. Address by Russian President V.V. Putin at the 20th Congress of "Delovaya Rossiya" (Business Russia), May 2025. URL: https://ura.news/news/1052932684.
13. Address by Russian Foreign Ministry Spokesperson M.V. Zakharova at a briefing, July 27, 2026. URL: https://mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/2129335/.
14. Vladimir Putin at the online conference of the Council for Culture and Art. URL: https://mosregtoday.ru/news/power/putin-dopolnil-znamenityj-aforizm-aleksandra-iii-o-sojuznikah-rossii/.
15. Interview by Russian Foreign Minister S.V. Lavrov with "Public Television of Russia." Moscow. April 24, 2026. URL: https://iz.ru/2085550/2026-04-24/lavrov-dopolnil-pogovorku-pro-dvukh-glavnykh-soiuznikov-rossii?utm_source= se&utm_campaign =vidjet&utm_ medium=3&utm _content=2085550.
16. Direct Line with V. Putin – 2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7384275.
17. V. Putin at the meeting of judges of courts of general jurisdiction, military courts, and arbitration courts of the Russian Federation. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8443213.
18. Address by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at the high-level plenary session of the 3rd Minsk International Conference on Eurasian Security. Minsk, October 28. 2025. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/2056079/.

Информация об авторах

Рождественская С.В., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Южно-Российский Государственный Политехнический Университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, svr.novoch@mail.ru*

© Рождественская С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'276.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-89-96

[1] Семенова М.Ю.

[1] Донской государственный технический университет

Морфологическая гибридизация в испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США

Аннотация: *статья посвящена механизмам морфологической гибридизации в испанглийском идиоме, функционирующем в условиях испано-английского билингвизма на территории США. Эмпирической базой служат глубинные полевые интервью со 137 билингвами из пяти транскультурных кластеров, различающихся по диалектному субстрату и интенсивности контактов: Нью-Йорк (карибская диаспора), Майами (кубино-американский анклав), Лос-Анджелес (мексиканское побережье) и две приграничные агломерации – Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана. Из расшифрованных нарративов и неподготовленных диалогов выделено свыше 1800 контекстов, содержащих гибридные лексемы с английским корнем и испанским морфологическим оформлением. Анализ показывает, что глагольная подсистема демонстрирует почти категоричную унификацию: английские основы регулярно интегрируются через продуктивный суффикс -ear и возвратные конструкции, что полностью согласуется с предсказаниями модели матричного языка. Данная стратегия доминирует во всех кластерах и поколениях, включая второе и третье, что свидетельствует о стабильности словообразовательного механизма. Напротив, именная группа обнаруживает конкуренцию трех стратегий присвоения рода – семантической аналогии, фонологической аналогии и мужского рода по умолчанию, причем их распределение значимо варьирует географически: в восточных кластерах преобладает немаркированный мужской род, тогда как в мексиканской диаспоре и на границе доминирует фонологический критерий. Дополнительно зафиксирована социолектная специфика префиксальной деривации в речи рабочих специальностей, что указывает на роль профессиональных сообществ как инкубаторов инноваций. Поколенческий срез выявляет, что глагольная модель устойчива даже при ослаблении испанского доминирования, тогда как именная вариативность постепенно нивелируется. Полученные результаты уточняют теоретическую модель языка-матрицы, показывая, что ее жесткость ослабевает в сфере детерминации, и вносят вклад в типологию контактных изменений, а также имеют прикладное значение для диагностики языкового сдвига и разработки образовательных стратегий в билингвальной среде.*

Ключевые слова: *испанглийский, языковые контакты, морфологическая интеграция, смешанный код, модель матричного языка, глагольная деривация, грамматический род, билингвизм, транскультурные кластеры*

Для цитирования: Семенова М.Ю. Морфологическая гибридизация в испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 89 – 96. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-89-96

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Semenova M.Yu. ***[1] Don State Technical University***

Morphological hybridization in the Spanglish idiom of U.S. metropolitan and borderland clusters

Abstract: *this article examines the mechanisms of morphological hybridization in the Spanglish idiom as it operates under conditions of Spanish English bilingualism across the United States. The empirical basis comprises in-depth field interviews with 137 bilinguals from five transcultural clusters that differ in dialectal substrate and contact intensity: New York (Caribbean diaspora), Miami (Cuban-American enclave), Los Angeles (Mexican coastal variety), and two border agglomerations – El Paso–Ciudad Juárez and San Diego–Tijuana. From transcribed narratives and unplanned dialogues, over 1,800 contexts containing hybrid lexemes with English roots and Spanish morphological marking were extracted. The analysis reveals that the verbal subsystem exhibits near categorical unification: English bases are regularly integrated through the productive suffix -ear and reflexive constructions, fully aligning with the predictions of the Matrix Language Frame model. This strategy prevails across all clusters and generations, including second- and third-generation speakers, attesting to the stability of the derivational mechanism. In contrast, the nominal domain displays competition among three gender assignment strategies – semantic analogy, phonological analogy, and default masculine – with their distribution varying significantly by geography: eastern clusters favor the unmarked masculine gender, whereas the Mexican diaspora and border areas predominantly rely on phonological cues. Additionally, sociolectal specificity of prefixal derivation is documented in manual workers' speech, suggesting that professional communities serve as incubators of morphological innovations. A generational perspective shows that the verbal pattern remains robust even as Spanish dominance weakens, while nominal variability gradually levels off. These findings refine the Matrix Language Frame model by demonstrating that its rigidity weakens in determiner related areas; they contribute to the typology of contact induced change and bear practical implications for diagnosing language shift and designing educational strategies in bilingual settings.*

Keywords: *Spanglish, language contact, morphological integration, mixed code, Matrix Language Frame, verbal derivation, grammatical gender, bilingualism, transcultural clusters*

For citation: Semenova M.Yu. Morphological Hybridization in the Spanglish Idiom of U.S. Metropolitan and Borderland Clusters. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 89 – 96. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-89-96

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Испанглийский идиом, функционирующий в испаноязычных сообществах США, долгое время описывался либо как набор интерферентных явлений в речи недостаточно компетентных билингвов, либо как хаотичное чередование двух языков [5]. Однако накопленные к настоящему времени эмпирические данные показывают, что за поверхностной вариативностью скрывается устойчивая контактная система, в которой кодовое переключение постепенно уступает место стабилизировавшемуся смешанному коду [1, 10]. В центре структурного описания такой системы находится морфологическая адаптация иноязычных элементов, при которой английские корни интегрируются в продуктивные парадигмы матричного языка – испанского, – образуя гибридные глагольные и именные словоформы [4]. Несмотря на ряд исследований, посвященных испанскому языку в США [7, 13], а также работ по транслингвизму [12], вопрос о том, насколько унифицированы правила такой адаптации в пространственно разнесенных транскультурных кластерах, остается открытым.

Исследовательский вопрос данной работы формулируется следующим образом: как варьируют и одновременно унифицируются стратегии морфологической интеграции английских заимствований в глагольной и именной подсистемах в зависимости от географического кластера проживания билингвов? Гипотеза состоит в том, что инструментальная глагольная морфология демонстрирует структурную унификацию по модели «испанский словоизменительный каркас + английский корень» (прежде всего через продуктивный суффикс -ear) во всех обследованных сообществах, тогда как именная морфология обнаруживает асимметрию: выбор грамматического рода в большей степени подвержен влиянию локальных семантико-фонологических аналогий, нежели единому правилу мужского рода по умолчанию, что порождает микровариативность [3].

Теоретической рамкой исследования выступает модель матричного языка, разработанная К. Майерс-Скоттон [4] (ср. альтернативный подход в рамках транслингвизма [11]). В рамках указанной модели системные морфемы поставляются исключительно матричным языком (испанским), тогда как контактные морфемы (английские корни) встраиваются в готовые грамматические слоты. Применительно к глагольной морфологии это предсказывает доминирование стратегии, при которой английский глагольный корень оформляется испанскими тематическими гласными и флексиями; для именной группы модель допускает существенно больше ограничений, связанных с необходимостью приписывания рода. Ш. Поплак [8] показала, что даже при поверхностном кодовом переключении билингвы строго соблюдают морфосинтаксис матричного языка, в то время как Р. Отеги и его коллеги [7] подчеркнули роль устоявшихся лексических практик конкретных диаспоральных групп. Дискуссия о присвоении «естественного рода» заимствованиям также занимает центральное место в контактной лингвистике: одни исследователи указывают на преимущественно аналоговый механизм (род испанского соответствия), другие – на формальный критерий фонетической финали [3, 9].

Эмпирическая база исследования охватывает пять территориальных кластеров, каждый из которых представляет собой особую контактную среду. Нью-Йорк выступает как старый диаспоральный центр, где преобладают носители карибских вариантов испанского (пуэрториканского, доминиканского, кубинского); Майами – крупнейший кубино-американский анклав с плотной испаноязычной сетью [2]; Лос-Анджелес – зона доминирования мексиканского варианта на западном побережье; наконец, трансграничные агломерации Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана представляют собой приграничные кластеры, для которых характерна высокая интенсивность повседневных транснациональных контактов и бидиалектальных практик. Сопоставление данных из перечисленных пяти зон позволяет оценить одновременно универсальные структурные тенденции и регионально обусловленные морфологические детали испанглийского идиома.

Материалы и методы исследований

Исследование реализовано в качественно-количественной логике с опорой на массив спонтанных устных нарративов. Материал получен в ходе глубинных полевых интервью с 137 билингвами (возрастной диапазон 20-70 лет, средний возраст 37,4 года), постоянно проживающими в пяти целевых кластерах: Нью-Йорк (n = 57), Майами (n = 32), Лос-Анджелес (n = 26), трансграничный кластер Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес (n = 12) и трансграничный кластер Сан-Диего–Тихуана (n = 10). Все информанты активно используют испанский и английский в повседневной коммуникации и представляют разные поколения иммиграции (1, 1.5, 2 и, в единичных случаях, 3-4). Профессиональный состав выборки сбалансированно отражает низовую, среднюю и профессиональную стратификацию: от строителей, механиков, водителей и складских работников до учителей, медицинских сестер, инженеров, владельцев малого бизнеса и студентов. Такая дисперсия дает основание рассматривать полученные морфологические паттерны как свойство идиома в целом.

Интервью длительностью 60-90 минут проводились в доме информанта или ином комфортном для него пространстве. Структура сессии включала несколько модулей, из которых для целей настоящего исследования анализировался исключительно «модуль естественной речи» (и примыкающие к нему незапланированные диалоги). В рамках данного модуля интервьюер задавал открытые вопросы, провоцирующие эмоционально окрашенный нарратив («Расскажите о самом опасном случае в вашей жизни», «Опишите ваш первый день на новой работе»). Подобная техника целенаправленно смещает внимание говорящего с формы высказывания на его содержание, ослабляя эффект наблюдателя и обеспечивая максимальное приближение к вернакулярному узусу [14]. После завершения формального интервью участнику и присутствовавшим членам семьи или друзьям предлагалось продолжить беседу на любую интересующую их тему; возникавшие при этом диады и полилоги фиксировались и составили наиболее ценный корпус непринужденной бытовой речи.

Все сессии записаны в цифровом формате и транскрибированы с последующей ручной верификацией. Для настоящей статьи из транскриптов выбирались все контексты, содержащие лексические единицы с английским корнем, интегрированные в испанскую глагольную (формы, построенные на базе английской глагольной основы с испанским тематическим гласным и флексией) или именную (существительные с английской корневой морфемой, принимающие испанский показатель рода и числа) морфологию. Единицы анализа кодировались по географическому кластеру, поколению информанта и морфологической модели; рассчитывались абсолютные и относительные частоты стратегий, что позволило совместить детальный качественный анализ высказываний с количественными внутрикорпусными сопоставлениями.

Результаты и обсуждения

Анализ спонтанных нарративов и неподготовленных диалогов информантов позволил выделить корпус из более чем 1800 контекстов, содержащих гибридные лексемы с английским корнем и испанским морфологическим оформлением. Ниже излагаются основные паттерны, сгруппированные по частеречной принадлежности.

В области глагольной морфологии наиболее продуктивным и структурно унифицированным механизмом оказалась интеграция английских глагольных основ в парадигму первого испанского спряжения при помощи тематического гласного *-a-* и инфинитивного показателя *-r* (на письме *-ear*). Данная стратегия охватила 94,3% всех зафиксированных глагольных гибридов, не показав статистически значимых различий между кластерами, например:

(1) *Si no encuentras espacio, tienes que parquear en la calle*. (механик, Нью-Йорк)

«Если не найдешь места, тебе придется парковаться на улице».

В примере (1) английский глагол *to park* встроен в испанскую конструкцию перифрастического будущего *tienes que* + INF. Корень *park-* сохраняет английскую орфографию (ср. стандартное испанское *aparcar*), но принимает в качестве отдельного испанглийского суффикса гласный *-e-* и суффикс инфинитива с включенным тематическим гласным *-ar*. С точки зрения акцентной модели, ударение падает на тематический гласный (*parquear* [paɾ.ke.ˈaɾ]), что соответствует продуктивной испанской модели глаголов на *-ear* (ср. *pasear, teclear*) и, таким образом, демонстрирует морфологическое перераспределение состава слова (переход *-e-* из корня в отдельный гибридный суффикс).

(2) *Mi jefa me texteó bien tarde, ni le contesté.* (маркетолог, Майами)

«Моя начальница мне написала (СМС) совсем поздно, я ей даже не ответил».

Английская основа *text-* оформлена показателем претерита 3 л. ед. ч. *-eó*. Здесь наблюдается полная морфосинтаксическая интеграция: глагол управляет дативным клитиком *me* и взаимодействует с наречной группой *bien tarde* по правилам испанского синтаксиса.

Особого внимания заслуживает подкласс возвратных гибридных глаголов, где английская семантика требует испанского показателя *se* для передачи значений взаимности, безличности или изменения состояния, например:

(3) *Nos pasamos toda la noche texteándonos, no dormimos nada.* (продавец, Лос-Анджелес)

«Мы всю ночь переписывались, совсем не спали».

Герундиальная форма *texteándonos* включает корень *text-*, испанглийский гибридизированный суффикс *-e-*, суффикс герундия с тематическим гласным *-ando*, возвратную частицу *-nos*, ударение маркировано акутом. Слово демонстрирует полный цикл грамматикализации заимствования вплоть до способности присоединять испанские энклитики.

(4) *Cuando me dijeron eso, yo me friquié.* (оператор сборочной линии, Сьюдад-Хуарес)

«Когда мне это сказали, я прямо испугался».

Глагол *friquiarse* (от англ. *to freak out*) прошел морфологическую и глубокую фонетическую адаптацию. Английский дифтонг [iː] монофтонгизируется, а финальный согласный [k] палатализуется в позиции перед гласным переднего ряда при спряжении: *me friquié* [fɾi.ˈkje]. Носители матричного языка ощущают этот корень как полностью испанский по звучанию.

Наконец, в приграничных кластерах и в речи информантов с низовым профессиональным профилем зафиксирована префиксация английских корней испанскими деривационными морфемами, что является маркером глубокой лексикализации, например:

(5) *Voy a desyonquear el patio este fin de semana.* (бариста, Эль-Пасо)

«Я собираюсь расчистить от хлама двор на этих выходных».

Основа *yonque* (от англ. *junk* «хлам, барахло», субстантивированное в форме *el yonque* или *la yonquería* «свалка») принимает испанский префикс *des-* со значением удаления и глагольное окончание. Модель продуктивна: ср. *despolvar, desmalezar*. Так, механик из Лос-Анджелеса употребил форму *lo desbalancié* (от англ. *balance*), описывая разбалансированное колесо.

В отличие от глагольной подсистемы, именная морфология демонстрирует значительную вариативность. В корпусе идентифицированы три конкурирующие стратегии присвоения грамматического рода: а) семантическая аналогия, б) фонологическая аналогия и в) приписывание мужского рода по умолчанию. Их дистрибуция обнаруживает географически обусловленные различия.

Стратегия мужского рода по умолчанию доминирует в карибских диаспорах Нью-Йорка и Майами (61% и 59% неодушевленных заимствований соответственно), например:

(6) *El freezer está lleno, no cabe nada más.* (владелец мастерской, кубинец, Нью-Йорк)

«Морозилка забита, больше ничего не влезает».

Freezer интегрирован с артиклем мужского рода *el* без какой-либо фонетической адаптации. Испанские эквиваленты *el congelador* (муж. р.) и *la nevera* (жен. р.) не создают давления в сторону женского рода, и слово приписывается к немаркированному мужскому классу.

Однако, когда в дискурсе активирован испанский семантический аналог женского рода, происходит сбой стратегии по умолчанию в пользу аналогового рода, например:

(7) *Fui a la marketa pero estaba cerrada.* (кассир, кубинка, 60 лет, Майами)

«Я пошла на рынок, но он был закрыт».

Колебание между *el market* и *la marketa* ярко иллюстрирует конфликт стратегий. Информант использует форму *la marketa*, присоединяя финаль *-a*, что автоматически приписывает слову женский род под двойным влиянием: а) ментальный субстрат – стандартный испанский аналог *el mercado* (муж. р.) в карибском диалекте часто реализуется как *la merca* (жен. р., простореч.), и б) сама финаль *-a* является иконическим маркером женского рода в испанском. В любом случае, смешанная форма получает согласование по женскому роду: причастие *cerrada*.

Фонологическая стратегия присвоения рода оказалась наиболее выраженной в приграничных кластерах и Лос-Анджелесе, где мексиканский субстрат проявляет высокую чувствительность к финалям на *-a*, например:

(8) *Acabo de lavar la troca, y mira cómo está ya.* (продавец, Эль-Пасо)

«Я только что помыл грузовик, и посмотри, какой он уже».

Английское *truck* адаптировано в форму *la troca*. Мужской род английского коррелята и возможного испанского соответствия *el camión* игнорируются в пользу женского рода, маркируемого финалью *-a*. В корпусе из городов Эль-Пасо, Сьюдад-Хуарес и Тихуана форма *la troca* встретилась 18 раз, вариант *el troque* – лишь 2 раза, и ни разу не зафиксирован *el truck* в спонтанной речи, например:

(9) *Ponte la suera que hace frío.* (прораб, Лос-Анджелес)

«Надень свитер, а то холодно».

Английское *sweater* из-за наличия редуцированного заударного гласного фонетически воспринимается как оканчивающееся на *-a* (*sweater* → *suera*). В результате оно немедленно попадает в класс существительных женского рода. Согласование прилагательного в речи информантов подтверждает род: *una suera bien bonita* была зафиксирована в речи информантов из Лос-Анджелеса.

В трансграничном кластере Сан-Диего–Тихуана зафиксирована лексема *el WiFi*, которая демонстрирует, что признаки мужского рода сохраняются, когда слово фонетически заканчивается на гласный, ассоциируемый с мужским родом, – *-i* (11 употреблений во всех кластерах, всегда мужской род, например: *el WiFi está lento* «вайфай медленный»).

Наконец, обнаружены плеонастические формы множественного числа, в которых испанская морфема дублирует уже имеющееся в английской основе значение множественности. Такая двойная плюрализация характерна для самых частотных слов и демонстрирует избыточность как свойство разговорного регистра, например:

(10) *Mira, me compré unos shoeses nuevos.* (владелица магазина, пуэрториканка, Нью-Йорк)

«Смотри, я купила новые туфли».

Английское *shoe* во множественном числе – *shoes*. В испанглийском она адаптируется как *shoes* (ед.ч.) → *los shoeses* (мн.ч. с испанской флексией *-es*). Данный плеоназм свидетельствует, что носители воспринимают английское окончание множественного числа *-s* как часть основы, а не как грамматический маркер. Таким образом, перед нами пример опрощения основы слова.

(11) *Dame dos cookieses, porfa*. (курьер, Лос-Анджелес)

«Дай мне две печеньки, пожалуйста».

Здесь множественное число от *cookie* образуется присоединением испанского окончания *-es* к форме английского множественного числа *cookies*. Особенность таких слов состоит в том, что *cookies* – бытовое слово, регулярно звучащее в речи именно в форме множественного числа. Форма единственного числа также встречается в корпусе (*un cookie*), но если носитель опирается на услышанное *cookies* как на цельную лексему, то в его речи продуктивно образуется *cookieses*.

Сравнительная дистрибуция паттернов по кластерам на основе обобщающих наблюдений по частотности стратегий в разговорном корпусе выглядит следующим образом:

1. Модель *-ear* доминирует повсеместно. В Нью-Йорке и Майами отмечены единичные случаи сохранения английского инфинитива с частицей *to* в окружении испанского высказывания (как кодовое переключение), например: *Es mejor to wait* («Лучше подождать»), но такие формы не являются морфологическими

инновациями. В приграничных кластерах, напротив, даже окказионализмы спонтанно оформляются по правилам испанской парадигмы, без исключений.

2. Мужской род по умолчанию является самой частотной стратегией в восточных кластерах (Нью-Йорк, Майами), охватывая около 60-65% неодушевленных заимствований. Фонологическая стратегия (род под влиянием финали) наиболее сильна в Лос-Анджелесе и на границе, встречается в 45% заимствований, в то время как в Нью-Йорке – менее 15%. Семантическая (аналоговая) стратегия повсюду остается характерной для наиболее употребительных слов и составляет 20-25% корпуса.

3. Деривационная активность зафиксирована исключительно у информантов, занятых физическим трудом (механики, строители, кровельщики), что позволяет предположить роль профессионального регистра как инкубатора морфологических инноваций. Географически это явление чаще регистрировалось в приграничных кластерах (Эль-Пасо, Тихуана) и в среде мексиканской диаспоры Лос-Анджелеса.

Полученные результаты позволяют утверждать, что испанглийский идиом демонстрирует системную морфологическую организацию, в которой глагольная и именная подсистемы подчиняются разным адаптационным логикам. Тотальное доминирование модели *-ear* в глагольной интеграции, наблюдаемое во всех пяти кластерах вне зависимости от поколения и социального профиля информантов, служит сильным аргументом в пользу трактовки испанглийского как смешанного кода [1]. Английский глагольный корень неизменно встраивается в продуктивную испанскую парадигму, и данная операция полностью соответствует предсказаниям модели матричного языка [4]: системные морфемы – тематический гласный, флексии лица, числа, времени, показатели возвратности – поставляются исключительно грамматикой испанского, тогда как открытые контактные морфемы могут браться из английского. Более того, спонтанное порождение таких форм, как *friquiarse, texteándonos* или *desyonquear*, говорит о том, что данная стратегия является живым словообразовательным механизмом. Важно, что в нашем корпусе практически отсутствуют случаи сохранения английского инфинитива с *to* внутри испанской предикации; тем самым то, что могло бы на первый взгляд показаться кодовым переключением, на деле представляет собой полную морфосинтаксическую интеграцию, что хорошо согласуется с теорией Ш. Поплак [8].

Именная подсистема, напротив, обнаруживает конкуренцию стратегий, и здесь географическая дифференциация проявляется в полной мере. В восточных кластерах – Нью-Йорке и Майами – явно лидирует стратегия мужского рода по умолчанию для неодушевленных англицизмов. Это подтверждает наблюдения Дж. Клегга [3], который фиксировал преобладание немаркированного мужского рода в диаспорах восточного побережья США. В то же время фонологическая стратегия, при которой род приписывается исходя из фонетической оболочки конечного сегмента, практически монополизирует адаптацию таких лексем, как *troca* (< truck) или *suera* (< sweater), именно в Лос-Анджелесе и приграничных кластерах, что говорит о большем весе фонологических факторов в мексиканском варианте испанского, где маркер *-a* является мощнейшим триггером женского рода. Таким образом, вариативность в именной группе поддерживается различным весом двух универсальных принципов – семантико-фонологической аналогии и грамматического дефолта – в конкретных социолингвистических нишах [7]. Показательно, что плеонастические формы множественного числа типа встречаются во всех кластерах, что, как и в случае с дублированием генитива, описанным Дж. Липски [5], свидетельствует о переинтерпретации английских флексий как части основы.

Особого внимания заслуживает социальная дистрибуция префиксальных дериватов. Зафиксированные почти исключительно в профессиональных регистрах низового и ремесленного труда (механики, строители, кровельщики), такие формы представляют собой пример «языка рынка», о котором писала А.С. Зентелла [13] применительно к пуэрториканской диаспоре: рабочие пространства выступают инкубаторами наиболее глубоких контактных инноваций [6]. Более низкая частотность таких дериватов в Майами и в среде информантов с высшим образованием позволяет предполагать, что степень морфологической интеграции коррелирует какс плотностью трансграничных контактов, так и с типом социальной сети, поддерживающим разговорный узус. Важной оговоркой является ограниченный объем выборки в каждом отдельном кластере (особенно приграничном), а также отсутствие лонгитюдных данных, что не позволяет пока отделить устойчивые региональные нормы от индивидуальной вариативности.

Выводы

Проведенный анализ спонтанной речи 137 билингвов из пяти транскультурных кластеров США показывает, что морфологическая система испанглийского идиома строится на едином структурном принципе – испанский грамматический каркас принимает английский лексический корень, который, однако, реализуется с разной степенью жесткости в глагольной и именной подсистемах. Глагольная морфология достигает почти категорической унификации: продуктивный суффикс -ear и возвратные конструкции служат универсальным слотом для любого английского глагола, и данный механизм действует без статистически значи-

мых различий между Нью-Йорком, Майами, Лос-Анджелесом и приграничными агломерациями. Именная морфология, в свою очередь, оказывается зоной микровариативности, где сосуществуют и конкурируют семантическая, фонологическая и дефолтная стратегии присвоения рода; их относительный вес определяется локальными характеристиками контактной среды – фонетическим профилем базового диалекта испанского, историей миграции и плотностью социальных сетей. Полученные результаты уточняют теоретическую модель матричного языка, демонстрируя, что ее предсказания наиболее строго выполняются в предикативной сфере, тогда как в именной группе даже в рамках одного смешанного кода сохраняется пространство для регионально обусловленных предпочтений. Дальнейшее исследование должно быть направлено на расширение корпуса за счет третьего и четвертого поколений билингвов, а также на инструментальное изучение просодической интеграции гибридных форм, что позволит полнее описать параметры устойчивости и аттриции в контактных системах.

Список источников

1. Auer P. From Codeswitching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech // International Journal of Bilingualism. 1999. № 3 (4). P. 309 – 332.
2. Carter P.M. English in Miami. In: Immigrant Englishes Around the World. New York, London: Routledge, 2025. P. 201 – 220.
3. Clegg J.H. The Gender of English Loanwords in Spanish: A Corpus Analysis of Southwestern US Newspapers // Southwest Journal of Linguistics. 2011. № 30 (1). P. 1 – 28.
4. Jake J.L., Myers-Scotton C., Gross S. Making a Minimalist Approach to Codeswitching Work: Adding the Matrix Language // Bilingualism: Language and Cognition. 2002. № 5 (1). P. 69 – 91.
5. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
6. Lynch A. Heritage language socialization at work: Spanish in Miami // Journal of World Languages. 2023. № 9 (1). P. 111 – 132.
7. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
8. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching // Linguistics. 1980. № 18 (7/8). P. 581 – 618.
9. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains // International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
10. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism // Rupkatha Journal. 2023. № 15 (3). P. 1 – 10.
11. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project // Applied Linguistics. 2022. № 44 (3). P. 519 – 537.
12. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
13. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
14. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

References

1. Auer P. From Codeswitching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech. International Journal of Bilingualism. 1999. No. 3 (4). P. 309 – 332.
2. Carter P.M. English in Miami. In: Immigrant Englishes Around the World. New York, London: Routledge, 2025. P. 201 – 220.
3. Clegg J.H. The Gender of English Loanwords in Spanish: A Corpus Analysis of Southwestern US Newspapers. Southwest Journal of Linguistics. 2011. No. 30 (1). P. 1 – 28.
4. Jake J.L., Myers-Scotton C., Gross S. Making a Minimalist Approach to Codeswitching Work: Adding the Matrix Language. Bilingualism: Language and Cognition. 2002. No. 5 (1). P. 69 – 91.
5. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
6. Lynch A. Heritage language socialization at work: Spanish in Miami. Journal of World Languages. 2023. No. 9 (1). P. 111 – 132.

7. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.

8. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. Linguistics. 1980. No. 18 (7/8). P. 581 – 618.

9. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains. International Journal of Bilingualism. 2025. No. 29 (1). P. 269 – 291.

10. Ruba S., Prabhu S., Samayan K. Types of Code-switching among Young Adults with Bilingualism. Rupkatha Journal. 2023. No. 15 (3). P. 1 – 10.

11. Wei L., García O. Not a First Language but one Repertoire: Translanguaging as a Decolonizing Project. Applied Linguistics. 2022. No. 44 (3). P. 519 – 537.

12. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.

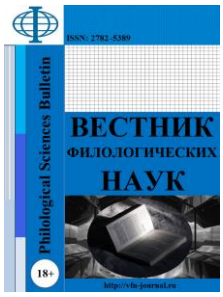
13. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.

14. Zhu Hua, Li Wei. Translanguaging in performance or performance in translanguaging. Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. No. 47 (3). P. 1323 – 1336.

Информация об авторах

Семенова М.Ю., *кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, msemenova@donstu.ru*

© Семенова М.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’373:811.133.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-97-101

[1] Усмонова М.Н.

[1] Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова

Сравнительный анализ тематических групп формул таджикского и английского этикета

Аннотация: *в статье проводится сравнительный анализ тематических групп «формулы этикета» таджикского и английского языков. Цель статьи – систематическое исследование формулировок этикета в сравниваемых языках по темам, таких как: приветствия, обращения, извинения, просьбы и выражения благодарности, с выявлением сходств и различий в их структуре и семантике. Отмечается, что материалом для исследования послужили лексикографические источники (двуязычные и пояснительные словари), а также примеры из художественной литературы и современной разговорной речи носителей таджикского и английского языков. Кроме того, эффективность общения между представителями разных языковых культур напрямую зависит от понимания и правильного использования формулировок этикета. Наиболее радикальные различия наблюдались в системах обращения и выражениях благодарности, в то время как формальные приветствия показали наибольшее совпадение. Результаты подтверждают, что таджикский этикет функционирует в рамках позитивно-вежливой и иерархической модели, тогда как английский следует негативно-вежливой и эгалитарной модели. Таким образом, полученные результаты имеют непосредственное практическое значение для перевода и межкультурной коммуникации, подчеркивая необходимость прагматической и культурной адаптации, а не простого замещения слов.*

Ключевые слова: *речевой этикет, таджикский и английский языки, сравнительный анализ, межкультурная коммуникация, вежливость, приветствия, формы обращения, извинения, просьбы, благодарность*

Для цитирования: Усмонова М.Н. Сравнительный анализ тематических групп формул таджикского и английского этикета // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 97 – 101. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-97-101

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Usmonova M.N.

[1] Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov

Comparative analysis of thematic groups of Tajik and English etiquette formulas

Abstract: *the article examines the comparative analysis of thematic groups Tajik and English etiquette formulas. The purpose of the article is to dwell on the systematic research of etiquette formulas in the compared languges thematically, such as: greetings, addresses, apologies, requests, and expressions of gratitude, identifying similarities and differences in their structure and semantics. It is noted that the material for the study was lexicographic sources (bilingual and explanatory dictionaries), as well as examples from fiction and modern colloquial speech of native speakers of Tajik and English. In addition, the effectiveness of communication between representatives of different linguistic cultures directly depends on the understanding and correct use of etiquette formulas. The most radical differences were observed in address systems and expressions of gratitude, while formal greetings showed the most overlap. The findings confirm that Tajik etiquette operates within a positive-politeness and hierarchical*

model, whereas English follows a negative-politeness and egalitarian model. Thus, the results have direct practical implications for translation and intercultural communication, emphasizing the necessity of pragmatic and cultural adaptation rather than mere lexical substitution.

Keywords: *speech etiquette, Tajik and English languages, comparative analysis, intercultural communication, politeness, greetings, address forms, apologies, requests, gratitude*

For citation: Usmonova M.N. Comparative analysis of thematic groups of Tajik and English etiquette formulas. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 97 – 101. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-97-101

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В условиях глобализации и расширения международных контактов вопросы межкультурной коммуникации заслуживают все большее значение. Речевой этикет, важнейший компонент национальной культуры, раскрывает специфическое мировоззрение, социальную иерархию и систему ценностей того или иного народа.

Сравниваемые языки, принадлежащие к разным языковым семьям и представляющие различные культурные парадигмы, показывают значительные различия в своих системах речевого этикета [2]. В то время как английская языковая культура тяготеет к индивидуализму, прямой коммуникации и относительной неформальности, таджикская культура характеризуется высокой степенью формальности, коллективизмом, уважением к старшим и сложной системой выражений уважения [3].

Теоретические основы рассматриваемой темы базируются на работах в области межкультурной прагматики, культурной лингвистики и теории речевого этикета. Ключевые понятия включают «речевой этикет» как систему национальных стереотипных коммуникативных формул [7], «категорию вежливости» как прагмалингвистическое явление, а также понятия «лица» и стратегии вежливости, разработанные П. Брауном и С. Левинсоном [4]. Важной теоретической позицией является понимание того, что культурные ценности общества, такие как дистанция власти и индивидуализм против коллективизма, напрямую проецируются на языковые средства выражения вежливости [1]. Таджикская лингвокультура, находящаяся под влиянием исламских традиций и персидской литературной традиции, характеризуется такими категориями, как «таароф» – сложный ритуал вежливых уклонений и преуменьшений, подчеркивающий также уважение к старшим [5, 6]. Английская культура, напротив, в большей степени ориентирована на эгалитарность и «негативную вежливость», связанную с ненавязыванием и предоставлением собеседнику свободы действий [8-10].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили лексикографические источники (двуязычные и толковые словари), а также примеры из художественной литературы и современной разговорной речи носителей таджикского и английского языков. Для анализа были отобраны этикетные формулы, относящиеся к пяти основным тематическим группам: приветствия, обращения, извинения, просьбы и благодарности.

В работе использовались следующие методы:

1. Сопоставительный метод – как основной, позволяющий выявить сходства и различия в этикетных системах двух языков.
2. Описательный метод – для систематизации и классификации собранного материала.
3. Семантический анализ – для определения значений и коннотаций этикетных формул.
4. Прагматический анализ – для изучения условий употребления тех или иных формул в зависимости от коммуникативной ситуации.
5. Метод сплошной выборки – для сбора фактического материала из словарей и литературных источников.

Результаты и обсуждения

Проведение сравнительного анализа правил этикета на таджикском и английском языках в пяти тематических группах выявило как глубокие универсальные закономерности, связанные с основными потребностями социального взаимодействия, так и фундаментальные различия, коренящиеся в различных культурных кодах, системах ценностей и социальных структурах. Главным дифференцирующим фактором, проходящим через все группы, является противопоставление «культуры дистанции власти» (таджикская) «эгалитарной культуре» (англо-американская), а также контраст между коллективистским и индивидуалистическим типами культуры согласно Г. Хофстеде [6]. В таджикском языке исследуемая тема выполняет не

только фатическую, но и стратифицирующую функцию, обозначая социальную иерархию, тогда как в английском языке она в первую очередь служит функции поддержания комфортной психологической среды и предотвращения нарушения личных границ.

1. Тематическая группа «приветствия»

В английском языке репертуар приветствий невелик и различается по шкале формальности/неформальности. Формальные приветствия представлены формулами «Good morning/afternoon/evening», а устаревшие – «How do you do?». Неформальный спектр включает «Hello», «Hi», «Hey» и разговорные варианты, такие как «What's up?» или «How's it going?», которые, будучи вопросительными по форме, на прагматическом уровне носят чисто ритуальный характер и не подразумевают подробного ответа о текущем положении дел [4]. Соответствующее явление иллюстрирует англо-американское понятие «негативной вежливости», ориентированной на ненавязчивость и предоставление собеседнику свободы не вдаваться в личные обстоятельства.

В таджикском языке система приветствий отличается гораздо большей вариативностью и смысловой нагрузкой. Исламское приветствие «Ассалуму алейкум» и ответ «Ва алейкум ассалом» являются доминирующими, служащими универсальным этикетным маркером, используемым как в формальной, так и в неформальной обстановке. Помимо временных приветствий (субҳ ба хайр, рӯз ба хайр, шом ба хайр), важнейшей особенностью является обязательный этикетный мини-диалог, следующий за основным приветствием. Он включает вопросы о здоровье собеседника, его семье, детях, работе и общих делах: «Шумо чӣ хелед?», «Ту чӣ хелӣ?», «Аҳвол чӣ тавр?», «Хонавода чӣ хел?», «Корҳо чӣ гуна?». Это многоэтапное приветствие, требующее подробных ответов, отражает коллективистскую культуру, где благополучие другого человека является предметом искренней заботы, а не просто ритуалом [1].

2. Тематическая группа «обращения»

Данная группа является самой яркой демонстрацией культурного разлома между анализируемыми лингвокультурами. Английская система обращений строится на принципе минимизации социальной дистанции и редукции статусных маркеров. Основные формы включают: 1) обращение по имени (включая обращение к старшим и руководителям в большинстве корпоративных культур, если это не оговорено особо); 2) титулы + фамилия (Mr. Smith, Dr. Jones, Professor Brown) в официальных ситуациях; 3) формальные безличные обращения (Sir, Madam, Ma’am) в сфере обслуживания и официальных письмах [4]. Характерно, что в современном английском языке употребление титулов имеет тенденцию к сокращению, а обращение по имени становится нормой даже в ситуациях асимметричного статуса (учитель-ученик в старших классах, начальник-подчиненный в стартап-культуре). Это коррелирует с низким показателем «дистанции власти» по Хофстеде [6] для англоязычных стран.

В таджикском языке система обращения, напротив, сложна, многоуровнева и строго стратифицирована. Ее ключевой особенностью считается широкое использование терминов родства для обращения к неродственникам, что составляет механизм «фиктивного родства». Обращение к незнакомцу без одного из этих маркеров (просто по имени или с местоимением «шумо») воспринимается как невежливое, фамильярное или даже оскорбительное, особенно если человек старше [3].

Потому что в таджикской культуре уважение к личности неразрывно связано с выражением этого уважения в каждом поступке обращения.

Ключевой прагматической единицей здесь является использование частицы вежливости «марҳамат», которая добавляется к глаголам движения или действия при приглашении или обращении: «Марҳамат, нишинед», «Марҳамат, фармоед». Соответствующая частица не имеет прямого эквивалента в английском языке с точки зрения частоты и диапазона использования и является частью ядра таджикского этикета.

3. Тематическая группа «извинения»

В англоязычной прагматике извинения трактуются в первую очередь как инструмент восстановления гармонии после реального или потенциального нарушения личных границ («негативная вежливость»). Английские извинения отличаются высокой частотностью, они употребляются даже в ситуациях, где вина говорящего минимальна или отсутствует (например, «Excuse me» при желании пройти или прервать собеседника, «Sorry?» – переспрос). Шкала формальности включает: «Sorry» (стандартное), «I’m so/very sorry» (усиленное), «I apologize» (официальное), «Please forgive me» (эмоционально окрашенное) [4].

В таджикском языке система извинений, хотя и выполняет схожую функцию, имеет более выраженную эмоциональную и статусную составляющую. Основные формулы: «Бубахшед» (уважительное), «Бахшем» (неформальное), «Манзарат мехохам» (книжное и формальное), «Хато кардам» и «Гунаҳкор ҳастам» (с сильным моральным подтекстом). Важнейшим культурным аспектом является то, что в таджикском традиционном обществе извинение от младшего к старшему должно быть не только вербально выраженным,

но и сопровождаться определенным невербальным ритуалом (опущенная голова, рука на груди, иногда – попытка поцеловать руку старшего, что в английской культуре абсолютно исключено).

4. Тематическая группа «просьбы»

В английском языке высоко развита система косвенных речевых актов для выражения просьб, что считается классическим проявлением стратегий «негативной вежливости» [4]. Прямая повелительная форма («Give me that») используется исключительно в кругу близких друзей или в ситуациях крайней необходимости. Вместо этого используются вопросительные конструкции с модальными глаголами («Could you...?», «Would you mind...?», «Can you...?»), оговорки («I was wondering if you could...», «I don't suppose you could...») и явные маркеры сомнения («Would it be possible...?», «If it's not too much trouble...»). Чем выше степень вежливости, тем более сложной и грамматически «дистанцированной» становится конструкция, что создает дополнительный семантический барьер между интенцией и прямым значением слов.

В таджикском языке запросы также имеют тенденцию быть смягченными, но лексика используется другая. Прямое повелительное наклонение без смягчения («Ҳозир кун») также ограничено, но в систему смягчения входят:

Вопросительная конструкция с частицей «оё» или просто восходящим тоном: «Оё шумо метавонед ба ман ёрӣ диҳед?»;

Модальное сочетание «мешавад» с инфинитивом: «Мешавад ин китобро ба ман диҳед?»;

Обязательная формула вежливости «марҳамат» или «илтимос» (просьба): «Илтимос, ба ман кумак кунед»;

Ключевой национально-специфической стратегией «тааруф» является ритуальное занижение своих достоинств и потребностей, чтобы не «отягощать» собеседника: «Ман хеле шарм мебарам, аммо...», «Гӯё ба хотири ман ин корро кунед» [5]. Соответствующий механизм чрезвычайно сложен для перевода и понимания носителем английского языка, поскольку требует от получателя не только услышать просьбу, но и правильно оценить степень ее истинной срочности, которая часто скрывается за преувеличенной скромностью.

5. Тематическая группа «благодарности»

Стоит отметить, что в английском языке выражение благодарности – это в значительной степени автоматизированный и стандартизированный ритуал. Доминирующая формула «Thank you» и её сокращённая версия «Thanks» используются в огромном количестве ситуаций – от получения значительной услуги до дарения простого предмета. Степень выражения выражается с помощью усилителей: «Thank you very much», «Thanks a lot», «Many thanks», «I'm so grateful», «I deeply appreciate it». Отказ выразить адекватную благодарность или её формальная недостаточность могут восприниматься как неблагодарность; однако в целом акт благодарности в английском языке прагматически «прозрачен» и не требует длинных объяснений.

В таджикском языке выражения благодарности показывают гораздо более глубокую семантическую структуру, связанную с духовным и социальным измерениями полученной помощи. Базовая формула – «Ташаккур», а также «Раҳмат» и его производные: «Раҳмат ба шумо». Однако, в отличие от английского языка, в таджикском этикете речи принято «преувеличивать» благодарность, особенно по отношению к старшим или тем, кто оказал значительную помощь. Приводятся расширенные формулировки: «Худо ба шумо саломатӣ диҳад», «Худо ба шумо аҷру музд диҳад». В ответ на благодарность в английском языке стандартным упрощенным ответом является «You’re welcome» или «Not at all». В таджикском языке ритуальный ответ звучит как «Марҳамат кунед», «Шарм мебарам» или «Хеч гап не», и этот обмен может повторяться многократно в рамках «тааруф», что принципиально отличает этот диалог от англоязычного алгоритма, где обмен благодарностью происходит, как правило, в одном или двух замечаниях [9, 10].

Выводы

Таким образом, результаты проведенного сравнительного анализа всех пяти групп свидетельствуют, что таджикские правила этикета осуществятся в рамках позитивно-политической и иерархической модели, где вежливость достигается за счет акцента на общности, инклюзивности и уважении к статусу. Английские же правила ориентированы на негативно-политическую и эгалитарную модель, где приоритет отдается ненавязчивости и индивидуальной автономии. Различия наиболее ярко выражены в формах обращения и благодарности, где культурные коды практически не пересекаются, и наиболее сглажены в формальных приветствиях, выполняющих чисто фатическую функцию. Результаты исследования имеют непосредственное практическое значение: при переводе правил этикета с английского на таджикский язык необходима не только лексическая замена, но и глубокая прагматическая и культурная адаптация, включая введение дополнительных маркеров этикета, тогда как при переводе на английский язык требуется сокращение этих элементов, чтобы избежать эффекта чрезмерного пафоса или неестественной формальности.

Список источников

1. Усмонова М.Н. К вопросу о вербальных и невербальных проявлениях нормативного поведения в разных лингвокультурах средствами таджикского и английского речевого этикета // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 7 (67). DOI: 10.60797/RULB.2025.67.8.
2. Усмонова М.Н. Сравнительный анализ параметров моделирования ситуации общения таджикского и английского речевого этикета // Начала Русского мира. 2025. № 4. С. 52 – 59.
3. Мухитдинова М.А. Грамматические средства выражения вежливости в английском и таджикском языках // Молодежная наука: вызовы и перспективы. 2019. С. 137 – 140.
4. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
5. Beeman W.O. Language, Status, and Power in Iran. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 255 p.
6. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. 596 p.
7. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 12. No. 4. P. 403 – 426.
8. Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 204 p.
9. Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. 1008 p.
10. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2010. 352 p.

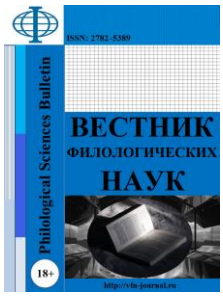
References

1. Usmonova M.N. On the issue of verbal and nonverbal manifestations of normative behavior in different linguocultures through Tajik and English speech etiquette. Russian Linguistic Bulletin. 2025. No. 7 (67). DOI: 10.60797/RULB.2025.67.8.
2. Usmonova M.N. Comparative analysis of communication situation modeling parameters in Tajik and English speech etiquette. The Beginnings of the Russian World. 2025. No. 4. P. 52 – 59.
3. Mukhitdinova M.A. Grammatical means of expressing politeness in English and Tajik. Youth Science: Challenges and Prospects. 2019. P. 137 – 140.
4. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
5. Beeman W.O. Language, Status, and Power in Iran. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 255 p.
6. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. 596 p.
7. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 12. No. 4. P. 403 – 426.
8. Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 204 p.
9. Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. 1008 p.
10. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2010. 352 p.

Информация об авторах

Усмонова М.Н., *кандидат филологичесих наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова», Республика Таджикистан, г. Худжан*

© Усмонова М.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-102-106

[1] Хакимова И.Ф.

[1] Набережночелнинский государственный педагогический университет

Имена собственные в процессе контаминации в английском языке

Аннотация: *имена собственные являются плодотворной базой для порождения новых лексических единиц в английском языке. Они обогащают словарный фонд на основе суффиксации, конверсии, а также и контаминации. В данной статье материалом для исследования послужили лексические единицы, образованные от имен собственных в процессе контаминации. Данный пласт лексики отличается маргинальностью. Лингвистический анализ антропооснов английского языка выявляет их сложный семантический потенциал. Этот потенциал является многоаспектным, поскольку он не только определяет структурные особенности деривации, но и несет в себе культурную нагрузку. Изучение этого явления позволяет раскрыть особенности механизмов языковой номинации и глубже понять динамику семантических сдвигов в лексических единицах, которые в большей степени представлены именами существительными и прилагательными. Методами исследования послужили: анализ, синтез, дедукция, индукция, метод дефиниционного и компонентного анализов, метод сплошной выборки. Литературные, исторические имена, имена правителей, имена медийных людей, основателей компании образовали большой пласт лексики в английском языке посредством контаминации. Следующие модели представляются наиболее продуктивными в порождении данных лексических единиц: Имя собственное / Фамилия + Имя собственное / Фамилия / Имя существительное + суффикс. Отантропонимическая лексика, образованная посредством контаминации, служит определенным ключом к пониманию истории конкретного народа, культуры и мировой истории в целом.*

Ключевые слова: *имя собственное, контаминация, отантропонимическая лексика, дериваты, деривация, английский язык*

Для цитирования: Хакимова И.Ф. Имена собственные в процессе контаминации в английском языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 102 – 106. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-102-106

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Khakimova I.F.

[1] Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

Proper names in the process of contamination in English

Abstract: *proper names are a fruitful basis for the generation of new lexical units in English. They enrich the vocabulary through suffixation, conversion, and contamination. This article focuses on lexical units derived from proper names through contamination. This layer of vocabulary is characterized by its marginal nature. A linguistic analysis of the anthroponyms of the English language reveals their complex semantic potential. This potential is multifaceted, as it not only determines the structural features of derivation, but also carries a cultural load. To reveal the features of the mechanisms of linguistic nomination and to gain a deeper understanding of the dynamics of semantic shifts in lexical units, which are mostly represented by nouns and adjectives. The research methods used*

were analysis, synthesis, deduction, induction, the method of definitional and component analysis, and the method of continuous sampling. Literary, historical names, names of rulers, names of media personalities, and names of company founders have formed a large layer of vocabulary in English through contamination. The following models appear to be the most productive in the generation of these lexical units: Proper Name / Surname + Proper Name / Surname / Noun + Suffix. Otantroponimic vocabulary formed through contamination serves as a certain key to understanding the history of a particular nation, culture, and world history in general.

Keywords: *proper name, contamination, otantroponymic vocabulary, derivatives, derivation, the English language*

For citation: Khakimova I.F. Proper names in the process of contamination in English. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 102 – 106. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-102-106

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Имена собственные являются плодотворной базой для порождения новых лексических единиц в английском языке. Они обогащают словарный фонд на основе суффиксации, конверсии, а также и контаминации.

Немецкий лингвист Герман Пауль один из первых предложил понятие «контаминация» в XIX в. Контаминация – «объединение в сознании человека двух синонимичных слов или выражений, в результате чего возникает третье слово, фонетически и/или графически напоминающее слова-источники» [10].

Существует несколько терминов в лексикологии английского языка, представляющих данное явление, например, blending [4], portmanteau [9], word fusion [3].

Вопросом контаминации на основе имён собственных (антропонимов) в лингвистике занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. В современной отечественной литературе эта тема рассматривается в контексте словообразовательных процессов, стилистики и прагматики. Например, в статье Ю.В. Парамоновой представлен анализ словообразований, полученных путём слияния фамильных имён граждан Великобритании и США при бракосочетании. В работе подробно описаны социально-психологические причины этой тенденции, а также юридическая практика закрепления таких имён (например, через UK Deed Poll Service). Создание имён путём контаминации рассматривается как растущая тенденция, отражающая стремление к равноправию и уникальности [5].

В более широком лингвистическом контексте контаминация как основной способ словотворчества и её разновидности исследуются на материале интернет-коммуникации и неформальной речи. Отмечается, что такое словосоздание часто носит игровой, экспрессивно-оценочный характер. Контаминация лежит в основе таких приёмов, как каламбур, аллюзия, переразложение устойчивого словосочетания, а также может выполнять функции эвфемизации или дисфемизации речи [4].

Актуальность темы заключается в потенциале имен собственных играть большую роль в языке, культуре, межкультурной коммуникации и в недостаточной изученности проблемы взаимодействия имен собственных в процессе контаминации в английском языке. Контаминация на базе имен собственных приводит не только к появлению новых лексических единиц, но и к трансформации культурного и семантического содержания языковых единиц.

Цель работы заключается в анализе отантропонимической лексике, образованной путем слияния антропонимов и в выявлении их функций.

Задачи, выдвигаемые в данном исследовании: выявить лексические единицы, образованные путем контаминации на основе имен собственных, раскрыть их значение, определить функции.

Результаты исследования имеют практическую ценность для обучающихся, интересующихся лексикологией, ономастикой, словообразованием.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступают имена существительные, образованные от имен собственных в английском языке посредством контаминации. Такие методы исследования, как анализ, синтез, индукция, дедукция, метод сплошной выборки, методы дефиниционного и компонентного анализов привели к достоверным результатам исследования.

Результаты и обсуждения

Контаминация – это языковое явление, когда в речи или письме смешиваются два разных слова, фразы или структуры, часто приводя к образованию неологизмов или ошибочных выражений. Данное явление

довольно часто встречаются в английском языке и особенно интересно рассматривать их с участием собственных имён.

Этот механизм является продуктивным в английском языке, особенно в условиях цифровой трансформации и развития новых сфер деятельности [7].

Н.Д. Арутюнова подчеркивает в своей работе, что имена собственные представляют собой «монофункциональные знаки, обладающие свойством уникальной референции. Имя собственное подобно дейктическим словам, обладает редуцированной семантической структурой и не передает какую-либо объективную информацию» [1, с. 99].

Представлены своеобразные единицы, которые выражены личными именами (антропонимами) образуют собой сему «пара» по модели Имя собственное + имя собственное: Bennifer – контаминация имён Бена Аффлека (Ben Affleck) и Дженнифер Лопес (Jennifer Lopez); Brangelina – контаминация имён актёров Брэда Питта (Brad Pitt) и Анджелины Джоли (Angelina Jolie); Kimye – контаминация имён Ким Кардашьян (Kim Kardashian) и Канье Уэста (Kanye West). TomKat – контаминация имён Тома Круза (Tom Cruise) и Кэти Холмс (Katie Holmes). Speidi – контаминация имён Спенсера Пратта (Spencer Pratt) и Хайди Монтэг (Heidi Montag); Billary (политический сленг) – Bill (Клинтон) + Hillary (Клинтон), используется для обозначения их политического тандема.

Также яркие примеры по данной модели представлены следующими сращениями:

Olouise – слияние имён Olive и Louise; Rosella – результат соединения Rose и Bella; Armina – образовано от Ardelia и Wilhemina.

Данные единицы нейтральны, но представляют собой уникальность для номинации для обозначения конкретных пар или политических союзов.

Контаминация может быть представлена разными моделями. Часто встречающаяся модель представлена Именем собственным /Фамилией + Именем существительным: например, Callanetics – калланетика (по имени создательницы комплекса упражнений Каллан Пикни и имени существительного athletics); Camillagate – скандал, связанный с Камиллой Боулз + Имя существительное Gate (производное по типу политического скандала Watergate); Obamania – обамомания (от фамилии политического деятеля Obama + имени существительного mania).

Особый интерес представляет имя существительное sardoodledom – надуманность и мелодраматичность сюжета, чрезмерная театрализованность. Данная лексическая единица представлена ирландским романистом и драматургом Б. Шоу путём контаминации фамилии французского драматурга В. Сарду и имени существительного doodle – бессмысленный рисунок, закорючка + суффикса – dom. Также своеобразна контаминация Obamaissistic (Obama + narcissist + -ic) – самолюбование, фанатичная самовлюблённость [6, 8]. Стоит отметить, что компонент narcissist является именем нарицательным, которое произошло от имени мифологического героя.

Следует отметить и термин Merkozy, обозначающий союз и тесное сотрудничество между канцлером Германии Ангелой Меркель и президентом Франции Николя Саркози. Это слово было образовано в 2011 году из их фамилий и использовалось для описания их совместных усилий в решении вопросов, связанных с европейским долговым кризисом.

Данный способ словообразования может участвовать и в образовании имен прилагательных, например, Jacobethan – яковетинский, сочетающий черты стилей эпохи Якова I и Елизаветы I (результат контаминации); Obamaious (Obama + malice + -ious) – лицемерный. Здесь стоит отметить некий подхват, не позволяющий точно определить, какое из слов подверглось сокращению, так как оба слова на стыке содержат слог ma. Данная номинация имеет отрицательную коннотацию, так как malicious означает преднамеренно наносящий вред, а в сочетании с именем Обамы, обещающим различные блага, это не что иное, как лицемерие [11].

Также контаминация участвует для создания уникального и запоминающегося названия определенного бренда, например, Adidas – от Adi Dassler – имя основателя фирмы по модели Имя собственное + Фамилия; Eduscho – от Edward Schopf – маленькие кофейни, названы по имени владельца. Модель «Имя собственное + Фамилия» или «Части имени» позволяет напрямую связать бренд с личностью основателя.

С помощью данного способа словообразования:

– образуются уникальные номинации для обозначения конкретных пар или политических союзов, новые слова для обозначения новых явлений, пар, брендов или концепций в условиях цифровой трансформации и развития новых сфер деятельности;

– можно выразить отношения к объекту;

– речь становится более динамичной;

– создаются уникальные и запоминающиеся названия компаний и продуктов;

– можно продемонстрировать языковую игру, креативность автора или говорящего.

Выводы

Таким образом, антропонимы продолжают вызывать неизменный интерес у исследователей, поскольку они формируют выразительный базовый слой языкового фона. Анализ семантического потенциала антропооснов английского языка позволяет по-новому взглянуть на язык как на динамичную систему, неразрывно связанную с культурой и человеческим опытом. Эта многогранная область, объединяющая грамматические, лексические и социальные аспекты, заслуживает дальнейшего комплексного изучения для более глубокого понимания языковой динамики и культурной идентичности.

Имена собственные в процессе контаминации в английском языке отличается высокой актуальностью как в теоретическом, так и в прикладном аспектах благодаря возросшей языковой динамичности, социальной востребованности и межкультурному диалогу современного общества.

Именно в антропоосновах кроется ключ к пониманию механизмов развития языка и его культурной адаптации, так как они служат базой для образования вторичных номинаций на основе контаминации.

Создание новых единиц на основе контаминации с уникальным значением – это прямое доказательство того, что язык представляет собой гибкую и постоянно развивающуюся систему.

Семантический потенциал антропооснов важен для лингвистического анализа, так как он раскрывает как словообразовательные модели, так и культурные смыслы, позволяя понять механизмы крнтаминации и лексическую динамику.

Многие контаминированные слова несут в себе дополнительную коннотацию – положительную, отрицательную или ироничную. Они не просто называют объект, но и выражают отношение к нему. Контаминация в сочетании с антропонимами позволяет создавать новые лексические единицы разных частей речи, расширяя словарный состав языка и придавая словам экспрессию или новый смысл.

Таким образом, функции лексических единиц, образованных путем контаминации, включают в себя номинативную (назывную), экспрессивно-оценочную, функцию экономии речевых усилий, а также коммерческую и стилистическую функции.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. Гатауллин Р.Г. Имена собственные в процессе контаминации // Вестник Башкирского Университета. 2022. С. 722 – 729.

3. Крупнова Н.А., Баронова Е.В. К вопросу об особенностях сращения как способа образования композит в составе глагольных гнезд // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2016. С. 108.

4. Липилина Л.А. Лексические слияния в английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. 2006. С. 87 – 92.

5. Парамонова Ю.В. Контаминация на основе антропонимов: современные тенденции // Язык, культура, речевое общение: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха, 27-28 ноября 2014 г. С. 136 – 142.

6. Рубцова С.Ю. Производные субстантивные прецедентные единицы с антропонимами и топонимами в английском языке структурно-ономасиологические модели // Приволжский научный вестник. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodnye-substantivnye-pretsedentnye-edinitsy-s-antroponimami-i-toponimami-v-angliyskom-yazyke-strukturno-onomasiologicheskie/viewer.

7. Табуева И.Н., Фроловичев Я.П. Контаминация как продуктивный словообразовательный механизм в английской ИТ- лексике: структурный и семантический анализ на материале неологизмов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2026. № 06 (119). Режим доступа: https://scipress.ru/pedagogy/articles/kontaminatsiya-kak-produktivnyj-slovoobrazovatelnyj-mekhanizm-v-anglijskoj-it-leksike-strukturnyj-i-semanticheskij-analiz-na-materiale-neologizmov.html.

8. Хакимова И.Ф. Особенности отантропонимических прилагательных в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 163 – 165.

9. Lee S. Portmanteau in modern Linguistic. 2025. URL: https://www.numberanalytics.com/blog/portmanteau-in-modern-linguistics.

10. Paul Hermann. Prinzipien der Sprachgeschichte. Indogermanische Forschungen. Bd.78. Tübingen: Niemeyer De Gruyter, 1995. P. 428.

11. Shustova I.N. Connotative peculiarities of adjectives, derived from American political anthroponyms // International Research Journal. 2016. №7 (49). P. 122 – 124.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the Human World. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. 896 p.

2. Gataullin R.G. Proper Names in the Process of Contamination. Bulletin of Bashkir University. 2022. P. 722 – 729.

3. Krupnova N.A., Baronova E.V. On the Features of Coalescence as a Method of Compound Formation within Verbal Word Families. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Tambov. 2016. 108 p.

4. Lipilina L.A. Lexical Blends in the English Language. Bulletin of I. Kant Russian State University. Philological Sciences. 2006. P. 87 – 92.

5. Paramonova Yu.V. Contamination Based on Anthroponyms: Modern Trends. Language, Culture, Speech Communication: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Professor Mark Yakovlevich Blokh. November 27-28, 2014. P. 136 – 142.

6. Rubtsova S.Yu. Derived Substantive Precedent Units Containing Anthroponyms and Toponyms in English: Structural-Onomasiological Models. Privolzhsky Scientific Bulletin. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proizvodnye-substantivnye-pretsedentnye-edinitsy-s-antroponimami-i-toponimami-v-angliyskom-yazyke-strukturno-onomasiologicheskie/viewer.

7. Tabueva I.N., Frolovichev Ya.P. Contamination as a productive word-formation mechanism in English IT vocabulary: structural and semantic analysis based on neologisms. World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal. 2026. No. 06 (119). Access mode: https://scipress.ru/pedagogy/articles/kontaminatsiya-kak-produktivnyj-slovoobrazovatelnyj-mekhanizm-v-anglijskoj-it-leksike-strukturnyj-i-semanticheskij-analiz-na-materiale-neologizmov.html.

8. Khakimova I.F. Characteristics of anthroponym-derived adjectives in the English language. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Tambov: Gramota. 2017. No. 11 (77). Part 2. P. 163 – 165.

9. Lee S. Portmanteau in modern Linguistics. 2025. URL: https://www.numberanalytics.com/blog/portmanteau-in-modern-linguistics.

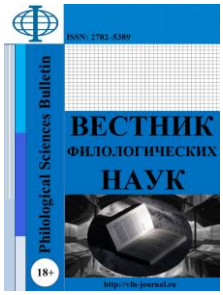
10. Paul, Hermann. Prinzipien der Sprachgeschichte. Indogermanische Forschungen. Vol. 78. Tübingen: Niemeyer De Gruyter, 1995. 428 p.

11. Shustova I.N. Connotative peculiarities of adjectives derived from American political anthroponyms. International Research Journal. 2016. No. 7 (49). P. 122 – 124.

Информация об авторах

Хакимова И.Ф., *кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германских языков и методик их преподавания, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», ilnara7gab@mail.ru*

© Хакимова И.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.19
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-107-112

[1] Клиценко М.В., [1] Хованова Е.В.

[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Восприятие виртуальных и реальных ведущих новостей студенческой аудиторией: оценка методом семантического дифференциала

Аннотация: *в работе представлены результаты исследования методом семантического дифференциала, проведенного в мае 2026 года в РЭУ им. Г.В. Плеханова (N=50) по восприятию реальных и виртуальных ведущих. Студенты просматривали видеофрагменты со схожей тематикой и оценивали образы ведущих по 12 цифровым градуированным шкалам, сгруппированным по четырем факторам. Показано, что студенты демонстрируют выраженное предпочтение традиционным ведущим по всем факторам: «оценка», «активность», «эмоциональная выразительность», «интеллект». Ключевыми барьерами для принятия виртуального ведущего выступают «безжизненность» и «монотонность». Цифровые аватары воспринимаются как искусственные, лишенные внутренней наполненности субъекты. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании виртуальных ведущих для минимизации негативного восприятия и повышения уровня доверия со стороны молодых потребителей медиаконтента.*

Ключевые слова: *восприятие ведущих новостей, виртуальные ведущие, цифровые аватары, семантический дифференциал, новостной контент, студенческая аудитория*

Для цитирования: Клиценко М.В., Хованова Е.В. Восприятие виртуальных и реальных ведущих новостей студенческой аудиторией: оценка методом семантического дифференциала // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 107 – 112. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-107-112

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Klitsenko M.V., [1] Khovanova E.V.

[1] Plekhanov Russian University of Economics

Perception of virtual and real TV presenters by student audience: semantic differential method assessment

Abstract: *the paper presents the results of the semantic differential study conducted in May 2026 at the Plekhanov Russian University of Economics (N=50) on the perception of real and virtual TV presenters. Students viewed video fragments with similar themes and evaluated the hosts' images using 12 digital graded scales grouped into four factors. The study showed that students expressed clear preference for traditional TV presenters across all factors: "evaluation," "activity," "emotional expressiveness," and "intelligence." The key barriers to the acceptance of virtual TV presenters are "lack of life" and "monotony." Digital avatars are perceived as artificial and devoid of inner content. The results obtained can be used to improve virtual TV presenters in order to minimize negative perceptions and increase the level of trust among young media consumers.*

Keywords: *perception of TV presenters, virtual TV presenters, digital avatars, semantic differential scale, news content, student audience*

For citation: Klitsenko M.V., Khovanova E.V. Perception of virtual and real TV presenters by student audience: semantic differential method assessment. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 107 – 112. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-107-112

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В условиях стремительной цифровизации и внедрения нейросетевых инструментов происходит радикальная трансформация медиасреды. Применение алгоритмов искусственного интеллекта меняет медиарынок и подходы к созданию контента на всех этапах: от подготовки материала до его распространения, от автоматической обработки данных до генерации полноценных виртуальных субъектов коммуникации [5, 6].

Бодрунова С.С. и Нигматуллина К.Р. выделяют три контура использования искусственного интеллекта в медиасфере. Первый связан с изменением практики и качества подготовки контента на уровне редакций и отдельных журналистов, второй с расширением социальной коммуникации и усложнением индивидуальных паттернов медиапотребления, третий с развитием новых методов медиаисследований [2, с. 4-6]. Происходящие изменения становятся предметом научного осмысления отечественных и зарубежных исследователей, фокусирующихся на возможностях и ограничениях применения ИИ в медиасфере, возникающих угрозах и рисках, анализе конкретных медиапроектов [3, 8, 11, 12].

Отдельного внимания в рамках исследуемой темы заслуживает изучение виртуальных ведущих, способных имитировать естественную речь, жесты и микромимику человека [9, с. 113]. Под виртуальными ведущими в данной работе мы понимаем субъектов коммуникации, разработанных с помощью искусственного интеллекта для ведения новостных программ. Мы разделяем позицию Соколовой Л.Н. и Ткачева В.А., рассматривающих понятия «нейроведущие», «ИИ-ведущие», «цифровые ведущие», «виртуальные ведущие» как синонимичные [8, с. 32]. Виртуальные ведущие получили широкое распространение благодаря наличию неоспоримых преимуществ: уникальность, широта контекстов, снижение расходов. Можно выделить ряд недостатков: неоднозначные оценки со стороны аудитории, технические сложности, этические риски [10, с. 114].

В работе Сюй Чао, посвященной анализу AI-ведущих в китайских синтетических медиа, выделены четыре ключевых этапа их развития: первое появление (2018-2019 гг.), модернизация и распространение реалистичных субъектов (2020-2021 гг.), применение технологий цифрового человека (2022-2023 гг.), превращение виртуальных ведущих в систему полного цикла производства новостей (с 2024 г. по настоящее время). Таким образом, автор подчеркивает переход от описания базовых моделей нейросетевых персонажей к их анализу как полноценных субъектов цифровой коммуникации [9, с. 113].

Анализ литературы позволяет классифицировать виртуальных ведущих по нескольким основаниям. Во-первых, по технологическому происхождению подобных персонажей можно разделить на тиражированных на основе готовых генеративных моделей (например, HeyGen) или созданных под конкретные медиапроекты. Во-вторых, по визуальному воплощению цифровые ведущие могут быть реалистичными (антропоморфными) или мультипликационными, воплощающими уникальные образы. В-третьих, по функциональному назначению виртуальные ведущие могут освещать широкий спектр тем либо фокусироваться на узких новостных нишах (прогноз погоды, астрология, финансовая аналитика, спорт) [8, 12].

Несмотря на освещение отдельных аспектов функционирования виртуальных ведущих в российском и зарубежном медиапространстве, недостаточно изученным остается вопрос восприятия реальных и виртуальных субъектов коммуникации, что предопределяет актуальность представленной работы. Мы предлагаем рассмотреть данный вопрос на основе оценок студенческой аудитории, как самых активных потребителей инновационного медиаконтента.

Целью данной статьи является сравнительный анализ восприятия качеств виртуальных и реальных ведущих новостей студенческой аудиторией. Цель достигается путем последовательного решения следующих задач: 1. дать теоретическое обоснование изучения реальных и виртуальных персонажей в медиапространстве; 2. описать стимульный материал и шкалы для экспериментального исследования методом семантического дифференциала; 3. провести анкетирование студентов с целью оценки восприятия реальных и виртуальных ведущих новостей; 4. обозначить ключевые отличия по восприятию реальных и виртуальных ведущих новостей студенческой аудиторией.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено с помощью метода семантического дифференциала, который был разработан Ч. Осгудом и его коллегами для количественного измерения субъективных значений понятий. Рассматри-

ваемый метод используется на современном этапе для выявления различий в оценке двух или более понятий одним и тем же испытуемым или группой испытуемых в различных коммуникативных ситуациях, например, при выявлении различий в оценке социальной образовательной рекламы [1, 4, 7]. В основе восприятия говорящего лежит механизм синестезии, то есть возникновения межсенсорных ассоциаций, позволяющих реципиенту наделять медиаобраз личностными смыслами через систему биполярных шкал.

С целью изучения особенностей восприятия студенческой аудиторией качеств виртуальных и реальных ведущих новостей в мае 2026 года в РЭУ им. Г.В. Плеханова студентам института «Первая Академия медиа» (N=50) был предложен стимульный материал – два видеофрагмента со схожей тематикой (применение технологий в медицине) для минимизации влияния содержательного аспекта на оценку образа ведущего: 1. сюжет телеканала «Москва 24», где информацию представляют профессиональные дикторы (Станислав Кулик, Анастасия Тареева); 2. Материал проекта «Московская медицина», выпуск № 25 «Строим медицину будущего», где в роли ведущей выступает Ия – цифровой аватар московского здравоохранения, созданный на основе технологий ИИ.

Результаты и обсуждения

Студентам было предложено оценить реальных и виртуальных ведущих по 12 семибалльным альтернативным градуированным шкалам, сгруппированным по 4 факторам: «оценка», «активность», «эмоциональная выразительность», «интеллект». При выборе факторов и шкал для оценивания стимульного материала мы опирались на параметры частного семантического дифференциала, используемые для оценки свойств говорящего. На следующем этапе была проведена математическая обработка данных. Мы рассчитали средние значения по каждой шкале (таблица 1). Необходимо отметить, что оценки респондентов в предложенных шкалах варьировались от 1 (крайняя степень выраженности отрицательных качеств) до 7 (крайняя степень выраженности положительных качеств).

Таблица 1

Среднее значение по шкалам для реальных и виртуальных ведущих.

Table 1

Average value of scales for real and virtual TV presenters.

Шкала	Среднее значение по шкале для реального ведущего	Среднее значение по шкале для виртуального ведущего
Фактор оценки качества (эстетическое восприятие образов)		
раздражающий – успокаивающий	5,04	2,78
манерный – естественный	4,64	1,79
безобразный – красивый	5,55	3,60
Фактор активности (динамика поведения и темпоритм)		
безжизненный – оживленный	4,42	1,38
медленный – быстрый	4,58	3,16
статичный – динамичный	3,70	1,74
Фактор эмоциональной выразительности (способность вызывать эмпатию)		
монотонный – выразительный	5,00	2,45
сдержанный – экспрессивный	3,04	1,43
вялый – бодрый	5,21	3,16
Фактор интеллекта (воспринимаемая компетентность и четкость)		
легкомысленный – серьезный	5,55	4,19
пустой – наполненный	4,15	1,48
невнятный – четкий	5,83	4,48

Проанализируем средние значения по шкалам и обозначим различия в восприятии реальных и виртуальных ведущих. Рассмотрим показатели шкал, формирующих фактор оценки качества. По шкале *«раздражающий – успокаивающий»* реальный ведущий (5,04) воспринимается как более комфортный субъект, в то время как виртуальный (2,78) может вызывать у респондентов психологический дискомфорт. Необходимо отметить контраст по шкале *«манерный – естественный»*: реальный ведущий воспринимается как естественный (4,64), что способствует формированию доверительной коммуникации. Виртуальный ведущий оценивается как манерный и искусственный, лишенный органичности (1,79). Если рассматривать шкалу *«безобразный – красивый»*, то реальные ведущие визуально более привлекательны для аудитории, чем виртуальный персонаж, чей результат находится на границе нейтральных оценок (5,55 и 3,60 соответственно).

Далее проанализируем показатели шкал, формирующих фактор активности (динамика поведения и темпоритм). Наиболее показательной является шкала *«безжизненный – оживленный»*, т.к. амплитуда различий между стимульными материалами является очень высокой. Виртуальный ведущий Ия оценивается студентами как статичный объект (1,38), в то время как профессиональные дикторы воспринимаются как «оживленные» участники коммуникации (4,42). По параметрам темпоритма *(«медленный – быстрый»*) виртуальный ведущий также значительно уступает (3,16 и 4,58 соответственно), воспринимаясь как замедленный и малоподвижный. Если рассматривать различия стимульных объектов по шкале *«статичный – динамичный»*, то мы видим, что виртуальный образ воспринимается как крайне «статичный» (1,74) в отличие от реальных ведущих (3,70) со сбалансированным и естественным темпом подачи информации.

По шкале *«монотонный – выразительный»* в рамках фактора эмоциональной выразительности можно обозначить существенную разницу в восприятии виртуальных (2,45) и реальных субъектов (5,00). Это свидетельствует о том, что современные ИИ-инструменты пока не могут конкурировать с реальными субъектами коммуникации в аспектах передачи интонационных нюансов и эмоциональных акцентов. Виртуальный образ ведущей Ия получает низкий балл и по шкале *«сдержанный – экспрессивный»* (1,43). Более позитивной выглядит шкала *«вялый – бодрый»,* однако показатель виртуального ведущего (3,16) не достигает нейтральной отметки в 3,5 балла, тогда как реальные ведущие воспринимаются как более бодрые (5,21).

По шкалам фактора интеллекта *«легкомысленный – серьезный»* и «*невнятный – четкий»* респонденты оценивают виртуальных ведущих условно положительно на 4,19 и 4,48 баллов соответственно, что может свидетельствовать о доверии к ИИ как к инструменту точной передачи данных. С другой стороны, по шкале *«пустой – наполненный»* наблюдается крайне низкая оценка содержательности виртуальных субъектов (всего 1,48 балла против 4,15 у реальных ведущих), что говорит об отсутствии смысловой наполненности их образов.

Далее мы рассчитали значение по факторам как среднее арифметическое значение входящих в факторы шкал (таблица 2).

Таблица 2

Среднее значение по факторам для реальных и виртуальных ведущих.

Table 2

Average value of factors for real and virtual TV presenters.

Шкала	Среднее значение по шкале для реального ведущего	Среднее значение по шкале для виртуального ведущего
Фактор оценки качества (эстетическое восприятие образов)	5,08	2,72
Фактор активности (динамика поведения и темпоритм)	4,23	2,09
Фактор эмоциональной выразительности (способность вызывать эмпатию)	4,42	2,35
Фактор интеллекта (воспринимаемая компетентность и четкость)	5,18	3,38

Обобщение данных по интегральным факторам (таблица 2) подтверждает доминирование реальных ведущих по всем направлениям. Рассматривая фактор оценки качества, следует отметить разрыв в показателях между реальными дикторами (5,08) и виртуальным аватаром (2,72). Двукратное преимущество реальных ведущих обусловлено тем, что их образы воспринимаются как «естественные» и «успокаивающие», в то время как виртуальный персонаж Ия попадает в зону отрицательных значений, вызывая у респондентов раздражение. Можно отметить, что антропоморфные модели проигрывают живым людям в аспектах визуальной привлекательности и комфортности коммуникации.

Анализ фактора активности (4,23 против 2,09) выявляет наиболее слабую сторону современных ИИ-персонажей. Студенты высоко оценивают динамику реальных ведущих, тогда как виртуальный ведущий воспринимается как крайне статичный объект (1,74). По фактору эмоциональной выразительности реальные субъекты коммуникации превосходят виртуальных почти в два раза (4,42 против 2,35 соответственно). Это особенно важно для восприятия новостного контента, требующего вовлеченности аудитории.

Если рассматривать фактор интеллекта (воспринимаемая компетентность и четкость), то здесь можно зафиксировать наименьший, но все же значимый разрыв между стимульными объектами. Виртуальный веду-

щий набрал 3,38 балла против 5,18 у реальных дикторов. Цифровой аватар по данному фактору приблизился к нейтральной зоне (3,5), что можно объяснить систематичностью и четкостью подачи новостного материала.

Выводы

Внедрение ИИ открывает новые возможности для всех субъектов медиапространства. Создатели контента стремятся использовать новые инструменты для улучшения коммуникации, получения обратной связи, персонализации подачи информации. Следует отметить, что одним из перспективных направлений интеграции инструментов ИИ в медиапространство является разработка виртуальных ведущих, получающая широкое освещение в российских и зарубежных исследованиях. Однако вопрос восприятия реальных и виртуальных субъектов коммуникации не получил достаточной теоретической и практической проработки.

В статье представлены результаты авторского социологического исследования, проведенного методом семантического дифференциала в мае 2026 года в РЭУ им. Г.В. Плеханова. Анализ результатов позволяет сделать вывод о наличии существенных различий в восприятии реальных и виртуальных субъектов коммуникации студенческой аудиторией. Респонденты демонстрируют выраженное предпочтение традиционным ведущим и оценивают их выше по всем рассматриваемым факторам семантического пространства (качество, активность, эмоциональная выразительность и интеллект). Для совершенствования образов виртуальных ведущих необходимо сфокусироваться на преодолении их статичности и повышении эмоциональной выразительности персонажей.

Список источников

1. Анненкова А.В. Метод семантического дифференциала в исследовании социальной рекламы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 82 – 88.

2. Бодрунова С.С., Нигматуллина К.Р. Искусственный интеллект в медиасфере: направления исследования, профессиональные противоречия и новые риски // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 5. С. 3 – 22.

3. Неренц Д.В., Дякина А.А. Цифровой аватар как новый телеведущий: творческий эксперимент // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2025. Т. 44. № 4. С. 648 – 659.

4. Новиков А.Л., Новикова И.А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63 – 74.

5. Сергеев А.С. Нейросети и искусственный интеллект в деятельности медиа: пространство и ограничения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31. № 4. С. 85 – 99.

6. Сергеев А.С. Трансформация журналистского труда в условиях цифровизации и алгоритмизации медиапроизводства // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 4. С. 650 – 666.

7. Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. Вып. 3. С. 118 – 128.

8. Соколова Л.Н., Ткачев М.В. Образы нейроведущих на современном региональном телевидении в России: сравнительный аспект // Вопросы журналистики. 2025. № 18. С. 29 – 58.

9. Сюй Чао. AI-ведущие в китайских синтетических медиа: развитие, характеристики, проблемы и меры регулирования // Динамика медиасистем. 2026. Т. 6. № 1. С. 112 – 116.

10. Хованова Е.В. Практика разработки виртуальных инфлюенсеров для продвижения социально значимых тем в студенческой среде // Вопросы методики преподавания в вузе. 2025. Т. 14. № 4. С. 111 – 126.

11. Liu Q. Can AI-virtual anchors replace human internet celebrities for live streaming sales of products? An emotion theory perspective // Journal of Retailing and Consumer Services. 2025. Vol. 82. DOI: 10.1016/j.jretconser.2024.104107.

12. Zhong Z. Rapid replacement or sustained deployment? A multi-level survival analysis of AI-powered virtual anchors // Entertainment Computing. 2026. Vol. 58. DOI: 10.1016/j.entcom.2026.101139.

References

1. Annenkova A.V. The semantic differential method in the study of social advertising. Proceedings of Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy. 2013. No. 4. P. 82 – 88.

2. Bodrunova S.S., Nigmatullina K.R. Artificial intelligence in the media sphere: research directions, professional contradictions, and new risks. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. 2025. No. 5. P. 3 – 22.

3. Nerents D.V., Dyakina A.A. Digital avatar as a new TV presenter: a creative experiment. Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2025. Vol. 44. No. 4. P. 648 – 659.

4. Novikov A.L., Novikova I.A. The semantic differential method: theoretical foundations and practical application in linguistic and psychological research. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2011. No. 3. P. 63 – 74.

5. Sergeev A.S. Neural networks and artificial intelligence in media operations: scope and limitations. Proceedings of Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science, and Culture. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 85 – 99.

6. Sergeev A.S. Transformation of journalistic labor amidst the digitalization and algorithmization of media production. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2025. Vol. 14. No. 4. P. 650 – 666.

7. Sikevich Z.V. The Semantic Differential Method in Sociological Research (Application Experience). Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2016. Issue 3. P. 118 – 128.

8. Sokolova L.N., Tkachev M.V. Images of AI Anchors on Modern Regional Television in Russia: A Comparative Perspective. Issues of Journalism. 2025. No. 18. P. 29 – 58.

9. Xu Chao. AI Anchors in Chinese Synthetic Media: Development, Characteristics, Challenges, and Regulatory Measures. Dynamics of Media Systems. 2026. Vol. 6. No. 1. P. 112 – 116.

10. Khovanova E.V. Practices of Developing Virtual Influencers to Promote Socially Significant Topics Among Students. Issues of Teaching Methodology in Higher Education. 2025. Vol. 14. No. 4. P. 111 – 126.

11. Liu Q. Can AI-virtual anchors replace human internet celebrities for live streaming sales of products? An emotion theory perspective. Journal of Retailing and Consumer Services. 2025. Vol. 82. DOI: 10.1016/j.jretconser.2024.104107.

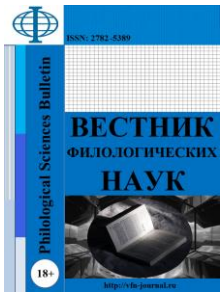
12. Zhong Z. Rapid replacement or sustained deployment? A multi-level survival analysis of AI-powered virtual anchors. Entertainment Computing. 2026. Vol. 58. DOI: 10.1016/j.entcom.2026.101139.

Информация об авторах

Клиценко М.В., *кандидат социологических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Klitsenko.MV@rea.ru*

Хованова Е.В., *кандидат социологических наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Khovanova.EV@rea.ru*

© Клиценко М.В., Хованова Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.13
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-113-119

[1] Абрамова Е.К.

[1] Оренбургский государственный педагогический университет

Синтаксические особенности французских протестных лозунгов

Аннотация: *цель исследования – выявить основные синтаксические особенности французских предложений с протестными лозунгами. В статье определяются понятия «протест», «протестный лозунг», анализируются протестные лозунги с синтаксической точки зрения, рассматривается состав, структура предложений, их протяженность, интонация, цель высказывания. Все это способно ответить на многие вопросы о самом протесте, его причинах и последствиях, об участниках, их настрое, требованиях. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использовать алгоритм анализа грамматического материала на занятиях по грамматике, при написании курсовых и дипломных работ, посвященных французскому политическому дискурсу.*

Ключевые слова: *протест, протестный лозунг, синтаксические характеристики, французский язык*

Для цитирования: Абрамова Е.К. Синтаксические особенности французских протестных лозунгов // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 113 – 119. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-113-119

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Abramova E.K.

[1] Orenburg State Pedagogical University

Syntactic features of French protest slogans

Abstract: *the purpose of the study is to identify the main syntactic features of French sentences with protest slogans. The article defines the concepts of «protest» and «protest slogan», analyzes protest slogans from a syntactic point of view, examines the composition, structure of sentences, their length, intonation, and purpose of utterance. All this can answer many questions about the protest itself, its causes and consequences, about the participants, their mood, and demands. The practical significance of this research lies in the possibility of using an algorithm for analyzing grammatical material in grammar classes, when writing term papers and theses on French political discourse.*

Keywords: *protest, protest slogan, syntactic characteristics, French*

For citation: Abramova E.K. Syntactic features of French protest slogans. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 113 – 119. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-113-119

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Французы – это нация, которая трепетно и внимательно относится к своим правам, хорошо их знает и следит за их соблюдением. На протяжении истории во Франции сложилась определенная протестная культура, которая «всегда отличалась своей вербальной, интеллектуальной составляющей» [11, с. 133]. Языковые средства выражения протеста, в частности грамматические, представляют широкое поле для исследований в рамках политической лингвистики, которая является достаточно новым и активно развивающимся направлением современной науки о языке. Изучение грамматических особенностей французских протестных лозунгов способно помочь установить, как осуществляется протестная коммуникация во Франции, каким образом французское гражданское общество выражает свою активную жизненную позицию, связанную с социальными, экономическими, политическими вопросами. Согласимся с И.А. Тортуновой в том, что, «лозунг является символом определенных исторических событий, своеобразным документом эпохи» [13, с. 105]. Это свидетельствует об актуальности предпринимаемого исследования. Мы, таким образом, продолжаем цикл статей, посвященных французским протестным лозунгам, делая акцент на изучении их синтаксических характеристик [1-3]. По нашему мнению, обращение к синтаксису французских лозунгов способно обогатить наши знания о них, установить закономерности построения, выявить особые формы грамматического выражения, а также расширить наше представление о протестной коммуникации во Франции в целом.

Материалы и методы исследований

Цель и задачи определяют выбор методов исследования. В работе используются синтаксический анализ предложений, описательный метод, которые дают возможность проанализировать иллюстративный материал, сделать необходимые выводы. Кроме того, в работе применяется метод когнитивной интерпретации, позволяющий определить содержательное наполнение протестных лозунгов и их прагматические характеристики на основе изучения языковых данных. Сопоставительный метод позволяет рассмотреть сходные лозунги, представляющие собой прецедентные феномены. Применяемый количественный метод используется для определения наиболее частотных грамматических явлений в плане морфологии глагола и синтаксиса предложений, содержащих протестные лозунги.

Материалом исследования явились 503 протестных лозунга, написанных на транспарантах, плакатах и граффити, которые были выделены с помощью сплошной выборки фотографий протестных акций во Франции в 2018-2023 годах. Отбор проводился на базе поисковых систем Яндекс, Google на запросы как на русском языке: «протесты во Франции», «забастовки во Франции», «демонстрации во Франции», «манифестации во Франции», «протесты желтых жилетов», «антиковидные демонстрации во Франции», так и на французском языке: «manifestation en France», «manif en France», «France en grève», «grève en France», «gilets jaunes».

Результаты и обсуждения

Понятие протеста исследуется сегодня в русле различных гуманитарных наук: политологии, истории, психологии, социологии, политической лингвистики. Т.Ф. Ефремова дает следующее определение протеста: «Массовое, коллективное возражение против чего-либо, обычно выражающееся в активных действиях» [8]. Под активными действиями можно понимать выход людей на улицу с целью выразить свое недовольство. А.П. Шумакова отмечает: «Митинги, шествия, забастовки, демонстрации – характерные приметы общественно-политической жизни во Франции на протяжении многих десятилетий» [14, с. 78]. Поэтому изучать протест на примере Пятой республики вполне закономерно и логично [15]. В зависимости от причины протест может объединять людей одной нации (выступления против военных действий или в защиту экологии), одной расы (ущемление прав из-за расового различия), одного пола (насилие в семье), одной профессии (нарушение прав работников), одного возраста (студенческие демонстрации), одного уровня жизни (недовольство новой пенсионной реформой). Отсюда следует, что протест будет отличаться своей масштабностью и выдвигаемыми требованиями, которые протестующие выражают в виде протестных лозунгов. Согласно Л.В. Ениной, «Лозунг – это письменный текст идеологического или социально-политического содержания, сформулированный в виде короткого, чаще всего однофразового, императивного и/или оценочного высказывания, направленный от коллективного адресанта к коллективному или персонифицированному адресату с целью изменения поведения или ценностных установок данного адресата» [7, с. 6]. Действительно, бумажные плакаты, транспаранты, картонные таблички и щиты, тканевые растяжки, граффити на стенах, заборах, асфальте, надписи на одежде (желтых жилетах), различных предметах (зонтах, битах), на видимых частях тела (лице, руках) – все это служит гражданам для выражения своего несогласия по поводу проводимой государством политики, недостаточных мер социальной поддержки, ухудшения условий труда, какого-либо громкого события в культурной жизни и т.д. [6]. Зачастую пись-

менно зафиксированные требования переходят в устную форму в виде рифмовок, речевок, скандируемых митингующими [10, с. 143]. По нашему мнению, именно синтаксические параметры лозунгов определяют, какие из них могут перейти в устную форму, а какие останутся только на письме. Можно предположить, что короткие лаконичные предложения, с восклицательной интонацией, с императивным посылом легко запомнятся протестующими и будут легко выкрикиваться. Рифма, каламбур (формальные показатели), оригинальность идеи (содержательные показатели) также влияют на возможное устное использование лозунгов. Но письменные лозунги сохраняются и после окончания протеста, их можно запечатлеть, поэтому именно они представляют собой богатый языковой материал для лингвистического исследования [5]. В рамках данной статьи рассмотрим синтаксические особенности построения протестных лозунгов во французском языке.

Будучи лаконичным жанром, лозунги обычно представлены простыми предложениями. Их быстро написать, прочитать, запомнить, можно скандировать, наиболее удачные потом приводить в СМИ *(Sauvez la planète!).* Количество слов варьируется от одного *(Résistance / Frexit / Révoltez-vous / Maltraitées / Le mépris)* до 20 *(Pour les salaires, la planète, l'école publique, les retraites, l'hôpital public, la culture, la justice fiscale, la paix, la solidarité).* В трех первых коротких лозунгах отчетливо прослеживается призыв к действию: сопротивляться, выходить из Евросоюза, бунтовать. В четвертом лаконичном лозунге женщины обозначают проблему насилия в семье. И последний краткий лозунг свидетельствует о презрительном отношении протестующих к власти. В распространенном примере выделен целый круг глобальных вопросов, требующих внимания со стороны государства: зарплаты, пенсии, налоги, государственное образование и медицина, экологические и культурные проблемы, мир во всем мире, единение людей. Кроме того, лозунг допускает опущение некоторых грамматических элементов. Это, прежде всего, служебные слова: артикли *(Excès 64 vieillesse);* местоимения *(Faut pas pousser Mémé à travailler);* отрицательная частица *ne (Je suis pas Dalida. Je veux pas mourir sur scène);* предлоги *(Liberté égalité fraternité plus respect et solidarité);* также глагол-связка *(Images vitales contre police brutale).* Информативная составляющая лозунга от этого опущения не страдает, лозунг, напротив, приобретает более краткую, лаконичную форму.

Также важно и количество отдельных предложений в одном лозунге. Безусловно, преобладают лозунги, состоящие из одного предложения 374/503, но встречаются и такие, в которых граждане довольно подробно описывают свое протестное отношение. Когда мы имеем два предложения, зачастую они рифмованы друг с другом *(Faites payer les pollueurs. Laissez vivre les travailleurs; Grève blocage. Macron dégage);* содержат каламбур *(Tu nous mets 64. On te remai 68);* содержат антиномию *(Pour la France. Stop Macron);* второе предложение уточняет первое *(Je suis pas Dalida. Je veux pas mourir sur scène);* имеют схожие грамматические конструкции *(C'est nous qui travaillons. C'est nous qui décidons);* содержат причинно-следственную связь *(Notre formation en danger. Vos maisons effondrées).* Наличие трех предложений обусловлено смыслом, который протестующие хотели вложить в свои лозунги. Например, лозунг *Liberté? Égalité? Fraternité?* безусловно, напоминает национальный девиз Французской Республики, но написан с вопросительными знаками, указывая на сомнение в существовании в стране свободы, равенства и братства. В лозунге *Juillet 1789. Mai 1968. Novembre 2018* перечислены три крупных народных протеста во Франции: Великая буржуазная революция 1789 г., студенческие волнения мая 1968 г., которые вылились во всеобщую забастовку [12], социальное протестное движение «Желтые жилеты», которые начались в 2018 г. [9]. Нередко в трех предложениях умещается целая личная история, объясняющая причину участия в протесте: *Je suis enseignante. Je défends la liberté d'expression. Je lutte pour nos conditions de travail et contre toute forme de racisme!* Конкретно в этом случае протестующая обозначает себя и говорит, что она защищает и за что борется: за свободу слова, достойные условия труда, выступает против всякого проявления расизма. В лозунге из четырех предложений можно уместить довольно много проблем, которые требуют скорейшего решения, или ценности, о которых забыло государство: *Sans majorité parlementaire. Sans dialogue social. Sans légitimité populaire. Tout seul ~~avec~~ sans vous.* В лингвистическом плане в нескольких предложениях можно употребить лексический повтор, параллельные конструкции, а значит сделать дополнительное логическое ударение: *Un triple non à Macron. Non au pass sanitaire. Non à la casse de l'assurance chômage. Non à la réforme des retraites.* В лозунге из 5 предложений можно показать развитие целой ситуации, что невозможно сделать в одном или двух предложениях: *1-er jour Plainte! 2-nd jour Plainte!!! 3-ème jour Plainte… Une femme meurt tous les 3 jours. Que fait la justice?* Здесь речь идет о насилии по отношению к женщине в семье и отсутствии внимания со стороны правосудия к этой проблеме.

Говоря о простых предложениях, целесообразно рассмотреть их структуру. Так, находим двусоставные и односоставные предложения. Двусоставные предложения представлены как распространенными *(Nous avons la responsabilité morale de désobéir aux lois injustes)*, так и нераспространенными типами *(Le silence*

tue). Несмотря на свои различия, и тот, и другой лозунг выполняют свои функции – привлечение внимания к проблеме принятия несправедливых законов и игнорирование государством своего народа, высказывание своей точки зрения, отличной от позиции официальной власти.

Поскольку лозунг – это краткий жанр, то вполне закономерно большое количество простых односоставных предложений. Среди них встречаются и именные 97/503, и глагольные конструкции 46/503. Именные конструкции с именем существительным представляют собой требования протестующих *(Soutien aux soignants);* обвинения *(Macron destitution);* призыв к действию *(Feu sur l'État);* свое отношение к власти *(Citoyen en colère);* оценку обстановки в стране *(Pauvre France).* Большинство односоставных глагольных предложений содержат глагол в императивной форме 45/46, и один лозунг с глаголом в инфинитивной форме: *Euthanasier la retraite. Ça sent la poudre d'escampette!!!* Данный лозунг призывает к упразднению пенсионной реформы. Отдельно стоит упомянуть о предложениях, выражающих утверждение (11/503) или/и отрицание (44/503) в эксплицитной форме. В первом случае речь идет о конструкциях (11/503) с лексемами *oui, pour,* провозглашающих гражданские права и ценности: *Oui à la liberté de choix; Pour une vraie démocratie.* Предложений с отрицанием с лексемами *non, contre, stop* больше (44/503), в них речь идет, наоборот, о несоблюдении прав и разрушении ценностей: *Non au pass sanitaire discriminatoire, pass de la honte; Contre la violence du gouvernement; Stop aux inégalités sociales.* Примечательны лозунги, где есть и утверждение, и отрицание: *Vivre oui, survivre non!* Данная фраза содержит двойную антиномию, представленную парами слов *oui / non* и *vivre / survivre.*

Есть среди лозунгов и сложные предложения (34/503). Очевидно, что подготовка таких лозунгов требует больше затрат по времени, материала, шрифт становится меньше. С другой стороны, сам лозунг оказывается более детальным, точка зрения протестующих изложена более подробно. Примерно в одинаковой степени представлены бессоюзные сложные и сложноподчиненные предложения, соответственно 12/34 и 16/34. Между простыми предложениями в составе сложного бессоюзного можно отметить различные смысловые отношения: сопоставление *(Les vieux dans la misère, les jaunes dans la galère);* противопоставление *(Ils ont les milliards Nous sommes des millions);* пояснение *(Je le veux: la retraite avant l'arthrite);* причину *(Papa, maman désolée je séche comme la planète);* цель *(Macron, prépare ton hélico, on arrive.);* перечисление *(Vivre en France ça coûte un bras s'en plaindre ça coûte un œil);* несоответствие *(Écoute donc Macron. On a déjà tout dit).* Как видим, в некоторых случаях отсутствуют знаки препинания между простыми предложениями. Это чисто графическая особенность лозунга как жанра. Сложноподчиненные предложения представлены тремя типами придаточных частей: придаточным подлежащим 1/16 *(Qui sème la misère, récolte la colère);* придаточным определительным 5/16 *(Vous n'avez pas le droit de mettre à genoux les gens qui tiennent la France debout);* придаточным обстоятельственным 10/16 *(Quand Macron distribue les miettes, Castaner distribue les pains).* В последнем типе предложений наблюдаем различные смысловые нюансы: времени, сравнения, условия, следствия, меры, но временные отношения фигурируют чаще всего 6/10 *(Quand la famine arrivera, les riches on mangera).* Сложносочиненных предложений не много – 6/34. Иллюстративный материал показывает, что их составные части связаны союзами *et* и *mais,* которые выражают, соответственно, присоединение *(Nous, profs, enseignons la liberté d'expression et ça va continuer)* и противопоставление *(On nous voit mais on ne nous entend pas).*

Не стоит забывать о том, что лозунги – это форма выражения мыслей народа, его эмоций (как правило отрицательных), изложенных в письменной форме. Чтобы выразить силу эмоций, градус недовольства используются различные графические способы: большие буквы *(NON À VOTRE RÉFORME),* восклицательный знак *(La France, aimez-la ou quittez-la!).* Таким образом, протестующие пытаются докричаться до властей, обратить их внимание на свои проблемы, выразить свое отношение к их действиям. Число восклицательных предложений довольно велико 122/503, причем 11 из них имеют в конце три восклицательных знака: *Destitution!!! Maudit poète.* Кроме того, в предложениях, где нет особой интонации, точка может и не стоять. В иллюстративном материале лишь в 26/503 примерах мы находим точку как знак препинания *(Je te crois. Tu n'y es pour rien.),* причем в 23 случаях эта точка стоит между предложениями, которые составляют один лозунг *(Tu nous mets 64. On te remai 68).* Это одна из графических особенностей жанра лозунга: не ставить точку в конце. Примечателен также один пример с многоточием, которому предшествует восклицательный знак: *Macron Macron sème sèma la misère!..* Очевидно, что в этом случае и грамматические, и лексические элементы представлены в излишнем количестве: два лексических повтора, два конечных знака препинания, которые редко можно встретить вместе. Восклицательный знак обозначает скорее обвинение в нищете народа, вдвигаемое президенту Франции. Многоточие обычно указывает на незаконченность мысли. Здесь, по нашему мнению, эта недосказанность обусловлена тем,

что всем и так понятно, что будет, если граждане живут в бедности – это выльется в более агрессивные формы протеста.

Классификация по цели высказывания предполагает деление предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные. Во французских лозунгах находим все три типа. Подавляющее большинство лозунгов представлено повествовательными предложениями (431/503), цель которых – сообщить какую-либо информацию: *Nos vies valent plus que vos profits.* Среди примеров этого типа находим конструкции с идентичной грамматической структурой, но разным лексическим наполнением. Например, лозунги *Je suis prof; Je suis ta mamie; Je suis ta cousine; Je suis ta collègue* отсылают к известному *Je suis Charlie*, возникшему в 2015 году после теракта в редакции французского сатирического еженедельника «Charlie Hebdo», и который с тех пор является символом единения, солидарности, поддержки. Встречаем различные трактовки пословицы *Qui sème le vent, récolte la tempête: Qui sème la misère, récolte la colère; Qui sème l'injustice, récolte la colère; Macron Macron, sème, sème la misère!* В данных вариантах прослеживаются идеи о нищете граждан, несправедливости со стороны власти и народном гневе. Лозунги *Métro, boulot, tombeau; Métro, boulot, caveau; Boulot, hosto, caveau, asticots; Métro, boulot, caveau. Non, merci!* отсылают к фразе *Métro, boulot, dodo,* которая в свою очередь взята из стихотворения Пьера Беарна «Couleurs d'usine»: *«Au déboulé garçon pointe ton numéro / Pour gagner ainsi le salaire / D'un morne jour utilitaire / Métro, boulot, bistro, mégots, dodo, zéro»* [16]. Несмотря на небольшие различия в лексическом содержании, смысл данных лозунгов сводится к одному: к нежеланию мириться с новой пенсионной реформой, которая предполагает, по мнению граждан, работать до конца жизни, отсюда употребление слов *tombeau, caveau, asticot.* Среди побудительных предложений (45/503) также находим лозунги с прецедентными элементами [4, с. 83]. Так, лозунги *Travaille, consomme et ferme ta gueule; Travaille, ~~consomme~~ (avec quoi?) et ferme ta gueule* отсылают к названию альбома панк-группы Babylon Pression «Travaille, consomme et meurs». В последнем примере также фигурирует вопрос в скобках как объяснение того, почему один глагол в повелительном наклонении зачеркнут. Меньше всего в фактическом материале вопросительных предложений (27/503): *Liberté? Égalité? Fraternité?* Общие вопросы строятся разными способами: с помощью интонации *(Et ton mépris est légitime?);* оборота *est-ce que (Est-ce que vous ne pensez pas qu'on aurait dû mettre le gouvernement sous le tapis?);* инверсии *(Macron sens-tu la quenelle?).* Первый и третий примеры не отличаются вежливостью, поскольку содержат обращение на «ты», лексема *quenelle* используется в переносном значении. Частичные вопросы содержат все многообразие вопросительных слов: *où, que, quand, comment, combien, pourquoi, qui, quel (Qui nous protège de la police?).* Нередко вопросы имеют риторический характер: *Comment enseigner la démocratie quand Macron la piétine?* Главным образом, вопросы обращены к власти, в частности к французскому президенту *(Macron président de la France, quel avenir pour la France?),* но встречаются и такие, которые адресованы самим митингующим в форме, например, косвенного вопроса *(Pour grandir et vaincre porte ton gilet jaune tous les jours partout. Tu n'oses pas? Demande-toi pourquoi? et fais-le!!!).* Примечателен пример с вопросом, на который сами протестующие дают свой ответ: *Nous vous prenez pour des clowns? On vous ramène le joker.*

Выводы

Согласно своему определению протестный лозунг – жанр краткий, лаконичный. Это показывает и наше исследование: в 74 % случаев протестный лозунг состоит из одного предложения. Среднее количество слов в лозунге – 7, включая служебные. Такое небольшое количество слов объясняется самим назначением лозунга (быть запоминающимся, оригинальным, легко воспроизводимым), достигается благодаря сокращению служебных слов, использованию прецедентных текстов с известной синтаксической структурой. Вполне очевидно, что сложных предложений довольно мало – 6 %. Лозунг многословный, из двух и более самостоятельных предложений или в составе сложного, носит более индивидуальный, творческий характер, может рассказывать о конкретной истории, предъявлять определенные требования власти, задавать ей вопросы, описывать причины сложившейся ситуации, намечать пути решения проблемы.

По своей структуре 72 % лозунгов представлено двусоставными предложениями. Большинство односоставных предложений (19 %) – это именные конструкции, отражающие свое отношение к правящим кругам, дающие общую оценку обстановки в стране. Кроме того, именные предложения содержат требования и призывы к действию, что больше характерно для односоставных глагольных предложений (9 %).

Если говорить об интонации, то четверть лозунгов (24 %) пишутся с восклицательным знаком и, следовательно, должны произноситься с особой, восклицательной интонацией. Другими словами, кроме воздействия, констатации факта, в них содержится эмоциональная окраска, которая носит, как правило, отрицательный «заряд», выражая возмущение, недовольство, негодование, озлобленность. Редко встречается по-

ложительный настрой, который передает торжество справедливости, постулирование республиканских, общечеловеческих ценностей, надежду на лучшее будущее.

Анализ предложений с протестными лозунгами по цели высказывания показал, что большинство случаев – это повествовательные предложения (86 %). В основном они выражают мнение протестующих о власти и ее решениях, желание о лучшей жизни, рисуют реальную обстановку в стране. В побудительных предложениях (9 %) содержится призыв к действию, адресованный политикам, определенным общественным слоям, всей Франции. Призывы эти носят весьма глобальный характер. Вопросительные предложения немногочисленны (5 %), имеют разнообразные конструкции, обращены правящим кругам, главным образом французскому президенту.

Исследование протестных лозунгов на примере французского языка может быть продолжено в русле изучения графических особенностей, аксиологических характеристик, морфологических особенностей частей речи, обозначающих действие, как главное содержательное наполнение протеста.

Список источников

1. Абрамова Е.К. Протестные лозунги во французском языке: морфологические особенности // Десятые Моисеевские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева. Оренбург. 2026. С. 11 – 14.

2. Абрамова Е.К. Протестные лозунги как отражение языковой картины мира (на примере французского языка) // Девятые Моисеевские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева. Оренбург. 2025. С. 223 – 226.

3. Абрамова Е.К. Протестные лозунги на французском языке: лексико-синтаксический и семантический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 16. Вып. 4. С. 1114 – 1122.

4. Белкина О.Е., Балыш Ю.А., Огородов М.К. Прецедентные феномены во французском протестном дискурсе 2018-2019 гг. (на материале плакатов и граффити) // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 2 (22). С. 82 – 88.

5. Богданов Д.Д. Лингвоаксиологические характеристики лозунгов на плакатах во французском социально-политическом дискурсе // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2026. № (83). URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-83/literaturovedenie-i-yazykoznanie/lingvoaksiologicheskie-kharakteristiki-lozungov-na-plakatakh-vo-frantsuzskom-sotsialno-politicheskom-diskurse.html (дата обращения: 25.08.2026).

6. Гулинов Д.Ю., Гайбалиева Э.Э. Политический плакат как форма взаимодействия между обществом и властью: визуальная и вербальная составляющие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 40 – 46.

7. Енина Л.В. Современные российские лозунги как сверхтекст: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 18 с.

8. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. 2000. URL: https://gufo.me/dict/efremova/протест (дата обращения: 25.08.2026).

9. Жидкова А.В. «Желтые жилеты»: кем они были? // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 202 – 221.

10. Крепкова Е.В. Языковые средства выражения протестной коммуникации на материале немецкоязычного и русскоязычного митингов // Научное мнение. 2015. № 2-1. С. 142 – 150.

11. Манакина О.Е. Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 128 – 134.

12. Рябкова А.Ю. Отражение событий 1968 года во Франции во французском искусстве и языке // Научная весна молодых ученых Евразии. Научные статьи участников Международной научно-практической школы. Санкт-Петербург, 2025. С. 273 – 280.

13. Тортунова И.А. Жанрово-стилистический портрет современного политического лозунга // Научный диалог. 2015. Вып. 9 (45). С. 100 – 111.

14. Шумакова А.П. Квазилозунги на выборах президента Франции как лингвистическое и экстралингвистическое явление // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 78 – 86.

15. Ян Ч. Возникновение и развитие протеста во Франции // Архонт. 2023. № 5 (38). С. 76 – 81.

16. Bearne P. Couleurs d'usines. URL: https://www.ladissertation.com/Monde-du-Travail/Business-et-Commerce/Étude-d'un-exrait-de-Couleurs-d'usine-de-Pierre-61078.html (дата обращения: 25.08.2026).

References

1. Abramova E.K. Protest slogans in the French language: morphological features. Tenth Moiseev Readings: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Boris Alexandrovich Moiseev (Candidate of Philological Sciences, Associate Professor). Orenburg. 2026. P. 11 – 14.

2. Abramova E.K. Protest slogans as a reflection of the linguistic worldview (based on the French language). Ninth Moiseev Readings: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Boris Alexandrovich Moiseev (Candidate of Philological Sciences, Associate Professor). Orenburg. 2025. P. 223 – 226.

3. Abramova E.K. Protest slogans in French: lexico-syntactic and semantic aspects. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2024. Vol. 16. Iss. 4. P. 1114 – 1122.

4. Belkina O.E., Balysh Yu.A., Ogorodov M.K. Precedent phenomena in French protest discourse of 2018–2019 (based on placards and graffiti). Philological Sciences at MGIMO. 2020. No. 2 (22). P. 82 – 88.

5. Bogdanov D.D. Linguo-axiological characteristics of placard slogans in French socio-political discourse. Science in a Megapolis. 2026. No. (83). URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-83/literaturovedenie-i-yazykoznanie/lingvoaksiologicheskie-kharakteristiki-lozungov-na-plakatakh-vo-frantsuzskom-sotsialno-politicheskom-diskurse.html (accessed: 25.08.2026).

6. Gulinov D.Yu., Gaibalieva E.E. The political poster as a form of interaction between society and the authorities: visual and verbal components. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2025. Iss. 7 (901). P. 40 – 46.

7. Enina L.V. Modern Russian slogans as a supertext: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Yekaterinburg, 1999. 18 p.

8. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative. 2000. URL: https://gufo.me/dict/efremova/протест (accessed: 25.08.2026).

9. Zhidkova A.V. "Yellow Vests": who were they? French Yearbook. 2024. Vol. 57. P. 202 – 221.

10. Krepkova E.V. Linguistic means of expressing protest communication based on German- and Russian-language rallies. Scientific Opinion. 2015. No. 2-1. P. 142 – 150.

11. Manakina O.E. Protest culture and political discourse: The French experience. Bulletin of MGIMO University. 2011. No. 2 (17). P. 128 – 134.

12. Ryabkova A.Yu. Reflection of the events of 1968 in France in French art and language. Scientific Spring of Young Scientists of Eurasia. Scientific articles by participants of the International Scientific and Practical School. St. Petersburg, 2025. P. 273 – 280.

13. Tortunova I.A. Genre-stylistic portrait of the modern political slogan. Scientific Dialogue. 2015. Iss. 9 (45). P. 100 – 111.

14. Shumakova A.P. Quasi-slogans in French presidential elections as a linguistic and extra-linguistic phenomenon. Political Linguistics. 2018. No. 6 (72). P. 78 – 86.

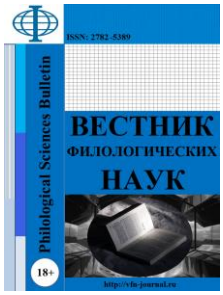
15. Yan Ch. Emergence and development of protest in France. Arkhont. 2023. No. 5 (38). P. 76 – 81.

16. Bearne P. Couleurs d'usines. URL: https://www.ladissertation.com/Monde-du-Travail/Business-et-Commerce/Étude-d'un-exrait-de-Couleurs-d'usine-de-Pierre-61078.html (accessed: 25.08.2026).

Информация об авторах

Абрамова Е.К., *кандидат филологических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», helene2310@yandex.ru*

© Абрамова Е.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-120-123

[1] Саламова Н.А., [1] Алескерова Н.Г. ***[1] Дагестанский государственный университет***

Метонимическое переосмысление глагольных соматических ФЕ английского и русского языков

Аннотация: *в статье рассматривается метонимическое переосмысление глагольных соматических фразеологизмов данных языков. При исследовании семантических преобразований компонентного состава в обоих языках отмечается ряд особенностей. Отмечено, что большинство глагольных соматических ФЕ обоих языков полисемантичны. Они характеризуются высокой степень семантической абстракции. Наиболее чаще повторному переносу подвергаются ФЕ с компонентами соматизмами. Им присущ высокий фразообразовательный потенциал. Метонимическое переосмысление фразеологических единиц происходит на базе одних и тех же видов переноса. Наблюдаются в обоих языках ряд различий. Они возникают из специфики ассоциативно-образного мышления носителей того или иного языка. Из двух сопоставляемых языков, в английском более распространены случаи метонимического переноса. Частичное метонимическое переосмысление фразеологизмов весьма часто наблюдаются и в английском и русском языках.*

Ключевые слова: *английский язык, русский язык, метонимическое переосмысление, глагольные соматические фразеологизмы, бинарная структура, эмоциональная тональность*

Для цитирования: Саламова Н.А., Алескерова Н.Г. Метонимическое переосмысление глагольных соматических ФЕ английского и русского языков // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 120 – 123. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-120-123

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Salamova N.A., [1] Aleskerova N.G. ***[1] Dagestan State University***

Metonymic reinterpretation of verbal somatic phrases in English and Russian

Abstract: *the article discusses the metonymic reinterpretation of verbal somatic phraseological units of these languages. When studying the semantic transformations of the component composition in both languages, a number of features are noted. It is noted that most verbal somatic phrases of both languages are polysemantic. They are characterized by a high degree of semantic abstraction. FE with somatic components are most often subjected to repeated transfer. They have a high phraseological potential. Metonymic reinterpretation of phraseological units occurs on the basis of the same types of hyphenation. There are a number of differences in both languages. They arise from the specifics of the associative-figurative thinking of native speakers of a particular language. Of the two languages compared, English has the most common cases of metonymic hyphenation. Partial metonymic reinterpretation of phraseological units is very often observed in both English and Russian.*

Keywords: *English, Russian, metonymic reinterpretation, verbal somatic phraseological units, binary structure, emotional tonality*

For citation: Salamova N.A., Aleskerova N.G. Metonymic reinterpretation of verbal somatic phrases in English and Russian. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 120 – 123. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-120-123

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность работы. Проблема значения ФЕ считается одной из значимых в современной фразеологии. В последние годы опубликованы исследования по целому ряду вопросов данной проблемы, к которым относятся природа и специфика фразеологического значения, типы и семантика ФЕ, различные семантические классификации, системные связи и т.д.

Однако вопросы, касающиеся характера семантических преобразований, в том числе и метонимических переносов глагольных соматических ФЕ пока еще не получили своего полного изучения, в особенности сопоставительном плане.

Ряд вопросов, связанных с данной проблемой получил освещение в работах А.М. Бабкина [3], В.Д. Аракина [2], А.И. Молоткова [9], А.В. Кунина [7], С.И. Лубенской [8], Т.Н. Федуленковой [10].

Однако во всех этих взглядах на специфику семантики фразеологических единиц наблюдаются существенные расхождения. Нет единства взглядов на ту или иную категорию фразеологического значения. Имеются успехи в изучении структурно-семантического состава фразеологических единиц. Отмечается, что коннотация, оценочное значение является обязательным компонентом фразеологического значения.

Основная цель – исследование метонимического переосмысления глагольных соматических ФЕ обоих языков.

Задачи: выявить круг глагольных соматических фразеологизмов двух языков, получивших метонимическое переосмысление; определить активность данных единиц в каждом из этих языков.

Материалы и методы исследований

В работе использованы метод семантического поля, а также метод лингвистического анализа.

Материалом послужили глагольные соматические фразеологические единицы, извлеченные из «Русско-английского фразеологического словаря» [8].

Результаты и обсуждения

Фразеологическое значение имеет обобщающий образный характер и являет собой единство целостного плана содержания и раздельнооформленного плана выражения. Это своеобразный набор, в котором тесно переплетаются и взаимодействуют лингвистические и другие факторы.

Семантическая характеристика глагольных соматических фразеологических единиц охватывает широкий круг вопросов. В их числе находятся и вопросы о характере семантический преобразований компонентного состава фразеологизмов и их структурно-семантическая классификация по типам фразеологических значений.

В составе глагольных соматических фразеологических единиц данных языков достаточно часто встречаются метонимические фразеологические единицы.

В основе метонимического переосмысления исходных словосочетаний лежат различные виды ассоциаций по смежности признаков. Одним из таких видов метонимического переноса фразеологических единиц в данных языках является использование названия органа вместе функции, которую он выполняет.

Англ. Strain your ears
Русс. напрягать слух
Англ. Strain your ears
Русс. чует носом
Англ. to touch with a glance
Русс. коснуться взглядом [8].

В подобных фразеологических единицах специфично то, что глагольный компонент обычно используется в своем прямом значении, а компонент- соматоним подвергается переосмыслению. Он также часто указывает на функциональный признак или в форме вариантного компонента, или в самих соответствиях. Внутренние связи других имен соматического кода реализуются последовательно [5].

В обоих языках отмечаются метонимические фразеологические единицы, в которых сопутствующее действие или состояние становится образным названием соответствующего явления. Например, в английском *hang, feel, touch, strain, close, let go* и их русские эквиваленты: *повесить, чувствовать, коснуться, напрягать, закрыть, пустить*.

Вместо общепринятого наименования широко используется такой метонимический перенос как использование слова-символа. Таких метонимических переносов в английском отмечается больше, чем в русском: *Take under your wing. Twitch your nose. Under your care. To give freedom.*

Специфичской чертой метонимических фразеологических единиц такого типа это то, что глагольные ФЕ трехчленной структуры во множестве случаев имеют соответствия бинарной структуры. Например:

Англ. The Evil Eye

Русс. Недоброе око.

Англ. Give me full freedom

Русс. Сполна дать свободу.

Англ. He 's a dirty man

Русс. Нечист на руку [8].

Чаще это свойственно для английского языка.

Большое число глагольных соматических ФЕ основываются на такой разновидности метонимического переноса-синекдохи. Такому типу переноса характерны количественные отношения. Это замена целого долей, иногда отмечается замена части целым. Соматизмы в таких синекдохических ФЕ обычно выступают как аналоги субъекта:

Англ. Show your nose

Русс. Показать нос

Англ. Show yourself

Русс. Показаться на глаза [8].

Бытование аналогичных синекдохических ФЕ в обоих языках доказывает универсальность психолингвистических ассоциаций.

В превалирующем порядке синекдохические глагольные соматические фразеологические единицы представляют собой в обоих языках бинарные структуры. Самыми продуктивными фразеологическими единицами являются двухкомпонентные [6].

В них наиболее частотными являются соматические компоненты: *head, hand, nose, eye, ear* и их русские эквиваленты: *голова, глаз, ухо, рука, нос.*

В ряде случаев метонимическое переосмысление глагольных соматических ФЕ затрудняется внутренней метафоризацией. Она существенно форсирует эмоционально-экспрессивную тональность данных единиц:

Англ. Drinking blood

Русс. Пить кровь

Англ. Keep your mouth shut

Русс. Держать язык за зубами

Англ. Get out of hand

Русс. Отбиться от рук [8].

Такие примеры показывают, что английские метонимические фразеологические единицы в ряде случаев передаются на русском языке метонимическими фразеологическими единицами с близкой или идентичной образностью и смыслом. Базовые эмоции являются общими для всех этносов, но в контексте их проявления у каждого из них есть свои лингвокультурные особенности [1]. Такие схемы, или модели, реализуют скрытую семиотическую структуру [4].

Но в то же время имея такие широкие совпадения в образной и смысловой структуре глагольных соматических фразеологических единиц обоих языков в речевом контексте наблюдаются разнохарактерные единицы. К примеру, в английском, *get out of hand* может сочетаться с различными существительными, выражающими названия лиц и предметов. В русском выражение *отбиться от рук* используется лишь с существительными, выражающими лицо. Это говорит о том, что даже при тождестве и общности схожих признаков, специфика языка проявляет себя.

Выводы

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ глагольных соматических ФЕ двух языков показал, что метонимическое переосмысление данных единиц происходит на основании одних и тех же видов переноса. При этом отмечаются ряд различий, возникающих из специфики ассоциативно-образного мышления носителей того или иного языка.

В английском языке более распространен метонимический перенос, в процессе которого соматический компонент выступает в качестве символа определенного понятия.

Для значительной части метонимических фразеологических единиц анализируемого вида двух языков свойственно частичное переосмысление компонентного состава.

Список источников

1. Алжеева М.М., Мудаев А.И., Манкирова В.Б., Абушаева Е.В., Эляева С.А. Сопоставительный анализ китайских и английских пословиц и идиом в концепте «смех» и «улыбка» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 5. С. 168 – 175.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1979. 259 с.
3. Бабкин А.М. Русская фразеология. Ее развитие и источники. Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1970. 261с.
4. Башкатова Ю.А. Национальная специфика единиц соматического кода английского и русского языков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 132 – 138.
5. Ван Хуа. Лексическая и миромоделирующая активность соматизмов и антропоморфизм языковой категоризации в пословице // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 3 (215). С. 69 – 75.
6. Возелова Л.Г. Глагольные фразеологические единицы шурышкарского диалекта хантыйского языка // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 7. С. 89 – 94.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. Москва: Высшая школа, Дубна: Издательский центр «Феникс», 1996. 380 с.
8. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. Москва: Языки русской культуры. Кошелев, 1997.1017 с.
9. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. АН СССР, Ин-т рус. яз. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 283 с.
10. Федуленкова Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск, 2000. 132 с.

References

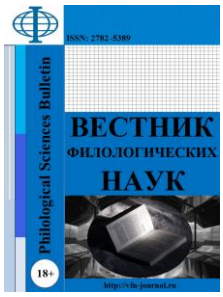
1. Alzheeva M.M., Mudaev A.I., Mankirova V.B., Abushaeva E.V., Elyaeva S.A. Comparative analysis of Chinese and English proverbs and idioms related to the concepts of "laughter" and "smile". Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 5. P. 168 – 175.
2. Arakin V.D. Comparative Typology of English and Russian. Leningrad: Prosveshcheniye, 1979. 259 p.
3. Babkin A.M. Russian Phraseology: Its Development and Sources. Academy of Sciences of the USSR, Institute of the Russian Language. Leningrad: Nauka (Leningrad Branch), 1970. 261 p.
4. Bashkatova Yu.A. National specifics of somatic code units in English and Russian. Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2013. No. 2 (18). P. 132 – 138.
5. Wang Hua. Lexical and world-modeling activity of somatisms and the anthropomorphism of linguistic categorization in proverbs. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2021. Issue 3 (215). P. 69 – 75.
6. Vozelova L.G. Verbal phraseological units of the Shuryshkary dialect of the Khanty language. Bulletin of Philological Sciences. 2024. Vol. 4. No. 7. P. 89 – 94.
7. Kunin A.V. A Course in Modern English Phraseology: A Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow: Vysshaya Shkola; Dubna: Feniks Publishing Center, 1996. 380 p.
8. Lubenskaya S.I. Russian-English Phraseological Dictionary. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury. Koshelev, 1997. 1017 p.
9. Molotkov A.I. Fundamentals of Russian Phraseology. USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language. Leningrad: Nauka (Leningrad Branch), 1977. 283 p.
10. Fedulenkova T.N. English Phraseology: A Course of Lectures. Arkhangelsk, 2000. 132 p.

Информация об авторах

Саламова Н.А., *кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных факультетов, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, satiust74@list.ru*

Алескерова Н.Г., *Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, satiust74@list.ru*

© Саламова Н.А., Алескерова Н.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’272
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-124-128

[1] Алшаар М.М. ***[1] Тюменский государственный университет***

Прагматические функции английского языка как lingua franca в сирийской деловой переписке (2010-2020)

Аннотация: *в статье анализируются прагматические функции английского языка как языка-посредника (lingua franca) в деловой переписке с сирийскими организациями в 2010-2020 годах. Материалом послужил корпус из 84 документов: коммерческие предложения, контракты, письма, тендеры. Выявлены три ключевые функции: снятие политической окраски, выстраивание профессиональной дистанции и демонстрация глобальной ориентации. Показано, что английский язык выполняет не только информационную, но также регулятивную и контактоустанавливающую функции. Результаты могут применяться в курсах по межкультурной коммуникации и деловому общению в арабском мире.*

Ключевые слова: *прагматика, lingua franca, английский язык, деловая переписка, Сирия, коммуникативные стратегии*

Для цитирования: Алшаар М.М. Прагматические функции английского языка как lingua franca в сирийской деловой переписке (2010-2020) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 124 – 128. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-124-128

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Alshaar M.M. ***[1] University of Tyumen***

Pragmatic functions of English as a lingua franca in Syrian business correspondence (2010-2020)

Abstract: *the article analyzes the pragmatic functions of English as a lingua franca in business correspondence with Syrian organizations between 2010 and 2020. The research material comprises a corpus of 84 documents, including commercial offers, contracts, letters, and tenders. Three key functions were identified: depoliticization, establishing professional distance, and demonstrating global orientation. The study shows that English serves not only an informational purpose but also performs regulative and contact-establishing functions. The findings can be applied to academic courses on intercultural communication and business interaction in the Arab world.*

Keywords: *pragmatics, lingua franca, English language, business correspondence, Syria, communicative strategies*

For citation: Alshaar M.M. Pragmatic functions of English as a lingua franca in Syrian business correspondence (2010-2020). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 124 – 128. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-124-128

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В современном мире, где экономика и политика тесно переплетены, выбор языка в деловом общении давно перестал быть простым техническим вопросом. Особенно остро это ощущается в регионах, где сталкиваются интересы разных стран. Сирия в 2010-2020 годах представляет собой яркий пример такого пересечения. Вооружённый конфликт, санкционное давление и смена внешнеполитического курса привели к трансформации торговых потоков и, как следствие, к пересмотру языковых стратегий в деловой переписке [6, с. 89-112, 16, с. 210-245].

В международных контактах английский язык давно стал главным языком-посредником. Однако в сирийских условиях его использование выглядит неоднородно. В одних случаях он нейтрализует политические подтексты, в других – служит сигналом о том, что компания работает на глобальном уровне, а иногда – помогает выстроить дистанцию с партнёром [13, с. 103-120, 9, с. 45-78].

Цель настоящей работы – выявить и описать прагматические функции английского языка в деловой переписке, адресованной сирийским организациям. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1) охарактеризовать языковую ситуацию в Сирии в исследуемый период;
2) систематизировать корпус деловых документов по языковому признаку;
3) выделить основные стратегии выбора языка;
4) определить связь между языком документа и геополитическим позиционированием компании-отправителя.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составляет корпус из 84 деловых документов, собранных в ходе диссертационного исследования. Источниками выступили архивные материалы торгово-промышленных палат Дамаска и Алеппо, документы Сирийско-российского делового совета, переписка Федерации торговых палат Сирии, а также документы частных предпринимателей, предоставленные на условиях анонимизации.

В корпус вошли следующие типы документов: электронные письма и деловая переписка (30%), коммерческие предложения и оферты (28%), контракты и договоры поставки (22%), тендерная документация (12%), прочие типы документов (8%). Каждый документ анализировался по следующим параметрам: язык основного текста, наличие перевода, наличие этикетных формул на арабском или английском языке, способ написания названия компании (арабской графикой или латиницей), статус адресата (государственное учреждение, частная компания, международная организация), сектор экономики.

В работе применялись методы прагматического анализа (выявление коммуникативных стратегий), дискурс-анализа (изучение структуры текста) и количественной обработки данных (оценка частотности стратегий). Теоретической основой послужили исследования по теории lingua franca [4, с. 230, 8, с. 304, 15, с. 272], прагматике деловой коммуникации [2, с. 166, 14, с. 216, 5, с. 41-58], а также работы по арабской диалектологии и языковой ситуации в Сирии [3, с. 456, 1, с. 312, 10, с. 392].

Результаты и обсуждения

Общая картина языкового выбора.

Анализ исследуемого корпуса показал, что английский язык присутствует в 38% документов (32 из 84). В 15% случаев он является единственным языком документа, в 23% – используется параллельно с арабским. Чаще всего английский встречается в документах по поставке оборудования (45%), потребительским товарам (30%) и логистике (15%).

Три основные прагматические функции.

В ходе анализа были выделены три ключевые прагматические функции английского языка в сирийской деловой переписке.

Снятие политической окраски. Данная функция отчётливо прослеживается в документах компаний из Китая, Малайзии, Индии и Индонезии. Эти страны не относятся к числу военно-политических союзников Сирии. Для них английский – способ избежать лишних геополитических смыслов. В таких письмах отсутствуют арабские формулы вежливости, вместо них используются стандартные англоязычные клише: «Dear Sirs», «We are pleased to offer», «Looking forward to your reply». Это создаёт нейтральный фон для делового разговора, свободный от культурных и политических обертонов [12, с. 298].

Выстраивание профессиональной дистанции. Вторая функция связана с формализацией отношений. Английский помогает держать дистанцию, что особенно важно для краткосрочных контактов. В таких документах отсутствуют личные обращения, благодарности или ритуальные формулы, обязательные в арабской деловой культуре. Примером служит письмо индийской компании, в котором присутствуют только факты:

описание продукции, цены, сроки. Для сирийского адресата такой стиль выглядит профессионально, но дистанцированно [13, с. 103-120].

Сигнализирование о глобальной ориентированности. Третья функция представляет собой маркер глобальной идентичности. Английский язык показывает, что компания работает на международном уровне, владеет современными стандартами деловой коммуникации и открыта к сотрудничеству с партнёрами из разных стран. Ярче всего это проявляется в гибридных формах, когда основной текст написан по-арабски, а название компании – латиницей. Такой подход позволяет сохранить арабскую идентичность и одновременно продемонстрировать международный статус [9, с. 45-78].

Примеры из корпуса.

Пример 1 (снятие политической окраски). Письмо китайской компании (2016): «Dear Sirs, We are pleased to offer you our products. Please find attached the catalogue and price list. We look forward to your reply». В письме отсутствуют арабские формулы вежливости, используются только стандартные английские клише.

Пример 2 (выстраивание дистанции). Письмо индийской компании (2018): «Subject: Offer for Equipment Supply. We refer to your inquiry dated 15 May 2018. We confirm availability of the requested items. Prices are valid until 31 December 2018». Документ построен по модели краткого информационного сообщения, личные обращения и благодарности отсутствуют.

Пример 3 (сигнализирование о глобальной ориентированности). Письмо египетской компании (2017) содержит арабский основной текст, но название компании оставлено латиницей: « **نشكر لكم حسن تعاونكم. نحن** U Trade Egypt **متخصصة** в **توريد المواد الغذائية**.»: «**نشكر لكم حسن تعاونكم. نحن شركة** U Trade Egypt **متخصصة** в **توريد المواد الغذائية**».

Полученные данные подтверждают, что английский язык в сирийской деловой переписке выполняет не только информационную функцию. Выбор языка является частью более широкой прагматической стратегии, включающей управление имиджем компании, выстраивание отношений с адресатом и адаптацию к политическому контексту [7, с. 556-578].

Выделенные три функции не являются взаимоисключающими. В одном документе могут сочетаться несколько функций в зависимости от статуса адресата, типа документа и сектора экономики. В документах, переведённых на арабский язык, английский часто отсутствует, что отражает стремление компаний к интеграции в сирийский рынок [11, с. 563-606].

Азиатские компании используют английский язык как прагматический ресурс, позволяющий снизить транзакционные издержки и избежать политических рисков. В условиях экономического давления и нестабильности этот фактор становится критически важным [17, с. 78-92].

Гибридные форматы представляют особый интерес, поскольку они демонстрируют условность границ между языками. Арабский текст обеспечивает культурную близость с получателем, а латиница в названии компании сигнализирует о международной узнаваемости. Оба кода могут функционировать в рамках одного документа, дополняя друг друга. Это не технический приём, а осознанная прагматическая стратегия [18, с. 45-63].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В сирийской деловой переписке периода 2010-2020 годов английский язык выполняет три основные прагматические функции: нейтрализацию политической маркированности, установление профессиональной дистанции и сигнализирование о глобальной ориентированности компании [8, с. 304].

2. Выбор английского языка не является нейтральным техническим решением, а представляет собой прагматическую стратегию, направленную на достижение конкретных коммуникативных целей: уход от политических коннотаций, формализация отношений и создание имиджа глобального игрока [9, с. 45-78].

3. Использование английского языка в качестве lingua franca в сирийском деловом дискурсе обеспечивает компаниям гибкость, позволяя адаптироваться к изменяющимся экономическим и политическим условиям, снижать риски и повышать эффективность коммуникации [9, с. 45-78].

4. Гибридные форматы, сочетающие арабский основной текст с латинизированным названием компании, представляют собой особый прагматический ресурс, позволяющий совмещать культурную близость с международной узнаваемостью [9, с. 45-78].

5. Полученные результаты дополняют существующие исследования по прагматике деловой коммуникации и могут быть использованы при разработке курсов по межкультурному общению и деловому этикету в арабском мире. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов при разработке языковых стратегий для компаний, выходящих на рынки Ближнего Востока. Перспективы даль-

нейших исследований связаны с расширением корпуса за счёт документов из других арабских стран, а также с изучением динамики языкового выбора после 2020 года [9, с. 45-78].

Список источников

1. Арнольд В., Климиук М. (ред.). Арабская диалектология: методология и полевые исследования. Висбаден: Харрасовиц Верлаг, 2019. 312 с.
2. Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 1962. 166 с.
3. Бенштедт П. Лингвистический атлас Сирии. Висбаден: Харрасовиц Верлаг, 1997. 456 с.
4. Кристал Д. Английский язык как глобальный. 2-е изд. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2003. 230 с.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Синтаксис и семантика. 1975. Т. 3. С. 41 – 58.
6. Хоулз К. Современный арабский язык: структуры, функции и разновидности. Испр. изд. Вашингтон: Издательство Джорджтаунского университета, 2004. 380 с.
7. Хаус Дж. Английский язык как лингва франка: угроза многоязычию? // Журнал социолингвистики. 2003. Т. 7. № 4. С. 556 – 578.
8. Дженкинс Дж. Мировой английский: хрестоматия для студентов. 2-е изд. Лондон: Рутледж, 2009. 304 с.
9. Кечкеш И. Английский язык как лингва франка: прагматический аспект. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2019. 278 с.
10. Манфреди С., Тоско М. (ред.). Арабский язык в контакте. Амстердам: Джон Бенджаминс, 2018. 392 с.
11. Напюрковская Л. Еще раз о гипотезе «арамейского субстрата» в Леванте // Журнал семитских исследований. 2022. Т. 67. № 2. С. 563 – 606.
12. Пончини Дж. Дискурсивные стратегии на мультикультурных деловых встречах. Берн: Питер Ланг, 2004. 298 с.
13. Роджерсон-Ревелл П. Использование английского языка для международного бизнеса: европейское тематическое исследование // Английский язык для специальных целей. 2007. Т. 26. С. 103 – 120.
14. Серль Дж. Р. Речевые акты: эссе по философии языка. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1969. 216 с.
15. Зайдльхофер Б. Понимание английского языка как лингва франка. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2011. 272 с.
16. Верстег К. Арабский язык. 3-е изд. Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета, 2014. 410 с.
17. Сидорова Е. В. Языковые стратегии в деловой коммуникации Ближнего Востока // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 78 – 92.
18. Смирнова О. А. Прагматика делового дискурса в арабском мире // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 45 – 63.

References

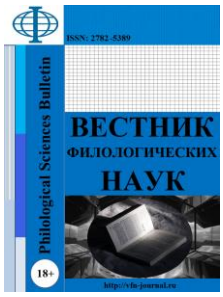
1. Arnold W., Klimiuk M. (eds.). Arabic Dialectology: Methodology and Field Research. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. 312 p.
2. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 166 p.
3. Behnstedt P. Linguistic Atlas of Syria. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 456 p.
4. Crystal D. English as a Global Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 230 p.
5. Grice H. P. Logic and Conversation. Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 41 – 58.
6. Holes C. Modern Arabic: Structures, Functions, and Varieties. Rev. ed. Washington: Georgetown University Press, 2004. 380 p.
7. House J. English as a Lingua Franca: A Threat to Multilingualism? Journal of Sociolinguistics. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 556 – 578.
8. Jenkins J. World Englishes: A Resource Book for Students. 2nd ed. London: Routledge, 2009. 304 p.
9. Kecskes I. English as a Lingua Franca: The Pragmatic Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 278 p.
10. Manfredi S., Tosco M. (eds.). Arabic in Contact. Amsterdam: John Benjamins, 2018. 392 p.
11. Napyurkovskaya L. Revisiting the "Aramaic Substrate" Hypothesis in the Levant. Journal of Semitic Studies. 2022. Vol. 67. No. 2. P. 563 – 606.
12. Poncini G. Discursive Strategies in Multicultural Business Meetings. Bern: Peter Lang, 2004. 298 p.

13. Rogerson-Revell P. Using English for International Business: A European Case Study. English for Specific Purposes. 2007. Vol. 26. P. 103 – 120.
14. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 216 p.
15. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 272 p.
16. Versteegh K. The Arabic Language. 3rd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 410 p.
17. Sidorova E.V. Linguistic Strategies in Middle Eastern Business Communication. Moscow University Bulletin. Series 9: Philology. 2023. No. 4. P. 78 – 92.
18. Smirnova O.A. Pragmatics of Business Discourse in the Arab World.Topics in the Study of Language. 2021. No. 5. P. 45 – 63.

Информация об авторах

Алшаар М.М., *Тюменский государственный университет*

© Алшаар М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004.032.6
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-129-141

[1] Болдина К.А.

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Патриотический потенциал мультимедийного спецпроекта: тематические кластеры и мультимедийный репертуар

Аннотация: *статья посвящена измерению патриотического потенциала мультимедийных журналистских спецпроектов российских средств массовой информации. Цель исследования состоит в том, чтобы установить, какие тематические кластеры формируют патриотический дискурс цифровой журналистики и различаются ли эти кластеры по составу и глубине задействованных мультимедийных средств. Задачи работы включают операционализацию признака патриотического потенциала применительно к журналистскому спецпроекту, построение тематической типологии выделенного подкорпуса, измерение параметров поликодовости по трем независимым осям и сопоставление кластеров по составу и глубине задействованных средств. Эмпирическую базу составили 253 мультимедийных спецпроекта девяти федеральных изданий, опубликованных с 2013 года по август 2026 года, из которых по формализованным критериям выделен подкорпус в 155 материалов, обладающих патриотическим потенциалом. Применены количественный контент-анализ со сплошной разметкой массива, шкалирование поликодовости по модусной, интерактивной и динамической осям и сопоставление полученных распределений по размаху различий. Установлено, что историческая память образует крупнейший, но не преобладающий кластер: две трети подкорпуса приходится на научно-технологический потенциал, культурное достояние, оборонную тематику и территориально-туристическое направление. Кластеры отчетливо различаются по составу мультимедийных элементов и по частоте динамической подачи, где расхождение достигает четырех десятков процентных пунктов, тогда как параметры глубины поликодовости от тематики практически не зависят и выступают характеристиками формата в целом. Доля материалов с патриотическим потенциалом выросла с 53,3 % в 2013-2017 годах до 69,9 % в 2022-2026 годах. Практическая значимость работы связана с возможностью применения предложенной системы измерения при редакционном планировании спецпроектов и при оценке их выразительного ресурса.*

Ключевые слова: *мультимедийный спецпроект, лонгрид, патриотизм, поликодовость, контент-анализ, интерактивность, визуальная плотность, российские СМИ*

Для цитирования: Болдина К.А. Патриотический потенциал мультимедийного спецпроекта: тематические кластеры и мультимедийный репертуар // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 129 – 141. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-129-141

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] ***Boldina K.A.***

[1] ***National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod***

The patriotic potential of the multimedia special project: thematic clusters and multimedia repertoire

Abstract: *the article measures the patriotic potential of multimedia journalistic special projects in Russian media. The aim of the study is to establish which thematic clusters shape the patriotic discourse of digital journalism and whether these clusters differ in the composition and depth of the multimedia devices they employ. The objectives include operationalising the attribute of patriotic potential as applied to the journalistic special project, constructing a thematic typology of the identified subcorpus, measuring polycode parameters along three independent axes, and comparing the clusters by the composition and depth of the devices employed. The empirical base comprises 253 multimedia special projects published by nine federal outlets between 2013 and August 2026, from which a subcorpus of 155 items possessing patriotic potential was extracted according to formalised criteria. The methods applied are quantitative content analysis with exhaustive coding of the array, polycode scaling along the modal, interactive and compositional-dynamic axes, and comparison of the resulting distributions by the range of differences. It is established that historical memory forms the largest but not the predominant cluster: two thirds of the subcorpus falls to scientific and technological achievement, cultural heritage, defence topics and the territorial and tourism direction. The clusters differ markedly in the composition of multimedia elements and in the frequency of dynamic presentation, where the spread reaches some forty percentage points, whereas the parameters of polycode depth depend on subject matter hardly at all and function as characteristics of the format as a whole. The share of items with patriotic potential grew from 53.3 % in 2013-2017 to 69.9 % in 2022-2026. The practical value of the study lies in the applicability of the proposed measurement system to editorial planning of special projects and to the assessment of their expressive resource.*

Keywords: *multimedia special project, longread, patriotism, polycodality, content analysis, interactivity, visual density, Russian media*

For citation: Boldina K.A. The patriotic potential of the multimedia special project: thematic clusters and multimedia repertoire. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 129 – 141. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-129-141

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 13, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет измерение патриотического потенциала мультимедийного спецпроекта, то есть формата, за тринадцать лет прошедшего путь от единичного редакционного эксперимента до устойчивой практики федеральных изданий, посредством раздельной фиксации тематических, функциональных и поликодовых характеристик материала, что позволяет перевести вопрос о трансляции патриотических смыслов из области качественных наблюдений в область сопоставимых показателей.

Цели и задачи исследования: установить, какие тематические кластеры формируют патриотический дискурс мультимедийных спецпроектов российских СМИ и расходятся ли эти кластеры по составу и глубине задействованных мультимедийных средств. Отсюда и задачи работы. Первая состоит в том, чтобы операционализировать признак патриотического потенциала применительно к журналистскому спецпроекту. Далее требуется построить тематическую типологию выделенного подкорпуса и измерить параметры поликодовости каждого материала по трем независимым осям. Завершает работу сопоставление кластеров между собой и прослеживание динамики показателей во времени.

Патриотизм как объект медийного дискурса изучается сразу в нескольких традициях. Здесь сходятся теория журналистики, политическая коммуникация, аксиология, культурфилософия. Каждая традиция предлагает свой инструментарий для описания роли СМИ в формировании патриотических установок аудитории. Накопленные подходы группируются по нескольким направлениям. Одно из них трактует патриотизм как многоуровневую ценностную категорию. Второе направление обращено к функциям журналистики в контексте патриотического воспитания. Наконец, изучаются конкретные медийные форматы и практики, через которые патриотические смыслы доходят до аудитории. Проведем обзор этих направлений, обращая внимание прежде всего на те положения, которые допускают эмпирическую проверку.

Теоретическому осмыслению патриотизма как элемента медиадискурса посвящена работа М.Л. Князевой, С.В. Титовой и Е.В. Зелениной, в которой анализируются медиапубликации трех российских изданий

за период 2014-2017 годов. Авторы исходят из того, что патриотизм имеет константные и переменные составляющие и что природа его не сводима к политической проекции, а коренится в первичном базовом жизненном переживании человека, связанном с его биоэкологической и социогенетической привязанностью к месту рождения и культурно-исторической среде [5, с. 248]. На этом основании исследователи выделяют четыре измерения патриотизма – природно-географическое, историко-культурное, государственно-политическое и психологически-народное, каждое из которых получает собственное воплощение в медиатексте и может быть оценено по шкале позитивности-негативности [5, с. 249]. Принципиально важным для нашей работы мы считаем вывод о том, что полноценный патриотизм есть творческое, активно-созидательное отношение к миру и жизни, проявляющееся как созидание и сострадание [5, с. 248], поскольку из этого положения прямо следует, что тематический спектр патриотического дискурса не может быть ограничен военно-историческим нарративом. При этом призыв авторов сделать патриотизм главной контент-стратегией ведущих национальных СМИ [5, с. 249] сопровождается оговоркой о необходимости уйти от узко политизированного понимания явления, и эта оговорка, на наш взгляд, и составляет наиболее продуктивную часть их концепции.

Параллельную линию анализа развивает И.В. Ерофеева, которая определяет одну из основных задач современных СМИ как необходимость активизировать в сознании россиян национальные чувства семантическими ресурсами концепта «патриотизм» [4, с. 167]. Исследователь обращает внимание на двойственность информационного пространства: коммерциализация медиарынка способствует распространению гедонистического текста, а эксплуатация патриотической риторики в политической дискуссии лишает концепт истинного содержания [4, с. 168], хотя современные СМИ все чаще демонстрируют образцы служения России, вызывая чувства национальной гордости [4, с. 170]. Особое значение И.В. Ерофеева придает концепту «патриотизм демонстрирует величие человека», называя его наиболее значимым и одновременно наиболее проблематичным в медиадискурсе [4, с. 171]. Мы полагаем, что именно в мультимедийных спецпроектах о научных достижениях и культурном наследии этот концепт получает наиболее отчетливую реализацию, поскольку демонстрация величия осуществляется здесь не декларативно, а через развернутый нарратив созидания.

Вопрос о роли средств массовой коммуникации в формировании общероссийской идентичности и гражданского патриотизма рассматривает Н.А. Муликова, опираясь на культурфилософский и аксиологический подходы. Автор подчеркивает, что влияние СМИ на сознание происходит посредством воздействия на процессы идентификации: человеку преподносятся готовые формы идентичности, которые неосознанно им воспринимаются [8]. Данное наблюдение приобретает особую значимость применительно к мультимедийным спецпроектам, способным благодаря иммерсивности предъявлять идентификационные модели с повышенной эффективностью. Н.А. Муликова настаивает на широком понимании патриотизма как принятия личной ответственности за свою историю, культуру, духовное наследие и среду обитания [8] и формулирует рекомендацию формировать историческое сознание граждан, транслировать духовно-нравственные ценности и достижения Отечества [8]. Эта формулировка, как мы можем заметить, имплицитно охватывает весь тематический спектр, который был выделен нами в ходе эмпирического анализа, и потому служит для нашей типологии дополнительным теоретическим основанием.

Функциональный подход к анализу журналистики разрабатывает Е.Л. Вартанова, определяя журналистику как полифункциональную систему, которая комплексно удовлетворяет первичные и вторичные потребности общества [1, с. 3]. В предложенной ею классификации для настоящего исследования особое значение имеют культурно-формирующие функции, включающие формирование политической культуры, экономическое образование, этику, эстетику и культуру поведения [1, с. 12]. Исследователь подчеркивает при этом, что подготовка журналистов в России осуществляется в соответствии с традициями, предполагающими, что работа в редакциях напрямую связана с формированием интеллекта нации [1]. Эта установка многое объясняет. Крупнейшие российские медиа систематически вкладывают в просветительские спецпроекты значительные ресурсы, заведомо не рассчитывая на их окупаемость.

О роли СМИ как агента социальной интеграции пишет С.Г. Корконосенко. Высокие результаты, по его наблюдению, дает методика социального проектирования, обращенного к нуждам и надеждам жителей и вовлекающего их в практическое решение проблем [6, с. 424]. Общественная активность при этом возникает лишь тогда, когда профессиональная идеология журналистики включает сильный интегративный компонент [6, с. 417]. Мультимедийный спецпроект допустимо рассматривать в этой логике как интегрирующий формат наряду с информационным. Оптика кажется нам продуктивной. Она объясняет устойчивый интерес редакций к темам без новостного повода и без коммерческой перспективы.

От теории перейдем к конкретным практикам патриотической журналистики в цифровой среде.

Цифровая трансформация медиасреды изменила не только технологию производства журналистского контента, но и сам репертуар выразительных средств, которыми располагает редакция. В. Каул отмечает, что функция журналиста в цифровой среде смещается от передачи сведений к их обработке, структурированию и контекстуализации [14], а А. Серрано Теллериа рассматривает возникающие при этом формы производства как результат перенесения дизайн-мышления на журналистскую задачу [15]. Для нашей работы существенны оба наблюдения. Мультимедийный спецпроект предстает в этой оптике как иная организация журналистского высказывания, где визуальный и интерактивный слои несут самостоятельную смысловую нагрузку. Привычное представление о нем как о технической надстройке над текстом такую нагрузку не предполагает. Между тем вопрос о работе этой организации применительно к трансляции ценностей, и в частности ценностей патриотических, до сих пор количественного описания не получил.

Укрепление исторической памяти населения через распространение достоверного контента новыми медийными средствами отмечают А.В. Возженников и А.Н. Кузнецов [2, с. 76]. Патриотический эффект и эмоциональность патриотических акций новые медиа, по их наблюдению, значительно повышают, а интернет-пользователь становится виртуальным участником [2, с. 79]. К мультимедийным спецпроектам это применимо напрямую. Интерактивные механики превращают здесь потребителя контента в участника нарратива. Степень такой вовлеченности, впрочем, до сих пор не измерялась. Измерение ее и составляет одну из задач нашей работы.

Непосредственно проблематику спецпроектов как инструмента патриотического воспитания затрагивает Д.В. Вопсева, формулируя положение о том, что средства массовой информации не столько выполняют роль информатора, сколько являются инструментом воздействия на мнение общественности и одновременно субъектом формирования посредством передаваемого контента и форм его подачи [3, с. 41]. Массмедиа, по оценке автора, стали признанным и весьма эффективным национальным ресурсом в деятельности государства по социализации и воспитанию личности, при этом одной из базовых ценностей, как и прежде, остаются гражданственность и патриотизм [3, с. 41]. Особенно важным нам кажется то, что формы подачи контента выделены здесь в самостоятельный фактор воздействия. Оценкой содержания анализ теперь не исчерпывается, поскольку в расчет приходится брать и конкретные журналистские формы, а это и открывает дорогу формализованному измерению.

Когнитивное измерение патриотического медиадискурса анализирует М.И. Юсупова. Идентификация, по ее наблюдению, создает эталонную модель для подражания, тогда как патриотизм оживляет родину, пробуждает личные чувства и вдохновляет на самоотверженные поступки [16, с. 205]. Особую роль исследователь отводит интертекстуальности: она обогащает понимание национальных чувств и усиливает позитивную ауру понятия «Россия» [16, с. 205]. Нам важно, что в мультимедийном спецпроекте интертекстуальность перестает быть только словесной. Архивные фотографии, видеохроника, анимированная инфографика и интерактивные карты образуют здесь такую систему смысловых связей, какую линейный текст выстроить не в состоянии.

Ю.Ю. Сладкомедова, разбирая конкретные мультимедийные проекты, видит в патриотической журналистике средство укрепления национального единства и роста гражданской ответственности [9]. Тем же путем идет и работа на позитивный имидж страны. Материалом ей служат проекты о выдающихся деятелях отечественной истории. Аналитический ход остается при этом качественным. Вопрос о представительности приводимых примеров тем самым остается открытым.

Дополнительные аналитические рамки дает зарубежная традиция. Индикаторами патриотической журналистики А. Гиносар и И. Коновалов называют принятие государственных рамок, выражение солидарности с обществом и игнорирование нарративов противника [12, с. 368]. В онлайн-интерактивной среде патриотическое освещение национальных событий выглядит естественной частью журналистской работы. Сознательным выбором оно бывает не всегда: в ряде случаев журналисты просто не могут действовать иначе, кроме как выражая солидарность со своим сообществом [12, с. 370-371]. Для операционализации нашего предмета это наблюдение особенно важно. Им объясняется, почему спецпроекты о научных достижениях, культурном наследии или природном богатстве регионов транслируют патриотические смыслы, формально не будучи патриотическими. Т. Харкап добавляет к этому иную перспективу. Само производство журналистики, если оно движимо стремлением информировать гражданское общество, есть форма активного гражданства, а цифровые медиа заметно расширили возможности такой активности [13, с. 5]. Спецпроект в этой логике оказывается формой соучастного конструирования общей идентичности. Дидактическое воспитание такой рамкой не описывается.

В контексте институциональных механизмов патриотической журналистики следует отметить работу А.Н. Чумикова, который рассматривает государственные медийные конкурсы как стратегию добровольно-

го и массового вовлечения журналистов в дело патриотического воспитания граждан [10, с. 111], сопровождающуюся процессом вовлечения и «самовоспитания» журналиста в русле актуальных тем и ценностей с последующим воспроизводством их в авторских материалах [10, с. 114]. Этот механизм, на наш взгляд, объясняет, каким образом патриотическая тематика проникает в спецпроекты, формально не заказанные как патриотические. Г.С. Мельник с соавторами отмечают, что в последние годы в контексте информационных войн и ценностного раскола значительно вырос объем выполняемых СМИ функций, прежде всего защитных, и что СМИ порождают новые смыслы, дают номинации новым явлениям и событиям, наполняя их особым значением [7]. Наконец, Э.О. Эбелинг с соавторами формулируют тезис о патриотизме как необходимом условии стабильного развития общества и основе национального единства [11, с. 2] и приходят к выводу о решающем вкладе СМИ в формирование и распространение патриотических идей, особенно среди молодежи [11, с. 10]. Акцент на молодежной аудитории для нас не случаен. Мультимедийный спецпроект по самой своей природе адресован цифровому читателю.

Теоретическая база для осмысления патриотической функции журналистики, как показывает проведенный обзор, сложилась достаточно развитая. Лакуны в ней тем не менее заметны. Большинство исследований сосредоточены на традиционных текстовых форматах и специфику мультимедийных и интерактивных решений не учитывают. Патриотический дискурс к тому же по-прежнему ассоциируется преимущественно с военно-исторической и государственно-политической тематикой, тогда как природно-географическое, научно-технологическое и культурное измерения описаны фрагментарно. Наиболее существенным нам представляется третье обстоятельство. Работы о патриотическом потенциале цифровых форматов носят преимущественно качественный характер. Приводимые в них примеры не сопровождаются данными о представительности, а утверждения о различиях в мультимедийном оснащении материалов разной тематики формулируются как наблюдения и не проверяются.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составил корпус мультимедийных спецпроектов девяти федеральных российских изданий – ТАСС, «Известия», Lenta.ru, «РИА Новости», «Российская газета», «Аргументы и факты», Gazeta.ru, «Коммерсантъ» и RT, – опубликованных с 2013 года по август 2026 года. Первичный массив включал 465 материалов, отобранных по критерию выделенности: наличие отдельной страницы с собственным дизайнерским оформлением, отличным от типового шаблона издания. Из массива были последовательно исключены рекламные спецпроекты; мономедийные материалы, в которых задействован лишь один невербальный семиотический модус; зонтичные проекты, представляющие собой оболочку с подборкой анонсов, переходы из которой ведут на обычные статьи в других рубриках издания; чисто интерактивные материалы – тесты, игры, квесты и симуляторы, не имеющие развернутой текстовой и визуальной основы. Итоговый корпус составил 253 спецпроекта.

Основным методом исследования выступил количественный контент-анализ со сплошной разметкой массива и последующим сопоставлением полученных распределений. Каждая единица корпуса была размечена по восьми тематическим и восьми функциональным категориям, по жанру текстовой основы, по составу мультимедийных элементов, а также по трем независимым параметрам поликодовости.

Функциональная категоризация выполнялась независимо от тематической и фиксировала преобладающую коммуникативную задачу материала. Мы выделяем восемь функциональных типов: просветительский, ориентированный на объяснение устройства предмета или явления; мемориально-историографический, обращенный к сохранению памяти о событии или человеке; консолидирующе-интерпретирующий, предъявляющий читателю общую рамку понимания текущего положения дел; культурно-эстетический, обеспечивающий встречу с художественным произведением или явлением культуры; социально-ориентирующий, связанный с поддержкой определенных групп и практик; сервисно-навигационный, дающий читателю прикладное знание, применимое за пределами материала; имиджево-партнерский, работающий на репутацию института или территории; рекреативно-игровой, где ведущей задачей выступает развлечение. Каждому материалу присваивалась одна доминирующая функция; все приводимые ниже распределения строятся по ней.

Разделение тематической и функциональной разметки принципиально для наших дальнейших рассуждений, поскольку одна и та же тема допускает разные коммуникативные задачи, а одна и та же задача решается на разном материале: спецпроект о космической программе может быть выстроен и как объяснение устройства аппарата, и как мемориальное повествование о людях, и эти два решения предполагают разный набор выразительных средств при совпадающей тематике. Именно поэтому мы не сводим функцию к производной от темы и рассматриваем их соотношение как самостоятельный результат.

Поликодовость измерялась по трем осям, каждая из которых фиксирует самостоятельный механизм удержания внимания. Модусная ось отражает число задействованных невербальных семиотических модусов – статичное изображение, движущееся изображение, звук, визуализация данных; текстовая основа принимается как данность формата и в подсчет не входит, поскольку в противном случае критерий не отсекал бы ничего. Интерактивная ось фиксирует глубину требуемого от читателя действия по четырехступенчатой шкале, где учитывается высшая достигнутая ступень: 1 – раскрытие смысловых слоев, 2 – манипулирование объектом или панорамой 360 градусов, 3 – тест или квиз, 4 – игра, квест, симулятор; нулевая ступень соответствует линейному чтению. Навигационные механики – карусели, вкладки, меню, выбор главы – отнесены к технике доступа и самостоятельным интерактивом не считаются. Динамическая ось учитывалась бинарно и фиксирует, разворачивается ли подача во времени: скроллителлинг, параллакс, смена визуальных состояний по прокрутке; простая прокрутка длинной страницы к этой оси не относится.

Дополнительно для каждого материала был рассчитан коэффициент визуальной плотности – отношение общего числа визуальных элементов (иллюстраций, видеофрагментов, аудиофрагментов) к объему текста в тысячах знаков без пробелов. Данный показатель позволяет сопоставлять насыщенность материалов разного объема и отделять действительно насыщенные визуальным рядом проекты от протяженных текстов с редкими иллюстрациями.

Признак патриотического потенциала операционализирован нами через два условия, применяемых совместно. Первое – референциальное: объектом материала выступает Россия, ее прошлое, территория, население, культура или достижения. Второе – модальное: доминирующая модальность изложения является утверждающей, то есть материал предъявляет объект как ценность, а не как проблему. Второе условие введено осознанно: проекты, посвященные России, но выстроенные в критико-проблемной модальности (наркорынок, теневая экономика, домашнее насилие), а также материалы о зарубежных реалиях без российского референта в подкорпус не включались. Такое решение опирается на положение А. Гиносара и И. Коновалова о выражении солидарности с сообществом как индикаторе патриотической журналистики [12, с. 368] и позволяет избежать отождествления патриотического потенциала с национальной тематикой как таковой. Применение обоих условий к корпусу дало подкорпус в 155 материалов, что составляет 61,3 % от общего объема.

Внутри подкорпуса материалы распределены по пяти тематическим кластерам: К1 – историческая память; К2 – военный потенциал и оборона; К3 – научно-технологический потенциал; К4 – культурное достояние; К5 – территория, город и внутренний туризм. Кластеры К1, К3, К4 и К5 соотносятся преимущественно с тематическими рубриками исходной разметки, тогда как К2 собран поперек рубрик, поскольку материалы о современных вооруженных силах распределены между политической, историко-мемориальной, промышленной и социальной тематикой и как самостоятельная рубрика в исходной разметке не выделялись.

Динамика показателей рассматривалась в разрезе трех периодов: П1 – 2013-2017 годы, П2 – 2018-2021 годы, П3 – 2022-2026 годы. Периодизация опирается на смену технологического и институционального контекста производства спецпроектов и обеспечивает сопоставимые по наполненности группы.

Результаты и обсуждения

Распределение подкорпуса по тематическим кластерам представлено в таблице 1. Наиболее крупным кластером ожидаемо оказалась историческая память, однако принципиально важным мы считаем то обстоятельство, что доля этого кластера не достигает и половины подкорпуса: две трети материалов, обладающих патриотическим потенциалом, приходятся на темы, лежащие за пределами военно-исторического нарратива. Тем самым положение о многоаспектности патриотического дискурса, высказывавшееся в литературе как теоретическое допущение, получает количественное подтверждение.

Кластер исторической памяти объединяет материалы о ключевых событиях отечественной истории и о судьбах людей, с этой историей связанных. Хронологически наиболее ранние образцы формата в российской практике принадлежат именно этому кластеру: спецпроекты «Коммерсанта» «День, когда началась война» и «День, когда кончилась война» выстроены как хроника с воспоминаниями очевидцев и задают модель, которая затем воспроизводится изданиями на протяжении всего рассматриваемого периода – от «Крепости Сталинград» и «Полтава, Карл!» до «Блокады Ленинграда», «Голосов блокадного Ленинграда», «Победы и правды нашей», «Нюрнбергского процесса» и «Бреста. Первого рубежа войны». Функциональная однородность кластера близка к абсолютной: 50 материалов из 52 отнесены к мемориально-историографической функции, что позволяет говорить не просто о тематическом, но о функционально устойчивом типе спецпроекта. Отдельную группу образуют юбилейные проекты о космических достижениях, которые по референту принадлежат прошлому и потому размечены как историко-мемориальные:

«Гагарин. Полет, который объединил человечество», «108 минут, изменившие мир». Биографическая линия представлена материалами «По следам героя» и «Великая Победа. 7 героев войны и их невероятные подвиги», а линия трудового подвига – проектами «Строители Победы» и «Путь Победы». Отметим также, что именно в этом кластере встречаются наиболее протяженные по хронологии композиции: проект «80 дней Победы» организован как календарь завершающего этапа войны, а материал «Бейся, песня: как “Священная война” помогла стране победить» выстроен вокруг истории одного музыкального произведения, что представляет собой характерный для формата прием сужения оптики до единичного объекта при сохранении масштаба темы.

Таблица 1

Тематические кластеры патриотического подкорпуса (N = 155): объем, функциональная доминанта и ведущие издания.

Table 1

Thematic clusters of the patriotic subcorpus (N = 155): size, functional dominant and leading media outlets.

Кластер	N	%	Функциональная доминанта	Ведущие издания
К1. Историческая память	52	33,5	мемориально-историографическая (50 из 52)	«Известия» (14), ТАСС (13), «Российская газета» (11)
К2. Военный потенциал и оборона	13	8,4	консолидирующе-интерпретирующая (5 из 13)	«Известия» (6), ТАСС (2), Lenta.ru (2)
К3. Научно-технологический потенциал	38	24,5	просветительская (21 из 38)	ТАСС (15), «РИА Новости» (12), «Известия» (6)
К4. Культурное достояние	26	16,8	культурно-эстетическая (17 из 26)	ТАСС (9), «Известия» (6), Lenta.ru (3)
К5. Территория, город и внутренний туризм	26	16,8	консолидирующе-интерпретирующая (13 из 26)	«Известия» (11), «РИА Новости» (8), Lenta.ru (2)
Итого	155	100,0	–	–

Примечание: соответствие кластера функциональной категории близко к однозначному – в каждом кластере на доминирующую функцию приходится от 38 до 96 % материалов. Распределение по изданиям, напротив, обнаруживает лишь тяготение редакций к отдельным кластерам при отсутствии закрепленных тематических зон: восемь изданий из девяти представлены более чем в одном кластере.
Note: the correspondence between the cluster and the functional category is close to unambiguous – in each cluster, the dominant function accounts for 18 to 96 % of the materials. The distribution by publications, by contrast, reveals only a tendency of editorial offices to gravitate towards certain clusters, in the absence of fixed thematic areas: eight out of nine publications are represented in more than one cluster.

Кластер военного потенциала и обороны, наименьший по объему, отличается наибольшей внутренней неоднородностью по функциям и собирается поперек рубрик исходной разметки. Сюда вошли материалы о современных вооружениях и технике – «Мощь на экспорт» с трехмерной анимацией нового танка, «Авианесущий крейсер “Адмирал Кузнецов”» с чертежами и картами, «ОН, РОБОТ» о патрульном корабле с виртуальной экскурсией и тестом, «Броней и огнем», совмещающий фотоподборку, виртуальный тур, викторину и игру, а также материалы, связанные со специальной военной операцией: «Всегда на страже», «Вне боя», «Поддержка с земли», «Заминированная Украина», «Доброволец. Моя родина возвращается», «Военкоры». Механизм воздействия здесь заметно отличается от предыдущего кластера: патриотическое чувство формируется не через нарратив жертвенности и скорби, а через нарратив защищенности и технологического превосходства, и это различие, как будет показано далее, обеспечивается и различным набором мультимедийных средств.

Научно-технологический кластер оказался вторым по объему и наиболее последовательно связанным с просветительской функцией. В него вошли проекты о космонавтике – «Спутник один», «Первые космические», «Буран: разбор полета», «Леонов, твой выход!», «Экспресс до МКС», «Таких берут в космонавты»; об атомной отрасли – «Цепная реакция», «Ровесники Победы»; об инженерных и инфраструктурных достижениях – «Ключ от БАМа», «Крымский мост», «Останкинская башня: полвека величия», «Мосты высоких технологий»; о промышленном и технологическом суверенитете – «Технологический суверенитет», «Про запас», «Сделано с Россией», «Мозги свои / ИИ», «Гражданская авиация России». Именно в этом кла-

стере, как показывают дальнейшие расчеты, наиболее активно применяются трехмерные модели, чертежи и схемы, а также динамическая подача материала.

Кластер культурного достояния объединяет материалы о литературе, музыке, изобразительном искусстве, театре, языке и народных промыслах: «Человек-оркестр» о С.В. Рахманинове, «Две судьбы: Есенин и Россия», «Пока в России Пушкин длится…», «Читаем вместе. Рассказ-эпопея М.А. Шолохова «Судьба человека», «Бунтарь. Воин. Атеист... неизвестный Верещагин», «Пора-пора порадоваться» о творчестве И.О. Дунаевского, «День театра» с виртуальными экскурсиями по четырем российским театрам, «Дары речи» о языках народов России, «Возрожденные промыслы», «Наше наследие. Сохраненное и возрожденное», «Россия – миру!», «Откуда начинается Россия» о Херсонесе Таврическом. Отдельного упоминания заслуживают проекты, в которых редакция выступает не транслятором, а заказчиком культурного произведения: пьеса «Белый квадрат», написанная В.Г. Сорокиным специально для издания, представляет собой редкий случай, когда спецпроект становится площадкой первой публикации художественного текста. Материалы этого кластера последовательно выстраивают нарратив культурной идентичности, подчеркивая вклад России и ее деятелей в мировую культуру; при этом нередко используются механики соучастия, как в проекте «Алеет парус», где читателю предлагается собрать собственную открытку выпускника.

Пятый кластер объединяет материалы о территории страны, городской среде и внутреннем туризме. Собственно туристическая линия представлена проектами «Найди свою Карелию», «Открывая Россию», «Отдыхаем здесь», «Крым. 10 преимуществ, которые полуостров дал России за 10 лет», «Русское море», «Россия без границ», «Узнавай страну не только по учебнику», «Новороссия: наследие императоров». Линия городского развития и инфраструктуры включает материалы «Высокие отношения» о сталинских высотках, «Москва строится», «Вода для третьего Рима», «Транспорт в смартфоне», «Возрождение», «Бескрайний крайний» о Дальнем Востоке. Патриотический потенциал этих материалов реализуется через формирование представления о стране как о пространстве, заслуживающем не абстрактной гордости, а практического интереса, и мы полагаем, что именно прикладная направленность отличает данный кластер от остальных.

Ключевой вопрос настоящего исследования состоял в том, различаются ли выделенные кластеры по используемым мультимедийным средствам. Результаты соответствующих расчетов приведены в таблице 2.

Таблица 2

Мультимедийный репертуар тематических кластеров, % материалов кластера.

Table 2

Multimedia repertoire of thematic clusters, % of cluster items.

Элемент	К1	К2	К3	К4	К5	Размах, п.п.
Инфографика статистического типа	51,9	38,5	73,7	38,5	80,8	42,3
Динамическая подача	30,8	15,4	55,3	26,9	15,4	39,9
Видеофрагменты	65,4	84,6	55,3	57,7	53,8	30,8
Чертежи, схемы, 3D-модели	15,4	30,8	42,1	15,4	15,4	26,7
Архивная фотография	23,1	0,0	7,9	3,8	3,8	23,1
Панорамы и изображения 360°	3,8	23,1	5,3	11,5	0,0	23,1
Аудиофрагменты	34,6	30,8	13,2	19,2	15,4	21,4
Картографическая инфографика	40,4	23,1	21,1	38,5	42,3	21,2
Таймлайн	9,6	7,7	21,1	7,7	11,5	13,4

Примечание: строки упорядочены по убыванию размаха – абсолютной разницы между наибольшим и наименьшим показателем по пяти кластерам. Показатели кластера К2 опираются на 13 материалов и потому менее устойчивы, чем остальные.

Note: the rows are ordered in descending order of range – the absolute difference between the highest and lowest indicators across the five clusters. The indicators for cluster K2 are based on 13 materials and are therefore less stable than the others.

Полученные результаты позволяют утверждать, что различия в мультимедийном репертуаре кластеров действительно существуют, однако они распределены неравномерно и касаются лишь части выразительных средств. Архивная фотография закономерно закрепляется за исторической памятью, встречаясь в 23,1 % материалов этого кластера против 3,8-7,9 % в остальных, то есть примерно в шесть раз чаще, а в оборонном кластере не встречаясь вовсе. Чертежи, схемы и трехмерные модели концентрируются в научно-технологическом и оборонном кластерах, что соответствует характеру предъявляемого объекта: устройство спутника, ракеты, тоннеля или корабля не поддается описанию средствами фотографии и требует схематической визуализации. Инфографика статистического типа наиболее частотна в территориальном и научно-технологическом кластерах, где предметом изложения выступают измеримые величины, и наименее – в культурном и оборонном. Панорамы и изображения 360 градусов, при общей невысокой распространенности, заметно чаще встречаются в оборонном кластере, где виртуальный тур по боевой машине или кораблю выполняет функцию демонстрации недоступного объекта; оговорим, впрочем, что этот кластер наименее многочислен и три материала с панорамами дают здесь сразу 23,1 %.

Наиболее показательным нам представляется результат по динамической подаче: скроллителлинг и смена визуальных состояний применяются в 55,3 % материалов научно-технологического кластера против 15,4 % в оборонном и территориальном. Объяснение этому мы видим в природе излагаемого содержания: научное объяснение по сути своей последовательно, оно разворачивается как цепочка причин и следствий, и композиционная динамика оказывается для него не украшением, а адекватной формой изложения. Напротив, материалы территориального кластера чаще строятся как каталог объектов, для которого последовательность несущественна.

Вместе с тем – и этот результат мы считаем не менее важным, чем предыдущие, – параметры глубины поликодовости от тематической принадлежности практически не зависят. Соответствующие данные приведены в таблице 3.

Таблица 3

Параметры поликодовости тематических кластеров.

Table 3

Polycode parameters of thematic clusters.

Кластер	Модусов, среднее	Ступень интеракт., среднее	Доля с интерактивом, %	Коэф. плотности, медиана	Объем, знаков, медиана
К1. Историческая память	2,62	0,75	53,8	2,02	22 550
К2. Военный потенциал и оборона	2,54	1,00	46,2	3,56	16 300
К3. Научно-технологический потенциал	2,47	1,18	55,3	2,07	14 750
К4. Культурное достояние	2,31	1,23	65,4	1,84	19 400
К5. Территория, город и внутренний туризм	2,58	0,62	38,5	2,45	16 100
По подкорпусу	2,52	0,94	52,9	2,29	18 500
Размах между кластерами	0,31	0,61	26,9	1,72	7 800

Примечание: размах по числу модусов составляет 7,8 % четырехбалльной шкалы, по ступени интерактивности – 15,2 %. Медианы коэффициента визуальной плотности у четырех кластеров из пяти укладываются в коридор 1,84-2,45; выделяющееся значение 3,56 принадлежит наименее многочисленному кластеру К2 и приводится справочно.

Note: the range in terms of the number of modes is 7.8% on a four‑point scale, and in terms of the level of interactivity — 15.2%. The medians of the visual density coefficient for four out of five clusters fall within the range of 1.84–2.45; the outlier value of 3.56 belongs to the least numerous cluster, K2, and is provided for reference.

Сопоставление двух таблиц обнаруживает контраст, который и составляет, на наш взгляд, главный результат настоящей работы. По составу выразительных средств кластеры расходятся сильно: размах дости-

гает 42,3 процентного пункта по статистической инфографике и 39,9 пункта по динамической подаче, а по восьми признакам из девяти превышает двадцать пунктов. По глубине же поликодовости кластеры почти совпадают: среднее число задействованных модусов укладывается в интервал от 2,31 до 2,62, занимая менее восьмой части четырехбалльной шкалы, а средняя ступень интерактивности – в интервал от 0,62 до 1,23, то есть около одной седьмой шкалы. Коэффициент визуальной плотности у четырех кластеров из пяти лежит в узком коридоре, и единственное выпадающее значение приходится на кластер из тринадцати материалов, надежность которого мы оцениваем невысоко и в основной вывод не включаем. Различия по глубине, таким образом, на порядок уступают различиям по составу. Этот результат заставляет уточнить исходную гипотезу и, по нашему мнению, представляет самостоятельный теоретический интерес. Тематика материала определяет, какими именно средствами редакция пользуется, но не определяет, насколько глубоко она их применяет: набор инструментов диктуется предметом изложения, тогда как глубина проработки задается ресурсами редакции, техническими возможностями платформы и сложившимися на момент публикации производственными стандартами. Иными словами, состав мультимедийного репертуара является характеристикой темы, а глубина поликодовости – характеристикой формата и эпохи. Практическое следствие этого вывода состоит в том, что оценивать выразительный ресурс спецпроекта, ориентируясь на его тематическую принадлежность, неправомерно: историко-мемориальный проект способен быть настолько же интерактивным, насколько и научно-популярный, и наблюдаемые различия объясняются не темой, а решениями конкретной редакции.

Распределение подкорпуса по трем периодам приведено в таблице 4. Соотношение кластеров во времени меняется заметно, однако характер изменений не сводится к простому вытеснению одного кластера другим.

Таблица 4

Распределение кластеров по периодам, абс. и % внутри периода.

Table 4

Distribution of clusters by period, absolute values and % within period.

Кластер	П1 (2013–2017)	П2 (2018–2021)	П3 (2022–2026)
К1. Историческая память	11 (45,8 %)	12 (23,1 %)	29 (36,7 %)
К2. Военный потенциал и оборона	2 (8,3 %)	2 (3,8 %)	9 (11,4 %)
К3. Научно-технологический потенциал	5 (20,8 %)	20 (38,5 %)	13 (16,5 %)
К4. Культурное достояние	4 (16,7 %)	5 (9,6 %)	17 (21,5 %)
К5. Территория, город и внутренний туризм	2 (8,3 %)	13 (25,0 %)	11 (13,9 %)
Итого по подкорпусу	24	52	79
Доля подкорпуса в корпусе периода	53,3 %	54,7 %	69,9 %

Примечание: доли рассчитаны внутри периода. Показатели периода П1 опираются на 24 материала, что следует учитывать при сопоставлении с последующими периодами.
Note: the shares are calculated within the period. The indicators for period P1 are based on 24 materials, which should be taken into account when comparing them with subsequent periods.

Наиболее устойчивый результат динамического среза состоит в росте доли материалов, обладающих патриотическим потенциалом, в общем объеме корпуса: с 53,3 % в первом периоде до 69,9 % в третьем. Патриотический регистр, таким образом, не просто сохраняется, а расширяется, занимая все большую часть выразительного ресурса, которым располагает редакция при производстве спецпроектов. При этом внутренняя структура подкорпуса меняется не линейно: доля исторической памяти снижается во втором периоде и вновь возрастает в третьем, тогда как научно-технологический и территориальный кластеры демонстрируют обратную траекторию – пик во втором периоде и последующее сокращение. Мы связываем этот противофазный характер изменений с двумя обстоятельствами. Второй период приходится на время, когда крупные инфраструктурные и научные проекты – космическая программа, мостостроение, развитие городской среды – составляли основную повестку долгосрочного планирования редакций, и спецпроекты обслуживали именно эту повестку. Третий период характеризуется концентрацией на юбилейных датах Великой

Отечественной войны и на событиях специальной военной операции, что и объясняет одновременный рост историко-мемориального и оборонного кластеров.

Существенно, что рост исторической памяти в третьем периоде не сопровождается сокращением культурного кластера, который, напротив, достигает в это время максимальной доли (21,5 %). Это наблюдение позволяет уточнить распространенный в литературе тезис о проспективном измерении патриотического дискурса: проспективная составляющая не вытесняет ретроспективную и не приходит ей на смену, а надстраивается над ней, образуя параллельный регистр. Патриотический дискурс мультимедийного спецпроекта, как мы можем утверждать на основании полученных данных, устроен аддитивно: расширение тематического спектра происходит за счет присоединения новых кластеров, а не за счет перераспределения объема между старыми.

Отдельного комментария заслуживает распределение материалов по изданиям. Восемь изданий из девяти представлены более чем в одном кластере, и ни один кластер не закреплен за отдельной редакцией, что говорит о существовании специализации при отсутствии жесткого разделения тематических зон. ТАСС и «РИА Новости» отчетливо тяготеют к научно-технологическому кластеру (15 и 12 материалов соответственно), «Известия» демонстрируют наиболее равномерное покрытие всех пяти кластеров при выраженном лидерстве в территориальном направлении (11 материалов), «Российская газета» сосредоточена преимущественно на исторической памяти. Такая конфигурация, по нашему мнению, отражает не столько редакционную политику в узком смысле, сколько различие институциональных ролей: информационные агентства располагают ресурсом для производства сложной инфографики и потому осваивают темы, требующие визуализации устройства объектов, тогда как издания с сильной региональной сетью естественным образом развивают территориальную тематику.

Выводы

Патриотический потенциал мультимедийного спецпроекта поддается формализованному измерению. Операционализация через референциальное и модальное условия применена нами к корпусу из 253 материалов. Она дала подкорпус в 155 единиц, распределенных по пяти тематическим кластерам. Крупнейший из них образует историческая память, охватывая при этом лишь треть подкорпуса. Остальные две трети приходятся на научно-технологический потенциал, культурное достояние, оборонную тематику и территориально-туристическое направление. Тезис о многоаспектности патриотического дискурса высказывался прежде как теоретическое допущение. Теперь он получает количественное основание.

По составу мультимедийных выразительных средств кластеры расходятся отчетливо, по глубине их применения почти не расходятся. Архивная фотография закрепляется за исторической памятью. Чертежи и трехмерные модели тяготеют к научно-технологическому и оборонному кластерам, статистическая инфографика к территориальному и научно-технологическому. Панорамы 360 градусов чаще всего встречаются в оборонном кластере, динамическая подача в научно-технологическом. При этом расхождение кластеров по составу средств достигает четырех десятков процентных пунктов, тогда как по числу задействованных модусов и по ступени интерактивности оно не выходит за пределы одной седьмой измерительной шкалы. Из этого следует, что состав мультимедийного репертуара определяется предметом изложения, а глубина поликодовости – производственными возможностями редакции и стандартами эпохи, и эти два уровня необходимо различать как при анализе, так и при редакционном планировании.

Доля материалов с патриотическим потенциалом в общем корпусе выросла более чем на пятнадцать процентных пунктов, с 53,3 % в 2013-2017 годах до 69,9 % в 2022-2026 годах. Внутренняя структура подкорпуса менялась при этом не линейно. Проспективные кластеры не вытеснили ретроспективный: расширение тематического спектра носит аддитивный характер, и патриотический дискурс мультимедийного спецпроекта следует описывать не как смену регистров, а как их последовательное наслоение.

Каждый кластер задействует собственный механизм формирования патриотического чувства, и различие этих механизмов подкрепляется различием мультимедийных средств: нарратив жертвенности и памяти опирается на архивную фотографию и звук, нарратив защищенности – на панорамы и чертежи, нарратив созидания – на трехмерную визуализацию и динамическую подачу, нарратив принадлежности к территории – на картографическую и статистическую инфографику. Соответствие между типом нарратива и типом визуального средства не является случайным и, по нашему мнению, может быть положено в основу прикладных рекомендаций по проектированию спецпроектов.

Перспективы исследования мы связываем с переходом от анализа содержания к измерению эффекта – сопоставлению выделенных типов мультимедийного оснащения с показателями глубины просмотра и удержания аудитории, что позволит проверить, действительно ли различие выразительных средств влечет за собой различие в характере рецепции.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 6. С. 3 – 30. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330.

2. Возженников А.В., Кузнецов А.Н. Тема патриотизма и гражданственности в российских СМИ: ретроспектива и современность // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 3. С. 76 – 88.

3. Вопсева Д.В. Актуализация проблемы воспитательно-патриотической модели журналистики // Вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева. 2023. С. 41 – 48.

4. Ерофеева И.В. Патриотизм в системе ценностей современного медиадискурса // Система ценностей современного общества. 2008. № 4. С. 167 – 172.

5. Князева М.Л., Титова С.В., Зеленина Е.В. Патриотизм в медиапубликациях: поиск объективных критериев (на примере изданий «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Комсомольская правда») // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 243 – 250.

6. Корконосенко С.Г. Социальная интеграция в современной журналистике: потенциал и реализация // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 3. С. 417 – 428. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).417-428.

7. Мельник Г.С., Тянь Ц., Гурушкин П.Ю., Дегтярева О.В. Функции СМИ: эволюция и интерпретация понятий // Litera. 2024. № 12. С. 12 – 23. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72544.

8. Муликова Н.А. Роль средств массовой коммуникации в формировании общероссийской идентичности и гражданского патриотизма // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 10. С. 53 – 60.

9. Сладкомедова Ю.Ю. Патриотическое воспитание в онлайн-проектах России. 2025. URL: https://prodod.moscow/archives/34379 (дата обращения: 20.08.2026).

10. Чумиков А.Н. Государственные медийные конкурсы как форма продвижения патриотических ценностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2024. Т. 24. № 3. С. 111 – 120. DOI: 10.14529/ssh240313.

11. Эбелинг Э.О., Борисова О.В., Сытых О.Л., Выдрина М.В. Роль современных российских СМИ в формировании патриотических установок студенческой молодежи // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. № 1. С. 1 – 11. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK125.pdf (дата обращения: 20.08.2026).

12. Ginosar A., Konovalov I. Patriotism on the Internet: journalists' behavior and user comments // Media, War & Conflict. 2015. Vol. 8. № 3. P. 368 – 383. DOI: 10.1177/1750635215607813.

13. Harcup T. Alternative journalism as monitorial citizenship? A case study of a local news blog // Digital Journalism. 2015. Vol. 4. № 5. P. 1 – 17. DOI: 10.1080/21670811.2015.1063077.

14. Kaul V. Journalism in the age of digital technology // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2013. Vol. 3. № 1. P. 125 – 143. DOI: 10.29333/OJCMT/2414.

15. Serrano Tellería A. Journalism, transmedia and design thinking // Ensino, Práticas e Experiências no Jornalismo. 2017. Vol. 2. № 6. P. 68 – 88.

16. Yusupova M.I. Expression of the concept of "patriotism" in the Russian-language media // Scientific Journal of the Fergana State University. 2024. Vol. 29. № 5. P. 203 – 207. URL: https://journal.fdu.uz/index. php/sjfsu/ article/view/2929 (дата обращения: 20.08.2026).

References

1. Vartanova E.L. Functions of Journalism: Traditional and Contemporary Approaches. Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. 2024. No. 6. P. 3 – 30. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330.

2. Vozzhenikov A.V., Kuznetsov A.N. The Theme of Patriotism and Civic Consciousness in Russian Media: Retrospective and Modern Perspectives. Communicology: Electronic Scientific Journal. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 76 – 88.

3. Vopseva D.V. Addressing the Issue of an Educational-Patriotic Model of Journalism. Issues of Philology and Translation Studies in the Context of Intercultural Communication: Collection of Scientific Articles of the XXXIV International Scientific and Practical Conference. Cheboksary: I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2023. P. 41 – 48.

4. Erofeeva I.V. Patriotism in the Value System of Modern Media Discourse. The Value System of Modern Society. 2008. No. 4. P. 167 – 172.

5. Knyazeva M.L., Titova S.V., Zelenina E.V. Patriotism in Media Publications: A Search for Objective Criteria (Case Studies of *Argumenty i Fakty*, *Nezavisimaya Gazeta*, and *Komsomolskaya Pravda*). Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University. 2018. Vol. 2. No. 2. P. 243 – 250.

6. Korkonosenko S.G. Social Integration in Modern Journalism: Potential and Implementation.Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2022. Vol. 11. No. 3. P. 417 – 428. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).417-428.

7. Melnik G.S., Tian T., Gurushkin P.Yu., Degtyareva O.V. Media Functions: Evolution and Interpretation of Concepts. Litera. 2024. No. 12. P. 12 – 23. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72544.

8. Mulikova N.A. The Role of Mass Communication Media in Shaping All-Russian Identity and Civic Patriotism. Russian Journal of Education and Psychology. 2012. No. 10. P. 53 – 60.

9. Sladkomedova Yu.Yu. Patriotic Education in Russian Online Projects. 2025. URL: https://prodod.moscow/archives/34379 (accessed: 20.08.2026).

10. Chumikov A.N. State-Sponsored Media Contests as a Form of Promoting Patriotic Values. Bulletin of South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities. 2024. Vol. 24. No. 3. P. 111 – 120. DOI: 10.14529/ssh240313.

11. Ebeling E.O., Borisova O.V., Sytykh O.L., Vydrina M.V. The role of modern Russian media in shaping the patriotic attitudes of university students. World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 1 – 11. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK125.pdf (accessed: 20.08.2026).

12. Ginosar A., Konovalov I. Patriotism on the Internet: journalists' behavior and user comments. Media, War & Conflict. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 368 – 383. DOI: 10.1177/1750635215607813.

13. Harcup T. Alternative journalism as monitorial citizenship? A case study of a local news blog. Digital Journalism. 2015. Vol. 4. No. 5. P. 1 – 17. DOI: 10.1080/21670811.2015.1063077.

14. Kaul V. Journalism in the age of digital technology. Online Journal of Communication and Media Technologies. 2013. Vol. 3. No. 1. P. 125 – 143. DOI: 10.29333/OJCMT/2414.

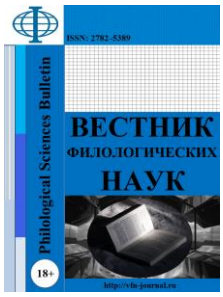
15. Serrano Tellería A. Journalism, transmedia and design thinking. Ensino, Práticas e Experiências no Jornalismo. 2017. Vol. 2. No. 6. P. 68 – 88.

16. Yusupova M.I. Expression of the concept of "patriotism" in the Russian-language media. Scientific Journal of the Fergana State University. 2024. Vol. 29. No. 5. P. 203 – 207. URL: https://journal.fdu.uz/index.php/sjfsu/ article/ view/2929 (accessed: 20.08.2026).

Информация об авторах

Болдина К.А., *кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ya@kboldina.ru*

© Болдина К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.373.43
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-142-150

[1] Полякова Е.В., [1] Дебердеева Е.Е., [1] Войченко В.М.

[1] Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ РГЭУ (РИНХ)

Функциональная нагрузка идиоматических неологизмов в дискурсе

Аннотация: *в статье рассматривается функциональная нагрузка идиоматических неологизмов (ИН) в различных типах дискурса. На материале электронных словарей, волонтёрских онлайн-ресурсов и интернет-источников анализируются способы образования ИН (контаминация, аналогия, семантическое расширение) и их роль в номинации новых социокультурных, технологических и цифровых реалий. Показано, что номинативная функция ИН тесно сопряжена с коннотативной и прагматической функциями, поскольку неологизмы не только обозначают новые явления, но и выражают эмоционально-оценочное отношение к ним. Особое внимание уделяется функционированию ИН в интернет-дискурсе, который становится основной средой их появления и распространения. Делается вывод, что идиоматические неологизмы являются когнитивно-креативными и прагматически заряженными единицами, отражающими динамику общественного сознания и ценностных ориентиров в цифровую эпоху.*

Ключевые слова: *идиоматические неологизмы, дискурс, интернет-дискурс, когнитивно-дискурсивные функции, коннотация, прагматика, социокультурные изменения, способы образования неологизмов*

Для цитирования: Полякова Е.В., Дебердеева Е.Е., Войченко В.М. Функциональная нагрузка идиоматических неологизмов в дискурсе // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 142 – 150. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-142-150

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Polyakova E.V., [1] Deberdeeva E.E., [1] Voychenko V.M.

[1] Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State University of Economics (RINH)

The functional load of idiomatic neologisms in discourse

Abstract: *the article examines the functional load of idiomatic neologisms (INs) in various types of discourse. Based on material from electronic dictionaries, volunteer online resources, and Internet sources, the study analyses the methods of IN formation (blending, analogy, semantic extension) and their role in naming new sociocultural, technological, and digital realities. It is shown that the nominative function of INs is closely intertwined with their connotative and pragmatic functions, since neologisms not only denote new phenomena but also express an emotional-evaluative attitude towards them. Special attention is paid to the functioning of INs in Internet discourse, which has become the primary environment for their emergence and spread. The authors conclude that idiomatic neologisms are cognitively creative and pragmatically charged units that reflect the dynamics of public consciousness and value systems in the digital age.*

Keywords: *idiomatic neologisms, discourse, Internet discourse, cognitive-discursive functions, connotation, pragmatics, sociocultural changes, ways of neologism formation*

For citation: Polyakova E.V., Deberdeeva E.E., Voychenko V.M. The functional load of idiomatic neologisms in discourse. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 142 – 150. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-142-150

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 13, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Фразеологический корпус языка подвержен постоянным изменениям, которые являются результатом как социокультурных, информационных, так и собственно лингвистических процессов, происходящих в общественном сознании носителей языка. При наблюдающейся тенденции к упрощению структуры языковых средств, проявляется тенденция к усложнению когнитивного содержания языкового знака. Это явление приводит к модификациям функциональной нагрузки уже существующих языковых единиц и появлению различных новообразований в дискурсе.

Целью нашей статьи является изучение функций идиоматических неологизмов, появляющихся в различных дискурсах для реализации своего коннотативного потенциала и прагматического намерения.

Проблема изучения функций фразеологизмов получила широкое освещение в теории фразеологии. Различные классификации функций фразеологизмов были представлены такими исследователями фразеологии как А.В. Кунин, Ю.А. Гвоздарев, А.М. Эмирова и др.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили идиоматические неологизмы (далее ИН), регистрируемые в электронных словарях, онлайн волонтерских словарях и интернет-источниках.

Методологической базой исследования явились исследования А.С. Гадакчан (2010), В.М. Савицкого, В.М. Мокиенко (2016), Ю.А. Зеремской, О.В. Солодовниковой, О.В. Сахаровой (2019), М.С. Добровой, Ю.П. Иванашко, Е.А. Процукович (2022), Ю.А. Хуснулиной (2021), Е.А. Добрыдневой (2000), М.В. Бабкиной (2023), и др.

В исследовании использован комплекс методов, включающий метод сплошной выборки из электронных словарей и интернет-источников, компонентный и контекстуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход, прагматический и социокультурный анализ, а также сопоставительный метод при рассмотрении способов образования идиоматических неологизмов. Анализ проводился с учетом функционально-семантических и прагматических характеристик единиц в различных типах дискурса.

Результаты и обсуждения

Анализ существующих классификаций подтверждает тот факт, что основными функциями фразеологизмов являются информативно-номинативная и когнитивно-дискурсивная функции [15, с. 156].

Фразеологизмы рождаются в разных видах дискурса: средствах массовой информации, сленге, песенном дискурсе, политическом дискурсе. В последние годы интерес исследователей сдвинулся в сторону исследования функций фразеологизмов в лавинообразно развивающемся новом виде дискурса – интернет-дискурсе. Интернет-дискурс – относительно новая коммуникативная среда, формирующаяся и реализующаяся в глобальной сети интернета, объединяющая все виртуальные языковые тексты и факты, созданные в электронной коммуникации [4, с. 235]. Это пространство стало питательной средой для появления огромного количества новообразований как в лексике, так и во фразеологии, создавая идиоматические неологизмы (ИН).

Исследование идиоматических неологизмов, появляющихся в различных дискурсах, показывает, что их образование связано, в первую очередь, с реализацией когнитивно-номинативной функции, функции обозначения новых понятий, процессов, явлений, вновь появившихся в лингвокультурном сообществе, требующих новых наименований. Так, идиоматический неологизм *space grease – пластичные смазки* используется для обозначения нового вещества, обнаруженного в космосе; искусственно выращенное мясо называют ИН *motherless meat* – cultured meat, or in vitro meat (IVM) – a meat product that has been produced using tissue-engineering processes in a lab. Маленькое пластмассовое приспособление для соединения проводов в цепи называется *bug nut,* а журналист, дающий советы людям с личными проблемами, – это *agony aunt – advice columnist* (person who gives advice on personal problems in a publication [12].

Наибольшее количество идиоматических неологизмов появляется в результате социокультурных изменений в обществе, на которые реагирует языковая практика. Например, появление ИН *bare minimum Monday,* связано с тем, что понедельник – день тяжелый для работников и, естественно, возникающее желание выполнять минимальный объем работы по понедельникам. Список неологизмов и сленга 2023 объясняет значение этого ИН, как “a phenomenon where employees decide to do the bare minimum work required on Mon-

day, often as a way to ease the anxiety that comes with the beginning of the week" [22]. Гендерная нейтральность, как социокультурное явление продвигаемое в западном обществе, не осталось немаркированным в английской фразеологии, и с 2019 года номинируется каламбурным блендом ИН *theydies and gentlethems* [23, с.35]. Отказ от рождения детей в современном обществе, вызванное различными причинами, обозначается такими ИН как *child free* и *baby striker*. Нежелание вести активный образ жизни обозначается ИН *goblin mode* – "the state of being unapologetically lethargic, slovenly, and prone to odd and self-indulgent behavior", вошедшее в обиход в 2019 году. G*oblin mode* означает ленивое и эгоистичное поведение, отрицающее социальные нормы и ожидания. Выражения обрели статус официально признанных фразеологизмов и вошли в 2022 в словари Oxford Learner's Dictionary и Collins Dictionary. Анализируя ИН *goblin mode*, некоторые признают такое поведение достаточно безобидным, тогда как другие считают использование данного ИН оскорбительным, аргументируя свое мнение тем, что некоторые люди, страдающие психическими расстройствами или имеющие инвалидность, живут в «режиме гоблина» не по своей воле, а в силу обстоятельств [22].

Пластические технологии, связанные с активным использованием Ботокса, обозначаются ИН как *fox tox* – "a cosmetic treatment where Botox injections are used to lift the outer corners of someone's eyes, making their face look like that of a fox" [22]. Увеличившаяся продолжительность жизни населения в XXI веке и изменившиеся условия труда, привели к возможности для людей старшего возраста продолжать работать после наступления пенсионного возраста, что и привело к появлению ИН s*ilver striver* – "someone who continues to work after they have passed the typical retirement age", а ИН *grey tsunami* употребляется для обозначения большого числа пожилых людей в мире в XXI веке, так как они являются поколением «бебибума» – "the high number of elderly people in the world in the 21st century, caused by people living longer and by the "baby boomer" generation now reaching old age!" [18].

Устойчивое выражение *fake news*, появившееся в значении «ложные новости», которые часто распространяют как пропаганду в социальных сетях, расширило сферу своего употребления и в настоящий момент еще может служить отсылкой к любой информации, которая считается критической по отношению к себе. Такие ИН как *hybrid working* – гибридный формат работы, при котором сотрудники могут трудиться как в офисе, так и удаленно; *warm bank* – банк тепла (теплое помещение, например, библиотека, музей или другое общественное здание, в котором в период холодов могут бесплатно проводить время те, у кого нет средств отапливать собственные дома). Такое социокультурное явление как культура отмены с 2018 года получило наименование ИН *cancel culture* (*neologism, often derogatory*) – "the cultural phenomenon of publicly shaming, rejecting, and ceasing to provide support to people, companies, stores, etc. that are deemed unacceptable, and calling on others to boycott them"[19]. Как отмечает Х. Ньютон, уходящая корнями в Черный Твиттер культура отмены рекламы стала неизбежной опорой информационно-развлекательного века. В эпоху, когда всего слишком много – телевидения, мнений, новостей, – мы привыкли полагаться на консолидирующий словарь: лайки, твиты, эмодзи. Культура отмены – одно из таких выражений, это регулятор, механизм саморегулирования. В коллективе этот жест однозначен: мы не можем. С нами покончено. И поэтому мы отказываем в поддержке заметному делу или деятелю. Сегодня мы превращаем увольнение людей в классный способ «отменить культуру». Одно из их политических орудий – отмена культуры, увольнение людей с работы, позор несогласных и требование полного подчинения от любого несогласного [20].

Интернет-коммуникация породила большое количество новых, ранее не существующих понятий, требующих новых наименований. Среди них известное всем пользователям интернет технологий понятие *password fatigue* – стресс или чувство неудовлетворенности, вызванное необходимостью запоминать множество разных паролей – "the feeling experienced by many people who are required to remember an excessive number of passwords as part of their daily routine, such as to logon to a computer at work, undo a bicycle lock or conduct banking from an automated teller machine (ATM). The concept is also known as *password chaos* or more broadly as *identity chaos* [19].

С 2020 года благодаря ТикТоку широкое распространение получил ИН *live blog* – "to keep track of a current event in real-time online using a blog or other website", а также ИН *digital divide* (*plural digital divides*) - (*information technology, sociology, neologism*) – "the gap between those with regular, effective access to digital technologies (and the computer literacy to use them) and those without it", указывающий на расчленение общества между имеющими доступ и знания компьютерных технологий и теми, кто ими не обладает, появившееся в период пандемии короновируса. "Coronavirus does discriminate, because that's what humans do" (*The Guardian*, 2020 April 17).

As schools were closed, the **digital divide** meant that more affluent families with computers, iPads and good internet connections had a very different home educational (and informational, social and entertainment) situation than families without these amenities [19].

Социальные сети породили такое явление как LGS - представление, что удача может прийти, если просто пофантазировать о ней и представить, что вы удачливы: ИН *lucky girl syndrome* (LGS) – the latest trend to sweep through the social media world is known as "**Lucky Girl Syndrome**", or LGS. LGS is a combination of manifesting and the law of attraction; it involves repeating mantras such as "Great things are always happening to me unexpectedly" in order to attract positive outcomes into one's life [22].

Кибersталкинг – известное действие, связанное с преследованием в социальных сетях, обозначается ИН как *facebook stalk.* Популярное выражение *Netflix and chill* – это теперь повод для уединения и просмотра онлайн-кино вместо традиционного приглашения на чай или кофе. Цифровые кочевники *digital nomad* – это новая профессия, которая позволяет людям зарабатывать на жизнь, работая в интернете, за репортажи и фото в инстанграм о своих путешествиях [17].

В эпоху цифровых технологий возможность выбора партнеров в интернете свелась к пролистыванию кандидатур влево, чтобы пропустить, или вправо, чтобы лайкнуть кого-нибудь. Отсюда и новые ИН *swipe left* и *swipe right.* Данные ИН настолько прижились в речи носителей языка, что сфера их применения расширилась, и теперь их используют как реакцию на самые разные вещи, не связанные с выбором виртуальных партнеров: "Pineapple on pizza? Ugh, swipe left". "A night out instead of studying? Definitely swiping right on that!" [17].

Ряд идиоматических неологизмов образуется на базе уже функционирующих единиц, по аналогии с ними, а не в результате семантического расширения. По аналогии с фразеологизмом *axis of evil* в 2024 году был создан ИН *axis of upheaval* (*neologism, politics, history*) – "the alleged antiwestern collaboration between China, Iran, North Korea and Russia" и его синоним *axis of resistance*, который тоже используется теми, кто поддерживает эти страны и против западных националистов/

В контексте русско-украинской войны по аналогии с *Molotov cocktail* появилось выражение *Bandera smoothie*, основанное на имени Степана Бандеры [21].

Огромную роль в жизни общества стал играть искусственный интеллект благодаря которому появилось большое количество ИН, как, например, *copyright laundering* – "the transformation of copyrighted material, for example by means of artificial intelligence, to produce a derivative work that cannot be clearly identified as such", по аналогии с *money laundering*.Негативное отношение к подобному использованию ИН выражено в следующих выдержках из публикаций в *The Guardian, The Observer.*

"Though [the] defendants like to describe their AI image products in lofty terms, the reality is grubbier and nastier: AI image products are primarily valued as **copyright-laundering** devices, promising customers the benefits of art without the costs of artists," the complaint says [19].

В условиях современной цифровой революции и растущей практики телемедицины появился ИН *webside manner* (*webside manners)* – "the manner in which health care professional interacts with patients remotely in telehealth or telemedicine" – from *bedside manners,* который указывает на то, что хорошие манеры не менее важны во время виртуальных визитов в клинику, и что врачи, которые хорошо ведут себя у постели больного, также будут хорошо вести себя в Интернете [19].

В цифровую эпоху может происходить появление нового ИН в результате контаминации традиционной идиоматической единицы с новым лексическим составом, меняющим ее содержание, которое становится распространенным и популярным в среде пользователей сети. Так, английская идиома *Happy Cake Day,* является совмещением двух широко известных и используемых выражений *Happy birthday* и *Cake Day. Happy Cake Day* не является поздравлением с календарным днем рождения, это поздравление с годовщиной регистрации аккаунта в интернете, поздравление с датой создания профиля, который по важности приравнивается ко второму дню рождения [20].

В последние десятилетия отмечается снижение уровня социализации населения, когда можно делать практически все что угодно, не выходя из дома, пользуясь различными платформами, например, Амазон. Данное явление получило наименование *platform capitalism* (*uncountable*) – (*business, neologism*) – "a way of doing business that involves recruiting large numbers of people who work for themselves using the company's platform". Платформенный капитализм подразумевает более широкую трансформацию способов производства, совместного использования и доставки товаров и услуг. В основе платформенного капитализма лежит стремление извлекать больше данных, чтобы выжить [19].

Различные способы образования ИН, такие как контаминация, аналогия, семантическое расширение, формируя идиоматическое значение неологизма, позволяют не просто выполнять номинативную функцию

для именования новых актуальных в данный момент для социума реалий и явлений, а привносят в содержание ИН дополнительные смыслы и вызывают эмоционально-оценочный отклик на них в дискурсе [10, с. 12]. Другими словами, номинативная функция ИН в большинстве случаев сопряжена с коннотативной функцией, отображая эти реалии и явления эмоционально-оценочно. Образы, активируемые идиоматическими неологизмами, выполняют свою наиболее важную когнитивную функцию структурирования абстрактного концепта в терминах конкретного [11, с. 120].

Когнитивная креативность позволяет ИН нести разнообразную дискурсивную нагрузку, выполнять различные функции в дискурсах различного типа. Как и паремии, детально изученные А.А. Константиновой, ИН, используемые в разных типах дискурса, преобразуют контекст, «раскрывают его функциональную перспективу и коммуникативное развитие». Как отмечает автор, основная функция паремий – функция внутренней экспликации дискурса – основывается на составляющих ее специфических функциях, таких как: функция эмоционального выделения, функция резюме, функция семантического выделения, функция структурной организации дискурса, эвфемистическая функция, функция когнитивной экономии, фатическая функция [9]. Так, разговорное выражение для обозначения способности человека выполнять работу или соответствовать определенным стандартам или ожиданиям *cut the mustard* подразумевает, что человек обладает необходимыми навыками и качествами для успешного выполнения поставленной задачи [17].

Употребление данной идиомы в различных дискурсах выявляет различные когнитивно-дискурсивные функции данной единицы. В профессиональном контексте проявляется функция эмоционального выделения, указывающая на то, что в ряде ситуаций акцентируется стереотипное эмоционально-ценностное отношение носителей языка к профессиональному уровню соискателя. На рабочем месте менеджер может сказать: “We need someone who can cut the mustard for this project. It requires strong leadership and problem-solving skills”. Достижение высоких результатов в эмоциональной форме содержится и в следующем примере:

When he started his career, he was shy and reserved – no one thought he would cut the mustard; but now, his achievements speak for themselves [20].

Концептуальная метафора, содержащаяся в данном ИН, в спортивных, академических дискурсах наряду с функцией эмоционального выделения, реализует функцию когнитивной экономии**.** ИН, также, как и другие идиоматические выражения, являются свернутыми знаками ситуаций, в которых концептуальная метафора обеспечивает более легкий когнитивный доступ к идиоматическому значению. Например, в следующем контексте: “She really cuts the mustard on the basketball court. Her skills and determination make her a standout player” акцентируются способности спортсменки соответствовать или превосходить ожидания команды и добиваться высоких результатов. Сомнения по поводу способности достичь высоких результатов наблюдаются в следующем контексте: “He was a great player, but he retired some time ago. We’ll have to see if he still cuts the mustard” [20].

Говоря о целеустремленных студентах, преподаватель может выразить признание способности студентов соответствовать академическим стандартам и добиваться больших успехов: "These students are truly cutting the mustard in their studies. Their dedication and hard work are evident in their outstanding grades".

В то же время использование данного выражения характеризуется попыткой подать неодобрение в более мягкой форме, смягчить и завуалировать информацию и вместо прямого выражения неодобрения (he failed), в следующих контекстах используется ИН cut the mustard: “Though he had practiced hard, on the day of the trails, he was not at his best, so could not cut the mustard [20]. His friends and siblings helped him through these studies, but when it came to working, he couldn’t cut the mustard [20].

Эвфемическая функция, выполняемая ИН, помогает говорящему избегать коммуникативных конфликтов и подать информацию более мягко:

“He didn't cut the mustard as a partner. He failed to meet my expectations and didn't show the qualities I was looking for. That boy wants to be the captain of the team, but does he cut the mustard”? Эти примеры употребления ИН говорят о неспособности человека соответствовать стандартам или проявлять желаемые качества в отношениях в завуалированной форме.

Выражение некоторого обобщения, наблюдения, резюмирования смысла дискурса, подытоживания отдельных его частей наблюдается в следующем контексте: “The artist's latest work really cuts the mustard. It showcases their unique style and exceptional talent”. Функция резюмирования заключается в признании способности художника оправдать или превзойти ожидания аудитории и создать высококачественную работу.

Выражение *cut the mustard* означает компетентность, адекватность, способность соответствовать ожиданиям и служит признанием возможностей человека и его способности преуспеть в решении той или иной

задачи. Оно предполагает, что человек обладает необходимыми качествами и навыками для достижения успеха в той или иной области. В профессиональном, академическом или личном контекстах, эта фраза подчеркивает важность соответствия или превышения требуемых стандартов [17].

Метафора готовности актуализируется в значении идиомы *hit the ground running* – начать выполнение задачи, проекта или новой обязанности с максимальной активностью, решительностью и эффективностью и без каких-либо промедлений. Данная идиома используется в дискурсах, связанных с профессиональной деятельностью, будь то обучение, бизнес, спорт, в тех случаях, когда от человека требуется проявление инициативы и эффективности. Приведем примеры употребления идиомы следующих контекстах: “Sarah joined the team and hit the ground running, completing several projects in her first week”.

“We launched our startup and hit the ground running, securing our first clients within days”: речь идет о новом проекте или инициативе, выражение *hit the ground running* подразумевает немедленные действия и быстрый прогресс: “The team hit the ground running, meeting all project milestones ahead of schedule”.

Функция когнитивной экономии, реализуемая в дискурсе данным ИН, совмещается с функцией внутренней экспликации дискурса и функцией эмоционального выделения, внося эмоциональный акцент в дискурс. Идиома *to hit the ground running* отражает ценность современной жизни, в которой эффективность и проактивность являются залогом успеха. Она обозначает активный, энергичный и результативный подход к различным аспектам жизни [17].

Сленговые идиоматические неологизмы позволяют внести эмоциональный акцент в дискурс и выступают маркерами социокультурной принадлежности и включенности в акт коммуникации. ИН *no cap* в значении «я не вру, это (уж) точно, зуб даю» употребляется, чтобы указать, что вся сказанная информация, какой бы неправдоподобной она ни казалась, - абсолютная правда: This is going to be the last time I’m asking you for help, no cap. Выражение *no cap,* вошедшее *в* обиход в 2017 году благодаря его использованию рэперами в треке под названием “ No Cap”, стало популярным в сленге GEN Z и GEN ALPHA. Оно часто используется для того, чтобы:

– подчеркнуть, что кто-то абсолютно честен и говорит правду: She said she met the actor in person, and I believe her, no cap;

– продемонстрировать искренность, серьезность или отсутствие преувеличений: He really finished the whole pizza by himself, no cap;

– подтвердить подлинность или неподдельность чего-либо That was the best concert I’ve ever been to, no cap;

– выразить реакцию или ответ на подтверждение согласия с правдивым или смелым заявлением This new phone is faster than any I’ve used before, no cap;

– а также в противовес преувеличению, особенно в онлайн или обычной речи I’m telling you, this is the rarest sneaker drop of the year, no cap [20].

Неформальный способ сказать "давай уйдем" или "пойдем отсюда", «свалим», пришедшая из хип-хопа и рэпа *Let's bounce* часто используется приятелями на вечеринках, в барах или ночных клубах, когда они могут захотеть уйти и отправиться в другое место. Например, “This party is getting boring. Let's bounce and find something more fun to do”. Фраза *"let's bounce"* кроме предложения уйти откуда-то, может означать многое, включая усталость, скуку, неудачу или неудобство, также может быть использована для того, чтобы выразить оптимизм и энергию, особенно когда она используется в контексте новых начинаний и приключений: “Hey guys, let's bounce! We've been working hard all week and it's time for a weekend getaway to the beach.” “I'm feeling adventurous today, let's bounce and go on a spontaneous road trip. Who's with me?” [17].

Функция преувеличения и создания юмористического эффекта также прослеживается в использовании ИН в разговорном дискурсе. Идиома *From here till next Tuesday* означает «слишком долго», «целую вечность» и используется для описания слишком продолжительных событий и действий: Try to leave before Michael arrives, otherwise he may lecture you from here till next Tuesday. Если событие кажется маловероятным или невозможным, используют идиомы *it’ll be a frosty Friday in July* и *it’ll be a cold day in hell:* “It’ll be a frosty Friday in July before they build a new subway line”. Человека, который критикует действия или решения других людей постфактум и рассказывает, как бы он поступил на их месте, называют a *Monday-morning quarterback* или *an armchair expert*: “Tom is just a Monday-morning quarterback about everything. You know Sam, he’s just an armchair expert” [17].

Функционирование ИН в различных типах дискурсов когнитивно и прагматически обусловлено семантическими характеристиками данных единиц, которые структурируют дискурс, выражают оценку ситуации и оказывают необходимое воздействие на адресата. Различные конфигурации когнитивно-дискурсивных функций ИН обеспечивают дискурсивную креативность. Появление, распространение и популярность иди-

оматических неологизмов является результатом их когнитивных и социокультурных характеристик, реализующихся в дискурсах различных типов.

Выводы

В предложенной статье мы подтвердили положение о двойственной природе языковых изменений; в ней подчеркивается, что современное развитие фразеологической системы идёт по пути сочетания двух разнонаправленных тенденций: структурного упрощения языковых средств и одновременного усложнения их когнитивного содержания. Это приводит к появлению идиоматических неологизмов (ИН), которые не только заполняют лакуны в номинации, но и несут значительный коннотативный и прагматический заряд.

В статье отмечено, что наиболее интенсивное появление и распространение ИН происходит в интернет-дискурсе, который становится не только ареной коммуникации, но и активным генератором новых языковых единиц, которые возникают непосредственно в ответ на потребности виртуальной коммуникации и цифровой экономики, перестают быть окказиональными образованиями и становятся полноправными элементами лексико-фразеологической системы языка, адаптируя её к вызовам современной информационно-цифровой эпохи.

Список источников

1. Бабкина М.В. Неологизмы-зеркало социально-экономических изменений в обществе // Язык: категории, функции, речевое действие. 2023. № 5 (2). С. 16 – 21.
2. Гадакчан А.С. Структурные типы трансформаций фразеологических единиц в языке современных английских СМИ // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 198 – 204.
3. Дебердеева Е.Е., Войченко В.М. Метафора как средство организации языковой картины мира в английской и русской лингвокультурах // Russian Linguistic Bulletin. 2017. № 2 (10). С. 3 – 5. DOI: 10.18454/RULB.10.19.
4. Доброва М.С. Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного интернета // Russian Language Studies. 2022. № 20 (2). С. 233 – 246.
5. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 223 с.
6. Зеремская Ю.А., Солодовникова О.В., Сахарова О.В. Основные лексические способы словообразования потенциально новых слов в современном английском языке. филологические науки. вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 12. С. 246 – 250.
7. Иванашко Ю.П., Процукович Е.А. Способы образования неологизмов в английском языке (на материале интернет-лексики) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (3). С. 100 – 110. URL: https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_100 (дата обращения: 15.07.2026).
8. Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверской государственный университет, 2020. 214 с. URL: https://www.dissercat.com/content/sovremennye-tendentsii-v-neologii-tipologiya-obrazovaniya-neologizmov-ileksikograficheskaya?ysclid=mivpx3qs1a295987964#:~:text (дата обращения: 15.05.2026).
9. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореферат дис. … док. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2012. 42 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005053155/?ysclid=msop3ghbs8676696927 (дата обращения: 13.04.2026).
10. Мокиенко В.М. Функции фразем в современных СМИ // Медиалингвистика. Международный научный журнал (Научный журнал международной медиалингвистической комиссии Международного комитета славистов (под патронатом ЮНЕСКО)). 2016. С. 7 – 18.
11. Полякова Е.В. Лингвистический статус паремиологических единиц. в книге: дискурсивное пространство в лингвистическом ракурсе: монография. Москва. 2017. С. 109 – 144.
12. Разговорная лексика. Reverso Context: поисковая система для переводов в контексте URL: https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/
13. Савицкий В.М. Языковая идиоматичность и речевой идиоэтнизм // Поволжский педагогический Вестник. 2016. №3 (12). С. 84 – 88.
14. Тебя поймут только англичане / Сленг на английском языке / ILS Языковая школа – YouTube.
15. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. С. 154 – 160.

16. Хуснулина Ю.А. Функционально-прагматические аспекты и идиоматичная семантика англоязычных неологизмов-терминов компьютерных технологий // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 2146 – 2150.

17. 16 английских слов 2022 года / Инглекс про English / Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Y7u8w6q_PRqa2Wtd?ysclid=msopf2kjgu864795402.

18. About Words – Cambridge Dictionary blog – Commenting on developments in the English language.

19. Category: English neologisms – Wiktionary, the free dictionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:English_neologisms.

20. English in Progress. URL: https: // vk.com/wall-49006136? ysclid=mktt2zo8li358005263].

21. The Idioms. Largest idioms dictionary. URL: happy cake day meaning, origin, example, sentence, etymology.

22. Kemmer S. The Rice University New Words Database / URL: http://neologisms.rice.edu (дата обращения: 16.06.2026).

23. List of neologisms and slang 2023. URL: https://englishinprogress.net/list-of-neologisms-2023/.

24. Narsullaeva N.Z., E.E. Deberdeeva. Gender stereotypes in the English phraseology // American Journal of Religious, Culture and Archaeological Studies. 2025. Vol. 2. No. 12. P. 32 – 37. URL: American Journal of Religious, Culture and Archeological Studies.

References

1. Babkina M.V. Neologisms are a mirror of socio-economic changes in society. Language: categories, functions, speech action. 2023. No. 5 (2). P. 16 – 21.

2. Gadakchan A.S. Structural types of transformations of phraseological units in the language of modern English media. Scientific thought of the Caucasus. 2010. No. 3. P. 198 – 204.

3. Deberdeeva E.E., Voichenko V.M. Metaphor as a means of organizing the linguistic picture of the world in English and Russian linguistic cultures. Russian Linguistic Bulletin. 2017. No. 2 (10). P. 3 – 5. DOI: 10.18454/RULB.10.19.

4. Dobrova M.S. Implementation of the functions of phraseological units in the discursive space of the Russian-language Internet. Russian Language Studies. 2022. No. 20 (2). P. 233 – 246.

5. Dobrydneva E.A. Communicative-pragmatic paradigm of Russian phraseology: monograph. Volgograd: Peremena, 2000. 223 p.

6. Zeremskaya Yu.A., Solodovnikova O.V., Sakharova O.V. Basic lexical methods of word formation of potentially new words in modern English. philological sciences. questions of theory and practice. 2019. Vol. 12. No. 12. P. 246 – 250.

7. Ivanashko Yu.P., Protsukovich E.A. Methods of forming neologisms in the English language (based on Internet vocabulary). Theoretical and Applied Linguistics. 2022. No. 8 (3). P. 100 – 110. URL: https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_100 (accessed: 15. 07.2026).

8. Izbitskaya M.V. Modern trends in neology: typology of formation of neologisms and lexicographic practice (based on the material of new English vocabulary from the sphere of "Culture" in electronic volunteer dictionaries): dis. ... cand. Philol. Sciences: 02.10.19. Tver State University, 2020. 214 p. URL: https://www.dissercat.com/content/sovremennye-tendentsii-v-neologii-tipologiya-obrazovaniya-neologizmov-ileksikograficheskaya?ysclid=mivpx3qs1a295987964#:~:text (accessed: 15. 05. 2026).

9. Konstantinova A.A. Cognitive-discursive functions of proverbs and sayings in different types of discourse in English: abstract of dissertation. ... Doctor of Philol. Sciences: 10.02.04. Moscow, 2012. 42 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005053155/?ysclid=msop3ghbs8676696927 (accessed: 13. 04. 2026).

10. Mokienko V.M. Functions of phrasemes in modern media. Medialinguistics. International scientific journal (Scientific journal of the international medialinguistic commission of the International Committee of Slavists (under the patronage of UNESCO)). 2016. P. 7 – 18.

11. Polyakova E.V. Linguistic status of paremiological units. in the book: discursive space from a linguistic perspective: monograph. Moscow. 2017. P. 109 – 144.

12. Colloquial vocabulary. Reverso Context: search engine for translations in URL: context: https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/.

13. Savitsky V.M. Linguistic idiomaticity and speech idioethnicity. Volga Pedagogical Bulletin. 2016. No. 3 (12). P. 84 – 88.

14. Only the English will understand you. Slang in English. ILS Language School – YouTube.

15. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. M.: Shk. "Languages of Russian culture", 1996. P. 154 – 160.

16. Khusnulina Yu.A. Functional-pragmatic aspects and idiomatic semantics of English-language neologisms-terms of computer technologies. Philological Sciences. Questions of theory and practice Philology. 2021. Vol. 14. Issue 7. P. 2146 – 2150.
17. 16 English words of 2022. Inglex about English. Zen. URL: https://dzen.ru/a/Y7u8w6q_PRqa2Wtd?ysclid=msopf2kjgu864795402.
18. About Words – Cambridge Dictionary blog – Commenting on developments in the English language.
19. Category: English neologisms – Wiktionary, the free dictionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:English_neologisms.
20. English in Progress. URL: https://vk.com/wall-49006136? ysclid=mktt2zo8li358005263].
21. The Idioms. Largest idioms dictionary. URL: happy cake day meaning, origin, example, sentence, etymology.
22. Kemmer S. The Rice University New Words Database. URL: http://neologisms.rice.edu (accessed: 16. 06. 2026).
23. List of neologisms and slang 2023. URL: https://englishinprogress.net/list-of-neologisms-2023/.
24. Narsullaeva N.Z., E.E. Deberdeeva. Gender stereotypes in the English phraseology. American Journal of Religious, Culture and Archaeological Studies. 2025. Vol. 2. No. 12. P. 32 – 37. URL: American Journal of Religious, Culture and Archaeological Studies.

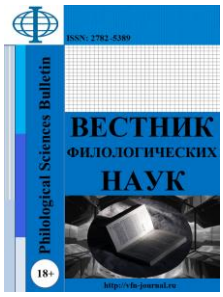
Информация об авторах

Полякова Е.В., *кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ РГЭУ (РИНХ)*

Дебердеева Е.Е., *кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ РГЭУ (РИНХ)*

Войченко В.М., *кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ РГЭУ (РИНХ)*

© Полякова Е.В., Дебердеева Е.Е., Войченко В.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (французский язык) (филологические науки)
УДК 811.133.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-151-155

[1] Денисенко И.Е.

[1] Оренбургский государственный педагогический университет

К проблеме региональных языков: франкошвейцарский язык

Аннотация: *представленная статья посвящена исследованию лингвистических особенностей франкошвейцарского языка, который распространен на территории Романской Швейцарии. В ходе исследования, при анализе исследуемого материала, использовался лексико-семантический и сопоставительный анализ. Материалом исследования послужили данные современных словарей швейцарских лексикографов П. Кнехта, А. Тибо, В. Пьерумберта. Результаты исследования могут быть использованы для выявления особенностей франкошвейцарского языка, а также в вузовских спецкурсах по региональной лингвистике, французской лексикологии и стилистике.*

Ключевые слова: *регионолект, Романдия, гельвецизмы, культурная идентичность*

Для цитирования: Денисенко И.Е. К проблеме региональных языков: франкошвейцарский язык // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 151 – 155. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-151-155

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Denisenko I.E.

[1] Orenburg State Pedagogical University

On the problem of regional languages: French-Swiss

Abstract: *the presented article is devoted to the study of the linguistic features of the Franco-Swiss language, functioning on the territory of Romanic Switzerland. During the study, lexical-semantic and comparative analysis were used to analyze the material under consideration. The research material consisted of data from modern dictionaries by Swiss Lexicographers P. Knecht, A. Thibaut, and V. Pierumbert. The research results can be used to identify the distinctive features of the Franco-Swiss language, as well as in university specialized courses on regional linguistics, French lexicology, and stylistics.*

Keywords: *regiolect, Romandie, Swiss, cultural identity*

For citation: Denisenko I.E. On the problem of regional languages: French-Swiss. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 151 – 155. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-151-155

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В состав Романской Швейцарии или Романдии входят территории: Невшатель, Юра, Женева, Во. На территориях Вале, Фрибург и Берн официально говорят на немецком и французском языках.

Поскольку Швейцария является страной, расположенной не границе с Францией, франкоязычные жители Швейцарии используют французский в повседневной жизни. Нередко французы высмеивают манеру говорить франкоязычных швейцарцев, которых можно узнать по их особому акценту.

Франко-провансальские диалекты во франкоязычной Швейцарии почти полностью исчезли, за исключением некоторых населенных пунктов в кантоне Вале. Данная ситуация объясняется различиями в отношении к стандартным языкам, то есть немецкому, итальянскому и французскому. Романский язык стоит отдельно, поскольку за пределами Швейцарии у него нет национального языка, на который можно было бы опереться.

Цель исследования – выявить лингвистические особенности гельвецизмов и их употребление во франкошвейцарском языке на территории Романдии.

Материалы и методы исследований

Материалом для представленного исследования послужили лексические единицы швейцарского варианта французского языка, зафиксированные в франко-щвейцарских словарях Р. Кнехта [4], W. Пьерумберта [7].

Методы и приёмы выбраны в соответствии с поставленной целью исследования, а также спецификой материала: лексико-семантический анализ, сопоставительный анализ. Процедуры данных методов были использованы с целью выявления лингвистических особенностей исследуемых лексем французского и немецкого языка и лексем франкошвейцарского языка.

Результаты и обсуждения

Французский язык начал распространяться на территории романской Швейцарии через письменность. В XIII веке он постепенно вытесняет латынь, что приводит к возникновению диглоссии – употреблению разговорных диалектов и французского литературного языка в официальных документах и при обучении чтению и письму. Данная ситуация способствовала быстрому распространению французского языка на территории Швейцарии. К концу XIX века лингвисты пришли к выводу, что диалекты постепенно исчезают под давлением французского языка, который постепенно становится не только письменным, но и разговорным языком.

Швейцарские лингвисты выделяют три типа особенностей франкошвейцарского языка: 1) диалектный субстрат, который оказывает значительное влияние на лексику, синтаксис и фонетику; 2) германский адстрат – влияние германских языков, которые соседствуют с романскими языками на лингвистической границе от Юры до Альп, и приводит к расширению языковых контактов; 3) периферийное положение романского региона [6, 9].

В своих исследованиях, посвященных изучению романской диалектологической традиции, лексикографы подчеркивают, что региональный французский язык обладает большим словарным запасом. Глоссарий наречий франкоязычной Швейцарии включает лексические регионализмы и диалектизмы. Исторический словарь невшательской и швейцарской романской речи [11], словарь французских регионализмов, соответствующий критериям современной лексикографии [6], а также швейцарский романский словарь [10], насчитывают большое количество лексем современного французского языка.

По мере того, как французский язык вошел в словарь говорящих на различных диалектах, контакты между говорящими на патуа и французском языке стали расширяться: патуа стал французским, но он также способствовал возникновению французских вариантов и функционированию заимствований. Существуют диалектизмы, которые распространились за пределы своего первоначального региона, р.ex., существительное «pive» – «fruit des conifères» – “хвойный фрукт” или “сосновая шишка” происходит из патуа «piva», родственного диалектам швейцарского кантона Юра.

Швейцарский лингвист Пьер Кнехт отмечает, что семейные устои и традиции остаются консервативными и устойчивыми к французскому языку [7, с. 12]. В настоящее время используются термины, относящиеся к бытовой технике, р.ex., «panosse» – “serpillière” – “швабра”; «poche, pochon» – «louche» – ‘‘мешочек"; «tablar» – «rayon, étagère» ‘табличка’, ‘полка’; «relaver» – «faire la vesselle» – "мыть посуду". Это сохранение наименований патуа встречается как в городских, так и в сельских районах.

Диалектизмы часто употребляются в разговорной речи: р. ex., «chotte» – «abri» – “убежище” происходит от наречия «chòta», с диалектным выпдением S-начального, происходящим от латинского существительного «susta» – приют; глаголы «corder», «cordre» – ”радоваться тому, что с кем-то происходит” образовано от разговорного патуа «kòrdâ», «kouardre»; глагол «déguiller» – «faire tomber» – “сбить” образован от глагола «dègueliyî» – “замаскировать”; существительное «dé, dais, darre» – « ramilles vertes de conifères» – “зеленые ветки хвойных деревьев” происходит от патуа «dé, dar»; возвратный глагол «s’encoubler» – «s’empêtrer» – “запутаться” происходит от патуа «inkòblyâ»; существительное «gouille» – «mare» – “лужа” от патуа «gòlye»; существительное «parchet» – «parcelle de vigne» – “виноградный участок” от патуа «partsè». С другой стороны, в диалектизмах присутствует множество семантических калек, таких как значение глагола

«cuire» – «faire bouillir à des fins comestibles» – “варить” (воду, молоко) для приготовления продуктов питания [5, с. 2930].

Среди архаизмов, которые употребляются в франкошвейцарском языке, зафиксированы лексемы: marier, abbaye, fredon, juste, aiguer, livret, collage. Во французском стандартном языке данные слова являются вышедшими из употребления. Данные формы широко распространены также в романских диалектах.

В Швейцарском романском словаре дано следующее определение термина «français germanisé или fautif» – «германизированный или ошибочный французский», который используется в административных текстах в официальном стиле, созданных центральным административным органом, а также компаниями и рекламными агентствами со штаб-квартирой в немецкоязычной Швейцарии. В более широком смысле, германизированный или ошибочный французский язык практикуется швейцарцами романского происхождения. Швейцарский лингвист Де Пьетро считает, что термин «федеральный французский язык» появился в XIX веке для негативной характеристики языка административных текстов, недостаточно корректно переведенных с немецкого языка.

Сегодня он используется не только для оценки любого перевода, который воспринимается как немецкий субстрат, но и для французского языка, на котором говорят с немецким акцентом. Франкофоны удивлены таким типом языка, который часто употребляется в рекламных текстах и швейцарских газетах.

Рассмотрим примеры «федерального французского языка»:

1. «… le chef du Département de la défense (DDPS) a marqué un nouvel *autogoal*» [8, с. 95] – «s’est tiré une balle dans le pied» – “... глава Министерства обороны обозначил свою цель” – “выстрелил себе в ногу”. В приведенном примере лексемы «autogoal» (фед. фр.) и «Eigengoal» (нем. яз.) – «собственная цель» являются смысловыми эквивалентами.

2. «… on a achtté *le fuel de chauffage*» (фед. фр.) [9, с. 340] – (fioul domestique), ‘Heizöl’ – (нем. яз.) 1. топливо для отопления; 2. мазут; 3. жидкое топливо для бытовых нужд. Лексемы “le fuel” и “Heizöl” являются семантически эквивалентными.

3. «La compagnie va ainsi rouvrir sa liaison entre Genève et Londres, après *avoir biffé* (фед. фр.) [3, с. 90] ‘supprimé’ (фр. яз) ‘упразднить, отменить’, ‘gestrichen’ (нем. яз) – вычеркнуть, исключить) cette ligne…» – ‘Таким образом, компания возобновит свое сообщение между Женевой и Лондоном, вычеркнув (исключив) эту линию...’. Лексема “biffé” представляет собой семантичекую кальку с расширением лексического значения слова, заимствованного из немецкого языка “gestrichen” – «вычеркнуть исключить».

4. «C’est dire si *l’air* est lourd (фед. фр.) [5, с. 2928] – “Если воздух тяжелый, в значении если в воздухе есть гроза” В немецком языке употребляется аналогичная конструкция «es herrscht dicke Luft – если воздух густой, тяжелый (нем. яз). В стандартном французском языке существует вариант «il y a de l’électricité / de l’orage dans l’air» – 'в воздухе есть электричество/гроза’. Лексема “l'air” является семантическим эквивалентом лексемы “Luft” – «воздух».

5. «… près de la moitié du *bois de feu* (фед. фр.) [9, с. 334] – ‘дрова для костра’ Feuerholz (нем. яз.) – ‘дрова для костра, поленья’ – est vendue sous forme de bûches…», "...почти половина дров продается в виде поленьев... Выражение “bois de feu” является семантическим эквивалентом немецкой лексемы “Feuerholz”.

6. «…facilement accessible avec – par (фед. фр.) [8, с. 99], mit – с (нем.яз. предлог) les transports publics…» "...легко добраться на общественном транспорте...». В данном примере употреблен предлог “avec”, эквивалентный по значению предлогу “mit”.

7. «…les deux filles voulaient *fêter* (фед. фр.) [10, с. 234] – ‘feiern’ – (нем. яз) устроить вечеринку à l’insu de leurs parents.» "...две девочки-подростка хотели отпраздновать (устроить вечеринку) без ведома своих родителей». В данном примере глагол “fêter” – «праздновать, отмечать» является семантической калькой с расширением значения глагола “feiern” – «устроить вечеринку».

8. «Un livre drôle et précis passe *les régimes* (фед. фр.) à la moulinette. Qu’en reste-t-il et quelle diète [10, с. 345] 'quel régime’, (фр. яз.) ‘welche Diät’ – (нем. яз) choisir? » [10, с. 345] "Забавная и точная книга рассказывает о диетах на вертеле. Что от этого осталось и какую диету выбрать?» Словосочетания “quelle diète” и “welche Diät” «какая диета» являются семантическими эквивалентами.

9. «Statistiques hospitalières: *des pommes et des poires»* (фед. фр) [9, с. 351] – «Больничная статистика: яблоки и груши». В Швейцарии сложно проводить употребление сравнений на территории разных кантонов [2, с. 307]. Это выражение употребляется только при обращении к немецкому варианту Äpfel und Birnen zusammenzählen ‘comparer ce qui n’est pas comparable’ – сравнивать несопоставимое. Выражение «des pommes et des poires» является фразеологической калькой немецкой ФЕ “Äpfel und Birnen zusammenzählen”. Данное выражение может употребляться только в немецком варианте, так как оно является фразеологизмом.

10. «La Suisse peut *vivre avec* (фед. фр.) [8, с. 95] 'mit… leben' (нем. яз) la décision, de ne plus enseigner le français à'école primaire». Швейцария может смириться решением больше не преподавать французский язык в начальной школе». В данном случае глаголы "vivre avec" и "mit… leben" имеют одинаковый перевод – «жить с» и являются семантическими эквивалентами, но, употребленные в данном контексте, имеют переносное значение – «смириться с чем-либо».

Языковая граница между романскими и германскими языками проходит по всей территории Швейцарии [1, с 270]. Внутригосударственные контакты населения способствуют заимствованию слов из швейцарского немецкого и немецкого языков и употреблению во фразах вместе с французскими лексемами. «Neinsager» (нем. яз) – 'люди, которые всегда говорят нет" (дословный перевод); «Sonderfall» 'отдельный случай' (нем. яз) – p.ex., «la Suisse Romande comme Sonderfall» 'Швейцария как отдельный случай; «Röstigraben» (нем. яз.) "ров, барьер из картошки" – p.ex., «Le Röstigraben entre la Suisse allemande et la Suisse romande» 'Несуществующий языковой барьер между немецкоязычной и франкоязычной Швейцарией"; «Putzday» "гражданская акция по уборке», существительное «Putzday» образовано от глагола «putzen» (нем. яз) "убирать", существуют однокоренные слова «Putzfrau» 'уборщица' или «Putzmann» 'уборщик'. Приведенные примеры иллюстрируют особенности функционирования стандартного французского языка и федерального языка или французского языка Романской Швейцарии в языковых, устных или письменных дискурсах. В целом, франкошвейцарский язык мало чем отличается от французского языка Франции, но имеет свои особенности. Различия более или менее значительны на всех языковых уровнях: лексическом, семантическом, синтаксическом. Несмотря на фонетические черты, унаследованные от первопоселенцев, эти различия мало влияют на взаимопонимание между Францией и романской Швейцарией. Исследователи констатируют, что каждый язык сталкивается с фонетическими вариациями в пределах своих границ.

У каждого региона есть свои особенности, но при использовании одного и того же языка, говорящие могут определить происхождение своих собеседников по их акценту. Существуют различные способы употребления региональных слов в зависимости от критериев, которые принимаются во внимание. В швейцарском французском языке зафиксировано употребление терминов-архаизмов, а также слов и выражений, заимствованных из германских языков, таких, как mouttre, witz, poutser. Немецкоязычное влияние пронизывает весь романский французский язык из-за его преобладания в стране, в то время как носители романского языка выступают против употребления германизмов, защищая свою региональную лингвистическую и культурную идентичность.

Выводы

Таким образом, отличительные особенности между французским швейцарским и стандартным французским языком фиксируются на уровне лексики. Гельветизмы – регионализмы часто не являются исключительно швейцарскими. Многие слова, которые относятся к гельветизмам, функционируют в районах, удаленных от Швейцарии и соседних регионов Франции, в частности на территориях с франкопровансальским субстратом.

Во франкоязычной Швейцарии сохраняется ситуация диглоссии, которая характеризуется сосуществованием диалектов и стандартного французского языка, который является родным языком основной части населения и предполагает жизнеспособность диалектов в пределах одной и той же страны. Это зависит от отношения говорящих к диалекту и стандартному языку. В случае со Швейцарией на нее влияет отказ или принятие языковой модели и культуры, пришедших из-за границы, где стандартный язык также является национальным языком. Французский язык всегда пользовался большим авторитетом во франкоязычной Швейцарии. Этот престиж отрицательно сказался на сохранении диалектов. Ретороманский язык выходит за эти рамки, поскольку он не может опираться ни на один национальный язык за пределами Швейцарии.

Список источников

1. Денисенко И.Е. Морфосинтаксические особенности швейцарского национального варианта французского языка: сборник трудов конференции. // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. Чебоксары, 26 июня 2025 года. Чебоксары: ИД «Среда». 2025. С. 269 – 271.

2. Денисенко И.Е. Лингвистические особенности швейцарского национального варианта французского языка // Основные тенденции и перспективы развития современной романской и германской филологии. Электронный сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Москва. 2024. С. 305 – 314.

3. Микрюкова С.Н. Пути формирования фонда статализмов швейцарского варианта французского языка // Исследования молодых ученых, сборник статей. Москва. 2024. С. 86 – 97.

4. Мукимова К.А. О лексических особенностях и социокультурных тенденциях развития современного французского языка в Швейцарии // Филологический аспект. 2023. № 5 (97). С. 106 – 114.

5. Павленко Н.Б. Проблемы языковой вариативности на материале французского языка Швейцарии. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Изд-во грамота, 2022. Т. 15. № 9. С. 2927 – 2933

6. Chevalley H. Le français local d'origine dialectale en Suisse romande // Les régiolectes en français. Paris: Champion; Genève Slatkine, 2006. P. 91 – 113.

7. Knecht P. Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain. Conçu et rédigé par Thibault, A. sous la direction de Knecht, P. Nouvelle edition revue et augmentée, préparée par Knecht, P. Genève, Zoé, 2004. 885 p.

8. Matthey M. Le français langue de contact en Suisse romande // Glottopol, Revue sociolinguistique en ligne. 2003. No. 2. P. 92 – 100.

9. Thibault A. Québécismes et helvétismes: éclairages réciproques / Thomas LAVOIE et coll., Français du Canada – Français de France. Actes du quatrième Colloque international de Chicoutimi, Québec, du 21 au 24 septembre 1994, Tubingen, Max Niemeyer, 1996. P. 333 – 376.

10. Thibault A. Dictionnaire suisse romand: particularités lexicales du français contemporain: une contribution au trésor des vocabulaires francophones. Carouge-Genève: Editions Zoé, 1997. 854 p.

11. Pierrehumbert W. Dictionnaire historique du parler neuchatelois et Suisse romand. Neuchatel: Attinger, 1978. 763 p.

References

1. Denisenko I.E. Morphosyntactic features of the Swiss national variety of French: conference proceedings. Education, innovation, and research as a resource for community development: materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Cheboksary, June 26, 2025. Cheboksary: Sreda Publishing House. 2025. P. 269 – 271.

2. Denisenko I.E. Linguistic features of the Swiss national variety of French. Main trends and prospects for the development of modern Romance and Germanic philology. Electronic collection of scientific papers from the 2nd International Scientific and Practical Conference. Moscow. 2024. P. 305 – 314.

3. Mikryukova S.N. Ways of forming the corpus of statalisms in the Swiss variety of French. Research by Young Scientists: Collection of Articles. Moscow. 2024. P. 86 – 97.

4. Mukimova K.A. On lexical features and sociocultural trends in the development of modern French in Switzerland. Philological Aspect. 2023. No. 5 (97). P. 106 – 114.

5. Pavlenko N.B. Issues of linguistic variation based on the material of Swiss French. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Gramota Publishing House, 2022. Vol. 15. No. 9. P. 2927 – 2933.

6. Chevalley H. Le français local d'origine dialectale en Suisse romande. Les régiolectes en français. Paris: Champion; Genève Slatkine, 2006. P. 91 – 113.

7. Knecht P. Dictionnaire suisse romand. Particularités lexicales du français contemporain. Conçu et rédi-gé par Thibault, A. sous la direction de Knecht, P. Nouvelle edition revue et augmentée, préparée par Knecht, P. Genève, Zoé, 2004. 885 p.

8. Matthey M. Le français langue de contact en Suisse romande. Glottopol, Revue sociolinguistique en ligne. 2003. No. 2. P. 92 – 100.

9. Thibault A. Québécismes et helvétismes: éclairages réciproques. Thomas LAVOIE et coll., Français du Canada – Français de France. Actes du quatrième Colloque international de Chicoutimi, Québec, du 21 au 24 septembre 1994, Tubingen, Max Niemeyer, 1996. P. 333 – 376.

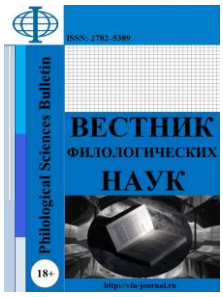
10. Thibault A. Dictionnaire suisse romand: particularités lexicales du français contemporain: une contribution au trésor des vocabulaires francophones. Carouge-Genève: Editions Zoé, 1997. 854 p.

11. Pierrehumbert W. Dictionnaire historique du parler neuchatelois et Suisse romand. Neuchatel: Attinger, 1978. 763 p.

Информация об авторах

Денисенко И.Е., *кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, irina_denisenko_66@mail.ru*

© Денисенко И.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 82-92
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-156-163

[1] ***Егошкина В.А.***

[1] ***Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского***

Журналистские расследования Юрия Щекочихина: специфика методов сбора информации и тематическое своеобразие

Аннотация: *предпринятое исследование посвящено анализу тематического своеобразия журналистских расследований Ю.П. Щекочихина, опубликованных в «Литературной газете» и «Новой газете» с 1988 по 2001 годы, а также выявлению частотных методов сбора информации, эксплицированных в материалах автора. В статье рассмотрены девять расследований, посвященных проблеме роста преступности в СССР и современной России, формированию и развитию такого явления, как мафия. Определена тематическая структура публикаций, выделены доминантные темы и репрезентирующие их субтемы, позволяющие констатировать, что Ю.П. Щекочихин на протяжении длительного времени подробно и всесторонне изучал проблему организованной преступности не только в нашей стране, но и за рубежом. Охарактеризованы наиболее частотные методы сбора информации, применяемые журналистом для подготовки расследовательских материалов, в число которых входит интервью, работа с документами, обращение к официальным источникам и статистике, личные наблюдения автора. Помимо этого, сделаны выводы о стилистическом и языковом своеобразии расследований Ю.П. Щекочихина, их влиянии на картину мира адресата. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в статье уточнены критерии, по которым можно классифицировать журналистские расследования, предложены новые виды расследований, актуальные для современных медиареалий. Результаты исследования и предложенная методология описания тематической специфики расследовательских публикаций определяют научную новизну работы и могут быть использованы при изучении других журналистских материалов, репрезентированных в современных медиа.*

Ключевые слова: *журналистское расследование, гипертема, субтемы, методы сбора информации*

Для цитирования: Егошкина В.А. Журналистские расследования Юрия Щекочихина: специфика методов сбора информации и тематическое своеобразие // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 156 – 163. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-156-163

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] ***Egoshkina V.A.***

[1] ***Dostoevsky Omsk State University***

Journalistic investigations by Yuri Shchekochikhin: specificity of information-gathering methods and thematic uniqueness

Abstract: *the study focuses on an analysis of the thematic uniqueness of Y.P. Shchekochikhin's journalistic investigations, published in Literaturnaya Gazeta and Novaya Gazeta between 1988 and 2001, as well as on identifying the frequent methods of information collection used by the author in his materials. The article examines nine*

investigations devoted to the problem of rising crime in the USSR and modern Russia, as well as to the formation and development of such a phenomenon as the mafia. The thematic structure of the publications has been identified, the dominant themes and the sub themes representing them have been distinguished, which makes it possible to state that Yu.P. Shchekochikhin studied the problem of organized crime in detail and comprehensively over a long period of time, not only in our country but also abroad. The most common methods of information collection used by the journalist to prepare investigative materials are described, including interviews, work with documents, and access to official sources and statistics. In addition, conclusions have been drawn regarding the stylistic and linguistic uniqueness of Y.P. Shchekochikhin's investigative reports and their impact on the recipient's worldview. The theoretical significance of the study lies in the fact that the article clarifies the criteria by which journalistic investigations can be classified and proposes new types of investigations that are relevant to modern media realities. The research results and the proposed methodology for describing the thematic specificity of investigative publications define the scientific novelty of the work and can be used in the study of other journalistic materials presented in modern media.

Keywords: *investigative journalism, hypertheme, subthemes, information-gathering methods*

For citation: Egoshkina V.A. Journalistic investigations by Yuri Shchekochikhin: specificity of information-gathering methods and thematic uniqueness. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 156 – 163. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-156-163

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Журналистское расследование – жанр, берущий свое начало в XIX веке, получивший развитие в XX и XXI столетиях и заложивший основу современного тру-крайм медиадискурса. В советское время коллеги по перу справедливо называли «пионером расследовательской журналистики» именно Юрия Петровича Щекочихина, который в 1970-е годы работал в «Комсомольской правде», где стал широко известным публицистом, признанным и авторитетным журналистом. Затем он продолжил свой творческий путь в «Литературной газете», а в «Новой газете» проработал до конца своих дней.

Расследовательские проекты Ю.П. Щекочихина не в полной мере описаны современными исследователями. Известны работы, посвященные определенным аспектам его журналистской и публицистической деятельности [4, 13], поэтому анализ эксплицированных в расследованиях Ю.П. Щекочихина методов сбора информации, выявление тематических доминант определяют актуальность и научную новизну предпринятого исследования.

Наша цель – охарактеризовать тематическую специфику журналистских расследований Ю.П. Щекочихина, объединенных гипертемой «советская мафия», выявить наиболее частотные методы сбора информации, объективированные в его публикациях.

Обозначенная цель предполагает решение ряда задач. Во-первых, представить базовые теоретические положения: определение жанра журналистского расследования, описание методов сбора информации и уточнение классификации расследований. Во-вторых, проанализировать, какие методы и приемы получения сведений наиболее частотны в материалах Ю.П. Щекочихина. В-третьих, провести тематический анализ публикаций, представленных в эмпирической базе исследования, выявить доминантные темы и субтемы.

Материалы и методы исследований

Эмпирическая база исследования включает семь расследований: «Лев прыгнул!» (1988 г.), «Лев прыгнул: взгляд из-за океана» (1989 г.), «Под контролем мафии» (1989 г.), «Охота на льва, или бой с тенью» (1990 г.), «Гуров ушел… Лев съел?» (1991 г.), «Здравствуй, дорогая мафия» (1994 г.), «Чужой» (1995 г.), напечатанных в «Литературной газете», а также два материала, опубликованных в «Новой газете»: «Хорошо живется тем, кто борется с мафией» (2000 г.), «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах» (2001 г.).

Выбор эмпирического материала обусловлен тем, что Ю.П. Щекочихин первым в Советском Союзе поднял тему организованной преступности. Публикация «Лев прыгнул!» стала резонансной и положила начало серии журналистских расследований, посвященных проблеме мафии в СССР. Представленный ряд его публикаций посвящен анализу криминальной ситуации в стране, росту организованной преступности, раскрытию коррупционных и мошеннических схем, в которых участвовала и партийная элита.

В статье используется комплексная методология, включающая общенаучные методы: наблюдение, описание, систематизацию эмпирического материала; методики, реализуемые в современных медиаисследованиях: анализ тематической структуры текстов (определение гипертемы и реализующих ее субтем) и методов сбора информации, репрезентированных в расследованиях Ю.П. Щекочихина.

Результаты и обсуждения

Базовые теоретические положения предпринятого исследования

Жанр журналистского расследования зародился в западной прессе два века назад, его истории и развитию посвящено множество научных работ [1, 6, 7, 11, 12, 14] и др.

Однако, несмотря на долгое время существования данного жанра, исследователи до сих пор ведут дискуссию о его дефиниции и четкой принадлежности как к жанровым разновидностям, так и к методам журналистской деятельности [9, с. 67].

Представим только некоторые, существенные на наш взгляд, суждения исследователей. Так, Н.В. Бергер констатирует, что журналистское расследование – это «частный творческий метод публицистического исследования, направленный на выяснение и обнародование скрытых данных о правонарушении» [2, с. 103].

Другая точка зрения принадлежит А.А. Тертычному, квалифицирующему журналистское расследование как самостоятельный жанр, который «определяется качествами, возникающими под воздействием предмета, цели, методов получения информации, особенностями изложения полученного материала» [14].

В данном вопросе мы придерживаемся мнения С.А. Мищенко, согласно которому «выводы о принадлежности журналистского расследования к категориям метода или жанра делаются на преобладании в тексте признаков, относящихся к одной из указанных категорий. Некоторые из этих особенностей относятся к жанрообразующим факторам журналистики, и тогда исследователи относят содержащий их текст к жанру “журналистское расследование”. Если речь идет о специфике профессиональных приемов журналистской деятельности, а текст не обретает особой жанровой формы, о журналистском расследовании принято говорить, как о методе получения информации» [10, с. 22].

Отметим, что большинство исследователей солидарны в том, что журналистское расследование в целом всегда направлено на «выяснение негативных явлений в обществе, их причин и следствий специальными средствами журналистики» [5, с. 4].

Таким образом, цель практически любого журналистского расследования – «раскрыть скрытые факты, нарушения прав и законов, коррупционные схемы, а также защитить права и интересы общества» [8, с. 291].

Сбор информации, работа с источниками – важнейшая составляющая деятельности журналиста-расследователя. Автор материала выбирает, какие источники информации наиболее релевантны для предпринимаемого расследования, оценивает их доступность, законность и этичность. Главное – это то, насколько точной информацией владеет источник, можно ли ему доверять, уникальны ли его сведения, не преследует ли он какой-либо корыстной цели. В этой парадигме теоретических исследований выделяют открытые, частично открытые и конфиденциальные источники информации.

В арсенале журналиста-расследователя, помимо общих, применяемых в повседневной журналистской практике, довольно много уникальных методов сбора информации. Во время работы автор материала выбирает те, которые отвечают его задачам и благодаря которым можно получить максимум значимой информации за минимальный срок.

Методы сбора информации при проведении журналистского расследования включают наблюдение (прямое и косвенное; краткое и длительное; открытое и скрытое; включенное и невключенное), интервью, исследование документов, расследование в социальных сетях, расследование на месте событий, использование информаторов, расследование на основе данных, использование скрытых методов (эксперимент, метод маски, пранк, или розыгрыш, запись телефонных разговоров и под. для получения информации, которая недоступна в открытых источниках) [15, с. 321].

Говоря о классификации журналистских расследований, отметим, что основанием для типологии обычно является либо тема расследования, либо сфера деятельности, в которой выявлено правонарушение. Так, выделяют политические, экономические, социально-бытовые, исторические, криминальные расследования [3, с. 63].

На наш взгляд, данная классификация может быть расширена в связи с тем, что в ней отражены не все сферы человеческой деятельности. Так, можно предложить такие виды расследований, как:

– расследования правонарушений в области образования, науки и технологий (нарушение законодательства при проведении научных исследований или запрещенных опытов, техногенные аварии и катастрофы,

мошеннические схемы при распределении бюджетных средств, направленных на научно-технические исследования, продажа дипломов, зачисление студентов за взятку и т.д.);
– расследования в сфере культуры (нарушение авторских прав, скандалы в музыкальной и кинематографической индустрии, подделывание произведений искусства и т.д.);
– расследования правонарушений в сфере экологии (выявление фактов загрязнения окружающей среды, незаконной эксплуатации природных ресурсов, браконьерство, контрабанда и т.д.);
– расследования правонарушений в области медицины (нарушения в сфере здравоохранения, например, заведомо неправильно назначенное лечение пациентов, фальсификация результатов исследований, вымогательство или неэтичное поведение врачей и медицинского персонала и т.д.);
– расследования правонарушений в военной сфере (обращение с военнопленными, коррупция, растрата, нецелевое использование военных фондов, дедовщина в армии и т.д.);
– расследования правонарушений в судебной системе (коррупция среди судей, незаконное обогащение, неэтичное поведение, нарушение тайны следствия, несправедливые приговоры или злоупотребление процессуальными нормами и т.д.);
– расследования правонарушений в спорте (допинг-скандалы, нечестное судейство, недобросовестная конкуренция, взятки и т.д.).

Подчеркнем, что в журналистских расследованиях нередко речь идет о комплексе проблем, в связи с чем невозможно однозначно отнести то или иное расследование к определенному типу.

Методы сбора информации, эксплицированные в журналистских расследованиях Ю.П. Щекочихина

Переходя к анализу эмпирического материала, отметим, что доминантным методом сбора информации в расследованиях Ю.П. Щекочихина является интервью, которое используется во всех проанализированных публикациях, поскольку является самым эффективным при работе с экспертами. Информация, полученная таким путем, может включать конфиденциальные сведения, ценные детали и свидетельства.

В своих расследованиях Ю.П. Щекочихин беседует с различными специалистами, включая представителей прокуратуры СССР, задает им сложные и иногда неприятные вопросы для получения информации о структуре и целях мафиозных группировок, а также о связи правоохранителей и политиков с уголовным миром.

Одним из постоянных экспертов, к которым обращается Юрий Петрович Щекочихин, является Александр Иванович Гуров, подполковник милиции, досконально разбирающийся в проблеме советской мафии. Он стал ключевой фигурой в расследованиях разных лет, поскольку был одним из тех, кто входил в рабочую группу, а впоследствии возглавил специальный отдел по борьбе с мафией в СССР. Именно интервью с ним и стало основой для первой публикации «Лев прыгнул!» («Литературная газета», 1988 г.), посвященной данной теме.

Кроме того, Ю.П. Щекочихин использует методы опроса и обращения к официальным источникам, например, к представителям различных ведомств. Так, в публикации «Под контролем мафии» («Литературная газета», 1989 г.) автор опрашивает сотрудников ИТУ (исправительно-трудовых учреждений) и уголовного розыска, собирая свидетельства представителей правоохранительных органов, чтобы получить информацию о влиянии воровской среды и их главарей на законодательную сферу.

Также в расследованиях Ю.П. Щекочихина репрезентированы такие методы сбора информации, как работа с документами и статистическими данными. Автор обращается к опубликованной информации в СМИ, материалам уголовных дел, сводкам прокуратуры СССР, отражающим количество групповых нарушений общественного порядка, погибших и пострадавших лиц. Это позволяет создать более убедительное, обоснованное и объективное расследование, так как информация основывается на достоверных источниках. Используя статистические данные, журналист показывает масштаб организованной преступности в СССР, о котором рядовой гражданин даже не мог догадываться.

Заметим, что Ю.П. Щекочихин был одним из первых журналистов, публично высказавшихся о «казанском феномене». Подростковая преступность на первый взгляд не относится к теме мафии, однако нужно учесть, что в целом проблемы детей и подростков волновали автора еще со времен работы в приложении «Алый парус» к «Комсомольской правде», а вскрытые подробности об иерархии преступных группировок в Казани свидетельствовали о начале зарождения мафии в отдельно взятой Республике.

Ещё один метод сбора информации, применяемый Ю.П. Щекочихиным, заключается в получении свидетельских показаний и конфиденциальной информации от лиц, связанных с организованной преступностью. Помимо этого, в расследованиях Ю.П. Щекочихина нередко представлены конкретные события и диалоги между членами преступных группировок, представителями различных ведомств. Эти свидетель-

ства позволяют проследить хронологию событий, показать конкретные детали, что делает публикации более доказательными.

Также автор частотно использует метод наблюдения, описывает этапы проведенного расследования, объясняет контекст, эксплицирует собственные оценки. Так, в материале «Лев прыгнул: взгляд из-за океана» («Литературная газета», 1989 г.) автор применяет метод включенного наблюдения. Он отправляется в США, чтобы узнать, как появилась и развивается мафия в этой стране, понять, насколько остро стоит эта проблема и как она решается.

Нередко в расследованиях используются элементы репортажа, Ю.П. Щекочихин подробно описывает места, где он находился, и события, очевидцем которых он становился. Все это делает его материалы эмоциональными, наглядными и насыщенными подробностями.

Резюмируя, отметим, что в журналистских расследованиях Ю.П. Щекочихина репрезентированы различные методы сбора информации, автор тщательно отбирает факты, анализирует их, фиксирует важные детали, обращается к разным источникам. В расследованиях Ю. П. Щекочихина система аргументации продумана и органично интегрирована в структуру повествования, что способствует формированию доверия у аудитории, а также свидетельствует о профессиональной компетентности автора и глубине проведенного анализа проблемы.

Тематическая специфика журналистских расследований Ю.П. Щекочихина

Гипертемой выбранных нами расследований Ю.П. Щекочихина является феномен мафии, до этого неизвестный советским людям.

Цикл материалов начинается с резонансного расследования «Лев прыгнул!» («Литературная газета», 1988 г.), в котором раскрывается механизм зарождения организованной преступности в стране.

Представленное в публикации интервью с А.И. Гуровым дает понять, что мафия – это организация, основанная на связи преступного мира с коррумпированной властью, а, следовательно, с государственным аппаратом.

В этой публикации затронут ряд сбутем, которые позволяют лучше разобраться в обозначенной проблеме: мафия развивается скрыто, подпольно, от этого становится еще более опасной; советские эмигранты пытаются налаживать связи с преступными группировками, действующими в разных странах; перечислены способы растраты государственных денег, к которым причастна политическая элита; описаны уровни организованной преступности, которые демонстрируют, что мафия в стране уже сложилась, есть кланы, четкая иерархия, в которой опять же не последнее место занимают представители политической элиты; указаны доходы мафии, которые исчисляются немыслимыми для советского человека цифрами («*Если принять во внимание, что ставки в их карточных играх достигли полумиллиона, а взятки, которые они предлагали нашим работникам, были и в триста тысяч, и в миллион, то можете представить, какие у них сегодня доходы»*); дан портрет представителя мафии (*«Кланами мафии, по нашим данным, руководят или бывшие спортсмены, или профессиональные рецидивисты, или незаметные, серенькие хозяйственники, или, скажем, официант пиццерии. Но у него – и охрана, и разведка, и своя система контроля над территорией. И главное – коррумпированные связи, с помощью которых он забирается выше и выше»*); объяснены причины, почему скрывали существование мафии; сделана попытка найти решение проблемы (*«Успех в гласности! Мафия должна знать, что мы о ней знаем и будем бороться с ней как с явлением»*).

Материал «Лев прыгнул: взгляд из-за океана» («Литературная газета», 31.05.1989 г.) знакомит читателя с неким Бобом, владельцем саун, бывшим членом мафиозного клана. Беседа с Бобом позволяет журналисту лучше понять суть мафии, посмотреть, как она действует в империалистической Америке, чтобы сравнить механизм ее деятельности с тем, что наблюдается в СССР.

Можно выделить следующие субтемы, представленные в этом расследовании: вопрос о влиянии политической системы на зарождение и проявление мафии; теневая экономика в условиях свободного рынка как катализатор появления мафии; связь мафии и политики, коррумпированность чиновников и диктат мафиозных групп в политических кругах; рэкет в США; клановость и устойчивость мафиозных группировок.

Основной темой публикации «Под контролем мафии» («Литературная газета», 19.07.1989 г.) является специализация мафии и ее виды. Субтемы, репрезентированные в материале, следующие: развитие мафии, увеличение криминальных «профессий» (*«По мнению А.И. Гурова, если в двадцатые годы насчитывалось около 90 преступных квалификаций, то сегодня их насчитывается сотни и сотни»*); иерархия среди карманных воров и карточных шулеров; появление и проявление «преступной» субкультуры в обществе, на которую долгое время закрывали глаза и не признавали как проблему (*«У преступного мира существует своя субкультура, которая является одним из мощных факторов воспроизводства профессиональной преступности»*); влияние мафии на общество – мафия все чаще захватывает власть в свои руки, управляет

криминальным миром, что сказывается и на жизни рядовых советских людей (*«Растет число преступлений, тревожнее становится на улицах, все более и более опасными становятся наши города. И все больше растет влияние мафии. Растут ее доходы»*).

Материал «Охота на льва, или Бой с тенью» («Литературная газета», 23.05.1990 г.) вышел через два года после публикации первого интервью с А.И. Гуровым. Его основной темой стало создание 6-го отделения МВД СССР, которое занималось бы только расследованием преступлений, совершенных мафиозными группами.

Мы выделили следующие субтемы, эксплицированные в этом материале: перемена власти как катализатор развития преступности, коррупции и присвоения государственного имущества; давно назревшая необходимость создания закона по борьбе с коррупцией; борьба с теневой экономикой, которая порождает организованную преступность и мафиозные группировки; опасность перехода к рыночной экономике, которая может позволить мафии действовать открыто, практически легально и изобретать новые механизмы совершения преступлений.

В расследовании «Здравствуй, дорогая мафия!» («Литературная газета», 17.08.1994 г.) Ю.П. Щекочихин пишет о том, что в обществе сложилась парадоксальная ситуация, произошла духовно-нравственная трансформация. Бандитизм становится профессией, люди обращаются за помощью не в правоохранительные органы, а к криминальным авторитетам.

Можно выделить следующие субтемы, объективированные в этом расследовании: расцвет бандитизма, его привлекательность для некоторых слоев общества, смена приоритетов; связи преступных групп с представителями власти, а также распространение мифов о возможной помощи криминальных структур в решении социальных проблем (*«Как раньше самые наивные надеялись, что ЦК КПСС может помочь, так и сегодня люди начинают думать, что другая сила, мафия, вдруг все бросит и побежит спасать человека, не состоящего в ее рядах»*); попытки легализовать действия мафии, не бороться с ней как с явлением, а постараться контролировать.

В публикации «Чужой» («Литературная газета», 01.03.1995 г.) Ю.П. Щекочихин резюмирует, что что было предпринято для борьбы с мафией, анализирует, какие изменения произошли с момента выхода первой публикации («Лев прыгнул!»), что сейчас представляет собой мафия. Однако автор приходит к неутешительным выводам. Это репрезентировано в ряде субтем, представленных в данном расследовании: объединение мафиозных организаций разных стран; увеличение числа преступных организаций и процесс интеграции в общество; взаимосвязь мафии с наркобизнесом, возможная перспектива появления крупных синдикатов в России; проблема «чеченской мафии», ее роль в военном конфликте (*«Но ты знаешь, побывав сейчас в Грозном, я все больше и больше прихожу к выводу, что и сама независимая Чечня, и война, которая происходит там, все делалось и делается в интересах различных мафиозных группировок»)*; заинтересованность госструктур в сохранении мафии и продолжении войны (*«Если мы говорим о мафии в лице огосударствленных структур, которым было выгодно создать именно такую Чечню, то мы должны вести речь не о чеченских бандитах, а о политиках! <…> Я считаю, что кто-то создал эту истинную мафию, и пускай они за это ответят!»*).

В «Новой газете» проблеме мафии уделено не так много внимания. В эмпирическую базу включены только две публикации, в которых эта тема освещена. Очевидно, что спад интереса к этой теме обусловлен тем, что эпоха 90-х годов завершилась, произошла перестройка политической системы и смена власти. Однако автор не делает оптимистичных выводов, постулируя, что проблема мафии все еще остается актуальной и требует решения.

В расследовании «Хорошо живется тем, кто борется с мафией» («Новая газета», 13.07.2000 г.) гипертемой является имитация борьбы с мафией и коррупция чиновников. Основной упор делается на бездействии власти, преследовании собственных интересов, а не интересов общества. Автор приводит в пример деятельность председателя итальянского парламента Лучано Виоленто, описывает его роль в борьбе с мафией в Италии и ход операции «Чистые руки», в рамках которой удалось национализировать незаконные доходы и объекты недвижимости итальянских преступных групп. Ю.П. Щекочихин констатирует, что в СССР и современной ему России не было ни одной подобной программы по борьбе с мафией.

Последний материал, который завершает цикл публикаций, посвященных мафии, – «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах» («Новая газета», 29.01.2001 г.). В этом расследовании снова фигурирует А.И. Гуров, вместе с Ю.П. Щекочихиным он подводит итог борьбы с мафией, анализирует изменения, произошедшие в обществе, размышляет о коррумпированности представителей власти и их связи с преступными группами.

В этом расследовании можно выделить следующие субтемы: мафия как явление стало обыденностью; очевидна связь между представителями государственных структур и правоохранительных органов и кри-

минальными группировками; развитие организованной преступности; проблема наркотрафика и наркомафии в России; произвол в правоохранительных органах и судебной системе.

Таким образом, можно констатировать, что Юрий Петрович Щекочихин детально исследовал проблему мафии в СССР, репрезентируя в своих публикациях множество субтем и аспектов, которые позволяют сформировать полную картину о криминальной ситуации в СССР и современной ему России. Наибольшую проблему в развитии организованной преступности автор видел в коррумпированности чиновников и партийной элиты, нежелании бороться с мафией как с явлением из-за потери нелегальных доходов, сменой общественных ценностей, которые, с одной стороны формировались под влиянием общей криминальной ситуации в стране, а с другой – способствовали развитию организованной преступности.

Выводы

Подводя итог предпринятого исследования, отметим, что проанализированные нами расследования в соответствии с представленной типологией можно отнести к политическим, экономическим, криминальным и социальным типам журналистских расследований.

В публикациях эксплицированы авторская оценка событий и явлений, наблюдения и умозаключения как самого журналиста, так и группы экспертов. На протяжении тринадцати лет Ю.П. Щекочихин исследовал проблему мафии, изучал способы борьбы с организованной преступностью, выявлял коррупционные схемы и раскрывал связь мафии с высокопоставленными чиновниками и партийной элитой. Одним из главных источников информации был А.И. Гуров, который недолго возглавлял Главное управление МВД по борьбе с организованной преступностью. Он был отправлен в отставку, поскольку его деятельность была не угодна преступным группировкам и прокрывающим их чиновникам. В публикации «Гуров ушел… Лев съел?» представлены результаты работы этого управления. Однако Ю.П. Щекочихин делает неутешительные выводы: проблема мафии не только не решилась, но усугубилась в связи со сменой политического режима в стране.

В расследованиях Ю.П. Щекочихина сочетаются черты аналитики и публицистики, в них репрезентированы различные методы сбора и анализа информации. Примечательно, что журналист изучал проблему мафии не только на основе данных правоохранительных органов или свидетельств сотрудников различных ведомств, но также обращался напрямую к представителям криминального мира, причем не только в нашей стране, но и за рубежом.

Все расследования журналиста можно охарактеризовать как образные, эмоциональные, экспрессивные, поскольку в них используется богатая палитра выразительных языковых и стилистических средств, например, метафоры, сравнения, маркированная лексика, риторические восклицания и вопросы, ирония. Публикации отличаются логичной композицией, продуманной системой аргументации, обширной доказательной базой, что, несомненно, влияло на читателей и повышало их уровень доверия к расследовательским материалам Ю.П. Щекочихина.

Таким образом, сформированная Ю.П. Щекочихиным методика создания журналистского расследования, включающая работу с различными источниками информации, глубокий аналитический подход к выбранной теме, насыщенность текстов собственными наблюдениями, оценками и выводами, стала основой для развития жанра в современных медиареалиях.

Список источников

1. Афанасьева А.Б. Специфика подходов к проведению журналистских расследований в современном медиапространстве // Международный научный журнал «Слово в науке». 2023. № 16. С. 6 – 11.

2. Бергер Н.В. Предмет и границы журналистского расследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. 2003. № 3. С. 101 – 106.

3. Гуляев А.А. Журналистское расследование: история, методика и практика. Вильнюс: ЕГУ, 2018. 256 с.

4. Егошкина В.А. Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 57 – 71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73490.

5. Зубаркина Е.С. Журналистское расследование: история и практика создания авторских телепрограмм: автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва, 2009. 21 с.

6. Зубаркина Е.С. Журналистское расследование: история и технология создания сюжетов // Преподаватель XXI век. 2009. № 2. С. 360 – 367.

7. Константинов А.Д. Журналистское расследование история метода и современная практика. СПб: «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 480 с. URL: http://evartist.narod.ru/text14/53.htm (дата обращения: 05.06.2026).

8. Малышева Е.В. Журналистское расследование: практика и методы. М.: Флинта, 2017. 304 с.
9. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Журналистское расследование в региональных печатных СМИ: структурно-содержательное и стилистическое своеобразие (на материале текстов Марата Исангазина) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (29). С. 67 – 71.
10. Мищенко С.А. Журналистское расследование и система жанров современной периодической печати в России: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 22 с.
11. Неренц Д.В. Социальные функции современной расследовательской журналистики // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 7 (28). С. 103 – 108.
12. Неренц Д.В. Журналистские расследования в современных США и России. М.: РГГУ, 2019. 141 с.
13. Соловьев В.А. Роль и место СМИ в мобилизации граждан на противодействие коррупции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 4 (788). С. 76 – 87.
14. Тертычный А.А. Расследовательская журналистика. М.: Аспект Пресс, 2002. 384 с. URL: http://evartist.narod.ru/text9/27.htm?ysclid=led2mfn1xq717384455 (дата обращения: 05.06.2026).
15. Шестеркина Л.П. Универсальная журналистика. М.: Аспект пресс, 2022. 480 с.

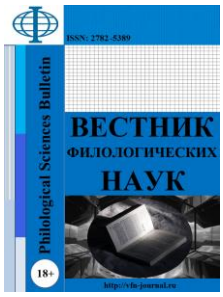
References

1. Afanasyeva A.B. Specifics of approaches to conducting investigative journalism in the modern media landscape. International Scientific Journal "Slovo v nauke" [The Word in Science]. 2023. No. 16. P. 6 – 11.
2. Berger N.V. The subject matter and boundaries of investigative journalism. Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism. 2003. No. 3. P. 101 – 106.
3. Gulyaev A.A. Investigative Journalism: History, Methodology, and Practice. Vilnius: EHU, 2018. 256 p.
4. Egoshkina V.A. Specifics of the representation of communicative strategies and tactics in the genre of investigative journalism. Philology: Scientific Research. 2025. No. 2. P. 57 – 71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73490.
5. Zubarkina E.S. Investigative Journalism: History and Practice of Creating Original TV Programs: Abstract of Candidate of Philological Sciences Dissertation. Moscow, 2009. 21 p.
6. Zubarkina E.S. Investigative Journalism: History and Technology of Story Creation. Educator of the 21st Century. 2009. No. 2. P. 360 – 367.
7. Konstantinov A.D. Investigative Journalism: History of the Method and Modern Practice. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 480 p. URL: http://evartist.narod.ru/text14/53.htm (accessed: 05.06.2026).
8. Malysheva E.V. Investigative Journalism: Practice and Methods. Moscow: Flinta, 2017. 304 p.
9. Malysheva E.G., Rogaleva O.S. Investigative Journalism in Regional Print Media: Structural-Content and Stylistic Distinctiveness (Based on the Texts of Marat Isangazin). Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research. 2020. No. 4 (29). P. 67 – 71.
10. Mishchenko S.A. Investigative Journalism and the Genre System of Modern Periodical Press in Russia: Abstract of Candidate of Philological Sciences Dissertation. Krasnodar, 2005. 22 p.
11. Nerents D.V. Social Functions of Modern Investigative Journalism. Bulletin of the Russian State University for the Humanities (RSUH). Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2017. No. 7 (28). P. 103 – 108.
12. Nerents D.V. Investigative Journalism in Modern USA and Russia. Moscow: RSUH, 2019. 141 p.
13. Solovyev V.A. The Role and Place of Mass Media in Mobilizing Citizens to Combat Corruption // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2017. No. 4 (788). P. 76 – 87.
14. Tertychny A.A. Investigative Journalism. Moscow: Aspekt Press, 2002. 384 p. URL: http://evartist.narod.ru/text9/27.htm?ysclid=led2mfn1xq717384455 (accessed: 05.06.2026).
15. Shesterkina L.P. Universal Journalism. Moscow: Aspekt Press, 2022. 480 p.

Информация об авторах

Егошкина В.А., *кандидат филологических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского*

© Егошкина В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
УДК 398(=512.157)(571.56)
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-164-168

[1] Илларионов В.В., [2] Илларионова Т.В.

[1] Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
[2] Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий

Научное наследие Г.Е. Федорова: вклад в сохранение фольклора Сунтарского улуса Якутии

Аннотация: *статья посвящена анализу научного наследия якутского краеведа и собирателя фольклора Георгия Евгеньевича Федорова (Сэһэн Дьөгүөр), его вкладу в сохранение устного народного творчества Сунтарского улуса Якутии. Рассмотрены жизненный путь исследователя, этапы формирования его работы, методические принципы записи фольклорных материалов. Показано, что несмотря на отсутствие образования, Федоров создал уникальный проверенный архив записей более чем у 30 носителей традиции, включая предания, рассказы, народные песни, тойуки, пословицы, загадки и этнографические заметки. Подтверждается высокая научная достоверность его материалов, ставших основой 6 научных изданий и активно используемых современными исследователями. Делается вывод о решающей роли подвижнической деятельности Федорова в сохранении уникального пласта региональной культуры, который был бы безвозвратно утрачен без его работы.*

Ключевые слова: *Г.Е. Федоров, Сунтарский улус, якутский фольклор, собиратели фольклора, культурное наследие, устное народное творчество*

Для цитирования: Илларионов В.В., Илларионова Т.В. Научное наследие Г.Е. Федорова: вклад в сохранение фольклора Сунтарского улуса Якутии // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 164 – 168. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-164-168

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Illarionov V.V., [2] Illarionova T.V.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
[2] Arctic State University of Arts, Culture and Creative Industries

Scientific legacy of G.E. Fedorov: contribution to preservation of folklore of the Suntar Ulus of Yakutia

Abstract: *this article analyses the academic legacy of Georgy Evgenyevich Fedorov (Sehen Dyoguur), a Yakut local historian and folklore collector, and examines his contribution to the preservation of oral folk tradition of the Suntar Ulus in Yakutia. The paper reviews the researcher's life path, the stages of development of his work, and the methodological principles he applied when recording folklore materials. It is demonstrated that despite having no formal academic training, Fedorov compiled a unique, verified archival collection of recordings obtained from over 30 tradition bearers. This archive includes legends, narratives, folk songs, toyuk oral poetry, proverbs, riddles*

and ethnographic field notes. The high scientific reliability of Fedorov's materials is confirmed: they formed the basis for 6 academic publications and remain actively used by modern researchers. The authors conclude that Fedorov's dedicated, selfless work played a decisive role in preserving this unique layer of regional culture – heritage that would have been irretrievably lost without his efforts.

Keywords: *G.E. Fedorov, Suntar Ulus, Yakut folklore, folklore collectors, cultural heritage, oral folk tradition*

For citation: Illarionov V.V., Illarionova T.V. Scientific legacy of G.E. Fedorov: contribution to preservation of folklore of the Suntar Ulus of Yakutia. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 164 – 168. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-164-168

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Фольклор является важным источником изучения исторического, культурного и социального наследия народа, отражая мировоззрение, эстетические идеалы, традиции и обычаи конкретных этнических групп. В условиях активного воздействия глобализации и исчезновения традиционных культур особое значение приобретают усилия собирателей фольклора, сохраняющих уникальные образцы устного народного творчества. В Якутии, богатой и разнообразной традициями, одной из ключевых фигур в области собирательства и сохранения фольклора стал известный краевед и фольклорист Георгий Евгеньевич Федоров (псевдоним – Сэһэн Дьөгүөр). Его настойчивость, уважительное отношение к традициям предков и стремление сохранить культурное наследие родного Сунтарского улуса делают его деятельность ярким примером подвижничества в сфере отечественной этнографической науки. Настоящая статья посвящена анализу вклада Г.Е. Федорова в сохранение устного народного творчества Сунтарского улуса и исследованию уникального научного наследия, достоверность и научная значимость которого подтверждены обобщением его материалов и их использованием современными исследователями.

Материалы и методы исследований

Исследовательская работа базируется на обширном архиве Г.Е. Федорова, а также на публикациях, подготовленных на основе его материалов.

Теоретико-методологическую основы работы составляет исследования фольклористов, внесших значительный вклад в изучении якутского фольклора: Г.У. Эргиса [1], А.А. Попова [2], Н.В. Емельянова [3, 4], И.В. Пухова [5, 6], В.М. Никифоров [7], Л.С. Ефимовой [8, 9], С.Д. Мухоплевой [10, 11] и др.

В статье используются следующие методы исследования: библиографический метод позволил подробно изучить жизненный путь Г.Е. Федорова, проследить этапы его становления как исследователя и хранителя культурного наследия; метод сбора и анализа первоисточников основан на работе с рукописными материалами из личного архива Г.Е. Федорова, благодаря которому удалось проанализировать записи фольклора, собранные лично и систематизированные самим исследователем; историко-краеведческий метод использован для изучения исторических обстоятельств и условий, в которых протекала работа Федорова, а также особенностей среды и культурной атмосферы региона Якутии, где он жил и собирал фольклорные материалы. Этим методом раскрывается взаимосвязь между культурной средой, педагогической традицией и личным вкладом ученого; метод исторических сопоставлений и сравнительного анализа.

Результаты и обсуждения

Георгий Евгеньевич Федоров, известный под псевдонимом Сэһэн Дьөгүөр (Сесен Джёгюёр), родился 8 апреля 1911 года в Хангаласском наслеге Сунтарского улуса, в роду Чёччюкэй. Его жизненный путь завершился 3 августа 1993 года в родном селении. Г.Е. Федоров получил широкую известность в Якутии как выдающийся фольклорист-собиратель и краевед, чей вклад высоко ценится в научном сообществе фольклористов, археологов и этнографов.

Не имея формального специального образования, Георгий Евгеньевич с юных лет проявлял тягу к знаниям, самостоятельно освоил грамоту и на протяжении всей жизни занимался самообразованием. По его воспоминаниям, он недолго посещал начальную школу, открытую в с. Кюкяй в 1919 году. Его учителем был Г.Н. Самсонов, который, несмотря на трудную судьбу, оставил о себе память как один из лучших педагогов республики.

Педагогический талант Г.Н. Самсонова подтверждается успехами его учеников. Так, одноклассник Г.Е. Федорова, А.А. Васильев, впоследствии стал кандидатом исторических наук, доцентом Якутского государственного университета (ЯГУ). Другой соученик, Н.С. Григорьев, посвятил свою жизнь лингвистике,

заведовал кафедрой якутского языка и литературы ЯГУ и воспитал несколько поколений учителей. Вместе с ними учился и Софрон Степанович Максимов, который в годы Великой Отечественной войны служил в разведке, был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Эти примеры свидетельствуют о высоком потенциале Г.Е. Федорова, который, получи он возможность продолжить обучение, мог бы достичь значительных успехов в научной деятельности.

Однако тяжелые жизненные обстоятельства – удаленность школы и ранняя смерть матери – не позволили ему получить систематическое образование. Тем не менее юноша самостоятельно развил навыки письма, выработав каллиграфический почерк. В первые годы советской власти он участвовал в кампании по ликвидации безграмотности, работая учителем для взрослых.

Активная жизненная позиция и грамотность Г.Е. Федорова были востребованы в местном управлении. Он работал секретарем наслежного совета, а также писарем у председателя наслега, знаменитого олонхосута Семена Семеновича Афанасьева – Ырыа Сиэнчэ. Позднее Г.Е. Федоров опубликовал в районной газете воспоминания о том, как Ырыа Сиэнчэ в своих произведениях высмеивал местных богачей; эти записи сохранились в его архиве.

Профессиональная биография Г.Е. Федорова разнообразна. Окончив трехмесячные финансовые курсы в Якутске, он работал заведующим финансовым отделом в Сунтаре, а затем в Садынге (ныне Мирнинский район). После войны трудился техником в строительной отрасли. В 1954 году окончил годовые курсы в Иркутском дорожном техникуме, после чего восемь лет проработал заведующим отделом в райсовете, где занимался планированием строительства поселков.

Параллельно с основной трудовой деятельностью Г.Е. Федоров вел неустанную работу по сбору и сохранению фольклора. Систематическую фиксацию устного народного творчества он начал в 1950-е годы. Важным этапом стало его заочное знакомство с известным фольклористом и этнографом А.А. Поповым, который дал ему ценные методические рекомендации. Г.Е. Федоров с энтузиазмом возобновил сбор материалов, начатый еще в 1930-е годы [12].

Георгий Евгеньевич вырос в среде, насыщенной устным народным творчеством. Он с особым увлечением слушал и записывал рассказчиков, тойуксутов своего края. Среди его информантов были Сиридон Николаевич Григорьев, Ксения Яковлевна Илларионова, Егор Дмитриевич Иванов, Афанасий Макарович Иванов, Степан Трофимович Николаев и многие другие. От них он записал множество преданий, рассказов и этнографических заметок [13]. Свое первое сказание «Албын Майыар» («Коварный Майор») он зафиксировал в 1933 году со слов своего отца, Иванова Евгения Федоровича, и доработал эту запись в 1965 году.

В его домашней библиотеке находились труды выдающегося историка и этнографа Г.В. Ксенофонтова «Ураангхай-сахалар» и «Эллэйада». Изучая их, Г.Е. Федоров делал пометки, сопоставлял собранные им предания с историческими фактами и архивными данными, что придавало его записям особую достоверность и историческую глубину.

В начале 1960-х годов Г.Е. Федоров активно сотрудничал с Сунтарским улусным Домом народного творчества, участвуя в записи выступлений народных певцов и олонхосутов. Его материалы вошли в сборник «Сунтардар ыл-лыыллар» («Поют сунтарцы»).

Поворотным моментом в его деятельности стало участие в семинарах, организованных в 1964 году фольклористами Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Г.У. Эргисом, Н.В. Емельяновым и П.Е. Ефремовым. Получив научные консультации по систематизации материалов, он подготовил свой архив к передаче в научные фонды. Г.Е. Федоров также принимал участие в фольклорной экспедиции ИЯЛИ по Сунтарскому, Нюрбинскому и Верхневилюйскому улусам. Результатом этой многолетней работы стали 18 тематических папок с уникальными фольклорными записями.

За свою жизнь Г.Е. Федоров подготовил материалы, которые легли в основу шести изданных книг:

1) Сэргэ төрдүгэр сэһэн (Беседа у сэргэ, 1991), подготовленная В.В. Илларионовым [14].

2) «Соргулаах түөрэх» («Счастливый жребий», 1991), подготовленная К.Д. Уткиным [15].

3) Сборник пословиц и поговорок с предисловием Н.В. Емельянова (переиздан в 1993 г.) [16].

4) «Өбүгэлэрбит өлбөт-сүппэт үйэлээх үгэстэрэ» («Бессмертные вековые традиции наших предков», 2011), подготовленная В.В. Илларионовым [17].

5) «Сунтаар фольклора» («Сунтарский фольклор», 2019) – наиболее полное издание его записей, подготовлен В.В. Илларионовым и Т.В. Илларионовой [18].

Г.Е. Федоров активно занимался и просветительской деятельностью. Как общественный корреспондент он публиковал в районных и республиканских газетах статьи по истории края, об археологических исследованиях, о приходе русских казаков на Вилюй. Он также участвовал в археологических экспедициях под руководством Н.Д. Архипова, А.И. Гоголева и И.В. Константинова.

После выхода на пенсию Г.Е. Федоров полностью посвятил себя систематизации собранного материала. Он перепечатывал рукописи на машинке в нескольких экземплярах, безвозмездно передавая их в Рукописный фонд Якутского научного центра СО РАН, где они бережно хранятся по сей день.

Выводы

Анализ трудов Георгия Евгеньевича Федорова позволяет понять, какой огромный вклад он внес в сохранении фольклора Сунтарского улуса. У него не было высшего образования, он собирал фольклорные материалы параллельно с основной работой. Федоров вырос в атмосфере, где устное народное творчество оставалось частью повседневной жизни, а не просто архивным экспонатом. Кроме того, еще в детстве благодаря учителю Григорию Самсонову он освоил не только грамоту, но и научился системно и критически оценивать любые факты. На всех этапах работы ему оказывали методическую поддержку профессиональные якутские этнографы – и он не просто принимал советы, а выработал собственный строгий подход к записи. Г.Е. Федоров никогда не ограничивался переписыванием услышанного рассказа: он всегда сопоставлял предание с опубликованными источниками, архивными данными, искал параллельные варианты одного и того же произведения. Именно поэтому его записи резко отличаются от любительских сборов того времени и имеют высочайшую научную достоверность.

За полвека работы Федоров собрал, систематизировал и передал в научные фонды огромный массив материалов: сказания, предания, тойуки, пословицы, этнографические заметки. Все они записаны более чем у тридцати носителей традиции Сунтарского улуса. Сегодня практически всех этих информантов уже нет в живых. Многие произведения, которые сохранил Г.Е. Федоров, больше нигде не зафиксированы ни в одном архиве. Можно с полной уверенностью сказать: без его упорного, незаметного для большинства труда этот целый пласт региональной культуры исчез бы безвозвратно вместе с уходом старшего поколения.

Наследие Г.Е. Федорова работает до сих пор. Материалы его архива легли в основу шести крупных научных публикаций, на них постоянно опираются современные фольклористы, историки, лингвисты при изучении Сунтарского района.

Список источников

1. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
2. Попов А.А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа. Новосибирск: Наука, 2005. 458 с.
3. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск: Якутское книжное издательство, 1962. 93 с.
4. Мухоплева С.Д., Романова Л.Н. Николай Васильевич Емельянов: страницы ранней биографии и научная деятельность // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 2 (35). С. 113 – 122.
5. Пухов И.В. Якутский героический эпос – олонхо. Публикация, перевод, теория, типология (Избранные статьи). Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2004. 207 с.
6. Макаров С.С. О фольклористическом наследии И.В. Пухова (1904-1979) // Новые российские гуманитарные исследования. 2022. Т. 17. С.48.
7. Никифоров В.М. Якутские народные предания. Художественные особенности и историческое развитие жанра. Новосибирск: Наука, 1994. 120 с.
8. Ефимова Л.С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов сибири: классификация, общая характеристика. Новосибирск: Наука, 2013. 178 с.
9. Ефимова Л.С., Миронова М.Т. Поклонение духу-хозяину воды в шаманском фольклоре якутов // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2024. № 2 (42). С. 59 – 67.
10. Мухоплева С.Д. Якутские народные обрядовые песни (система жанров). Новосибирск: Наука 1993. 110 с.
11. Мухоплёва С.Д. Рукопись якутской народной песни эһэ ырыата "медвежья песня" как уникальный документ // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 3 (40). С. 100 – 110.
12. Илларионова Т.В., Илларионов В.В. Вклад внештатных корреспондентов в сохранении фольклора Сунтарского района Республики Саха (Якутия) // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 50 – 56.
13. Иванова Н.А. Локальные традиции фольклора якутов: разнообразие, бытование (на примере Сунтарского улуса Республики Саха (Якутия) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 555 – 556.
14. Федоров Г.Е. Егоров Н.Ф. Сэргэ төрдүгэр сэһэн (Повесть у коновязи). Якутск: Якутское книжное издательство, 1991. 158 с.
15. Федоров Г.Е. Соргулаах түөрэх [кэпсээннэр, уочаркалар] (благословенный жребий (рассказы, очерки)). Сунтар-Якутск, б/и, 1991. 82 с.
16. Федоров Г.Е. Быһаарыылаах өс хоһоонноро (Якутские пословицы). Якутск: Ситим, 1992. 39 с.

17. Федоров Г.Е. Өбүгэлэрбит өлбөт-сүппэт үйэлээх үгэстэрэ (Не угасшие, не исчезнувшие заветные слова наших предков). Якутск: Бичик, 2011. 248 с.

18. Федоров Г.Е. Сунтаар фольклора (Сунтарский фольклор). Якутск: Дани-Алмас, 2019. 256 с.

References

1. Ergis G.U. Essays on Yakut folklore. Yakutsk: Bichik, 2008. 400 p.

2. Popov A.A. Kamlaniya shamans of the former Vilyuisky district. Novosibirsk: Nauka, 2005. 458 p.

3. Emelyanov N.V. Yakut proverbs and sayings. Yakutsk: Yakut book publishing house, 1962. 93 p.

4. Mukhopleva S.D., Romanova L.N. Nikolai Vasilyevich Emelyanov: pages of early biography and scientific activity. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2021. No. 2 (35). P. 113 – 122.

5. Pukhov I.V. Yakut heroic epic – olonkho. Publication, translation, theory, typology (Selected articles). Yakutsk: Yakut branch of the Publishing House SB RAS, 2004. 207 p.

6. Makarov S.S. About the folkloristic heritage of I.V. Pukhova (1904-1979). New Russian humanitarian studies. 2022. Vol. 17. P. 48.

7. Nikiforov V.M. Yakut folk legends. Artistic features and historical development of the genre. Novosibirsk: Nauka, 1994. 120 p.

8. Efimova L.S. Algys Sakha (Yakuts) in the light of folklore traditions of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia: classification, general characteristics. Novosibirsk: Nauka, 2013. 178 p.

9. Efimova L.S., Mironova M.T. Worship of the master spirit of water in the shamanic folklore of the Yakuts. Scientific review of Sayano-Altai. 2024. No. 2 (42). P. 59 – 67.

10. Mukhopleva S.D. Yakut folk ritual songs (system of genres). Novosibirsk: Nauka 1993. 110 p.

11. Mukhoplyova S.D. Manuscript of the Yakut folk song ehe yryata "bear song" as a unique document. North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2022. No. 3 (40). P. 100 – 110.

12. Illarionova T.V., Illarionov V.V. Contribution of freelance correspondents to the preservation of folklore of the Suntar region of the Republic of Sakha (Yakutia). Philology: scientific research. 2019. No. 6. P. 50 – 56.

13. Ivanova N.A. Local traditions of Yakut folklore: diversity, existence (on the example of the Suntarsky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia). World of science, culture, education. 2019. No. 6 (79), P. 555 – 556.

14. Fedorov G.E. Egorov N.F. Serge torduger sehen (Tale at the hitching post). Yakutsk: Yakut book publishing house, 1991. 158 p.

15. Fedorov G.E. Sorgulaakh tүөrekh [kepseenner, uocharkalar] (blessed lot (stories, essays)). Suntar-Yakutsk, b/i, 1991. 82 p.

16. Fedorov G.E. Byhaaryylaakh os khooonnoro (Yakut proverbs). Yakutsk: City, 1992. 39 p.

17. Fedorov G.E. Өbүgelerbit өlbөt-sүppet үyeleeh үgestere (The cherished words of our ancestors that have not faded away, have not disappeared). Yakutsk: Bichik, 2011. 248 p.

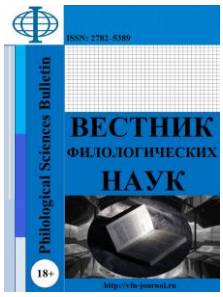
18. Fedorov G.E. Suntaar folklore (Suntar folklore). Yakutsk: Dani-Almas, 2019. 256 p.

Информация об авторах

Илларионов В.В., *доктор филологических наук, профессор, профессор, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Белинского 58, 445325@@mail.ru*

Илларионова Т.В., *кандидат филологических наук, доцент, Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий, г. Якутск, Орджоникидзе, 4, tvas.illarionova@@mail.ru*

© Илларионов В.В., Илларионова Т.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 791.229.2:070.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-169-178

[1] Ловков М.А.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Трэш-документалистика как феномен современного экранного творчества: инструмент исторический памяти в патриотическом кино

Аннотация: *в статье рассматривается феномен трэш-документалистики как особого направления в современном документальном кино. Анализируется история возникновения жанра, его эволюция от маргинального явления до влиятельного стилеобразующего фактора в телевизионной документалистике. На основе синтеза теорий культурной и социальной памяти (А. Ассман, М. Хальбвакс), концепции «новой искренности» (А. Гиббс), а также культурсоциологического подхода Дж. Александера, на материале патриотических документальных фильмов о поисковой работе исследуются риторические стратегии трэш-эстетики: как именно на уровне кадра, монтажа и звукового ряда формируется эффект подлинности и осуществляется преодоление ритуальной стерильности официальной памяти. Обосновывается тезис, что трэш-эстетика в данном случае перестаёт быть исключительно инструментом коммерческой симуляции и эпатажа, становясь способом «грубой» артикуляции травмы и возвращения имён павших воинов. В центре внимания – микроанализ визуальных и монтажных приемов (детали, ракурсы, звуковое сопровождение, работа с крупным планом), через которые конструируется мемориальное сообщество. Научная новизна заключается в выявлении риторических механизмов трансформации трэш-эстетики из развлекательного инструмента в мемориальный. Основные выводы: трэш-документалистика выполняет важные культурные функции через специфическую визуальную риторику, включающую демаскирующий крупный план, звуковой натурализм и отказ от нарративной гладкости, что позволяет преодолеть ритуальную стерильность официальной памяти и заново пережить травму коллективного прошлого.*

Ключевые слова: *трэш-документалистика, трэш-эстетика, документальное кино, поисковое движение, историческая память, визуальная риторика, микроанализ, монтажный анализ, новая искренность, культурная травма*

Для цитирования: Ловков М.А. Трэш-документалистика как феномен современного экранного творчества: инструмент исторический памяти в патриотическом кино // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 169 – 178. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-169-178

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Lovkov M.A.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Trash documentary as a phenomenon of contemporary screen art: a tool of historical memory in patriotic cinema

Abstract: *the article examines the phenomenon of trash documentary as a distinctive trend in contemporary documentary cinema. It analyzes the rhetorical strategies of trash aesthetics in patriotic films about search and recovery work, focusing on how the effect of authenticity is constructed at the level of frame, editing, and sound design. Draw-*

ing on a synthesis of theories of cultural and social memory (A. Assmann, M. Halbwachs), the concept of "new sincerity" (A. Gibbs), and the cultural-sociological approach of J. Alexander, the study explores how trash aesthetics are transformed within the context of memorial issues. The article substantiates the thesis that trash aesthetics in this case ceases to be a tool of commercial simulation, becoming a means of "rough" articulation of trauma and restoring the names of fallen soldiers. Special attention is paid to the micro-analysis of visual and editing techniques (details, angles, sound design, close-ups) through which the community of memory is constructed. The scientific novelty lies in identifying the rhetorical mechanisms of transformation of trash aesthetics from an entertainment tool into a memorial one. The main conclusions: trash documentary performs important cultural functions through specific visual rhetoric, including unmasking close-ups, sound naturalism, and rejection of narrative smoothness, which allows overcoming the ritual sterility of official memory and reliving the trauma of the collective past.

Keywords: *trash documentary, trash aesthetics, documentary cinema, search movement, historical memory, visual rhetoric, micro-analysis, montage analysis, new sincerity, cultural trauma*

For citation: Lovkov M.A. Trash documentary as a phenomenon of contemporary screen art: a tool of historical memory in patriotic cinema. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 169 – 178. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-169-178

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Современное документальное кино переживает период активной жанровой трансформации. Как отмечает Е.А. Манскова, «ориентация российских телеканалов на западную визуальную культуру привела к появлению в России нового явления трэш-телевидения» [Манскова, 2009, с. 1]. Одним из наиболее дискуссионных явлений последних десятилетий стал так называемый трэш-документализм направление, возникшее на стыке традиционной документалистики и эстетики «низких» жанров. Исследовательница связывает его появление с коммерциализацией телепроизводства и ориентацией на «низовую» аудиторию [Манскова, 2009, с. 5]. Однако, как показывает практика, трэш-эстетика не сводится исключительно к коммерческой эксплуатации «низовых» тем. В ряде случаев она становится инструментом решения серьёзных культурно-исторических задач. Это требует перехода от анализа функций к анализу риторики, то есть к тому, как именно на уровне аудиовизуального высказывания конструируется эта новая семантика.

Как подчёркивает И.В. Троцук, анализируя работу Алейды Ассман «Длинная тень прошлого», «содержание памяти меняется под влиянием последующих событий, оценок и нового социального опыта, и окружения. При попытке восстановить далекое прошлое мы столкнемся со множеством искажений избирательной памяти» [Троцук, 2015, с. 2]. Именно это обстоятельство изменчивость и нестабильность памяти делает актуальным поиск новых форм её репрезентации, способных противостоять как официальной ритуализации, так и коммерческой симуляции. В этой связи трэш-документалистика, обращённая к поисковой работе и увековечению памяти павших воинов, представляет собой показательный пример того, как «низовая» эстетика может быть использована для решения мемориальных задач.

Теоретический поворот к риторике. Концепция «новой искренности», разрабатываемая в современных культурных исследованиях, указывает на то, что современная культура ищет способы выхода из постмодернистской иронии через обращение к подлинности, в том числе через «грязную», травматичную эстетику. А. Эрлл фиксирует в современной культуре переход от постмодернистской иронии к так называемому «опытному модусу» (erfahrungshaftiger Modus) воспоминания, который на практике выражается в отказе от отстранённой, ритуализированной репрезентации прошлого в пользу «непосредственной» (unmittelbar), эмоционально вовлекающей эстетики, воспринимаемой как более подлинная [Erll, 2017, с. 192-198]. Этот теоретический поворот позволяет осмыслить трэш-эстетику не как коммерческую симуляцию, а как риторический инструмент достижения достоверности и преодоления ритуальной стерильности официальных форм памяти.

Теоретический аппарат Алейды Ассман, в частности её концепция «социальных рамок памяти», позволяет понять, как трэш-эстетика, демонстрирующая неприглядные детали поисковой работы, создаёт новые «рамки» для воспоминания о войне, отличные от официальных, ритуализированных форм. Как пишет Троцук, Ассман отказывается от противопоставления индивидуальной и коллективной памяти, рассматривая «четыре формации, которые различаются по критериям пространственно-временного диапазона, по размеру группы, по ее неустойчивости или стабильности, по соотношению накопительной и функциональной своих частей, по склонности к унификации и инструментализации: память индивидуума, социальной груп-

пы, политического коллектива нации и, наконец, память культуры» [Троцук, 2015, с. 6]. Для нашего риторического анализа особенно важен тезис о том, что эти рамки не даны, а конструируются – в том числе и через визуальные средства.

Культурсоциологический подход Дж. Александера, в свою очередь, даёт возможность осмыслить трэш-документалистику как инструмент конструирования культурной травмы и формирования новых форм коллективной идентичности. Как отмечают А.Л. Андреев и Е.Г. Гешева, анализируя работу Александера «Смыслы социальной жизни: культурсоциология», Александер рассматривает травму не только как трагический опыт: нередко она создаёт и новые перспективы для общества. «Можно жить дальше только тогда, когда из глубин бессознательного травма будет извлечена и пережита. Тогда можно говорить о возвращении общества от невротического состояния к здоровому – очищенному и умудренному. Не подавление, но поиск форм выражения боли – вот путь обретения психического здоровья» [Андреев, Гешева, 2014, с. 1]. В нашей оптике «поиск форм выражения» – это и есть поиск риторических форм, в том числе и трэш-эстетических.

Настоящее исследование посвящено анализу трэш-документалистики на примере фильмов, посвящённых поисковой работе и увековечению памяти советских воинов, павших в боях 1939-1945 годов. Теоретическую базу исследования составляют работы Е.А. Мансковой [2009; 2010; 2011], К.А. Шерговой [2010], а также концепции культурной и социальной памяти. Однако в отличие от предшествующих исследований, мы сосредотачиваемся не на внешней социологии жанра, а на внутренней риторике экранного высказывания, анализируя, как трэш-эстетика работает на уровне конкретных монтажных и визуальных решений.

Материалы и методы исследований

Материалом анализа послужили четыре документальных фильма режиссёра Максима Ловкова: «Тем больше наша слава Халхин-Гол» (2020), «Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова» (2023), «Халхин-Гол. Место памяти» (2024), «Никто не забыт» (2025). Выбор обусловлен репрезентативностью данных фильмов для изучения мемориальной функции трэш-эстетики, так как они намеренно используют «низовую» визуальную риторику для решения задач увековечения памяти павших воинов.

Теоретическую рамку исследования составляют подходы к изучению документального кино, предложенные Б. Николзом [15], а также методы визуального и монтажного анализа, разработанные в рамках семиотики кино (Ю. Лотман, Р. Барт). В отличие от традиционного контент-анализа, мы фокусируемся не на том, *что* показано, а на том, *как* это показано.

Единицами анализа выступали конкретные изобразительно-выразительные средства:

– **визуальная риторика:** работа с крупным планом, ракурс, композиция кадра, цветовое решение, деталь;

– **монтажная структура:** ритм монтажа, типы монтажных переходов, соотношение статики и динамики;

– **звуковой ряд:** соотношение синхронного звука и музыки, использование шумов, пауз, закадрового текста;

– **нарративная стратегия:** способы взаимодействия со зрителем, роль спикеров, структура повествования.

Теоретическую рамку исследования составляют подходы к изучению документального кино, предложенные Б. Николзом [15], а также методы визуального и монтажного анализа, разработанные в рамках семиотики кино (Ю. Лотман, Р. Барт). В отличие от традиционного контент-анализа, мы фокусируемся не на том, *что* показано, а на том, *как* это показано.

1. Генезис понятия «трэш» в визуальной культуре

Термин «трэш» (от англ. *trash* – «ерунда», «помойка») имеет длительную историю. Как указывает К.А. Шергова, обобщая данные о происхождении термина, «когда-то этим разговорным словом в том числе обзывали бульварную прессу типа New York Sun, которая еще в 1833 году специализировалась на описании жизни воров, проституток, насилия и уже тогда вызывала страшный гнев общественности» [13, с. 5]. С самого начала понятие трэша было связано с нарушением культурных и этических норм, демонстрацией табуированных сюжетов и ориентированностью на «низовую» аудиторию.

В XX веке понятие «трэш» вошло в обиход издателей, став означать определённый тип массовой литературы с использованием большого количества штампов, затасканных идей и неоригинальных сюжетных линий. Однако наибольшая актуализация трэш-эстетики, как отмечает Шергова, связана с визуальной культурой и её американской традицией, а именно с кинематографом 1970-х годов [13, с. 5]. Попав в зону внимания телевидения, трэш утратил черты творческого хулиганства, став в первую очередь средством извлечения коммерческой выгоды [13, с. 5].

Телевизионную философию трэша, как отмечает Е.А. Манскова, разработало американское телевидение в 1980-х годах [11, с. 18]. В российской традиции трэш-телевидение стало предметом острой дискуссии. Многие практики считают телевизионный формат примитивным псевдодокументом. К примеру, режиссёр

Алексей Ханютин так аргументирует несовместимость жанра с самым массовым каналом коммуникации: «Поверхность жизни – это пленка из стереотипов, с помощью которых мы воспринимаем действительность. Телевидение и прочие СМИ эти стереотипы используют и формируют. Дело документального кино – их взламывать» [13, с. 2]. Именно этот «взламывающий» потенциал трэша, его способность нарушать стереотипы восприятия, становится ключевым для нашего анализа. Однако современные исследования подчёркивают, что документалистика всё чаще обращается к эстетике «непричёсанности» как способу достижения достоверности в условиях недоверия к традиционным нарративам [4, 15].

2. Культурсоциологический подход к анализу трэш-эстетики

Для понимания трансформации трэш-эстетики в патриотической документалистике продуктивным представляется культурсоциологический подход Дж. Александера, в рамках которого культура понимается не как вторичная надстройка, а как автономная сила, структурирующая социальное действие. Как отмечают Андреев и Гешева, Александер позиционирует себя как сторонник «сильной программы» в социологии культуры: «он не выводит культуру из каких-то внешних по отношению к ней детерминант, а рассматривает ее как "независимую переменную", как первичный фактор, который сам по себе задает парадигму объяснения социальных явлений» [2, с. 1].

В контексте нашего исследования это означает, что трэш-эстетика не может быть объяснена исключительно коммерческими причинами. Она выполняет самостоятельную культурную работу: конструирует новые «социальные рамки памяти», формирует сообщества «посвящённых» и создаёт язык для артикуляции травматического опыта. Александер показывает, как культурные травмы конструируются через символические процессы – кодирование, нарративизацию, ритуализацию. Как отмечают Андреев и Гешева, «травмой событие становится, когда можно констатировать его пагубное влияние на коллективную идентичность, резко деформирующее культурные смыслы данного социального сообщества» [2, с. 2]. Именно эти процессы символического кодирования и ритуализации мы и будем исследовать на микроуровне экранной риторики.

Александер также подчёркивает, что «всякое действие, каким бы инструментальным, рефлексивным или вынужденным по отношению к внешней среде оно ни было, в некоторой степени встроено в горизонт аффекта и смысла» [2, с. 1]. Это напрямую относится и к трэш-документалистике, которая работает не столько с рациональной аргументацией, сколько с эмоциональным воздействием и смыслопорождением.

3. Социальные рамки памяти и «новая искренность» как теоретическая рамка

Ключевым теоретическим вкладом в понимание данного феномена является концепция «социальных рамок памяти» Мориса Хальбвакса и её развитие Алейдой Ассман. Как отмечает И.В. Троцук, обращаясь к работам Ассман, «разнообразные концепции социологически релевантного анализа топонимических практик объединяет убеждение, что наименования и переименования пространственных локализаций связаны с символической властью – способностью (нередко насильственной) «учреждать данность через высказывание»» [12, с. 3]. Это же наблюдение применимо и к трэш-документалистике: выбирая определённый способ визуальной репрезентации прошлого, авторы фильмов «учреждают» определённую версию памяти, конкурирующую с официальной.

А. Ассман, как пишет Троцук, рассматривает различные «горизонты памяти», между которыми сложно провести четкие границы: «их отдельные элементы совмещаются в конкретном человеке, перемешиваются в нем и наслаиваются друг на друга» на разных, но тесно взаимосвязанных и не способных существовать друг без друга уровнях памяти – нейронно-биологическом, социальном и культурном [12, с. 6]. Трэш-документалистика, создавая визуальный ряд, который шокирует и ломает привычные эстетические рамки, фактически создаёт новую рамку для «корректного» поминовения, основанную на принципе «новой искренности» – честности, даже если эта честность «грязна».

В контексте «новой искренности» современная культура стремится к преодолению постмодернистской иронии через обращение к подлинности и эмоциональной вовлечённости. Применительно к документалистике это означает, что режиссёры намеренно отказываются от глянцевой эстетики и ритуальных форм репрезентации в пользу «сырых», незавершённых образов, которые воспринимаются зрителем как более достоверные [4, 6]. В патриотической документалистике этот отказ принимает форму демонстрации неприглядных деталей поисковой работы, что парадоксальным образом создаёт эффект сакрализации повседневного.

Результаты и обсуждения

1. Операциональные критерии трэш-эстетики в документалистике (риторический аспект)

В ходе анализа были выделены следующие риторические критерии, позволяющие отличать патриотическую трэш-документалистику от развлекательных форм. Как отмечает К.А. Шергова, ссылаясь на Е.А. Манскову, среди главных характеристик экранного трэш-продукта можно выделить следующие: «Опыт

и культура повседневности определяют содержание. Исследование реальности протекает не в рамках системы «человек – бытие», а в рамках системы «человек – быт». Обращение к телесному, к проблемам и потребностям. Эстетика безобразного, очевидно, преобладает» [13, с. 6]. В патриотической документалистике эти черты трансформируются на риторическом уровне: «эстетика безобразного» становится риторической фигурой свидетельства, а обращение к «телесному» – способом возвращения индивидуальной истории.

Таблица 1

Трансформация трэш-эстетики в патриотической документалистике (риторический аспект).

Table 1

The transformation of trash aesthetics in patriotic documentary filmmaking (rhetorical aspect).

Критерий	Проявление в развлекательном трэше	Проявление в патриотической трэш-документалистике
Работа с деталью	Сенсационность, шокирующая деталь как самоцель	Деталь как улика, фрагмент как свидетельство (медальон, ложка, котелок)
Крупный план	Эстетизация уродства, гипертрофия эмоций	Демаскирующий крупный план: акцент на фактуре (земля, кости, ржавый металл)
Монтажный ритм	Быстрый, клиповый, перегруженный эффектами	Замедленный, «археологический»: монтаж как процесс постепенного обнаружения
Звуковой дизайн	Нарочитая музыкальность, саундтрек-«аттракцион»	Звуковой натурализм: шум ветра, лопаты, дыхания – «сырой» звук как доказательство
Ракурс и композиция	Нестабильная камера, «пьяная» съёмка	«Ракурс соприсутствия»: точка зрения участника, фиксация процесса
Работа с памятью	Отсутствие или инструментальное использование	Возвращение имён через микро-нарративы (история ложки, медальона, письма)

Важно подчеркнуть, что, как отмечает К.А. Шергова, «актуализация трэш-эстетики в XX веке связана с визуальной культурой в ее американской традиции», однако «попав уже в зону внимания телевидения, трэш утратил черты творческого хулиганства, став в первую очередь средством извлечения коммерческой выгоды» [13, с. 5]. Именно этот тезис Шерговой мы проблематизируем в данном исследовании, показывая, что в патриотической документалистике трэш-эстетика возвращается к своим истокам - поиску «поля современности» и подлинности, но уже не в коммерческом, а в мемориальном контексте.

2. Преодоление ритуальной стерильности: риторика «обнажённого процесса»

Одна из ключевых функций трэш-эстетики – преодоление ритуальной стерильности, которая нередко характеризует официальные формы увековечения памяти. На риторическом уровне это достигается через приём, который можно назвать «обнажением процесса».

Визуальный анализ. В фильмах намеренно демонстрируются неприглядные детали поисковой работы. В «Тем больше наша слава Халхин-Гол» (2020) крупным планом даются руки поисковика, разбирающие землю в поиске артефактов. Камера не отворачивается от фрагментов костей, ржавых касок, проржавевших гильз [«Тем больше наша слава Халхин-Гол», 00:14:15-00:14:54]. Этот «нечистый» визуальный ряд является риторическим ходом. В фильме «Халхин-Гол. Место памяти» (2024) работа с планами строится как постепенное приближение: от общего плана степи – к среднему плану раскопа – к крупному плану детали [«Халхин-Гол. Место памяти», 00:03:07-00:14:01]. Эта монтажная стратегия имитирует сам процесс поиска, вовлекая зрителя в «археологию памяти».

Звуковая риторика. Звуковой ряд фильмов лишён привычной для документалистики «закадровой красивости». В «Халхин-Гол. Место памяти» шум ветра в степи, звук лопаты, ударяющей о землю, дыхание поисковиков – всё это становится частью звуковой «грязи», создающей эффект присутствия [«Халхин-Гол. Место памяти», 00:08:40-00:11:02]. В «Истоке Днепра» (2023) хлюпанье грязи под колесами квадроцикла становятся звуковыми метафорами тяжести и «незавершённости» памяти [«Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова», 00:16:40-00:16:54]. Отказ от «чистого» музыкального фона в пользу «сырого» синхронного звука – это риторический жест, утверждающий достоверность происходящего.

Трэш-эстетика позволяет показать память не как отполированный мрамор мемориалов, а как живой, болезненный, «грязный» процесс. Как пишет И.В. Троцук, обобщая взгляды Ассман, «мы имеем дело с многослойными, неструктурированными и нестабильными биографически нагруженными текстами, авторы которых не всегда сами осознают глубину и искренность своих чувств и слов» [12, с. 2]. Визуальная и звуковая «неструктурированность» трэш-эстетики становится риторическим эквивалентом этой многослойно-

сти памяти. Фильмы фиксируют расхождение между официальной историей и подлинной судьбой, что становится центральным драматургическим конфликтом.

3. Возвращение имени: риторика детали и микро-нарратива

Важнейшая тема анализируемых фильмов – возвращение имён павшим воинам. На риторическом уровне это достигается через приём «вещественного свидетельства».

Анализ детали. Найденные предметы – солдатский медальон, подписанная ложка, котелок с инициалами – становятся «узловыми точками» повествования. В фильме «Халхин-Гол. Место памяти» (2024) подписанная ложка становится риторическим центром эпизода: «Ложка подписная найдена с бойцом, фамилия, да Давыдов. Ложка "Красный Выборжец", стандартная, солдацкая» [«Халхин-Гол. Место памяти», 00:16:00-00:16:10]. Крупный план ложки, читаемая надпись, пауза в речи поисковика – всё это создаёт эффект «оживления» прошлого. Эти «низкие», бытовые предметы в контексте трэш-документалистики оказываются носителями высокой, экзистенциальной значимости.

В фильме «Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова» (2023) аналогичную роль выполняет найденный медальон, позволяющий идентифицировать бойца Ивана Кузьмича Егорова. Сцена передачи медальона дочери красноармейца Марии Ивановне Колонтаевой построена как кульминационный момент: «Мы нашли останки вашего отца буквально месяц назад... Долго работали над медальоном, чтобы прочитать... И наконец мы узнали его имя Егоров Иван Кузьмич» [«Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова», 00:28:55-00:29:41]. Монтажное решение этого эпизода – чередование крупных планов медальона, рук поисковика и лица дочери – создаёт риторику возвращения имени как сакрального акта.

Фильм «Никто не забыт» (2025) представляет собой наиболее развёрнутый пример риторики возвращения имени. В центре повествования – история семьи, которая на протяжении десятилетий ищет место гибели своего родственника, замполитрука Антона Брониславовича Зеленко, погибшего 18 ноября 1941 года. Монтажная структура фильма строится как последовательное наслоение свидетельств: семейные фотографии (с датой «20 июня 41 года») [«Никто не забыт», 00:05:01-00:05:22], сохранившиеся письма и телеграммы, архивные документы (списки безвозвратных потерь 23-й танковой бригады) [«Никто не забыт», 00:09:37-00:12:00], кадры современных раскопок на предполагаемом месте гибели. Этот монтажный приём – сопоставление семейного архива и военных документов – создаёт эффект «мозаичной идентичности»: имя возвращается не через один документ, а через их множество, каждое из которых добавляет новый штрих к биографии погибшего.

Особенно показательна в фильме «Никто не забыт» работа с деталью. Крупным планом пули, которая «очень похоже на пулю, которая по броне ударилась, но не пробила» [«Никто не забыт», 00:13:14-00:13:18], – этот предмет становится визуальной метафорой сопротивления и непробиваемой памяти. В другом эпизоде демонстрируется «похоронка» – извещение о том, что боец «пропал без вести» [«Никто не забыт», 00:06:11-00:06:31], которое долгие годы было единственным документом, связывающим семью с погибшим. Риторика детали здесь работает на нескольких уровнях: предмет не только свидетельствует о прошлом, но и становится точкой сборки семейной памяти, объединяющей несколько поколений.

Монтажная структура. В фильме «Никто не забыт» монтажное решение строится на чередовании трёх типов кадров: архивные документы, семейные фотографии и современные поисковые работы. Этот трёхчастный ритм создаёт эффект «диалога времён», где каждый элемент подтверждает и дополняет другой. В «Истоке Днепра» монтажное решение строится на сопоставлении архивных документов (учётная карточка капитана Иванова) и кадров рассказа поисковика [«Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова», 00:18:41-00:19:13], что создаёт аналогичный диалог между прошлым и настоящим. Риторика детали здесь работает как инструмент персонификации истории.

Троцук, анализируя работу Ассман, подчёркивает, что «память искажает действительность уже в момент запоминания – «удерживает» только сильные впечатления и значимые события», а также что «объемы памяти ограничены – она сохраняет лишь миллионную долю автобиографии» [12, с. 2]. В этом контексте возвращение имени становится главным драматургическим конфликтом, разрешаемым через риторику детали: «низовая» эстетика архивной работы (пожелтевшие бумаги, неразборчивые записи, пуля, смятая об броню танка) создаёт эффект подлинности, противопоставленный отполированным мемориальным доскам.

4. Формирование сообщества памяти: риторика «общего дела»

Исследователи отмечают, что трэш-фильмы часто выполняют важную социальную функцию – формирование сообщества зрителей, объединённых общим опытом восприятия [6, с. 83-86]. В патриотической трэш-документалистике это сообщество формируется на риторическом уровне через приём «соприсутствия» и «общего дела».

Анализ ракурса и композиции. В фильмах часто используется «ракурс изнутри» – камера находится на уровне глаз поисковика, среди участников раскопок (например, в «Халхин-Гол. Место памяти» работа с ракурсом создаёт эффект включённости [«Халхин-Гол. Место памяти», 00:13:55-00:14:27]; в «Никто не забыт» – кадры работы поисковиков на поле, где по данным аэрофотоснимка предполагается захоронение [«Никто не забыт», 00:21:13-00:23:31]). Это создаёт эффект вовлечённости, «мы вместе с ними».

В фильме «Никто не забыт» сообщество памяти формируется на нескольких уровнях. Во-первых, это семейное сообщество: рассказ ведётся от лица потомков, которые собирают историю по крупицам – «мы просто говорим, это брат бабушки» [«Никто не забыт», 00:17:08-00:17:32]. Во-вторых, это сообщество поисковиков и исследователей, которые помогают семье в архивах и на местности – «отрабатывали белые пятна, как это называется на аэрофотоснимках» [«Никто не забыт», 00:22:21-00:22:46]. В-третьих, это более широкое сообщество зрителей, которых фильм вовлекает в процесс поиска через риторику «вдруг» и «а вдруг» – ключевые для фильма слова, создающие эффект надежды и сопричастности [«Никто не забыт», 00:25:23-00:25:59].

Структура синхронов. Синхроны строятся не как монологи экспертов, а как диалоги участников процесса. В «Истоке Днепра» мы видим работу прямо на раскопе [«Исток Днепра. Последний рубеж капитана Иванова», 00:15:57-00:16:38], в «Халхин-Гол. Место памяти» - оперативные комментарии поисковиков во время работы [«Халхин-Гол. Место памяти», 00:17:48-00:18:08]. В «Никто не забыт» синхроны построены как семейный рассказ, переходящий от поколения к поколению: от воспоминаний бабушки – к рассказам мамы – к размышлениям автора-рассказчика [«Никто не забыт», 00:02:04-00:05:34]. Эта структура создаёт риторику «общего дела», где каждый голос важен, а поиск не завершён – «поиск не будет закончен, он будет продолжаться» [«Никто не забыт», 00:01:35].

Как пишет Троцук, со ссылкой на Ассман, Ассман выделяет четыре особенности законсервированных и музеализированных травматических мест: «…» антеическая магия» (чувственная конкретика и аффективный колорит), сочетание аутентичности и инсценировки (реконструкция во имя сохранения аутентичности уничтожает ее), палимпсестность (историческая многослойность), сверхдетерминированность и мультиперспективность» [12, с. 3]. Эти же черты можно обнаружить и в трэш-документалистике о поисковой работе: она тоже создаёт «чувственную конкретику» (через визуальную и звуковую риторику), балансирует между аутентичностью и инсценировкой, демонстрирует историческую многослойность и предлагает зрителю множество перспектив – взгляд поисковика, историка, родственника, просто зрителя.

5. От развлечения к инструменту памяти: трансформация жанра (риторический итог)

Принципиальное отличие анализируемых фильмов от традиционных образцов трэш-документалистики заключается в трансформации самой природы трэш-эстетики. Если в классическом трэш-телевидении, по наблюдению К.А. Шерговой, «современный документализм в стиле трэш существует не как форма протеста или попытка поиска поля современности, а лишь как развлечение» [13, с. 7], то в патриотической документалистике трэш-эстетика служит прямо противоположным целям. На риторическом уровне это выражается в следующем:

– *отказ от иронической модуляции:* нет доминирующего пафоса смеха – есть пафос трагического сопереживания, создаваемый через звуковые паузы, затяжные крупные планы, замедленный монтаж. В «Никто не забыт» этот отказ от иронии особенно показателен: семейные истории, письма и фотографии подаются без малейшей дистанции, с максимальной эмоциональной включённостью;

– *замена симуляции фиксацией:* вместо постановочных сцен – длинные кадры реального процесса (работы с щупом, аккуратной расчистки останков). В «Никто не забыт» фиксация процесса достигается через демонстрацию архивной работы (поиск в документах) и полевых работ (поиск на местности) [«Никто не забыт», 00:09:40-00:13:19];

– *работа с архивом:* архивные документы не иллюстрируют, а «вступают в диалог» с современными кадрами, создавая монтажную метафору «связи времён». В «Никто не забыт» этот диалог становится центральным: семейные фотографии 1941 года сопоставляются с кадрами современных раскопок, а военные документы – с рассказами потомков.

Троцук, подводя итог анализу книги Ассман, цитирует её: «настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра... на настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его» [12, с. 11]. Трэш-документалистика о поисковой работе предлагает зрителю именно такую – «высвечивающую» – версию прошлого, которая, в отличие от официальных нарративов, не затемняет травматические и неприглядные стороны войны.

6. От постмодернистской иронии к «новой искренности»

Трансформация трэш-эстетики в патриотической документалистике может быть объяснена в рамках культурного сдвига от постмодернистской иронии к «новой искренности». Как отмечает Е.А. Манскова, постмодернистская чувствительность на документальном телеэкране характеризовалась отказом от серьёзности, всеобщим плюрализмом, смешением и насмешливостью над всем, отказом от истины [9, с. 3]. Однако в контексте памяти это означает, что официальные, ритуализированные формы поминовения воспринимаются как недостаточно подлинные – они слишком «стерильны», слишком «правильны». Ирония постмодернизма оказывается неуместной перед лицом военной травмы. Как отмечает А. Эрлл, в современной культуре намечается переход от постмодернистской иронии к «опытному модусу» (erfahrungshaftiger Modus) воспоминания, который предполагает отказ от отстранённой, ритуализированной репрезентации прошлого в пользу «непосредственной» (unmittelbar), эмоционально вовлекающей эстетики, воспринимаемой как более подлинная [14, с. 192-198]. Выходом становится использование «грязной», «непричёсанной» эстетики, которая воспринимается как более достоверная именно потому, что она не стремится быть красивой или ритуально правильной.

7. Трэш-эстетика как язык травмы

Исследования в области культурной травмы показывают, что травматичные события требуют особых форм репрезентации, которые не могут быть сведены к стандартным нарративам. Травма «не вписывается» в гладкие истории – она фрагментарна, болезненна, требует «грубой» работы. Как пишет Троцук, анализируя Ассман, она выделяет «четыре особенности законсервированных и музеализированных травматических мест», среди которых – «сочетание аутентичности и инсценировки (реконструкция во имя сохранения аутентичности уничтожает ее)» [12, с. 3]. Трэш-документалистика о поисковой работе пытается избежать этой ловушки: она не реконструирует прошлое, а фиксирует процесс его обнаружения, что создаёт эффект подлинности, недостижимый для музейных экспозиций.

Троцук также отмечает, что Ассман рассматривает различные «стратегии вытеснения и отрицания вины» – самооправдание, взаимный зачет в самооправдательном дискурсе, апологетическая экстернализация, «ампутация морального чувства» посредством пробелов или ошибок запоминания, безмолвное молчание жертв и замалчивание преступлений преступниками, фальсификация воспоминаний под давлением новых рамок памяти, ограничения дискурса, цензура и дискурсивные табу [12, с. 10]. Трэш-документалистика о поисковой работе является прямой противоположностью этим стратегиям. На риторическом уровне она отказывается от замалчивания и фальсификации через демонстрацию «грязной» реальности войны и её последствий – визуально (кадры костей, земли, ржавого металла) и звуково (шумовые эффекты, отсутствие «приглаживающей» музыки).

Таким образом, трэш-эстетика становится именно тем языком травмы, который позволяет прорвать «заговор молчания» и начать процесс подлинного оплакивания. Демонстрация фрагментарных останков и работа с архивной пылью создают эффект «незавершённости», соответствующий природе травматического опыта. Фильмы о поисковой работе показывают именно эту работу – физическую, эмоциональную, архивную – и тем самым вовлекают зрителя в процесс, а не предлагают ему готовый, отполированный образ прошлого.

С точки зрения культурсоциологии Александера, трэш-документалистика участвует в процессе конструирования культурной травмы, который включает несколько стадий: выдвижение заявления о травме группой носителей, её символическую кодировку, нарративизацию и институционализацию. Как отмечают Андреев и Гешева, «конструирование травмы начинается с «заявления», которое формулируют члены сообщества, «группы носителей»» [2, с. 2]. В случае фильмов о поисковой работе мы наблюдаем, как травма войны и незахороненных солдат перекодируется из официального героического нарратива в травматический нарратив «новой искренности», что позволяет сформировать новое сообщество памяти. Александер подчёркивает, что «динамика культурной травмы – это движение от культурного шока к перестройке общества, его социальных и политических реалий» [2, с. 2].

Выводы

Проведённый микроанализ риторических средств позволяет сделать ряд выводов о природе и функциях трэш-документалистики в современном экранном творчестве.

1. Трэш-документалистика как эволюционирующий феномен. Трэш-документалистика прошла путь от маргинального «мусорного» жанра до влиятельного стилеобразующего направления. Как отмечает К.А. Шергова, изначально трэш-эстетика была связана с протестной стилистикой, однако «попав уже в зону внимания телевидения, трэш утратил черты творческого хулиганства, став в первую очередь средством извлечения коммерческой выгоды» [13, с. 5]. В патриотической документалистике происходит обратная трансформация на риторическом уровне: трэш перестаёт быть инструментом симуляции и становится инструмен-

том достоверности через отказ от клипового монтажа в пользу «археологического», через замену шокирующей детали на деталь-улику, через использование звукового натурализма вместо саундтрека-аттракциона.

2. Социальные рамки памяти и «корректность» воспоминаний. Как отмечает Троцук, анализируя Ассман, «модели запоминания людьми себя и происходящих вокруг событий, как и способы их реконструкции, вариативны, но неизбежно порождают массу типичных и почти не нивелируемых "ошибок"» [12, с. 1-2]. Трэш-документалистика, в отличие от официальной историографии, не претендует на устранение этих «ошибок» – напротив, она делает их частью визуального языка через монтажную фрагментарность, через работу с неполными данными, через риторику детали, тем самым создавая новые рамки для «корректных» воспоминаний о войне.

3. Культурные функции трэш-эстетики в контексте травмы. В патриотическом документальном кино трэш-эстетика выполняет важные культурные функции: она позволяет преодолеть ритуальную стерильность официальной памяти, возвращает индивидуальные истории и имена павшим воинам, формирует сообщество памяти. На риторическом уровне это проявляется через:

– **«демаскирующий крупный план»** как способ показать неприглядную правду;

– **«ракурс соприсутствия»** как способ вовлечь зрителя в процесс;

– **«звуковой натурализм»** как способ создать эффект подлинности;

– **«монтаж-обнаружение»** как способ имитировать процесс постепенного открытия истины.

4. Терапевтический потенциал жанра. Анализ фильмов демонстрирует органичное соединение трэш-эстетики с мемориальной проблематикой. «Низкая» эстетика раскопок служит не самоцелью, а инструментом создания эффекта подлинности и соприсутствия. На риторическом уровне это превращение имеет терапевтический эффект: зритель, следуя за крупным планом детали, за монтажным ритмом раскопок, за звуковым потоком, сам оказывается вовлечён в процесс оплакивания. Фильмы Ловкова создают «место памяти» не только на экране, но и в сознании зрителя, используя для этого весь арсенал трэш-риторики. В терминах Александера, «когда происходит эмоциональный спад, событие теряет свою остроту», однако в случае трэш-документалистики о поисковой работе мы видим, как эмоциональный подъём, напротив, поддерживается и усиливается через визуальное и звуковое погружение в травматический процесс [2, с. 2].

5. Перспективы исследования. Феномен трэш-документалистики требует дальнейшего теоретического осмысления. Предлагаемый риторический и микроаналитический подход может быть применён к более широкому кругу явлений: от мемориальных фильмов до визуальных практик в социальных сетях. Необходимы исследования, которые рассматривали бы трэш не только как коммерческий продукт или маргинальное явление, но и как потенциально продуктивный способ работы с культурной памятью и травмой. В условиях, когда поисковые экспедиции проводятся крайне редко, документальные фильмы, выполненные в трэш-эстетике, становятся важным инструментом привлечения внимания к проблеме незахороненных воинов и создания эмоционального моста между прошлым и настоящим. Культурсоциологическая модель конструирования травмы Дж. Александера подтверждает, что символическая работа с травмой через новые медиа-форматы является важнейшим механизмом формирования коллективных идентичностей в современном мире [2, с. 2].

Список источников

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ Ольховикова Г.К. под ред. Куракина Д.Ю. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
2. Андреев А.Л., Гешева Е.Г. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 153 – 156.
3. Артамонов Д.С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. … на док. фил. наук. Саратов, 2023. 356 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем., сост. Б. Хлебников. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
7. Деминова М., Чугулова А. «За гранью»: трэш-журналистика на грани коммуникативных норм // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 81 – 89. DOI: 10.14258/leglin(2022)2614.
8. Житников А.Ю. Трэш-сериал, как радикальная форма реализма в кино // Культура Мира. 2025. Т. 13. № 46 (3). С. 78 – 86.

9. Манскова Е.А. Короткая история постмодернистской чувствительности на документальном телеэкране: кэмп, пастиш, трэш, мокьюментари // Филология и человек. 2010. № 3. С. 189 – 197.
10. Манскова Е.А. Роль трэш-эстетики в формировании современной концепции телевизионной документалистики // Медиаскоп. 2009. № 1. С. 5.
11. Манскова Е.А. Современная российская теледокументалистика (динамика жанров и средств экранной выразительности): дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Барнаул, 2011. 161 с.
12. Троцук И.В. Помнить или забыть: Значение выбора для прошлого и настоящего Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 1. С. 164 – 177.
13. Шергова К.А. Эстетические особенности современного документального телефильма // Вестник ВГИК. 2010. № 2. С. 57 – 64.
14. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. 3. Aufl. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. 231 p.
15. Nichols B. Introduction to Documentarys. 3rd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 280 p.

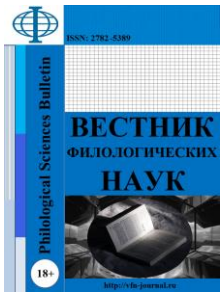
References

1. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. trans. from English by G.K. Olkhovikova, ed. by D.Yu. Kurakin. Moscow: Praxis Publishing and Consulting Group, 2013. 640 p.
2. Andreev A.L., Gesheva E.G. Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Sociological Studies. 2014. No. 1 (357). P. 153 – 156.
3. Artamonov D.S. Media Memory in the Communication Space of Digital Society: Doctoral Dissertation (Philology). Saratov, 2023. 356 p.
4. Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. trans. from German by B. Khlebnikov. Moscow: New Literary Observer, 2014. 328 p.
5. Assmann A. Forgetting History – Obsession with History. trans. from German, comp. by B. Khlebnikov. Moscow: New Literary Observer, 2019. 552 p.
6. Assmann A. The New Discontent with Memorial Culture. trans. from German by B. Khlebnikov. Moscow: New Literary Observer, 2016. 232 p.
7. Deminova M., Chugulova A. "Beyond the Pale": Trash Journalism on the Verge of Communicative Norms. Legal Linguistics (Yurislingvistika). 2022. No. 26 (37). P. 81 – 89. DOI: 10.14258/leglin(2022)2614.
8. Zhitnikov A.Yu. The Trash Series as a Radical Form of Realism in Cinema. Culture of the World. 2025. Vol. 13. No. 46 (3). P. 78 – 86.
9. Manskova E.A. A Brief History of Postmodern Sensibility on the Documentary TV Screen: Camp, Pastiche, Trash, Mockumentary. Philology and the Person. 2010. No. 3. P. 189 – 197.
10. Manskova E.A. The Role of Trash Aesthetics in Shaping the Modern Concept of Television Documentary./ Mediascope. 2009. No. 1. 5 p.
11. Manskova E.A. Contemporary Russian TV Documentary (Dynamics of Genres and Screen Expression Means): Cand. Sc. (Philology) Dissertation: 10.01.10. Barnaul, 2011. 161 p.
12. Trotsuk I.V. To Remember or to Forget: The Significance of Choice for the Past and Present. Assmann A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Trans. from German by B. Khlebnikov. Moscow: New Literary Observer, 2014. 328 p. Sociological Journal. 2015. Vol. 21. No. 1. P. 164 – 177.
13. Shergova K.A. Aesthetic Features of the Contemporary Documentary TV Film. VGIK Bulletin. 2010. No. 2. P. 57 – 64.
14. Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. 3. Aufl. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. 231 p.
15. Nichols B. Introduction to Documentaries. 3rd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 280 p.

Информация об авторах

Ловков М.А., *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, lovkov-ma@rudn.ru*

© Ловков М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.581
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-179-186

[1] Ма Лэй ***[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***

Семантическая нечёткость счётных слов в современном китайском языке

Аннотация: *статья посвящена исследованию феномена семантической нечёткости счётных слов современного китайского языка в русле когнитивно-функционального подхода. В центре внимания – механизмы трансформации точного количественного значения классификаторов в нечёткое под воздействием прагматических и синтагматических факторов. В работе систематизированы теоретические концептуализации лингвистической неопределенности в отечественной, китайской и зарубежной традициях, а также предложена типология количественно-именных сочетаний по степени определенности их квантификации. Эмпирический анализ, выполненный на материале корпуса CCL (Пекинский университет), демонстрирует прямую зависимость семантического сдвига от онтологических свойств референта и контекстуального окружения. Доказано, что переход к нечёткой интерпретации представляет собой не столько изолированное лексическое свойство конкретной лексемы, сколько динамический результат взаимодействия процессов когнитивной категоризации и коммуникативной интенции говорящего.*

Ключевые слова: *современный китайский язык, счётные слова, семантическая нечёткость, категоризация, контекстуальная вариативность, корпус CCL*

Для цитирования: Ма Лэй. Семантическая нечёткость счётных слов в современном китайском языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 179 – 186. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-179-186

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Ma Lei ***[1] Lomonosov Moscow State University***

Semantic fuzziness of classifiers words in modern Chinese

Abstract*: this article examines the phenomenon of semantic fuzziness of classifiers in Modern Chinese from the perspectives of cognitive and functional linguistics. The aim of the study is to establish the key patterns in the formation of the fuzzy quantitative meaning of classifiers and to identify the factors driving the transformation of their lexico-semantic structure. To achieve this objective, the following tasks were addressed: theoretical conceptualizations of linguistic fuzziness in Western, Russian, and Chinese linguistics were systematized; a typology of quantitative-nominal combinations was presented based on the precision vs. fuzziness of their components; the impact of ontological characteristics of the referent on the manifestation of fuzziness was analyzed; and the mechanisms of dynamic transition from an exact to a vague interpretation under the influence of context were described. The research material comprises linguistic data drawn from the Center for Chinese Linguistics Corpus at Peking University (CCL). The results demonstrate that the semantic fuzziness of classifiers is a contextually conditioned, dynamic outcome of the interplay among linguistic, cognitive, and communicative factors. The practical significance of the study lies in the applicability of its findings to teaching theoretical grammar and lexicology of Modern Chinese,*

lexicographical practice regarding the combinatorial potential of classifiers, translation theory, and applied developments in natural language processing.

Keywords: *modern Chinese, classifiers, semantic fuzziness, categorization, contextual variability, CCL corpus*

For citation: Ma Lei. Semantic fuzziness of classifiers words in modern Chinese. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 179 – 186. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-179-186

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Конкретные грамматические конструкции современного китайского языка во многом обусловлены наличием счётных слов. Несмотря на то что соответствующая терминология сформировалась сравнительно поздно, счётные слова прочно закрепились в китайской лингвистической традиции в качестве самостоятельного лексико-грамматического класса. Как одна из характерных типологических особенностей синотибетских языков, система счётных слов не имеет прямого структурного соответствия в индоевропейских языках.

Вместе с тем механизмы семантической вариативности счётных слов, в частности условия перехода от точного количественного значения к нечёткому, до сих пор остаются недостаточно изученными. Требует отдельного рассмотрения и сам процесс такого перехода: каким образом первоначально чёткая количественная характеристика утрачивает определённость своих границ в процессе речевого употребления.

Материалы и методы исследований

Исходным материалом исследования послужили примеры употребления счётных слов современного китайского языка, извлечённые из Корпуса китайского языка Пекинского университета (Center for Chinese Linguistics, PKU; CCL). Корпусный материал даёт возможность рассматривать нечёткость не как неизменный признак отдельного счётного слова, а как явление, проявляющееся в конкретном речевом контексте. В выборку вошли материалы разных жанров, представленные в CCL: устная и письменная речь, художественные тексты, новостные сообщения и общественно-политические публикации.

Теоретическую основу исследования составили положения, разработанные зарубежными, российскими и китайскими исследователями в области языковой нечёткости, категоризации и семантики количества. Традиция изучения нечётких явлений восходит прежде всего к логико-философской парадигме исследования языка. Работы Бертрана Рассела (B. Russell) создали важные предпосылки для переосмысления проблемы пограничных случаев в естественном языке. Существенный методологический поворот был связан с разработанной Лотфи Заде (L. Zadeh) теорией нечётких множеств, в рамках которой принадлежность объекта к определённой категории интерпретируется как градуальное, непрерывно изменяющееся отношение, а не как простая бинарная оппозиция [1, 5, 17, 18]. Такой переход к иной исследовательской парадигме открыл новые возможности для лингвистического анализа языковых единиц, функционирование которых не сводится к строгому противопоставлению по принципу «да – нет».

В когнитивном пространстве основополагающей стала теория категоризации Дж. Лакоффа. Согласно его модели, языковые категории лишены абсолютной дискретности и структурируются вокруг прототипических ядер. Градиентная природа категории предполагает наличие как прототипического центра, так и периферии с различной степенью связи с лидером класса [2, 5]. Применительно к счётным словам китайского языка данный ракурс продуктивен, так как объясняет функционирование классификаторов за пределами их канонической референтной сферы. В этих условиях трансформации количественного значения обусловлены не только онтологией референта, но и спецификой его когнитивной репрезентации говорящим [3].

В отечественном языкознании семантическая нечёткость признаётся имманентным свойством языковой системы, вытекающим из природы когниции и дискретности коммуникации. Размытость категориальных границ при этом трактуется не как дефект семантики, а как её конструктивный ресурс. Степень семантической детализации гибко варьируется в зависимости от прагматической установки и контекста взаимодействия [6]. Теоретической опорой работы выступают тезисы о градуальном характере семантики, контекстуальной динамике значений и когнитивной обусловленности языковых структур [7]. Нечёткость в данном аспекте предстаёт как адаптивный механизм, обеспечивающий соотнесение языка с многомерной действительностью и запросами коммуникации [8].

Вклад китайских исследователей в дальнейшее развитие данного направления носит фундаментальный характер. Теория нечётких множеств и теория когнитивной категоризации в китайской лингвистике прошли путь от восприятия и адаптации зарубежных подходов к формированию самостоятельной методологии, ориентированной на специфику китайского языка. У Тепин рассматривает сущность языковой нечёткости через оппозицию «прототип – периферия» [9]. Согласно его концепции, семантическая расплывчатость (нечёткость) возникает в тех случаях, когда границы обозначаемого объекта в ментальной репрезентации невозможно либо с прагматической точки зрения нет необходимости устанавливать с высокой степенью точности. Данное положение имеет принципиальное значение для анализа счётных слов, дистрибуция которых нередко выходит за пределы прототипического семантического поля.

Исследования Хэ Цзе внесли существенный вклад в развитие семантики счётных слов. Основное внимание данный исследователь уделяет референциальным границам счётных слов и вариативности их количественной функции [4, 12].

Согласно его подходу, нечёткость возникает в тех случаях, когда объём обозначаемого счётным словом класса объектов приобретает размытые границы. Это позволяет разграничить нечёткость, обусловленную собственной лексической семантикой счётного слова, и неопределённость, возникающую под влиянием числительного [10-13, 19]. Данное разграничение составляет один из основных критериев анализа в настоящем исследовании.

Результаты и обсуждения

Официальное терминологическое закрепление категории счётных слов в китайском языкознании относится к 1950-м годам. В работе «Краткое изложение временной системы грамматики китайского языка для преподавания» （《“暂拟汉语教学语法系统”简述》）, подготовленной в 1954-1956 гг., счётные слова определяются как «слова, обозначающие единицы количества предметов или действий». При этом счётные слова, используемые для обозначения количества предметов, называются предметно-количественными счётными словами (物量词), а для обозначения количества действий – глагольно-количественными счётными словами (动量词) [12, 14-16].

По мнению У Тепина (伍铁平), объектом исследования нечёткой лингвистики могут быть только те явления, которые обладают как прототипическими, так и периферийными элементами [9]. С точки зрения определения семантической нечёткости её сущность заключается в нечёткости отражения объективных предметов и явлений в человеческом сознании. Под нечётким отражением понимается такое восприятие объективной действительности, при котором её точное представление либо невозможно, либо не требуется.

Таким образом, семантическая нечёткость счётных слов представляет собой не вполне определённое отражение в сознании человека количественных характеристик, принадлежности к определённому классу, состояния либо границ познаваемого объекта [19]. Хэ Цзе (何杰) определяет семантическую нечёткость счётных слов следующим образом: «границы референтной области объекта, количество которого обозначается счётным словом, не имеют чёткого определения; иными словами, его экстенсиональные границы не установлены однозначно, диапазон количественного значения отличается значительной вариативностью, а само количественное значение остаётся нечётким» [12].

1. Семантическая нечёткость, возникающая при сочетании числительных и счётных слов

Объектом исследования теории лингвистической нечёткости являются явления, обладающие как прототипическими, так и периферийными характеристиками. Если референтная область определённого объекта счёта в процессе сопоставления относительно чётко устанавливается, а нечёткость касается лишь его количества, соответствующее счётное слово, строго говоря, не следует относить к числу лексем с нечёткой семантикой.

Рассмотрим следующие примеры:

(1) 我校共派出 3 个班参加这次比赛。

«От нашей школы в этом соревновании приняли участие три класса».

(2) 马路上走来一队小学生。

«По улице шла группа младших школьников».

В примерах (1) и (2) счётные слова 班 («класс») и 队 («группа», «команда») обозначают количество, которое не имеет конкретного числового выражения, однако их экстенсиональные границы остаются достаточно чёткими и закреплёнными. Поэтому подобные счётные слова не следует непосредственно включать в разряд семантически нечётких единиц. Семантическая неопределённость возникает преимущественно в следующих случаях.

1.1. Сочетание нечёткого числительного с нечётким счётным словом

(3) 先后有几组游客参观了这个景点。

«Несколько групп туристов побывали в этой достопримечательности».

(4) 忽如一夜春风来，千树万树梨花开。(岑参《白雪歌送武判官归京》)

«Внезапно, словно за одну ночь пришёл весенний ветер, на тысячах и тысячах грушевых деревьев распустились цветы».

В примере (3) сочетание **几组** обозначает неопределённое количество групп, при этом конкретное число людей или групп установить невозможно. В примере (4) сочетание **千树万树** также имеет нечёткое количественное значение. Однако именно эта неопределённость создаёт широкое пространство для воображения и позволяет читателю более наглядно представить описываемую в стихотворении картину.

1.2. Сочетание нечёткого числительного с точным счётным словом

В данном случае семантическая нечёткость числительного распространяется на всё сочетание, вследствие чего его количественное значение также приобретает нечёткий характер.

(5) 他走的时候顺便拿走了几包烟。

«Уходя, он заодно взял несколько пачек сигарет».

(6) 金猴奋起千钧棒，玉宇澄清万里埃。(毛泽东《七律·和郭沫若同志》)

«Золотая обезьяна взмахнула палицей в тысячу цзюней, очистив небесный простор от пыли на тысячи ли».

Сочетание **几包** обозначает некоторое, но количественно неопределённое число единиц. Конкретное количество пачек из самого высказывания установить невозможно. В примере (6) выражения **千钧** и **万里** также подвергаются семантической генерализации и используются не для обозначения строго определённого количества.

Согласно оригинальному тексту романа У Чэнъэня, вес золотой палицы Сунь Укуна составлял 13 500 цзиней. При этом **钧** являлся традиционной единицей веса, равной тридцати цзиням; следовательно, буквальное значение **千钧** составляло бы 30 000 цзиней. Однако в данном стихотворном контексте выражение **千钧** используется не как результат точного количественного измерения, а как средство гиперболического и образного обозначения огромного веса. Аналогичным образом **万里** не следует понимать, как строго определённое расстояние в десять тысяч ли: оно выражает чрезвычайно большую протяжённость.

1.3. Сочетание точного числительного с нечётким счётным словом

Сочетание точного числительного с семантически нечётким счётным словом также может приводить к возникновению неопределённого значения.

(7) 他前两天来过这儿。

«Он был здесь пару дней назад».

В данном случае **两天** не обязательно обозначает ровно два дня. В выражении **前两天** речь идёт о некотором неопределённом временном отрезке, предшествующем моменту речи. Аналогичная особенность наблюдается в выражении **过两天**, которое также обычно указывает не на строго определённый двухдневный период, а на некоторое время в будущем.

Подобное употребление особенно характерно для разговорной речи. Хотя числительное **两** в нормативном значении соответствует числу «два», в сочетании с некоторыми счётными словами оно способно обозначать количество, превышающее два: **买两斤苹果回家** («купить домой пару килограммов яблок»), **抽两根烟再走** («выкурить ещё пару сигарет и потом уйти»). В то же время сочетания **两支队伍** («две команды»), **两个学校** («две школы»), **两家人** («две семьи») обозначают строго определённое количество – два.

1.4. Сочетание точного числительного с точным счётным словом

Даже сочетание двух семантически точных компонентов в определённом контексте способно приобретать нечёткое значение.

(8) 咫尺雪山路，归飞西海隅。(杜甫《送蔡希鲁都尉还陇右》)

«Дорога к снежным горам — совсем близко; он возвращается к окраинам Западного моря».

(9) 近在咫尺，远在天边。

«Совсем близко — словно на расстоянии вытянутой руки, а далеко — словно на краю небес».

(10) 一寸光阴一寸金。

«Мгновение времени дороже золота».

咫 являлся древнекитайской единицей длины и в системе мер эпохи Чжоу составлял восемь цуней, тогда как **尺** равнялся десяти цуням. Таким образом, первоначально оба компонента обладали относительно точ-

ным количественным значением. Однако в сочетании 咫尺 их исходная количественная конкретность утрачивается, и сочетание приобретает обобщённое значение пространственной близости.

Аналогичный процесс наблюдается в выражении 一寸光阴一寸金. 一寸 первоначально обозначало конкретную единицу длины, составлявшую приблизительно 3,3 см. В древнекитайской культуре для измерения времени использовался, в частности, метод определения длины тени от вертикально установленного шеста. Поэтому единица длины могла метафорически использоваться для обозначения времени. В данном выражении 一寸光阴 не поддаётся буквальному и точному измерению и обозначает лишь небольшой отрезок времени. Соответственно, количественная конкретность 一寸 в сочетаниях 咫尺 и 一寸光阴 оказывается семантически нейтрализованной.

2. Различия в семантике неопределённости, обусловленные характером исчисляемого объекта

Если экстенсиональные границы исчисляемого объекта не могут быть чётко и однозначно установлены, для выражения количества обычно используются неопределённо-количественные счётные слова.

(11) 到大橱的抽屉里角角落落去寻去，总可以寻出一点珠子这类东西。(鲁迅《琐记》)

«Если поискать по всем уголкам ящиков большого шкафа, наверняка можно найти немного жемчуга или чего-нибудь подобного».

(12) 动手没你的，我先告诉你，外边还有一大帮人呢。(老舍《骆驼祥子》)

«Не вздумай со мной связываться; предупреждаю тебя: снаружи ещё целая толпа людей».

(13) 然而那群雍容揖让的人物中就有范爱农，却直到这一天才想到。(鲁迅《范爱农》)

«Однако среди той группы людей, отличавшихся степенностью и учтивостью, был и Фань Айнун, о чём он вспомнил лишь в этот день».

Счётное слово 点（儿） обычно обозначает небольшое количество. Его референтная область не имеет чётко устанавливаемых границ, вследствие чего данная единица обладает выраженной семантической неопределённостью. 点 часто сочетается с числительным 一, однако в разговорной речи 一 нередко опускается: 给我一点钱 («дай мне немного денег»), 喝点水 («выпить немного воды»), 买点儿水果 («купить немного фруктов»). Кроме того, 点 может сочетаться с 半, особенно в конструкциях с отрицанием: 半点风也没有 («нет ни малейшего ветра»), 身上半点钱也没有 («при себе нет ни копейки»).

Счётное слово 帮 первоначально обозначает объединение людей, связанных общей целью, в том числе политического или экономического характера; применительно к людям оно может иметь значение «группа», «компания», «толпа». 群, согласно «Современному китайскому словарю», обозначает совокупность людей или предметов, находящихся вместе. Следовательно, экстенсиональные границы 帮 и 群 не являются строго определёнными: данные единицы указывают лишь на приблизительное, неопределённое количество.

При обозначении абстрактных предметов и понятий обычно используются счётные слова с выраженным семантически нечётким компонентом, например: 股, 团, 缕, 丝. Экстенсиональные границы абстрактных объектов и понятий сами по себе, как правило, менее определённы, поэтому неопределённость соответствующих счётных слов проявляется ещё более отчётливо.

(14) 或者轻描淡写地说一顿，不作彻底解决，保持一团和气。(毛泽东《反对自由主义》)

«Или же отделаться несколькими поверхностными замечаниями, не решая проблему по существу и сохраняя видимость всеобщего согласия».

(15) 这件事情被他搅的一团糟。

«Он превратил всё это дело в полный беспорядок».

(16) 芒种后农田里呈现出一派生机勃勃的大好风光。

«После праздника Маньчжун сельские поля предстали во всём своём жизненном многообразии».

Особой семантической неопределённостью характеризуются также образные счётные слова, используемые для обозначения конкретных, но неисчисляемых объектов.

(17) 林冲在床上放下了包裹被卧，就坐下生些焰火起来－屋后有一堆柴炭，拿了几块，生在地炉里。(施耐庵《水浒传》)

«Линь Чун положил на кровать свёрток и постельные принадлежности, затем сел разжечь огонь. За домом лежала куча дров и угля; он взял несколько кусков и положил их в очаг».

(18) 清早推开门一看，天地间一片白茫茫。

«Рано утром, открыв дверь, он увидел вокруг сплошную белизну».

(19) 苞米棒子的红缨都干了，只有这里一疙瘩一疙瘩没有成熟的“大瞎”的缨子还是通红的。(周立波《暴风骤雨》)

«Красные рыльца кукурузных початков уже высохли, и лишь здесь и там рыльца ещё не созревшей кукурузы „дася“ оставались ярко-красными».

В данном случае такие счётные слова, как **堆**, **片**, **疙瘩**, не обозначают строго исчислимое количество отдельных объектов, а создают целостный образ определённой совокупности. Их семантическая неопределённость обусловлена отсутствием чёткой количественной границы.

Счётные слова, используемые для обозначения протяжённых во времени действий, состояний или процессов изменения предметов, также обычно обладают семантической неопределённостью.

(20) 如今他要走了，参军去了，她嘴上说：“好，那你去吧。”心里却酸一阵。(周立波《暴风骤雨》)

«Теперь он собирался уйти в армию. Она сказала: „Хорошо, тогда иди“, – но в душе у неё на некоторое время возникло горькое чувство».

(21) 这一阵阵的寒气仿佛是一盆冷水把他浇醒。(老舍《骆驼祥子》)

«Эти волны холода словно окатили его ведром холодной воды и привели в чувство».

(22) 阿 Q……又和别人调笑一通，口角一通，又得了胜，愉快的回到土谷祠，放倒头睡着了。(鲁迅《阿 Q 正传》)

«А-Кью снова некоторое время подшучивал над другими, некоторое время препирался с ними, вновь одержал верх и, довольный, вернулся в храм Тугу, где сразу заснул».

В примерах (20), (21) **阵**, а в примере (22) **通** обозначают неопределённое количество действия, состояния или явления. При этом их семантический диапазон не имеет чётких границ: невозможно однозначно определить, обозначают ли они продолжительность действия, его интенсивность или некоторую область проявления; невозможно также установить, сколько именно времени продолжалось соответствующее действие. Именно отсутствие чёткой количественной границы обусловливает их семантическую неопределённость.

Рассмотренные выше счётные слова с нечётким значением широко употребляются в повседневной речи и коммуникации. В подобных ситуациях говорящему, как правило, необходимо передать не точное количественное значение, а лишь обобщённое представление о количестве. Данная коммуникативная потребность также является одним из источников семантической неопределённости.

3. Переход между чётким и нечётким значением

Соотношение между точным и нечётким значением в естественном языке не является постоянным. В зависимости от условий употребления одна и та же языковая единица может получать более определённую или, напротив, более расплывчатую интерпретацию. Вместе с тем переход от нечёткого значения к точному, по-видимому, встречается чаще, чем обратный процесс. Показательно, что многие термины, используемые в научном дискурсе, исторически связаны с языковыми единицами, первоначальные границы значения которых не отличались строгой определённостью. В подобных случаях конкретизация значения происходит под совместным воздействием сферы употребления и предъявляемых к точности выражения требований.

В повседневной речи необходимость точного обозначения количества возникает далеко не всегда. Если для понимания конкретной ситуации достаточно обобщённой характеристики, говорящий может ограничиться соответствующей формой выражения. Это соответствует одному из общих свойств естественного языка: «человеческое понимание естественного языка по своей природе является нечётким», поскольку человек способен «мыслить и осуществлять коммуникацию посредством понятий с размытыми границами». В научной коммуникации ситуация иная. Здесь значение языковой единицы должно по возможности соотноситься с уже установленными понятиями и нормативными критериями, поскольку однозначность интерпретации непосредственно связана со степенью семантической определённости.

Выводы

Настоящее исследование выполнено на стыке когнитивной лингвистики и прагматики; в нём осуществлена системная реконструкция феномена семантической нечёткости счётных слов современного китайского языка, что знаменует собой теоретический переход от статичного лексикографического описания к исследованию динамических механизмов её смыслопорождения.

В аспекте механизмов смыслообразования углублено представление о «двухтраекторной» природе семантической эволюции счётных слов и чётко разграничены понятия «собственно лексической нечёткости» и «нечёткости, обусловленной синтагматической структурой и контекстом». Доказано, что семантическая нечёткость может не только имплицитно присутствовать в исходной лексической семантике счётного слова, но и динамически формироваться в процессе комбинаторного взаимодействия элементов конструкции «числительное + счётное слово» под регулирующим воздействием микро- и макроконтекста.

Особый теоретический интерес представляют конструкции типа «точное числительное + точное счётное слово», компоненты которых, обладая исходно определённым значением, в специфических контекстуальных условиях актуализируют нечёткую количественную интерпретацию. Данный феномен служит убедительным подтверждением динамической эмерджентной природы семантической нечёткости: она выступает не как статическое свойство, имманентно присущее той или иной единице языка при любых условиях, а как системный результат синергетического взаимодействия вербальных и экстралингвистических факторов в процессе речевой коммуникации.

Список источников

1. Burnett H., Sutton P.R. Vagueness and Natural Language Semantics // The Wiley Blackwell Companion to Semantics / ed. by D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T.E. Zimmermann. Hoboken: Wiley Blackwell. 2020. P. 1 – 34. DOI: 10.1002/9781118788516.sem053.

2. Feinmann D. Distinguishing Homogeneity from Vagueness // Journal of Semantics. 2021. Vol. 38. № 4. P. 667 – 679. DOI: 10.1093/jos/ffab014.

3. Lanius D. What Is the Value of Vagueness? // Theoria. 2021. Vol. 87. № 3. P. 752 – 780. DOI: 10.1111/theo.12313.

4. Lim W., Wu Q. Vague Language and Context Dependence // Frontiers in Behavioral Economics. 2023. Vol. 2. Art. 1014233. P 56 – 67. DOI: 10.3389/frbhe.2023.1014233.

5. Littlemore J., Fielden-Burns L.V. On the Fringes of Metaphor: Using Ambiguously Figurative Vague Language to Pragmatically Negotiate Sensitive Topics in the English as a Medium of Instruction Classroom // Journal of Pragmatics. 2023. Vol. 209. P. 1 – 14. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.02.016.

6. Власова Л.В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2. С. 128 – 132.

7. Иркова А.В. Использование компьютерных программ для выявления и предотвращения семантической неопределенности текстов как фактора конфликта интерпретаций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21. № 3. С. 56 – 63. DOI: 10.14529/ling240308.

8. Иркова А.В. Оценка методов анализа семантической неоднозначности лексики и текста // Юрислингвистика. 2025. № 35 (46). С. 111 – 117. DOI: 10.14258/leglin(2025)3517.

9. У Тепин. Нечёткая лингвистика. Шанхай: Шанхайское издательство образования иностранных языков, 1999. 434 с.

10. У Чжэньго. Исследование нечёткой семантики китайского языка. Ухань: Издательство Центрально-Китайского педагогического университета, 2003. 221 с.

11. Чэнь Вэйчжэнь, У Шисюн. Исследование категорий и нечёткой семантики. Фучжоу: Издательство народов Фуцзяни, 2002. 22 с.

12. Хэ Цзе. Исследование счётных слов в современном китайском языке. Пекин: Издательство национальностей, 2000. 220 с.

13. Цзун Шоуцзюнь. Когнитивное исследование счётных слов китайского языка. Пекин: Издательство «Мировая книга», Пекинское отделение, 2012. 267 с.

14. Цзун Шоуцзюнь. Категоризационная функция счётных слов и их иерархическая последовательность // Вестник Шанхайского педагогического университета. Философия и общественные науки. 2014. Т. 43. № 1. С. 120 – 128.

15. Хэ Вэй, Ма Чэнь. Сущностные различия между китайским, японским и английским языками сквозь призму редупликации китайских счётных слов и её переводов // Вестник Тибетского университета национальностей. Философия и общественные науки. 2024. Т. 45. № 1. С. 130 – 137, 152.

16. Zhang W. Research on the Sentence Semantic Fuzziness of Chinese and its Korean Translation // Journal of Chinese Language and Literature. 2020. № 84. P. 285 – 303. DOI: 10.15792/clsyn.84.202008.285.

17. Park H. Exploring the Direction of Korean Language Education on Vague Language Expressions // Korean Semantics. 2021. Vol. 73. P. 177 – 202. DOI: 10.19033/sks.2021.09.73.177.

18. Ismail I.A., Bsharat T.R., Amirbayeva D. Vague Language: A Critical Reading // Research, Society and Development. 2022. Vol. 11. № 10. P. 116 – 127. Art. e587111033309. DOI: 10.33448/rsd-v11i10.33309.

19. Li X. The Emergence and Development of Quantifiers and the Differentiation of Quantity Structure in Representing Quantity // Journal of Chinese Language and Literature. 2024. № 95. P. 157 – 176. DOI: 10.15792/clsyn.95.202404.157.

References

1. Burnett H., Sutton P.R. Vagueness and Natural Language Semantics. The Wiley Blackwell Companion to Semantics. ed. by D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T.E. Zimmermann. Hoboken: Wiley Blackwell. 2020. P. 1 – 34. DOI: 10.1002/9781118788516.sem053.

2. Feinmann D. Distinguishing Homogeneity from Vagueness. Journal of Semantics. 2021. Vol. 38. No. 4. P. 667 – 679. DOI: 10.1093/jos/ffab014.

3. Lanius D. What Is the Value of Vagueness? Theoria. 2021. Vol. 87. No. 3. P. 752 – 780. DOI: 10.1111/theo.12313.

4. Lim W., Wu Q. Vague Language and Context Dependence. Frontiers in Behavioral Economics. 2023. Vol. 2. Art. 1014233. P 56 – 67. DOI: 10.3389/frbhe.2023.1014233.

5. Littlemore J., Fielden-Burns L.V. On the Fringes of Metaphor: Using Ambiguously Figurative Vague Language to Pragmatically Negotiate Sensitive Topics in the English as a Medium of Instruction Classroom. Journal of Pragmatics. 2023. Vol. 209. P. 1 – 14. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.02.016.

6. Vlasova L.V. Semantic diffusion, semantic uncertainty: definition of concepts. Bulletin of the Leningrad State University. A. S. Pushkin. 2014. T. 1. No. 2. P. 128 – 132.

7. Irkova A.V. Using computer programs to identify and prevent semantic uncertainty in texts as a factor in the conflict of interpretations. Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics". 2024. T. 21. No. 3. P. 56 – 63. DOI: 10.14529/ling240308.

8. Irkova A.V. Evaluation of methods for analyzing semantic ambiguity of vocabulary and text. Jurislinguistics. 2025. No. 35 (46). P. 111 – 117. DOI: 10.14258/leglin(2025)3517.

9. U Tepin. Fuzzy linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Publishing House, 1999. 434 p.

10. Wu Zhenguo. Study of fuzzy semantics of the Chinese language. Wuhan: Central China Normal University Publishing House, 2003. 221 p.

11. Chen Weizhen, Wu Shixiong. Study of categories and fuzzy semantics. Fuzhou: Fujian Peoples Publishing House, 2002. 22 p.

12. He Jie. A study of counting words in modern Chinese. Beijing: Nationalities Publishing House, 2000. 220 p.

13. Zong Shoujun. A cognitive study of Chinese counting words. Beijing: World Book Publishing House, Beijing branch, 2012. 267 p.

14. Zong Shoujun. Categorization function of counting words and their hierarchical sequence. Bulletin of Shanghai Pedagogical University. Philosophy and social sciences. 2014. T. 43. No. 1. P. 120 – 128.

15. He Wei, Ma Chen. Essential differences between Chinese, Japanese and English through the prism of reduplication of Chinese counting words and its translations. Bulletin of the Tibetan University of Nationalities. Philosophy and social sciences. 2024. T. 45. No. 1. P. 130 – 137, 152.

16. Zhang W. Research on the Sentence Semantic Fuzziness of Chinese and its Korean Translation. Journal of Chinese Language and Literature. 2020. No. 84. P. 285 – 303. DOI: 10.15792/clsyn.84.202008.285.

17. Park H. Exploring the Direction of Korean Language Education on Vague Language Expressions. Korean Semantics. 2021. Vol. 73. P. 177 – 202. DOI: 10.19033/sks.2021.09.73.177.

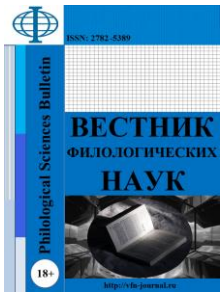
18. Ismail I.A., Bsharat T.R., Amirbayeva D. Vague Language: A Critical Reading. Research, Society and Development. 2022. Vol. 11. No. 10. P. 116 – 127. Art. e587111033309. DOI: 10.33448/rsd-v11i10.33309.

19. Li X. The Emergence and Development of Quantifiers and the Differentiation of Quantity Structure in Representing Quantity. Journal of Chinese Language and Literature. 2024. No. 95. P. 157 – 176. DOI: 10.15792/clsyn.95.202404.157.

Информация об авторах

Ма Лэй, *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, maleilovetime@gmail.com*

© Ма Лэй, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.161.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-187-198

[1] Мао Вэньли ***[1] Пекинский университет***

Межъязыковая эквивалентность русских и китайских перформативных глаголов: семантический и прагматический аспекты

Аннотация: *перформативные глаголы занимают важное место в прагматике и тесно связаны с реализацией речевых актов и нормами речевого этикета. Цель исследования заключается в выявлении сходств и различий в функционировании перформативных глаголов русского и китайского языков на грамматическом, семантическом и прагматическом уровнях. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, Корпуса китайского языка Пекинского университета (CCL), а также лексикографические источники русского и китайского языков. В работе применяются описательно-аналитический, сопоставительный, контекстуальный и корпусный методы исследования. Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей межъязыковой эквивалентности русских и китайских перформативных глаголов с учетом их семантических и прагматических характеристик. Установлено, что различия между сопоставляемыми единицами обусловлены не столько отсутствием лексических соответствий, сколько особенностями их функционирования в коммуникативном контексте. Впервые показано, что большинство русских перформативных глаголов имеют в китайском языке полные или частичные эквиваленты, однако степень их семантического и прагматического соответствия существенно варьируется. В результате исследования выявлено, что наиболее существенные различия между русскими и китайскими перформативными глаголами проявляются на семантическом и прагматическом уровнях. При передаче перформативов на китайский язык нередко происходит нейтрализация отдельных семантических компонентов, а также изменение степени коммуникативного воздействия высказывания. Установлено, что выбор переводческого соответствия определяется не только словарным значением глагола, но и его прагматической функцией, сферой употребления и национально-культурными особенностями речевого поведения носителей языка.*

Ключевые слова: *перформативный глагол, межъязыковая эквивалентность перформативов, перевод перформативов, речевая коммуникация, переводческая трансформация*

Для цитирования: Мао Вэньли. Межъязыковая эквивалентность русских и китайских перформативных глаголов: семантический и прагматический аспекты // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 187 – 198. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-187-198

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Mao Wenli ***[1] Peking University***

Cross-linguistic equivalence of Russian and Chinese performative verbs: semantic and pragmatic aspects

Abstract: *performative verbs occupy an important place in pragmatics and are closely associated with the realization of speech acts and the norms of speech etiquette. The purpose of this study is to identify similarities and differ-*

ences in the functioning of performative verbs in Russian and Chinese at the grammatical, semantic, and pragmatic levels. The research material comprises data from the Russian National Corpus, the CCL Corpus of Chinese at Peking University, as well as Russian and Chinese lexicographic sources. The study employs descriptive-analytical, comparative, contextual, and corpus-based methods. The novelty of the research lies in identifying patterns of cross-linguistic equivalence between Russian and Chinese performative verbs with due regard to their semantic and pragmatic characteristics. It is established that the differences between the units under comparison are caused not so much by the absence of lexical correspondences as by the specific features of their functioning in communicative contexts. For the first time, it is demonstrated that most Russian performative verbs have full or partial equivalents in Chinese, although the degree of their semantic and pragmatic correspondence varies considerably. The findings show that the most substantial differences between Russian and Chinese performative verbs occur at the semantic and pragmatic levels. When performatives are rendered into Chinese, individual semantic components are often neutralized, while the degree of communicative impact of the utterance may also change. It is established that the choice of a translation equivalent is determined not only by the dictionary meaning of the verb, but also by its pragmatic function, sphere of use, and the national and cultural characteristics of the speech behavior of native speakers.

Keywords: *performative verb, cross-linguistic equivalence of performatives, translation of performatives, speech communication, translation transformation*

For citation: Mao Wenli. Cross-linguistic equivalence of Russian and Chinese performative verbs: semantic and pragmatic aspects. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 187 – 198. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-187-198

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 17, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

В последние десятилетия в лингвистике усиливается внимание к изучению языка в коммуникативном аспекте и роли человеческого фактора в речевой деятельности. Особый интерес исследователей вызывает проблема языковой репрезентации коммуникативных намерений говорящего, непосредственно связанная с теорией речевых актов и категорией перформативности. *Актуальность исследования* обусловлена необходимостью выявления механизмов функционирования перформативных глаголов в различных лингвокультурах и определения закономерностей их межъязыковой эквивалентности. В условиях активного развития российско-китайских межкультурных контактов особую значимость приобретает изучение способов выражения речевых актов в русском и китайском языках, поскольку различия в семантике и прагматике перформативов могут становиться причиной коммуникативных затруднений и переводческих ошибок.

Термин «перформативный глагол» был введён Дж.Л. Остином, хотя, как отмечает Ю.Д. Апресян, ещё до появления работ Дж.Л. Остина [8] к данному кругу явлений обращались Э. Кошмидер и Э. Бенвенист [1]. Значительный вклад в развитие теории речевых актов внесли Дж.Р. Серль [10], Ю.Д. Апресян [1] и Е.В. Падучева [9], в работах которых были заложены основы семантического, грамматического и прагматического описания перформативных глаголов.

В последние годы исследование перформативности продолжает развиваться в коммуникативно-прагматическом, дискурсивном и лексико-семантическом направлениях. Так, Е.Н. Куликовская [5] рассматривает перформативные глаголы с точки зрения их иллокутивной силы, Ю.В. Васильева [3] анализирует связь перформативности и модальности в английской научной речи, Е.В. Соловцова [11] исследует экспрессивные эксплицитно-перформативные высказывания в русскоязычных газетных текстах.

Поскольку настоящее исследование носит сопоставительный характер, существенное значение имеют также работы китайских исследователей, посвящённые перформативности и глаголам речевого акта. Дун Сюфань [17] проанализировала перформативы со значением обещания и рассмотрела процесс формирования перформативных значений у глаголов речевого акта. Ли Мэнмэн [15] выделила перформативные глаголы современного китайского языка и описала их семантические, прагматические и социокультурные особенности. Ван Дань [16] сопоставила русские и китайские перформативные глаголы с точки зрения их семантической структуры и прагматических характеристик. В более поздних работах китайских лингвистов уточняется сам статус перформативных единиц: У Цзяньфэн [13] разграничивает глаголы речи, глаголы речевого акта и перформативные глаголы, а Сунь Илин и Лю Юнхуа [14] рассматривают перформативность не только на уровне отдельного глагола, но и на уровне речеактовых конструкций.

В последние годы появился ряд исследований, посвящённых сопоставительному изучению речевых актов и речевых жанров в русском и китайском языках. В.И. Молодых и Т.И. Леонтьева [6] отмечают национально-культурную специфику выражения речевого акта извинения и подчёркивают трудности интерпретации подобных единиц неносителями языка. Чан Ваньцзюнь [12] рассматривает перформативы как важное средство выражения прямых речеповеденческих тактик в русском языке, однако китайский материал в её исследовании представлен ограниченно.

Теоретической базой исследования послужили труды Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, посвящённые теории речевых актов и проблеме перформативности, а также работы китайских исследователей Дун Сюфань, Ли Мэнмэн, Ван Дань, У Цзяньфэн, Сунь Илин и Лю Юнхуа, рассматривающих особенности функционирования перформативных глаголов в китайском языке и проблемы их сопоставительного изучения.

Задачи исследования заключаются в следующем: выявить особенности семантики русских и китайских перформативных глаголов и определить степень их межъязыковой эквивалентности; установить прагматические различия в функционировании перформативов в русском и китайском языках; проанализировать способы передачи русских перформативных глаголов средствами китайского языка.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в преподавании русского языка как иностранного и китайского языка как иностранного, в курсах по прагмалингвистике, теории речевых актов, сопоставительному языкознанию и теории перевода. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий по межкультурной коммуникации и русско-китайскому переводу.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили примеры употребления перформативных глаголов, извлечённые из Национального корпуса русского языка и Корпуса китайского языка Пекинского университета (CCL), а также данные русских и китайских толковых словарей.

Методы исследования включают корпусный анализ, использованный при отборе языкового материала; описательно-аналитический метод, позволивший систематизировать исследуемые единицы; сравнительно-сопоставительный метод, применяемый для выявления сходств и различий между русскими и китайскими перформативными глаголами; контекстуальный анализ, необходимый для интерпретации особенностей функционирования перформативов в конкретных коммуникативных ситуациях; а также количественный метод, использованный при подсчётах языковых данных.

Результаты и обсуждения

Материалом исследования послужили русские перформативные глаголы, выделенные на основе классификации Ю.Д. Апресяна [1]. На первом этапе исследования были установлены их наиболее употребительные китайские соответствия на основе данных русских и китайских толковых словарей. На втором этапе проводился анализ примеров, извлечённых из НКРЯ и CCL, что позволило выявить особенности семантического и прагматического функционирования сопоставляемых единиц.

1. Специализированные сообщения и утверждения

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *докладывать, доносить, заявлять, извещать, напоминать, объявлять, отрицать, подтверждать, подчеркивать, провозглашать, свидетельствовать, уведомлять, уверять, удостоверять, утверждать* [1]. Проведенный анализ показал, что степень межъязыковой эквивалентности данных перформативов неодинакова. Наиболее существенные расхождения наблюдаются в случаях, когда русский глагол обладает дополнительными стилистическими или прагматическими характеристиками, отсутствующими в китайском языке.

1.1 Глагол *доносить*

Согласно «Толковому словарю русского языка», глагол *доносить* имеет два значения: 1. сделать донесение. 2. сделать донос [7]. Во втором значении данный глагол демонстрирует ограничения в перформативном употреблении. Как отмечал З. Вендлер, глаголы, содержащие отрицательную оценочность или указание на нарушение норм речевого поведения, ограничены в перформативном употреблении, поскольку в их семантике присутствует так называемый «подрывной фактор» [4].

В значении «сделать донесение» глагол *доносить* обычно передаётся китайским глаголом 报告, который также выступает эквивалентом русского глагола *докладывать*. Китайский перформатив 报告 является стилистически нейтральным и употребляется как в официальной, так и в повседневной коммуникации. Таким образом, различие между русскими глаголами *доносить* и *докладывать*, актуализируемое в отдельных контекстах, в китайском языке в значительной степени нейтрализуется.

1.2. Глаголы *заявлять* и *объявлять*

Русские глаголы *заявлять* и *объявлять*, а также их китайские эквиваленты, относятся к числу типичных перформативных глаголов. Вместе с тем анализ материала показывает, что их прагматическое функционирование в русском и китайском не полностью совпадает.

В русском языке глагол *объявлять* может употребляться как в официальной, так и в бытовой коммуникации:

(1) Нынче я объявляю вам, что и нашей физической близости должен прийти конец [Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001]

Попытка буквального перевода данного высказывания посредством китайского глагола 宣布 (**现在我向您宣布，我们之间的身体亲密关系也必须到此为止*) воспринимается носителями китайского языка как стилистически неестественная. В подобных ситуациях предпочтительными оказываются нейтральные глаголы 说 или 告诉:

现在我告诉您，我们之间的身体亲密关系也必须到此为止。(Сейчас я говорю вам, что и нашей физической близости должен прийти конец.)

В официальной коммуникации использование глагола 宣布, напротив, является нормативным:

(2) 现在我宣布：中国人民政治协商会议第八届全国委员会第三次会议闭幕！(CCL)(Объявляю Третью сессию Восьмого Национального комитета Народной политической консультативной конференции Китая закрытой!)

В отдельных случаях глагол 宣布 может использоваться и в бытовом общении, однако такое употребление создает эффект намеренной торжественности или подчёркнутой драматизации высказывания:

(3) 晚饭时，母亲突然说：“我宣布，从今天开始，我要学习认字了。”(CCL)(За ужином мама вдруг сказала: "Я объявляю, что с сегодняшнего дня я буду учиться грамоте".)

Анализ примеров (1)-(3) показывает, что русский глагол *объявлять* обладает более широкой сферой функционирования, тогда как китайский перформатив 宣布 характеризуется высокой степенью институциональной и ритуальной маркированности. Вследствие этого при переводе бытовых контекстов нередко происходит замена перформатива более нейтральными средствами выражения.

2. Признание

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *виниться, каяться, признаваться* и *сознаваться* [1]. Анализ показал, что наибольший интерес представляет соотношение русских глаголов *сознаваться* и *признаваться* с китайским эквивалентом 承认.

2.1. Глаголы *сознаваться* и *признаваться*

В китайском языке глаголы *сознаваться* и *признаваться*, как правило, передаются одним эквивалентом – 承认. Однако между русскими единицами существуют существенные семантические различия.

Согласно словарным данным, *сознаваться* означает: 1. Сознав неправильность своего поступка, мнения, сказать об этом. 2. Признать свою вину [7]. Глагол *признаваться* определяется как открыто объявить, признать что-н. касающееся себя [7]. Следовательно, глагол *сознаваться* содержит отрицательную оценочную семантику и предполагает признание собственной ошибки, проступка или вины, тогда как *признаваться* обладает более широкой сферой употребления. Ср.:

(4) Сознаюсь, что в порыве малодушия я проклинал шёпотом медицину и своё заявление, поданное пять лет назад ректору университета [М.А. Булгаков. Полотенце с петухом (1926)] (我承认，在懦弱中我小声地诅咒了医学，以及我五年前提交给大学校长的申请。)

В данном случае перформатив *сознаюсь* сопровождается отрицательной оценкой собственного поступка говорящего. Ср. также:

(5) – Признаюсь, этот ответ меня удивил, – мягко заговорил прокуратор, – боюсь, нет ли здесь недоразумения [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)] (“我承认这个回答让我很吃惊，”检察官轻声说，“恐怕没有什么误解。”)

В данном случае речь идёт не о признании вины, а о сообщении собственного эмоционального состояния. Перформатив *признаюсь* выполняет функцию смягчённого введения субъективной оценки и не содержит отрицательной оценки.

Таким образом, различие между глаголами *сознаваться* и *признаваться* носит прежде всего семантико-прагматический характер. При переводе на китайский язык данное различие часто нейтрализуется, поскольку оба глагола передаются единицей 承认. В результате часть смысловых оттенков, связанных с оценкой поступка говорящим, оказывается утраченной.

Следует также отметить, что в китайской коммуникативной традиции предпочтение нередко отдается более косвенным и нейтральным способам выражения признания. Подобная тенденция связана с культурно значимой категорией «лица» (面子). Как отмечают В.И. Молодых и Т.И. Леонтьева, стремление «сохранить лицо» является одной из базовых характеристик китайского коммуникативного поведения [6].

3. Обещание

К группе перформативов со значением обещания Ю.Д. Апресян относит глаголы *гарантировать, давать обет, давать обещание, давать слово, заверять, зарекаться, клясться, обещать, обязываться* и *присягать* [1]. Данная группа характеризуется значительным разнообразием семантических и прагматических оттенков, связанных со степенью обязательности обещания, сферой его употребления и характером отношений между коммуникантами.

3.1. Глаголы *обещать* и *гарантировать*

В китайском языке русские перформативы *обещать, давать обещание, давать слово* и *обязываться* обычно передаются посредством глаголов 答应 или 承诺, тогда как глагол *гарантировать* чаще всего соответствует китайскому 保证.

Несмотря на наличие устойчивого словарного соответствия, семантика и прагматика данных единиц совпадают не полностью. В китайском языке глагол 保证 может использоваться не только для выражения объективной гарантии, но и как средство усиления обещания и демонстрации искренности говорящего:

(6) 我答应你绝不会背叛你。（Я обещаю, я тебе никогда не изменю）

(7) 我保证，我绝不会背叛你。(Я гарантирую, я тебе никогда не изменю)

В обоих примерах речь идёт о межличностном обещании, адресованном близкому человеку. Однако использование глагола 保证 усиливает степень коммуникативного обязательства и подчёркивает серьёзность намерений говорящего.

Анализ данных НКРЯ не выявил аналогичных случаев употребления русского перформатива *гарантировать* в ситуациях межличностного общения между близкими людьми. Как правило, данный глагол используется в контекстах, предполагающих наличие у говорящего определённых полномочий, ресурсов или ответственности за результат действия. Ср.:

(8) Завтра у меня «окно» – больному операцию перенесли – решайтесь, приходите, сделаем вам операцию – анализы у вас в порядке. Я вам гарантирую – жить будете! Хорошо, я подумаю [Николай Крупин. Головная боль // «Дальний Восток», 2019].

В подобных случаях говорящий принимает на себя обязательства, выполнение которых зависит от его возможностей или социального статуса.

3.2. Глаголы *клясться*, *зарекаться* и *давать обет*

Глагол *присягать* имеет в китайском языке достаточно точный эквивалент – 宣誓, совпадающий как по семантике, так и по сфере употребления. Вместе с тем глаголы *клясться, зарекаться* и выражение *давать обет* чаще всего передаются посредством одного китайского перформатива 发誓. В результате при переводе часть семантических различий между русскими единицами нивелируется.

Согласно словарному толкованию, *зарекаться* означает «дать зарок не делать чего-н., закаяться» [7]. Следовательно, в семантической структуре данного глагола содержится компонент отрицания, связанный с отказом от определённого действия. В китайском языке аналогичное значение передаётся аналитически – посредством сочетания перформатива 发誓 с отрицательной частицей 不:

(9) Я зарекаюсь пить.

(10) 我发誓不喝酒。(Я клянусь не пить.)

Особый интерес представляет выражение *давать обет*. Согласно словарю, обет определяется как «торжественное обещание, обязательство» [7]. В русском языке данная единица часто функционирует в религиозном дискурсе и может обозначать обещание, данное Богу или связанное с религиозными обязательствами. Ср.:

(11) Дай мне хорошо писать сочинения, а я даю обет быть монахом и принадлежать Тебе всеми атомами своего существа [священник Виктор Пантин. Предисловие (2002)].

(12) 让我好好写文章，我就发誓做一个和尚，让我身体的每一部分都从属于你。(Дай мне хорошо писать сочинения, а я клянусь быть монахом и принадлежать Тебе всеми атомами своего существа.)

Однако словарное толкование китайского глагола 发誓 фиксирует значение «торжественно обещать» или «давать клятву», не указывая на обязательную религиозную мотивацию высказывания. Вследствие этого религиозный компонент значения, характерный для русского выражения *давать обет*, при переводе может частично утрачиваться.

4. Просьбы

К группе перформативов со значением просьбы Ю.Д. Апресян относит глаголы *заклинать, молить, просить, умолять* и *ходатайствовать* [1]. Все указанные единицы объединены общей семантикой побуждения адресата к определённому действию, однако различаются по степени эмоциональной интенсивности, характеру отношений между коммуникантами и прагматическим условиям употребления.

Особое место в данной группе занимает глагол *заклинать*. Согласно словарному толкованию, он обозначает настойчивую просьбу, сопровождаемую обращением к значимой ценности, авторитету или эмоционально значимому основанию [7]. В отличие от других перформативов данной группы, *заклинать* предполагает высокую степень эмоционального воздействия на адресата и обычно используется в ситуациях, воспринимаемых говорящим как исключительно важные. Полный эквивалент данного глагола в китайском языке отсутствует, поэтому при переводе обычно используются более нейтральные средства выражения просьбы.

Китайский язык располагает развитой системой перформативов со значением просьбы, включая глаголы 请求, 祈求, 恳求, 央求 и др. Для многих подобных единиц характерна двусложная структура, в которой компонент 求 («просить») сохраняет базовое значение просьбы, тогда как первый компонент уточняет её прагматические характеристики.

Так, глагол 恳求 подчёркивает искренность и настойчивость просьбы, но не обязательно предполагает зависимое положение говорящего:

(13) 我恳求您能帮助我这弱女子加入中国国籍。(CCL)(Я прошу вас помочь мне, слабой женщине, стать гражданкой Китая.)

Глагол 央求, напротив, обычно маркирует более высокий уровень коммуникативной зависимости говорящего от адресата:

(14) 我求您，我央求您，怜悯怜悯他。(CCL)(Прошу вас, умоляю вас, помилуйте его.)

Сопоставление примеров показывает, что различия между данными глаголами обусловлены не столько интенсивностью просьбы, сколько особенностями статусных отношений между участниками коммуникации.

Следует отметить, что в китайском языке эмоциональная интенсивность просьбы может дополнительно усиливаться посредством редупликации глагола. Подобный способ особенно характерен для разговорной речи. Ср.:

(15) 二姐，我求你，不要杀他！(CCL) (Вторая сестра, прошу тебя, не убивай его!)

(16) 刘云，我求求你，离婚吧！(CCL) (Лю Юнь, я прошу прошу тебя, давай разведемся!)

В примере (16) редупликация формы 求 служит средством усиления эмоционального воздействия и указывает на высокую степень заинтересованности говорящего в достижении желаемого результата. Тем самым китайский язык располагает дополнительными морфосинтаксическими средствами выражения интенсивности просьбы, которые отсутствуют в русском языке.

5. Предложения и советы

К пятой группе перформативных глаголов Ю.Д. Апресян относит глаголы *вызывать, звать, предлагать, приглашать, призывать, рекомендовать, советовать* [1].

Анализ материала показывает, что данная группа характеризуется относительно высокой степенью межъязыковой эквивалентности. В отличие от перформативных глаголов со значением признания, обещания или просьбы, рассматриваемые глаголы обладают более четко дифференцированной семантикой и менее выраженной культурно обусловленной прагматической спецификой. Вследствие этого при их переводе на китайский язык, как правило, сохраняются как иллокутивная цель высказывания, так и его коммуникативная функция.

Наиболее устойчивыми соответствиями являются следующие пары: вызывать – 号召, звать – 呼唤, предлагать – 提议, приглашать – 邀请, призывать – 呼吁, рекомендовать – 推荐, советовать – 建议.

6. Предупреждения и предсказания

К шестой группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *предостерегать, предупреждать, предрекать, предсказывать, предвещать* [1].

6.1. Частотность употребления русских перформативов

Предварительный анализ данных Национального корпуса русского языка показал, что большинство глаголов данной группы сравнительно редко реализуются в собственно перформативной функции.

По данным НКРЯ (поиск в основном корпусе, 25 марта 2026 г.), формы *предостерегаю* зафиксированы 57 раз, *предрекаю* – 23 раза, *предсказываю* – 104 раза, *предвещаю* –7 раз. При этом значительная часть употреблений относится к художественным текстам XIX–XX вв.

Полученные данные позволяют предположить, что в современном русском языке данные глаголы постепенно утрачивают продуктивность в качестве перформативов и все чаще используются для описания действия, а не для непосредственного осуществления речевого акта. По этой причине дальнейший анализ сосредоточен на глаголе *предупреждать*, который сохраняет высокую функциональную активность в современной коммуникации.

6.2. Глагол *предупреждать*

Согласно толковому словарю русского языка, глагол *предупреждать* имеет несколько значений: 1. заранее известить, уведомить. 2. заранее принятыми мерами отвратить. 3. опередить кого-н., сделать что-н. ранее, чем что-н. произошло [7]. Перформативное употребление характерно прежде всего для первого значения.

Материал НКРЯ позволяет выделить три основные коммуникативные модели употребления данного глагола.

6.2.1. Предупреждение как угроза или предостережение

В ряде случаев перформатив *предупреждаю* используется для информирования адресата о возможных негативных последствиях его действий. В подобных контекстах данный глагол семантически сближается с глаголом *предостерегать*.

（17）Остановитесь! Предупреждаю! Мы не допустим беспорядков! [В.М. Шапко. Грузок, what is it горка and липка? // «Волга», 2014] (快停止！我警告你! 我们不允许发生骚动！)

（18）Не подумайте, что пугаю! Предупреждаю! [коллективный. Форум: Свято-Филаретовский институт прокомментировал участие сотрудницы в акции в поддержку Pussy Riot (2013)] (不要以为我在吓唬你! 我警告你!)

В обоих примерах русскому перформативу соответствует китайский глагол 警告. Следует отметить, что русский глагол *предупреждать* обладает более широкой семантикой и может использоваться как в нейтральных, так и в конфликтных коммуникативных ситуациях. Китайский глагол 警告, напротив, обычно предполагает наличие потенциальной угрозы или санкции. Поэтому при переводе происходит определенное прагматическое усиление исходного высказывания: предупреждение интерпретируется как более жесткое речевое воздействие.

6.2.2. Предупреждение как предварительное сообщение

Другой тип употребления связан с сообщением информации, которую адресат должен учитывать заранее.

(19) Предупреждаю, я не смотрел отчёты, а просто взял с другого форума [коллективный. Форум: Энергосбыты (2008)] (提前告诉你，我没有看报告，我只是从另一个论坛上拿的。Заранее тебе говорю, я не смотрел отчёты, а просто взял с другого форума).

(20) Но, предупреждаю: в понедельник я должен улететь в Москву [В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва». № 11. 12. 2004] (但是，提前告诉你：星期一我要飞去莫斯科。(Но, заранее тебе говорю, в понедельник я должен улететь в Москву).

В приведённых примерах русский перформатив не содержит элемента угрозы или предостережения. Его функция заключается в предварительной организации информационного пространства коммуникации. В китайском языке данное значение обычно передаётся не специальным перформативным глаголом, а сочетанием наречия 提前 («заранее») с глаголами 告诉 («сообщить») или 说 («говорить»). Это свидетельствует о том, что соответствующее перформативное значение в китайском языке выражается преимущественно аналитическими средствами.

6.2.3. Предупреждение как средство регуляции поведения

Особый интерес представляют случаи официальной и публичной коммуникации, в которых глагол *предупреждать* используется для воздействия на поведение адресата, ср.:

(21) Предупреждаем хозяйственных субъектов о недопустимости использования ситуации, которая возникла в результате стихийного бедствия [Иван Погодин. Западная Украина: АМКУ мониторит цены в пострадавших районах // Новый регион 2, 15.08.2008.].

(22) 在此提醒各经营主体，请不要利用自然灾害并从中得利。(Здесь мы предупреждаем хозяйственных субъектов о недопустимости использования ситуации, которая возникла в результате стихийного бедствия.)

(23) Уважаемые читатели, предупреждаем Вас о вреде чрезмерного потребления пива и напитков на его основе [Конкурс. Участвуйте и побеждайте! // Советский спорт, 09.11.2006.].

(24) 亲爱的读者，我们提醒您，过量饮用啤酒和啤酒类饮料对身体有害。(Уважаемые читатели, напоминаем вас о вреде чрезмерного потребления пива и напитков на его основе.)

В обоих случаях русскому глаголу *предупреждать* соответствует китайский глагол 提醒 («напоминать», «обращать внимание»). Подобный перевод позволяет сохранить побудительную направленность высказывания, одновременно снижая степень категоричности воздействия на адресата. Таким образом, в китайской коммуникативной практике наблюдается тенденция к использованию более мягких средств речевого воздействия, что согласуется с общей ориентацией китайского речевого этикета на поддержание коммуникативной гармонии.

7. Требования и приказы

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *наказывать, настаивать, поручать, предлагать, приказывать, ставить условие, требовать* [1].

В целом большинство единиц данной группы имеют устойчивые соответствия в китайском языке. Однако сопоставительный анализ показывает, что различия проявляются не столько на семантическом уровне, сколько в частотности употребления и коммуникативных условиях реализации отдельных речевых актов.

7.1. Перформатив *ставить условие*

По данным НКРЯ, перформатив *ставлю условие* встречается сравнительно редко. В исследованном материале зафиксировано лишь семь употреблений данной формы, причём значительная часть примеров относится к художественным текстам советского периода, ср.:

(25) Но если часть ролей, мужская, то ставлю условие: мужская часть поручается девочкам.» [В.В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)]

(26) 我只好让步。不过我有一个条件:“你爱洗就让你洗。你可得讲个故事。”(CCL)(Я вынужден уступить. Но я ставлю тебе одно условие: «Хочешь стирать – стирай. Но ты должен рассказать мне историю.»)

В обоих примерах говорящий ограничивает свободу действий адресата посредством выдвижения обязательного условия. Однако способы языкового оформления данного речевого акта различаются. В русском языке используется эксплицитный перформатив *ставлю условие*, тогда как в китайском языке аналогичное значение чаще реализуется конструкцией 有一个条件 («есть одно условие»), которая не содержит перформативного глагола в строгом смысле слова.

Данное различие позволяет предположить, что в китайском языке речевой акт выдвижения условия чаще выражается описательными конструкциями, тогда как русский язык располагает специализированным перформативным средством для обозначения соответствующего коммуникативного действия.

8. Запреты и разрешения

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *воспрещать, запрещать, накладывать вето, давать право, позволять, разрешать, санкционировать* [1].

8.1. Глаголы *воспрещать* и *запрещать*

Особый интерес представляет сопоставление глаголов *воспрещать* и *запрещать*. Их денотативное значение практически совпадает, однако данные единицы различаются стилистически. Глагол *запрещать* является нейтральным средством выражения запрета, тогда как *воспрещать* характеризуется официально-книжной окраской, ср.:

(27) Нет, я непременно попрошу Леву, чтобы он поговорил с отцом». – «Я запрещаю это делать!» – однажды крикнул отец [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)].

(28) Никому сией рукописной “Почты Духов” не читать! Воспрещаю! Строжайше! – крикнул он грозно, выходя в присутствие [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

В китайском языке оба глагола обычно передаются глаголом 禁止, вследствие чего стилистическое противопоставление, характерное для русского языка, оказывается нейтрализованным.

По данным НКРЯ, форма *воспрещаю* встречается 28 раз, тогда как форма *запрещаю* – 542 раза. Показательно также, что краткие формы страдательных причастий употребляются значительно чаще соответствующих перформативов: *воспрещён* – 336 случаев, *запрещён* – 944 случая.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в русском языке запрет нередко выражается посредством пассивных конструкций. Ср.:

(29) Поэтому, например, ввоз автомашин с фрикционными деталями на основе асбеста в ряде стран запрещен [Кирилл Перепелкин. Асбест и его заменители // «Текстиль», 2002].

В подобных случаях внимание коммуникантов сосредоточивается не на субъекте запрета, а на самом факте существования ограничения. Как отмечает Н.С. Валгина, пассивные конструкции позволяют устранить или ослабить указание на конкретного производителя действия [2]. Таким образом, различия между русским и китайским языками затрагивают не только лексический, но и синтаксический уровень реализации перформативного значения запрета.

8.2. Глаголы *позволять* и *разрешать*

Во многих контекстах глаголы *позволять* и *разрешать* выступают как близкие по значению единицы. Однако анализ их употребления показывает наличие определённых прагматических различий.

Глагол *разрешать* обычно предполагает наличие институционального или статусного превосходства говорящего над адресатом и связан с реализацией права санкционировать определённое действие. Ср.:

(30) Если хочешь, Рыжий, можешь присоединиться. Разрешаю. Пользуйся моей добротой [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)] (雷日，如果你愿意的话，你可以加入我们。我允许你加入。接受我的善意吧。Если хочешь, Рыжий, можешь присоединиться. Разрешаю. Пользуйся моей добротой).

В данном примере говорящий явно демонстрирует своё право принимать решение относительно действий адресата. Поэтому китайским соответствием выступает глагол 允许, также выражающий санкционирование действия.

Глагол *позволять* обладает более широкой сферой употребления и может обозначать не только разрешение со стороны другого лица, но и оценку допустимости действия самим субъектом. Ср.:

(31) Дома я себе не позволяю, соблюдаю семейный очаг, а здесь – отчего нет? [И. Грекова. На испытаниях (1967)](在家里我不允许自己这样做，我要照顾家庭，但在这里，为什么不呢？Дома я себе не разрешаю, соблюдаю семейный очаг, а здесь – отчего нет?)

В данном случае речь идёт не о межличностном разрешении, а о внутренней норме поведения, устанавливаемой самим субъектом. При переводе на китайский язык различие между *позволять* и *разрешать* практически исчезает, поскольку в обоих случаях обычно используется глагол 允许.

Следовательно, русский язык в большей степени разграничивает внешнее разрешение и внутреннюю допустимость действия, тогда как в китайском языке данное противопоставление выражено менее последовательно.

8.3. Книжные перформативы

Отдельную подгруппу образуют перформативы *накладывать вето, давать право, санкционировать*, функционирующие преимущественно в официально-деловом, юридическом и политическом дискурсах.

Сопоставительный анализ показывает, что данным единицам соответствуют китайские эквиваленты 否决, 授权 и 批准, которые близки русским перформативам как по семантике, так и по стилистическим характеристикам.

Например, русский перформатив *санкционирую* и китайский 批准 предполагают наличие у говорящего официально закреплённых полномочий на принятие решения. Аналогичным образом глаголы *накладывать вето* и 否决 функционируют преимущественно в институциональной коммуникации и связаны с реализацией властных полномочий.

В отличие от ранее рассмотренных групп, здесь наблюдается высокая степень межъязыковой эквивалентности, поскольку соответствующие речевые действия обусловлены не столько национально-культурной спецификой, сколько особенностями правовых и административных институтов.

9. Согласия и возражения

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *признавать, соглашаться, возражать, оспаривать, отказываться, протестовать, спорить* [1].

9.1. Глаголы *оспаривать* и *спорить*

Несмотря на близость коммуникативной функции, глаголы *оспаривать* и *спорить* обладают различной семантикой. Глагол *спорить* обозначает выражение несогласия с позицией собеседника и участие в коммуникативном противостоянии, тогда как *оспаривать* предполагает сомнение в истинности, обоснованности или правомерности определённого утверждения, решения либо оценки.

В китайском языке данное различие во многих случаях нейтрализуется, поскольку оба глагола могут передаваться словами 争辩 или 反驳. Ср.:

(32) Я, хоть и сомневаюсь, но не спорю: у меня привычка – никогда не спорить [С.И. Шуляк. Шпион // «Волга», 2012] (我虽然有疑问，但不争辩：我有从不争辩的习惯。Я, хоть и сомневаюсь, но не спорю: у меня привычка – никогда не спорить).

(33) Я и не оспариваю, товарищ Терешников, а напоминаю суть [Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)] (我不是在争辩，捷列什尼科夫同志，我只是在提醒你注意这一点。Я и не спорю, товарищ Терешников, а напоминаю суть).

Анализ материала НКРЯ показывает, что обе рассматриваемые единицы часто используются в отрицательной форме. Среди 1122 употреблений формы *спорю* 928 случаев представлены сочетанием *не спорю*, а среди 65 употреблений формы *оспариваю* 48 употреблений приходится на сочетание *не оспариваю*. Подобная частотность свидетельствует о том, что отрицательные формы данных перформативов выполняют важную прагматическую функцию: они позволяют говорящему продемонстрировать готовность к сотрудничеству и смягчить потенциально конфликтный характер коммуникации.

В китайском языке аналогичная прагматическая стратегия обычно реализуется не посредством отрицательных форм глаголов 争辩 или 反驳, а при помощи специальных смягчающих конструкций, например, 我不是这个意思 («Я не это имею в виду»), 我并不反对 («Я не возражаю») или 我只是想说明一点 («Я лишь хотел бы уточнить один момент»). Таким образом, различия между русским и китайским языками проявляются не столько на уровне семантики перформативов, сколько на уровне способов выражения коммуникативной вежливости и смягчения несогласия.

10. Одобрения

К данной группе Ю.Д. Апресян относит глаголы *благословлять, одобрять, рекомендовать, утверждать, хвалить* [1].

Особый интерес представляет глагол *благословлять*, поскольку его перформативное употребление тесно связано с религиозным и семейно-ритуальным дискурсом. Анализ данных НКРЯ показывает, что данный глагол функционирует преимущественно в ситуациях, предполагающих наличие сакрального или символического авторитета субъекта речи. В отличие от большинства других перформативов рассматриваемой группы, *благословлять* не имеет полного функционального эквивалента в современном китайском языке, ср.:

(34) Благословляю вас, мои дорогие дети на вновь избранный вами жизненный путь и желаю вам всевозможных благ земных [Ирина Озёрная. Пан круль Ежи Перший // «Октябрь», 2013] (亲爱的孩子们，我祝福你们在人生新道路上的选择，并祝愿你们获得人间的一切福报。).

В переводной практике данный глагол обычно передаётся глаголами 祝福, 赐福 или описательными конструкциями, однако ни одна из них не воспроизводит в полной мере характерную для русского языка религиозную составляющую значения. Так, китайское 祝福 обозначает пожелание благополучия и может использоваться практически любым говорящим, тогда как русское *благословлять* предполагает наличие особого символического права на совершение соответствующего речевого акта.

Остальные глаголы данной группы обладают относительно устойчивыми эквивалентами в китайском языке: одобрять – 赞同, рекомендовать – 推荐, утверждать (в значении одобрения решения) – 批准 или 认可, хвалить – 称赞. В большинстве случаев существенных расхождений между русскими и китайскими средствами выражения одобрения не наблюдается.

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что при наличии формальных лексических соответствий русские и китайские перформативные глаголы нередко различаются по объёму значения, прагматическим функциям и сфере употребления. Наиболее заметные расхождения обнаруживаются в тех случаях, когда перформатив отражает культурно обусловленные нормы речевого поведения. Данное наблюдение подтверждает необходимость комплексного семантико-прагматического подхода к изучению перформативных глаголов в сопоставительном аспекте.

Выводы

Проведённое исследование позволило подвести итог сопоставительному рассмотрению русских и китайских перформативных глаголов и сформулировать следующие выводы.

Во-первых, анализ материала показал, что большинство русских перформативных глаголов имеют соответствия в китайском языке, однако степень их эквивалентности неодинакова. Наиболее полное соответствие наблюдается у перформативов, связанных с институциональной и официальной коммуникацией, тогда как единицы, отражающие национально-культурную специфику речевого поведения, значительно чаще обнаруживают расхождения в семантике и условиях употребления.

Во-вторых, установлено, что при передаче русских перформативных глаголов средствами китайского языка нередко происходит нейтрализация семантических, стилистических и прагматических различий. Ряд русских перформативов, принадлежащих к разным семантическим группам, переводится одной китайской

лексемой, что приводит к частичной утрате отдельных смысловых компонентов и коммуникативных оттенков.

В-третьих, сопоставительный анализ показал, что эквивалентность перформативных глаголов определяется не только их словарным значением, но и особенностями функционирования в речи. Существенное влияние на выбор переводческого соответствия оказывают коммуникативная ситуация, статусные отношения между участниками общения, степень категоричности речевого акта и национально-культурные нормы речевого поведения.

Таким образом, различия между русскими и китайскими перформативными глаголами носят не только лексико-семантический, но и прагматический характер, что необходимо учитывать, как в сопоставительных исследованиях, так и в практике межкультурной коммуникации и перевода.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 199 – 201.

2. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 215 с.

3. Васильева Ю.В. Понятийная особенность перформативных высказываний с глаголом “to suggest” в английской научной речи // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2022. № 3 (55). С. 55 – 67.

4. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М: Прогресс, 1985. 244 с.

5. Куликовская Е.Н. К вопросу об иллокутивной силе перформативных глаголов в заговорах // мирс. 2021. № 4 (22). С. 22 – 30.

6. Молодых В.И., Леонтьева Т.И. Об особенностях речевого акта извинения в китайской лингвокультуре // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. № 2 (227). 230 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А Темп», 2006. 938 с.

8. Остин Дж. Избранное. Как производить действия при помощи слов / пер. В.П.Руднева, Смысл и сенсибилии / пер. Л.В.Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 329 с.

9. Падучева Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Прогресс. 1994. С. 37 – 42.

10. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 238 – 250.

11. Соловцова Е.В. Экспрессивные эксплицитно-перформативные высказывания: лексико-семантический аспект // Восточнославянская филология. Языкознание: сборник научных трудов. 2025. № 19 (45). С. 78 – 90.

12. Чан Ваньцзюнь. Реквестивы в русском и китайском языках и культурах // Филология и культура. 2019. № 3 (57). С. 104 – 108.

13. У Цзяньфэн. Глаголы речи, глаголы речевого акта и перформативные глаголы // Исследования иностранных языков. 2021. № 2 (48). С. 48 – 53.

14. Сунь Илин, Лю Юнхуа. Исследование перформативности речеактовых конструкций // Вестник Северо-Восточного педагогического университета. Серия: Философия и социальные науки. 2022. № 5 (33). С. 33 – 39.

15. **李梦梦**. 现代汉语施为动词研究. **北京大学**硕士研究生学位论文. (Ли Мэнмэн. Исследование перформативных глаголов современного китайского языка: магистерская диссертация. Пекин, 2017. 65 с.)

16. **王丹**. **俄**汉语施为动词对比研究. **黑**龙江大学硕士研究生学位论文. (Ван Дань. Сопоставительное исследование русских и китайских перформативных глаголов: магистерская диссертация. Харбин, 2015. 85 с.)

17. Дун Сюфань. Речевые перформативные глаголы со значением обещания в китайском языке // Изучение китайского языка. 2010. № 2 (23). С. 23 – 30.

References

1. Apresyan Yu.D. Selected Works, Vol. II: Integral Description of Language and Systemic Lexicography. Moscow: Languages of Russian Culture School, 1995. P. 199 – 201.

2. Valgina N.S. Theory of Text. Moscow: Logos, 2003. 215 p.

3. Vasilyeva Yu.V. Conceptual features of performative utterances with the verb “to suggest” in English academic discourse. Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation. 2022. No. 3 (55). P. 55 – 67.

4. Vendler Z. Illocutionary suicide // New Developments in Foreign Linguistics. Issue 16. Moscow: Progress, 1985. 244 p.

5. Kulikovskaya E.N. On the issue of the illocutionary force of performative verbs in incantations. MIRS. 2021. No. 4 (22). P. 22 – 30.

6. Molodykh V.I., Leontyeva T.I. On the features of the speech act of apologizing in Chinese linguistic culture. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2020. No. 2 (227). 230 p.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., expanded. Moscow: A Temp LLC, 2006. 938 p.

8. Austin J. Selected Works. How to Do Things with Words. trans. V.P. Rudneva, Meaning and sensitivities. trans. L.V. Makeeva. M.: House of Intellectual Books, 1999. 329 p.

9. Paducheva E.V. Type and tense of the performative verb. Logical analysis of language: Language of speech actions. M.: Progress. 1994. P. 37 – 42.

10. Searle J. What is a speech act. New in foreign linguistics. Vol. 17. M.: Progress, 1986. P. 238 – 250.

11. Solovtsova E.V. Expressive explicit-performative statements: lexical-semantic aspect. Collection of scientific works “East Slavic philology. Linguistics". 2025. No. 19 (45). P. 78 – 90.

12. Chang Wanjun. Requests in Russian and Chinese languages and cultures. Philology and culture. 2019. No. 3 (57). P. 104 – 108.

13. Wu Jianfeng. Verbs of speech, verbs of speech act and performative verbs. Studies of foreign languages. 2021. No. 2 (48). P. 48 – 53.

14. Sun Yiling, Liu Yonghua. Study of the performativity of speech act constructions. Bulletin of the North-Eastern Pedagogical University. Series: Philosophy and Social Sciences. 2022. No. 5 (33). P. 33 – 39.

15. 李梦梦. 现代汉语施为动词研究. 北京大学硕士研究生学位论文. (Li Mengmeng. A Study of Performative Verbs in Modern Chinese: Master's Thesis. Beijing, 2017. 65 p.)

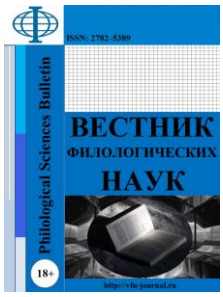
16. 王丹. 俄汉语施为动词对比研究. 黑龙江大学硕士研究生学位论文. (Wang Dan. Comparative study of Russian and Chinese performative verbs: master's thesis. Harbin, 2015. 85 p.)

17. Dong Xiufan. Speech performative verbs with the meaning of promise in Chinese. Study of the Chinese language. 2010. No. 2 (23). P. 23 – 30.

Информация об авторах

Мао Вэньли, *Пекинский университет, maowenli@stu.pku.edu.cn*

© Мао Вэньли, 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-199-203

[1] Никитина Е.А. ***[1] Сибирский федеральный университет***

Коллоквиальные сложные глаголы с наречным компонентом на базе глаголов *haben* и *sein* (на материале немецкого языка)

Аннотация: *статья посвящена исследованию коллоквиальных сложных глаголов с наречным компонентом на базе глаголов haben и sein в немецкой разговорной речи (Umgangssprache). Рассматриваются две группы единиц: сложные глаголы с наречиями направленности в качестве первого компонента (absein, hinsein, heraushaben, weghaben и др.) и структуры с наречиями различных семантических групп (anhaben, aushaben, zusein, durchsein и др.). Анализируется семантическая структура исследуемых единиц, их многозначность, идиоматичность и синонимические отношения. Устанавливается, что разговорная маркированность возникает не за счёт особых словообразовательных механизмов, а вследствие семантико-стилистического переосмысления компонентов, нарушения внутренней валентности и метафоризации. Выявляется роль контекста в конкретизации значений многозначных единиц. Отмечается активное участие рассматриваемых глаголов в составе фразеологических конструкций.*

Ключевые слова: *немецкая разговорная речь, коллоквиализмы, сложные глаголы, словообразование, наречный компонент, глаголы haben и sein, многозначность, идиоматичность*

Для цитирования: Никитина Е.А. Коллоквиальные сложные глаголы с наречным компонентом на базе глаголов *haben* и *sein* (на материале немецкого языка) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 199 – 203. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-199-203

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Nikitina E.A. ***[1] Siberian Federal University***

Colloquial compound verbs with an adverbial component based on the verbs *haben* and *sein* (on the German language material)

Abstract: *the article examines colloquial compound verbs with adverbial components based on the verbs haben and sein in German colloquial speech (Umgangssprache). Two groups of units are analysed: compound verbs with directional adverbs as the first component (absein, hinsein, heraushaben, weghaben, etc.) and structures with adverbs of various semantic groups (anhaben, aushaben, zusein, durchsein, etc.). The semantic structure of the studied units is analysed, along with their polysemy, idiomaticity, and synonymic relations. It is established that the colloquial marking arises not from special word-formation mechanisms, but rather from the semantic and stylistic reinterpretation of components, the violation of internal valency, and metaphorisation. The role of context in the specification of meanings of polysemous units is identified. The active participation of the analysed verbs in phraseological constructions is noted.*

Keywords: *German colloquial speech, colloquialisms, compound verbs, word formation, adverbial component, verbs haben and sein, polysemy, idiomaticity*

For citation: Nikitina E.A. Colloquial compound verbs with an adverbial component based on the verbs *haben* and *sein* (on the German language material). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 199 – 203. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-199-203

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Немецкая разговорная речь (Umgangssprache) представляет собой один из наиболее динамичных уровней языковой системы. Проблематика разговорной речи находится в стадии активной разработки, в то время как сравнительно недавно проявления и формы разговорной речи находились на периферии научных исследований и были областью малоизученной. На данном этапе языкознания теоретическое и практическое значение коллоквиалистики как науки обосновано целым рядом исследований в области словообразовательной проблематики, семантической деривации, синтаксиса и общих вопросов разговорной речи. Как отмечал В.Д. Девкин, немецкая обиходная повседневная речь «есть самая древняя и самая основная форма существования языка» [4, с. 15]. Разговорная речь характеризуется рядом специфических черт, среди которых особое место занимает продуктивность словообразовательных процессов, формирующих лексику с разговорной маркированностью. Одной из отличительных черт немецкого языка является способность адвербиальных единиц присоединяться к глаголам различных семантических групп, образуя сложные глагольные структуры. В данной работе рассматриваются коллоквиальные сложные глаголы с адвербиальным компонентом на базе глаголов *haben* и *sein*.

Материалы и методы исследований

Материалами анализа служат коллоквиальные (разговорно-окрашенные) сложные глаголы с наречием в качестве первого компонента на базе глаголов *haben, sein* в современном немецком языке, почерпнутые из лексикографических источников: Универсальный словарь Дуден [8], и Словарь идиом Дуден [9].

Задачами настоящего исследования являются: 1. Выяснение специфики возникновения стилистической маркированности (разговорности) у исследуемых единиц. 2.Определение роли наречных морфем в составе сложных глаголов на базе глаголов *haben* и *sein*.

Методологический инструментарий: 1. Сплошная выборка исследуемых глаголов из лексикографических источников. 2. Компонентный анализ (для выявления семантической структуры коллоквиальных сложных глаголов). 3. Трансформация (для выяснения характера мотивированности производных лексических единиц).

Результаты и обсуждения

В работах В.А. Заречневой [5] и в диссертационном исследовании Л.И Аркбауэр [1], посвящённым коллоквиальным единицам современного немецкого языка, было установлено, что особенностью немецкой разговорной речи является наличие сложных глаголов с наречным компонентом на базе глаголов *haben, sein*, модальных глаголов и глаголов с широкой референцией. Многозначность подобных глагольных единиц происходит за счёт переосмысления наречных компонентов различной семантики.

Глаголы *haben* («иметь») и *sein* («быть») относятся к группе неправильных глаголов, не подчиняющихся стандартным формообразовательным моделям [10, 11]. В качестве самостоятельных глаголов они выражают соответственно значение обладания и бытия/состояния. Как вспомогательные глаголы они служат для образования сложных временных форм (Perfekt, Plusquamperfekt, Futur II), причём выбор между *haben* и *sein* зависит от семантики смыслового глагола: *sein* используется с глаголами движения и изменения состояния, *haben* – с переходными и большинством непереходных глаголов. Эта двойственность – способность выступать и как полнозначные, и как служебные единицы – создаёт богатую основу для образования сложных коллоквиальных глаголов.

Несмотря на тот факт, что основной функцией глаголов *haben, sein* является грамматическая, следует отметить, что в коллоквиальном глагольном словосложении эти глаголы проявляют словообразовательную активность. Разговорная окрашенность глаголов *haben* и *sein* с наречным компонентом возникает вследствие нарушения закона внутренней валентности слова. В качестве первого компонента могут выступать наречия направленности и адвербиальные единицы других семантических групп. К коллоквиальным сложным глаголам с опорными глаголами *haben* и *sein* и наречиями направленности в качестве первого компонента относятся: *absein, abhaben, herhaben, heraushaben, herumhaben, hinhaben, weghaben, zurückhaben, auseinandersein, dahinsein, dabeisein, heransein, heraussein, hersein, heruntersein, hinsein, hinterhersein, hinuntersein, hinübersein, hinwegsein, wegsein*.

Рассматривая модель «показатель направления + глагол sein», П.Ф. Монахов отмечает, что семантикой данной модели является констатация итога (предела, цели, начала) направленного движения. Предложения, построенные по этой модели, имеют окраску стиля разговорной речи. Внимание в таких структурах сосредоточено на итоге или начале движения: само движение (его вид, скорость) в таких предложениях само собой разумеется или ясно из ситуации (контекста) [6].

Большинство анализируемых глаголов являются многозначными единицами. В главном значении наречный компонент сохраняет пространственное значение. Основным значением анализируемых единиц является указание на направление совершенного действия. *hinaufsein: hinaufgegangen, hinaufgefahren sein; heransein: herangekommen sein; hinaussein: hinausgegangen, -gefahren sein; hinuntersein: hinuntergegangen, hinuntergefahren sein; hinwegsein: hinweggekommen sein.* Наречный компонент обозначает не только направление, но и заставляет предполагать наличие самого действия. Например: *Er ist auf einen halben Meter heran. Wir sind bereits über die Ortsgrenze hinaus.* Исследуемые словообразовательные конструкции не являются усечением глагола движения, так как примысливаемый глагол не может быть вставлен в предложение, например: *Mit der Reise ins Disneyland, die ich in dem Sommer gewann, war für mich die Kindheit vorbei.* Данные словообразовательные конструкции отражают существующую в языке тенденцию к экономии языковых средств. Наречный компонент сохраняет своё исконное значение во всей семантической структуре. Так, например, глагол *heruntersein* обнаруживает следующие значения: 1. быть опущенным, находиться внизу: die *Jalousien waren noch herunter*. 2. быть без сил, опустошённым: *völlig mit den Nerven herunterrsein*. 3. упасть, понизиться: *das Fieber ist herunter*. 4. разориться, прийти в упадок: *die Firma, der Hof ist total herunter*. Многозначность анализируемых коллоквиальных сложных глаголов затрудняет их понимание. Большую роль при этом играет контекст, за счёт которого происходит конкретизация значения.

Некоторые сложные глаголы с опорными глаголами *haben* и *sein* аккумулируют в своей семантической структуре значения, присущие сложным словообразовательным конструкциям на базе полнозначных глаголов с тем же наречным компонентом. Так глагол *heraushaben* объединяет в своей семантической структуре значение глаголов *herausbekommen, herausdividieren, herausknöbeln*. Глагол *heraushaben* имеет следующие значения: 1. убрать, удалить что-либо: *den Schmutz aus der Wasche, den Nagel aus der Latte heraushaben.* 2. а) овладеть чем-либо, понять смысл чего-либо: *er hatte schnell heraus, wie das gemacht wird*; б) решить, найти решение чего-либо: *das Rätsel heraushaben;* в) выведать, узнать что-либо: *die Polizei hatte bald heraus, wer der Dieb war.* 3. вернуть назад что-либо: *das Geld, den vollen Preis wieder heraushaben.*

Сложные глаголы на базе *haben, sein* являются идиоматичными единицами. Возникновению идиоматичности анализируемых единиц способствует тот факт, что пространственное наречие частично или полностью утрачивает своё конкретное значение и становится выразителем более абстрактных значений, таких как степень интенсивности действия. Так наречный компонент глагола *hinsein* подвергся переосмыслению и данная единица имеет следующие значения: 1. а) потерять что-либо, быть потерянным: *das Geld ist hin*; б) износиться, истрепаться и т.д. и вследствие этого быть непригодным: *die Vase, die Tasche ist hin*; в) быть измученным, усталым: *ich verstehe nicht, warum ich so hin bin*; г) быть разрушенным до основания: *die Firma ist hin*; д) умереть: *der Hund ist hin*; е) быть воодушевлённым, охваченным страстью. 2. уехать, уйти куда-либо: *sie ist gerade hin*. Как видно из семантической структуры глагола *hinsein*, значение направления, свойственное наречию *hin,* в полной мере сохранилось не в главном, а в дополнительном значении.

Некоторые из анализируемых сложных глаголов обнаруживают синонимичные значения с другими подобными сложными глаголами. Так, например, для глаголов *weghaben, absein* синонимичным является главное значение; *"entfernt, beseitigt haben/sein*". Например: *Es dauerte einige Zeit, bis sie den Fleck, Schmutz weghatte. Die Hütte soll weit von jeder menschhchen Behausung absein.* Другие значения являются различными.

Глагол *weghaben* обнаруживает следующие дополнительные значения; 1. получить, схватить что-либо (неприятное); *bei so einem Wetter hat man schnell eine Erkältung weg.* 2. а) понять смысл чего-либо; *er hatte sofort weg, wie es gemacht werden muss*; б) разбираться, понимать толк в чём-либо; *auf diesem Gebiet, in Literatur hat er was weg.* Глагол *absein* обнаруживает кроме главного значения «быть удалённым» другие дополнительные значения: 1. быть отделённым, оторванным: *der Knopf, die Farbe ist fast ganz ab*. 2. быть усталым, измотанным: sie war völlig ab.

Вторую группу коллоквиальных сложных глаголов на базе единиц *sein* и *haben* образуют структуры с наречиями, принадлежащими различным семантическим группам (*aus, bei, zu* и т.д.). К данному ряду относятся: *anhaben, aufhaben, aushaben, beisein, durchhaben, zuhaben, ansein, aufsein, aussein, durchsein, mitsein, zusein.* Данные глаголы являются также многозначными единицами. Многозначность данных глаголов объясняется нечёткой, расплывчатой семантикой наречного компонента. Подобные наречия получили название диффузы [7].

Т.А. Юшкова отмечает, что при словообразовательной активности предглагольных частиц необходимо учитывать их специфику, семантические и валентностные особенности. В качестве примера автор приводит компонент *durch*, который входит в состав 57 лексем [7, с. 6]. Многозначность наречия *durch* в составе сложных глаголов на базе глагола *sein* можно проиллюстрировать следующими примерами: *Der Bus, der Zug ist schon durch* (уехал); *Die Schuhe sind durch* (износились); *die Hose ist durch* (протёрлись); *der Käse ist durch* (выдержан); *er ist bei mir (unten) durch* (не существует); *es ist drei Uhr durch* (четвёртый час); *die ganze Woche durch* (целую неделю); *wir müssen durch* (мы должны пройти, преодолеть трудности); *durch und durch* (насквозь).

Конкретизация значения коллоквиального сложного глагола происходит за счёт контекста. Так в зависимости от контекста глагол *aufhaben* обнаруживает следующие значения: 1. надеть что-либо (шляпу, очки): *sie hat ihre Brille nicht aufgehabt.* 2. получить задание*: haben wir für morgen etwas in Englisch auf?* 3. а) быть открытым: *wir haben die Tür auf (offenstehen);* б) быть открытым, работать: *der Bäcker hat schon ab 7 Uhr auf.* 4. съесть что-либо: *er hat sein Brot noch nicht auf.*

Главным значением глаголов *anhaben, aushaben* в зависимости от наречного компонента *an/aus* является «быть одетым, иметь что-либо на себе из одежды/снять что-либо, быть раздетым», например: *Ich sah, dass er neue Schuhe anhatte.* Наречный компонент в рассмотренных сложных структурах замещает глаголы *anziehen/ausziehen* и служит для экономии языковых средств. Однако в ходе дальнейшего семантического развития данные единицы обнаруживают различия в значениях. Глагол *aushaben* имеет дополнительные значения: 1. прочитать что-либо до конца; 2. а) выпить, съесть что-либо; б) выпить, съесть что-либо до конца; 3. закончить учёбу в школе.

Несмотря на общность наречного компонента глаголов *aussein, ansein* и *anhaben, aushaben*, значение первых двух единиц отличается от сложных глаголов на базе глагола *haben*. Так семантическая структура глагола *aussein* состоит из 5 значений: 1. заканчиваться: *die Schule ist aus*. 2. а) потухнуть, не гореть: *das Feuer ist aus;* б) быть выключенным: *die Lampe ist aus*. 3. хотеть чего-то, стремиться к чему-либо: *er war auf diesen Posten aus*. 4. выйти куда-либо: *wir sind gestern ausgewesen*. 5. (спорт.) быть в ауте: *der Ball ist aus!* 6. (спорт.) быть исключённым из игры: *nachdem er den Ball dreimal verfehlt hatte, war er aus.*

Ряд авторов отмечают, что глаголы *haben* и *sein* являются самым частотным компонентом в составе немецких фразеологизмов [2, 3]. Это факт находит подтверждение при анализе фразеологизмов с коллоквиальными сложными глаголами на базе единиц *haben/sein.* Анализ лексикографических источников свидетельствует об активности участия анализируемых глаголов в составе фразеологизмов, *например*:

auf-und davonsein – heimlich verschwunden sein;
einen abhaben – 1. betrunken sein. 2. nicht recht gescheit sein;
bei jmdm. unten durchsein – jmds. Wohlwollen verloren, verscherzt haben;
in ein Mädchen ganz hinsein – ganz verliebt sein, ganz verschossen sein;
einen weghaben – 1. [leicht] betrunken sein. 2. nicht recht bei Verstand sein;
ein (schon) heraussein – in günstigen Verhältnissen sein.

Дальнейшее развитие значения у колиоквиальных сложных глаголов с наречным компонентом на базе единиц *haben* и *sein*, их участие во фразеологических конструкциях свидетельствует о большой активности употребления данных единиц в разговорной речи.

Выводы

Анализ данных позволяет сделать вывод, что коллоквиальные сложные глаголы с наречным компонентом на базе глаголов *haben* и *sein* представляют собой продуктивный и стилистически значимый пласт разговорной лексики немецкого языка. Их образование опирается на общие словообразовательные модели немецкого языка (словосложение), однако результат такого словообразования несёт на себе ярко выраженную разговорную маркировку. Обладая максимально абстрактной семантикой (обладание и бытие соответственно), анализируемые сложные глаголы служат удобной глагольной основой, которая конкретизируется наречным компонентом. В результате переосмысления, нарушения внутренней валентности и метафоризации возникают новые коллоквиальные единицы, отличающиеся экспрессивностью, ситуативной обусловленностью и коммуникативной гибкостью.

Список источников

1. Аркбауэр (Айзенберг) Л.И. Наречия-коллоквиализмы современного немецкого языка.: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2000. 217 с.
2. Борисова Т.И. О формах реализации грамматических категорий в структуре немецкого фразеологизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 387 – 392.

3. Дорошенко Н.С., Литвин М.И. Грамматический аспект синтагматических отношений фразеологических единиц в немецком языке // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27). С. 79 – 81.
4. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 365 с.
5. Заречнева В. А. Коллоквиальные сложные глаголы в современном немецком языке.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1981. 16 с.
6. Монахов П.Ф. Способы обозначения направленного движения в современном немецком языке.: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.00.00. Москва, 1961. 19 с.
7. Юшкова Л.А. Глагольные единицы с предложными частицами в немецкой разговорной лексике: к вопросу об их словообразовательном статусе и специфике // Мир лингвистики и коммуникации (электронный научный журнал). Тверь. 2015. № 4. URL: file:///C:/Users/nikit/Downloads/14_41%20(1).pdf (дата обращения: 20.08.2026).
8. Duden – Deutsches Universalwörterbuch: Das große Bedeutungswörterbuch / hrsg. von der Dudenredaktion. 10., überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2023. 2160 c.
9. Duden – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / herausgegeben von der Dudenredaktion. 4. Aufl. Berlin: Duden, 2013. 928 c.
10. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., vollständig überarb. Aufl. Berlin / Boston: De Gruyter, 2012. 484 c.
11. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., verb. und erw. Auflage. Moskau: Vysšaja Škola, 1983. 344 c.

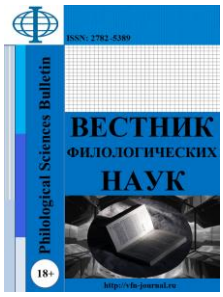
References

1. Arkbauer (Eisenberg) L.I. Colloquial Adverbs in Modern German: Candidate of Philological Sciences dissertation: 10.02.04. Moscow, 2000. 217 p.
2. Borisova T.I. On the forms of realization of grammatical categories in the structure of German phraseological units. Izvestiya of Saratov University. New Series. Philology. Journalism. 2020. Vol. 20. Iss. 4. P. 387 – 392.
3. Doroshenko N.S., Litvin M.I. The grammatical aspect of syntagmatic relations of phraseological units in German. Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 3 (27). P. 79 – 81.
4. Devkin V.D. German Colloquial Speech: Syntax and Lexis. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1979. 365 p.
5. Zarechneva V.A. Colloquial Compound Verbs in Modern German: Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation: 10.02.04. Moscow, 1981. 16 p.
6. Monakhov P.F. Ways of Denoting Directed Motion in Modern German: Abstract of Candidate of Philological Sciences dissertation: 10.00.00. Moscow, 1961. 19 p.
7. Yushkova L.A. Verbal units with prepositional particles in German colloquial lexis: on the issue of their word-formation status and specifics. World of Linguistics and Communication (electronic scientific journal). Tver. 2015. No. 4. URL: file:///C:/Users/nikit/Downloads/14_41%20(1).pdf (accessed: 08.20.2026).
8. Duden – Deutsches Universalwörterbuch: Das große Bedeutungswörterbuch. hrsg. von der Dudenredaktion. 10., überarbeitete und erweiterte Auflage. Berlin: Dudenverlag, 2023. 2160 p.
9. Duden – Redewendungen: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. herausgegeben von der Duden-redaktion. 4. Aufl. Berlin: Duden, 2013. 928 p.
10. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., vollständig überarb. Aufl. Berlin. Boston: De Gruyter, 2012. 484 p.
11. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3., verb. und erw. Auflage. Moskau: Vysšaja Škola, 1983. 344 p.

Информация об авторах

Никитина Е.А., *кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Свободный проспект, д. 82а, injaz@inbox.ru*

© Никитина Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-3
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-204-211

[1] Нужная Т.В. ***[1] Санкт-Петербургский государственный университет***

Жанровые модификации современной петербургской прозы (на примере творчества С. Арно)

Аннотация: *цель статьи – выявление жанровых модификации современной петербургской прозы на примере творчества С. Арно. Для определения особенностей романов писателя кратко прослеживается история отдельных жанровых разновидностей: иронический детектив и психологический триллер. Показано, что вышеуказанные жанры имели большую популярность в 1990-е – 2000-е годы в России. Они оказали влияние на развитие литературного процесса того времени. В результате анализа романов С. Арно «Квадрат для покойников» и «Живодерня» в них был обнаружен синтез наиболее типичных приемов обоих жанровых разновидностей. Определено, что в романах петербургского писателя на содержательном уровне серьезная проблема и тревожная неопределенность сталкиваются с юмористической подачей, а драматическая ирония создает ощущение несоответствия ожидания и сюжетной мотивировки. Ярким нарративным приемом в романах служит контраст тона и события. На композиционном уровне – это смешение сюжетных линий, что создает ощущение нелепицы происходящего, интригует и держит в напряжении до конца произведения. Демонстрируется, что автор романов мастерски пользуется психологическими приемами: нарастание внутреннего психологического конфликта героя и повышение градуса напряженности, что становится своеобразным эмоциональным маятником для читателя. Выявлен наиболее значимый маркер нового гибридного жанра иронического психологического триллера – это прием «комедии положения» за счет динамичного развития сюжета и нагромождения недоразумений. На стилистическом уровне соответствие синтезу жанровых форм достигается за счет лексических и синтаксических приемов. Доказывается, что С. Арно является основоположником новой жанровой разновидности – иронического психологического триллера. Его романы становятся примерами гармоничного синтеза двух жанровых форм, которые значительно обогащают систему и внутреннее содержание жанра романа и качественно расширяют границы авторского стиля.*

Ключевые слова: *русская литература XXI века, петербургская проза, жанровые модификации, иронический психологический триллер, С. Арно*

Для цитирования: Нужная Т.В. Жанровые модификации современной петербургской прозы (на примере творчества С. Арно) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 204 – 211. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-204-211

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Nuzhnaya T.V. ***[1] St. Petersburg State University***

Genre modifications in contemporary St. Petersburg prose (a case study of S. Arno's novels)

Abstract: *the aim of this article is to identify genre modifications in contemporary St. Petersburg prose, using the novels of S. Arno as a case study. To define the characteristics of the author's novels, the article briefly traces*

the history of two specific genre varieties: the ironic detective story and the psychological thriller. It demonstrates that these genres enjoyed great popularity in Russia during the 1990s and 2000s and influenced the literary landscape of that era. An analysis of S. Arno's novels "Dead men's quarter" and "Unmerciful" reveals a synthesis of the most typical techniques from both genres. It has been established that, at the level of content in the St. Petersburg writer's novels, serious issues and unsettling uncertainty clash with a humorous mode of presentation, while dramatic irony creates a sense of incongruity between expectations and narrative motivation. A striking narrative device employed in the novels is the contrast between tone and event. At the compositional level, the interweaving of plot lines creates a sense of absurdity, generating intrigue and maintaining suspense until the very end of the work. It is demonstrated that the novelist masterfully employs psychological techniques–such as the escalation of the protagonist's internal psychological conflict and the heightening of tension–creating an emotional pendulum effect for the reader. The study identifies the most significant marker of the new hybrid genre of the ironic psychological thriller: the use of "situational comedy," driven by a dynamic plot and an accumulation of misunderstandings. At the stylistic level, the synthesis of genre forms is achieved through lexical and syntactic devices. It is argued that S. Arno is the pioneer of a new genre variant: the ironic psychological thriller. His novels exemplify a harmonious synthesis of two genre forms, significantly enriching the system and internal content of the novel genre while qualitatively expanding the boundaries of the author's style.

Keywords: *21st-century Russian literature, St. Petersburg prose, genre modifications, ironic psychological thriller, S. Arno*

For citation: Nuzhnaia T.V. Genre modifications in contemporary St. Petersburg prose (a case study of S. Arno's novels). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 204 – 211. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-204-211

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной статьи заключается в попытке выявления и определения внутрижанровых модификаций современной петербургской прозы, что может поспособствовать дальнейшему осмыслению путей развития литературы и обозначить ее формотворческие тенденции (термин Т.Н. Марковой [6]). Особый пласт русской литературы занимает петербургская литература. Опираясь на незыблемые исторические традиции, она одной и первых улавливает и отражает новые тенденции современности. Этому способствует и атмосфера самого города – культурной столицы России. Авторитетный исследователь Владимир Николаевич Топоров в работе «Петербургский текст русской литературы» определяет Санкт-Петербург как «особый художественный текст, включающий и сам объект, и его отражения в творчестве литераторов» [16, с. 5]. Таким образом, исследование творчества современных петербургских писателей не просто чрезвычайно интересно, но обладает и неоспоримой *новизной*.

Представленная статья продолжает цикл авторских исследований современной петербургской литературы (см. Т.В. Нужная [9, 10]).

Русская литература первой четверти XXI века многолика и разнообразна. Она стремительно развивается и меняется в поисках новых жанровых форм, поражая неожиданными жанровыми модификациями. Откликаясь на современные вызовы, пытаясь осмыслить животрепещущие проблемы общества, авторы находят наиболее подходящие для этого способы выражения своих идей, мыслей и философии.

Конец XX столетия определяется исследователями как период кризиса мощного литературного направления – постмодернизма – и переход к новому литературно-культурному циклу, не нашедшему еще точного определения (чаще всего его называют метамодернизм). «Изменение читательских предпочтений, снижение роли литературы в социокультурном пространстве и размывание единых аксиологических ориентиров, начиная с постперестроечного периода, способствовали созданию многополярного пространства, в котором существуют различные эстетические стратегии», – отмечают исследователи современной литературы О.Ю. Осьмухина и Т.О. Шорина [12, с. 2330].

Переход от одной культурной парадигмы к другой не всегда сопровождается «сломом» или «отменой». Скорее происходят различные «слияния», «переплетения» и модификации. Не остался в стороне и жанр романа. Конечно, находясь внутри современного культурного процесса, вряд ли возможно полноценно постичь и запечатлеть этот рубежный переход. Однако попытаться обозначить внутрижанровые изменения и постараться проанализировать их просто необходимо.

Цель работы: выявление жанровых модификации в творчестве современного петербургского писателя С. Арно.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*: 1. Проследить историю становления отдельных жанровых разновидностей романа; 2. Определить жанровые модификации романов С. Арно; 3. Проанализировать и охарактеризовать основные черты синтеза жанровых форм в творчестве писателя.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили романы С. Арно «Квадрат для покойников» (1995) и «Живодерня» (1997). Сергей Игоревич Арно – современный петербургский прозаик. Автор многочисленных романов: «День всех влюбленных», «Фредерик Рюйш и его дети», «Смирительная рубашка для гениев», «Дом Гаргалезиса» и другие. Лауреат многочисленных премий, Директор Фонда братьев Стругацких, директор издательства «Союз писателей Петербурга», член Союза писателей России, общественный деятель. Творчество С. Арно неизменно привлекает внимание литературоведов [14, 20, 19]. Однако проблема внутрижанровых модификации его романов не становилась объектом отдельного изучения.

Основными *методами* исследования стали: культурно-исторический, благодаря которому удалось проследить истоки становления определенных жанровых разновидностей романа и его современное развитие; сравнительно-сопоставительный, позволивший выявить жанровые модификации романов С. Арно, а также метод комплексного литературоведческого анализа текста, предоставивший возможность понять и охарактеризовать основные черты синтеза жанровых форм в отобранном материале.

Теоретической базой исследования стали труды по современной русской литературе: В.З. Оскоцкий «Русская литература в поисках идентичности» [11], М.М. Голубков «Русская литература XX века: После раскола» [3], Е.А. Калашникова «Русская литература в XXI веке: новые тенденции и направления» [4], М.А. Черняк «Русская литература в XXI веке: новые имена и смыслы» [18], И.П. Смирнов «Заметки о современной русской литературе» [15]; статьи, затрагивающие проблемы романного жанра: сборник научных трудов «Метаморфозы жанра в современной литературе» [7], О.Ю. Осьмухина, Т.О. Шорина «Синтез жанровых форм в творчестве А. Рубанова 2020-х годов («Человек из красного дерева»)» [12], Чжан Цзянхуа «Синтетизм – новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы» [17], Т.Н. Маркова «Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин)» [6], а также работы, исследующие отдельные жанровые особенности, приемы или принципы построения художественного текста: А.А. Михайловская «Современная русская проза: жанровое многообразие и тематические приоритеты» [8], А.В. Колосов «Феномен постиронии и метаиронии в современной культуре: содержание и контекст» [5]. Русская литература первой четверти XXI века привлекает достаточное внимание исследователей, однако, за последние пять лет не удалось найти научных работ, посвященных жанровым модификациям современной петербургской прозы.

Практическая значимость представленной работы состоит в возможности использования результатов исследования (введение в лекционный курс или применение на практических занятиях) в преподавании дисциплин «Современная русская литература», «Введение в литературоведение», «Анализ текста» в высших учебных заведениях и школьных программах по русской литературе начала XXI века.

Результаты и обсуждения

Жанр романа, как и любой другой жанр не остается неизменным, он развивается в поисках новых форм, вбирая в себя все новые тенденции, не забывая и о предшествующих традициях. Споры о жанре романа, о его разновидностях и современных модификациях приобретают в наше время особую интенсивность. Структура этого жанра очень подвижна, что позволяет роману включать в себя различные стилевые вариации, гармонично соединяя их. Взаимодействуя и переплетаясь, жанровые разновидности романа, зачастую рождают новые формы художественной прозы. Такая особенность романного жанра прослеживается уже с конца XVII – начала XVIII века. Исследовательница французской литературы Н.Т. Пасхарьян характеризует ее как «всеядность» романа, связанную с «резко выраженной в нем экспериментальностью, не всегда дающей совершенные художественные результаты, но важной в историко-литературном плане» [13, с. 81]. Несмотря ни на что, роман всегда остается единым жанром, но можно говорить о множестве его разновидностей и признаках: жанрообразующих, т.е. присущих жанру романа в целом, и жанромодифицирующих, т.е. свойственных той или иной жанровой модификации.

Романам современного петербургского писателя С. Арно присуща неординарная жанромодифицирующая особенность, что с одной стороны затрудняет точное определение их жанровой разновидности, с другой стороны демонстрирует стремление автора к эксперименту и значительно повышает читательский интерес. В некоторых случаях С. Арно в заглавии книг сам характеризует жанр своего произведения. Напри-

мер: «Квадрат для покойников» – криминальный роман, «Смирительная рубашка для гениев» – роман-бред, «Дом Гаргалезиса» – роман-гротеск. Однако в этих и многих других произведениях писателя обнаруживаются признаки нескольких жанровых форм.

Можно предположить, что отдельные романы современного петербургского писателя С. Арно являются яркими примерами нового гибридного жанра, ранее не встречавшегося в русской литературе первой четверти XXI века – иронического психологического триллера, т.е. синтеза жанров иронического детектива и психологического триллера. Попробуем привести наиболее доказательные подтверждения этому определению.

Жанр иронического детектива зародился в литературе в 1960-1970-хх годах, хотя элементы пародийного и сатирического подхода появились еще в классическом детективе, когда строгая логика расследования соединилась с философской иронией. Основоположницей иронического детектива признана польская писательница Иоанна Хмелевская. В России в 1990-е годы на волне перемен романы И. Хмелевской имели огромную популярность. В 2000-е годы иронический детектив закрепился и развился в русской литературе, реализуясь целой плеядой женщин-писательниц. В наши дни этот жанр претерпел значительные изменения, снизив градус «балаганности», схематичности и «простоватости», сместившись в сторону тонкой, умной иронии и качественного остросюжетного содержания.

В ироническом детективе повествование часто ведется от первого лица, расследование осуществляется не профессиональным сыщиком, а простым человеком (женщина-домохозяйка, пожилой пенсионер, молодая неопытная девушка), сюжет может пародировать штампы классического детектива. Характерными приемами иронического детектива считаются: языковая игра, порождающая иронический контекст; легкая сатира, не возвышающаяся до уровня социальной, а остающаяся на бытовом уровне; неожиданная гиперболизация явлений, не требующих преувеличения; подчеркнутая самоирония персонажа и т.п.

Психологический триллер – жанровая разновидность триллера, где упор сделан не на динамичный внешний сюжет (погоня, перестрелки, угрозы жизни героя), а на внутренний мир персонажа (страхи, скрытые мотивы, искаженная логика событий). Корни жанра уходят в готическую литературу, чуть позже – в творчество американского писателя Э. По. Психоанализ З. Фрейда сыграл решающую роль в развитии этого жанра. До Фрейда истоки зла объяснялись мистическими обстоятельствами, народными проклятиями или врожденной порочностью человека. Фрейд показал, что самое страшное кроется внутри личности, в его подсознании. Особенностью психологического триллера является то, что внутренний конфликт выносится вовне: герой разрывается между своими подавленными импульсами и социальными нормами поведения. Такое противостояние рождает образ классического маньяка, ведущего двойную жизнь. Достижения психологии, раскрывшие понятия «подавления» и «вытеснения», создают героя, подверженного неврозам, галлюцинациям и немотивированной агрессии. Одним из последних приемов, усугубляющих психический портрет персонажа, стало расщепление личности, что породило новый образ – диссоциативное расстройство идентичности. Не менее ярким приемом является проекция, т.е. герой приписывает свои страхи и расстройства другим персонажам.

Романы С. Арно «Квадрат для покойников» и «Живодерня» соединяют в себе большинство перечисленных признаков обеих разновидностей романа, что создает новую жанровую модификацию – иронический психологический триллер.

Так в романе «Квадрат для покойников» можно выделить отличительные черты и иронического детектива, и психологического триллера. Здесь серьезная проблема и тревожная неопределенность сталкиваются с иронической подачей, что обостряет эффект напряженности. Главный герой – молодой писатель – ищет комнату в центре Петербурга, чтобы поскорее написать роман, сюжет которого уже сложился в его голове. Денег у него практически нет, крыши над головой тоже. Ему не терпится начать творить, но снять жилье в то время представляется огромной сложностью. Поддавшись напору комнатосдатчицы Марии Петровны, молодой человек попадет в мистический дом-квадрат в глухом дворе-колодце, из которого по слухам никто живым не возвращается. Интриги добавляют неординарные соседи, проживающие в этом доме: мужчина, разгуливающий с косой, худая старушка, гоняющаяся за ним, мальчик-даун – сын странной дворничихи, маленький негритенок, который сразу предупреждает писателя: «Не снимайте в нашем дворе. – обернувшись сказал он. – Особенно у человека с бамбуковой тростью» [2, с. 12].

В романе используются особенные структурные приемы. Например, драматическая ирония – когда читатель знает или чувствует больше, чем персонаж. Все жители центра города понимают, что нельзя снимать комнату в этом «квадрате», и прямо или косвенно предупреждают героя. Герой же спокойно рассуждает о бытовых деталях, радуясь представленной возможности дешево снять жилье: «Вас мне сама судьба послала, говорил я на ходу, выталкивая из памяти слова о каком-то квадрате...» [2, с. 9]. Так возникает одновременно напряжение и ирония из-за несоответствия сюжетной мотивировки.

Ярким нарративным приемом в романе можно считать контраст тона и события. Переселившись уже к другому квартиросдатчику в этом же доме – Казимиру Платонычу Эсстерлису – герой неожиданным образом узнает о главном занятии хозяина комнаты: тот оживляет трупы благодаря своему особому дару и древним знаниям. Мрачное содержание сюжета, например, сцена оживления трупа одного из персонажей, резко контрастирует с ироничным, в жанре «черного юмора» тоном повествования, что настраивает читателя на двойственное восприятие. Бинарной оппозицией в романе наряду с тайной оживления трупа выступает особое знание – «тайна отключения жизни», т.е. посредством нажатия на определенные точки в организме человека, можно его умертвить. Именно таким способом умерщвления владеет один из героев романа – особо опасный рецидивист по прозвищу Труп. Здесь читатель попадает в ловушку ложной очевидности (каких в романах С. Арно не мало): прозвище героя соответствует его деятельности. Но автор спокойным тоном поясняет: «Кличка эта пристала к нему с самого интернатского детства и сочинилась не от врожденной кровожадности, а от фамилии Трупп» [2, с. 13]. Ирония в романе как раз и заключается в том, что вор Труп совсем не любил, когда умирали люди, но именно ему досталось в наследство тайное знание законов умерщвления.

К композиционным приемам этого гибридного жанра можно отнести смешение сюжетных линий: молодой человек – Николай – пишет роман, но временами непонятным образом сам, так же, как и окружающие его жильцы дома, оказывается героем своего произведения: «И стал Эсстерлис рассказывать мне вещи чудные, в которые поверить было невозможно. Но я верил. Все это я уже оказывается знал сам и даже описал в своем романе» [2, с. 102]. Коллажная подача материала в романе, чередование «серьезного» повествования с ироничными вставками, неожиданное появление «случайных» персонажей и отвлекающие детали создают ощущение нелепицы происходящего, но интригуют и держат в напряжении до конца произведения.

Характерологическим приемом представленной жанровой модификации могут служить детали, которые сначала кажутся страшными, а на самом деле оказываются смешными или наоборот. Такими деталями в романах С. Арно становятся «проходящие» персонажи, как правило, с «говорящими» именами. Например, в романе «Квадрат для покойников» таким персонажем является карлик Захарий Херонов (возможная отсылка фамилии героя к имени древнегреческого мифологического кентавра Хирона (сын бога Кроноса), прославившегося мудростью и благодушием). Карлик внезапно появляется из ниоткуда и так же внезапно исчезает, перенося на спине тяжелые мешки с трупами. Эта, казалось бы, зловещая деятельность при зловещем внешнем виде персонажа легко объясняется: Захарий работает в морге и помогает Эсстерлису эти трупы оживлять. Сатирический эффект придает такая деталь: карлик всегда насвистывает одну и ту же мелодию – «Танец маленьких лебедей».

Еще одним приемом иронического психологического триллера, встречающимся в другом романе С. Арно – «Живодерня» – можно считать ситуативную иронию, когда в серьезном или драматическом контексте происходят события менее всего ожидаемые читателем. Главный герой романа – Илья – приехав из Новгорода в Санкт-Петербург, неожиданным образом попадает в квартиру странного ученого Егора Петровича. Илья с ужасом узнает, что в доме напротив произошло кровавое убийство, и он может быть причастен к этому событию, но кратковременная потеря памяти не позволяет ему восстановить ход событий. Прием классического психологического триллера – манипуляция (когда один из персонажей заставляет другого сомневаться в собственном здравомыслии) – используется автором романа, в эпизоде, когда Егор Петрович начинает поить Илью специальным отваром для возвращения памяти, внушая молодому человеку, что с таким диагнозом его точно могут отправить в психушку. Но атмосфера ужаса развеивается и обесценивается ироничным описанием внезапно появляющихся второстепенных персонажей: девочка Глюка с мячиком, слабоумный мужчина по имени Сема Никакой, странного вида мужчина, загадывающий загадки всем подряд и др.

Эмоциональный прием классического триллера – нарастание внутреннего психологического конфликта героя, проявляется, когда Илья безуспешно борется с собственными страхами и сомнениями: «И всплыл перед глазами Ильи липкий от крови нож, виденный им в ночном кошмаре. Почему именно сейчас всплыл? Илье сделалось даже дурно. Но ведь действительно потянуло Илью во двор... Почему?!» [1, с. 13]. В отличие от классического иронического детектива в романе С. Арно детективная линия не становится ведущей, хотя вскользь присутствуют ее типичные черты: загадочное убийство, трупы, интрига, стражи правопорядка. Герой не стремится расследовать преступление как таковое, а просто желает разобраться в нестандартной ситуации, еще больше запутывая историю, и втягиваясь в дальнейшие нелепые события.

Не менее яркий прием психологического триллера – повышение градуса напряженности – проявляется в дальнейшем развитии сюжета, когда в каждой последующей главе герой попадает во все более запутанные и неблагоприятные ситуации вплоть до угрозы жизни себе и своим близким. Знакомство с Сергеем, мастер-

ски владеющим восточными единоборствами; встреча с бандитами, охотившимися (как оказалось) за Ильей; приезд бывшей жены; погони, перестрелки; психиатрическая клиника; загадочные подземные жители, японская мафия и неизвестный маньяк – все эти сюжетные перипетии калейдоскопом пролетают перед читателем, оставляя в напряжении до конца произведения. В русле классической оптимистической философии Панглоса – все к лучшему в этом лучшем из миров – как в повести Вольтера «Кандит, или Оптимизм», герои романа «Живодерня» всегда «выходят сухими из воды». Доведенные до сатирического абсурда их подчас страшные приключения в конце вызывают у читателя скорее улыбку, чем чувство сострадания. Такое чередование мрачных сцен с комедийными эпизодами работает как эмоциональный маятник: читатель то расслабляется, то снова оказывается в стрессе.

Одним из структурных приемов иронического психологического триллера можно назвать несоответствие художественной реальности действиям или мотивам персонажей. Например, в момент, казалось бы, полного освобождения от преследователей-бандитов главный герой вместо того, чтобы спрятаться понадежнее спокойно садится на скамейку в парке и практически засыпает, расслабившись после напряженной погони: «В скверике никого не было, и это успокаивало Илью: он рад был побыть один. Он вдыхал свежий воздух, и на душе было спокойно и светло, как никогда в этом городе» [1, с. 191]. В этот момент его хватают и увозят в психиатрическую больницу по заказу главаря бандитской группировки. Такой сюжетный поворот подчеркивает нелепость ситуации, уязвимость героя и добавляет ироничности повествованию.

Комедия положений – яркий маркер принципов сюжетосложения иронического психологического триллера. Сюжет развивается чрезвычайно динамично и нагромождение недоразумений нарастает. Комизм ситуаций достигается за счет непредсказуемого стечения обстоятельств или случайных совпадений. В романе «Живодерня» ярким примером этому может служить сцена подготовки героев к пыткам в квартире главаря мафиозной группировки по прозвищу Китаец. Несоответствие и комизм проявляются еще и на лексическом уровне в использовании специальных приемов: преуменьшение, когда будничная интонация резко контрастирует с масштабом опасности; ироничные внутренние монологи героя; использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в страшных описаниях: «Я предпочитаю такие пытки, чтобы человечек знал, что в конечном итоге пытка грозит не покалеченным членом или органом, а смертью. [...] А сколько метров кишочек у человечека, а? Завтра тебе повезет увидеть все те особенные инструментики из самого Китая, которыми будут тебя разбирать. Специальные щипчики для вынимания глазок... Ну и прочего. Сам увидишь, пока видишь» [1, с. 79]. Так с одной стороны – описание страшных инструментов для пыток и полная безвыходность ситуации нагнетают атмосферу ужаса, с другой стороны – комические детали, иронические комментарии и неожиданное освобождение героев подчеркивают комедию положения.

Синтаксическое оформление текста романа также соответствует выявленной гибридной жанровой модификации. Можно выделить такие наиболее часто встречающиеся приемы: ярко выраженная экспрессивность синтаксиса (множество восклицательных и вопросительных предложений); использование риторических фигур речи; паузы в повествовании, выраженные многоточием; короткие, рубленые фразы и парцелляция.

Такое сочетание структурных, нарративных, психологических и характерологических приемов значительно усложняет и обогащает структуру и внутреннее содержание романов С. Арно, позволяя вполне доказательно определить новую жанровую модификацию указанных произведений как иронический психологический триллер, что качественно расширяет границы авторского стиля.

Выводы

На основании поставленных задач можно сделать следующие выводы: 1. Жанровые разновидности романа – иронический детектив и психологический триллер – имели особую популярность в русской литературе в конце 1990-хх – начале 2000-хх годов. Они оказали влияние на литературный процесс и привели к формированию новых жанровых модификаций. 2. Анализ романов С. Арно «Квадрат для покойников» и «Живодерня» позволил выявить в них синтез наиболее типичных приемов обоих жанровых разновидностей. На содержательном уровне серьезная проблема и тревожная неопределенность сталкиваются с юмористической подачей, а драматическая ирония создает ощущение несоответствия ожидания и сюжетной мотивировки. Ярким нарративным приемом в романах можно считать контраст тона и события, что приводит к двойственному восприятию у читателя. На композиционном уровне – это смешение сюжетных линий, что создает ощущение нелепицы происходящего, интригует и держит в напряжении до конца произведения. Автор романов мастерски пользуется психологическими приемами: нарастание внутреннего психологического конфликта героя и повышение градуса напряженности, что становится своеобразным эмоциональным маятником для читателя. Несоответствие художественной реальности действиям или мотивам персонажей подчеркивает уязвимость героя и приводит к комедийным ситуациям. Наиболее значимым маркером иронического психологического триллера становится прием

«комедии положения» за счет динамичного развития сюжета и нагромождения недоразумений. На стилистическом уровне соответствие синтезу жанровых форм достигается за счет лексических и синтаксических приемов. 3. Можно с уверенностью сказать, что романы С. Арно гармонично соединили в себе две жанровые разновидности: иронический детектив и психологический триллер, положив начало иной жанровой модификации – ироническому психологическому триллеру. Развитие этого гибридного жанра шло через обогащение повествовательных приемов. Такое смешение помогает накоплению новых признаков в романном жанре и приводит к трансформации старых форм. Особые жанровые модификации романов С. Арно могут послужить наглядным примером современного развития жанра романа и опорой для дальнейших жанровых изменений.

Список источников

1. Арно С.И. Живодерня. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 480 с.
2. Арно С.И. Квадрат для покойников. СПб.: Из-во «Борей», 1995. 287 с.
3. Голубков М.М. Русская литература XX века: После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. 267 с.
4. Калашникова Е.А. Русская литература в XXI веке: новые тенденции и направления. М.: Флинта, 2021. 288 с.
5. Колосов А.В. Феномен постиронии и метаиронии в современной культуре: содержание и контекст // Koinon. 2024. Т.4. № 3. С. 126 – 137.
6. Маркова Т.Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): автореф. дисс. … док. филол. наук. Екатеринбург. 2003. 46 с.
7. Метаморфозы жанра в современной литературе: сборник научных трудов / отв. ред. Соколова Е.В.; Сост.: Пахсарьян Н.Т., Ревякина А.А. М., 2015. 262 с.
8. Михайловская А.А. Современная русская проза: жанровое многообразие и тематические приоритеты. СПб.: Алетейя, 2020. 256 с.
9. Нужная Т.В. Петербургский текст: идейно-художественное своеобразие романа С. Арно «Доктор Рюйш и его дети // Научный диалог. 2026. Т. 15. № 1. С. 311 – 328.
10. Нужная Т.В. Художественный образ Чукотки в романе С. Забаровой «Ватыркан» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2025. Т. 18. № 2. С. 683 – 689.
11. Оскоцкий В.З. Русская литература в поисках идентичности. М.: Прогресс-Традиция, 2024. 304 с.
12. Осьмухина О.Ю., Шорина Т.О. Синтез жанровых форм в творчестве А. Рубанова 2020-х годов («Человек из красного дерева») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. Издательство «Грамота». 2026. Т. 19. Вып. 6. С. 2330 – 2334.
13. Пасхарьян Н.Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690-1760 гг. Днепропетровск, 1996. 253 с.
14. Сипко Ю.Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века: дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 224 с.
15. Смирнов И.П. Заметки о современной русской литературе. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 240 с.
16. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб». 2003. 616 с.
17. Цзянхуа Чжан Синтетизм – новое жанрово-стилевое явление современной русской прозы // Мир русского слова. 2011 № 2. С. 64 – 68.
18. Черняк М.А. Русская литература в XXI веке: новые имена и смыслы. М.: КноРус, 2020. 280 с.
19. Шеглова Е.П. Гоголя на десерт, пожалуйста! Сергей Арно // Вопросы литературы. 2025. № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://voplit.ru/article/gogolya-na-desert-pozhalujsta-sergej-arno.
20. Brążkiewicz B. Lost in Time. Plot Complexities of Contemporary Russian Prose Fiction. Selected Examples // Młoda Rosja: Pozasystemowe formy kultury. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://books.akademicka.pl/publishing/catalog/book/619.

References

1. Arno S.I. Knackery. St. Petersburg: Azbuka-Terra, 1997. 480 p.
2. Arno S.I. Square for the dead. St. Petersburg: Iz-vo "Borey", 1995. 287 p.
3. Golubkov M.M. Russian literature of the twentieth century: After the split. M.: Aspect Press, 2001. 267 p.
4. Kalashnikova E.A. Russian literature in the 21st century: new trends and directions. M.: Flinta, 2021. 288 p.

5. Kolosov A.V. The phenomenon of post-irony and meta-irony in modern culture: content and context. Koinon. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 126 – 137.

6. Markova T.N. Formative trends in prose of the late 20th century (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): abstract. diss. ...doc. Philol. Sci. Ekaterinburg. 2003. 46 p.

7. Metamorphoses of genre in modern literature: collection of scientific works. Editor-in-chief Sokolova E.V.; Compiled by: Pakhsaryan N.T., Revyakina A.A. M., 2015. 262 p.

8. Mikhailovskaya A.A. Modern Russian prose: genre diversity and thematic priorities. St. Petersburg: Aletheya, 2020. 256 p.

9. Nuzhnaya T.V. Petersburg text: ideological and artistic originality of S. Arno's novel "Doctor Ruysch and his children". Scientific dialogue. 2026. Vol. 15. No. 1. P. 311 – 328.

10. Nuzhnaya T.V. Artistic image of Chukotka in S. Zabarova's novel "Vatyrkan". Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 683 – 689.

11. Oskotsky V.Z. Russian literature in search of identity. M.: Progress-Tradition, 2024. 304 p.

12. Osmukhina O.Yu., Shorina T.O. Synthesis of genre forms in the works of A. Rubanov in the 2020s ("The Mahogany Man"). Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov. Publishing house "Gramota". 2026. Vol. 19. Iss. 6. P. 2330 – 2334.

13. Paskharyan N.T. Genesis, poetics and genre system of the French novel 1690-1760, Dnepropetrovsk. 1996. 253 p.

14. Sipko Yu.N. Existential content of St. Petersburg prose of the late 20th century: dis. ...cand. Philol. Sci. Stavropol, 2006. 224 p.

15. Smirnov I.P. Notes on modern Russian literature. M.: New Literary Review, 2022. 240 p.

16. Toporov V.N. Petersburg text of Russian literature: Selected works. St. Petersburg: "Art - St. Petersburg". 2003. 616 p.

17. Jianghua Zhang Synthetism is a new genre and style phenomenon of modern Russian prose. World of Russian Word. 2011 No. 2. P. 64 – 68.

18. Chernyak M.A. Russian literature in the 21st century: new names and meanings. M.: KnoRus, 2020. 280 p.

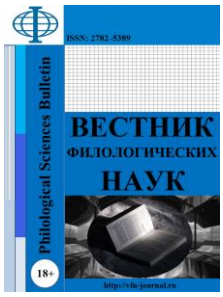
19. Sheglova E.P. Gogol for dessert, please! Sergey Arno. Questions of literature. 2025. No. 1. [Electronic resource]. URL: https://voplit.ru/article/gogolya-na-desert-pozhalujsta-sergej-arno

20. Brążkiewicz B. Lost in Time. Plot Complexities of Contemporary Russian Prose Fiction. Selected Examples. Młoda Rosja: Pozasystemowe formy kultury. 2024. [Electronic resource]. URL: https://books.akademicka.pl/publishing/catalog/book/619.

Информация об авторах

Нужная Т.В., *доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), ta_nu@mail.ru*

© Нужная Т.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:654.19
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-212-218

[1] Парахневич Е.В. ***[1] Волгоградский государственный университет***

Итеративная модель журналистского расследования в формате подкасте

Аннотация: *в статье рассматривается серийный подкаст-расследование как форма репрезентации журналистского поиска. Цель исследования – выявить модель динамики расследования, при которой результаты проверки информации становятся основанием для постановки новых исследовательских вопросов. Материалом исследования послужили шесть серийных расследовательских подкастов, включающих 49 эпизодов. Единицей анализа выступил переход между последовательными эпизодами. В ходе качественно-количественного анализа фиксировались исследовательский вопрос, рабочая версия, журналистское действие, новая информация, изменение статуса знания и следующий вопрос.*

Исследование показывает, что развитие расследования связано прежде всего с изменением и усложнением исходной исследовательской задачи. Предложена итеративная модель журналистского расследования, включающая последовательность «вопрос – рабочая версия – проверка – новая информация – изменение статуса знания – новый вопрос». Показаны два основных режима развития расследования: итеративное углубление и итеративная перестройка. Полученные результаты позволяют использовать предложенную модель для анализа серийных расследовательских медиатекстов и сопоставления различных форм журналистского поиска.

Ключевые слова: *журналистское расследование, подкаст, сбор информации, производство знания, медиатекст, цифровая журналистика, нарратив, верификация*

Для цитирования: Парахневич Е.В. Итеративная модель журналистского расследования в формате подкасте // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 212 – 218. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-212-218

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Parakhnevich E.V. ***[1] Volgograd State University***

An iterative model of journalistic investigation in the podcast format

Abstract: *the article examines the serial investigative podcast as a form of representing journalistic inquiry. The aim of the study is to identify a model of investigative dynamics in which the results of information verification provide the basis for posing new research questions. The study draws on six serial investigative podcasts comprising 49 episodes. The unit of analysis is the transition between consecutive episodes. The qualitative and quantitative analysis records the research question, working hypothesis, journalistic action, new information, change in the status of knowledge, and subsequent question.*

The study shows that the development of an investigation is primarily associated with changes to and increasing complexity of the initial research problem. An iterative model of journalistic investigation is proposed, comprising the sequence "question – working hypothesis – verification – new information – change in the status of knowledge – new question". Two main modes of investigative development are identified: iterative deepening and iterative restructur-

ing. The findings suggest that the proposed model can be used to analyze serial investigative media texts and compare different forms of journalistic inquiry.

Keywords: *investigative journalism, podcast, information gathering, knowledge production, media text, digital journalism, narrative, verification*

For citation: Parakhnevich E.V. An iterative model of journalistic investigation in the podcast format. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 212 – 218. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-212-218

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Журналистское расследование традиционно рассматривается как результат работы журналиста, который устанавливает неизвестные обстоятельства, выявляет нарушения, проводит реконструкцию событий и обнаруживает связи между фактами. При таком подходе в центре внимания оказывается итоговая конфигурация знания, тогда как последовательность процедур, с помощью которых журналист приходит к результату, часто остается за пределами опубликованного материала. Между тем работа расследователя представляет собой процесс, в котором исходные предположения постоянно соотносятся с поступающей информацией, уточняются, ослабляются или заменяются новыми. Особенно заметной эта процессуальность становится в подкасте-расследование, который строится как серия эпизодов, что позволяет авторам постепенно предъявлять аудитории результаты журналистской работы, а также демонстрировать изменения, которые происходят в ее процессе. Новый документ, свидетельство очевидца, экспертная оценка или результат юридической проверки могут изменить интерпретацию уже известных обстоятельств и определить направление следующего этапа поиска.

При этом серийность сама по себе не означает необходимости показывать хронологию журналистской работы. Несколько выпусков могут последовательно рассказывать разные части уже завершенной истории, не демонстрируя изменений журналистской версии. Для нашего анализа важнее другой вопрос: возникает ли между последовательными фрагментами расследования связь, при которой результат одного этапа становится основанием для следующего вопроса? Именно этот аспект представляется неразработанным в исследованиях как расследовательской журналистики в целом, так и ее аудиальных форм.

Изучение динамики журналистского расследования в серийном подкасте находится на пересечении исследований расследовательской журналистики, журналистской эпистемологии, нарративной журналистики и подкастинга. Эти направления развивались во многом независимо. Одним из оснований для нашего анализа является представление журналистики как особой формы производства знания. Э. Медич, в частности, рассматривает журналистику с эпистемологической точки зрения: «Когда мы перестаём рассматривать журналистику как средство коммуникации и начинаем видеть в ней форму производства знания, мы делаем первый шаг к повышению требований к материалам. Знание предполагает улучшение на основе критических критериев и требует строгости» [Meditsch, 2015, 121]. В методологии расследовательской журналистики эта логика выражена в гипотезно-ориентированном подходе. Так, М. Ли Хантер, Л. Сенгерс и П. Торсден [Hunter, 2009] рассматривают гипотезу как инструмент организации поиска: журналист формулирует проверяемое предположение, собирает доказательства и сопоставляет подтверждающие и противоречащие сведения. Сходная логика представлена в работе «The Global Investigative Journalism Casebook» [Hunter, 2012], где расследования рассматриваются через последовательность исследовательских операций. М. Карлсон также рассматривает журналистскую эпистемологию как социальную практику производства знания, изучая влияние цифровой среды на процессы циркуляции информации: «цифровая медиа-среда провоцирует множество вопросов относительно состояния журналистики как практики производства знания» [Carlson, 2020, 231].

Третье направление представляют исследования нарративной журналистики. Систематический обзор К. ван Крикена и Ж. Сандерс [van Krieken & Sunders, 2021], охватив научные публикации 1998-2017 годов, показывает преобладание качественных и эссеистических исследований, сосредоточенных на истории и стилистике нарративной журналистики. Авторы предлагают понимать нарративную журналистику как форму освещения реальности, использующую повествовательные средства: голос, персонажа, перспективу, пространство, хронотоп и сюжет. Для нашей работы это важно по двум причинам: во-первых, серийный подкаст позволяет организовывать журналистский материал как разворачивающуюся в динамике историю, а во-вторых, необходимо различать реальный процесс журналистского поиска и его репрезентацию: после-

довательность эпизодов еще не свидетельствует о том, что журналист получал сведения именно в таком порядке.

Исследования подкастинга позволяют применить эту проблему к аудиоформату. Р. Берри [Berry, 2015], анализируя первый сезон подкаста Serial, рассматривает его как значимый этап развития подкастинга, связывая успех проекта с изменениями технологической и культурной среды аудио. М. Буозис [Buozis, 2017] исследует подкаст через практики работы с голосом обвиняемого, показывая, что криминальный подкаст имеет право на критическое осмысление официальных версий. Д.О. Доулинг и К.Дж. Миллер [Dowling, 2019] рассматривают иммерсивные техники аудиосторителлинга как форму, в которой традиции радиожурналистики соединяются с цифровыми форматами серийного документального повествования.

Отдельное место занимает понятие журналистской рефлексивности: так, М. Линдгрен [Lindgren, 2016] связывает подкастинг с персональной нарративной журналистикой и доказывает, что журналист становится одним из персонажей сюжета, поскольку в медиапространстве нарратив становится коммуникативной техникой, одним из способов передачи информации. В более позднем исследовании журналистских подкастов автор рассматривает «повествовательные элементы, основанные на эмоциях и отчётах от первого лица, для создания интимных отношений между журналистом и слушателем» [Lindgren, 2023, 715]. Следовательно, исследования подкастинга позволяют рассматривать работу журналиста как часть медиатекста, однако рефлексивность изучается через голос журналиста и субъективность, а не через последовательные изменения журналистского знания.

Эта линия получает развитие в новейших исследованиях. Д.О. Доулинг [Dowling, 2026] предлагает медийно-специфическую модель подкастной журналистики, выделив взаимосвязанные характеристики аудиоформата: интимность, рефлексивность и демократичность. К проблеме серийности обращается Р. Ренлев, который рассматривает ее как способ организации журналистского содержания: «Серийность сыграла решающую роль в журналистике как социальной институции в западных демократиях – как источник дохода и способ организации журналистского контента. В последние годы цифровые медиа возродили использование серийных форматов в журналистике и, в частности, привели к росту нарративной журналистики» [Rønlev, 2026, 130]. Эта работа особенно важна для нашего исследования, вместе с тем ее предметом остаются нарратологические и риторические характеристики серийного журналистского текста, тогда как предлагаемый нами подход переносит внимание на последовательную трансформацию исследовательских задач журналиста.

Отечественные исследования позволяют дополнить эту картину характеристикой российского подкастинга. Л.А. Круглова и Д.З. Мамедов [Круглова и Мамедов, 2021] рассматривают проблемы развития подкастинга в России, а О.А. Козлова [Козлова, 2022] исследует форматные разновидности подкастов, их типологические и жанрово-тематические особенности, основные модели монетизации аудиоконтента. Е.А. Шутова [Шутова, 2023] обращается к подкасту как к самостоятельному медиапродукту и систематизирует основные направления его изучения в отечественной научной литературе, выделяя вопросы дефиниции, жанровой специфики, аудитории, функций и творческого процесса. Эти работы значимы для характеристики российского научного контекста, но не рассматривают последовательную трансформацию исследовательского вопроса как самостоятельную единицу анализа.

Итак, согласно научной литературе расследовательская журналистика представляет собой гипотезно-ориентированный процесс поиска и проверки данных; журналистика может рассматриваться как практика производства и обоснования нового знания; нарративная журналистика организует фактический материал посредством повествовательных структур; формат серийного подкаста создает условия для длительной презентации журналистского поиска; рефлексивность и прозрачность процесса сбора данных могут стать частью медиатекста. Вместе с тем между этими направлениями сохраняется исследовательский зазор. Недостаточно разработан вопрос о динамике расследовательского процесса: каким образом результат конкретного проверочного действия изменяет статус имеющегося знания и каким образом последовательность таких переходов организует серийный медиатекст.

Материалы и методы исследований

В нашей работе предлагается рассматривать подкаст-расследование как особую форму репрезентации итеративного производства журналистского знания. Под итеративностью мы понимаем последовательность циклов, в каждом из которых исходный вопрос соотносится с рабочей версией и подвергается проверке, в результате которой полученная информация изменяет статус имеющегося знания и становится основанием для постановки нового вопроса. Исходя из этого, цель исследования – выявить и описать модель динамики журналистского расследования, репрезентируемую в формате подкастах. Рабочая гипотеза заключается в том, что процессуальность серийного расследовательского подкаста определяется не простым

последовательным накоплением фактов, а итеративной трансформацией исследовательского вопроса под воздействием результатов проверки. Может произойти ее усложнение, ослабление или переформулирование, вследствие чего в последующих эпизодах подкаста произойдет не движение к заранее предопределенному ответу, а перестройка всей исследовательской задачи журналиста.

Материалом исследования стали шесть серийных расследовательских подкастов: *Serial*, сезон 1 (2014, This American Life), *In the Dark*, сезон 1 (2016, APM Reports), *Bear Brook* (2018, New Hampshire Public Radio), *The Improvement Association* (2021, Serial Productions), *Ученицы* (2022, «Либо/Либо») и *Missing in the Amazon* (2025, The Guardian Investigates). Выбор обусловлен тем, что корпус объединяет серийные журналистские расследования разных лет и тематических направлений, позволяя проверить общую модель динамики расследовательского поиска. Единицей анализа является переход между эпизодами, в рамках которого фиксировались следующие категории: исследовательский вопрос, рабочая версия, журналистское действие по проверке информации, полученные новые факты, изменение статуса знания, сформулированный вследствие этого следующий вопрос. Для анализа использовалась качественно-количественная процедура кодирования; изменение статуса знания классифицировалось как подтверждение, ослабление, усложнение, переформулирование; характер перехода к следующему вопросу – как уточнение/углубление, пересмотр версии, расширение корпуса, смена уровня или исследовательской рамки, смена инструмента проверки, связывание информационных линий.

Результаты и обсуждения

Анализ корпуса показывает, что расследование в серийном подкасте не сводится к накоплению фактов. Между эпизодами прослеживается повторяющаяся логика перехода из одного состояния исследовательской задачи к другому. Для всех шести проектов можно выделить базовую последовательность: исследовательский вопрос формирует рабочую версию; действия журналиста направлены на ее проверку; полученная информация меняет состояние имеющегося знания; результат проверки определяет следующий вопрос. Последний элемент завершенного цикла становится началом следующего. Поэтому движение расследования имеет итеративный характер: $Q_n – H_n – A_n – I_n – K_n – Q_{n+1}$, где Q – исследовательский вопрос, H – рабочая версия, A – проверочное действие, I – новая информация, K – изменение статуса знания. Такой подход позволяет отделить действия журналиста от познавательного результата. Интервью, работа с документами, анализ статистики, реконструкция событий, обращение к экспертам или использование цифровых технологий сами по себе не характеризуют ход расследования. Если новая информация не влияет на поиск, переход между состояниями расследования не фиксируется. Если же она заставляет уточнить, пересмотреть или расширить исходный вопрос, возникает новый цикл.

В корпусе было выделено 43 перехода между последовательными эпизодами. Анализ изменений статуса знания показывает, что наиболее частым результатом проверки становится его усложнение: такой результат зафиксирован в 17 случаях (или 39,5% переходов). В 12 случаях (27,9%) происходило переформулирование исследовательской рамки. Ослабление рабочей версии наблюдалось в 8 случаях (18,6%), прямое подтверждение – лишь в 6 (14,0%). Следовательно, подтверждение исходной версии оказывается наименее распространенным результатом. Гораздо чаще журналистская проверка фактов приводит к ситуации, когда прежнего объяснения уже недостаточно, но и отказаться от него нельзя. Полученная информация добавляет новые обстоятельства или ограничения, в результате чего следующая стадия расследования строится на более сложной картине.

Особенно наглядно это проявляется в подкасте *Serial*. Проверка потенциального алиби обвиняемого не дает окончательного ответа о его местонахождении, а перемещает фокус внимания к вопросу надежности воспоминаний и временной реконструкции. В дальнейшем элементы изначальной реконструкции подвергаются дополнительной проверке, в результате чего появляется не новая окончательная версия, а более четкое разграничение между тем, что удалось подтвердить, и тем, что осталось предположением. Другой вариант изменения знания связан с переформулированием исследовательской задачи. В *In the Dark* изначальный вопрос относится к конкретному преступлению и обстоятельствам, по которым оно осталось нераскрытым. По мере проверки действий полиции внимание перемещается к другим делам того же ведомства, затем к изучению статистики и, наконец, к работе правоохранительных органов в целом. Новые сведения не столько уточняют первоначальный вопрос, сколько меняют его масштабы. Подобное мы наблюдаем и в *Учениц*ах, но по иному сценарию. Расследование начинается с истории одной героини. Следующие контакты приводят автора к другим участницам, затем к новым фигурантам и позволяют поставить вопрос об устройстве организации и действиях ее руководителей. В результате индивидуальная история становится отправной точкой для исследования широкого круга случаев и официальной реакции.

В *Missing in the Amazon* изменение вопроса имеет преимущественно причинный характер. После установления обстоятельств исчезновения жертвы расследование переходит к изучению отношений между участниками дела, непосредственным исполнителям, предполагаемым организаторам и криминальной среде региона в целом. Каждый новый элемент не закрывает предыдущий вопрос, а открывает следующий уровень контента. В *Bear Brook* ход расследования определяется связью отдельных сюжетных линий. Новые факты позволяют связать отдельные дела, идентифицировать участников, выстроить более сложную сеть отношений между людьми и событиями. Изменение знания происходит прежде всего за счет появления связи между уже существовавшими прежде фрагментами информации. Особый случай представляет подкаст *The Improvement Association*. Здесь проверка может давать отрицательный результат, но расследование не прекращается. Когда конкретное обвинение не получает подтверждения, следующим этапом анализа становится изучение самого обвинения: его происхождение и влияние на участников политического процесса. Отсутствие подтверждений, таким образом, становится основанием для новых вопросов, а не финальной точкой расследования.

Отдельно в нашей работе был проанализирован характер перехода к следующему вопросу. Наиболее часто встречается смена исследовательского уровня или рамки: 13 случаев (30,2%). Уточнение или углубление вопроса зафиксировано в 10 случаях (23,3%), пересмотр рабочей версии – в 9 (20,9%). Реже встречаются расширение корпуса источников – 5 (11,6%), смена инструмента проверки – 4 (9,3%) и связь ранее раздельных информационных линий – 2 (4,7%). Результаты позволяют говорить о том, что журналистский поиск развивается не только за счет движения от одного факта к другому: существенную роль играет переход к иному уровню постановки проблемы. Частный случай может послужить основанием для анализа группы случаев, группа – для анализа организации в целом, отдельное событие – для реконструкции механизмов его возникновения. При этом характер переходов связан с тем, каким образом изменился статус знания. Усложнение чаще всего сопровождается уточнением или углублением вопроса: из 17 случаев усложнения 7 приходятся именно на такой вариант. Переформулирование, напротив, чаще всего сопровождается сменой уровня или рамки: 8 случаев из 12.

Это позволяет выделить два наиболее выраженных режима развития расследования. Первый мы определим, как итеративное углубление. Журналист сохраняет исходную проблему, но после каждой проверки получает более сложную картину событий и формулирует более точный вопрос. Так, например, развивается значительная часть подкаста *Serial*: новые факты заставляют заново оценить уже существующую версию. Второй режим – итеративная перестройка. Новая информация показывает, что первоначального уровня анализа было недостаточно, и расследование переходит к другому объекту.

Эти два режима не образуют альтернативных типов расследования. Внутри одного проекта они могут чередоваться. *Serial*, в частности, сочетает уточнение отдельных элементов версии с переходами к более общим вопросам о доказательствах и границах их интерпретации, а *Ученицы* сначала расширяют круг источников, а затем переходят к встречной проверке версий.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что серийность подкаста-расследования принципиально важна не только при повторении композиции журналистского материала. Она дает возможность демонстрировать процесс развития журналистской мысли и тем самым превращать динамику поиска в самостоятельный уровень сообщения.

Предложенная модель может использоваться как аналитический инструмент для изучения любых расследовательских медиатекстов. Она не привязана к определенному жанру, тематике или способу сбора информации. Единицей анализа становится переход между состояниями расследования, это позволяет изучать материалы, различающиеся по предмету и методам работы. Полученные данные дают основание отказаться от представления о расследовании как о движении от формулировки гипотезы к ее подтверждению.

Еще одна перспектива исследований связана с аудиальной спецификой. В нашем исследовании в центре внимания находилась логика изменения знания, поэтому голос, монтаж, музыка и другие средства звуковой организации не изучались. Между тем именно они могут влиять на восприятие смены версии или степени уверенности журналиста. Следующим этапом может стать соединение анализа познавательной динамики с анализом ее аудиальной репрезентации.

Наконец, предложенная модель может быть проверена на других серийных форматах: документальных видеопроектах, лонгридах, мультимедийных расследованиях. Такое анализ позволит определить, является ли выявленная последовательность свойством расследовательского текста как такового.

Список источников

1. Козлова О.А. Особенности развития подкастинга в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2022. № 1. С. 34 – 42.
2. Круглова Л.А., Мамедов Д.З. Проблемы подкастинга в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. С. 156 – 167. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-156-167.
3. Шутова Е.А. Подкаст: от дефиниции к перспективам исследования // Культура и технологии. 2023. Т. 8. Вып. 3. С. 152 – 160. DOI: 10.17586/2587-800X-2023-8-3-152-160.
4. Berry R.A. A Golden Age of Podcasting? Evaluating Serial in the Context of Podcast Histories // Journal of Radio & Audio Media. 2015. Vol. 22. No. 2. С. 170 – 178. DOI: 10.1080/19376529.2015.1083363.
5. Buozis M. Giving Voice to the Accused: Serial and the Critical Potential of True Crime // Communication and Critical/Cultural Studies. 2017. Vol. 14. No. 3. С. 254 – 270. DOI: 10.1080/14791420.2017.1287410.
6. Carlson M. Journalistic Epistemology and Digital News Circulation: Infrastructure, Circulation Practices, and Epistemic Contests // New Media & Society. 2020. Vol. 22. No. 2. С. 230 – 246. DOI: 10.1177/1461444819856921.
7. Dowling D.O. Theorizing Podcast Journalism: Toward a Medium-Specific Framework for Audio Reporting // Journalism and Media. 2026. Vol. 7. No. 1. Art. 2. DOI: 10.3390/journalmedia7010002.
8. Dowling D.O., Miller K.J. Immersive Audio Storytelling: Podcasting and Serial Documentary in the Digital Publishing Industry // Journal of Radio & Audio Media. 2019. Vol. 26. No. 1. С. 167 – 184. DOI: 10.1080/19376529.2018.1509218.
9. Hunter M.L. (ed.). The Global Investigative Journalism Casebook. Paris: UNESCO, 2012. 255 с.
10. Hunter M.L., Sengers L., Thordsen P. Story-Based Inquiry: A Manual for Investigative Journalists. Paris: UNESCO, 2011. 87 с.
11. Lindgren M. Intimacy and Emotions in Podcast Journalism: A Study of Award-Winning Australian and British Podcasts // Journalism Practice. 2023. Vol. 17. No. 4. С. 704 – 719. DOI: 10.1080/17512786.2021.1943497.
12. Lindgren M. Personal Narrative Journalism and Podcasting // Radio Journal: International Studies in Broadcast & Audio Media. 2016. Vol. 14. No. 1. P. 23 – 41. DOI: 10.1386/rjao.14.1.23_1.
13. Meditsch E. Journalism as a Form of Knowledge: A Qualitative Approach // Brazilian Journalism Research. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 121 – 136. DOI: 10.25200/BJR.v1n2.2005.835.
14. Rønlev R., Heiselberg L., Walther Kampmann B., Nielsen J.I. Serial Narrative Journalism in Digital Media: The Case of Podcasts // Seriality in the Streaming Era. London: Routledge. 2026. С. 124 – 150. DOI: 10.4324/9781003539735-5.
15. van Krieken K., Sanders J. What Is Narrative Journalism? A Systematic Review and an Empirical Agenda // Journalism. 2021. Vol. 22. No. 6. P. 1393 – 1412. DOI: 10.1177/1464884919862056.

References

1. Kozlova O.A. Features of the development of podcasting in Russia. Bulletin of Volgograd State University. Episode 8: Literary Studies. Journalism. 2022. No. 1. P. 34 – 42.
2. Kruglova L.A., Mamedov D.Z. Problems of podcasting in Russia. Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2021. T. 20. No. 6. P. 156 – 167. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-156-167.
3. Shutova E.A. Podcast: from definition to research prospects. Culture and technology. 2023. Vol. 8. Issue. 3. P. 152 – 160. DOI: 10.17586/2587-800X-2023-8-3-152-160.
4. Berry R.A. A Golden Age of Podcasting? Evaluating Serial in the Context of Podcast Histories. Journal of Radio & Audio Media. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 170 – 178. DOI: 10.1080/19376529.2015.1083363.
5. Buozis M. Giving Voice to the Accused: Serial and the Critical Potential of True Crime. Communication and Critical/Cultural Studies. 2017. Vol. 14. No. 3. P. 254 – 270. DOI: 10.1080/14791420.2017.1287410.
6. Carlson M. Journalistic Epistemology and Digital News Circulation: Infrastructure, Circulation Practices, and Epistemic Contests. New Media & Society. 2020. Vol. 22. No. 2. P. 230 – 246. DOI: 10.1177/1461444819856921.
7. Dowling D.O. Theorizing Podcast Journalism: Toward a Medium-Specific Framework for Audio Reporting. Journalism and Media. 2026. Vol. 7. No. 1. Art. 2. DOI: 10.3390/journalmedia7010002.
8. Dowling D.O., Miller K.J. Immersive Audio Storytelling: Podcasting and Serial Documentary in the Digital Publishing Industry. Journal of Radio & Audio Media. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 167 – 184. DOI: 10.1080/19376529.2018.1509218.
9. Hunter M.L. (ed.). The Global Investigative Journalism Casebook. Paris: UNESCO, 2012. 255 p.
10. Hunter M.L., Sengers L., Thordsen P. Story-Based Inquiry: A Manual for Investigative Journalists. Paris: UNESCO, 2011. 87 p.

11. Lindgren M. Intimacy and Emotions in Podcast Journalism: A Study of Award-Winning Australian and British Podcasts. Journalism Practice. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 704 – 719. DOI: 10.1080/17512786.2021.1943497.

12. Lindgren M. Personal Narrative Journalism and Podcasting. Radio Journal: International Studies in Broadcast & Audio Media. 2016. Vol. 14. No. 1. P. 23 – 41. DOI: 10.1386/rjao.14.1.23_1.

13. Meditsch E. Journalism as a Form of Knowledge: A Qualitative Approach. Brazilian Journalism Re-search. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 121 – 136. DOI: 10.25200/BJR.v1n2.2005.835.

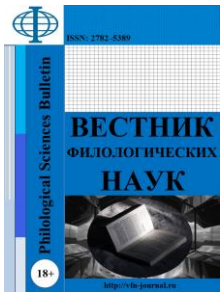
14. Rønlev R., Heiselberg L., Walther Kampmann B., Nielsen J.I. Serial Narrative Journalism in Digital Media: The Case of Podcasts. Seriality in the Streaming Era. London: Routledge. 2026. P. 124 – 150. DOI: 10.4324/9781003539735-5.

15. van Krieken K., Sanders J. What Is Narrative Journalism? A Systematic Review and an Empirical Agenda. Journalism. 2021. Vol. 22. No. 6. P. 1393 – 1412. DOI: 10.1177/1464884919862056.

Информация об авторах

Парахневич Е.В., *кандидат фиологических наук, доцент, ФГАУО ВО «Волгоградский госудрственый университет, ev_parahnevich@volsu.ru*

© Парахневич Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.11’373.2:811.11’42
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-219-224

[1] Петрова Е.Е. ***[1] Псковский государственный университет***

Семантика и прагматика лексических единиц тематической группы «Флора» в современном английском языке

Аннотация: *данное исследование посвящено анализу языковой семантики при номинации растений в современном английском языке. Названия растений – это не просто лексические единицы словаря, которыми обозначены те или иные виды флоры, они представляют собой культурно-языковой феномен, который включает в себя символические значения, устойчивые ассоциации и даже модели мышления, характерные для носителей английского языка. Именно такой ракурс исследования позволяет увидеть за отдельными словами не только ботанические реалии, а сложную систему мировосприятия, закрепленную в языке.*

Современная языковая ситуация, характеризующаяся глубоким межкультурным взаимодействием, повышенным вниманием к экологической проблематике, выдвигает на передний план исследование культурно-маркированных слоев лексики. В центре внимания данной работы – выявление семантических и прагматических характеристик флоронимов, определение их места в системе ценностных ориентиров носителей английского языка, а также раскрытие их культурно-символического потенциала, которым эти единицы обладают в устойчивых выражениях.

В ходе исследования применялся комплекс следующих лингвистических методов: компонентный анализ, фразеологический анализ, концептуальный и контекстуальный анализ. Такой подход позволил реконструировать исходные мотивационные признаки, лежащие в основе номинации растений и проследить, каким образом эти названия обретают семантическую вариативность, становясь элементом фразеологического оборота. Эмпирической базой исследования послужили данные толковых и фразеологических словарей, а также корпусов современного английского языка (Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary, British National Corpus, Corpus of Contemporary American English).

Полученные результаты показывают, что флоронимы образуют сложную смысловую систему, структурированную по определенным мотивационным признакам. В рамках фразеологического уровня эти единицы раскрывают свой оценочный потенциал и проявляют смысловую двойственность. Практическая значимость исследования видится в том, что ее результаты можно применять в практике преподавания английского языка, переводческой деятельности, в учебных курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также при сопоставлении словарей фразеологизмов и культурно-маркированной лексики.

Ключевые слова: *флоронимы, фитонимическая картина мира, когнитивная лингвистика, фразеология, семантическая мотивация, аксиологическая маркированность, английский язык, культурный код*

Для цитирования: Петрова Е.Е. Семантика и прагматика лексических единиц тематической группы «Флора» в современном английском языке // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 219 – 224. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-219-224

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Petrova E.E. ***[1] Pskov State University***

Semantics and pragmatics of lexical units of the thematic group “Flora” in modern English

Abstract: *this study is devoted to the analysis of linguistic semantics in the naming of plants in modern English. Plant names are not merely lexical units of the dictionary that denote certain types of flora; they represent a cultural and linguistic phenomenon that includes symbolic meanings, stable associations, and even thought patterns characteristic of native English speakers. It is precisely this perspective of the study that allows us to see behind individual words not only botanical realities, but also a complex system of worldview embedded in the language.*

The current linguistic situation, characterized by profound intercultural interaction and increased attention to environmental issues, brings to the forefront the study of culturally marked layers of vocabulary. The focus of this work is to identify the semantic and pragmatic characteristics of floronyms, to determine their place in the system of value orientations of English-language speakers, and to reveal the cultural and symbolic potential that these units possess in set expressions.

The study employed a set of the following linguistic methods: component analysis, phraseological analysis, conceptual and contextual analysis. This approach made it possible to reconstruct the original motivational features underlying the naming of plants and to trace how these names acquire semantic variability, becoming an element of a phraseological unit. The empirical basis of the study consisted of data from explanatory and phraseological dictionaries, as well as corpora of modern English (Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary, British National Corpus, Corpus of Contemporary American English).

The results obtained show that floronyms form a complex semantic system structured according to certain motivational features. Within the phraseological level, these units reveal their evaluative potential and demonstrate semantic duality. The practical significance of the study lies in the fact that its results can be applied in the practice of teaching English, in translation activities, in courses on linguoculturology and intercultural communication, as well as in comparing dictionaries of phraseological units and culturally marked vocabulary.

Keywords: *phytonyms, phytonymic worldview, cognitive linguistics, phraseology, semantic motivation, axiological marking, the English language, cultural code*

For citation: Petrova E.E. Semantics and pragmatics of lexical units of the thematic group “Flora” in modern English. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 219 – 224. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-219-224

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Фитонимическая картина мира представляет собой важный лингвокультурный феномен, который представляет собой не просто совокоупность наименований растений, а сложное культурно-языковое образование, объединяющее в себе систему символов, ассоциаций и различных когнитивных моделей. В данной статье рассматривается языковая объективация флорообразов в современном английском языке через призму когнитивных процессов номинации (в том числе и на материале фразеологических единиц), символических контекстов и кросс-культурных сопоставлений. Исследовательский фокус пришелся на конец XX – начало XXI века. В этот период интерес к растительной символике в английской языковой картине мира стал особенно заметным и устойчивым.

Интерес к изучению флоронимической лексики обусловлен несколькими существенными факторами. Во-первых, флоронимы являются маркером национально-культурной идентичности, они впитывают в себя историю народа, его быт, верования, страхи и надежды. В процессе номинации объектов окружающего мира одновременно происходит фиксация способов восприятия мира определенным языковым коллективом [1, 4, 10]. Растения на протяжении всей истории играли ключевую роль в жизни людей, являясь источником пищи, лекарств, строительных материалов, а также объектом религиозного поклонения и эстетического наслаждения. Названия растений, закрепленные в языке, отражают многовековой опыт взаимодействия человека с природой. Это касается особенностей материальной культуры (английское слово hedge (живая изгородь) ассоциируется с традиционным английским ландшафтом и системой землепользования, а cabbage – с крестьянским бытом и кулинарными традициями), мифологических и религиозных представлений (священное дерево друидов – oak (дуб) или lily (лилия) – символ чистоты в христианской традиции), социаль-

ных отношений и исторических событий (tulip (тюльпан) – название, неразрывно связанное с историей торговли и «тюльпаноманией» в Европе XVII века), а также наивной картины мира (растения часто осмысляются через антропоморфные или зооморфные метафоры: английские народный названия foxglove (букв. «перчатка лисы»), lady's slipper (венерин башмачок).

Во-вторых, флоронимы представляют собой динамичную систему, реагирующую на изменения в обществе [5]. Язык не является статичной структурой, а растительная лексика очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе. «Незнание и непонимание значений названий растений и животных ведет к их исчезновению из речи носителей языка, тем самым, обедняя ее» [7, с. 11]. Понимание культурной специфики флоронимов становится необходимым условием для адекватного перевода, межкультурного диалога и избегания коммуникативных неудач. Рост интереса к исследуемой лексике также продиктован и экологической повесткой, биоразнообразию (biodiversity) и устойчивому развитию: появляются новые термины и переосмысливаются старые (например, rewilding – возвращение к дикой природе, native species – исконные виды). Названия растений все чаще звучат в экологическом дискурсе, и язык это фиксирует. Таким образом, современная наука стремится изучать язык в неразрывной связи с культурой и сознанием его носителей. Флоронимы, являясь ярким примером культурно-маркированной лексики, позволяют глубже понять механизмы взаимодействия языка, культуры и мышления [2, 3].

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили данные толковых и фразеологических словарей современного английского языка (Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary), а также корпусные данные (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English). В общей сложности, было проанализировано около 200 лексических единиц растительной семантики и около 150 фразеологических оборотов с фитонимическим компонентом.

В работе применялся комплекс методов лингвистического анализа: метод сплошной выборки, компонентный, фразеологический (разработанный в трудах А.В. Кунина) [6] и концептуальный анализ. Кроме того, применялся метод когнитивной интерпретации, позволяющий реконструировать мотивационные признаки, лежащие в основе номинации растений.

Результаты и обсуждения

В современной когнитивной лингвистике флоронимы рассматриваются как сложное макрополе, которое на основании когнитивной мотивации распадается на ряд микрополей. Под когнитивной мотивацией понимается признак или комплекс признаков, который лежит в основе выбора имени для растения и отражает способ его осмысления человеком.

В ходе анализа материала было установлено, что тематическая группа «Флора» в современном английском языке структурируется по нескольким типам когнитивной мотивации, формируя соответствующие микрополя.

Параметрическое микрополе объединяет названия, в ядре семантики которых лежат физические характеристики растения. Это наиболее наглядный, вероятно, самый древний пласт номинации, так как форма, размер и цвет воспринимаются непосредственно органами чувств. Примерами могут служить bluebell (колокольчик, букв. «синий колокол») или broadleaf (широколистный). Прагматическое микрополе образуется на основе практического опыта взаимодействия человека с природой. В эту группу входят названия, указывающие на полезные (или вредные) свойства, например, soapwort (мыльнянка, букв. «мыльная трава», используемая как мыло) или toothwort (зубчатка, указывает на применение при зубной боли).

Особый интерес представляет собой локативно-темпоральное микрополе, где особенно заметно взаимодействие бытового и научного осмысления действительности [8, с. 79]. Название *«водяная лилия» (water lily)* мотивировано из непосредственного наблюдения за местом произрастания, а географические лексемы, например, *Chilean Pine* (Чилийская сосна), требует осознанного включения растения в определенную систему координат, что связано с классификацией растений и историей выращивания. Поэтому организация данного микрополя отражает не только свойства растений, но и то, как изменялось человеческое мышление – от предметно-действенного к более отвлеченному, логическому осмыслению мира.

Если на уровне лексической номинации флоронимы фиксируют первичные признаки объекта, то на уровне фразеологии раскрывается их глубинный символический и аксиологический потенциал. Картина мира, представленная во фразеологических единицах с фитонимическим компонентом, отражает духовный мир людей с его эмоциональными восприятиями, оценками, разнообразными чувствами и взаимоотношениями в обществе [9, с. 13] Именно в устойчивых выражениях флоронимы начинают обрастать символическими смыслами, они начинают характеризовать человека, его поступки, его настроение, его жизнь. Как справедливо отмечает О.П. Рябко, фразеологизмы с флористическим компонентом обладают ярко выра-

женной антропоцентрической составляющей: они служат не столько для описания растений, сколько для осмысления человеческого бытия [8]. Детальный анализ семантики фразеологизмов с флористическим компонентом показывает, как отдельные названия растений выстраивают сложные семантические поля через свое употребление в устойчивых выражениях.

Рассмотрим на примерах.

Маргаритка (Daisy/Bellis perenis) представляет собой один из семантически наиболее богатых флоронимов в английском языке. Ее ассоциативный ряд включает весну, свежесть и чистоту, а также участвует во фразеологической объективации концептов «счастье», «смерть», «обыденность», «различие» и «несоответствие». Семантическая двойственность маргаритки в английском языке поражает. Жизнеутверждающее выражение *"fresh as a daisy"* (свежий как маргаритка – о человеке, полном сил после отдыха) до мрачного *"pushing up daisies"* (в английском языке данная идиома буквально означает «подталкивать маргаритки» – идиоматическое обозначение смерти). Этот контраст между выражениями ярко иллюстрирует двойственность растительной символики, где один и тот же образ становится точкой пересечения расцвета жизни и ее заката.

Интересным примером номинации также является Лотос *(Lotus).* Семантика это го слова включает разные культурные пласты. Традиционные ассоциации демонстрируют умиротворение и безмятежность, в то время, как современный английский язык добавляет ассоциации, связанные с наркотическими веществами. А при более глубоком изучении обнаруживаются следы греческой мифологии: гомеровские лотофаги. Выражение "lotus-eater" (лотофаг) до сих пор используется для обозначения мечтательного человека, живущего праздном забвении.

Первоцвет *(Primrose)* демонстрирует еще более интересную и сложную картину с точки зрения смысловой эволюции. Первоцвет является эталоном желтого цвета, символом юности и, в то же самое время, символом хрупкости, увядания и смерти. Шекспировское выражение *"primrose path" («путь первоцвета»)* из *«Гамлета»* закрепилось в языке как метафора легкого, полного удовольствий пути, который, однако, ведет к гибели. Таким образом, литературный образ становится частью коллективной языковой памяти.

Шиповник (Briar) и утесник (Furze) объединены общей семантической чертой – колючестью, которая означает терпкость и жесткость природы. Но дальше их смысловые структуры расходятся. Образ шиповника соединяет в себе эстетическую привлекательность и негативные коннотации: язвительность и проблемность. Утесник же демонстрирует противоположную картину: он окрашен в более позитивные тона и ассоциируется с любовью.

Диапазон смысловых оттенков значений у лаванды один из самых широких. Лаванда демонстрирует множественные семантические пересечения: ее семантическое поле включает такие значения, как свежесть, ссора, хранение, заклад, тюрьма и даже смерть, а также коннотации бережливости и трудности. Фразеологическое выражение *"lay up in lavender"* (заложить в ломбард или тщательно припрятать) ведет происхождение от практики хранения белья с лавандой. Выражение же *"lavender marriage"* (брак, скрывающий гомосексуальность) вошло в обиход уже в XX веке, что является убедительным свидетельством постоянных изменений в языке [9].

Анютины глазки (Pansy) также несут коннотации нетрадиционных отношений наряду с ассоциациями слабости и женоподобия. Желтофиль (Wallflower) семантически фокусируется на концепте ожидания: первоначально обозначая растение, которое ползет по стене, он метафорически расширился для описания человека (обычно девушки), остающегося в стороне от танцев и светского общения. Тюльпан вербализует концепт безвкусицы, что проистекает из исторических ассоциаций с тюльпаноманией и показной роскошью.

Особого внимания заслуживает флороним Лилия (Lily/Lilium). Он занимает особое место в английской фразеологической картине мира, проявляя многогранность культурно закрепленных за ней смыслов. Христианство наделило лилию исключительно светлыми смыслами: чистота, невинность, непорочность. Это цветок Девы Марии, символ благодати. Неудивительно, что лилия – непременный атрибут свадеб и религиозных сцен. Но есть и другое понимание лилии, которое тянется из античности. В те времена лилия была цветком Юноны, богини брака и любви, и ассоциировалась со страстью и вожделением. В древнеримском искусстве ее часто изображали в эротических сценах. Эта двойственность прекрасно отражается во фразеологии. С одной стороны, to gild the lily – «золотить лилию» – украшать то, что и без того совершенно. А с другой стороны – lily-livered – «с лилией вместо печени» – трусливый, малодушный, ведь бледный цвет ассоциируется с отсутствием крови и храбрости.

Лилия, таким образом, как бы балансирует между добродетелью и пороком, между святостью и греховностью. Помимо этого, лилия в английской культуре прочно ассоциируется с утонченной красотой, аристо-

кратизмом и элегантностью, что часто обыгрывается в литературе и искусстве, описывая женскую красоту как «лилейную» (lily-white).

Важной характеристикой флоронимов в составе английских фразеологизмов является их аксиологическая маркированность. Флористические единицы обнаруживают как мелиоративную, так и пейоративную окраску. Можно утверждать, что растительная лексика выполняет не только референциальную, но и важную модальную функцию в коммуникации, выражая отношение говорящего к предмету речи. Положительные коннотации соседствуют с отрицательными, создавая сложную семантическую вариативность, которая позволяет носителям языка точно выстраивать свои высказывания.

Выводы

Данный анализ языковой объективации флоронимов позволяет заключить, что за каждым названием растения в английском языке стоит не просто ботанический референт, а целый комплекс культурно обусловленных смыслов, сформированных литературной традицией, историческим опытом и особенностями наивной картины мира.

Проведенное исследование подтвердило, что тематическая группа «Флора» структурирована в английском языке по принципу когнитивной мотивации, выделяя параметрические, прагматические и локативно-темпоральные микрополя, что отражает эволюцию человеческого познания. На фразеологическом уровне флоронимы раскрывают свой аксиологический потенциал, демонстрируя амбивалентность (как в случае с лилией или маргариткой и выполняя антропоцентрическую функцию – они служат для характеристики человека, его поступков и состояний. Кроме того, исследование показало, что флористическая лексика является динамичной системой, чутко реагирующей на социальные изменения, что делает ее важным объектом при исследовании культурных изменений.

Список источников

1. Агафонова О.В. Типология мотивировочных признаков фитонимических лексических единиц в русском и латинском языках // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. Режим доступа URL: http://e-koncept.ru/2023/0.htm.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. 2-е изд. М.: Либроком, 2025. 264 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Kruchenkova T., Agafonova O. Nominations of plants with the fire component in russian linguistic culture // The Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovations: Proceedings of IX International Conference for Students, Postgraduates and Young Scientists. Vitebsk, December 9, 2022. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2022. P. 132 – 133.
5. Кудрявцева Н.Б. Фитонимическая лексика в аспекте межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. БелГУ. 2010. № 1, ч. 2. С. 118 – 119
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стер. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс+, 2019. 381 с.
7. Курашкина Н.А. Орнитоморфные флоронимы в научной номенклатуре // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). С. 10 – 15. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.119.
8. Рябко О.П. Категориальная размерная оппозиция во флоронимической номинации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 95. № 6. С. 78 – 82. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-78-82.
9. Уразметова А.В., Рябцова Н.И. Символические фитофразеологизмы как результат репрезентации языковой картины мира // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9 (45).
10. Широкова А.А. Флоронимы-композиты в современном литературном русском языке (на фоне флоронимов польского, украинского и белорусского языков) // XXIII славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: сборник тезисов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. С. 85 – 86.

References

1. Agafonova O.V. Typology of motivational features of phytonymic lexical units in Russian and Latin // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2023. Access mode URL: http://e-koncept.ru/2023/0.htm.
2. Gak V.G. Comparative lexicology: based on the material of the French and Russian languages. 2nd ed. M.: Librocom, 2025. 264 p.
3. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

4. Kruchenkova T., Agafonova O. Nominations of plants with the fire component in Russian linguistic culture // The Youth of the 21st Century: Education, Science, Innovations: Proceedings of IX International Conference for Students, Postgraduates and Young Scientists. Vitebsk, December 9, 2022. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2022. P. 132 – 133.

5. Kudryavtseva N.B. Phytonymic vocabulary in the aspect of intercultural communication // Philological sciences. Questions of theory and practice. BelSU. 2010. No. 1, part 2. P. 118 – 119

6. Kunin A.V. Course of phraseology of modern English. 3rd ed., erased. M.: Higher School; Dubna: Phoenix+, 2019. 381 p.

7. Kurashkina N.A. Ornithomorphic floronyms in scientific nomenclature // International scientific research journal. 2022. No. 11 (125). P. 10 – 15. DOI: 10.23670/IRJ.2022.125.119.

8. Ryabko O.P. Categorical dimensional opposition in floronymic nomination // Humanitarian and social sciences. 2022. Vol. 95. No. 6. P. 78 – 82. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-95-6-78-82.

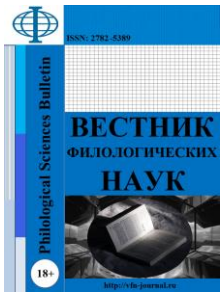
9. Urazmetova A.V., Ryabtsova N.I. Symbolic phyto-phraseologisms as a result of representation of the linguistic picture of the world // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 9 (45).

10. Shirokova A.A. Phloronyms-composites in the modern literary Russian language (against the background of floronyms of the Polish, Ukrainian and Belarusian languages) // XXIII Slavic readings in memory of Professor P.A. Dmitriev and Professor G.I. Safronova: collection of abstracts. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2024. P. 85 – 86.

Информация об авторах

Петрова Е.Е., *кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур, Псковский государственный университет*

© Петрова Е.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.33
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-225-230

[1] Резуненко И.В., [1] Саркисьянц В.Р. ***[1] Донской государственный технический университет***

От «Окон РОСТА» к хэштег-активизму: эволюция агитационного слова (на примере неологизмов В.В. Маяковского и цифровых лексических единиц)

Аннотация: *статья посвящена сопоставительному анализу поэтических неологизмов В.В. Маяковского с современными цифровыми лексическими единицами (ЦЛЕ), которые работают в протестных социально-политических движениях. Между этими явлениями целая эпоха, однако оба феномена рассматриваются как типологически близкие инструменты массовой агитации и мобилизации, поскольку в основе обоих лежит языковая компрессия – универсальный способ создавать семантически плотные и воздействующие на аудиторию единицы. Лапидарность формы, директивная иллокутивная сила, способность объединять аудиторию вокруг общей идентичности – эти черты роднят лозунги «Окон РОСТА» с хэштегами вроде #BlackLivesMatter, #MeToo, #StopKony, показывая, что агитационное слово живёт по схожим законам, даже когда коммуникационная платформа меняется до неузнаваемости. Отдельно рассматривается гипертекстовая природа ЦЛЕ, которая предстаёт аналогом визуально-текстового синтеза, знакомого по плакатам Маяковского.*

Ключевые слова: *В.В. Маяковский, цифровая лексическая единица, хэштег, языковая компрессия, директивный речевой акт, лапидарность, консолидация, социально-политический протест*

Для цитирования: Резуненко И.В., Саркисьянц В.Р. От «Окон РОСТА» к хэштег-активизму: эволюция агитационного слова (на примере неологизмов В.В. Маяковского и цифровых лексических единиц) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 225 – 230. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-225-230

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Rezunenko I.V., [1] Sarkisyants V.R. ***[1] Don State Technical University***

From “Windows of GROWTH” to hashtag activism: the evolution of agitative language (using V.V. Mayakovsky’s neologisms and digital lexical units as examples)

Abstract: *the article is devoted to a comparative analysis of V.V. Mayakovsky’s poetic neologisms and modern digital lexical units (DLEs) that are used in protest socio political movements. There is an entire era between these phenomena, yet both phenomena are considered to be typologically similar tools for mass agitation and mobilization, since both are based on linguistic compression – a universal way to create semantically dense units that have an impact on the audience. The brevity of form, directive illocutionary force, and the ability to unite the audience around a common identity – these features are common to the slogans of “Okna ROSTA” and hashtags like #BlackLivesMatter, #MeToo, #StopKony, demonstrating that agitational discourse follows similar laws, even when the communication platform changes beyond recognition. The hypertextual nature of the CLE is examined separately; it appears as an analogue of the visual textual synthesis familiar from Mayakovsky’s posters.*

Keywords: *V.V. Mayakovsky, digital lexical unit, hashtag, linguistic compression, directive speech act, brevity, consolidation, socio- political protest*

For citation: Rezunenko I.V., Sarkisyants V.R. From “Windows of GROWTH” to hashtag activism: the evolution of agitative language (using V.V. Mayakovski’s neologisms and digital lexical units as examples). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 225 – 230. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-225-230

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 20, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Стремительное развитие социальных сетей и платформ Интернета второго поколения привело к трансформации не только форм коммуникации, но и способов организации социально-политических движений. В современной цифровой протестной коммуникации ключевую роль играют хэштеги – семантически сжатые и директивно заряженные лексические единицы, обладающие гипертекстовой природой [1, с. 52-60]. Но лапидарное и воздействующее слово, мобилизующее массы, стало порождением не только цифровой эпохи.

Похожую функцию в 1910-1920-х годах выполняли агитационные плакаты «Окон РОСТА». Тексты и лозунги для них писал В.В. Маяковский, сознательно добиваясь «уличного», «плакатного» слова, понятного и звонкого для миллионов. Он создавал неологизмы, словослияния, аббревиатуры, метафорические сочетания, и эти находки служили не просто поэтическими фигурами. Они формировали новую политическую идентичность и работали как инструмент агитационного воздействия.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить типологическое сходство между неологизмами В.В. Маяковского в агитационных плакатах и современными цифровыми лексическими единицами, используемыми в протестной коммуникации. Оба явления опираются на одни и те же универсальные механизмы, среди которых языковая компрессия, иллокутивная функция и способность консолидировать аудиторию.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили агитационные тексты В.В.Маяковского периода «Окна РОСТА» и хэштеги, слоганы (современные лексические цифровые единицы). В работе использовался комплекс методов: анализ теоретической литературы, сопоставительный метод для выявления закономерностей и трансформаций агитационной лексики, метод семантико-прагматической интерпретации, направленный на раскрытие манипулятивного потенциала слов.

Результаты и обсуждения

1. Языковая компрессия как фундаментальный принцип

Поэтический неологизм Маяковского и современный хэштег на первый взгляд принадлежат разным эпохам и разным сферам речи. Однако у них общий механизм: языковая компрессия (сжатия значительного объема информации, как правило, лапидарную форму).

Хэштег связывает контексты. А.В. Алексеев называет цифровую лексическую единицу (ЦЛЕ) лексической единицей с гипертекстовой природой, которая активно функционирует в современной виртуальной коммуникации, чья основная задача заключается в семантической категоризации текстов, фото, изображений, аудиорядов, видео и подобного [3, с. 24]. Важно, что смысл хэштега не исчерпывается самим словом – он раскрывается через межтекстовые связи, объединяющие текст, изображения и видео в единое целое.

У Маяковского неологизмы устроены по тому же принципу. Например, слово «серпастый» – образованное словосложением, оно несёт не только атрибутивный смысл («имеющий серп»), но и целый пласт идеологических значений: крестьянское происхождение, советскую власть, революционную эстетику. Плакат «Окон РОСТА» и сам по себе строился как гипертекст. Стихотворный текст читался только в связке со злободневным рисунком-карикатурой, порознь их воспринимать было невозможно – вместе они давали смысловую полноту, недостижимой при раздельном восприятии.

Языковая компрессия объединяет разные эпохи. Маяковский упрощал сложную социальную, политическую или эмоциональную программу, сжимая её до краткой запоминающейся формы, и современные коммуниканты действуют тем же способом, стремясь к той же ясности и лаконичности высказывания.

2. Лапидарность как атрибут массовой коммуникации

Любое средство массовой агитации требует лапидарности, то есть предельной краткости при максимальной смысловой насыщенности, и без этого условия оно просто не работает. Плакат Маяковского приходилось читать на бегу, поэтому текст на нём сжимался до сути. Хэштег устроен так же, так как в ленте социальных сетей должны восприниматься мгновенно.

У Маяковского лапидарность достигалась за счет:

Словослияния*: «Серпастый-молоткастый»*.

Аббревиации: *«Цека»* (Центральный Комитет), *«Губчека»*.

Императивных конструкций: *«Читай!», «Учись!», «Не болтай!»*.

В современных протестных движениях те же механизмы работают с использованием цифровых инструментов:

Хэштеги-слитки: *#BlackLivesMatter, #OccupyWallStreet*.

Аббревиации: *#BLM, #MAGA*.

Императивы: *#StopKony, #SaveOurOceans, #NoBanNoWall*.

А.П. Атягина справедливо замечает, что хэштегирование сжимает смысл на семантическом уровне и одновременно стремится к ещё более плотному сжатию на уровне графики [4, с. 206]. Это полностью коррелирует с лозунговой поэзией Маяковского, где сокращение формы не уменьшало, а, напротив, усиливало воздействие на аудиторию.

3. Директивная иллокуция как основа протестного слова

Одним из главных критериев родства между этими явлениями является доминирующая **директивная иллокутивная сила.** По сути своей и плакат, и хэштег – призыв, побуждение к действию, а не просто высказывание или информационное сообщение.

Дж. Остин и Дж. Сёрль в рамках теории речевых актов трактовали директивные речевые акты как выражение воли говорящего, побуждающей адресата к действию [10, с. 42]. Суть проста. Говорящий не просто сообщает нечто, а стремится добиться отклика от собеседника, заставить его выполнить конкретное действие.

Маяковский прямо обращается к адресату: **«***Рабочий, вставай!», «Долой!», «Бей!»*. Его лозунг **«***Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* – это классический директив, призыв к глобальной мобилизации.

В цифровой протестной коммуникации директивная интенция реализуется как эксплицитно, так и имплицитно:

Эксплицитная директива: *#StopKony* («*Остановите Кони*») – прямой приказ.

Имплицитная директива: *#BlackLivesMatter* – лозунг, который подразумевает «Встань на нашу сторону», «Прекрати дискриминацию». Имплицитность не ослабляет, а усиливает воздействие, так как реципиент сам достраивает смысл, становясь участником.

А.В. Алексеев в своей диссертации приходит к выводу, что цифровые лексические единицы, которые применяют коммуниканты в социально-политических протестных акциях, имеют директивную интенцию [3, с. 44]. Здесь и обнаруживается прямое родство с агитационной поэзией. Обе формы стремятся изменить социальную реальность, побуждая к действию.

4. Способность к консолидации и формированию идентичности

Ключевой социальной функцией как поэтических неологизмов Маяковского, так и протестных хэштегов является **консолидация**: и те, и другие сплачивают разрозненных людей в группу с общей идентичностью и общей целью.

Новое слово в эпоху Маяковского маркировало «свой-чужой». Стоило человеку произнести «товарищ» или использовать неологизм типа «совдеп» (Совет депутатов) и «коммунист», и он тем самым предъявлял пароль для входа в новое политическое сообщество, а заодно отсекал буржуев, обывателей и белогвардейцев, оказавшихся за пределами этого круга. Получалось, что сам факт употребления неологизма становился актом идеологической самоидентификации.

Ту же функцию сегодня взяли на себя хэштеги. Стоит поставить *#MeToo* – и пользователь мгновенно причисляет себя к глобальному сообществу жертв харассмента и сторонников феминистского движения.

Как показано в работе А.В. Алексеева, появление антагонистических хэштегов (*#WhiteLivesMatter, #BlueLivesMatter, #AllLivesMatter)* является прямым доказательством консолидирующей силы исходной ЦЛЕ – борьба разворачивается именно за **контроль над смыслом и идентичностью** [3, с. 131-135].

Когда пользователи объединяются вокруг общего хэштега, они тем самым отделяют себя от тех, кто в это сообщество не входит. Из-за этого хэштег превращается в мощный инструмент социального размежевания в цифровом пространстве.

5. От плаката к гипертексту: эволюция медийной формы

Форма, в которой живёт агитационное слово, тоже менялась со временем. Плакат «Окон РОСТА» был гипертекстом своей эпохи, потому что объединял текст, изображение и злободневный политический контекст в единое целое, а смысл плакатного стиха оставался неотделим от рисунка и текущей повестки. Форма несла смысл наравне со словом.

Современный хэштег, как уже было отмечено, – это тоже гипертекстовая единица. По определению А.В. Алексеева, «ЦЛЕ включает в себя различные файлы (фото, изображения, аудио, видеоряд, гипертекстовые тексты и т.п.)» [3, с. 100]. Значит, хэштег, подобно плакату, не сводится, к слову, а работает как своеобразный портал в информационное пространство движения. Он объединяет вербальные, визуальные и аудиальные ресурсы, чтобы воздействие на аудиторию было максимальным.

Проведённое сопоставление агитационного слова эпохи Маяковского и современных хэштегов позволяет не только зафиксировать их типологическое сходство, но и наметить вероятные **траектории эволюции** самого агитационного слова в ближайшем будущем.

1. От хэштега к мультимодальному ярлыку

Хэштег является преимущественно вербальной единицей, хотя цифровая среда всё настойчивее вплетает в себя звук, картинку и движение, так что агитационный призыв нередко запускается уже не через текстовый хэштег, а коротким видео с навязчивым аудиосэмплом (предварительно записанный звуковой фрагмент, который используют как готовый «кирпичик» при создании музыки или в саунд-дизайне) или узнаваемым визуальным шаблоном, мемом, который становится маркером движения. Можно предположить, что агитационное слово со временем перестанет быть только вербальным явлением, поскольку превращается в мультимодальный ярлык, где звук, жест, изображение и короткая фраза соединяются и взаимно усиливают директивный заряд. Лапидарность и компрессия при этом не исчезнут. Просто заработают уже не только на уровне лексики, но и на уровне аудиовизуального ряда.

2. От массового хэштега к персонализированному призыву

Маяковский и его современники обращались к «массам» единым словом, звучавшим одинаково для каждого. Хэштег в социальных сетях претендует на такую же универсальность, но алгоритмы платформ поступают иначе, показывая один и тот же хэштег разным пользователям в разном контексте. Агитационное слово будущего рискует утратить единую форму. Оно может рассыпаться на множество адаптивных вариантов одного призыва, подстроенных под возраст, интересы или географию конкретного человека. Так, разработчики протестной кампании транслируют один и тот же посыл разными формулировками для разных сегментов аудитории, сохраняя общее ядро и меняя лишь оболочку. Отсюда вопрос, сохранит ли слово свою консолидирующую функцию, если перестанет быть единым для всех.

3. От публичного лозунга к приватному сигналу

Плакаты «Окон РОСТА» висели прямо на улицах – их видел каждый прохожий, агитационное слово было максимально публично. У хэштега та же природа, он тоже рассчитан на широкую аудиторию. Но цифровая цензура ужесточается, протестные коммуникации перебираются в закрытые мессенджеры, и вместе с этим агитационное слово рискует всё глубже уходить в приватные каналы. Там ему грозит превращение в особый сигнал, понятный лишь «своим» – что-то вроде цифрового пароля, заменяющего открытый лозунг. Такой сдвиг укрепляет сплочённость внутри группы и одновременно подрывает саму способность слова привлекать новых людей и расширять движение.

4. От человеческого слова к алгоритмическому агенту

Самый радикальный сценарий развития событий, пожалуй, связан с тем, что агитационное слово, созданное человеком, постепенно уступит место конструкциям, сгенерированным нейросетями. Искусственный интеллект уже сейчас производит тысячи вариантов лозунгов, тестирует их эффективность на фокус-группах и дорабатывает формулировки в реальном времени. При таком раскладе агитационное слово перестанет быть актом творчества отдельного агитатора, каким был, например, Маяковский, и превратится в продукт оптимизации. Сила слова начнёт вычисляться математически. Подобный подход способен обеспечить невиданную ранее точность воздействия, однако он же ставит под вопрос саму природу агитационного слова, потому что оно рискует превратиться из выражения коллективной воли в результат алгоритмического расчёта.

Исторический материал подтверждает: механизм агитационного слова при всех трансформациях остаётся устойчивым. Форма меняется, будь то плакат, хэштег, аудиомем или персонализированный алгоритмический призыв, а агитационное слово неизменно тяготеет к трём инвариантным (неизменным) свойствам. Оно стремится к краткости, чтобы запомниться, к побудительности, чтобы подвигнуть к действию, и к консолидирующей силе, чтобы объединить людей вокруг общей идентичности. Эти три свойства проявились при сопоставлении Маяковского и хэштегов, и, вероятнее всего, сохранятся в будущем, независимо от того, какие технологические изменения произойдут.

Выводы

Сопоставительный анализ подтверждает: поэтические неологизмы В.В. Маяковского в агитационных плакатах и современные цифровые лексические единицы связаны глубокой типологической преемственно-

стью. Сначала стоит зафиксировать саму природу этих явлений. Оба феномена – это формы лапидарного агитационного слова. Оба возникают в условиях кризисной массовой коммуникации, когда время восприятия сообщения предельно сжато, а конкуренция за внимание аудитории достигает максимума. Дальше встаёт вопрос, что именно делает их работающими. Их эффективность держится на общих, универсальных механизмах.

1. Языковая компрессия сжимает смысл до минимальной формы. Именно поэтому фраза легко запоминается и расходится дальше, растекаясь по разговорам и текстам.

2. Директивная иллокуция превращает слово в призыв к действию. Она работает инструментом мобилизации, причём императив здесь может быть выражен явно или скрыто, форма проявления не влияет на суть.

3. Речь о способности группы к консолидации – именно она маркирует идентичность сообщества, отделяет своих от чужих и рождает чувство сопричастности общему делу. Такое разграничение работает почти всегда через простой механизм: люди объединяются вокруг общей цели и одновременно отстраняются от тех, кто в эту цель не вписан.

Плакаты «Окон РОСТА» работали как прецедентные гипертексты своего времени, и роль гиперссылок в них играли визуальные образы вместе со злободневным политическим контекстом. Похожую функцию теперь берут на себя хэштеги в социальных сетях. Но изменилась среда. Она стала интерактивной, динамической и способной масштабироваться в глобальном масштабе.

Как показывают намеченные перспективам, эволюция агитационного слова далека от завершения. Оно способно утратить вербальную форму, стать персонализированным или даже алгоритмическим, поскольку неизменным при этом остаётся его инвариантное ядро – стремление к краткости, побуждению и объединению. Базовые коммуникативные стратегии агитации демонстрируют удивительную устойчивость, адаптируясь к смене технологических и культурных эпох. Изучение этой преемственности проясняет природу современных протестных движений и позволяет прогнозировать будущие формы социальной мобилизации. В них слово, образ и алгоритм слиться в новое единство, сопоставимое по воздействующей силе с плакатами Маяковского в эпоху революционных потрясений.

Список источников

1. Алексеев А.В. Ключевые хэштеги, использовавшиеся в социальных сетях во время Арабской весны, и их влияние на политическую жизнь общества // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2023. Т. 20. № 1. С. 52 – 60.
2. Алексеев А.В. Семантический потенциал основных хэштегов общественно-политической кампании Kony 2012 // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 6. С. 150 – 156.
3. Алексеев А.В. Цифровая протестная коммуникация (на примере социально-политических движений: автореферат дис. ... док. филол. наук: 5.9.8. Ростов-на-Дону, 2025. 425 с.
4. Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2014. 154 с.
5. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82 – 96.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; ВГПИ, 1992. 330 с.
7. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Гослитиздат, 1955-1961.
8. Патрушева Л.С. Хештегирование как новый коммуникативный процесс // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2018. Т. 28. № 3. С. 471 – 475.
9. Austin J.L. How to do things with words. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 178 с.
10. Skinner B.F. Verbal behavior. Acton, MA: Copley Publishing Group, 1957. 480 с.

References

1. Alekseev A.V. Key hashtags used on social networks during the Arab Spring and their impact on the political life of society. Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosov. 2023. Vol. 20. No. 1. P. 52 – 60.
2. Alekseev A.V. Semantic potential of the main hashtags of the socio-political campaign Kony 2012. Advances in the Humanities. 2021. No. 6. P. 150 – 156.
3. Alekseev A.V. Digital protest communication (on the example of socio-political movements: abstract of thesis... Doctor of Philology: 5.9.8. Rostov-on-Don, 2025. 425 p.
4. Atyagina A.P. Twitter as a new discursive practice: abstract of dissertation. ...cand. Philol. Sciences: 10.02.01. Omsk, 2014. 154 p.

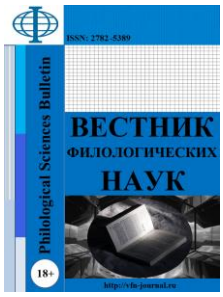
5. Guseinov A.Sh. The phenomenon of protest behavior. Man. Community. Management. 2012. No. 2. P. 82 – 96.
6. Karasik V.I. The language of social status. M.: Institute of Linguistics RAS; VGPI, 1992. 330 p.
7. Mayakovsky V.V. Complete works: In 13 volumes. Academician. Sciences of the USSR. Institute of World Literature named after. A.M. Gorky. Moscow: Goslitizdat, 1955-1961.
8. Patrusheva L.S. Hashtagging as a new communication process. Bulletin of the Udmurt University. Series: history and philology. 2018. Vol. 28. No. 3. P. 471 – 475.
9. Austin J.L. How to do things with words. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 178 p.
10. Skinner B.F. Verbal behavior. Acton, MA: Copley Publishing Group, 1957. 480 p.

Информация об авторах

Резуненко И.В., *кандидат филологических наук, Донской государственный технический университет*

Саркисьянц В.Р., *доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет*

© Резуненко И.В., Саркисьянц В.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.08
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-231-236

[1] Рец Д.С. ***[1] Донской государственный технический университет***

Латинская Америка и Пиренейский полуостров: специфика перевода сленгизмов молодежи с испанского языка на русский (на базе анализа кинокартин «Клон» и «Бумажный дом»)

Аннотация: *в работе рассматриваются лексико-семантические характеристики сленговых единиц, их фуекции в создании речевых портретов персонажей, а также проводится сопоставительный анализ употребления сленгизмов в двух различных ареалах испанского языка – Пиренейского полуострова и Латинской Америки. На основе выборки из 75 сленговых единиц выделены основные тематические группы, выявлены способы перевода и культурно-специфические элементы, влияющие на адекватность передачи смысла при переводе на русский язык, Результаты исследования демонстрируют, что сленг является неотъемлемым элементом речевой характеристики персонажей, отражающим социальные, психологические и эмоциональные параметры личности, а также фиксирующим региональные различия испанского языка.*

Ключевые слова: *испанский сленг, молодежный сленг, перевод, «Бумажный дом», «Клон», лингвокультурология, речевая характеристика, диалектные различия, испанский язык Латинской Америки*

Для цитирования: Рец Д.С. Латинская Америка и Пиренейский полуостров: специфика перевода сленгизмов молодежи с испанского языка на русский (на базе анализа кинокартин «Клон» и «Бумажный дом») // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 231 – 236. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-231-236

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Rets D.S. ***[1] Don State Technical University***

Latin America and Iberian Peninsula: the specifics of translating youth slangisms from Spanish into Russian (based on the analysis of the films “Clone” and “Paper House”)

Abstract: *the article examines the lexical and semantic characteristics of slang units, their inflections in creating speech portraits of characters, as well as a comparative analysis of the use of slangisms in two different areas of the Spanish language – the Iberian Peninsula and Latin America. Based on a sample of 75 slang units, the main thematic groups are identifies, translation methods and culturally specific elements that affect the adequacy of meaning transmission in translation into Russian are identified, the results of the study demonstrate that slang is an integral element of the speech characteristics of characters, reflecting social, psychological and emotional parameters of personality, as well as fixing regional differences of the Spanish language.*

Keywords: *Spanish slang, youth slang, translation, “Paper House”, “Clone”, linguistic and cultural studies, speech characteristics, dialect differences, Latin American Spanish*

For citation: Rets D.S. Latin America and Iberian Peninsula: the specifics of translating youth slangisms from Spanish into Russian (based on the analysis of the films “Clone” and “Paper House”). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 231 – 236. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-231-236

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 20, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет то, что во времена цифровизации и глобализации средств массовой информации и кинематограф способствуют достаточно быстрому распространению сленгизмов не только среди молодого поколения, но и среди людей всех возрастных категорий. Достаточно значимый интерес проявляется к изучению испаноязычного сленга в силу его богатства, метафоричности и значительных региональных различий между Испанией и странами Латинской Америки. Сериалы «Бумажный дом» и «Клон», получившие известность во всем мире, являются репрезентативным материалом для анализа, поскольку речь актеров богата сленгизмами, отражающими как универсальные, так и культурно-специфические черты.

Цели и задачи исследования состоят в выявлении культурных и лингвистических особенностей испанского молодежного сленга на материале сериалов «Бумажный дом» и «Клон» и определить способы понятного перевода на русский язык, а также в анализе, так называемых, теоретических подходов к толкованию понятий «сленг», «жаргон» и «арго» в испанской лингвистике [1, с. 56-58, с. 112-118]. Также необходимо проведение сплошной выборки сленговых единиц из разговоров персонажей сериалов «Бумажный дом» и «Клон», распределение отобранных сленгизмов по тематическим группам, определение главных функций сленга в изображении речевых портретов актеров, проведение сопоставительного анализа сленговой лексики Пиренейского полуострова и Латинской Америки на базе материала кинокартин. Как итог, разные варианты перевода выявленных сленгизмов на русский язык с учетом их стилистической и прагматической нагрузки.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступили диалоги и монологи актеров двух многосерийных художественных фильмов: испанского сериала «Бумажный дом» и бразильского сериала «Клон», показывавшегося на экранах Латинской Америки. Общий объем выборки составляет 75 сленговых единиц. Методы, использовавшиеся для анализа: метод сплошной выборки, описательно-аналитический метод, метод классификации, сопоставительный метод, контекстуальный анализ и словарно-дефиниционный метод.

Результаты и обсуждения

Неизменной приметой современной речевой действительности служит стирание четких границ между различными языковыми уровнями и стилистическими слоями. По всей видимости, в академической среде принято разграничивать поняти jerga и argot, однако на практике эти термины сегодня вопринимаются как полные эквиваленты. Примечательно, что одни предпочитают применять слово jerga для обозначения лексики, циркулирующей в криминальной среде, тогда как другие специалисты отдают предпочтение термину argot.

Обозначение argot обрело широкую известность не только в самой Испании, но и далеко за ее пределами.

Молодежная речь буквально пронизана сленговыми выражениями и разговорными клише. Словарный запас юных носителей языка постоянно расширяется благодаря словотворчеству, которое питается многовековыми трансформациями испанского социума и многообразием форм самовыражения, характерных для молодежных субкультур.

В наши дни средства массовой информации играют важную роль в распространении сленговых выражений. К сожалению, ни молодое поколение, ни старшее, далеко не все осознают то, как сильно меняется толкование слов при другой их передаче иным тембром голоса. Многие усточивые словосочетания, которые всегда казались людям неприемлемыми и даже жестокими, внезапно превращаются в некие восклицания. Удивительно, что некоторые исходные слова уже почти полностью утратили свою бранную коннотацию: joder – ¡jo!, ¡jolín!, ¡jobar!; A joderse y aguantarse! – ¡ajo y agua!; coño – ¡coñe!, ¡concho!, ¡corcho!; mierda – eme, ¡una eme! – в значении отрицания или отказа; Mandar a la eme – отвергнуть кого-либо с гневом или презрением.

Речь – это, по сути, сам человек; по ней можно составить полноценную характеристику личности, сделать предположение о чертах характера и даже о внешнем облике [9, с. 45]. Именно поэтому сценаристы и режиссеры при создании персонажей отводят особую, даже первостепенную роль их манере говорить, характерным репликам и специфическим оборотам.

Для проведения анализа семьдесят пять сленговых единиц было найдено после ознакомления с сериалами.

Алекс Пина является креатором сериала «Бумажный дом», актерами в котором стали популярные актеры страны. Личные версии данного сериала есть и во многих других странах, так как кинокартина очень

популярна среди зрителей. Основная сюжетная линия формируется вокруг ограбления Королевского монетного двора в Испании.

Очень сильно цепляет внимание людей главный герой данного сериала. Его имя в кинокартине – Профессор, реальное имя которого в обычной жизни – Серджио Маривао. Он – очень мудрый и начитанный. В словах профессора огромное количество толковых выражений. Тем не менее, сколь гениальными ни были бы замыслы Профессора, в его речи тоже встречаются сленгизмы. Герой – гениальный, многогранный и развитый персонаж, который способен на все, что угодно для родных.

Токио – это героиня, которая играет немаловажную роль в сериале. Речь девушки, можно сказать, пестрит сленговыми оборотами, ведь актриса является одной из самых активных членов банды, участвует в ограблении и комментирует происходящие события. Ее характеризует импульсивность, смелость и отвага. Яркая внешность и противоречивый характер актрисы привлекают. Ее фразы и выражения, можно сказать, наполнены сленгизмами, так как Токио – смелая, отважная и целеустремленная. Она стремится принять участие во всем, что касается ограбления.

Одним из самых лююбимых и обожаемых зрителями героев является Берлин. Он также играет немаловажную роль в данном сериале. Действия этого персонажа иногда кажутся неясными и даже негативными по отношению к другим. Разница характера Берлина в сравнении с остальными состоит в том, что он пытается преодолеть столкновение своих поступков со здравым смыслом. Он часто использует такой сленгизм, как “un mamon” – придурок.

Следующим шедевром киноиндустрии является мелодрама «Клон», которая обрела огромную популярность во всех уголках мира. Несомненно, данный сериал приобрел известность благодаря теме, затронутой режиссерами. Это тема клонирования, никем не обсуждаемая до выхода «Клона», откуда и вытекает название. Также наркотическая зависимость обсуждается в сериале. Конечно, Жади и Лукас известны абсолютно всем, кто хоть раз слыл о «Клоне».

Также, Мэл – это та самая героиня, которая попадает в плен запрещенных веществ и не может выбраться из него. Из-за того, что родители сильно оберегали ее всю жизнь, героиня не может противостоять злу окружающего мира. Ее возлюбленный Шанди все время твердил: “Así que toma fuerza en mí. Y las drogas, las drogas no conducen a nada, y no ayudan a nadie. Si necesitas fuerzas, Llámame, en cualquier momento, incluso de noche. Pero por el amor de Dios, termina con las drogas”. Зависимость героини кажется нереальной для того, чтобы победить ее.

Диогу Ферраз – именно тот, вокруг кого крутится главная тема сериала – клонирование. Он очень расслаблен и не думает, о чем говорит, используя огромное количество сленговых выражений:

“¡Qué onda, primo”

Итак, слова и изречения людей полностью передают всю сущность человека.

Конечно, преимущественнно сленгизмы используют герои, непосредственно участвующие в ограблении. Они названы в честь городов мира. Нечасто сленгизмы использует Профессор в отличие от остальных персонажей. Сериал «Клон», как было сказано ранее, поднимает огромное количество тем, особенно зависимость от запрещенных веществ и клонирование. Режиссер пытается донести зрителю то, что невозможно решить проблемы жизни путем губящих препаратов.

Метод категоризации использован для разделения сленгизмов сериала «Бумажный дом» на группы: нарушение закона, деньги, работа, человеческое качество, фразеологизмы и другое. На рисунках 1 и 2 демонстрируется то, как сленгизмы разделены по категориям.

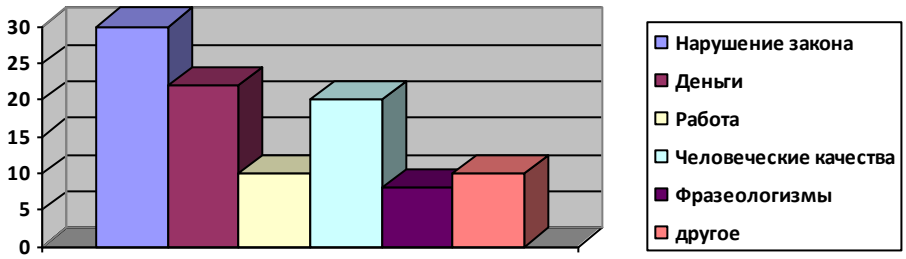

Рис. 1. Сленговые выражения в «Бумажном доме».
Fig. 1. Slang expressions in “Money Heist”.

Нарушение закона, конечно, является главной темой сериала про ограбление. Каждый герой имеет свою цель, которую хочет достичь в конце. Например:

"Ver las pintas" – увидеть привидение. Это можно толковать, как то, что ты увидел что-то или кого-то неожиданно.

"marcar un órdago" – поставить все на что-то. Можно объяснить, как то, что ты в чем-либо уверен на 100 %. «Я ставлю все на то, что это сделал ты!».

Несомненно, весь смысл вращается вокруг ограбления Монетного двора. Власть – это то, что вызывает раздражение у героев. Они хотят уничтожить ее. Также примеры выражений, связанных с деньгами:

"*Pijo*" – мажор;

"*que te toque el gordo*" – выиграть в лотерею;

«Терпение и труд все перетрут» – эта поговорка олицетворяет то, что невозможно добиться чего-либо без упорного труда. Любовь к родным людям заставляет их жертвовать своими силами и временем, а также идти на риск ради того, чтобы их бущее было беззаботным. Например:

"*Costar un mogollón*". Это сленговое выражение, которое употребляется для того, чтобы передать смысл того, что некое задание, связанное с работой трудно выполнимо.

В кинокартине есть множество сленговых выражений, которые дают характеристику человеческим качествам:

"*Tolay*" – глупец;

Фразеологизмы играет важную роль:

"*Comer techo*" – не сомкнуть глаз.

Присутствуют также другие сленговые выражения:

"*No me rayes*" – не приноси мне трудности;

Ни для кого не секрет то, что язык является постоянно меняющимся явлением, в котором возникновение неологизмов не удивляет никого. Сюда же относятся и сленгизмы, исследрваниями которых все больше и больше интересуются. Стать теснее с телезрителем, в чем уверены постановщики, очень легко благодаря использованию сленговых выражений на более широкую аудиторию.

Далее мы произвели выявление сленгизмов во втором сериале. Объяснение их значение происходит благодаря книгам, где собраны слова с одинаковым или похожим значением. На рис. 2 видно то, как разделены сленгизмы по категориям.

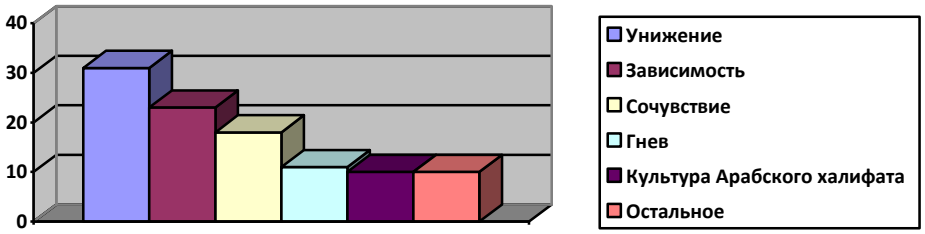

Рис. 2. Сленговые выражения в «Клоне».
Fig. 2. Slang expressions in "The Clone".

Конечно, «нереальные любовные отношения» – это одна из основных тематик сериала.

Между преступниками в столь напряженной обстановке часто происходят разногласия. Например, "¡Que Allah te proteja de ti!" – Да защитит тебя Аллах от самого себя.

Существенным аспектом для дискуссии выступает зависимость от запрещенных веществ. До выхода сериала «Клон» в свет никто не пытался акцентировать внимание на столь откровенной проблеме. Именно поэтому она произвела настоящий фурор. Например, "Lo haré. Fue la Última vez" – Я сделаю это. Это был последний раз.

Переживания всегда настигают персонажей. Например, "Vives como en el infierno, y tu tormento solo terminará cuando te venges" – Здесь ты находишься, как в аду, ваши мучения перестанут существовать, если только расквитаться.

Сленговые выражения в арабском языке также актуальны. Например, "Habibi = cariño" – милая (о женщине).

«Остальное» – это завершающая группа сленгизмов. Например, "¡Qué oso, wey!" – Какая досада, чувак!

Таким образом, режиссеры «Бумажного дома» стремятся добиться восторженных отзывов зрителей. Режиссеры «Клона» также не отстают. Создателям «Бумажного дома» удалось завоевать сердца миллионов, ведь зрители переживают за каждого персонажа, за его чувства и эмоции. Стоит также подумать о том, насколько отважным был поступок создателей «Клона», так как они затронули темы в сериале, о которых другие никогда бы не заговорили. В обеих кинокартинах мы испытываем чувство сострадания ко всем персонажам, именно поэтому и тот, и другой сериал вызывают непередаваемые чувства у зрителей.

И в сериале «Клон» (Латинская Америка) и в сериале «Бумажный дом (Пиренейский полуостров) очень хорошо видно то, что существуют самые разнообразные варианты из разговороного языка, особенно сленговые выражения. Безусловно, есть расхождения при просмотре этих кинопроизведений в оригинале.

Прежде всего, бросаются в глаза фонетические расхождения, а именно, произносительные особенности [4, с. 203-205]. Заметны различия, когда слышишь разговоры актеров. В латиноамериканском варианте звук «р» очень похож на «д» (также как в сериале «Клон»), однако в кинокартине «Бумажный дом» слова с этой буквой говорятся четко.

Для того, чтобы заметить разницу в вокабуляре испанского языка разных частей мира, можно вспомнить такие слова, как «машина» в «Клоне» применяется латиноамериканское “carro” [3, с. 167]. В «Бумажном доме» же используется “coche”.

Грамматика в обоих сериалах почти не отличается, однако есть также и разница во временах и конструировании фраз. «Клон» – “Cómo te va”, а «Бумажный дом» –“¿Cómo estás?”.

Выводы

В этой статье мы постарались раскрыть все богатство и неповторимость испанского языка и неповторимость испанского языка в разных уголках земного шара. Он по-прежнему не перестает нас поражать. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к сериалам. Сленг и жаргон служат прекрасным индикатором отличий в манере говорить у героев [5, с. 230]. Заметно, что местами диалекты крайне близки, но кое-где прослеживаются и явные несовпадения. Стоит отдавать себе отчет в культурных и разговорных нюансах разных стран, пусть подчас они и не лежат на поверхности.

Употреблять сленговые фразы не просто важно, а жизненно необходимо, но только в соответствующих обстоятельствах [1, с. 78]. Иными словами, каждый случай использования жаргонизма обязан быть оправданным – то есть применяться исключительно по делу [1, с. 92]. Ведь речь – это не просто набор звуков; это материя, из которой рождаются отдельные слова, устойчивые обороты и даже целые литературные труды.

Список источников

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. Москва: Флинта, 2022. 240 с.
2. Дрейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / пер. с англ. Москва: URSS, 2023. 312 с.
3. Звигинцев В.А. Теоретическя и прикладная лингвистика: учебник. Москва: Ленанд, 2023. 400 с.
4. Колесникова С.М., Алтабаева Е.В., Грязнова А.Т. Когнитивная лингвистика: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 192 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: монография. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2022. 280 с.
6. Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2023. 179 с.
7. Махлина С.Т. Лингвистка и семиотика: учебник и практикум для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 260 с.
8. Хроленко А.Т. Введение в филологию: учебное пособие. 4-е изд., стер. Москва: Флинта, 2023. 216 с.
9. Чурилина Л.Н., Степанова Е.В. Актуальные проблемы современной филологии: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2022. 180 с.
10. Штайн К.Э., Петренко Д.И. История филологии: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2023. 270 с.

References

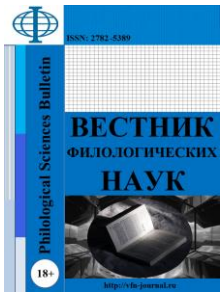
1. Baranov A.N. Linguistic Text Analysis: Theory and Practice: A Study Guide. Moscow: Flinta, 2022. 240 p.
2. van Dijk T.A. Language, Cognition, Communication: Collected Works. Trans. from English. Moscow: URSS, 2023. 312 p.
3. Zvegintsev V.A. Theoretical and Applied Linguistics: A Textbook. Moscow: Lenand, 2023. 400 p.
4. Kolesnikova S.M., Altabaeva E.V., Gryaznova A.T. Cognitive Linguistics: A University Textbook. Moscow: Yurayt, 2022. 192 p.

5. Kubryakova E.S. The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century: A Monograph. Moscow: Languages of Slavic Culture (YaSK), 2022. 280 p.
6. Maslova V.A. Philological Analysis of Poetic Text: A University Textbook. Moscow: Yurayt, 2023. 179 p.
7. Makhlina S.T. Linguistics and Semiotics: A University Textbook and Practical Guide. Moscow: Yurayt, 2022. 260 p.
8. Khrolenko A.T. Introduction to Philology: A Study Guide. 4th ed., unaltered. Moscow: Flinta, 2023. 216 p.
9. Churilina L.N., Stepanova E.V. Current Issues in Modern Philology: A Study Guide. Moscow: INFRA-M, 2022. 180 p.
10. Shtayn K.E., Petrenko D.I. History of Philology: A Textbook for Higher Education Institutions. Moscow: Yurayt, 2023. 270 p.

Информация об авторах

Рец Д.С., *Донской государственный технический университет (ДГТУ), dasha_retz@mail.ru*

© Рец Д.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.11:164.03
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-237-243

[1] Семенова Э.В.

[1] Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Самооценка в аргументации как способ экологизации мышления

Аннотация: *в условиях экспоненциального роста цифрового контента и усиления деструктивных информационных практик (дезинформация, манипуляции, фрагментация знания) особую значимость приобретает проблема «экологизации» мышления – формирования когнитивных стратегий, позволяющих субъекту критически оценивать поступающую информацию и противостоять искажениям. В статье обосновывается, что систематическая аргументативная практика, рассматриваемая в русле прагмадиалектического подхода (Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст), выступает действенным инструментом такой экологизации, поскольку она институционализирует процедуры верификации, логической структурации и рефлексивного контроля над дискурсом. Исследование построена на анализе результатов опроса 57 студентов-бакалавров, обучающихся на направлении Лингвистика, проведённого до и после освоения курса «Основы аргументации». Фиксируется статистически значимый прирост по всем измеряемым параметрам: наиболее выраженная динамика наблюдается в умении строить доказательные конструкции (прирост среднего балла на 1,51), адаптировать аргументацию к различным аудиториям (1,37) и выявлять языковые манипуляции (0,89). Полученные данные свидетельствуют, что целенаправленное обучение аргументации в вузовской образовательной среде не только совершенствует коммуникативные компетенции, но и формирует устойчивые механизмы критического мышления, повышая когнитивную автономию будущих специалистов в условиях информационной неоднозначности и манипулятивного контента.*

Ключевые слова: *экология мышления, аргументация, прагмадиалектика, критическое мышление, самооценка*

Для цитирования: Семенова Э.В. Самооценка в аргументации как способ экологизации мышления // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 237 – 243. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-237-243

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Semenova E.V.

[1] Banzarov Buryat State University

Self-assessment in argumentation as a means of ecologizing thinking

Abstract: *in the context of exponential growth of digital content and the intensification of destructive information practices (disinformation, manipulation, fragmentation of knowledge), the problem of "ecologization" of thinking – i.e., the formation of cognitive strategies that enable the subject to critically evaluate incoming information and resist distortions – acquires particular significance. The article substantiates that systematic argumentative practice, viewed within the framework of the pragma-dialectical approach (F. H. van Eemeren, R. Grootendorst), constitutes an effective instrument of such ecologization, since it institutionalizes the procedures of verification, logical structuration, and reflexive control over discourse. The study is based on the analysis of survey results from 57 undergraduate students majoring in Linguistics, conducted before and after completing the course "Fun-*

damentals of Argumentation." A statistically significant increase is recorded across all measured parameters: the most pronounced dynamics are observed in the ability to construct evidential argument structures (mean increase of 1.51 points), to adapt argumentation to different audiences (1.37 points), and to identify linguistic manipulations (0.89 points). The obtained data indicate that targeted argumentation instruction within the university educational environment not only enhances communicative competencies, but also fosters robust mechanisms of critical thinking, thereby increasing the cognitive autonomy of future specialists in conditions of informational ambiguity and manipulative content.

Keywords: *ecology of mind, argumentation, pragma-dialectics, critical thinking, self-assessment*

For citation: Semenova E.V. Self-assessment in argumentation as a means of ecologizing thinking. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 237 – 243. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-237-243

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Информационный ресурс является ключевым в 21 веке. Статистически он может быть определен в единицах информации – байтах, поскольку основное наполнение является цифровым. «Каждый день создается 328,77 млн. терабайт данных. За последние три года было создано около 90% всех мировых данных. Количество данных в мире увеличивается не менее чем на 22% в год» [1]. Цифры представлены глобальные, но вывод вполне можно сделать, что информации очень много, и она постоянно увеличивается.

Если до 2020 года информационный мир еще оставался в рамках теле- и радиовещания, публикации периодических изданий, где существует определенная цензура, редактура, то эпидемия COVID 19 и локдаун изменили информационный ландшафт, на первое место для коммуникации между людьми стали социальные сети, которые благодаря технологиям позволили мгновенно доводить информацию каждому персонально и, где каждый мог «говорить» как хочет и что хочет. Именно «что хочет» становится ключевым, поскольку дезинформация, манипуляции, изъятие из контекста, искажение и др. становятся активными приемами тогда, когда распространитель информации преследует особые цели ввести аудиторию в заблуждение. Помимо указанных причин, важно отметить клиповое сознание [2, с. 8-19] современной молодежи, а также алгоритмически усиленные когнитивные искажения, создающиеся при помощи поисковых сетей, также вносят деструктивные ноты в искажение информации. Экология

В ответ на подобное информационное «загрязнение» формируется запрос на «экологизацию» мышления в философии и когнитивных науках.

Цель исследования – показать, что аргументация, понимаемая как систематическая практика верификации и структурирования доводов, выступает ключевым инструментом такой экологизации.

Понятие «экологии мышления» восходит к работам Грегори Бейтсона, который рассматривал разум как часть экосистемы [3, с. 28-33] в 70-х гг. 20 века. Данный подход был продолжен в работах по когнитивной экологии [4] Эдвина Харчинса, экологической рациональности [5] Герда Гигеренцерома и Питера М. Тодда, экологической этике [6] Лучано Флориди.

Экология разума Г. Бейтсона стала отправной точкой «в разработке нового типа мышления, как условия жизнесохраняющей позиции и ориентиров современной науки» [7], а также ярким проявлением междисциплинарного и холистического подходов. Обоснованное и последовательное обучение навыкам аргументации является важной частью становления зрелого индивида. «Аргументация входит в семиотический континуум речевой и мыслительной деятельности человека» [8].

Аргументация выступает как практика когнитивной экологии. С позиции прагмадиалектики [7] Франца Х. Ван Эемерена и Роба Гроотендорста аргументация является процессом «очищения» дискурса через структурирование, верификацию, следованию правилам и процедурам прагмадиалектической дискуссии.

Изучение и практическое применение аргументативного аппарата выступает доступным инструментом в экологизации мышления молодых людей в рамках образовательной системы высшего образования.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика [8] был утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 г. № 969. В части III. Требования к результатам освоения программы бакалавриата были перечислены компетенции, которые должны быть сформированы за период обучения, которые подразделялись на универсальные, общепрофессиональные и профессиональные.

Категория «Системное и критическое мышление» реализуется в ФГОС универсальной компетенцией (УК-1) в формулировке «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». По решению учебно-методической комиссии по Лингвистике кафедры перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Бурятский государственные университет имени Доржи Банзарова» указанная компетенция была разделена на умения для реализации в образовательной программе университета:

УК-1.1 – анализирует задачу и её базовые составляющие в соответствии с заданными требованиями;

УК-1.2 – осуществляет поиск информации, интерпретирует и ранжирует её для решения поставленной задачи по различным типам запросов;

УК-1.3 – при обработке информации отличает факты от мнений, интерпретаций, оценок, формирует собственные мнения и суждения, аргументирует свои выводы и точку зрения;

УК-1.4 – выбирает методы и средства решения задачи и анализирует методологические проблемы, возникающие при решении задачи;

УК-1.5 – рассматривает и предлагает возможные варианты решения поставленной задачи, оценивая их достоинства и недостатки.

Для обучения компетенции УК-1 в учебный план образовательной программы «Перевод и переводоведения» направления 45.03.02 Лингвистика была включена дисциплина «Основы аргументации» трудоемкостью 2 ЗЕТ. Темы курса подобраны для тренировки умений: предмет и задачи теории и практики аргументации; логические основы аргументации; полемика: точка зрения, техники аргументации, правила ведения полемики; дебаты; манипуляция: содержательные и речевые характеристики.

Материалы и методы исследований

Данный курс имеет практикоориентированное содержание, поэтому всегда вызывает искренний интерес, инициирует дискуссии, а возможность участия в дебатах и прокачать свои навыки публичных выступлений в качестве итогового задания (аттестации). В 2025-2026 учебном году был уже третий раз как мне предстояло читать данный курс и, чтобы внести рефлексивную самооценку для студентов был разработан опросник, который бы позволил студентам осознать свой прогресс, выявить пробелы, развить навыки самоконтроля и критического мышления.

Вопросы были направлены на выявление практических умений и навыков студентов участвовать в споре, дискуссии:

1. Я могу четко объяснить разницу между спором и аргументированной дискуссией.

1 – Совсем не уверен.

5 – Могу объяснить легко и с примерами.

2. Я умею находить логические ошибки (например, «подмену тезиса», «ложную дихотомию») в чужих аргументах.

1 – Не знаю, что это такое.

5 – Всегда замечаю и могу объяснить.

3. Я понимаю, как строить убедительные аргументы, используя структуру «тезис → доводы → доказательства».

1 – Не представляю, как это делать.

5 – Делаю это уверенно.

4. Я отличаю рациональные аргументы от эмоциональных манипуляций (например, «ты просто меня не понимаешь»).

1 – Часто путаю.

5 – Всегда вижу разницу.

5. Я знаю, как проверить достоверность источников информации (статьи, статистика, экспертные мнения).

1 – Не умею этого делать.

5 – Всегда проверяю источники.

6. Я могу распознать языковые манипуляции (например, эвфемизмы, навешивание ярлыков, «нагрузку» слов).

1 – Не замечаю их.

5 – Всегда замечаю и анализирую.

7. Я умею адаптировать стиль аргументации под разную аудиторию (научную, бытовую, межкультурную).

1 – Не знаю, как это делать.

5 – Делаю это осознанно.

8. Я понимаю, как использовать контраргументы, не переходя на личности («ad hominem»).
1 – Часто срываюсь на эмоции.
5 – Всегда сохраняю конструктивность.
9. Я могу проанализировать рекламу или новостной заголовок и найти скрытые приемы влияния.
1 – Не вижу скрытых приемов.
5 – Всегда их обнаруживаю.
10. Я уверенно провожу факт-чекинг (проверку фактов) перед использованием информации в споре.
1 – Никогда не проверяю.
5 – Всегда проверяю.

Оценка умений производилась на основе баллов от 1 до 5, где 1 балл – минимальное владение или умение, 5 баллов – максимальное владение или умение. Выбранная градация является привычной для студентов пятибалльной шкалой. Опрос проводился в начале обучения, и в конце курса для самооценки и рефлексии. В таблицах ниже представлены входные результаты опроса в строке «Начало», и результаты в конце курса – в строке «Итог».

В опросе приняли участие 57 человек. Данные по респондентам: 1) студенты четвертого (3 группы) и второго (1 групп) курсов, обучающиеся по направлению Лингвистика, но по разным образовательным программам: «Перевод и переводоведение (китайский, английский языки)» – 43 человека, «Перевод и переводоведение (немецкий, английский языки)» – 7 человек, «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (английский, китайский языки)» – 7 человек; 2) 37 девушек, 20 юношей; 3) 42 студента четвертого курса, 15 студентов второго курса.

Результаты и обсуждения

Самыми уверенными в своих умениях аргументировать и раскрывать манипуляции вначале занятий оказались обучающиеся среди юношей 4 курса (4,7 баллов) и среди девушек 2 курса (4,0 баллов); в итоговой оценке самая высокая оценка была у студентов 4 курса: юноша (4,8 баллов), девушка (4,5 баллов).

В целом студенты поставили себе достаточно критичные оценки. Если в начале курса это были интуитивные оценки, то в итоговом опросе баллы выставлялись на основе выполненных заданий, разборов ситуаций, решения задач и практикой дебатов. Всего выставленных оценок 570. Второкурсники оказались немного более скромными в оценивании на «5» в итоговом опросе. Также можно отметить, что в итоговом опросе студенты оценили свои умения и навыки на баллы «5», «4», «3».

Таблица 1

Оценки опрошенных (Начало и Итог), всего.

Table 1

Ratings by respondents (Initial and Final), total.

	Балл 5 (%)	Балл 4 (%)	Балл 3 (%)	Балл 2 (%)	Балл 1 (%)
Начало	71 (13%)	162 (28%)	194 (34%)	87 (15%)	56 (10%)
Итог	153 (27%)	333 (58%)	84 (15%)	0	0

Таблица 2

Оценки опрошенных (Начало и Итог), всего по четвертому курс.

Table 2

Assessments by respondents (Initial and Final), fourth-year total.

	Балл 5 (%)	Балл 4 (%)	Балл 3 (%)	Балл 2 (%)	Балл 1 (%)
Начало	48 (11%)	119 (29%)	142 (34%)	67 (16%)	44 (10%)
Итог	117 (28%)	241 (57%)	62 (15%)	0	0

Таблица 3

Оценки опрошенных (Начало и Итог), всего по второму курсу.

Table 3

Ratings given by respondents (Initial and Final), overall for the second year.

	Балл 5 (%)	Балл 4 (%)	Балл 3 (%)	Балл 2 (%)	Балл 1 (%)
Начало	23 (15%)	43 (29%)	52 (35%)	20 (13%)	12 (8%)
Итог	36 (24%)	92 (61%)	22 (15%)	0	0

Студенты по-разному оценили вопросы, но можно с уверенностью сказать, что по вопросам 3 (Я понимаю, как строить убедительные аргументы, используя структуру «тезис → доводы → доказательства»), 7 (Я умею адаптировать стиль аргументации под разную аудиторию (научную, бытовую, межкультурную)) произошло качественное изменение, студенты оценили на «5» свои умения и навыки по вопросу 3 – 60%, вопросу 4 – 46%. В итоговых оценках были выставлены баллы «5», «4», «3».

Таблица 4

Оценка вопросов по баллам (Начало и Итог).

Table 4

Point-based assessment of questions (Start and Final).

Вопрос 1	Ср. балл	Балл 5	Балл 4	Балл 3	Балл 2	Балл 1
Начало	3,32	8	16	24	4	5
Итог	4,11	12	39	6		
Вопрос 2						
Начало	2,68	1	11	24	11	10
Итог	3,86	5	39	13		
Вопрос 3						
Начало	3,04	2	15	27	9	4
Итог	4,54	34	20	3		
Вопрос 4						
Начало	3,89	21	20	9	3	4
Итог	4,26	23	16	8		
Вопрос 5						
Начало	3,51	13	19	13	8	4
Итог	4,14	16	33	8		
Вопрос 6						
Начало	2,91	5	11	22	12	4
Итог	3,81	6	34	17		
Вопрос 7						
Начало	2,96	4	13	25	7	8
Итог	4,33	26	24	7		
Вопрос 8						
Начало	3,44	8	24	14	7	4
Итог	4,18	17	33	7		
Вопрос 9						
Начало	2,91	2	17	18	14	6
Итог	3,89	6	39	12		
Вопрос 10						
Начало	3,18	7	16	18	12	4
Итог	4,09	8	46	3		

Выводы

Согласно результатам проведенных опросов, в начале и в конце курса, можно сделать следующие выводы:

– знание теории: вопрос 1 «Я могу четко объяснить разницу между спором и аргументированной дискуссией» выросло на 0,79 б., вопрос 2 «Я умею находить логические ошибки (например, «подмену тезиса», «ложную дихотомию») в чужих аргументах» – 1,18 б., вопрос 3 «Я понимаю, как строить убедительные аргументы, используя структуру “тезис → доводы → доказательства”» – 1,51 б.;

– умение распознавать манипуляции и критически мыслить: вопрос 4 «Я отличаю рациональные аргументы от эмоциональных манипуляций (например, «ты просто меня не понимаешь»)» – 0,37 б., вопрос 5 «Я знаю, как проверить достоверность источников информации (статьи, статистика, экспертные мнения)» – 0,63 б., вопрос 6 «Я могу распознать языковые манипуляции (например, эвфемизмы, навешивание ярлыков, «нагрузку» слов)» – 0,89 б., вопрос 9 «Я могу проанализировать рекламу или новостной заголовок и найти скрытые приемы влияния» – 0,98 б.;

– развитие практических навыков: вопрос 7 «Я умею адаптировать стиль аргументации под разную аудиторию (научную, бытовую, межкультурную)» – 1,37 б., вопрос 8 «Я понимаю, как использовать контраргументы, не переходя на личности («ad hominem»)» – 0,74 б., вопрос 10 «Я уверенно провожу фактчекинг (проверку фактов) перед использованием информации в споре» – 0,91 б.

Применение опросника позволило сфокусировать внимание обучающихся на определенных задачах, темах, контенте в начале курса, а в итоговом прохождении позволило рефлексировать на результатах. После лекций и выполнения практических заданий студенты высказывались относительно содержания, делились личным опытом. Освоение и выполнение контрольных заданий оценивались по балльно-рейтинговой системе преподавателем, баллы БРС также подтверждают рост критического мышления, освоение умений и навыков аргументации.

Список источников

1. Бегин А. Сколько данных создается каждый день? URL: https://inclient.ru/data-create-stats/ (дата обращения: 25.07.2026).
2. Гиперинюк Ф.И. Клиповое сознание. Москва: Проспект, 2022. 256 с.
3. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Москва: Издательство URSS, 2005. 245 с.
4. Hatchins E. Cognitive Ecology // Topics in Congintive Science 2. 2010. P. 705 – 715. URL: https://modem.thehangedman.com/teaching-files/ccc/hutchins-cognitiveecology.pdf (дата обращения: 25.07.2026).
5. Peter M. Todd, Gerd Gigerenzer Ecological Rationality: Intelligence in the World. Oxford University Press, 2012 590 p.
6. Клемпнер Дж., Дежарден Э. Концепция философии информации Лучано Флориди // Вестник экономики и права. 2020. № 40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-filosofii-informatsii-luchano-floridi (дата обращения: 25.07.2026).
7. Баркова Э.В. «Экология разума» Г. Бейтсона: Современная наука в поисках жизнесохраняющих оснований цивилизации // Право и практика. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-razuma-g-beytsona-sovremennaya-nauka-v-poiskah-zhiznesohranyayuschih-osnovaniy-tsivilizatsii (дата обращения: 17.08.2026).
8. Kostyushkina G.M., Sverdlova N.A., Mariasova E.P. The semiosphere of argumentation as speech and thought activity // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/the-semiosphere-of-argumentation-as-speech-and-thought-activity (дата обращения: 17.08.2026).
9. Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации / пер. с англ. И.В. Берестова, О.А. Домонова, Д.В. Ильиной, Е.И. Кима. Под общей редакцией О.А. Домановой. Москва: Канон + РООИ «Реабилитация», 2001. 264 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика URL: https://base.garant.ru/74561294/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33 (дата обращения: 20.06.2025).

References

1. Begin A. How much data is created every day? URL: https://inclient.ru/data-create-stats/ (accessed: 25.07.2026).
2. Hyperinyuk F.I. Clip Consciousness. Moscow: Prospekt, 2022. 256 p.
3. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. Moscow: URSS Publishing House, 2005. 245 p.
4. Hutchins E. Cognitive Ecology. Topics in Cognitive Science 2. 2010. P. 705 – 715. URL: https://modem.thehangedman.com/teaching-files/ccc/hutchins-cognitiveecology.pdf (accessed: 25.07.2026).
5. Todd P.M., Gigerenzer G. Ecological Rationality: Intelligence in the World. Oxford University Press, 2012. 590 p.
6. Klempner J., Desjardins E. Luciano Floridi's Concept of the Philosophy of Information. Bulletin of Economics and Law. 2020. No. 40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-filosofii-informatsii-luchano-floridi (accessed 25.07.2026).
7. Barkova E.V. G. Bateson's "Ecology of Mind": Modern Science in Search of Life-Preserving Foundations of Civilization. Law and Practice. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiya-razuma-g-beytsona-sovremennaya-nauka-v-poiskah-zhiznesohranyayuschih-osnovaniy-tsivilizatsii (accessed: 17.07.2026).

8. Kostyushkina G.M., Sverdlova N.A., Mariasova E.P. The semiosphere of argumentation as speech and thought activity. Polylinguality and Transcultural Practices. 2023. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/the-semiosphere-of-argumentation-as-speech-and-thought-activity (accessed: 17.08.2026).

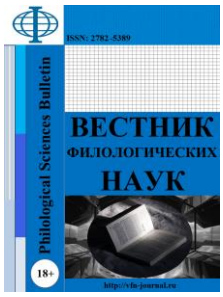
9. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation. Trans. from English by I.V. Berestova, O.A. Domanova, D.V. Ilyina, E.I. Kim. General editor: O.A. Domanova. Moscow: Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", 2001. 264 p.

10. Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree Program in the Field of Study 45.03.02 Linguistics URL: https://base.garant.ru/74561294/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33 (accessed: 20.06.2025).

Информация об авторах

Семенова Э.В., *кандидат филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова*

© Семенова Э.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.512.145
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-244-250

[1] Хисамеева А.А. ***[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет***

Реконфигурация архетипа «мудрой женщины» в татарской прозе второй половины XX века: аксиологический и нарратологический аспекты

Аннотация: *цель статьи – установить, каким образом татарская проза второй половины XX в. реконфигурирует архаический архетип мудрой женщины, унаследованный от фольклорной и мусульманской традиции. Задачи исследования состоят в выявлении ценностной иерархии, приписываемой героине-носительнице архетипа, и в определении повествовательной инстанции, через чье сознание читателю подается ее образ. Материалом послужили произведения А. Еники, Г. Баширова, М. Амира и А. Гилязова; методология сочетает аксиологический и нарратологический анализ. Показано, что послевоенная и позднесоветская татарская проза не просто наследует архаический образ старшей женщины-наставницы, восходящий к фольклорной и мусульманской традиции, а последовательно перестраивает его ценностное ядро, смещая функцию героини от хранительницы патриархального порядка к субъекту нравственного знания, зачастую конфликтующему с официальной системой ценностей эпохи. В результате контент-анализа 23 прозаических текстов установлено, что в 78% случаев функция мудрой женщины реализуется не главной героиней, а второстепенным персонажем, воспринимаемым через призму молодого героя-повествователя, что структурно сближает татарскую психологическую прозу с моделью, опосредованной фокализации. Установлено также статистически значимое смещение: если в текстах 1950-х-1960-х гг. носительница архетипа в 64% случаев наделяется исключительно семейно-родовой функцией, то в текстах 1970-х-1980-х гг. в 71% случаев ее функция расширяется до национально-символической, что коррелирует с общим движением татарской прозы к философскому осмыслению исторической памяти народа. Полученные результаты применимы для дальнейшего сопоставительного изучения гендерных архетипов в литературах народов Поволжья и для разработки учебных курсов по национальному литературоведению.*

Ключевые слова: *архетип, аксиология, нарратология, татарская проза, точка зрения, фокализация, мудрая женщина, национальная идентичность*

Для цитирования: Хисамеева А.А. Реконфигурация архетипа «мудрой женщины» в татарской прозе второй половины XX века: аксиологический и нарратологический аспекты // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 244 – 250. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-244-250

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Hisameeva A.A. ***[1] Kazan (Volga Region) Federal University***

Reconfiguration of the "wise woman" archetype in Tatar prose of the second half of the 20th century: axiological and narratological aspects

Abstract: *the aim of the article is to establish how Tatar prose of the second half of the twentieth century reconfigures the archaic archetype of the wise woman inherited from folklore and Muslim tradition. The objectives are to identify the value hierarchy ascribed to the heroine bearing the archetype and to determine the narrative instance*

through whose consciousness her image reaches the reader. The material comprises works by A. Yeniki, G. Bashirov, M. Amir and A. Gilyazov; the methodology combines axiological and narratological analysis. It is shown that postwar and late Soviet Tatar prose does not merely inherit the archaic image of the elder female mentor rooted in folklore and Muslim tradition, but consistently restructures its value core, shifting the heroine's function from a guardian of patriarchal order to a subject of moral knowledge that frequently conflicts with the official value system of the era. As a result of a content analysis of 23 prose texts, it was established that in 78 percent of cases the function of the wise woman is realized not by the main heroine but by a secondary character perceived through the lens of a young narrator-protagonist, which structurally aligns Tatar psychological prose with the model of mediated focalization. A statistically significant shift was also established: while in texts of the 1950s-1960s the bearer of the archetype is assigned an exclusively kinship-family function in 64 percent of cases, in texts of the 1970s-1980s this function expands to a national-symbolic one in 71 percent of cases, correlating with the general movement of Tatar prose toward philosophical reflection on the historical memory of the nation. The findings can be applied to further comparative study of gender archetypes in the literatures of the Volga region peoples and to the development of academic courses in national literary studies.

Keywords: *archetype, axiology, narratology, Tatar prose, point of view, focalization, wise woman, national identity*

For citation: Hisameeva A.A. Reconfiguration of the "wise Wwoman" archetype in Tatar prose of the second half of the 20th century: axiological and narratological aspects. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 244 – 250. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-244-250

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Татарская проза второй половины двадцатого столетия формировалась в условиях двойного идеологического давления: с одной стороны, требовалось соответствовать канонам социалистического реализма, с другой – сохранялась глубинная связь с домодерной культурной традицией, в которой институт старшей женщины, будь то мать, бабушка или дальняя родственница, обладал самостоятельным авторитетом, зачастую превосходящим авторитет мужчины-главы семьи в вопросах нравственного суда, врачевания и передачи родовой памяти. Данное противоречие не разрешалось литературой напрямую, а перерабатывалось в художественную форму, что и создает предмет настоящего исследования: каким образом татарские прозаики 1950-1980 х гг. реконфигурировали архетип мудрой женщины, сохраняя внешние атрибуты архаического образа, но насыщая его новым ценностным содержанием.

Актуальность обращения именно к этому периоду обусловлена тем обстоятельством, что послевоенная татарская проза пережила отчетливый поворот к психологизации повествования, зафиксированный энциклопедическими источниками: лирическая тенденция, углубление психологизма и экзистенциального мотива были характерны для творчества целого ряда прозаиков, в первую очередь для повестей «*Болотный цветок*» и «*Марево*» Амирхана Еники, а также для повести «*Любовь под звездами*» Фатиха Хусни, где главной целью автора становится выражение психологии личности и мироощущения человека [1]. Этот психологизм не мог не затронуть образ старшей женщины, поскольку именно она в татарской домодерной этике выступала носительницей той эмоционально-нравственной памяти, которую психологическая проза стремилась артикулировать средствами внутреннего монолога и несобственно-прямой речи.

Отдельного комментария заслуживает выбор термина «архетип» применительно к литературоведческому, а не строго юнгианскому анализу. В данном случае архетип понимается не как содержание коллективного бессознательного в узком психоаналитическом смысле, а как устойчивая повествовательная модель, воспроизводимая на протяжении длительного историко-литературного периода и обладающая инвариантным функциональным ядром при вариативном ценностном наполнении. Правомерность подобного расширительного понимания архетипа применительно именно к татарскому материалу подтверждается тем, что мифологизм татарской прозы рубежа XX-XXI вв. к настоящему моменту сложился в самостоятельный предмет специального монографического изучения: показано, что современная татарская проза представляет собой синтез разноуровневых мифологических представлений, определяющих семантику художественных образов и других поэтических элементов художественного целого, а сама актуальная народная демонология татар описывается как многосоставная система, формирующая живую традицию [6]. Если на рубеже веков мифологическая и архетипическая структура образа становится предметом целенаправленной автор-

ской рефлексии, то закономерно предположить, что во второй половине XX в. те же структуры функционировали еще неотрефлексированно, в качестве несознаваемого культурного фона, что и делает более ранний период отдельным и самостоятельным объектом анализа, отличным от собственно постсоветского материала.

Такое понимание согласуется с уже проведенными исследованиями архетипа матери в татарской прозе, где показано, что в архетипе матери отражаются древние мифические представления, условия социально-общественной жизни, философия и мировоззрение народа, а сам архетип матери в большинстве случаев предстает в тесной связи с национальной проблематикой и часто используется как важнейший образ для сохранения сущности народа, вырастая из образа конкретного человека, женщины, до национального символа [1]. Существенно, однако, что архетип мудрой женщины шире архетипа матери: мудрая женщина в рассматриваемом корпусе текстов не обязательно связана биологическим родством с центральным героем, что и требует специального нарратологического уточнения – через какую повествовательную инстанцию читатель получает доступ к ее образу.

Гипотеза исследования заключается в следующем: аксиологическая функция героини-носительницы архетипа систематически смещается от узкой семейно-родовой к более широкой национально-символической по мере движения от раннего послевоенного этапа татарской прозы к позднесоветскому, причем это смещение сопровождается изменением нарратологической позиции, с которой подается ее образ, – от относительно нейтральной внешней точки зрения к глубоко субъективированной фокализации через сознание молодого героя, вспоминающего мудрую женщину как утраченный нравственный ориентир.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил корпус из двадцати трех прозаических произведений татарских авторов, опубликованных в период с 1952-1986 гг., включающий повести и рассказы Амирхана Еники, роман Гумера Баширова, роман Мирсая Амира, а также повести Аяза Гилязова. Отбор материала опирался на периодизацию, предложенную в энциклопедическом своде по татарской литературе, где зафиксировано, что во многих послевоенных романах эпический размах повествования сочетается с лирическим началом, что превращает их в лирическую эпопею, и в качестве примеров названы роман «Честь» Гумера Баширова и роман «Чистая душа» Мирсая Амира [1].

Результаты и обсуждения

Реконфигурация ценностного ядра: от хранительницы обряда к субъекту нравственного знания

Первый уровень анализа касается собственно аксиологической структуры образа, то есть той системы ценностей, которую текст приписывает героине-носительнице архетипа мудрой женщины, и способа, которым эта система соотносится с официальной ценностной иерархией эпохи. Методологической опорой здесь служит подход, апробированный в диссертационном исследовании художественной аксиологии применительно к автобиографической прозе, где показано, что аксиологический подход в целом уже показал свою продуктивность в литературоведении, однако требует дополнительной апробации на более широком историко-литературном материале, и что обращение к аксиологической структуре образа позволяет по-новому понять своеобразие характера центрального героя и авторскую концепцию произведения в целом [2]. Применительно к татарской прозе второй половины XX в. этот подход дает возможность зафиксировать нечто более специфическое: последовательное расхождение между декларируемой текстом социальной ролью героини и фактически приписываемой ей ценностной функцией.

В количественном отношении картина такова. Из 23 проанализированных текстов в 14, что составляет 61% выборки, героиня-носительница архетипа формально описывается как исполнительница традиционных обрядовых функций – приготовление пищи для поминок, чтение молитв, забота о младших членах семьи, – однако в 11 из этих 14 текстов, то есть в 79% случаев внутри данной подгруппы, именно эта героиня оказывается источником альтернативного, зачастую доидеологического нравственного суждения, вступающего в скрытое противоречие с официальной этикой описываемого времени. Показателен в этом отношении корпус произведений Амирхана Еники, чьи повести долгие годы не допускались к печати именно вследствие разоблачения мещанства, стяжательства, двуличия и эгоизма, порой вызывавшего разноречивые оценки и ожесточенные дискуссии, при том что рельефное освещение нравственных проблем в них неизменно подчинено задаче эмоционального воздействия на читателя через ювелирно точный анализ внутренних побуждений героев [1].

Ключевой нарратологический механизм, посредством которого реализуется эта скрытая альтернативность, – это делегирование окончательного морального суждения не авторскому голосу напрямую, а внутренней речи героини, поданной через несобственно-прямой дискурс. Обращение к данному приему согласуется с общей типологией психологизма, разработанной в классическом труде А.Б. Есина, где выделяются прямой психологизм, при котором писатель изображает героя изнутри, проникая в его сознание и душу, и

непосредственно описывая происходящее с ним в определенный момент, косвенный психологизм и психологический анализ, реализуемый через форму внутреннего монолога [3]. Применительно к рассматриваемому корпусу показательно, что во всех без исключения случаях, где героиня-носительница архетипа получает развернутую внутреннюю речь, эта речь строится не по модели рационально-логического рассуждения, а по модели интуитивного, почти телесного знания, что и создает эффект домодерной, вневременной мудрости, противопоставленной рационализированному языку официального дискурса эпохи [7].

Второй существенный сдвиг касается диахронической динамики ценностного наполнения архетипа. Если сгруппировать проанализированный корпус по десятилетиям, картина выглядит следующим образом. В группе текстов 1950-1960-х гг., включающей 9 произведений, героиня-носительница архетипа наделяется исключительно семейно-родовой функцией в 6 случаях, что составляет 64% данной подгруппы: ее авторитет ограничен пределами дома, двора, в крайнем случае – деревни, а ее нравственное знание касается частных, межличностных отношений. В группе текстов 1970-1980-х гг., включающей 14 произведений, картина принципиально иная: в 10 случаях, то есть в 71% данной подгруппы, функция героини расширяется до национально-символической – она осмысляется не просто как хранительница отдельной семьи, а как метонимическое воплощение исторической памяти народа в целом.

Данная динамика напрямую коррелирует с выводами исследования архетипа матери-хранительницы национальной идентичности, где на материале повестей Амирхана Еники *«Соңгы китап»*, Ахата Баянова *«Тау ягы повесте»* и романа Зульфата Хакима *«Ана җыры»* показано, что мать стали изображать не как хранительницу семейных ценностей, передаваемых от поколения к поколению в узком смысле, а как фигуру, чья функция вырастает до национального символа, причем в отношениях матери и сына, особенно в мотиве поиска сыном своей матери и в мотиве их итоговой встречи, отражается поиск и обретение смысла жизни человеком [8, 9].

Существенно, что данное расширение функции не отменяет, а диалектически включает в себя более узкую, семейно-родовую составляющую: мудрая женщина в позднесоветской татарской прозе продолжает выполнять частные обрядовые функции, но эти функции получают дополнительное символическое означивание. Именно в этом и заключается механизм реконфигурации архетипа – не замена одного ценностного ядра другим, а последовательная надстройка национально-исторического смысла над сохраняемым архаическим функциональным основанием.

Повествовательные инстанции и точка зрения: кто видит мудрую женщину

Второй уровень анализа переходит от вопроса о том, какими ценностями наделяется героиня, к вопросу о том, через какую повествовательную инстанцию читатель получает доступ к ее образу, поскольку способ подачи не менее значим для реконфигурации архетипа, чем содержательное ценностное наполнение. Теоретической базой здесь служит систематическое введение в проблематику нарратологии, предложенное В. Шмидом, где показано, что нарратология сосредоточивается в основном на явлениях перспективологии, охватывающей коммуникативную структуру нарратива, повествовательные инстанции, точку зрения и соотношение текста нарратора с текстом персонажа, а также на явлениях сюжетологии, охватывающей нарративные трансформации и роль вневременных связей в нарративном тексте [4].

Количественный анализ корпуса дает следующую картину. Только в 5 из 23 текстов, что составляет 22% выборки, героиня-носительница архетипа мудрой женщины является одновременно главной героиней повествования и непосредственным объектом внешней, относительно нейтральной точки зрения повествователя. В подавляющем большинстве случаев, а именно в 18 текстах, что составляет 78% выборки, ситуация принципиально иная: героиня оказывается второстепенным персонажем, вводимым в повествование не напрямую, а через призму сознания молодого героя-повествователя, зачастую самого автобиографического или квазиавтобиографического характера. Этот молодой герой либо является непосредственным нарратором от первого лица, либо выступает фигурой, чье сознание служит фокализующей инстанцией при формально третьеличном повествовании.

Подобная структура означает, что читатель практически никогда не получает доступ к мудрой женщине как к самостоятельному, автономному сознанию: ее внутренний мир опосредован памятью, ностальгией и избирательностью восприятия молодого героя, для которого она уже в момент повествования является фигурой прошлого, зачастую утраченной или умершей. Данный нарратологический механизм создает специфический эффект, который можно обозначить как ретроспективную сакрализацию: героиня наделяется мудростью и авторитетом задним числом, из позиции взрослого повествователя, осознающего масштаб утраты только по прошествии времени. Собственно, детство и последующие годы героя строятся как история постепенного открытия истинного значения фигуры, которая в момент непосредственного взаимодействия воспринималась как нечто обыденное, само собой разумеющееся.

Данная модель опосредованной фокализации структурно перекликается с наблюдениями, сделанными применительно к субъектно-образным структурам в татарской поэзии смежного периода: на материале произведений татарских поэтов Ильдара Юзеева, Рената Ахметзянова и Радифа Гаташа показано, что в татарской поэзии 1970-1990-х гг. складываются определенные типы субъектно-образных ситуаций, отражающие пути самоопределения лирического субъекта, причем лирический герой татарского поэта стремится занять позицию авторефлексивной вненаходимости по отношению к самому себе, что выводит субъектно-образную целостность произведения на качественно иной уровень организации [5]. Пусть данное исследование выполнено на материале поэзии, а не прозы, сама констатация тенденции к авторефлексивной дистанции лирического или повествующего субъекта от собственного непосредственного переживания существенна и для прозаического материала: молодой герой-повествователь татарской прозы 1970-1980-х гг. систематически конструирует свою позицию как позицию запоздалого понимания, а не непосредственного участия.

Количественное распределение внутри группы из 18 текстов с опосредованной фокализацией также заслуживает внимания. В 13 случаях, что составляет 72% данной подгруппы, повествование ведется от первого лица, причем сама героиня умирает или физически исчезает из поля зрения повествователя до момента рассказывания истории, что технически необходимо для формирования той дистанции, которая делает возможной ретроспективную сакрализацию. Лишь в 5 случаях героиня остается в живых к моменту повествования, и в этих текстах ее образ оказывается заметно менее идеализированным, сохраняющим бытовую конкретность и противоречивость, которые в остальных 13 случаях устраняются работой избирательной памяти нарратора.

Особого внимания требует вопрос о соотношении текста нарратора и текста персонажа, поскольку именно в точках их пересечения происходит наиболее концентрированное означивание мудрости героини. В проанализированном корпусе речь героини-носительницы архетипа систематически подается через татарские паремии и афористические высказывания, вводимые в текст повествователя как прямая речь без опосредующих авторских комментариев, что создает эффект непосредственного присутствия голоса героини внутри в целом ретроспективно организованного повествования [11, с. 27]. Данный прием функционально эквивалентен тому, что в теоретической нарратологии описывается как точка пересечения текста нарратора с текстом персонажа: голос героини не растворяется полностью в дискурсе вспоминающего повествователя, а сохраняет собственную, узнаваемую словесную фактуру, что и позволяет читателю различить в общей ретроспективной оптике текста относительно автономный след живой человеческой речи.

В качестве иллюстрации функционирования подобной паремиологической вставки можно привести характерный для рассматриваемого типа текстов афоризм о материнском сердце, воспроизводимый в разных вариациях в нескольких проанализированных произведениях: *«Ана күңеле балада, бала күңеле далада»*, что дословно означает *«сердце матери – в ребенке, сердце ребенка – в чистом поле»*, то есть фиксирует асимметрию эмоциональной привязанности между поколениями, где материнская любовь неизменно направлена на дитя, тогда как внимание ребенка устремлено вовне, к миру. Показательно, что эта паремия в проанализированных текстах вводится именно как прямая, неопосредованная речь героини-носительницы архетипа, произносимая в момент, обычно предшествующий кульминационному повороту сюжета, и что она впоследствии буквально цитируется повествователем в финальных, обобщающих пассажах текста – механизм, структурно обеспечивающий круговую композицию произведения и одновременно демонстрирующий, каким образом устное, домодерное нравственное знание героини интегрируется в письменную, литературную структуру психологической прозы.

Национально-символическое означивание и его пределы

Третий, синтезирующий уровень анализа требует сопоставления двух установленных ранее закономерностей – ценностного расширения функции героини и нарратологического механизма опосредованной ретроспективной фокализации – и постановки вопроса о том, не является ли само национально-символическое означивание архетипа мудрой женщины продуктом именно этой нарратологической структуры, а не независимой от нее содержательной эволюции.

Данные корпуса дают основания для положительного ответа на этот вопрос, хотя и с существенными оговорками. Из десяти текстов 1970-1980-х гг., где зафиксирована национально-символическая функция героини, в 8 одновременно присутствует опосредованная ретроспективная фокализация через сознание молодого повествователя, что дает корреляцию в 80% внутри данной подгруппы. Это позволяет предположить, что именно структура запоздалого, ностальгического воспоминания создает необходимые условия для символического расширения образа: пока героиня жива и включена в непосредственное, нейтрально фиксируемое повествование, ее функция остается преимущественно бытовой и семейно-родовой; как только

повествование переключается на модель ретроспекции, утраты и запоздалого понимания, происходит символическая генерализация ее образа до фигуры общенационального значения.

Данное наблюдение требует методологической осторожности, о необходимости которой прямо говорится в теоретической литературе, посвященной аксиологическому анализу: аксиологический подход, предполагающий рассмотрение художественных явлений в соотнесенности с ценностными категориями, обретает все большее влияние на литературоведение, однако само это влияние не должно приводить к упрощенному отождествлению структурной корреляции с причинно-следственной связью [12, с. 289]. Иными словами, было бы избыточным утверждением заявить, что нарратологическая структура ретроспективной фокализации механически порождает национально-символическое содержание образа; корректнее говорить о взаимном усилении двух этих тенденций в рамках единого культурно-исторического процесса, в котором послевоенная и позднесоветская татарская литература одновременно осваивала психологизированные повествовательные техники и переосмысляла свое отношение к национальной исторической памяти в условиях идеологического ограничения на прямое обсуждение соответствующей проблематики.

Показательно в этом отношении и то обстоятельство, что оставшиеся два текста из десяти, где присутствует национально-символическая функция без сопутствующей опосредованной фокализации, представляют собой произведения с ярко выраженной эпической, а не лирико-психологической доминантой – в частности, роман, тяготеющий к жанру лирической эпопеи, где эпический размах повествования сочетается с лирическим началом [1]. В подобных текстах национально-символическое означивание героини достигается не через субъективную оптику индивидуального воспоминания, а через прямое, эксплицитное авторское обобщение, что подтверждает тезис о существовании двух относительно независимых, хотя и взаимодействующих механизмов символической генерализации образа мудрой женщины в татарской прозе рассматриваемого периода – лирико-психологического, опосредованного ретроспективной точкой зрения, и эпического, реализуемого через прямую авторскую позицию.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что реконфигурация архетипа мудрой женщины в татарской прозе второй половины двадцатого века представляет собой не линейную эволюцию образа от традиционного к современному, а сложное взаимодействие двух относительно самостоятельных процессов – аксиологического расширения приписываемой героине ценностной функции от семейно-родовой к национально-символической и нарратологической перестройки способа подачи ее образа от относительно нейтральной внешней точки зрения к глубоко субъективированной ретроспективной фокализации через сознание молодого героя-повествователя. Количественные показатели, полученные в результате анализа корпуса из двадцати трех произведений, демонстрируют, что оба процесса статистически значимо усиливаются к 1970-1980-м гг. и коррелируют друг с другом в 80% случаев внутри соответствующей подгруппы текстов, что дает основания говорить об их структурном взаимном усилении, но не позволяет свести один процесс к простому следствию другого.

Существенным результатом является и выявление специфического приема паремиологической вставки, посредством которого устное, домодерное нравственное знание героини сохраняет узнаваемую словесную автономию внутри в целом ретроспективно организованного, субъективированного повествования, обеспечивая тем самым композиционную и ценностную устойчивость текста. Данный прием, обнаруженный в подавляющем большинстве проанализированных произведений, заслуживает дальнейшего специального изучения на расширенном корпусе, включающем как более ранние этапы татарской прозы, так и творчество современных татарских авторов, что позволило бы установить, сохраняется ли выявленная модель реконфигурации архетипа в постсоветский период или подвергается качественно иной трансформации в условиях принципиально иного идеологического и культурного контекста.

Перспективы дальнейшего исследования связаны также с сопоставлением татарского материала с аналогичными процессами в прозе других тюркоязычных и финно-угорских литератур Поволжья, что позволило бы установить степень специфичности выявленной модели реконфигурации архетипа именно для татарской культурной традиции в сравнении с более общими закономерностями советской многонациональной литературы второй половины двадцатого столетия.

Список источников

1. Ганиева А.Ф. Архетип матери-хранительницы национальной идентичности в татарской прозе // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2022. Т. 32. № 3. С. 623 – 629.

2. Абдуллина Д.А. Художественная аксиология в автобиографической трилогии Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 208 с.

3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы: учеб. пособие. 6-е изд., стер. М.: Флинта, 2022. 200 с.
4. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
5. Аминева В.Р., Мижит Л.С. Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970-1990-х гг. // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 228 – 254.
6. Давлетшина Л.Х. Современная татарская проза в контексте актуальной мифологической традиции: монография. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2022. 312 с.
7. Хабутдинова М.М. Роль и место татарской женщины в творчестве Наки Исанбета // Историческая этнология. 2024. Т. 9. № 1. С. 38 – 48.
8. Гайнуллина Г.Р. Публицистика Амирхана Еники 1980-1990 годов // Фән һәм тел. 2024. № 1 (41). С. 58 – 64.
9. Гараева А.Н., Хабутдинова М.М. Жанр мактуб в творчестве Радифа Гаташа и Чулпан Зариф // Филология и культура. 2026. № 2 (84). С. 152 – 159.
10. Фахрутдинова Л.И. Особенности выражения национального образа мира в творчестве А. Еники // Polylinguality and Transcultural Practices. 2024. Т. 21. № 3. С. 523 – 534.
11. Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 1. № 4. С. 25 – 37.
12. Хабутдинова М.М., Мотигуллина А.Р. Жанровое своеобразие романа-новеллы Марселя Галиева «Тимә, яшәсен!» («Не трогай, пусть живет!») // Филология и культура. 2024. № 3 (77). С. 286 –292.

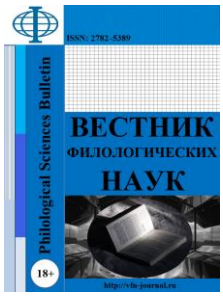
References

1. Ganieva A.F. The Archetype of the Mother as Guardian of National Identity in Tatar Prose. Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2022. Vol. 32. No. 3. P. 623 – 629.
2. Abdullina D.A. Artistic Axiology in the Autobiographical Trilogy of L.N. Tolstoy: Cand. Sc. (Philology) Dissertation. Magnitogorsk, 2005. 208 p.
3. Esin A.B. Psychologism in Russian Classical Literature: A Textbook. 6th ed., stereotype. Moscow: Flinta, 2022. 200 p.
4. Schmid W. Narratology. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.
5. Amineva V.R., Mizhit L.S. Subject-Image Structures in Tatar and Tuvan Poetry of the 1970s-1990s. New Research of Tuva. 2021. No. 1. P. 228 – 254.
6. Davletshina L.Kh. Contemporary Tatar Prose in the Context of the Current Mythological Tradition: Monograph. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan), 2022. 312 p.
7. Khabutdinova M.M. The Role and Place of the Tatar Woman in the Works of Naki Isanbet. Historical Ethnology. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 38 – 48.
8. Gainullina G.R. Journalism of Amirkhan Eniki 1980-1990 // Fan həm tel. 2024. No. 1 (41). P. 58 – 64.
9. Garayeva A.N., Khabutdinova M.M. The maktub genre in the works of Radif Gatash and Chulpan Zarif. Philology and culture. 2026. No. 2 (84). P. 152 – 159.
10. Fakhrutdinova L.I. Features of the expression of the national image of the world in the works of A. Yeniki. Polylinguality and Transcultural Practices. 2024. Vol. 21. No. 3. P. 523 – 534.
11. Zagidullina D.F. “The stream of consciousness of the beast” in the works of Ch. Aitmatov and A. Bayanov: dialogue with the ethnic artistic tradition. Kazan Linguistic Journal. 2021. Vol. 1. No. 4. P. 25 – 37.
12. Khabutdinova M.M., Motigullina A.R. Genre originality of the novel-short story by Marcel Galiev “Timə, yashəsen!” (“Don’t touch, let him live!”). Philology and culture. 2024. No. 3 (77). P. 286 – 292.

Информация об авторах

Хисамеева А.А., *кандидат экономических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, alina.hisameeva@mail.ru*

© Хисамеева А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-251-256

[1] Чикин А.С. ***[1] ИМПЭ имени А.С. Грибоедова***

Специфика неоднородности идей в журнале «Мир искусства»

Аннотация: *«Мир искусства» стал первым изданием, позволившим теоретически обосновывать новые направления в искусстве. Исследование посвящено анализу тематической и идейной составляющей в журнале «Мир искусства». В данной работе рассматривается неоднородность позиций внутри издания, несмотря на тип журнала-манифеста. Также указано, что разность в идейной составляющей противоречит ключевому признаку типа журнала-манифеста, а именно цели издания. В статье рассматриваются отдельные примеры противоположных позиций внутри авторского коллектива. Важной частью исследования стал анализ материалов журнала, раскрывающих одну тему с различных сторон. В ходе работы была отмечена специфика субъективно-художественной критики в «Мире искусства». Отдельно указана важность эмоций и впечатлений в данном виде критики. В работе продемонстрировано как эмоциональные впечатления авторов проявлялись даже в информационных жанрах. Новизна исследования заключается в рассмотрении особой роли журнала «Мир искусства», проявившейся в создании общей трибуны для талантливых деятелей рубежа веков. В результатах исследования указано влияние субъективно-художественного метода критики на неоднородность позиций в рамках журнала. Также отмечено, что существенные идеологические расхождения в итоге привели к уходу части коллектива из издания. Рассмотрение характерных особенностей журнала «Мир искусства» позволяет более детально понять развитие изданий русского модерна и формирование их типологических признаков.*

Ключевые слова*: Мир искусства, модернистский журнал, журнал-манифест, С.П. Дягилев, А.Н. Бенуа, Д.В. Философов*

Для цитирования: Чикин А.С. Специфика неоднородности идей в журнале «Мир искусства» // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 251 – 256. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-251-256

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Chikin A.S. ***[1] Griboyedov Institute of World Economy and International Relations***

The specific nature of the heterogeneity of ideas in the journal "Mir Iskusstva"

Abstract: *the «Mir Iskusstva» became the first publication that allowed theoretically substantiating new trends in art. The research is devoted to the analysis of the thematic and ideological component in the journal «Mir Iskusstva». This paper examines the heterogeneity of positions within the publication, despite the type of the manifesto journal. It is also stated that the difference in the ideological component contradicts the key feature of the type of manifesto journal, namely the purpose of the publication. The article examines individual examples of opposing positions within the author's team. An important part of the research was the analysis of the journal's materials, revealing the same topic from different angles. In the course of the work, the specifics of subjective art criticism in the «Mir Iskusstva» were noted. The importance of emotions and impressions in this type of criticism is separately indicated. The paper demonstrates how the emotional impressions of the authors manifested themselves even in*

information genres. The novelty of the research lies in the consideration of the special role of the Mir Iskusstvo journal, which manifested itself in creating a common platform for talented figures of the turn of the century. The results of the study indicate the influence of the subjective-artistic method of criticism on the heterogeneity of positions within the journal. It was also noted that significant ideological differences eventually led to the departure of part of the team from the publication. Consideration of the characteristic features of the «World of Art» magazine allows us to understand in more detail the development of Russian Art Nouveau publications and the formation of their typological features.

Keywords: *«Mir Iskusstva», modernist journal, manifest journal, S.P. Diaghilev, A.N. Benois, D.V. Filosofov*

For citation: Chikin A.S. The specific nature of the heterogeneity of ideas in the journal "Mir Iskusstva". Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 251 – 256. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-251-256

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Возникновение журнала «Мир искусства» является важным событием в истории российской журналистики. Русский модерн не только значительно изменил тематическое направление материалов в журналах, посвященных вопросам искусства, но и привел к созданию нового типа издания. Классический «толстый» журнал не мог стать идеологической платформой для обоснования идей модернистов. В связи с этим возникает первый отечественный модернистский журнал, призванный теоретически обосновать и продвинуть новые течения. «Решительно порывая с тенденциозной народническо-позитивистской полемикой и традицией «толстых» журналов, символистские издания стали трибуной «возрождённого» искусства на рубеже XIX–XX веков» [14, с. 39]. Однако несмотря на целевую функцию журнала-манифеста, предполагающую общую идейную цельность в редакционной политике, авторы «Мира искусства» не только высказывали различные мнения, но и оппонировали друг другу.

Актуальность данного исследования заключается в значимой роли журналов русского модерна, оказавших большое влияние на периодические издания, посвященные вопросам искусства. Модернистские журналы характеризуют важный этап развития отечественной журналистики. Издания по искусству до «Мира искусства» освещали, в первую очередь, историю культуры, но не рассматривали актуальные вопросы новых направлений в искусстве. «Мирискуссники» же начали анализировать теоретические вопросы истории искусства не в вакууме, а проводя параллели с новыми течениями и демонстрируя единый культурно-исторический процесс развития художественных идей. Исследование журналов русского модерна позволяет рассмотреть традиции, сохраняющиеся в современных изданиях по искусству.

Объектом исследования выступил журнал «Мир искусства», как первое издание русского модерна и журнал-манифест. Предметом исследования стали статьи, выходившие в «Мире искусства».

Цель данного исследования заключается в анализе специфики неоднородности идей первого журнала русского модерна «Мир искусства». Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

1. определить тематическую направленность материалов издания;
2. определить отсутствие идеологической монолитности в материалах журнала «Мир искусства»;
3. проанализировать специфику художественной критики авторов журнала «Мир искусства».

Материалы и методы исследований

Основной для исследования послужили материалы журнала «Мир искусства», раскрывающие неоднородность позиций внутри авторского коллектива издания. Для исследования характерных особенностей журнала использовался культурно-исторический метод, так как зарождение журналов русского модерна происходило в конце XIX-начале XX в. Также в ходе данного исследования применялся типологический метод, позволяющий рассмотреть влияние авторского состава на целевую функцию журнала-манифеста. Для сопоставления позиций авторов в отдельных номерах журнала использовался контент-анализ текста. Важной частью исследования стали научные работы отечественных ученых, посвященные возникновению и развитию журналов русского модерна.

Результаты и обсуждения

Несмотря на форму манифеста «Сложных вопросов» С.П. Дягилева, открывавших первый сдвоенный номер издания, журнал «Мир искусства», как справедливо отмечает А.Г. Асташкин, представлял собой «нестройный хор» [1, с. 10]. Выражалось это, в первую очередь, в неоднородности позиций внутри коллектива журнала. А.Н. Бенуа описывал устройство редакции журнала следующим образом: «И вот в дальней-

шем вся история «Мира Искусства», как журнала, так и выставок – слагалась из борьбы между двумя тактиками. Одна служила исключительно поступательному началу, отличалась боевым настроением, не брезгала узкими требованиями и вкусами данного момента. Другая носила характер более консервативный, энциклопедический и даже эклектичный» [4, с. 38]. Дягилев и Философов в этой системе занимали места судей, которые создавали баланс между двумя группами. Важно отметить: Дягилев и Философов также прекрасно дополняли друг друга. Если Дягилев был активным и эмоциональным по заявлениям современников, то Философов, напротив, был сдержанным и методичным. Бенуа отмечает: Философов старался «сглаживать недоразумения и лечить раны, наносимые самолюбию сотрудников крутым нравом Дягилева» [4, с. 39].

Нельзя сказать: в журнале первостепенно анализировалось именно современное искусство. «Мир искусства» был богат статьями, раскрывающими самые разные элементы художественной жизни конца XIX-начала XX в. Одно из важнейших качеств издания – это отсутствие идеологического единства [5, с. 6]. «Мир искусства» – противоречие, так как его содержание нарушает основной типологический признак журнала-манифеста, а именно целевую функцию издания, заключавшийся в декларировании идей определённого направления в искусстве. Среди мирискусников же существовали абсолютно разные мнения и взгляды. Бенуа так характеризовал журнал: «Вместо направления у нас царил вкус – правда объединенной известным уровнем культурности всей группы, но все же свободный, и подчас капризный и во всяком случае враждебный всякому доктринерскому рабству, всяким предвзятым формулам» [4, с. 50]. Единство журнала заключилось в возможности обосновать теоретические основы новых направлений в искусстве. Для общего объединения авторов «Философов расширяет понятие «декаденства» так широко, что под него подпадает практически все искусство рубежа веков» [16, с. 150]. Это также привело к тому, что разные авторы могли оппонировать друг другу в рамках одного номера журнала.

Отсутствие монолитности позиций проявилось уже в первом сдвоенном номере журнала. Так, Бенуа и Дягилев не были согласны друг с другом касательно места В.М. Васнецова в русском искусстве. А.Н. Бенуа не видел в Васнецове как в художнике ничего особенного, отдельно выделяя: тот сильно переоценен. Дягилев же, в свою очередь, превозносил художника, отмечая его вклад в развитие русского искусства. Дягилев писал: «Первая и наибольшая заслуга Сурикова, Репина и, главное, Васнецова в том, что они не убоялись быть сами собой. Их отношение к Западу было вызывающее и они первые заметили весь вред огульного восторга перед ним» [6, с. 66]. Также следует указать, что несмотря на критику реалистического искусства, Дягилев признает культурную важность передвижников. Симпатии же Дягилева к Васнецову отразись и на художественном оформлении первого номера журнала, что огорчало Бенуа. Однако в дальнейшем Васнецов отказался давать работы для печати в «Мире искусства».

Мирискусники акцентировали внимание в художественной критике как на обширных вопросах, посвящённых анализу направлений в искусстве, так и оценке отдельных выставок, произведений и авторов. Обширность выбора тем для материалов позволила точно запечатлеть художественную жизнь эпохи. В журнале отсутствовала доминация тем, посвящённых лишь западному или русскому искусству. Однако отдельно отмечалась важность именно русского искусства, представителями которого, авторы издания и являлись. Каждый автор высказывал личное мнение по теме западного искусства, не пытаясь сделать из него идол. Роль западного искусства описывалась так: «Знакомство с западным искусством может лишь подвинуть вперед русское творчество…» [7, с. 8]. В первом сдвоенном номере журнала подчёркивалось: издание планирует отдавать «значительное место обозрения» именно русскому искусству, уделяя при этом «глубокое внимание» западным течениям.

Отличным примером неоднородности оценок западного искусства служит статья Бенуа «Об импрессионистах». В ней Бенуа отмечает важную идейную составляющую импрессионизма на этапе его зарождения, но также высказывает мнение: с течением времени принципы этого направления изменились, что отразилось на произведениях: «Ясность их учений исчезла и мало по малу все свелось с принципиального вопроса о значении первого впечатления в искусстве на второстепенный, практический вопрос о способах передачи видимого по первому впечатлению» [2, с. 49]. Анализируя произведения импрессионистов, Бенуа пишет: «… художник должен иметь известное отношение к своему предмету. Картина должна быть отражением его взгляда на жизнь и природу. И если среди импрессионистских картин и встречаешь прекрасные и производящие сильное впечатление вещи (у Дегаса, у Монэ), то эти вещи как-раз носят на себе следы долгого опыта изучения, а, следовательно, в корне противоречат принципам школы» [2, с. 51]. А.Н. Бенуа не пытался превозносить западное искусство как априори первостепенное. Напротив, он, используя субъективно-художественный метод критики, обосновывает свою позицию по каждому отдельно взятому художнику или течению в искусстве.

Важным составным элементом художественной критики журнала стали впечатления и эмоции. Именно передача эмоций от восприятия произведения основа аналитических статей. Это соотносилось с провозглашённой Дягилевым попыткой отхода от научного метода. Так, Бенуа в статье «Письма из Парижа» пишет: «Среди картин Бенара выставлена его «Желтая дама», вызвавшая такой скандал несколько лет тому назад. Поблекла ли живопись или мы пригляделись, но эта вещь больше не кажется экстравагантной» [3, с. 74].

Мережковский же в статье «Трагедия целомудрия и сладострастия» переходит от первоначального описания впечатлений от оперы, поставленной по трагедии Софокла «Антигона», к анализу трагедии Еврепида «Ипполит» и ее влиянию на искусство в целом. Ещё один пример использования впечатлений и эмоций в критике мирискусников – материал «К постановке «Тристан и Изольда». Как и в статье Мережковского, первым структурным элементом в статье можно назвать впечатления автора. В первой части материала автор пишет: «…гениальную Вагнеровскую оперу мы прослушали с тем особым удовольствием, которое за наш музыкальный сезон можно получить крайне редко» [10, с. 136].

Таким образом, описание полученных эмоций от произведения искусства постепенно ведёт читателя к более тщательному анализу. О сущности эмоционального впечатления в критике Александр Бенуа высказывается так: «Но ведь и не в том дело критиков, чтобы выяснять такие метафизические загадки, а в том, чтобы передать свои ощущения другим, заставить их также отнестись к разбираемому предмету, как они сами относятся. Лучшее же средство к тому – быть искренним, чем я и стараюсь быть, когда говорю об искусстве».

Необходимо выделить представленные в журнале «Мир искусства» заметки. Заметки – завершающая часть каждого номера. Содержание заметок могло носить как информационной, так и аналитический характер. В этом разделе читателя информировали об основных событиях в мире искусства. Субъективно-художественный метод мирискусников проявлялся и в этом разделе. В первом сдвоенном номере журнала присутствовала заметка, которая из-за оценочного характера вызвала споры в обществе. Заметка была посвящена выставке Верещагина в Англии. Субъективный взгляд мирискусников на творчество Верещагина проявился в следующих строчках: «Как предохранить русское искусство и английскую публику от такого неприятного сюрприза?» [7, с. 9]. Возмущена этой заметкой была М.К. Тенишева, писавшая: «После первой атаки Дягилевым Верещагина я горячо спорила с ним, упрекала, что он не предупредил меня, в каком тоне будет писать» [8, с. 166]. Важно отметить, что именно М.К. Тенишева внесла половину необходимых денежных средств для возникновения журнала.

Модернистский журнал-манифест «Мир искусства» отражал все важные культурные события эпохи. Поэтому журнал не мог не проанализировать такое важное событие как 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Мирискусники посвятили этому событию, сдвоенный выпуск журнала (№13-14), где было представлено четыре материала, объединённых общей смысловой направленностью. Но, несмотря на это, не все мирискусники были полностью согласны с позициями авторов «юбилейных» статей.

В статье «Праздник Пушкина» Д.С. Мережковский наблюдает лицемерность в оценках значимости фигуры А.С. Пушкина. Он пишет: страна готовится к празднику, жертвуются деньги на памятник, но незадолго до этого роль и личность Пушкина активно критиковались. В статье Мережковский оппонирует позициям Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева. Л.Н. Толстой в работе «Что такое искусство?», ссылаясь на встречу с мещанином, выступавшим против постановки памятника Пушкину, анализирует значимость личности Александра Сергеевича в истории. Толстой через мнение народа наделяет А.С. Пушкина негативной характеристикой. Мережковский приводит следующую цитату из статьи «Что такое искусство?» Толстого: «Каково-же должно быть его недоумение, когда он узнает, что Пушкин был человек больше, чем легких нравов, что умер он на дуэли, т.е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» [11, с. 15-16]. Точка зрения В.С. Соловьева схожа с мнением Л.Н. Толстого, но первый делает акцент на смерти Пушкина. Мережковский отмечает – по мнению Соловьева, Пушкин сам виновен в своей смерти. «…Бог убил его, карая за безумную ревность, за нарушенное слово императору и за другие безнравственные поступки», – пишет Мережковский, раскрывая мнение Соловьева [11, с. 16]. Д.С. Мережковский не только не соглашается с мнениями Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева, но и подчёркивает особую важность А.С. Пушкина: «… Пушкинской красоты и мудрости хватит на весь русский народ, томящийся вот уже четыре века гладом душевным» [11, с. 17].

Н.М. Минский в статье «Заветы Пушкина», не столько критикует противоположную точку зрения, в лице Толстого и Соловьева, сколько пытается проанализировать заслуги и достоинства Пушкина. Статья Минского начинается с критики Соловьева, но автор достаточно быстро отходит от неё, переходя к рассмотрению личности Пушкина. Минский указывает: определённые пушкинские заслуги уже неоспоримы и не подвергаются сомнению даже критиками поэта. «Никто не станет отрицать, что Пушкин первый ввел к

нам и навсегда узаконил правдивость изображения, простоту и естественность речи, и ту особую честность и искренность в отношении художника к своим произведениям…», – пишет Н.М. Минский [12, с. 23]. «Заветы Пушкина» декларируют: именно Пушкина можно назвать творцом литературного русского языка. Минский отмечает – Пушкин «первый оживил и покорил этот труднейший из музыкальных инструментов» [12, с. 23]. Переходя к формулированию «заветов», которые нам оставил великий поэт, Н.М. Минский демонстрирует: творческие взгляды Пушкина во многом соответствуют позиции мирискусников. Так первый «завет» указывает: Пушкин провозглашал главенство эстетики. «Преклонение перед красотою, победа эстетического идеала над этическим – одна из таких творческих идей Пушкина» – пишет Н.М. Минский [12, с. 25]. Второй «завет» заключается в том, что художник должен не «баюкать и согревать души людей», а «вечно их мучить и жечь» [12, с. 29]. Этим принципом Минский выделяет важность оппозиции к доминантной культуре, снова показывая общие элементы во взглядах между Пушкиным и мирискусниками. Третий «завет» по сути – продолжением первого, он состоит в отказе от «лукавого разума». Указанные принципы можно обозначить как обоснование теории «искусства для искусства».

Таким образом, формулируя художественные «заветы» А.С. Пушкина, Минский ставит мирискусников в позицию «наследников» великого поэта и писателя. Также Н.М. Минский подчеркивает: большинство деятелей искусства не придерживаются этих принципов. «Забытые русской интеллигенцией, полузабытые остальной Россией, они, подобно заброшенному священному огню, охранялись и охраняются немногими «жрецами искусства»», – пишет он [12, с. 29]. В статье «Заветы Пушкина» автор проводит параллели между Пушкиным и мирискусниками, однако не формулирует эту мысль прямо. Демонстрация параллели во взглядах между поэтом и мирискусниками проводится через выделение определённых пушкинских «заветов», которые в тезисах перекликаются с положениями статьи С.П. Дягилева «Сложные вопросы».

Номер журнала, посвящённый юбилею А.С. Пушкина, не отражал серьёзной разницы в оценках авторов. Каждый рассматривал это событие с разных сторон, но все при этом отвергали позиции Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева, а также признавали неоспоримую значимость А.С. Пушкина. Однако в одном из будущих номеров журнала, а именно: № 21-22, можно увидеть – не все в издании отрицательно относились к оценкам Толстого и Соловьева. Так П.П. Перцов в работе «Смерть Пушкина» высмеивает статьи, посвящённые юбилею поэта. Основная претензия Перцова заключается в том, что в юбилейных статьях отсутствует оригинальность. Перцов хоть и не соглашается полностью с позицией В.С. Соловьева, но отмечает её новизну. «Нет, как хотите, это было оригинально…», – пишет он [13, с. 158]. П.П. Перцов указывает: Соловьева «растерзали на кусочки» за его точку зрения, но он считает - причина подобной критика заключается в «боязни самобытности» [13, с. 158]. П.П. Перцов развивает мысль Соловьева о смысле смерти А.С. Пушкина. Он размышляет о том, какие именно события привели к смерти поэта. Перцов анализирует, как именно смерть в этом случае характеризует личность Пушкина. Хоть эта статья была опубликована не в номере, посвящённом 100-летию со дня рождения поэта, но она демонстрирует разницу во взглядах на личность Пушкина и его творчество. Если Мережковский и Минский отвергали позицию Соловьева, то Перцов также рассматривает смерть поэта как обособленную идею. Статья «Смерть Пушкина», как и работа Соловьева, демонстрирует наличие вины поэта в своей смерти. Важное отличие работы Перцова заключается в том, что вина не перекрывает заслуги и значимость личности Пушкина, как в случае с позицией Соловьева.

Выводы авторов журнала «Мир искусства» относительно А.С. Пушкина позволяют утверждать: несмотря на общее направление издания, взгляды каждого мирискусника были уникальны и могли различаться. Важно, что при этом «юбилейный» номер был един с идейной точки зрения.

Выводы

Неоднородность целевой функции «Мира искусства» проявилась в различных взглядах художественной и литературной части журнала. «Правда, лидеры петербургской группы символистов, являвшиеся не только писателями и поэтами, но и религиозными мыслителями, философами-мистиками, в своих публикациях затрагивали проблемы, не всегда созвучные целям художественного журнала. В конце концов они создали своего рода журнал в журнале» [9]. В первую очередь, это касалось Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, стремившихся к пропаганде и осмыслению религиозно-философских идей. Также проблемой были иллюстрации, которые прерывали материалы литераторов, тем самым сбивая тон серьёзных философских работ. Г.И. Чулков писал: «… Антон Крайний, горевал на страницах нового журнала по поводу того, что редакция "Мира искусства" среди рассуждений Д.С. Мережковского поместила зловещие и соблазнительные рисунки Бердслея» [15].

Противоречия, проявлявшиеся на страницах журнала связаны как с субъективно-художественным методом оценки, предполагающим эмоциональное восприятие реальности, так и с изначальным желанием объединить все новые течения рубежа веков вместе. Таким образом, можно сделать вывод, что «Мир искус-

ства» не является в полной мере журналом-манифестом, так как содержание материалов издания нарушало целевую функцию, заключавшуюся в декларировании идей определённого направления в искусстве.

Противоречия внутри журнала привели к тому, что часть коллектива покинула издание. Однако этот же аспект неоднородности мнений внутри редакции позволил «Миру искусства» стать знаковым явлением в истории художественных журналов. Возможность высказывать разнообразные мнения превратила «Мир искусства» в трибуну для талантливых русских художественных деятелей конца XIX в.

Список источников

1. Асташкин А.Г. Журнал «Мир искусства» как «поле битвы» художественных манифестов // Вестник Челябинского государственного университета 2009. № 35. С. 10 – 13.
2. Бенуа А.Н. Об импрессионизме // Мир искусства. 1899. № 6. С. 48 – 52.
3. Бенуа А.Н. Беседы художника. Письма из Парижа // Мир искусства. 1899. № 7-8. С. 74 – 75.
4. Бенуа А.Н. Возникновение «Мира искусства». М.: Искусство, 1994. 69 с.
5. Гусарова А.П. Мир искусства. Л.: РСФСР, 1972 г. 100 с.
6. Дягилев С.П. К выставке Васнецова // Мир искусства. 1899. № 7-8. С. 66 – 67.
7. Заметки // Мир искусства. 1899. № 1-2. С. 7 – 9.
8. Тенишева М.К., Пономарева Н.И. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. 285 с.
9. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. URL: http://www.evartist.narod.ru/text1/95.htm (дата обращения: 11.04.2026).
10. Мережковский Д.С. К постановке «Тристан и Изольда» // Мир искусства. 1899. № 11-12. С. 135 – 137.
11. Мережковский Д.С. Праздник Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13-14. С. 11 – 20.
12. Минский Н.М. Заветы Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13-14. С. 21 – 36.
13. Перцов П.П. Смерть Пушкина // Мир искусства. 1899. № 21-22. С. 156 – 168.

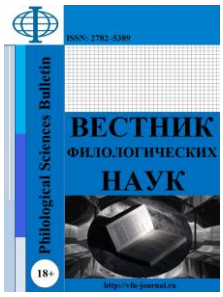
References

1. Astashkin A.G. The «World of Art» Journal as a "Battlefield" for Artistic Manifestos. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2009. No. 35. P. 10 – 13.
2. Benois A.N. On Impressionism. «World of Art». 1899. No. 6. P. 48 – 52.
3. Benois A.N. An Artist’s Conversations: Letters from Paris. World of Art. 1899. No. 7-8. P. 74 – 75.
4. Benois A.N. The Emergence of the "World of Art." Moscow: Iskusstvo, 1994. 69 p.
5. Gusarova A.P. World of Art. Leningrad: RSFSR, 1972. 100 p.
6. Diaghilev S.P. On the Vasnetsov Exhibition. World of Art. 1899. No. 7-8. P. 66 – 67.
7. Notes. World of Art. 1899. No. 1-2. P. 7 – 9.
8. Tenisheva M.K., Ponomareva N.I. Impressions of My Life. Leningrad: Iskusstvo, 1991. 285 p.
9. Makhonina S.Ya. History of Russian Journalism in the Early 20th Century. Educational Kit (Textbook, Anthology). Moscow: Flinta: Nauka, 2004. URL: http://www.evartist.narod.ru/text1/95.htm (accessed: 11.04.2026).
10. Merezhkovsky D.S. On the Production of «Tristan and Isolde». World of Art. 1899. No. 11-12. P. 135 – 137.
11. Merezhkovsky D.S. Pushkin’s Celebration. Mir iskusstva. 1899. No. 13-14. P. 11 – 20.
12. Minsky N.M. Pushkin’s Behests. Mir iskusstva. 1899. No. 13-14. P. 21 – 36.
13. Pertsov P.P. Pushkin’s Death. Mir iskusstva. 1899. No. 21-22. P. 156 – 168.

Информация об авторах

Чикин А.С., *ИМПЭ имени А.С. Грибоедова, г. Москва, sinm00n@yandex.ru*

© Чикин А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 808.5
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-257-262

[1] Яковлева А.С. ***[1] Тюменский индустриальный университет***

Специфика репрезентации категории оценки в публичных выступлениях разной целевой направленности (сопоставительный анализ речей Дж. Кеннеди 1961 и 1962 гг.)

Аннотация: *в статье представлен сравнительный анализ языковых средств выражения категории оценки (компонентов оценочной ситуации) в двух самых известных речах президента Дж. Кеннеди – инаугурационной речи 1961 года и речи «We choose to go to the Moon» 1962 года. Инаугурационная речь Дж. Кеннеди – выражение готовности США переносить любые сложности ради свободы в мире, призыв к единству и борьбе с общими врагами всего человечества – война, бедность и диктатура. Речь «We choose to go to the Moon» 1962 года является призывом принять вызов, раскрыть научные и технологические возможности страны. Несмотря на различие жанров речей, оба выступления представляют богатую палитру оценочных смыслов. Цель нашего исследования – провести сопоставительный анализ языковых средств выражения оценки и выделить компоненты оценочной ситуации. Объектом исследования являются оценочные ситуации в каждой анализируемой речи (субъект, объект, основание и характер оценки). Предметом – лексические экспрессивно-синтаксические средства выражения оценки. Данное исследование продемонстрирует навыки ораторского искусства Дж. Кеннеди и поможет научиться тому, как на вербальном уровне оказывать эффективное воздействие на слушателей. Основным методом исследования нами выбран сравнительно-типологический анализ, реализованный в диахроническом аспекте.*

Ключевые слова: *публичные речи, категория оценки, компоненты ситуации оценки, инаугурационная речь, «лунная речь», сравнительный анализ*

Для цитирования: Яковлева А.С. Специфика репрезентации категории оценки в публичных выступлениях разной целевой направленности (сопоставительный анализ речей Дж. Кеннеди 1961 и 1962 гг.) // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 257 – 262. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-257-262

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Yakovleva A.S. ***[1] Industrial University of Tyumen***

The representation of evaluation in public speeches with different communicative purposes (a comparative analysis of J. Kennedy's 1961 and 1962 addresses)

Abstract: *the article presents a comparative analysis of the linguistic means of expressing the category of assessment (components of the assessment situation) in two of the most famous speeches of President J. Kennedy's inaugural address in 1961 and the "We choose to go to the Moon" speech in 1962. The inaugural speech of J. Kennedy is an expression of the United States' willingness to endure any difficulties for the sake of freedom in the world, a call for unity and the fight against the common enemies of all mankind – war, poverty and dictatorship. The speech "We choose to go to the Moon" in 1962 is a call to accept the challenge, to reveal the scientific and technological capabilities of the country. Despite the difference in the genres of speeches, both speeches present a rich palette of evaluative meanings. The purpose of our study is to conduct a comparative analysis of the linguistic*

means of expressing evaluation and to identify the components of the evaluation situation. The object of the study is evaluative situations in each analyzed speech (subject, object, basis and nature of assessment). The subject is lexical, syntactic and stylistic means of expressing evaluation. This study will demonstrate the public speaking skills of an orator and help to learn how to have an effective impact on listeners on a verbal level. We have chosen comparative typological analysis, implemented in a diachronic aspect, as the main research method.

Keywords: *public speeches, the category of Evaluation, components of the assessment situation, inauguration speech, «Moon speech», a comparative analysis*

For citation: Yakovleva A.S. The representation of evaluation in public speeches with different communicative purposes (a comparative analysis of J. Kennedy's 1961 and 1962 addresses). Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 257 – 262. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-257-262

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в лингвистике большое количество научных работ, посвященных не просто понятиям «хорошо/плохо», а категории оценки, являющейся мощным инструментом управления сознанием слушателей. Политические речи являются идеальной площадкой для этого. Во-вторых, несмотря на многочисленные исследования политических речей Дж. Кеннеди, системный анализ выражения категории оценки и её компонентов в политических речах остаётся фрагментарным. Комплексный анализ того, как оценка вписывается в политическую речь, создавая скрытый смысл и манипуляцию, не представлен на сегодняшний день. Данное исследование рассматривает речи Дж. Кеннеди как уникальный образец дипломатии. Инаугурационная речь и речь 1962 года наполнены оценочными значениями, однако, жанровая задача определяет разницу аксиологической структуры: от универсальной морали к национальному прогрессу.

Инаугурационная речь относится к ритуально-декларативному жанру с установкой на сплочение нации и мирового общества. Вторая речь Кеннеди является своего рода презентацией определённой цели государства (высадка на Луну до конца 1960-х).

Цель нашего исследования – выявить и сопоставить языковые средства выражения категории оценки и элементы оценочной ситуации в двух политических речах Дж. Кеннеди разной целевой направленности.

Оценка представляет собой комплексное явление, являющееся предметом изучения многих наук, в том числе и лингвистики. «Ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» [8]. Категория оценки не сводится к простому противопоставлению таких понятий, как «хорошо/плохо», это сложная логико-языковая структура, выражающая ценностное отношение субъекта к объекту речи, когда «субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой» [4]. Кроме того, оценка не только помогает передать отношение автора, «но и структурируют информацию, создает эмоциональную связь с аудиторией» [9].

В современной лингвистике оценочная категория исследуется в русле логики семантики, прагматики, функционально-семантического, и стилистического подходов. Эти направления разрабатывались такими выдающимися лингвистами, как А.А. Ивин, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.В. Виноградов, В.Н. Телия и другие. Многообразие подходов свидетельствует о сложности и неоднозначности понимания феномена оценки в речи, что ярко проявляется и в структуре оценочного высказывания, включающего ряд обязательных и факультативных компонентов.

Традиционно, в комплексе принято выделять девять составляющих оценочной ситуации: 1) субъект, 2) объект, 3) основание, 4) содержание, 5) предмет, 6) инструмент, 7) шкалу, 8) оценочный стереотип и 9) адресата. Под субъектом оценки понимается «лицо, социальный коллектив, часть социума, либо социум в целом» [12]. Объект оценки – это то, что оценивается. Основание оценки отвечает на вопрос «почему?» и задаёт критерий, согласно которому мы приписываем объекту ценностный статус. Само же содержание оценки, как отмечает Е.М. Вольф, заключается в «установлении и выражении определенного отношения между субъектом и объектом» [4], что и составляет суть оценочного акта. Основание понимается как «та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами» [5]. В ходе анализа политических выступлений мы сосредоточились на четырёх компонентах акта оценки – субъекте, объекте, основании и характере оценки.

Политическая речь отличается тем, что оценочный акт превращается здесь в инструмент воздействия, своего рода оружия: субъект оценки стремится не просто констатировать, но убедить адресата в своей правоте, превращая относительную оценку в абсолютную истину. «Оценочная ситуация становится типовой, требующей отбора и использования определенных языковых средств для выражения оценочного значения. Коммуниканты должны грамотно использовать в речи языковые средства оценочности для достижения взаимопонимания» [10].

Способы выражения оценочного значения изучаются лингвистами на всех ярусах языка – морфологическом, лексическом и синтаксическом. Этой проблематике посвящены труды В.В. Виноградова, Г.А. Золотовой, Е.М. Вольф, В.Н. Телии, Т.И. Вендиной, Т.В. Маркеловой. В нашей работе мы остановились на анализе единиц преимущественно лексического и экспрессивно-синтаксического уровней, поскольку «средства словесной образности, преимущественно лексические, но также и синтаксические» [6].

При этом многие лингвисты (включая В.В. Виноградова, Т.И. Вендину, Г.А. Золотову, И.Н. Худякова, Е.Ф. Петрищеву) сходятся на том, что главную роль в передаче оценочных смыслов играет именно лексика. Основными средствами выражения оценки на данном уровне признаются имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия. Как подчёркивал В.В. Виноградов, «слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но и в то же время выражает оценку» [2].

Т.В. Маркелова, в свою очередь, предлагает классификацию лексических значений, через которые реализуется оценочная семантика. К ним относятся: «1) прямое неноминативное: *подлец, шельма, пустяк*; 2) переносное неноминативное: *финик* – не о растении, *актёр* – не о профессии; 3) прямое несвободное: а) фразеологически связанное: *чучело гороховое, кровь с молоком*, и б) синтаксически ограниченное: *петух, машина, мешок* – о человеке» [7].

Наиболее отчётливо оценочное значение проявляется у имён прилагательных**.** Как отмечал Ш. Балли, «любая категория оценочных слов ведёт своё происхождение от прилагательных» [1]. Вместе с тем, А.П. Сковородников справедливо указывает, что «именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» [11].

«Экспрессивные формы речи не только отражают субъективно-характеристическую и идейную оценку, а также выражают стиль личности, социальной группы» [12]. К числу таких экспрессивно-синтаксических конструкций авторы относят лексический повтор, метафорические словосочетания и предложения, риторический вопрос, императивные конструкции, параллелизм, анафора и т.д.

Материалы и методы исследований

Материалом для нашей работы послужили публичные политические выступления Дж. Кеннеди – всего 63 речи, которые по праву считаются образцом ораторского мастерства. Несмотря на различия в целях и тематике, все они формируют единый образ решительного спикера нации.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживают две речи. Инаугурационное выступление 1961 года служит призывом нации к единству. Дж. Кеннеди сделал её краткой, но в эту речь отличает возвышенный стиль, обилие стилистических приёмов. Для него важно, донести до слушателя, что может сделать ОН для своей страны. Политическая речь 1962 года демонстрирует гибкость оратора, сумевший использовать вдохновляющую риторику, тем самым успокоить нацию и мир в преддверии угрозы.

Результаты и обсуждения

Обратимся к практическому анализу оценочных ситуаций (компонентов оценочных ситуаций) и указанных языковых средств на материале конкретных политических речей Дж.Кеннеди.

В инаугурационной речи субъект оценки – «WE», «both sides» – это не только американцы, Кеннеди включает в это «МЫ» всё свободное человечество. «I» – президент как голос нации.

Например: *«we the heirs of that first revolution», «we in this hemisphere»* [13].

Объектом оценки выступают не определённые действия, а модель целого мира после холодной войны.

Например: *свобода, тирания, бедность, война, союз, вражда.*

Основанием оценки выступает моральное право и ответственность граждан, долг перед предками и потомками.

Например: *«The same revolutionary beliefs for which our forebears fought»* [13].

Характер оценки – безусловный, диаметрально противоположный.

Например: *«свет / тьма» «друг / враг».*

В «лунной речи» субъект оценки «*WE*» ограничивается американской нацией и её правительством. Они противопоставляются не врагу, а замедлению и чужому первенству. Объект оценки в анализируемой речи конкретен.

Например: *«The Moon». «this new ocean of space», «the most fascinating and challenging journey»* [14].

Основанием оценки служит прагматика и символический ресурс нации. Характер оценки – целенаправленный и сравнительный.

Например: *«harder than easy», «first rather tan second», «now rather than later».*

Сравнительный анализ показывает, что первая речь даёт оценку состояния (мир и свобода), а вторая – действия и его проходящей ценности. Это различие мы наблюдаем в дальнейшем в ходе анализа на лексическом и синтаксическом уровнях.

На лексическом уровне нами были выделены:

а) Оценочные прилагательные:

Инаугурационная речь: *new generation, solemn, faithful, free, hostile, oppressed, dark, great* [11].

«Лунная речь»: *exciting, thrilling, fascinating, hard, purposeful, significant, proud* [14].

б) Существительные с оценочной семантикой:

Инаугурационная речь: *freedom, tyranny, sacrifice, obligation, enemy*.

«Лунная речь*»: leadership, peace, challenge, conquest, urgency.*

В проанализированных политических речах использованы различные экспрессивные синтаксические средства.

Например, антитеза: свобода – тирания: Инаугурационная речь: *«Let every nation know, whether it wishes us well or ill, that we shall pay any price, bear any burden, meet any hardship, support any friend, oppose any foe to assure the survival and the success of liberty»* [13] *(градации - any price, any burden, any hardship), оппозиция (friend – foe).*

Антитеза: «легко – трудно»: «Лунная речь»: *«We choose to go to the Moon…not because (it is) easy, but because (it is) hard»* [14].

Инаугурационная речь: + антитеза: light / darkness, rich / poor, friend / foe

«not a victory of party, but a celebration of freedom».

«Лунная речь»: easy / hard, now / later, first / second; «Not because they are ease, but because they are hard» [14].

Следующий пример – перформативный императив, как средство для выражения оценки долга и жертвы в инаугурационной речи:

Например: «Ask not what your country can do for you – ask what you can do for you counry».

Для оценки времени, «сейчас или никогда» автор использует – временный маркер:

Например: «Лунная речь»: *«We choose to go to the Moon in this decade and do the other things, not because they are easy, but because they are hard»* [14].

Метафора. Например:

а) («море» (космос)) для оценки космоса и фронтира («Лунная речь»): *«We set sail on this new sea because there is new knowledge to be gained, and new rights to be won*» [14].

б) *«torch has been passed», «iron tyranny» «chains of misery»* **(**Инаугурационная речь**).**

в) *«ocean of peace and the new frontier of space», «ride on the waves of the future»* («Лунная речь»).

Одна из оценок в инаугурационной речи по духу идеально подходит к «Лунной речи» – оценка через метафору света и глобальной миссии.

Например: *«The energy, the faith, the devotion which we bring to this endeavor will light our country and all who serve it – and the glow from that fire can truly light the world»*

Императивная конструкция, противопоставление.

Например: оценка единства и человечества (инаугурационная речь):

а) *«Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us»*

б) + Императивы*: ask not, let us begin,*

Сравнительная оценка национального лидерства (имплицитное сравнение с СССР):

Например: *«No nation which expects to be the leader of other nations can expect to stay behind in the race for space*» («Лунная речь»).

Параллелизм и анафора.

Например: «*Let both sides… let both sides… let both sides» (*инаугурационная речь). «*We choose to go to the Moon … We choose to go to the Moon … We choose to go to the Moon*» («Лунная речь»).

Побудительные предложения как векторы оценок.

Например: *«Ask not what your country can do for you – ask what you can do for you counry», «We intend to win…».*

Риторические вопросы.

Например: «Why does Rice play Texas?» («Лунная речь») – потому что вызов труден, а это и есть основание для оценки достоинства.

Выводы

Инаугурационная речь Дж. Кеннеди и речь 1962 года дают оценку через бинарную систему, высокую последовательность, анафору. Субъектом оценки всегда является местоимение «МЫ», однако, с разной степенью вовлечённости автора.

В инугурационной речи оценка представлена как мир против хаоса, свобода против рабства, долг против комфорта. В лунной речи – оценка эволюционная, действие – самое важное.

В обеих речах оценка выполняет определённую функцию. Так в речи 1961 года – легализовать власть через общепринятые ценности, то в речи 1962 года – привлечь ресурсы под видом политического долга.

В обеих речах для выражения категории оценки использованы различные лексические и экспрессивно-синтаксические языковые средства, но их ценностное наполнение различно.

В инаугурационной речи преобладает этическая оценка с противопоставлением «свобода против рабства», «свет против тьмы». В речи 1962 года на первый план выходит прагматическая оценка с антитезой «трудное, предпочтительнее легкого», «сейчас важнее, чем потом».

Проведённое исследование двух наиболее известных политических речей Дж. Кеннеди не претендует на исчерпывающее представление всех языковых единиц, служащих выражению категории оценки в структуре оценочной ситуации. Мы считаем, что проведённый анализ дает представление о языковом и национальном колорите политических речей Дж. Кеннеди и о его ораторском мастерстве.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Иностранная литература, 1975. 412 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Москва: Наука, 1980. 88 с.
3. Виноградов В.В. Слово в парламентской речи и культуре общения // Русская речь: 1993. № 2. С. 2 − 14.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва: URSS / Ленанд, 2024. 278 с.
5. Ивин А.А. Основание логики оценок. Москва: Директ-медиа, 2015. 230 с.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Москва: Флинт, 2025. 464 с.
7. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. М.: Министерство общего и профессионального образования РФ, 1995. № 3. С. 67 – 79.
8. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1994. № 4. 112 с.
9. Молчкова Л.В., Перетолчин К.В. Средства оценки в лингвистике // Вестник Международного института рынка. 2025. № 1. С.134 – 138.
10. Просвиркина И.И. Языковые средства выражения оценки в современном дискурсе // Научные исследования и разработки // Современная коммуникативистика. 2020. Т. 9 № 2. С. 23 – 27.
11. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Томский университет, 1981. 255 с.
12. Телия В.Н. Типы языковых значений. Москва: Наука, 1981. 269 с.
13. Кеннеди Д.Ф. Инаугурационная речь [Электронный ресурс]: 20 января 1961 г. URL: https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/inaugural-adress-19610120 (дата обращения: 20.09.2026).
14. Кеннеди Д.Ф. Address at Rice University in Houston, Texas on the Nation's Space Effort, 12 September 1962 [Электронный ресурс] URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/ archives/jfkwha-127-002 (дата обращения: 20.09.2026).

References

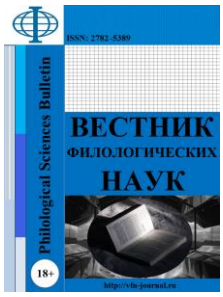
1. Bally Ch. General Linguistics and Questions of the French Language. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1975. 412 p.
2. Vinogradov V.V. On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language. Moscow: Nauka, 1980. 88 p.

3. Vinogradov V.V. The Word in Parliamentary Speech and Communication Culture. Russkaya Rech. 1993. No. 2. P. 2 – 14.
4. Wolf E.M. Functional Semantics of Evaluation. Moscow: URSS. Lenand, 2024. 278 p.
5. Ivin A.A. Foundations of the Logic of Evaluation. Moscow: Direct-Media, 2015. 230 p.
6. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian Language. Moscow: Flinta, 2025. 464 p.
7. Markelova T.V. Semantics and Pragmatics of Means of Expressing Evaluation in the Russian Language. Filologicheskie Nauki. Moscow: Ministry of General and Professional Education of the RF, 1995. No. 3. P. 67 – 79.
8. Markelova T.V. The Functional-Semantic Field of Evaluation in the Russian Language. Bulletin of Moscow University. Ser. 9. 1994. No. 4. 112 p.
9. Molchkova L.V., Peretolchin K.V. Means of Evaluation in Linguistics. Bulletin of International Market Institute. 2025. No. 1. P. 134 – 138.
10. Prosvirkina I.I. Linguistic Means of Expressing Evaluation in Modern Discourse. Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 23 – 27.
11. Skovorodnikov A.P. Expressive Syntactic Constructions of Modern Standard Russian: A Study of the System. Tomsk: Tomsk University, 1981. 255 p.
12. Telia V.N. Types of Linguistic Meanings. Moscow: Nauka, 1981. 269 p.
13. Kennedy J.F. Inaugural Address [Electronic resource]: 20.01.1961. URL: https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/inaugural-adress-19610120 (accessed: 20.09.2026).
14. Kennedy J.F. Address at Rice University in Houston, Texas on the Nation's Space Effort, 12.09.1962. [Electronic resource]. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkwha-127-002 (accessed: 20.09.2026).

Информация об авторах

Яковлева А.С., *кандидат филологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, jakovlewa@mail.ru*

© Яковлева А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.1:004.738.5
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-263-272

[1] Савинов И.И., [2] Баклан В.В.

[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ
[2] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Telegram-каналы как новая форма гражданской и профессиональной журналистики в России: функции, аудитория, влияние на традиционные СМИ

Аннотация: *работа посвящена анализу Telegram-каналов как гибридного института медиапроизводства, соединяющего практики гражданской и профессиональной журналистики. Эмпирическую основу составили данные измерений Mediascope за I кварталы 2023-2025 гг., оценки MTC AdTech за II-IV кварталы 2025 г., каталожная статистика TGStat, замеры «Левада-Центра» (август 2025 г., март и апрель 2026 г.), опрос ВЦИОМ (ноябрь 2025 г.), а также авторская типологизация 120 российских каналов категории «Новости и СМИ». Установлено, что рост среднесуточного охвата платформы с 41% в I квартале 2023 г. до 55% в I квартале 2025 г. сопровождался не вытеснением традиционных редакций, а их переносом на платформу: доминирующее положение в новостном сегменте занимают каналы институциональных СМИ, тогда как «чисто гражданские» проекты специализируются на локальной и происшествийной повестке. Введено понятие «платформенной ренты редакции» и предложена четырёхуровневая шкала журналистской автономии канала. Регуляторные ограничения февраля – апреля 2026 г. зафиксировали предел устойчивости мессенджерной модели: доля россиян, для которых Telegram-каналы служат основным источником новостей, снизилась с 25% в марте 2026 г. до 18% в апреле 2026 г. Результаты применимы при разработке редакционных стандартов работы в мессенджерах и при корректировке методик медиаизмерений.*

Ключевые слова: *Telegram-каналы, гражданская журналистика, профессиональная журналистика, медиапотребление, доверие к СМИ, мессенджеры, медиаизмерения, платформизация, Роскомнадзор, новостная повестка*

Для цитирования: Савинов И.И., Баклан В.В. Telegram-каналы как новая форма гражданской и профессиональной журналистики в России: функции, аудитория, влияние на традиционные СМИ // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 263 – 272. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-263-272

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Savinov I.I., [2] Baklan V.V.

[1] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
[2] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Telegram channels as a new form of civil and professional journalism in Russia: functions, audience, influence on traditional media

Abstract: *this study analyzes Telegram channels as a hybrid institution of media production that combines practices of citizen and professional journalism. The empirical basis comprises Mediascope measurement data from the first quarters of 2023-2025, MTS AdTech estimates for the second through fourth quarters of 2025, TGStat directory statistics, Levada Center surveys (August 2025, March and April 2026), a VTsIOM poll (November 2025), and the author's own typology of 120 Russian channels in the "News and Media" category. The study finds that the platform's average daily reach grew from 41% in Q1 2023 to 55% in Q1 2025; this growth did not displace traditional newsrooms but rather led to their migration onto the platform. Channels belonging to established media institutions dominate the news segment, whereas "purely citizen-led" projects specialize in local news and coverage of incidents. The concept of "editorial platform rent" is introduced, and a four-level scale for assessing a channel's journalistic autonomy is proposed. Regulatory restrictions imposed between February and April 2026 revealed the limits of the messenger-based model's resilience: the share of Russians relying on Telegram channels as their primary news source fell from 25% in March 2026 to 18% in April 2026. These findings are applicable to the development of editorial standards for messenger-based operations and the refinement of media measurement methodologies.*

Keywords: *Telegram channels, citizen journalism, professional journalism, media consumption, trust in media, instant messaging apps, media measurement, platformization, Roskomnadzor, news agenda*

For citation: Savinov I.I., Baklan V.V. Telegram channels as a new form of civil and professional journalism in Russia: functions, audience, influence on traditional media. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 263 – 272. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-263-272

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Мессенджер, задуманный в 2013 г. как средство приватной переписки, за десятилетие превратился в самостоятельную медиасистему с собственной экономикой, редакционными жанрами и конкуренцией за внимание. К I кварталу 2025 г. среднемесячный охват Telegram в России достиг 74% населения старше 12 лет, среднесуточный – 55%, а средний пользователь проводил в приложении 47 минут ежедневно, что дало платформе 9% всего времени интернет-потребления россиян [7]. Годом ранее сопоставимые показатели составляли 73% и 49% при 44 минутах в сутки [8], а в I квартале 2023 г. – 62% и 41% [8]. Прирост среднесуточного охвата на 14 процентных пунктов за два года не имеет аналогов среди крупных площадок Рунета: в январе 2025 г. Telegram впервые опередил YouTube по месячному охвату (90,6 млн против 86,9 млн пользователей), причём аудитория видеохостинга за год сократилась с 95,5 млн человек [9].

Количественный рост платформы поставил перед теорией журналистики вопрос, который нельзя решить простым перечислением новых каналов распространения контента. Классическая дихотомия «профессиональная журналистика – гражданская журналистика», сформулированная в работах о user-generated content 2000-х гг., в среде мессенджера перестаёт работать: один и тот же канал может публиковать анонимный инсайд, официальный релиз ведомства, авторскую аналитику и репост из районного чата. Проблема исследования состоит в том, что существующие типологии описывают либо политические каналы как инструмент элитной коммуникации [1, 17], либо новостной сегмент как продолжение редакционного производства [13], но не объясняют, как в одной институциональной рамке сосуществуют и конкурируют два режима журналистского труда - редакционный и внередакционный.

Цель работы – определить функциональный профиль российских Telegram-каналов, характеристики их аудитории и механизмы воздействия на традиционные СМИ в период 2020-2026 гг. Задачи: 1) системати-

зировать подходы к изучению мессенджерных медиа в российской и зарубежной литературе; 2) описать динамику аудиторных показателей платформы по независимым измерительным источникам; 3) построить типологию каналов по критерию журналистской автономии; 4) оценить характер связи между развитием Telegram и положением традиционных редакций; 5) проанализировать реакцию аудитории на регуляторные ограничения 2025-2026 гг.

Обзор литературы обнаруживает три исследовательские линии. Первая – политологическая. Авторы статьи о телеграм-каналах в системе экспертной и политической коммуникации показали, что при преобладании манипулятивного содержания платформа формирует «распределённый think tank», в реальном времени анализирующий внутриполитическую повестку, и одновременно порождает феномен «формирующей аналитики» – материалов, замаскированных под экспертизу [17]. Эта линия продолжена в работе об информационных альтернативах и политической легитимности, где каналы интерпретируются через концепции Ю. Хабермаса, М. Кастельса, Г. Дженкинса и Б. Латура, а социологический опрос фиксирует ежедневное обращение большинства респондентов к платформе при ограниченном безусловном доверии публикуемым материалам [3]. С.В. Володенков и коллеги рассматривают цифровизацию политического процесса как смену самой инфраструктуры публичности [19].

Вторая линия – медиаметрическая. В исследовании перехода аудиторного внимания от традиционных источников к telegram-каналам за 2021-2024 гг. на массиве 3509 каналов средствами регрессионного анализа зафиксирована созависимость роста числа информационных каналов и сокращения количества выпускаемых в России периодических изданий [2]. Третья линия – жанрово-содержательная: анализ топ-5 новостных каналов показал равномерность тематического распределения при доминировании рубрики «Происшествия», а основными источниками информации для каналов «РИА Новости», Readovka, Mash и «Прямой Эфир» названы государственные органы, сообщения других СМИ и инсайдерские сведения [13]. Г.А. Ларский описывает каналы как инструмент формирования повестки дня в гибридных медиаэкосистемах [4].

Зарубежная традиция подходит к сюжету со стороны регулирования и свободы слова. В исследовании о том, как в политическом и медийном дискурсе оправдывалось ограничение доступа к Telegram в 2018 г., показано, что рамочная подача блокировки в медиа была разнообразнее официальной аргументации [5]. Российские авторы, писавшие о противоречии между безопасностью и свободой слова в Рунете, фиксировали переход независимых редакций на интернет-платформы как компенсацию сокращения охвата традиционных форм [15]. Нами не обнаружено работ, где аудиторные измерения, содержательная типология и регуляторная динамика 2026 г. рассматривались бы в единой логической схеме, – эта лакуна и определила замысел статьи.

Научная новизна складывается из четырёх элементов. Впервые сопоставлены три независимые системы оценки аудитории платформы (Mediascope, МТС AdTech, «Левада-Центр») с указанием расхождений в методологии; предложена шкала журналистской автономии канала из четырёх уровней; введено понятие «платформенной ренты редакции»; на данных марта – апреля 2026 г. описан эффект регуляторного шока, ранее в литературе не зафиксированный. Теоретическая значимость состоит в уточнении границ понятия «гражданская журналистика» применительно к мессенджерной среде; практическая – в наборе индикаторов, пригодных для редакционного аудита каналов и для корректировки методик медиаизмерений.

Материалы и методы исследований

Исследование выстроено по схеме смешанного дизайна с преобладанием количественной составляющей и опорой на вторичный анализ данных. Хронологические рамки – январь 2020 г. – апрель 2026 г.; выбор нижней границы обусловлен началом массового переноса редакционных ресурсов в мессенджер, верхней – введением регуляторных ограничений, изменивших условия работы платформы.

Первый блок источников – отраслевые измерения. Использованы отчётные показатели Mediascope за I кварталы 2023, 2024 и 2025 гг. (охват, среднесуточная аудитория, время потребления) [7, 8], данные того же измерителя по месячному охвату за январь 2024 и январь 2025 гг. [9], июль и октябрь 2025 г. [10, 11], а также оценки МТС AdTech, построенные на модели машинного обучения, за II квартал и ноябрь 2025 г. [10, 11]. Расхождение между двумя системами (100,9 млн уникальных пользователей по МТС AdTech против 90,9 млн по Mediascope за близкие периоды) трактуется не как ошибка, а как следствие разных единиц наблюдения: панельное измерение против модельной оценки по обезличенному трафику оператора. Все числовые показатели проверялись не менее чем по двум независимым публикациям с указанием исходной и конечной точки сравнения.

Второй блок – социологические замеры. Привлечены результаты опросов «Левада-Центра» об источниках информации и доверии к ним (август 2025 г., март 2026 г. – выборка 1618 человек в 50 субъектах РФ,

личное интервью, апрель 2026 г.) [12-14] и данные ВЦИОМ, представленные в ноябре 2025 г. на медиафоруме «Енисей» и опубликованные в научной периодике [6, 16].

Третий блок – каталожная статистика TGStat: по состоянию на дату обращения сервис классифицировал 1 502 000 российских каналов и 122 000 чатов [18].

Четвёртый блок – авторская выборка. Методом квотного отбора из каталога TGStat сформирован массив 120 каналов рубрики «Новости и СМИ» с числом подписчиков не менее 10 тыс. человек: 40 федеральных, 50 региональных и городских, 30 тематических (правовые, транспортные, экологические сюжеты). Каждый канал кодировался по семи признакам: институциональная принадлежность, раскрытие авторства, наличие выходных данных и статуса СМИ, доля собственных материалов, доля репостов, присутствие рубрикации, наличие обратной связи с читателями (боты, чаты, приём сообщений). Кодирование проводилось двумя кодировщиками; спорные случаи (17 каналов) разбирались согласительной процедурой.

Инструменты – контент-анализ, вторичный анализ статистики, сравнительный и типологический методы, элементы корреляционного анализа при сопоставлении динамических рядов.

Ограничения дизайна признаются прямо. Каталожные данные TGStat не проходят внешнего аудита и включают неактивные каналы; опросные показатели «Левада-Центра» и ВЦИОМ получены на разных шкалах и формулировках вопроса, поэтому их абсолютные значения сопоставимы только внутри каждой серии. Авторская выборка не претендует на репрезентативность по отношению ко всей платформе – она обеспечивает типологическую насыщенность, а не статистический вывод на генеральную совокупность.

Результаты и обсуждения

Функциональный профиль каналов. Обратимся к результатам кодирования. Из 120 каналов выборки 71 (59,2%) ведутся зарегистрированными СМИ или их сотрудниками, 34 (28,3%) – независимыми авторами и локальными сообществами, 15 (12,5%) принадлежат органам власти и подведомственным учреждениям. Собственные материалы преобладают лишь у 28 каналов (23,3%), тогда как у 62 (51,7%) более половины публикаций составляют репосты и пересказы чужих сообщений. Полученное распределение согласуется с выводом о том, что основными источниками для крупнейших новостных каналов служат государственные органы и сообщения других редакций [13], и уточняет его: внередакционные каналы воспроизводят чужой контент чаще (в среднем 64% публикаций), чем каналы СМИ (43%).

Нами выделены пять функций, различающихся по частоте реализации. Информационно-транслирующая функция присутствует у всех каналов выборки. Функция локального мониторинга – сообщения о происшествиях, коммунальных авариях, дорожной обстановке – характерна для 47 из 50 региональных каналов и лишь для 9 федеральных. Экспертно-аналитическая функция зафиксирована у 21 канала, что соотносится с описанием платформы как «распределённого think tank» [17]. Мобилизационно-организационная функция (сбор подписей, координация помощи, приглашение на общественные слушания) проявилась в 26 каналах, преимущественно региональных. Наконец, функция обратной связи с аудиторией через приём сообщений от читателей реализована в 58 каналах (48,3%) – именно она формирует ядро гражданской журналистики в мессенджере, поскольку превращает подписчика в поставщика первичных сведений.

Шкала журналистской автономии канала

Разделение на «профессиональные» и «гражданские» каналы оказалось непродуктивным: 39 каналов выборки не относятся однозначно ни к одной группе. Предлагается шкала из четырёх уровней. Уровень A – редакционный канал зарегистрированного СМИ с выходными данными и штатной ответственностью автора (в выборке 44 канала). Уровень B – канал журналиста или редакционной группы, действующий вне юридической рамки СМИ, но с раскрытым авторством и проверяемой атрибуцией фактов (27 каналов). Уровень C – анонимный канал с признаками профессиональной обработки материала: рубрикация, редактура, ссылки на первичные документы (32 канала). Уровень D – внередакционный канал сообщества без атрибуции источников (17 каналов).

Практическая ценность шкалы проявляется при оценке рисков. Именно уровень C создаёт основную сложность для верификации, поскольку внешне воспроизводит атрибуты профессионального медиа при отсутствии институциональной ответственности, – это операционализация проблемы различения экспертного и манипулятивного содержания, поставленной ранее в политологической литературе [17]. Уровень D, напротив, редко претендует на объективность и чаще прямо обозначает частный характер сообщения. Смотри таблицу 1. Составлена авторами по результатам кодирования 120 каналов.

Таблица 1

Распределение каналов авторской выборки по уровням журналистской автономии.

Table 1

Distribution of channels in the author's sample by levels of journalistic autonomy.

Уровень автономии	Число каналов	Доля собственных материалов, %	Приём сообщений от читателей, %
A – редакционный канал СМИ	44	52	61
B – авторский канал журналиста	27	48	55
C – анонимный «квази-редакционный»	32	29	38
D – канал сообщества	17	21	71
Всего	120	39	48

Аудитория: рост, структура, предел

Динамика охватов платформы за 2023-2025 гг. описывается тремя параллельными рядами (рис. 1). Построен авторами по данным Mediascope [7, 8].

Среднемесячный охват вырос с 62% до 74% населения старше 12 лет, среднесуточный – с 41% до 55%, время потребления – с 39 до 47 минут в сутки [7, 8]. Приращение среднесуточного охвата опережало приращение среднемесячного втрое, то есть платформа наращивала не столько число знакомых с ней людей, сколько частоту обращений: Telegram становился рутиной, а не открытием. В возрастном разрезе к I кварталу 2024 г. 80% россиян 12-24 лет заходили в мессенджер в среднем раз в сутки, а в группе старше 55 лет суточный показатель превысил четверть [8]. На чтение каналов приходилось 25% всего времени в мобильном приложении, и эта доля увеличивалась с возрастом пользователя [8].

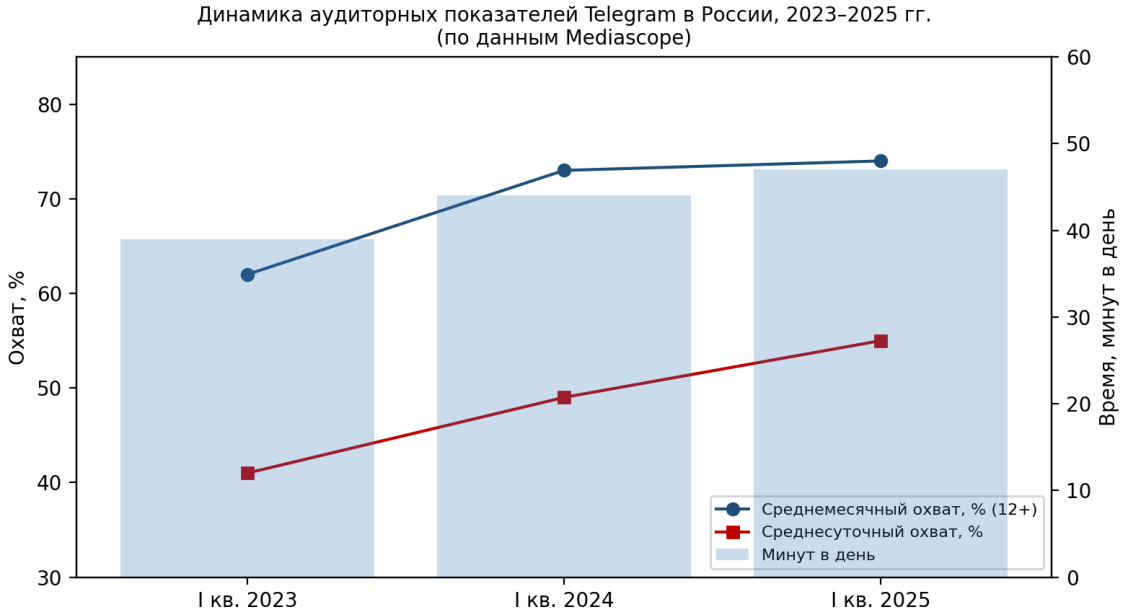

Рис. 1. Динамика аудиторных показателей Telegram в России, I кварталы 2023-2025 гг.
Fig. 1. Trends in Telegram audience metrics in Russia, Q1 2023-2025.

Максимум охвата пришёлся на вторую половину 2025 г. По оценке МТС AdTech, за апрель – июнь 2025 г. число уникальных пользователей достигло 100 936 851 человека, доля платформы в интернет-времени россиян - 10%, среднесуточное время – 45 минут [10]. В июле 2025 г. тот же источник фиксировал 92,7 млн пользователей против 93,5 млн у WhatsApp, тогда как Mediascope за тот же месяц давал 90,9 млн и 97,6 млн соответственно [10]. В ноябре 2025 г. МТС AdTech сообщил о рекордных 105 млн пользователей при 91 млн по данным Mediascope за октябрь; второе место по вовлечённости заняла категория «Видео и

фильмы», третье – «Новости и СМИ» [11]. Разброс оценок в 14 млн человек между двумя системами измерения – самостоятельный методологический результат: он показывает, что при обсуждении «аудитории мессенджера» необходимо каждый раз указывать способ подсчёта.

Показатели платформы и показатели новостного потребления расходятся. По данным «Левада-Центра», в августе 2025 г. телевидение оставалось главным источником новостей для 60% опрошенных, потеряв 10 процентных пунктов с марта 2022 г. [12]. В марте 2026 г. телевидение назвали основным источником 61% респондентов, новости в интернете читали 72% (снижение на 4 п.п. за год), telegram-каналы читали 49%, ежедневно – 20% (снижение на 4 и 5 п.п. соответственно), а как основной источник каналы указали 25% против 27% у интернет-изданий [13]. Уровень доверия распределялся иначе, чем уровень пользования: телевидению доверяли 42%, социальным сетям – 18%, telegram-каналам – 17%, интернет-изданиям – 15% [13]. Опрос ВЦИОМ, проведённый в ноябре 2025 г., дал более высокие абсолютные значения – 50% доверия телевидению, 37% федеральным новостным сайтам, 33% telegram-каналам, по 32% печатной прессе и радио при 84% респондентов, ежедневно обращающихся к новостям [6, 16]. Разница в 16 процентных пунктов по одному и тому же объекту объясняется формулировкой вопроса: ВЦИОМ измерял доверие к типу источника, «Левада-Центр» – выбор наиболее доверенного источника, что механически занижает результат каждого варианта.

Отдельного внимания заслуживает разрыв между запросом и оценкой. Средний балл важности того, чтобы журналисты говорили правду, составил 6,52 из 7, тогда как удовлетворённость правдивостью официальных медиа – 4,13 из 7 [16]. Именно этот зазор в 2,39 балла и заполняют каналы уровней C и D: они предлагают не проверенную информацию, а ощущение доступа к непричёсанной версии событий. Механизм замещения работает не через качество контента, а через дефицит доверия к институциональному источнику.

Регуляторный шок 2025-2026 гг. и его аудиторные последствия

Что происходит с мессенджерной журналистикой, когда исчезает сама платформа? Ответ на этот вопрос дала российская практика 2025-2026 гг. В августе 2025 г. Роскомнадзор ограничил аудио- и видеозвонки в Telegram, объяснив меру противодействием мошенничеству [17, 20]. 10 февраля 2026 г. ведомство подтвердило замедление работы мессенджера на всей территории страны, сославшись на нарушения российского законодательства, – ограничения затронули загрузку изображений, видео и голосовых сообщений [20]. 26 февраля 2026 г. со ссылкой на источники, близкие к администрации президента, сообщалось о решении заблокировать платформу в первых числах апреля [20]. С 14-15 марта 2026 г. фиксировались массовые сбои: портал «Сбой.рф» зарегистрировал около 6 тыс. обращений 14 марта и 12 тыс. – 15 марта, а доступность сервиса в России, по оценке главы Общества защиты интернета М. Климарева, опустилась до 80% [20]. С начала 2026 г. регулятор направил администрации мессенджера требования об удалении более 35,6 тыс. противоправных материалов [20].

Аудиторный отклик оказался быстрым и асимметричным. По апрельскому опросу «Левада-Центра», доля россиян, для которых telegram-каналы служат основным источником информации, снизилась с 25% в марте до 18% в апреле 2026 г., то есть примерно на треть; максимума этот показатель достигал в мае 2025 г. – 30% [14]. Число тех, кто называет каналы наиболее доверенным источником, сократилось с 17% до 13% [14]. Падение было сильнее в группе, не одобряющей деятельность президента (с 34% до 23%), чем среди его сторонников (с 23% до 17%) [14]. Одновременно в опросном инструментарии впервые появился государственный мессенджер Max: каналы в нём как основной источник новостей указали 10% респондентов при доверии 5% [14].

Приведённые цифры позволяют сформулировать наблюдение об эластичности медиапривычки. Аудитория новостных каналов сократилась не пропорционально техническим ограничениям, а быстрее их: доступность платформы упала примерно на 20%, тогда как доля «основного источника» – на 28%. Разница указывает на то, что часть пользователей отказалась от мессенджерных новостей превентивно, не дожидаясь полной блокировки. Возможен и альтернативный сценарий: часть аудитории сохранила доступ через обходные средства, но перестала считать нестабильный канал «основным», – тогда снижение отражает изменение статуса источника, а не фактического потребления. Различить эти объяснения по опросным данным нельзя, для этого требуются логи трафика.

Полученные результаты уточняют распространённый тезис о вытеснении традиционных СМИ мессенджерами. В исследовании перехода аудиторного внимания на массиве 3509 каналов зафиксирована созависимость роста информационных каналов и сокращения числа выпускаемых периодических изданий, а также сделан вывод о влиянии Telegram на снижение внимания к традиционным СМИ [2]. Наши данные показывают, что связь опосредована: 59,2% каналов новостной выборки принадлежат самим редакциям, значит,

платформа не столько отнимает аудиторию у СМИ, сколько переносит её в среду, где редакция теряет контроль над дистрибуцией и монетизацией. Это состояние мы обозначаем как «платформенную ренту редакции» – ситуацию, в которой профессиональный производитель контента получает охват в обмен на утрату собственной инфраструктуры отношений с читателем. Печатное издание владело подписной базой; канал владеет лишь числом подписчиков, которое исчезает вместе с доступом к платформе, что и продемонстрировали события марта 2026 г.

Расхождение с политологической линией исследований касается трактовки анонимности. Работы о телеграм-каналах в системе экспертной коммуникации подчёркивают роль анонимных инструментов политической борьбы в условиях преобладания непубличной политики [17], а исследование информационных альтернатив связывает анонимность с рисками манипуляции и снижением доверия к медиа [3]. По результатам кодирования анонимность распределена неравномерно: она концентрируется в федеральном политическом сегменте (уровень С), тогда как гражданские региональные каналы чаще раскрывают авторство, поскольку локальная репутация служит их главным ресурсом. Иными словами, анонимность - не свойство мессенджерной журналистики как таковой, а функция масштаба и предмета освещения.

Согласие с предшественниками достигается по вопросу тематической структуры. Выявленное ранее доминирование рубрики «Происшествия» в топ-5 новостных каналов [13] подтверждается на нашей выборке: происшествийная повестка присутствует у 96 каналов из 120 и служит основным инструментом наращивания подписной базы. Работа Г.А. Ларского о каналах как инструменте формирования повестки дня [4] дополняется уточнением направления влияния: в 34 наблюдавшихся случаях сюжет проходил путь «локальный канал – региональное СМИ – федеральная лента», то есть гражданский сегмент выполнял роль поставщика инфоповодов для профессионального.

Теоретически предложенная шкала автономии позволяет пересмотреть понятие гражданской журналистики. Классические определения связывали её с непрофессиональным статусом автора; в мессенджерной среде решающим признаком становится не статус, а наличие институциональной ответственности за публикацию. Канал уровня В, который ведёт штатный журналист от собственного имени, профессионален по компетенции и «гражданский» по режиму ответственности – категориальная пара распадается. Такой вывод согласуется с наблюдениями о цифровизации политической коммуникации как смене инфраструктуры публичности [19] и о размывании границ между авторским блогом и институциональным изданием [21].

Международный контекст добавляет измерение регуляторной устойчивости. Анализ дискурсивных рамок блокировки 2018 г. показал, что медийная подача ограничений была разнообразнее официальной [5]; в 2026 г. картина иная – обсуждение сместилось от вопроса о свободе слова к вопросу о технической осуществимости блокировки и о судьбе рекламного рынка. Смена рамки означает институционализацию ограничений: то, что восемь лет назад воспринималось как экстраординарная мера, теперь описывается языком инфраструктурного администрирования. Этот сдвиг вряд ли обратим даже при восстановлении полноценного доступа к платформе.

Практическое приложение результатов видится в трёх направлениях. Редакциям шкала автономии даёт основу внутреннего регламента: канал уровня А обязан воспроизводить стандарты проверки основного издания, а материалы уровня С не могут использоваться как единственный источник. Измерительным компаниям сопоставление панельных и модельных оценок указывает на необходимость раздельной публикации показателей «пользователи мессенджера» и «читатели каналов» – их смешение завышает представление о размере новостной аудитории на десятки миллионов человек. Регулятору и профессиональным ассоциациям данные о доверии (17% по «Леваде», 33% по ВЦИОМ) показывают, что запрет канала распространения не переносит доверие на альтернативную площадку автоматически: у мессенджера Max доверие составило 5% при использовании 10% [14].

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать пять выводов. Первый: Telegram в России 2020-2025 гг. вырос из вспомогательного канала в самостоятельную медиасреду, что подтверждается увеличением среднесуточного охвата с 41% в I квартале 2023 г. до 55% в I квартале 2025 г. и опережением YouTube по месячному охвату в январе 2025 г. (90,6 млн против 86,9 млн человек).

Второй: новостной сегмент платформы не является преимущественно гражданским – в авторской выборке 59,2% каналов принадлежат редакциям СМИ и их сотрудникам, а внередакционные проекты специализируются на локальной и происшествийной повестке, выполняя функцию поставщика первичных сведений.

Третий: дихотомия «профессиональное – гражданское» в мессенджерной среде заменяется четырёхуровневой шкалой журналистской автономии, где решающим признаком выступает институциональная ответственность за публикацию, а не профессиональный статус автора.

Четвёртый: воздействие платформы на традиционные СМИ реализуется через механизм платформенной ренты – редакция получает охват, теряя контроль над дистрибуцией и подписной базой, что делает её уязвимой при изменении условий доступа к платформе.

Пятый: ограничения 2025-2026 гг. выявили низкую устойчивость мессенджерной модели новостного потребления – доля россиян, считающих telegram-каналы основным источником информации, сократилась с 30% в мае 2025 г. и 25% в марте 2026 г. до 18% в апреле 2026 г., а доверие к ним снизилось с 17% до 13%.

Дальнейшая работа предполагает расширение выборки до 500 каналов, включение данных о трафике за период после апреля 2026 г. и сравнение российской ситуации с иранским и белорусским случаями мессенджерной журналистики.

Список источников

1. Ляховенко О.И. Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Modern Russia // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 114 – 144. DOI: 10.46539/gmd.v4i1.230. URL: https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/230 (дата обращения: 10.09.2026).

2. Коноплев Д.Э. От традиционных СМИ к Telegram-каналам: путь информационной трансформации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 3 (57). С. 126 – 138. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-57-3-126-138. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-traditsionnyh-smi-k-telegram-kanalam-put-informatsionnoy-transformatsii (дата обращения: 10.09.2026).

3. Ветренко И.А., Осьмеркина А.Д. Информационные альтернативы и политическая легитимность: феномен телеграм-каналов в России // Управленческое консультирование. 2025. № 6. С. 121 – 132. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-alternativy-i-politicheskaya-legitimnost-fenomen-telegram-kanalov-v-rossii (дата обращения: 10.09.2026).

4. Ларский Г.А. Telegram-каналы как новый инструмент формирования повестки дня // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 2. С. 59 – 70. DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0180. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kanaly-kak-novyy-instrument-formirovaniya-povestki-dnya (дата обращения: 10.09.2026).

5. Wijermars M. Selling internet control: the framing of the Russian ban of messaging app Telegram // Information, Communication & Society. 2022. Vol. 25. No. 15. P. 2190 – 2206. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1933562.

6. Дылевский Д.Э., Овруцкий А.В. Доверие российского общества различным источникам информации и высокий запрос честности // Вестник филологических наук. 2026. Т. 6. № 6. С. 169 – 174. URL: https://journals.rcsi.science/2782-5329/article/download/424906/690933 (дата обращения: 10.09.2026).

7. Аудитория Telegram в России снова выросла: данные Mediascope за январь-март 2025 г. // PPC World. 05.05.2025. [1 с.]. URL: https://ppc.world/news/auditoriya-telegram-v-rossii-snova-vyrosla/ (дата обращения: 10.09.2026).

8. Mediascope: 49 % населения России старше 12 лет ежедневно заходят в Telegram (данные за I квартал 2024 г.) // Sostav.ru. 05.05.2024. URL: https://www.sostav.ru/publication/auditoriya-telegram-67586.html (дата обращения: 10.09.2026).

9. Telegram впервые обошёл YouTube по охвату // РБК. 06.02.2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2025/67a4d0419a7947649c49131e (дата обращения: 10.09.2026).

10. Telegram первым из мессенджеров охватил в России 100 млн пользователей // Forbes. 14.08.2025. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-polzovatelej (дата обращения: 10.09.2026).

11. Аудитория Telegram выросла до рекордных 105 миллионов в месяц // 3DNews. 17.12.2025. URL: https://3dnews.ru/1134095/auditoriya-telegram-virosla-do-rekordnih-105-millionov-v-mesyats (дата обращения: 10.09.2026).

12. Источники информации в августе 2025 года: пользование и доверие: аналитический отчёт // АНО «Левада-Центр». 11.09.2025. URL: https://www.levada.ru/2025/09/11/istochniki-informatsii-v-avguste-2025-polzovanie-i-doverie/ (дата обращения: 10.09.2026).

13. Левада: телевидение в России остаётся главным источником новостей (данные опроса 18-26 марта 2026 г., выборка 1618 человек, 50 субъектов Российской Федерации) // SOTA. 07.04.2026. URL: https://sotaproject.com/news/111474 (дата обращения: 10.09.2026).

14. После блокировки Telegram остался основным источником информации для 18 % граждан. Каждый десятый россиянин стал узнавать новости из Max // Агентство. 18.05.2026. URL: https://www.agents.media/posle-blokirovki-telegram-ostalsya-osnovnym-istochnikom-informatsii-dlya-18-grazhdan-kazhdyj-desyatyj-rossiyanin-stal-uznavat-novosti-iz-max/ (дата обращения: 10.09.2026).

15. Лавров И.А., Сокол А. В. Российская власть и Интернет: безопасность против свободы слова // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 2. С. 12 – 24. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-12-24. URL: https:// digitalsociology.guu.ru/jour/article/download/16/17 (дата обращения: 10.09.2026).

16. ВЦИОМ: россияне больше доверяют телевидению, чем новостным сайтам и telegram-каналам // Журналист. 07.11.2025. URL: https://jrnlst.ru/2025/11/07/157963/ (дата обращения: 10.09.2026).

17. Ляховенко О.И. Телеграм-каналы в системе экспертной и политической коммуникации в современной России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4. № 1. С. 114 – 144. DOI: 10.46539/gmd. v4i1.230. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kanaly-v-sisteme-ekspertnoy-i-politicheskoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 10.09.2026).

18. Каталог Telegram-каналов и чатов: раздел «Россия» // TGStat. URL: https://tgstat.com/ru (дата обращения: 10.09.2026).

19. Volodenkov S.V. Theorizing Digital Politics in Russian and Foreign Studies: Introducing the Issue // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 339 – 350. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350. URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/download/31843/21028 (дата обращения: 10.09.2026).

20. Родин И. Роскомнадзор подтвердил замедление Telegram // Независимая газета. 10.02.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-02-10/1_9434_telegram.html (дата обращения: 10.09.2026).

21. Кадочникова С.А., Королева М.Н., Крючкова Е.М., Юткина Ю.Е. Содержательные модели новостных телеграм-каналов: тематика, источники и форматы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 4. С. 50 – 77. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.4.2025.5077. URL: https:// cyberleninka.ru/ article/n/soderzhatelnye-modeli-novostnyh-telegram-kanalov-tematika-istochniki-i-formaty (дата обращения: 10.09.2026).

References

1. Lyakhovenko O.I. Telegram Channels in the System of Expert and Political Communication in Modern Russia. Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 114 – 144. DOI: 10.46539/gmd. v4i1.230. URL: https://galacticamedia.com/index.php/gmd/article/view/230 (accessed: 10.09.2026).

2. Konoplev D.E. From Traditional Media to Telegram Channels: The Path of Information Transformation. Znak: Problem Field of Media Education. 2025. No. 3 (57). P. 126 – 138. DOI: 10.47475/2070-0695-2025-57-3-126-138. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-traditsionnyh-smi-k-telegram-kanalam-put-informatsionnoy-transformatsii (accessed: 10.09.2026).

3. Vetrenko I.A., Osmerkina A.D. Information Alternatives and Political Legitimacy: The Phenomenon of Telegram Channels in Russia. Administrative Consulting. 2025. No. 6. P. 121 – 132. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-alternativy-i-politicheskaya-legitimnost-fenomen-telegram-kanalov-v-rossii (accessed: 10.09.2026).

4. Larsky G.A. Telegram Channels as a New Tool for Agenda-Setting. Issues of Media Business. 2025. Vol. 4. No. 2. P. 59 – 70. DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0180. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kanaly-kak-novyy-instrument-formirovaniya-povestki-dnya (accessed: 10.09.2026).

5. Wijermars M. Selling internet control: the framing of the Russian ban of messaging app Telegram. Information, Communication & Society. 2022. Vol. 25. No. 15. P. 2190 – 2206. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1933562.

6. Dylevsky D.E., Ovrutsky A.V. Russian society's trust in various information sources and the high demand for honesty. Bulletin of Philological Sciences. 2026. Vol. 6. No. 6. P. 169 – 174. URL: https://journals.rcsi.science/2782-5329/article/download/424906/690933 (accessed: 10.09.2026).

7. Telegram audience in Russia has grown again: Mediascope data for January-March 2025. PPC World. 05.05.2025. URL: https://ppc.world/news/auditoriya-telegram-v-rossii-snova-vyrosla/ (accessed: 10.09.2026).

8. Mediascope: 49% of the Russian population aged 12+ access Telegram daily (Q1 2024 data). Sostav.ru. 05.05.2024. URL: https://www.sostav.ru/publication/auditoriya-telegram-67586.html (accessed: 10.09.2026).

9. Telegram surpasses YouTube in reach for the first time. RBC. Feb. 6. 2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/02/2025/67a4d0419a7947649c49131e (accessed: 10.09.2026).

10. Telegram becomes the first messenger to reach 100 million users in Russia. Forbes. 14.08.2025. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (accessed: 10.09.2026).

11. Telegram audience grows to a record 105 million monthly users. 3DNews. Dec. 17, 2025. URL: https://3dnews.ru/1134095/auditoriya-telegram-virosla-do-rekordnih-105-millionov-v-mesyats (accessed: 10.09.2026).

12. Information Sources in August 2025: Usage and Trust: Analytical Report. ANO "Levada-Center". 11.09.2025. URL: https://www.levada.ru/2025/09/11/istochniki-informatsii-v-avguste-2025-polzovanie-i-doverie/ (accessed: 10.09.2026).

13. Levada: Television in Russia Remains the Main Source of News (Survey Data from March 18–26, 2026; Sample: 1,618 People; 50 Subjects of the Russian Federation). SOTA. 07.04.2026. URL: https://sotaproject.com/news/111474 (accessed: 10.09.2026).

14. After Being Blocked, Telegram Remains the Primary Information Source for 18% of Citizens. One in Ten Russians Has Started Getting News from Max: Electronic Text. Agentstvo. 18.05.2026. URL: https://www.agents.media/posle-blokirovki-telegram-ostalsya-osnovnym-istochnikom-informatsii-dlya-18-grazhdan-kazhdyj-desyatyj-rossiyanin-stal-uznavat-novosti-iz-max/ (accessed: 10.09.2026).

15. Lavrov I.A., Sokol A.V. Russian Authorities and the Internet: Security vs. Freedom of Speech. Digital Sociology. 2019. Vol. 2. No. 2. P. 12 – 24. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-2-12-24. URL: https:// digitalsociology.guu.ru/jour/article/download/16/17 (accessed: 10.09.2026).

16. VTsIOM: Russians trust television more than news sites and Telegram channels. Zhurnalist. 07.11.2025. URL: https://jrnlst.ru/2025/11/07/157963/ (accessed: 10.09.2026).

17. Lyakhovenko O.I. Telegram channels in the system of expert and political communication in modern Russia. Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 114 – 144. DOI: 10.46539/gmd.v4i1.230. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/telegram-kanaly-v-sisteme-ekspertnoy-i-politicheskoy-kommunikatsii-v-sovremennoy-rossii (accessed: 10.09.2026).

18. Catalog of Telegram channels and chats: "Russia" section. TGStat. URL: https://tgstat.com/ru (accessed: 10.09.2026).

19. Volodenkov S.V. Theorizing Digital Politics in Russian and Foreign Studies: Introducing the Issue. RUDN Journal of Political Science. 2022. Vol. 24. No. 3. P. 339 – 350. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350. URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/download/31843/21028 (accessed: 10.09.2026).

20. Rodin I. Roskomnadzor Confirms Telegram Slowdown. Nezavisimaya Gazeta. 10.02.2026. URL: https://www.ng.ru/politics/2026-02-10/1_9434_telegram.html (accessed: 10.09.2026).

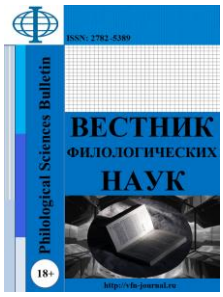
21. Kadochnikova S.A., Koroleva M.N., Kryuchkova E.M., Yutkina Yu.E. Content Models of News Telegram Channels: Topics, Sources, and Formats. Moscow University Bulletin. S. 10. Journalism. 2025. No. 4. P. 50 – 77. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.4.2025.5077. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelnye-modeli-novostnyh-telegram-kanalov-tematika-istochniki-i-formaty (accessed: 10.09.2026).

Информация об авторах

Савинов И.И., *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», savinovwanja@gmail.com*

Баклан В.В., *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», vova.baklan@inbox.ru*

© Савинов И.И., Баклан В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-145
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-273-279

[1] Медведев А.А.

[1] Московский педагогический государственный университет

«Исихия»: опыт филологического анализа венка сонетов Юрия Линника

Аннотация: *данная статья посвящена циклу сонетов «Исихия» известного русского поэта и философа Ю.В. Линника в контексте его сборника стихотворений «Юрьева гора» (2006). Цель исследования – проанализировать идейные доминанты цикла, философский и религиозный подтекст, определив место данного произведения в творческом пути автора. В задачи работы входят анализ содержательной стороны сонета, выявление его композиционного строя и интерпретация богословских тем в содержании текста («синергия», «обожение» и «нетварный свет» и т.д.) в их воплощении с позиции поэтического искусства. Теоретико-методологическая база позволяет проанализировать содержание поэзии с позиции символики, герменевтики и прагматики, которые рационально применяются автором в произведении. Результатом проведенного анализа становится то, что венок сонетов «Исихия» является сложным многокомпонентным произведением, где структура венка используется для передачи Преображения и внутреннего безмолвия. На основании анализа приходим к выводу, что Ю.В. Линник в цикле сонетов органично сочетает православную аскетическую традицию, которая совмещена с современной поэтической культурой, раскрывая микрокосм произведения с позиции модели духовного пространства. Спецификой художественного мира венка сонетов «Исихии» определяется сочетание строгости богословского учения об исихазме и поэтической свободы творчества.*

Ключевые слова: *сонет, венок сонетов, сонетистика, «Исихия», Юрий Линник, философия, интертекстуальные связи, исихазм, богословские учения, синергия, герменевтика*

Для цитирования: Медведев А.А. «Исихия»: опыт филологического анализа венка сонетов Юрия Линника // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 273 – 279. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-273-279

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Medvedev A.A.

[1] Moscow Pedagogical State University

"Isikhia": a philological analysis of Yuri Linnik's sonnet wreath

Abstract: *this article examines the sonnet cycle "Isikhia" by the renowned Russian poet and philosopher Yu.V. Linnik within the context of his poetry collection "Yuryeva Gora" (2006). The study aims to analyze the cycle's dominant themes and its philosophical and religious subtext, thereby determining the work's place in the author's creative trajectory. The study aims to analyze the sonnet's content, identify its compositional structure, and interpret the theological themes present in the text – such as "synergy," "theosis," and "uncreated light" – as they are embodied through the art of poetry. The theoretical and methodological framework enables an analysis of the poetry's content through the lenses of symbolism, hermeneutics, and pragmatics – approaches the author rationally employs within the work. The analysis reveals that the sonnet wreath "Isikhia" is a complex, multi-component work in which the wreath structure serves to convey the Transfiguration and inner stillness. Based on the analysis, we*

conclude that in his sonnet cycle, Yu.V. Linnik organically blends the Orthodox ascetic tradition with contemporary poetic culture, revealing the work's microcosm through the lens of a spiritual space model. The artistic world of the "Isikhia" sonnet wreath is defined by the combination of the rigorous theological doctrine of Hesychasm and poetic creative freedom.

Keywords: *sonnet, sonnet wreath, sonnet studies, "Isikhia", Yuri Linnik, philosophy, intertextual connections, Hesychasm, theological doctrines, synergy, hermeneutics*

For citation: Medvedev A.A. "Isikhia": a philological analysis of Yuri Linnik's sonnet wreath. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 273 – 279. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-273-279

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Творчество Юрия Владимировича Линника представляет собой уникальное явление в русском литературном современном процессе. Поэт, философ, доктор философских наук, профессор Петрозаводского государственного университета, Юрий Линник создал целый комплекс произведений, в которых органично сочетаются духовный поиск, знание стихосложения и православный взгляд на мир. Вместе с тем его поэтическое наследие, которое включает в себя большое количество венков сонетов, до сих пор остается малоизученным [1, 15].

Венок сонетов «Исихия», написанный 21-26 сентября 2006 года, занимает в творчестве поэта особое место [7]. Выбор данного произведения для анализа не случаен. В первую очередь, «Исихия» являет собой пример венка сонетов – сложнейшего жанра, который представлен пятнадцатью стихотворными произведениями (четырнадцати обычных и одного магистрала), которая требует от поэта предельной внимательности к жанру и содержанию, но позволяет воплотить всю глубину философского смысла. Во-вторых, само название произведения позволяет раскрыть символическую основу всего литературного пути Юрия Линника – исихазма, направленного на достижение внутренней тишины и умиротворения [11].

Исихазм (от греч. ἡσυχία – покой, безмолвие) как мистическое течение, возник еще в Византии в XIV веке и был тесно связан с именами Григория Синаита и Григория Паламы. В центре данного течения лежит вера в нетварные (несотворенные стихии) и возможность соединиться с Божественным посредством очищения ума и постоянной молитвы, и поста. Эта идея интересовала русских философов достаточно давно. Так, на рубеже XX столетия интерес возрос к ней благодаря трудам В.Н. Лосского, С.С. Хоружего, прот. Иоанна Мейендорфа и других богословов и философов, которые искали духовные ориентиры в восточном православии [9, 11]. Линник, который, помимо литературного творчества, также знаком с многочисленными философскими течениями, не мог проигнорировать исихазм, потому его сонеты стали своеобразным манифестом, посвященным этому философскому течению.

Венок сонетов в приведенном контексте следует рассматривать не только как литературное произведение, но и как отражение духовного восхождения.

Р.М. Рымарь отмечает, что венок сонетов представляет собой «форму, в которой целое оказывается больше суммы частей»: каждый сонет представляет собой произведение литературы с собственным смыслом. Но только вместе они являются законченным произведением [12, с. 295]. В венке сонетов Линника данная характеристика приобретает дополнительное наполнение – движение от скита до созерцания Бога.

Анализ литературы, вместе с тем, позволяет говорить о недостаточности изучения данного явления. Несмотря на то, что в целом творчество Ю. В. Линника исследовалось в работах Л.А. Сугай, Е.Л. Кудрявцевой, сам венок сонетов «Исихия» не был подвергнут литературоведческому анализу, не рассматривался и с точки зрения философских взглядов автора [5, 13]. Имеющиеся на данный момент работы выполнены в философском ключе, либо рассматривают особенности поэтического творчества с позиции обзора литературного и философского творчества Линника. Настоящее исследование восполняет пробел, анализируя венок сонетов «Исихия» с различных аспектов. Перед читателями представлен цикл как отражение философской, религиозной и литературной позиции автора, его поэтического взгляда на богословское учение.

Материалы и методы исследований

В центре нашего внимания лежит венок сонетов Ю.В. Линника «Исихия», который опубликован в составе сборника «Юрьева гора» [8]. Выбор произведения обусловлен тем, что именно в этом произведении во всей полноте воплотились подходы автора в работе со словом, его предпочтения и философские приоритеты [5, 7, 13].

Для понимания взглядов автора на учение мы используем следующие методы. Первым из них становится структурно-семантический метод, который позволяет сделать вывод о специфике как каждого отдельно взятого сонета, так и всего венка сонетов, установив специфику символики и жанрового наполнения. Особое внимание уделено анализу магистрала как композиционного центра, который определяет содержание всего цикла [12]. Герменевтический метод направлен на исследование и определение сложных аллюзий, которые используются автором в венке сонетов. Речь идет не просто о фиксации богословских терминов (синергия, Преображение, Троица, серафимы), но и раскрытии их в поэтическом контексте произведения. Как отмечает С.С. Хоружий, «исихастская антропология предполагает особый язык описания духовного опыта, который может быть адекватно передан только средствами поэтического или богословского дискурса» [16, с. 78]. Примененный в работе мотивный анализ позволяет отследить появление одинаковых мотивов во всех сонетах и сравнить их развитие в контексте целостного цикла. Особенность данного анализа заключается в том, что каждый отдельно взятый мотив получает принципиально новое наполнение в контексте каждого отдельно взятого произведения [13]. Наконец, интертекстуальный анализ нацелен на исследование того, как точка зрения поэта коррелирует с произведениями предыдущих эпох. В данном случае следует говорить об осуществляемом диалоге с литературно-философскими исканиями рубежа XX века (В. Соловьёв, А. Блок, В. Иванов), а также с каноническими и апокрифическими произведениями православной литературы.

При анализе важно иметь в виду, что Ю.В. Линник опирается на классическую форму сонета, с катренами, построенными на основе перекрестной рифмы (abba abba), а также терцетами, которые имеют чередующуюся рифму (cdc dcd или cde cde), что восходит к каноническому сонету, созданному еще Ф. Петраркой и вошедшему в русскую литературу через подражание классическим произведениям [3].

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволяет выделить несколько доминант внутри венка сонетов. И начать следует с композиции венка сонетов. Она состоит из пятнадцати стихов: четырнадцати сонетов и магистрала, который открывает цикл. Такой подход не является стандартным для классического венка сонетов, так как магистрал обычно завершает всю систему, а его последняя строка повторяется в первом сонете и определяет его [12]. У Ю.В. Линника, напротив, магистрал становится своеобразным эпиграфом, который раскрывает содержание всего текста. Это смещение имеет философский подтекст. Если классический сонет начинает свое восхождение от непонимания к постижению истины, то в философии Ю.В. Линника знание есть уже в начале («Что иночество? Шаг в Преображенье!») [6, с. 68], последующие же сонеты способствуют раскрытию данного понятия, максимально уточняя его.

Магистрал «Что иночество? Шаг в Преображенье!» содержит в себе все составляющие венка сонетов: уединение («малый скит»), преодоление времени («за гранью той, где их движение / Сойдёт на нет»), созерцание света («некий свет неизрекомый»), ангельское присутствие («Заходит ангел в келью») [6, с. 68].

Понятие сотворения мира, синергии и зависимости всего сущего от творца появляется уже в начале повествования («Творец – и тварь: возможно их сближенье – / Синергия связует, единит» [6, с. 68]). Богословский термин становится здесь основой философского и поэтического постижения действительности.

Четырнадцатый, заключительный сонет оканчивается начальной строкой магистрала, закольцовывая композицию «Что иночество? Шаг в Преображенье». При помощи такого цикла подчеркивается, что Преображение не носит линейный характер, так как представляет постоянную работу над собой.

Воплощается подобный подход и в образной системе цикла, которая отличается стройностью и многообразностью. В центре всех сонетов находится мотив света, который варьируется от «неизрекомого света» в конце магистрала до «нетварного света», в который входит монах (сонет 13), или появляющегося в лазурном небе «Божиего лика» (сонеты 13-14). Свет здесь становится не просто метафорой, но вполне понимаемым концептом, который отсылает к учению о Фаворском свете: «Свершён тезис! Тут войти сумели / В нетварный свет – глаза побереги: / Так ярок он!» (сонет 13) [6, с. 75]. Появление физиологической реакции в сонете не случайно («глаза побереги»), при помощи обращения к органам чувств поэт подчеркивает, что переживаемый опыт не онтологичен, а экзистенциален.

Вторым обязательным для всех сонетов мотивом становится тишина (исихия). Она выступает в произведениях не как отсутствие шума, но как особое состояние души, в котором происходит единение с Богом: «Всё звонче тишь. Всё глубже погруженье» (магистрал) и «Молитва. Созерцанье. Замиранье» (сонет 13). Тишина – это то пространство, где утихают все страсти, а мир начинает познаваться не разумом, а сердцем:

Молчанье сердца. Тут не заниженье –
Когда в его живую теплоту
Ум опускаю... Что моё скольженье
По внешним формам? Внутрь сейчас расту –
Вникаю в заповедные глубины! [6, с. 70].

В этих словах воплощается мысль о том, что Бог может быть постигнут только в том состоянии, когда все помыслы будут молчать.

В связи с этим особое значение приобретает мотив преображающейся природы. Так, в 9-м сонете происходит перелом в осмыслении мира:

Что жизнь? Она энергия Твоя,
Мой светлый Бог! Вселенную питая,
Не даст она за грань небытия

Уйти мирам. Былинка ли простая,
Кузнечик ли, чей звон как лития –
Ты в них живёшь, свой план осуществляя,
Намерений высоких, не тая [6, с. 73].

В произведении мир предстает как реальность, которая не может существовать без Бога. Причем грех и тление в этом мире становятся следствием человеческих дел и проявлением людской воли:

Тогда откуда гибельный изьян
Во всём живом? Здесь люди виноваты –
Грех стал причиной ржавчины и цвели [6, с. 73].

Однако финальный аккорд звучит победно: «И всё же этот космос осиян! / Как лебеди, и мы теперь крылаты – / Три серафима вровень пролетели» [6, с. 73]. Появляющийся в магистрале и 9-м сонете образ трех серафимов становится композиционной скрепой, которая подчеркивает полноту божественного откровения лирического героя.

Еще одним мотивом становится мотив горы, который проявляет себя в нескольких сонетах и отсылает к евангельской истории о Преображении Господа на горе Фавор и, как следствие, повтора события в монашеском служении («От Юрьевой горы начав подъём»; «Уводит в небо лестница крутая», сонет 12 [6, с. 74]). Гора становится межпространством, которое объединяет земное и небесное, божественное и человеческое. Ю.В. Линик в хронотопе создает двойственность пространства и времени. С одной стороны, перед читателем возникают вполне узнаваемые топонимы – река Илекса, Юрьева гора, северная тайга. Но это же пространство проходит семантическую трансформацию, становясь сакральным, так как именно через него «плывёт лебяжья стая», а сама Юрьева гора становится местом молитвенного подвига, откуда человек отправляется на встречу с Создателем.

Время, подобно пространству, также имеет двойственную природу – оно существует как историческое, линейное время («этот мир, исполненный раздора»), которое противопоставлено времени литургическому, где «проступает Божий лик». Это выражается в пасхальной символике, появляющейся в 10-м сонете:

Игра мирская нынче не в укор –
Всё о вселенском говорит весельи,
Пасхальный всюду царствует мажор [6, с. 73].

Эти два времени тесно связаны между собой, перетекая одно в другое в момент молитвы, когда «душа выходит к Богу напрямик».

Второй сонет вносит в цикл драматическую ноту, связывая духовный подвиг отдельно взятой личности с судьбой России:

Вначале был основан малый скит.
Но почему святого Диодора
Он не устроил? Как душа болит
За этот мир, исполненный раздора!

Ужели дух евангельский забыт?
И Троица нам больше не опора?
Опять Россию-матушку знобит!
Подобие огромного собора

Хотели мы в отчизне угадать.
Однако распря верх берёт повсюду –
И это так похоже на крушенье

Надежд прекрасных. Мир и благодать
Он призывает, обращаясь к чуду!
Всё звонче тишь. Всё глубже погруженье [6, с. 69].

Впервые в цикле сонетов вводится реальное историческое лицо – святой Диодор Юрьегорский. Вопрос малого скита в сонете раскрывает вопрос служения, когда личный подвиг никак не отражается на судьбе народа и государства. Обнаруживается резкий контраст реального и идеального, говорящий об истории нашей страны, где божественное устремление страны тесно связано с конфликтами и братоубийством. И это дает возможность провести параллель между сонетами Ю.В. Линника и историей философии Серебряного века [16]. Но Линник не замыкается в историческом осмыслении происходящего в России – он предлагает выход из всех проблем. Им становится обращение к чуду, молитве и тишине. Сонет завершается возвращением к состоянию тишины и погружению в собственную душу, которая оценивается как противовес мировой распре.

В 7-м сонете раскрывается центральная богословская тема: «Творец и тварь: возможно их сближенье – / Соединенье разных двух природ, / Энергий небывалое сложенье! / В себе Христа сегодня обретет / Смиренный инок...» [6, с. 72]. Именно в этом тексте раскрывается равно двойственная природа Христа и возможность приближения человека к Богу через молитву и служение. Синергия, которая тесно связывает человека и Божество, воспринимается в равной степени как богословская, так и поэтическая категория, которая объединяет разрозненные мотивы воедино.

Финальные сонеты (12-14) поданы как итог духовного возрождения. В сонете 12 «лестница крутая» уводит в небо, а «сквозной просвет» открывает «радужные высоты» [6, с. 74]. В сонете 13 совершается «тезис» – показывается возможность восхождения в нетварный мир, а в 14-м – Божий лик окончательно показывает себя в лазури, то есть становится доступным для человека.

Для передачи этого мира Ю.В. Линник нередко задействует парадоксы. В результате шум гуляний нередко становится отражением исихии (сонет 10: «Взамен молчанья – шум гуляний, крик. / Но что являлось целью отрешенья? / Вот этот час! Вернулась к нам София» [6, с. 73]). Появление Софии, которая в философии В. Соловьёва и С.Н. Булгакова говорит о Премудрости Божией, подчеркивает важность мировой любви как основы выживания самой России.

Интертекстуальные связи достаточно широки для «Исихии» – обнаруживаются аллюзии не только к литературе Серебряного века, но и традиции церковного богословия. Образ лазури, на фоне которой появляется «Божий лик», отсылает к стихам А.А. Блока, а Фавор и нерукотворный свет – к поэзии Вячеслава Иванова. Свои сонеты Линник целенаправленно вписывает в уже сложившийся культурный код, делая его частью большой русской культурной традиции.

Если говорить о символике чисел, то для цикла большое значение приобретает цифры три и четырнадцать. Четырнадцать сонетов воплощают в себе число остановок на Крестном пути и одновременно говорят о полноте творения. Тройка традиционно воплощает в себе символику Троицы – три серафима, три ипостаси, трехчастная структура каждого сонета. Это создает тексту дополнительную смысловую глубину.

Таким образом, венок сонетов «Исихия» предстает как сложное и многослойное произведение, где каждое композиционное решение, образ и мотив работают на создание образа духовного восхождения.

Выводы

Венок сонетов Ю.В. Линника «Исихия» является художественным текстом, который представляет собой синтез классической поэзии с православным богословием и философией. Автор не просто применяет богословскую теорию («синергия», «обожение», «нетварный свет»), но реализует мистический опыт в контексте сонета. Это выражается, в первую очередь, в композиции. Композиционное решение венка рассмотренного нами венка сонетов имеет философское оправдание и реализован целенаправленно для того, чтобы передать восхождение человека к Богу. Преображение дается как уже свершившийся факт, который нужно осмыслить и пережить заново, в процессе чтения. Венок сонетов приобретает циклическую структуру, чтобы показать постоянное развитие духовного состояния.

Хронотопом произведения становится совмещение реальной картины русского севера и восхождения в Божий мир. Юрьева гора становится аналогией Фавора, а нахождение на ней подобно монашескому служению. Это повествование дополняется историософской составляющей – рассказ о подвиге монаха соотно-

сится с судьбой России и критическим осмыслением современных распрей и крушения надежд. Но выход из этого кризиса реализуется не через активность в общество, а созерцание и молитву, обращение к Богу.

Специфика художественного мира венка сонетов «Исихии» определяется сочетанием строгости богословия и поэтической свободы. Речь идет о рациональном применении архаизмов, высокой лексики и современной поэтической системы, которая создает вневременность повествования.

Список источников

1. Виноградова Н.А. Жанр венка сонетов в русской поэзии конца XX – начала XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). С. 25 – 28.
2. Витлин Ж.Л. Сонет и венок сонетов в русской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
3. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
4. Добротолюбие: в 5 т. / пер. с греч. прп. Паисия Величковского. М.: Паломник, 1995-2000. Т. 1–5.
5. Кудрявцева Е.Л. Онежские берега в поэтическом мире Юрия Линника // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 7. С. 45 – 52.
6. Линник Ю.В. Исихия // Юрьева гора: книга стихов. Петрозаводск: Национальный парк «Водлозерский», 2008. С. 56 – 77.
7. Линник Ю.В. Поэзия как философия: заметки о собственном творчестве // Север. 2015. № 3-4. С. 112 – 121.
8. Линник Ю.В. Юрьева гора: книга стихов. Петрозаводск: Национальный парк «Водлозерский», 2008. 144 с.
9. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: структура стиха. М.: Искусство, 1972. 271 с.
11. Мейендорф И., прот. Жизнь и труды святого Григория Паламы: введение в изучение / пер. с англ. СПб.: Византинороссика, 1997. 480 с.
12. Рымарь Р.М. Сонет и венок сонетов в контексте современной поэтики // Теория литературы: в 4 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 3. С. 289 – 311.
13. Савицкая Т.Н. Философская лирика Ю. Линника: от символизма к исихазму // Северный текст русской литературы. Петрозаводск, 2020. С. 134 – 142.
14. Силантьев И.В. Мотив в системе художественного текста. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 280 с.
15. Сугай Л.А. Поэтический космос Юрия Линника // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2019. № 3. С. 150 – 166.
16. Хоружий С.С. Синергия: проблемы аскетики и мистики Православия. М.: Директ-Медиа, 2015. 460 с.

References

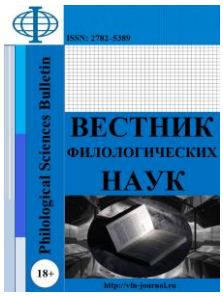
1. Vinogradova N.A. The Genre of the Sonnet Wreath in Russian Poetry of the Late 20th and Early 21st Centuries. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. Tambov: Gramota, 2018. No. 1 (79). P. 25 – 28.
2. Vitlin Zh.L. The Sonnet and the Sonnet Wreath in Russian Poetry: Abstract of a Candidate's Dissertation in Philology. Moscow, 2006. 23 p.
3. Gasparov M.L. Russian Verse of the Early 20th Century with Commentary. Moscow: Fortuna Limited, 2001. 288 p.
4. The Philokalia: in 5 vols. trans. from Greek by St. Paisius Velichkovsky. Moscow: Palomnik, 1995–2000. Vols. 1–5.
5. Kudryavtseva E.L. The Shores of Onega in the Poetic World of Yuri Linnik. Advances in Humanities. 2021. No. 7. P. 45 – 52.
6. Linnik Yu.V. Hesychia. Yuryeva Gora: A Book of Poems. Petrozavodsk: Vodlozersky National Park, 2008. P. 56 – 77.
7. Linnik Yu.V. Poetry as Philosophy: Notes on My Own Work. Sever. 2015. No. 3-4. P. 112 – 121.
8. Linnik Yu.V. Yuryeva Gora: A Book of Poems. Petrozavodsk: Vodlozersky National Park, 2008. 144 p.
9. Lossky V.N. The Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology. Moscow: SEI Center, 1991. 288 p.
10. Lotman Yu.M. Analysis of the Poetic Text: Structure of the Verse. Moscow: Iskusstvo, 1972. 271 p.

11. Meyendorff J. (Archpriest). A Study of Gregory Palamas. trans. from English. St. Petersburg: Vizantino-rossika, 1997. 480 p.
12. Rymar R.M. The Sonnet and the Sonnet Wreath in the Context of Modern Poetics. Theory of Literature: in 4 vols. Moscow: IMLI RAS, 2003. Vol. 3. P. 289 – 311.
13. Savitskaya T.N. The Philosophical Lyric Poetry of Yu. Linnik: From Symbolism to Hesychasm. The Northern Text of Russian Literature. Petrozavodsk, 2020. P. 134 – 142.
14. Silantiev I.V. The Motif in the System of the Literary Text. Novosibirsk: SB RAS Publishing House, 2008. 280 p.
15. Sugay L.A. The Poetic Cosmos of Yuri Linnik. Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology. 2019. No. 3. P. 150 – 166.
16. Khoruzhy S.S. Synergy: Problems of Orthodox Asceticism and Mysticism. Moscow: Direct-Media, 2015. 460 p.

Информация об авторах

Медведев А.А., *кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, г. Москва, Россия, aa.medvedev1@mpgu.su*

© Медведев А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 811.11-112
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-280-286

[1] Смирнов П.С. ***[1] Вятский государственный университет***

Проявление институциональности военного дискурса через лексико-грамматические особенности немецких фронтовых документов

Аннотация: *статья представляет собой исследование немецких фронтовых документов на предмет лексико-грамматических особенностей, позволяющих относить военный дискурс к институциональному типу. В ходе работы были выявлены такие признаки, как повсеместное использование аббревиатур и сокращений, грамматические приёмы как способ передачи иерархических отношений между военными, регулярное обращение к эллиптическим конструкциям. Анализ фронтовых текстов также позволил выделить несколько типов сценариев коммуникации, обусловленных прагматической направленностью и обеспечивающих оперативное управление войсками и взаимодействие с союзными подразделениями. Данные свойства являются внеязыковыми для военной институции. Выявлены уникальные случаи использования прямой речи в документах, кодированных названий операций. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для обучения переводчиков военно-технического профиля, разработки специализированных словарей военной терминологии, а также для историко-лингвистических реконструкций событий военных лет и создания цифровых архивов фронтовых документов.*

Ключевые слова: *военный дискурс, институциональность, немецкий язык, фронтовые документы, лексико-грамматические особенности, аббревиация, эллипсис, военная терминология*

Для цитирования: Смирнов П.С. Проявление институциональности военного дискурса через лексико-грамматические особенности немецких фронтовых документов // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 280 – 286. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-280-286

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Smirnov P.S. ***[1] Vyatka State University***

The manifestation of the institutionality of military discourse through the lexical and grammatical features of German front-line documents

Abstract: *this article examines German frontline documents for lexical and grammatical features that allow us to classify military discourse as institutional. The study identified features such as the widespread use of abbreviations and acronyms, grammatical devices used to convey hierarchical relationships between soldiers, and the regular use of elliptical constructions. The analysis of frontline texts also identified several types of communication scenarios, driven by a pragmatic focus and ensuring operational command and control of troops and interaction with allied units. These properties are extralinguistic for a military institution. Unique instances of direct speech and coded operation names were identified. The practical significance of the study lies in the potential use of the obtained data for training military-technical translators, developing specialized dictionaries of military terminolo-*

gy, as well as for historical and linguistic reconstructions of wartime events and the creation of digital archives of frontline documents.

Keywords: *military discourse, institutionality, German language, frontline documents, lexico-grammatical features, abbreviation, ellipsis, military terminology*

For citation: Smirnov P.S The manifestation of the institutionality of military discourse through the lexical and grammatical features of German front-line documents. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 280 – 286. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-280-286

The article was submitted: July 18, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Понятие “дискурс” представляет собой комплексную единицу, отличающуюся последовательностью предложений, которые связаны логически и семантически [6, с. 71]. Дискурс характеризуется как коммуникативный акт между источником и получателем в определённом пространственно-временном, социальном и иных контекстах. Он содержит в себе сведения об участниках коммуникации и о том, каким образом сообщение порождается и воспринимается [2, с. 124].

Отечественный исследователь В.И. Карасик [6, с. 5] разграничивает дискурс на два типа: личностный и институциональный. Личностный тип характеризуется тем, что говорящий предстаёт как личность во всём многообразии своего собственного внутреннего мира. Свойство институционального же типа дискурса заключается в том, что говорящий выступает как представитель того или иного социального института. Вооружённым силам как социальному институту присущи такие черты как чёткая вертикаль – субординация всех органов военных ведомств – авторитарность, централизация руководства и ответственность должностных лиц. Следовательно, военный дискурс относится именно к институциональному типу. В.И. Карасик также выделяет признаки институциональности: наличие участников, обладание хронотопностью, определёнными ценностями, жанровостью и т.п.

Говоря о жанрах, стоит отметить, что исследователи предлагают различные способы классификации. Так, Г.М. Стрелковский выделяет две основные разновидности: тексты информационного содержания (военно-научные, военно-технические, военно-публицистические) и тексты, регламентирующие деятельность вооружённых сил (отчёты, приказы, распоряжения, донесения, сводки и др.) [8, с. 21]. Характеристики интересующего нас второго типа текстов следующие: упорядоченная структура текста, активное использование терминов и клише.

Таким образом, военный дискурс представляет собой один из наиболее ярких примеров институционального общения, где язык выступает не просто средством передачи информации, а инструментом власти, управления и организации жизнедеятельности социальной группы. Немецкие фронтовые документы периода Великой Отечественной войны, в частности журналы боевых действий, являются ценнейшим материалом для изучения данных особенностей, поскольку они фиксировали события в режиме реального времени с высокой степенью детализации.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, существует потребность в глубоком понимании механизмов функционирования языка в экстремальных условиях войны, где коммуникативная эффективность становится вопросом выживания подразделения. Во-вторых, изучение лексико-грамматической составляющей таких документов даёт возможность воссоздать ход военных действий, а также установить, насколько основательно связаны между собой языковая форма и военная институция. В-третьих, исследование немецких военных документов позволяют расширить данные в области военной истории и языкознания.

Цель исследования – всесторонний анализ лексико-грамматических особенностей немецких фронтовых документов (датируемые 1942 годом). Соответствующий материал был предоставлен Кировской областной поисковой организацией “Долг” и Музейно-выставочным комплексом “Плацдарм” города Кирова.

В соответствии с целью были поставлены следующие *задачи*:

1. Установить характерную для военных документов лексику: терминологию и аббревиатуры.
2. Проанализировать морфологические и синтаксические средства выражения императивности, отчётности и фактографичности.
3. Определить роль сокращений и эллипсиса в организации текста журнала боевых действий.

4. Показать, как языковые средства иерархическую структуру вермахта и взаимодействие с союзными войсками.

5. Выявить прагматические особенности коммуникативных сценариев (приказ, донесение, запрос, информирование).

Объектом исследования выступает язык немецких военных документов периода с 31 мая по 21 июня 1942 года. Предметом исследования являются лексико-грамматические средства реализации институциональности военного дискурса в журнале боевых действий 1-й горнопехотной дивизии вермахта.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили оцифрованные копии архивных документов – страницы машинописного текста на немецком языке, представляющих собой фрагменты журнала боевых действий 1-й горнопехотной дивизии вермахта (*1. Gebirgs-Division*), входившей в состав 11-го армейского корпуса (*XI. Armee-Korps*). Хронологический охват документов составляет период с 31 мая по 21 июня 1942 года, что соответствует летнему этапу кампании на Восточном фронте.

Документы имеют стандартную для журнала боевых действий табличную структуру с двумя колонками: левая колонка фиксирует дату, время и место (Tag, Uhrzeit, Ort und Art der Unterkunft), правая колонка содержит описание событий (Darstellung der Ereignisse). Такая структура сама по себе является институциональным маркером, организующим информацию в строгом хронологическом порядке с точностью до минуты.

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, включающий методы дискурс-анализа, контекстуального анализа, описательного метода и количественного подсчёта языковых единиц. Дискурс-анализ позволил рассмотреть текст в контексте военной институции, выявить прагматические установки авторов записей и коммуникативные сценарии [3, с. 130]. Контекстуальный анализ применялся для интерпретации специфических военных аббревиатур и терминов, многие из которых требуют знания структуры вермахта. Описательный метод использовался для систематизации лексико-грамматических особенностей. Количественный метод позволил определить частотность тех или иных языковых явлений в корпусе документов.

Для обеспечения достоверности переводов и интерпретации терминов использовались специализированные словари военной терминологии немецкого языка периода Второй мировой войны [4].

Результаты и обсуждения

Анализ предоставленных документов позволяет выделить ряд ключевых особенностей, характеризующих язык немецкого военного делопроизводства периода Восточной кампании. Результаты представлены по уровням языковой системы.

1. Лексические особенности и система аббревиации

Одной из наиболее заметных черт анализируемых документов является высокая степень насыщенности текста аббревиатурами и сокращениями. Подсчёт показал, что в среднем на одну страницу журнала приходится от 25 до 40 аббревиатур различных типов. Это явление напрямую связано с институциональной потребностью в экономии времени и места при фиксировании событий, а также с необходимостью быстрой передачи информации в условиях боевой обстановки.

В тексте встречаются сокращения всех основных категорий военных понятий:

а) Обозначения воинских подразделений: *Pz. Abt.* (Panzer-Abteilung – танковый батальон), *1. Geb.Div.* (1. Gebirgs-Division – 1-я горнопехотная дивизия) и др.;

б) Должности и звания: *Div.Kdr.* (Divisions-Kommandeur – командир дивизии), *Ia* (Erster Generalstabsoffizier – первый офицер Генерального штаба, оперативный офицер), *Hptm.* (Hauptmann – капитан) и др.;

в) Виды вооружений и техники: *5 cm Pak* (50-мм противотанковая пушка), *Lkw.* (Lastkraftwagen – грузовик) и др.;

г) Типы документов и коммуникации: *Korpsbefehl* (приказ корпуса), *Meldung* (донесение) и др.

Такая компрессия информации обусловлена спецификой военной сферы деятельности, где в условиях постоянной опасности от быстроты и точности речи зависит жизнь личного состава и успех боевой задачи. Как отмечают исследователи, военный дискурс предполагает краткость, лаконичность и предельную ясность, исключающие двусмысленность и экономящие время в экстремальных ситуациях [1, с. 48]. Аббревиация, сокращения и прочие лексические приёмы порождают особый пласт лексики, которая служит маркером профессиональной компетенции и принадлежности к “своим”. Человек, не владеющий этой системой сокращений, автоматически идентифицируется как “чужой”, что в условиях войны может иметь критические последствия. Это касается не только военного, но и дискурса как такового – каждый социальный институт предполагает наличие лексики для “своих”, “для внутреннего употребления” [10, с. 78].

Также наблюдается активное использование военной терминологии, обозначающей специфические действия: *Ablösung* (смена подразделений), *Sicherung* (охрана/обеспечение), *Erkundung* (разведка), *Eingreifreserve* (подвижный резерв), *Säuberungsaktion* (зачистка/карательная операция).

Термин *Säuberungsaktion* (зачистка) встречается в документах неоднократно, что указывает на систематический характер операций по ликвидации партизанских групп и "зачистке" тыловых районов". Это эвфемистическое обозначение карательных операций характерно для военного дискурса, где прямые наименования действий часто заменяются более нейтральными терминами [5, с. 89].

2. Синтаксические особенности: эллипсис и номинативные конструкции

Синтаксис документов характеризуется стремлением к минимализму. Полные развёрнутые предложения встречаются редко, преимущественно в описательных частях докладов и при передаче прямой речи. Преобладают эллиптические конструкции, где опущены сказуемые или подлежащие, так как они подразумеваются контекстом.

Ярким примером служит запись: "*Antrag an Korps: Eine Beob.Abt. zuzuweisen*" (Заявка в корпус: назначить разведывательный отряд). В данном предложении пропускается подлежащее (подразумевается подразделение, которое подаёт эту заявку, внимание обращено на действие и объект.

Широко употребляются номинативные (назывные) конструкции, которые констатируют факт или указывают время: "*14.00 Uhr Korpsbefehl…*" (14:00 Приказ корпуса…); "*Nacht ruhig verlaufen.*" (Ночь прошла спокойно).

Последний пример хоть и содержит глагол, но само по себе предложение выглядит сжато. Подобная компрессия в синтаксисе указывает на институциональный приоритет сухих фактов, эмоциональный аспект и наличие несущественной информации минимальны.

3. Грамматические особенности: иерархия и действия

Ступени управления войсками выражаются при помощи грамматических средств. Для действий вышестоящего командования широко употребляются глаголы и иные конструкции в страдательном залоге. Это позволяет акцентировать внимание на сам факт приказа, перемещения и т.п.

"*...wird als Eingreifreserve hinter 1. Geb.Div. verlegt.*" (...будет развёрнут в качестве резерва для проведения операций в тылу 1-й горнопехотной дивизии);

"*62. Inf.Div. wird fernmündlicher hiervon in Kenntnis gesetzt.*" (62-ую пехотную дивизию поставят об этом в известность по телефону).

Для действий собственного командования употребляется активный залог. Этот приём указывает на субъектность и власть:

"*Div.Kdr. orienteirt Kdr. Geb.Jäg.Felders.Btl.54…*" (Командир дивизии проводит инструктаж командира 54-го горного полевого запасного батальона).

"*Div.Kdr. entscheidet, dass…*" (Командир дивизии решает, что…)

В двух примерах выше есть определённые слова, указывающие на вертикаль власти: *entscheiden* (решать) и *orientieren* (инструктировать/ориентировать). Примечательно, что сам глагол *orientieren* достаточно многозначен: не только "ориентация в пространстве", но и "проводить инструктаж", "ставить в известность" и др. [11]. В качестве маркера иерархии также встречаются такие слова, как *anweisen* (предписывать), *befehlen* (приказывать) (и производное от него выражение "*Befehl an…*", то есть "Приказ… [кому?]") и др.

4. Прямая речь – нетипичный приём военных документов

Рассматриваемый нами корпус документов содержит в себе употребление прямой речи – для текстов подобного жанра этот феномен не является стандартным. В журналах боевых действий превалирует косвенная речь или безличное повествование.

В записях зафиксирован диалог между командующим корпусом (*Komm.General*) и командиром дивизии (*Div.Kdr.*):

"*Div.Kdr.: 'Ich befürchte nach Eroberung des Brückenkopfes in Ssawinzy allein dazustehen. Wenn ich allein in Ssawinzy bin, muss ich vielleicht den Brückenkopf wieder aufgeben. Linker Nachbar muss folgen.'*"

"*Komm.General: 'Ich weiss nicht, ob linker Flügel nachkommt, ich will aber erreichen, dass Mackensen spätestens bei Tagesanbruch des 2. Tages mit einer Panzer-Div. nördlich Ssawinzy steht.'*"

("Комдив: 'Боюсь, что после захвата плацдарма в Савинцах останусь один. Если я останусь один в Савинцах, мне, возможно, придётся снова оставить плацдарм. Сосед с левого фланга должен последовать за мной'".

"Командующий корпусом: 'Не знаю, последует ли левый фланг, но я хочу убедиться, что Макензен окажется к северу от Савинцев с танковой дивизией не позднее рассвета второго дня'".)

Прямая речь в этом примере имеет существенное значение: командир дивизии опасается быть отрезанным, как только его подразделение захватит плацдарм. Это большой тактический риск. Фиксация этих слов

в официальном документе служит своеобразной “страховкой”: в случае неудачи операции командир сможет сослаться на то, что заблаговременно предупреждал вышестоящее командование о рисках.

Такое заключение исходит из работ И.С. Поповой, где говорится о том, что “к цитированию говорящий прибегает тогда, когда он хочет снять с себя ответственность за сказанное, сославшись на авторитетное мнение” [6, с. 67]. Из этого следует, что в рамках военного дискурса прямая речь помогает письменно зафиксировать распределение ответственности, указать на позицию автора высказывания и обезопасить его от нежелательных последствий.

5. Хронотоп военного документа

Неотъемлемой частью структуры документа является отдельная графа для фиксации времени, она располагается по левую сторону листа. Отмечаются не только часы, но и минуты (*14.05, 14.35, 20.55* и т.д.). Время воспринимается военной институцией как ресурс, который нужно держать на постоянном контроле. В документах также можно увидеть обозначения временных промежутков (*21.34-21.40 Uhr*). Это указывает на ценность координации во времени, особенно в боевых условиях.

В отношении обозначения пространства употребляются топонимы (*Gusarowka, Melowaja, Ssawinzy, Tschepel*). Местностям, не являющимися населёнными пунктами, присваивается числовое обозначение, которое способствует точному и однозначному определению местоположения – (*156,2*; *159,6*; *169,5*; *179,6*), не прибегая к подробному и громоздкому описанию.

Описание встречается при помощи предлогов, указывающих на направление и местонахождение – *vor* (перед), *in* (в), *aus* (из/от) и др. Также широко употребляются наречия, производные от сторон света: *nördlich, südlich, westlich, östlich*. Например, “*nördlich des Donez*” – севернее Донца.

Примечательны также и особые наименования мест и операций: “*Rote Haus*” (Красный дом) – здание в Чепеле, оборудованное под казармы, “*Fredericus II*” – засекреченное название военной операции. Употребление кодовых названий обусловлено соображениями безопасности и способствует облегчению коммуникации.

6. Прагматика сценариев коммуникации

В военных документах обнаруживаются несколько сценариев коммуникации.

Одни представляют собой передачу приказа сверху вниз, другие – передачу отчёта снизу наверх. Каждый сценарий имеет свои слова-маркеры.

Сценарий “Приказ” характеризуется словами: *Korpsbefehl* (приказ корпуса), *Auftrag* (задача), *Befehl an…* (приказ), *Weisung* (распоряжение).

“*Korpsbefehl über Abmarsch der Pz.Abt.Montfort.*” (Приказ корпуса о выступлении танкового батальона Монфора).

Сценарий “Донесение” маркируется словами *Meldung* (донесение), *Anruf* (вызов по связи), *Funkspruch* (радиограмма), *Fernspruch* (телефонограмма).

“*Meldung Major Wolfmeyer über eintreffen in Jwanowka.*” (Донесение майора Вольфмейера о прибытии в Ивановку).

В сценарии “Запрос” обычно обнаруживаются маркеры *Anfrage* (запрос), *Antrag* (заявка).

“*Antrag an Korps: Eine Beob.Abt. zuzuweisen.*” (Заявка в корпус: назначить разведывательный отряд).

В сценарии “Информирование” наблюдается употребление *Information* (информирование), *Orientierung* (сводка), *Mitteilung* (сообщение).

“*Korps orientiert: ‘Fridericus II’ voraussichtlich 20.6. durch 1. Rum.Div.*” (Корпус доводит до сведения: “Фридерикус II” ожидается 20.6 силами 1-й румынской дивизии).

Подобный диапазон сценариев говорит о том, что документооборот в военной институции является сложной системой. Каждый сценарий обладает своей языковой формой и несёт в себе определённое прагматическое назначение.

7. Взаимодействие с союзными войсками

В рассматриваемом материале нередко фигурируют румынские подразделения (*rum. Rgt.85, 1. Rum.Div., rum. Art.Rgt. 1*). Это показывает настоящую обстановку на фронте, в которой вермахт принимал участие в боях вместе с войсками союзников.

“*Besprechung des Div.Kdr. mit Rgt.Kdren. Gegenstand: Durch unterstelltes rum.I.R.85 gegebene Ablösungmöglichkeiten.*” (Совещание командира дивизии с командирами полков. Тема: возможности смены позиций, вверяемые подчинённым 85-ым румынским пехотным полком).

Как мы видим, употребляется идентичная по своей сути система аббревиатур и терминов, что и для немецких подразделений. Это значит, что документооборот достаточно стандартизирован. Но стоит заметить, что союзников выделяют в тексте не просто так: это идентификация статуса их войск как именно союзных, а не входящих в состав вермахта.

8. Статистические данные и достоверность

Превалирование в документах значительных количественных данных подтверждает важность достоверной информации:

а) Потери: "*Tagesverluste: 1 Offz. verw., 4 Uffz. u. 12 Mann gefallen/vermisst.*" (Потери за сутки: 1 офицер ранен, 4 унтер-офицера и 12 солдат убиты/пропали без вести);

б) Численность: "*Ist-Stärke der Division: 8.450 Mann (davon 6.120 Gefechtstruppe).*" (Фактическая численность дивизии: 8450 человек (из них 6120 – боевой состав);

в) Техника: "*Zufuhr: 3 Lkw mit 2cm-Munition, 2 Pkw für Div.Stab., 1 Kradsch. für Meldendienst.*" (Подвезли: 3 грузовика с боеприпасами для 20-мм орудий, 2 легковые машины для штаба дивизии, 1 мотоцикл для службы связи);

г) Расстояния: "*Feindliche MG-Stellung in 800 m Entfernung vor Abschnitt Bayrak.*" (Вражеская пулемётная позиция на расстоянии 800 м перед участком Байрак");

д) Время: "*Artillerievorbereitung beginnt um 5.30 Uhr, Dauer: 25 Minuten.*" (Артиллерийская подготовка начинается в 5:30, продолжительность: 25 минут").

Фиксация точного времени, цифр, измерений носит институциональный характер, так как предположительная или приблизительная информация может повлечь за собой ошибочное решение.

Выводы

Благодаря анализу страниц немецких фронтовых документов, мы можем выделить следующее:

1. Язык военных документов вермахта является упорядоченной подсистемой немецкого языка, которая находит своё применение в вооружённых силах как института. Данная подсистема обладает высокой степенью стандартизации на каждом языковом уровне.
2. С точки зрения лексики ключевой особенностью является обилие употребления аббревиатур и терминов. Благодаря этому достигается компактность текста и высокая скорость передачи информации. Применение аббревиатур достаточно обширно: от подразделений и должностей до типов вооружения и техники.
3. В синтаксическом аспекте превалирует эллипсис, номинативные конструкции и страдательный залог. Эти черты придают военным процессам обезличенность и акцент на фактах, а не на исполнителях.
4. Иерархическая составляющая выражается при помощи грамматической категории залога: активный тип – командованием при принятии решений, пассивный тип – подчинёнными при донесении.
5. Хронотоп как признак институциональности военного дискурса: левая колонка документа содержит в себе дату, время и место, правая – изложение текущей обстановки. Определение времени с точностью до минуты и употребление точных географических координат гарантирует эффективное управление войсками.
6. Обнаружены моменты, в которых военные при ведении документации прибегают к прямой речи. Это говорит о важности точности высказывания. В исследованном нами фрагменте этот приём используется для "подстраховки" в случае неблагоприятного исхода. Фронтовые документы имеют 4 сценария коммуникации: информирование, приказ, запрос, отчёт. Для различения одного от другого используются слова-маркеры.
7. Упоминание союзных войск сопровождается отдельными обозначениями, подтверждающие их статус как отдельных, не входящих в состав вермахта соединений.

Подводя итог, лексико-грамматические особенности фронтовых документов играют роль слаженного механизма в координации военных соединений и поддержании иерархии. Язык военного дискурса принимает свою особую форму в условиях боевых действий. Эта форма обсуловлена такими параметрами, как контроль над временем, точность информации, однозначное распределение ответственности, превалирование фактических данных для выработки оптимальных стратегий и распоряжений.

Полученные результаты можно направить на обучение переводчиков в военно-технической сфере, составление словарей немецких военных терминов, языковые и лингвистические реконструкции периода Великой Отечественной войны, формирование цифровых архивов военных документов, использовать как базу для дальнейшего изучения военного дискурса, например, для сравнения дискурса армий других государств, а также в тех или иных временных промежутках.

Список источников

1. Гарбовский Н.К. Война и коммуникация в военной сфере деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 2. С. 42 – 75.
2. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Москва: Изд-во МГУ. 2001. С. 116 – 133.

3. Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128 – 143.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград. 2000. С. 5 – 20
5. Максимова В.В. Эвфемизмы и Нюрнбергский процесс: «лингвистическая лазейка» для военных преступников // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (55). С. 89 – 92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-i-nyurnbergskiy-protsess-lingvisticheskaya-lazeyka-dlya-voennyh-prestupnikov (дата обращения: 02.04.2026).
6. Попова И.С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопорождаемой речи // Вестник ИГЛУ. 2009. № 3 (7). С. 65 – 69 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-rech-i-tsitirovanie-kak-sposoby-peredachi-chuzhogo-slova-v-ustnoporozhdaemoy-rechi (дата обращения: 03.04.2026).
7. Сдобнова Ю.Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 218 с.
8. Стрелковский Г.М. Теория и практика военного перевода: немецкий язык. Москва: Воениздат, 1979. 272 с.
9. Таубе А.М. Военный немецко-русский словарь: около 35 000 слов и выражений из основных областей военного дела, около 6 000 сокращений, применяемых в военной литературе. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1945. 612 с.
10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2019. 326 с.
11. Orientieren // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: https://www.dwds.de/wb/orientieren (дата обращения: 03.04.2026).

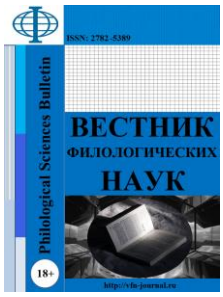
References

1. Garbovsky N.K. War and Communication in the Military Sphere of Activity. Moscow University Bulletin. Series 22. Theory of Translation. 2020. No. 2. P. 42 – 75.
2. Demyankov V.Z. Interpretation of Political Discourse in the Media. Media Language as an Object of Interdisciplinary Research. Moscow: Moscow State University Press. 2001. P. 116 – 133.
3. Irkhin Yu.V. Discourse Analysis: Essence, Approaches, Methodology, and Design. Social and Humanitarian Knowledge. 2014. No. 4. P. 128 – 143.
4. Karasik V.I. On Types of Discourse. Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse: Collection of Scientific Papers. Volgograd. 2000. P. 5 – 20.
5. Maksimova V.V. Euphemisms and the Nuremberg Trials: A "Linguistic Loophole" for War Criminals. Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 3 (55). P. 89 – 92. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-i-nyurnbergskiy-protsess-lingvisticheskaya-lazeyka-dlya-voennyh-prestupnikov (accessed: 02.04.2026).
6. Popova I.S. Direct Speech and Quotation as Methods of Conveying Another's Words in Spoken Discourse. Bulletin of IGLU. 2009. No. 3 (7). P. 65 – 69 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-rech-i-tsitirovanie-kak-sposoby-peredachi-chuzhogo-slova-v-ustnoporozhdaemoy-rechi (accessed: 03.04.2026).
7. Sdobnova Yu.N. Linguistic Representation of Modern Social Trends in the Institutional Discourse of the French Armed Forces: Cand. Sc. (Philology) Dissertation. Moscow, 2014. 218 p.
8. Strelkovsky G.M. Theory and Practice of Military Translation: German Language. Moscow: Voenizdat, 1979. 272 p.
9. Taube A.M. Military German-Russian Dictionary: approx. 35,000 words and expressions from key areas of military affairs, approx. 6,000 abbreviations used in military literature. 5th ed., revised and expanded. Moscow: OGIZ: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1945. 612 p.
10. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnozis, 2019. 326 p.
11. Orientieren. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Ed. by the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities. URL: https://www.dwds.de/wb/orientieren (accessed: 03.04.2026).

Информация об авторах

Смирнов П.С., *Вятский государственный университет, pasmir39@gmail.com*

© Смирнов П.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
https://vfn-journal.ru
2026, Том 6, № 10 / 2026, Vol. 6, Iss. 10 https://vfn-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (немецкий язык) (филологические науки)
УДК 811.112.2'367.622
DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-287-292

[1] Хадзиева М.М., [1] Хадзиева Л.М., [1] Льянова А.М. ***[1] Институт иностранных языков и регионоведения Ингушского государственного университета***

Функционирование модальных глаголов и частиц как эмоционально-экспрессивных средств в немецкой разговорной речи

Аннотация: *в статье рассматриваются модальные глаголы и модальные частицы как эмоционально-экспрессивные средства разговорной речи современного немецкого языка. Цель данной работы – выявить и описать функционально-семантические особенности указанных средств разговорного немецкого языка. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить статус модальных глаголов и частиц в системе эмоционально-экспрессивных средств немецкого языка; 2) описать их основные функции в разговорной речи; 3) проанализировать особенности их взаимодействия в различных коммуникативных типах высказываний.*

В работе анализируются функциональные и семантические особенности рассматриваемых языковых единиц, их роль в выражении субъективной модальности, эмоционально-оценочных значений и коммуникативных интенций говорящего. На материале аутентичных образцов разговорной речи демонстрируется, что модальные глаголы и частицы образуют систему средств, позволяющих говорящему гибко модулировать иллокутивную силу высказывания, выражать отношение к пропозициональному содержанию и управлять перлокутивным эффектом. Особое внимание уделяется проблеме разграничения модальных глаголов и модальных частиц, а также их функционированию в различных коммуникативных типах высказываний. Делается вывод о том, что данные языковые средства являются непериферийным, а центральным элементом эмоционально-экспрессивного синтаксиса немецкой разговорной речи, без которых невозможно адекватное понимание коммуникативных интенций носителей языка.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике преподавания немецкого языка как иностранного в средних и высших учебных заведениях.

Ключевые слова: *модальные глаголы, модальные частицы, разговорная речь, экспрессивность, субъективная модальность, немецкий язык, коммуникативная интенция*

Для цитирования: Хадзиева М.М., Хадзиева Л.М., Льянова А.М. Функционирование модальных глаголов и частиц как эмоционально-экспрессивных средств в немецкой разговорной речи // Вестник филологических наук. 2026. Том 6. № 10. С. 287 – 292. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-287-292

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2026 г.; Принята к публикации: 20 сентября 2026 г.

[1] Khadzieva M.M., [1] Khadzieva L.M., [1] Lyanova A.M. ***[1] Institute of Foreign Languages and Regional Studies Ingush State University***

The functioning of modal verbs and particles as emotional and expressive means in German colloquial speech

Abstract: *the article examines modal verbs and modal particles as emotional and expressive means of colloquial speech in modern German. The aim of this work is to identify and describe the functional and semantic features of these means in colloquial German. Achieving this aim involves solving the following tasks: 1) to determine the status of modal verbs and particles within the system of emotional and expressive means of the German language; 2) to describe their main functions in colloquial speech; 3) to analyze the features of their interaction in various communicative types of statements.*

The paper analyzes the functional and semantic features of the linguistic units under consideration, their role in expressing subjective modality, emotional and evaluative meanings, and the speaker's communicative intentions. Using authentic examples of spoken language, it demonstrates that modal verbs and particles form a system of means that allow the speaker to flexibly modulate the illocutionary force of an utterance, express an attitude towards the propositional content, and control the perlocutionary effect. Special attention is paid to the problem of distinguishing between modal verbs and modal particles, as well as to their functioning in various communicative types of utterances. It is concluded that these linguistic means are not peripheral but central elements of the emotional-expressive syntax of German colloquial speech, without which an adequate understanding of the communicative intentions of native speakers is impossible.

The results of the study can be used in the practice of teaching German as a foreign language in secondary and higher educational institutions.

Keywords: *modal verbs, modal particles, colloquial speech, expressiveness, subjective modality, German language, communicative intention*

For citation: Khadzieva M.M., Khadzieva L.M., Lyanova A.M. The functioning of modal verbs and particles as emotional and expressive means in German colloquial speech. Philological Sciences Bulletin. 2026. 6 (10). P. 287 – 292. DOI: 10.62257/2782-5329-2026-6-10-287-292

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: September 20, 2026.

Введение

Современные лингвистические исследования все больше внимания уделяют изучению устной формы существования языка, которая, как известно, является первичной по отношению к письменной. Именно в разговорной речи находят свое отражение языковые явления, которые обеспечивают живое, непосредственное общение, передачу эмоций, оценок и субъективных отношений говорящего к сообщаемому. Среди многообразия средств, обслуживающих эту коммуникативную сферу, в немецком языке особое место занимают модальные глаголы и модальные частицы, которые, «как типичный феномен немецкой устной речи», вносят весомый вклад в идиоматичность и естественность разговорного языка [12]. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена необходимостью системного описания эмоционально-экспрессивного потенциала данных языковых единиц в их взаимодействии, а также недостаточной разработанностью вопроса об их коммуникативных функциях в современной немецкой разговорной речи.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили аутентичные образцы немецкой разговорной речи, представленные в устных диалогах.

В работе применяются следующие методы исследования: метод сплошной выборки лексических единиц, метод сравнения, метод анализа и описания модальных единиц как экспрессивных средств разговорной речи немецкого языка, метод обобщения полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Для выражения эмоциональности и экспрессивности в немецком языке используются разноуровневые лексические единицы, которые делают речь более яркой и выразительной и играют важную роль в передаче

чувств и оттенков настроений коммуникантов. Авторы, использующие эти элементы в живых диалогах, создают определенное эмоциональное настроение, усиливающее восприятие произведения читателями [1]. В немецком языке к таким эмоционально-экспрессивным единицам можно отнести модальные глаголы и частицы.

Вопрос о разграничении модальных глаголов и модальных частиц остается одним из дискуссионных в германистике. Если модальные глаголы (*können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen*) как класс достаточно четко определяются по формально-грамматическим и семантическим критериям, то модальные частицы (*denn, ja, doch, halt, eben, eigentlich, wohl* и др.) представляют собой менее однородный класс, границы которого устанавливаются неодинаково в разных лингвистических концепциях. Исследователи, которые занимаются изучением немецких модальных частиц, до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе квалификации данной категории слов [2]. Как отмечает С. Мюллер, модальные частицы являются типичными для немецкого языка, это малозаметные слова, часто односложные и, как правило, безударные, однако в коммуникации они обладают значительным воздействием и немыслимы вне устной речи [10]. Сходную характеристику дает Д. Зильберштайн, указывая, что модальные частицы, рассматривавшиеся ранее как периферийное явление, в современной лингвистике признаются центральным элементом немецкой повседневной речи, без которого невозможно идиоматическое выражение [12]. Данные наблюдения подтверждаются и корпусными исследованиями: в спонтанной разговорной речи модальные частицы встречаются с высокой частотностью, что делает их неотъемлемым компонентом естественного устно-разговорного дискурса [7, 11].

Важно подчеркнуть, что модальные глаголы и частицы, несмотря на формальные различия, объединяются функционально: и те, и другие служат для выражения субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания, его оценки, эмоционального состояния или коммуникативной установки. Если модальные глаголы в разговорной речи часто используются для выражения предположения, неуверенности, долженствования или возможности с прагматическим оттенком (например, смягчение категоричности), то модальные частицы, по определению, не изменяют пропозициональное содержание, но модифицируют иллокутивную силу высказывания, внося нюансы удивления, упрека, разочарования, уступки и т.д. [2]. Рассмотрим это утверждение на конкретных примерах: *Könntest du mir vielleicht kurz helfen?* – «Не мог бы ты мне, возможно, ненадолго помочь?» (смягчение просьбы (вежливость): использование конъюнктива *könntest* вместо индикатива *kannst* превращает прямое требование в осторожный запрос); *Er muss doch nicht extra fahren, oder?* – «Ему ведь необязательно специально ехать, правда?» (предположение с долей сомнения: глагол *müssen* в отрицании с частицей *doch* (которая здесь выполняет апеллятивную функцию) выражает не объективный запрет, а предположение говорящего о том, что действие избыточно); *Das könnte schon stimmen, was sie sagt.* – «То, что она говорит, вполне могло бы быть правдой» (гипотетическая возможность: конъюнктив *könnte* здесь служит маркером эпистемической модальности. Говорящий не утверждает истину, а мягко сигнализирует о своей неуверенности).

Иллокутивный потенциал модальных частиц демонстрируют следующие примеры: без частицы: *Das ist schön*. – «Это красиво/хорошо»; с частицей: *Das ist* ***ja*** *schön!* (частица *ja* вносит иллокутивный сдвиг: говорящий выражает спонтанное удивление и эмоциональную вовлеченность); без частицы: *Du kommst zu spät*. – «Ты приходишь слишком поздно»; с частицей: *Du kommst* ***aber*** *zu spät!* (частица ***aber*** переводит нейтральную констатацию в разряд упрека или подчеркнутого недовольства); без частицы: *Das ist so.* – «Это так / Это таково»; с частицей: *Das ist* ***halt*** *so*. (частица ***halt*** придает высказыванию оттенок фаталистичной уступки или отсутствия альтернативы)

В разговорной речи модальные глаголы демонстрируют также ряд других особенностей, отличающих их от употребления в письменных или официальных стилях. Прежде всего, это касается частотности определенных модальных глаголов и их значений. Так, глаголы *können* и *müssen* значительно преобладают над *dürfen* или *sollen*, что объясняется прагматической направленностью разговорного общения на выражение возможности/невозможности и необходимости/отсутствия необходимости совершения действия. Вопросительные конструкции с модальными глаголами получают особую прагматическую нагрузку. Вопрос *Kannst du mir sagen...?* звучит значительно мягче и вежливее по сравнению с прямым повелительным наклонением, а конструкция с *könnte* добавляет дополнительный оттенок неуверенности или тактичности.

Особую группу составляют случаи, когда модальный глагол употребляется в функции самостоятельного сказуемого при эллипсисе смыслового глагола, что является характерной чертой разговорной речи: *Ich muss jetzt los. Kannst du mir helfen? – Ja,* ***kann*** *ich*. В данном случае модальный глагол берет на себя всю предикативную нагрузку, при этом его семантика может конкретизироваться из контекста.

Одной из важнейших функций модальных глаголов в разговорной речи является выражение так называемой «коммуникативной модальности», когда выбор того или иного модального глагола обусловлен не столько объективными характеристиками ситуации, сколько коммуникативной стратегией говорящего: желанием смягчить утверждение, выразить сомнение, избежать категоричности или, напротив, подчеркнуть настойчивость: *Ihre Berechnung* ***ist*** *nicht ganz korrekt.* – «Ваш расчет не совсем корректен» (констатация факта, категорично) – *Ihre Berechnung* ***könnte*** *nicht ganz korrekt sein. – «Ваш расчет* ***мог бы быть*** *не совсем корректен»* (смягчение); *Er* ***muss*** *im Stau stecken geblieben sein, denn sonst wäre er schon hier.* – «Он, **должно быть**, застрял в пробке, иначе он был бы уже здесь» (выражение сомнения); *Du* ***sollst*** *jetzt bitte hereinkommen, die Besprechung beginnt gleich.* – «Ты **должен** сейчас зайти, совещание вот-вот начнется» (настойчивость).

Как отмечено выше, маркерами эмоционального состояния и коммуникативных интенций являются не только модальные глаголы, но и модальные частицы. Модальные частицы, область применения которых практически ограничивается устной разговорной речью, выполняют ряд взаимосвязанных функций. Прежде всего, они служат для выражения отношения говорящего к содержанию высказывания – удивления, разочарования, недовольства, уступки, облегчения. В зависимости от контекста одна и та же частица может реализовывать различные оттенки значений. Так, частица *ja* в высказывании *Das ist* ***ja*** *schön* выражает удивление, а в предложении *Das war* ***ja*** *klar* – констатацию очевидности и само собой разумеющегося [4].

Другой существенной функцией модальных частиц является управление коммуникативными ожиданиями собеседника. Считается, что модальные частицы могут выражать как общеизвестное фоновое знание участников разговора, так и сигнализировать о несовпадении ожиданий [6]. Частицы *ja* и *doch* в ряде случаев указывают на то, что говорящий считает сообщаемую информацию известной собеседнику или очевидной для него. Частица *denn*, напротив, вводит оттенок заинтересованности и неосведомленности с оттенком удивления: *Was machst du* ***denn*** *hier?* – «Что это ты здесь делаешь?». Частица *vielleicht* в некоторых контекстах не выражает предположения, а служит для усиления экспрессии: *Das war* ***vielleicht*** *eine Aufregung!* – «Ну и переполох же был!» [4].

Особого внимания заслуживает вопрос о сочетаемости модальных частиц. Исследования показывают, что комбинации двух и более частиц встречаются в разговорной речи, но не с той частотой, как можно было бы предположить [11]. В таких случаях возникают сложные смысловые нюансы, требующие учета интонационного контекста и общего фона коммуникации: сочетание *ja* + *auch* выражает значение категоричного смягчения: *Das ist* ***ja auch*** *schön, aber wir haben keine Zeit mehr.* – «Это, **конечно же**, **действительно** прекрасно, но у нас больше нет времени»; сочетание *denn* + *wohl* передает скептическое принятие: *«Hat sie* ***denn wohl*** *absichtlich geschwiegen?* **–** «Неужели же она, **по всей вероятности**, намеренно промолчала?»; сочетание: *aber* + *auch* обладает значением подчеркнутой настойчивости: *Du bist* ***aber auch*** *ein wahrer Freund!* **–** «Ну ты и **действительно** настоящий друг!».

Определенный интерес представляет совместное функционирование и взаимодействие модальных глаголов и частиц в структуре одного высказывания. Такое взаимодействие позволяет говорящему одновременно выражать объективную модальность (возможность/необходимость) и субъективное отношение к ней. Например, конструкция *Das* ***kann ja wohl*** *nicht wahr sein!* содержит модальный глагол *können* (выражающий предположительность с оттенком сомнения) и частицы *ja* и *wohl*, усиливающие эмоциональное неприятие говорящим сообщаемого факта. Частица *wohl* в сочетании с модальным глаголом может указывать на предположительность: *Er wird* ***wohl*** *schon gekommen sein*, при этом в разговорной речи *wohl* может заменяться на *ja wohl* или другие эквиваленты.

Анализ аутентичных диалогов показывает, что комбинация модальных глаголов и частиц является маркером высокой степени эмоциональной вовлеченности говорящего и его заинтересованности в определенном перлокутивном эффекте. Отсутствие частиц при модальном глаголе, напротив, придает высказыванию более нейтральный, официальный или отстраненный характер, что подтверждает их экспрессивную функцию.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что модальные глаголы и модальные частицы образуют в разговорной речи современного немецкого языка взаимодополняющую систему экспрессивных средств, обслуживающих различные аспекты субъективной модальности. Если модальные глаголы обеспечивают выражение объективной возможности / необходимости с прагматическими модификациями, то модальные частицы служат для передачи эмоционально-оценочных нюансов и управления коммуникативными ожиданиями собеседников. Их совместное функционирование в структуре высказывания создает сложную и гибкую систему, позволяющую говорящему точно передавать свои интенции и воздействовать на

слушающего. Примечательно, что именно эти средства придают немецкой разговорной речи идиоматичеость; их отсутствие делает высказывания неестественными, что представляет значительную трудность для изучающих немецкий язык как иностранный. Перспективными направлениями дальнейшего исследования представляются корпусный анализ модальных глаголов и частиц в различных коммуникативных ситуациях, а также изучение их взаимосвязи с иными средствами выражения эмоциональности и экспрессивности.

Список источников

1. Копьёва П.А., Макарова Е.А. Средства выражения эмоциональности в немецком языке // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. 2025. № 1 (7). С. 94 – 100.
2. Ошанова Е.С. Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3 (87). С. 805 – 813.
3. Duden. Die Grammatik. Mannheim: Dudenverlag, 2009. 1344 с.
4. Finkbeiner R., Schmitz S. Zur Stellung von Modalpartikeln in der gesprochenen Sprache // Deutsche Sprache. 2016. Vol. 44. No. 2. C. 1 – 15.
5. Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig: Langenscheidt, 1994. 268 с.
6. Imo W. Modalpartikeln in der gesprochenen Sprache // Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. 2013. No. 14. C. 185 – 214.
7. Lehmann K. „Das kann ja jeder sagen“: Neue Einsichten und Ansätze zur Vermittlung der Modalpartikeln im DaF-Unterricht // Linguistische Treffen in Wrocław. 2022. Vol. 21. C. 5 – 8.
8. Meibauer J. Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung: Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer, 1994. 278 с.
9. Modalpartikeln – Erklärungen, Beispiele, Tipps // DeutschAkademie. URL: https://www.deutschakademie.de/online-deutschkurs/deutsche-grammatik/wortarten/partikel/modal/ (дата обращения: 19.08.2026).
10. Müller S. Modalpartikeln. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 100 с.
11. Schäfer D. Die Verwendung von Modalpartikeln in Gesprächen – korpusbedingte Unterschiede, häufige Muster und didaktische Zugänge // Info DaF. 2021. Vol. 48. No. 6. C. 1 – 12.
12. Silberstein D. Die Vermittlung von Modalpartikeln // Posterpräsentation. Universität Marburg. 2018. C. 1 – 2.

References

1. Kopyova P.A., Makarova E.A. Means of expressing emotionality in the German language. Scholarly Notes of Shadrinsk State Pedagogical University. 2025. No. 1 (7). P. 94 – 100.
2. Oshanova E.S. Functional characteristics of modal markers in German, Russian, and Udmurt. Bulletin of Kemerovo State University. 2021. Vol. 23. No. 3 (87). P. 805 – 813.
3. Duden. Die Grammatik. Mannheim: Dudenverlag, 2009. 1344 p.
4. Finkbeiner R., Schmitz S. Zur Stellung von Modalpartikeln in der gesprochenen Sprache. Deutsche Sprache. 2016. Vol. 44. No. 2. P. 1 – 15.
5. Helbig G. Lexikon deutscher Partikeln. Leipzig: Langenscheidt, 1994. 268 p.
6. Imo W. Modalpartikeln in der gesprochenen Sprache // Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. 2013. No. 14. P. 185 – 214.
7. Lehmann K. „Das kann ja jeder sagen“: Neue Einsichten und Ansätze zur Vermittlung der Modal-partikeln im DaF-Unterricht. Linguistische Treffen in Wrocław. 2022. Vol. 21. P. 5 – 8.
8. Meibauer J. Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung: Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer, 1994. 278 p.
9. Modalpartikeln – Erklärungen, Beispiele, Tipps. DeutschAkademie. URL: https://www.deutschakademie.de/online-deutschkurs/deutsche-grammatik/wortarten/partikel/modal/ (accessed: 19.08.2026).
10. Müller S. Modalpartikeln. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 100 p.
11. Schäfer D. Die Verwendung von Modalpartikeln in Gesprächen – korpusbedingte Unterschiede, häufige Muster und didaktische Zugänge. Info DaF. 2021. Vol. 48. No. 6. P. 1 – 12.
12. Silberstein D. Die Vermittlung von Modalpartikeln. Posterpräsentation. Universität Marburg. 2018. P. 1 – 2.

Информация об авторах

Хадзиева М.М., *Институт иностранных языков и регионоведения Ингушского государственного университета, madina1969@inbox.ru*

Хадзиева Л.М., *Институт иностранных языков и регионоведения Ингушского государственного университета*

Льянова А.М., *доцент, Институт иностранных языков и регионоведения Ингушского государственного университета*

© Хадзиева М.М., Хадзиева Л.М., Льянова А.М., 2026